

ИСКУССТВО ВЛАСТИ

А Л Е Т Е Й Я

Библиотека
medii
ÆVI

Библиотека
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

Редколлегия серии «Библиотека Средних веков»:

*член-корреспондент РАН С. П. Карпов (председатель),
Н. И. Басовская, О. И. Варьяш, Л. И. Киселева, Г. Е. Лебедева,
В. Н. Малов, А. А. Сванидзе, П. Ю. Уваров, В. И. Уколова,
Н. А. Хачатурян, В. А. Якубский*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

В СЕРИИ

ВІБЛІОТЕКА
меді
ævi

БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

вышли в свет:

- Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян
- Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время / Под ред. А. Ю. Прокопьева
- Право в средневековом мире. Вып. 2–3: Сборник статей
- Проблемы социальной истории и культуры Средних веков раннего и Нового времени / Под ред. Г. Лебедевой. Вып. 4
- Проблемы социальной истории и культуры Средних веков раннего и Нового времени / Под ред. Г. Лебедевой. Вып. 5
- Судьбы и образы женщин средневековья. De Mulieribus Illustribus
- *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века
- *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики
- *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв.
- *Карсавин Л. П.* Римская империя, христианство и варвары
- *Лучицкая С. И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов
- *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III — середины XI в.
- *Федоров С. Е.* Раннестюартовская аристократия (1603–1629)
- *Франциска Фуртай.* Записки средневекового масона. Альбом Виллара де Оннекура
- *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике

ИСКУССТВО ВЛАСТИ

Сборник в честь
профессора Н. А. Хачатурян

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2007

УДК 32
ББК 66.0
И86

Ответственный редактор издания
О. В. Дмитриева

Рецензенты:
доктор исторических наук *В. И. Уколова*,
кандидат исторических наук *И. С. Пичугина*

Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. —
И86 СПб. : Алетейя, 2007. — 512 с. — (Серия «Библиотека Средних
веков»).

ISBN 978-5-903354-14-6

В юбилейный сборник в честь профессора МГУ Н. А. Хачатурян, видного специалиста в области политической, социальной и институциональной истории средневековой Франции, вошли работы российских ученых, представляющие различные научные школы и исследовательские центры. Их статьи отражают современный уровень исследований и актуальные подходы к изучению феномена власти в его историческом развитии. В сборнике затрагиваются вопросы специфического символического языка власти, пространства ритуала, формируемого ею, образам власти и способам ее репрезентации. Ряд статей посвящен трансформации форм власти и способов реализации потестарных отношений в обществе, а также политическим технологиям и реальной политике в конкретно-исторических обстоятельствах.

Сборник предназначается историкам, искусствоведам, культурологам и всем интересующимся историей политической культуры Средневековья и Раннего Нового времени.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-903354-14-6

9 785903 354146

© Коллектив авторов, 2007
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007
© «Алетейя. Историческая книга», 2007

С. К. Цатурова

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ХАЧАТУРЯН: ПОРТРЕТ УЧЕНОГО В ЗРЕЛОСТИ

Отдавая дань доброй традиции сообщества ученых — отмечать юбилей коллеги анализом его творческого и жизненного пути, — автор волен представить свой субъективный взгляд. Но эта воля имеет границы — сам объект анализа. Предлагаемое эссе преследует цель показать главным образом эволюцию ученого в контексте развития медиевистики в России. Разумеется, речь не идет о даже предварительном подведении итогов, поскольку Нина Александровна находится в расцвете своих творческих сил и замыслов. У данного очерка есть еще одна особенность: взгляд ученика на учителя; специалиста следующего поколения на работы предшественника.

* * *

Смысл истории в существовании структур,
не в характере декора.

Иосиф Бродский. Путешествие в Стамбул

Старая истина, гласящая, что ученый — это тема, не устаревает и не теряет смысла даже в случае, когда речь идет об ученом, чья научная деятельность начиналась в период жесткой централизованной регламентации науки, поиска в исторических исследованиях особым образом понимаемой «актуальности». С этой точки зрения выбор, сделанный Н. А. Хачатурян в пользу политической истории, был достаточно смелым. Политическая история Средневековья в советское время уступала в «идеологической» и методологической значимости экономической, прежде всего аграрной, и социальной истории. Она понималась в форме международных отношений, но главным образом в контексте классовой борьбы. Достаточно просмотреть периодические обзоры достижений отечественной медиевистики, которые приурочивались к очередным политически «важным» датам, чтобы понять, насколько были сужены рамки и ограничены сюжеты

политической истории¹. Исключение делалось, пожалуй, лишь для истории государства, объяснимое особым положением этой темы в традициях отечественной медиевистики, как и вниманием к ней основоположников марксизма.

Вместе с тем существовавший в отечественной медиевистике традиционный интерес к социально-экономической проблематике, опиравшийся среди прочего на достижения русской дореволюционной исторической науки, чья аграрная школа, напомним, пользовалась международным авторитетом, сообщал особый, во многом новаторский взгляд и на политическую историю. Она ставилась в контекст социальной истории, что придавало ей большую глубину и масштабность, чем принятый в то время в западной историографии институциональный или политико-юридический подход. Интерес к политическому фактору в истории подкрепляло марксистское восприятие его в качестве пусть и вторичного, надстроечного, но важного элемента общественной системы. Благодаря этому в отечественной медиевистике органично возникло направление, которое оказалось созвучно тому, что чуть позднее и на иных путях появилось во французской, а затем и во всей западной медиевистике под влиянием школы «Анналов», хотя она на первых порах отторгала дискредитированную политическую историю, отказавшись даже от достижений предшественников. Однако школа «Анналов» предлагала новое комплексное видение истории, куда органично вошел со временем и политический фактор.

О необходимости учитывать политический фактор в истории средневекового общества не уставал повторять и Е. А. Косминский, настаивая на структурообразующем триединстве: деревня, город, государство. Под влиянием назревшей потребности в исследованиях по политической истории в 1960–1970-е гг. начинают появляться работы по раннесредневековым государственным образованиям, а также по периоду абсолютизма. Вместе с тем государство периода классического Средневековья долгое время оставалось лакуной, хотя именно оно в значительной степени определяло последующую эволюцию этого феномена «большой длительности». Причем именно французский вариант формирования централизованного государства служил во многом эталоном и моделью для всей Западной Европы, что придает изучению этой темы особую значимость. В этой связи появление специалиста по политической истории французской монархии классического Средневековья оказалось более чем кстати.

---

¹ См., например: *Гутнова Е. В. 50 лет советской медиевистики*//СВ. Вып. 30. М., 1967; *Она же. Советская медиевистика за десять лет*//СВ. Вып. 42. М., 1978.

Выпускница кафедры истории Средних веков Московского университета, учителями которой были блестящие отечественные медиевисты Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин, Нина Александровна сумела воплотить лучшие традиции отечественной школы в относительно новой области исследований.

В качестве темы своего первого исследования (кандидатская диссертация, серия статей и монография)¹ Н. А. Хачатурян избирает сословно-представительное учреждение во Франции — Генеральные штаты, причем не в его «звездные часы», а в период наиболее спорный, наименее изученный и, скажем прямо, привлекательный — начальный этап, зарождение института. Нет сомнений, что начальная история многое определяет в дальнейшей судьбе любого явления, а в данном случае она традиционно трактовалась как источник слабости и нежизнеспособности института. Однако появление в любой форме органов сословного представительства само по себе свидетельствует о зрелости общества, без учета мнения которого верховная власть уже больше не в состоянии функционировать. Такой предложенный Н. А. Хачатурян подход к теме — возникновение института сословного представительства в контексте социальной структуры французского общества рубежа XIII–XIV вв. — поставил ее исследование в эпицентр изучения основных проблем общественного развития средневековой Франции, определивших появление сословно-представительного органа, его структуру и дальнейшую эволюцию.

Напомним, что в отечественной медиевистике к этому времени уже был почин — фундаментальная работа Е. В. Гутновой «Возникновение английского парламента», где был предпринят поиск истоков института в особенностях социально-экономического и политического развития английского общества. В этом смысле работа Н. А. Хачатурян написана в том же ключе, однако в этой первой своей большой работе она сумела найти новые ракурсы темы. Прежде всего, поиск истоков учреждения в особенностях социальной организации общества оказался весьма перспективен применительно к зарождению именно французского сословного представительства. Как известно, первые

---

¹ Духовенство и дворянство на Генеральных штатах 1302–1308 // СВ. Вып. XXIX. М., 1966; К вопросу о политической роли горожан в Генеральных Штатах Франции начала XIV в. // Вестник Моск. ун-та. Серия история. 1966. № 3; Социально-политические аспекты истории Франции XII–XIV вв. // Из истории средневековой Европы. М., 1971; Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976; Du rôle restructif des ordres dans les États Généraux de France au début du XIVe siècle // Études présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des assemblées d'états. LII. Varsovie; Louvain, 1975; Organisation et structure sociale des premiers États Généraux en France // Anciens pays et assemblées d'états. L'Album François Dumont. Louvain, 1977.

собрания представителей трех сословий были созваны по инициативе короля, разославшего письма с именными приглашениями светским и церковным магнатам, а также представителям городов. Не оспаривая этого очевидного факта, автор задается простым вопросом: зачем король Франции Филипп Красивый сделал это? Или иначе: мог ли этого не сделать? Таким образом, основной задачей исследования явилось стремление раскрыть и понять причины внешне волевого, подражательного жеста французского короля, вскрыв его внутренние пружины. Это потребовало вдохнуть «воздух эпохи», почувствовать биение ритма жизни страны, разглядеть подспудные конфликты и столкновения интересов различных социальных групп.

В качестве определяющего фактора возникновения сословно-представительного института во Франции автор предлагает главное внимание уделить межсословным и внутрисословным конфликтам, чья острота к началу XIV в. обусловила созыв собрания представителей трех сословий и облегчила превращение короля в верховного арбитра и гаранта общественного мира. Так, прослеживая основные тенденции в положении сословия дворян, автор выделяет то, что вынудило его в итоге поддержать усиление королевской власти, происходившее во многом за счет прав и привилегий самого дворянства. Та же тенденция обнаруживается и в положении духовенства, осложнявшемся совпадением в этот период позиции дворян и городов, совместно ратовавших за сокращение церковной юрисдикции, что побуждало духовенство искать защиты у короля и в перспективе заложило незыблемые основы идеологии галлицизма. Что до союза короны с городами Франции, явившегося общепризнанной опорой процесса централизации и усиления королевской власти, то автор здесь не только детально обосновывает взаимность интереса с обеих сторон, но и обнаруживает четкое понимание самими современниками наличия этого союза, вовсе не изобретенного последующими апологетами «успехов третьего сословия».

Так, автор отвечает на главный вопрос в истории формирования централизованного государства: почему все сословия, чьи интересы в той или иной мере ущемляла растущая королевская власть, поддерживали ее? Именно поэтому не упускается из виду тот факт, что усиление королевской власти было весьма болезненным для общества: в качестве определяющих тенденций показаны превращение короля в верховного судью и «источник законов», рождение королевской администрации, наступление на светскую и церковную юрисдикцию, посягательство на вассально-сеньориальную иерархию, рост налогов, ослабление монеты.

Вместе с тем в отличие от господствовавшей в то время во французской историографии тенденции представлять королевскую власть как

силу, равно противостоящую всем сословиям общества, автор доказывает, что рост королевской власти способствовал защите прежде всего феодальных прав и интересов дворянства, главный «союзник» короля — города — превратился в объект систематического ограбления путем налогов и «добровольных даров», а коммунальные вольности сменились подчинением короне. Комплексное исследование основных тенденций в развитии французского общества XIV в. позволило, таким образом, автору выявить глубинные причины созыва королем собраний представителей трех сословий и обосновать структуру этого органа, исходя из расстановки сил в обществе.

Прежде всего, король был вынужден «советоваться» с обществом, поскольку не обладал достаточными властными полномочиями для преодоления возникших на пути централизации препятствий. В то же время консолидация сословий и рост их политической активности заставили корону считаться с этой силой и, играя на внутренних противоречиях, использовать ее в свою пользу. Таким образом, впервые в историографии проблемы была отмечена и доказана инициатива самого общества в процессе возникновения сословно-представительных институтов, а также разность политики короны по отношению к различным сословиям, вариативность форм воздействия с учетом классовых интересов. Процесс становления сословного представительства показан в форме взаимодействия верховной власти и общества, как плод их обоюдных усилий. При этом особенность процесса консолидации сословий во Франции, где местный и областной уровень превалировал над общегосударственным, а также отсутствовал прочный союз городов и дворянства, определила структуру сословно-представительного органа и лимиты его власти.

Не менее значимой является позиция автора по спорному вопросу о дате появления института, не имеющего, в отличие от английского предшественника, четкой и общепринятой границы. Отсюда проистекает множество историографических версий, вплоть до крайне ригористичных, относящих дату рождения Генеральных штатов ко времени возникновения самого термина, т. е. к собранию 1484 г. В разрешении этой запутанной проблемы автор предлагает исходить не из формального принципа, а из сути института, истоки которого она видит в одной из форм вассальной службы сеньору — участии в его совете. Рассматривая смешанные консультативные ассамблеи предшествующего периода в качестве предистории института, автор отмечает появление со второй половины XIII в. на них также и горожан. Как это ни парадоксально, автор не считает возможным именовать собрание 1302 г. первым заседанием Генеральных штатов, хотя письма-приглашения короля в данном случае оставляют впечатление, что речь идет о выборном представительстве. При этом размытость

границ между расширенными заседаниями Королевского совета и собственно собранием депутатов трех сословий нисколько не умаляет значимости возникновения этой формы диалога власти и общества, скорее, наоборот: подчеркивает ее органичность и укорененность в структуре политической жизни Франции рубежа XIII–XIV вв.

Сложный и длительный процесс формирования органов сословного представительства — на местном, региональном и общегосударственном уровне — привнес, как показано, в политическую жизнь важные для становления гражданского общества новшества, прежде всего через постепенное внедрение принципа выборности депутатов от сословий. И хотя на первых порах некоторые черты выборности отмечаются автором лишь для духовенства и горожан, сам этот принцип способствовал отбору наиболее уважаемых, компетентных и значимых фигур в обществе.

Диалогу власти и общества, которому, по сути, служил сословно-представительный институт, способствовал и мандат депутата, где оговаривались его полномочия, обеспечивая тем самым обратную связь с избирателями, опосредованно влиявшими таким образом на принятые решения. Хотя инициатива созыва собраний, как и их повестка, полностью исходили от короля, депутаты получали возможность навязать и свою волю, так что эта форма диалога власти с обществом была отнюдь не бесконфликтной.

Об этом свидетельствует анализ позиции сословий на первых же заседаниях штатов. Н. А. Хачатурян, во-первых, обратила внимание на смелость и независимость позиции депутатов трех сословий, сумевших противостоять власти и заставить ее заплатить дорожную цену за свое одобрение королевской политики. Во-вторых, она обнаружила факты открытого торга депутатов областных собраний, стремившихся любой ценой сохранить возможность маневра и «одобрить политику короля» только в обмен на уступки регионального или узкосословного характера. Наконец, отметив появление тенденции грубого нажима на депутатов со стороны чиновников короны, автор показывает оформление в лице последних новой социальной силы, которая, однако, с первых же шагов превращается в «козлов отпущения».

В этом первом в отечественной медиевистике исследовании возникновения и генезиса сословно-представительных учреждений во Франции, остающемся до сих пор единственной специальной работой по данной теме, выявились главные особенности исследовательского почерка Н. А. Хачатурян. Обращают на себя внимание широта взгляда на проблему, строгая системность анализа, логика доказательств, искусная работа с разнообразными источниками — от сухих цифр бюджета или глухих формул мандатов до велеречивых записей хронистов и логических построений легистов; наконец, открытость

новейшим достижениям мировой медиевистики, в оценке которой автор умело избегала принятых в то время негативных эпитетов и высокомерного тона априорного носителя истины¹. В этих первых работах обнаружилась научная перспективность подхода к обществу как к системе с опорой на социальный фактор в качестве источника динамики. В них был «реабилитирован» и, по сути, по-новому использован интерес к институциональной, правовой стороне в истории сословно-представительных учреждений. К тому времени огульно отвергаемый так называемый формально-юридический подход, на деле позволил автору разглядеть за формуляром мандата депутата или протокольной записью заседаний штатов значимую социальную реальность. Хотя первые работы были написаны еще в традиционном русле во многом классового подхода, в них появляется и стремление увидеть более сложную социальную картину и своеобразие действия политического фактора в средневековом обществе.

Отсюда берет истоки тема последующего научного поиска Н. А. Хачатурян, которую в двух словах можно определить как «власть и общество». Отдавая предпочтение изучению структур, автор задается целью понять взаимосвязь этих двух явлений: не столько диалог (торг, борьба и т. д.), сколько органичная связь, исследование которой может приблизить историка к пониманию природы феномена власти и ее взаимосвязи с обществом. Такая постановка проблемы отличалась и в то время новизной, а сегодня звучит все более актуально, если не сказать злободневно. Тогда же четко обозначился сдвиг интереса автора в сторону изучения социальной природы феодального государства, спецификации форм властвования в эту эпоху, как и лимитов своеобразной средневековой демократии. Ставшая итогом многолетних исследований докторская диссертация так и была названа — «Социальная природа сословной монархии во Франции XIV–XV вв.», что вызвало вначале жесткую критику автора. Последние ревнители ортодоксального марксизма попытались опротестовать подобный социальный подход в пользу исключительно классового. Но Нина Александровна сумела отстоять занятую позицию и доказала ее научную состоятельность.

В русле избранной темы и углубляя найденный подход, автор ставит перед собой широкую задачу исследовать феномен сословной монархии во Франции XIII–XV вв. как процесс взаимодействия верховной власти и общества. Обдумывая структуру работы и намечая ее контуры, автор пишет постановочную статью «К вопросу о природе

---

¹ Не случайно в этой связи, на мой взгляд, в рецензиях на эту работу присутствуют «сожаления» о «краткости» историографического очерка. См., например, рецензию Н. И. Басовской //СВ. Вып. 41. М., 1977.

французской сословной монархии»¹. Отмечая преимущественный интерес в отечественной и зарубежной литературе к абсолютистскому государству и слабую изученность сословной монархии, автор рассматривает эти две формы государства как последовательные этапы развития монархической власти, имеющие общие черты. Такая перспектива придала истории сословной монархии значимость как одному из феноменов «большой длительности», в число которых лишь в последние годы на Западе ученые начали причислять и государство. Методологически определяя свой подход как синтез политической и социальной истории, автор не упускает и социально-экономический фактор, лежащий в основе процесса становления централизованного государства. Относительно важнейшего атрибута этого этапа в развитии государства — сословно-представительных институтов — автор обращает внимание на то, что диалог верховной власти и сословий мог совершаться и в иных формах, что не умаляет в целом значимости сложившейся системы Генеральных, областных и провинциальных штатов во Франции.

В становлении сословной монархии Нина Александровна придала решающее значение процессу оформления сословий и росту их политической активности. Особенность этого процесса в средневековой Франции заключалась в сильных местных и провинциальных традициях, приведших не только к дележу власти между центром и областями, но и к консолидации сословий сначала на региональном и лишь затем на общегосударственном уровне, что не в последнюю очередь, как верно замечает автор, объяснялось масштабами страны и количеством подданных. Хотя это и привело к консервации местной ограниченности, однако имелись и выгоды, которые извлекла верховная власть от игры на местных интересах, да и сами сословия, сумевшие добиться на местах таких прав и привилегий, которые немислимы были в масштабах всего королевства. В процессе консолидации сословий автор отмечает в качестве ведущей тенденции перегруппировку общественных сил в пользу короны и в целом расширение на первых порах весьма узкой социальной опоры монархии во Франции. Среди главных задач исследования автор выделяет оценку социальной природы сословной монархии и направленности ее политики, в том числе в отношении городского сословия в связи с новым поворотом в историографии — с отходом от идей в духе О. Тьерри, видевшем союз короны с городами в излишне радужном свете. Поддерживая в целом более взвешенную оценку политики короны в отношении городов, Н. А. Хачатурян считает иной крайностью наметившуюся в новейшей медиевистике недооценку роли горожан в становлении сословной

¹СВ. Вып. 42. М., 1978.

монархии, например, их попыток ограничить власть короны путем выработки нескольких проектов общегосударственных реформ. Еще одной актуальной темой в историографии явилась история формирующегося чиновного аппарата, который рассматривался как сила, равно противостоящая всему обществу, без учета социальной структуры этого аппарата и ее эволюции. В этой связи автор отмечает как значимые факторы перераспределение доходов в пользу феодалов через централизованную ренту, существенно улучшившее положение дворян, а также их ориентацию на службу в государственном аппарате, ставшую основой зарождения чиновного дворянства, будущего дворянства мантии. Таким образом, одним из важнейших аспектов изучения природы сословной монархии автор выдвигает исследование аппарата власти: не только его социального состава, роли дворянства в управлении страной (в духе Р. Казеля и Ф. Отран), но и существовавших противоречий внутри него из-за разнородности социального происхождения чиновников. Наконец, автор видит настоятельную потребность в должной мере оценить вклад сословно-представительных учреждений в становление сословной монархии во Франции, рассматривавшихся традиционно как послушное орудие королевской политики.

Масштабный и новаторский замысел был воплощен Н. А. Хачатурян в докторской диссертации, серии статей и монографии, главным итогом которых явилась стройная и сложная картина сословной монархии как особой формы государственности в ее взаимосвязи с французским обществом в целом¹.

В подходе автора к теме наиболее существенными представляются следующие позиции. Во-первых, Нина Александровна настаивает на невозможности понять развитие средневекового общества без учета политического фактора, игравшего сущностную роль в силу особенностей реализации феодальной земельной собственности через политико-юридические права. Этим было обусловлено особое место права в эпоху Средневековья. Благодаря государственности политический фактор получает в итоге конституирующую роль. В этой связи важное значение имеет показанная автором сложность социальной структуры и социальной жизни французского общества, диктовав-

---

¹Крестьянский вопрос на Генеральных штатах 1484 г. во Франции // Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984; Социальная организация французского крестьянства XIII–XIV вв. (по материалам Парижского парламента) // Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. М., 1985; Налоговая политика французской сословной монархии в XIV–XV в. // СВ. Вып. 50. М., 1987; Французское крестьянство в системе французской сословной монархии; Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

шая короне необходимость искать контакты со всеми общественными группами. Во-вторых, предпринимая системный анализ данной формы государства, автор раскрывает не только ее природу, но и социальную направленность политики, новаторски подчеркивая при этом функцию силы порядка и стабильности, регулятора социальных отношений в обществе, стимулятора развития, способствовавшего расцвету Французского королевства. Эта линия в мировой историографии, которую условно можно назвать «синдромом Ф. Гизо», была при всей традиционности идей государственников в России весьма необычна для отечественной медиевистики советского периода с ее трактовкой классовой борьбы как двигателя развития. Рассматривая политическую историю в контексте социальной, Нина Александровна выстраивает анализ основных механизмов королевской власти — суд, налоги и армия — по единой схеме: складывание институтов, социальная направленность их политики, структура и социальный состав этих органов. Благодаря такому подходу возникает целостная картина основных институтов верховной королевской власти, влияния на них различных сословий и социальных групп, а также обратное воздействие этих институтов на французское общество. В качестве показателя взаимодействия складывающегося государства и сословий общества предлагается исследование сложной системы сословно-представительных учреждений, определенной вершиной которой явилось собрание Генеральных штатов 1484 г.

Большое значение в итоговой монографии имеет общетеоретическая глава, где автор характеризует особенности государственности в Западной Европе в эпоху Средневековья в целом и ее определенного этапа — сословной монархии. В последней автор выделяет два определяющих фактора. Распределение властных полномочий, в том числе во Франции XIII–XV вв., определялось дуализмом политической организации, вытекающим из особенностей феодальной системы, где неоспоримый приоритет монархического принципа управления сочетался с юридически закрепленными правами и властными полномочиями сословий и социальных групп, что способствовало одновременно укреплению демократических, коллективных форм властвования. Вторым краеугольным камнем в структуре феодальной государственности на этом этапе автор ставит укрепление публично-правовых основ королевской власти в ущерб частно-сеньориальным, особенно мучительное во Франции, где вассальная система отторгала созерена от низших ступеней феодальной лестницы. Надо помнить, что поворот в сторону укрепления королевской власти и централизации королевства происходил в условиях отсутствия вакуума власти. Королевская власть развивалась всегда за чей-то счет и зачастую именно за счет тех, кто был наиболее экономически и политически

влиятелен. Значит, для ее развития должна была существовать явная заинтересованность этих сил и невозможность собственными властными полномочиями решать возникающие проблемы.

Как показала Н. А. Хачатурян, росту королевской власти во Франции способствовали не только заинтересованность городов в учете их интересов, но и потребность значительной части дворянства в смене форм реализации земельной собственности в условиях аграрного кризиса и коммутации рент, повышения самостоятельности и экономической значимости крестьянского хозяйства. В обществе в целом появилась также потребность ввиду обострения внутрисословных и межсословных противоречий иметь высшую силу и верховного арбитра. Наконец, нужна была общенациональная идея для объединения страны в условиях Столетней войны. В этой связи автор справедливо подчеркивает значимость в процессе централизации идейных основ королевской власти — идеи общего блага, наследственной монархии, принципа верховенства законодательной власти короля, неотчуждаемости королевских прав, сакрализации монархии. Еще одним мощным стимулом роста королевской власти становится со временем и зарождающийся бюрократический аппарат, привлекавший на службу короне мелкое и среднее дворянство, а также выходцев из небогатых сословий.

Другой составляющей процесса централизации во Франции явилось изменение социальной структуры общества и оформление сословий. Следует учесть, что прежде в медиевистике не предпринималось разработки самого понятия «сословие», оно не было осмыслено ни в трудах дореволюционных исследователей средневековой государственности (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский и др.), ни в новейших работах медиевистов, в том числе Е. В. Гутновой. Отмечая в качестве специфической черты устройства доиндустриальных обществ их корпоративность, автор показала органичность оформления сословий в контексте природы данной общности. Н. А. Хачатурян предложила собственную трактовку понятия «сословия» и соотношения концептов класс/сословие, выделяя в качестве основополагающего фактора корпоративный характер собственности и прав, в том числе и политических, реализуемых лишь по соучастию индивида внутри юридически оформленной корпорации. Из определения одной из главных черт феодализма — соединения собственности и власти — делается важный для характеристики структуры сословной монархии вывод о неустранимости политической автономии сословий, имевшей договорную юридическую базу и предписывавшей диалог монархии с сословиями и, таким образом, корректировку ими королевской политики через сословно-представительные учреждения или в любых иных формах. Выделяя проблему оформления сословий в общегосударственном

масштабе как фактор реализации интересов определенных групп, автор тем самым выходит на осмысление особенностей общественной жизни в эпоху Средневековья, когда сословия были также носителями определенного суверенитета, что явилось прочной основой для диалога с властью и поиска взаимных компромиссов. Показывая особенности процесса оформления каждого из сословий, автор отмечает в качестве свойств французского варианта сословной монархии соразмерность развития обоих компонентов — королевской власти и сословий, что сказалось в том числе на облике и результативности органов сословного представительства.

Главным по значимости институтом в системе французской сословной монархии являлась верховная судебная палата — Парижский парламент, который автор ставит впервые в отечественной историографии на первое место в анализе механизмов складывающегося государства. Обосновывая особое положение этого института местом права в утверждении прерогатив короля и в целом в структуре феодального общества, автор видит основные результаты его деятельности в оформлении и защите легистами-теоретиками и практиками суда публично-правовых основ королевской власти, суверенитета короля, прежде всего, в области правосудия. Парламент, будучи самым крупным институтом верховной власти, способствовал также формированию первой социальной группы слугителей власти. Наиболее релевантным объектом для характеристики социальной политики Парламента избирается — и это весьма необычный ход — крестьянство, меньше всего привлекавшее внимание исследователей в этом контексте. Конституируя неспособность крестьянства консолидироваться на уровне сословия в общегосударственном масштабе, автор видит тенденцию его конституирования на уровне сельских коммун, отстаивающих свои права в верховном суде. Здесь с особой ясностью проявилась двойственность политики формирующейся верховной власти, сочетающей закрепление сословной неполноправности крестьянства с возможностью его сословного самоопределения. Королевская власть предоставила в распоряжение крестьян и альтернативный суд (право апелляции к королю), и возможности определенных самостоятельных политических акций, в том числе право на самооборону в период Столетней войны. Важнейшим, с моей точки зрения, выводом, к которому приходит Н. А. Хачатурян, является установленная ею тенденция в политике парламента решать часть дел в пользу крестьян, а также общее покровительство сельским коммуна́м, причем не только в экономической сфере, но и в области их юридических и политических притязаний. Здесь наиболее ярко высвечивается роль арбитра, защитника правосудия и справедливости, которую корона берет на себя, противопоставляя бесконтрольному насилию судеб-

ную процедуру. Эта тенденция в политике короны объясняет, среди прочего, устойчивый монархизм крестьян, проявлявшийся во всех восстаниях этого периода. В таком ракурсе функции формирующегося государства прежде не рассматривались, между тем именно в этом стоит искать истоки успехов централизации во Франции XIII–XV вв., как и *raison d'être* любого государства.

Важнейшим показателем реальной власти государства, бесспорно, являются государственные налоги. Традиционная тема в литературе — проблема налогов — прежде не осмыслялась в широком социальном контексте. Трактующая в историографии как форма противостояния власти всему обществу, проблема налогов в анализе Нины Александровны предстает не столь однозначной. Прежде всего, автор показывает, как оформление государственных налогов меняет природу верховной власти. Важной составляющей этого процесса было теоретическое обоснование легистами и чиновниками прав короля облагать всех подданных без их согласия, исходя из одних нужд короны. На другом полюсе находилось общественное мнение, с трудом отказывавшееся от традиционного, сеньориального по происхождению, требования к королю жить «на свое», т. е. на доходы с домена. Постепенное сближение этих полюсов и составило суть процесса рождения государственной налоговой системы. Этот процесс шел параллельно усилению публично-правовых основ королевской власти, что наглядно демонстрирует сам термин, обозначавший постоянные налоги государству — талья (в истоке — налог феодалу за исполнением им публичных функций). В стремлении понять, что же такое налог, какова природа его конституирования, автор выходит тем самым на его истоки — плата сеньору за защиту им «общего интереса». Впервые в историографии этого вопроса автором была представлена структура доходов казны, разложенная на составляющие (доходы от земельной собственности, от торговли и т. д.). Показывая пути пополнения казны до введения постоянных налогов, автор указывает на важнейший для судеб страны «побочный эффект» этого процесса: в результате была четко определена структурная организация королевства, чьи границы прежде с трудом представляли себе чиновники верховных институтов власти, а теперь оно четко делилось на новые налоговые территориальные единицы — элексоны. Разделение населения страны на податное и неподатное сопровождалось борьбой всех сословий и групп с целью переложить налоги на «соседа»: отсюда появление различных налоговых привилегий — для «тех, кто носит оружие», для чиновников короля, для отдельных городов, университетов, ряда ремесленных специальностей, франк-аршеров; наконец, уклонение от уплаты налогов наиболее богатых слоев податного населения, в то время как беднейшие освобождались самим государством. Борьба за

привилегии и место «рядом с казной» прикрывалась апелляциями к защите интересов «бедного народа», использованием недовольства в интересах политических кланов, партий и «групп давления». Однако вопрос о налогах стал прочной основой и оправданием созыва штатов, чьи «звездные часы» пришлось именно на период формирования постоянных налогов. Автор показывает двойной эффект этого процесса. С одной стороны, налоговая политика сословной монархии предоставила привилегированным сословиям доступ к дополнительным доходам (через введение оплачиваемой службы в армии, в государственном аппарате). С другой стороны, придала новую значимость податным сословиям, прежде всего горожанам как основным налогоплательщикам. С введением постоянных государственных налогов государство уже не нуждалось в созыве штатов; с этого момента путь к абсолютизму во Франции был открыт.

Проблема налогов тесно увязана в трактовке автора с изменениями в структуре и составе французской армии, а также в ее оплате. Будучи активно разрабатываемой в новейшей французской историографии, главным образом Ф. Контамино, тема складывания профессиональной армии впервые была поставлена автором в более широкий контекст социальной трансформации общества под воздействием усиления королевской власти и централизации страны. В весьма тщательном и разностороннем анализе эволюции армии начиная с XII в. мне представляются наиболее ценными и перспективными следующие два аспекта, подчеркнутые Н. А. Хачатурян. Во-первых, наличие объективных причин необходимости реорганизации и профессионализации армии, а не только субъективных, подробно освещавшихся в предшествующей историографии, в том числе фактора Столетней войны. Центральное место среди объективных причин Нина Александровна отводит росту королевской власти, нуждавшейся в подчиненной ей и дисциплинированной армии. Отсюда особая значимость утверждения монополии короля на объявление и ведение войны, роль выработки и пропаганды идей справедливой войны, ведущейся для «общей пользы», установление контроля короля и его чиновников за всеми элементами обороны страны и боеспособностью армии. Во-вторых, автором впервые отмечена и четко прослежена организация боевых акций неблагородных сословий, прежде всего через сельские коммуны, и их воздействие на ход Столетней войны и реформу армии. Именно такое инициативное поведение неблагородных сословий сказалось на ходе и исходе войны, где партизанские действия, самооборона сельских коммун, неуступчивость крепостей и городов превратили вначале династический спор и дворянский поединок в освободительную войну. Проникновение неблагородных лиц в армию стало в этой ситуации логически неизбежным. Наконец, при анализе

социального состава армии обращает на себя внимание отмеченная автором тенденция, характерная и для других институтов верховной власти, а именно продвижение людей на основе профессиональных качеств и преданности власти, а не по социальному статусу. Если в области судебно-административного управления такая тенденция давно была известна исследователям, то применительно к армии она существенно меняла представления о возможностях монархии расширить свою социальную базу за счет тех, кто смог возвыситься благодаря службе короне. И хотя армия во Франции была более замкнутой системой, в частности, исключала возможность аноблирования по службе, как это стало возможно в парламенте, она также способствовала перегруппировке сил вокруг трона.

Проанализировав формирование основных институтов власти сословной монархии, сложившихся в результате двухсотлетнего развития, Нина Александровна в заключение сталкивает полученные результаты с целью их проверки с исследованием одного случая — собрания Генеральных штатов в Туре 1484 г., на материале конкретной картины которого сопоставляются сделанные выводы. Это важнейшее в политической истории позднесредневековой Франции событие продемонстрировало лимиты королевской власти, выработанные к этому моменту обществом. Подводя здесь итог собственных многолетних исследований сословно-представительной системы во Франции XIII–XV вв., автор в целом высоко оценивает степень приверженности общества такому прямому диалогу с властью, хотя были выработаны и иные его формы. Собрание штатов в Туре в 1484 г. явилось собой высший предел развития системы сословного представительства, достигнутый к концу XV в. Об этом свидетельствуют следующие отмеченные автором черты этого собрания: деление депутатов не по сословиям, а по территориальному принципу (от шести финансовых округов); впервые неучастие в его работе королевских чиновников; напротив, участие крестьян в первичных выборах депутатов от третьего сословия; наконец, принцип большинства голосов при решении рассматриваемых вопросов. Попытка создать постоянно действующий орган между сессиями и стремление контролировать работу королевской администрации, выраженные в ходе этого собрания депутатов, свидетельствуют о политической зрелости данного органа, как и о намерении общества ограничить королевскую власть. С другой стороны, анализ позиций депутатов трех сословий показал окончательный выбор, сделанный обществом, в пользу сильной королевской власти и централизации страны. Наконец, здесь впервые со всей отчетливостью проявилось соперничество власти и представителей сословий за право выступать от имени «народа». Являясь по сути предметом торга между короной и сословиями, крестьянский вопрос и, шире, «бедствия

народа» способствовали утверждению новой значимости в обществе народа-труженика, что стало еще одним факторов формирования гражданского общества.

Эти две столь подробно проанализированные нами темы стали центральными в творчестве Нины Александровны, сделав ей имя в среде медиевистов. Однако они не были единственными. На мой взгляд, именно эта избранная ею проблематика исследований, равно как и подходы к ней, органично подводили Н. А. Хачатурян к постановке других сущностных для понимания западноевропейского Средневековья вопросов.

Прежде всего, это проблема природы средневекового города и его места в феодальной системе, являвшаяся предметом ожесточенной и длительной дискуссии в отечественной медиевистике 1960–80-х гг. Любопытно, как эта тема приобрела неожиданный поворот под пером Нины Александровны¹. Решив принять участие в разгоревшейся дискуссии, в ходе которой определились два основных лагеря — сторонников феодальной природы города (Я. А. Левицкий) и ее противников (С. М. Стам), Н. А. Хачатурян переводит разговор на иную проблематику, чем невольно подводит итог многолетним спорам. Отстаивая органичность появления города на определенном этапе социально-экономического развития средневекового общества и «встроенность» его в феодальную систему, автор ставит свою тему в контекст характера производства и форм собственности при феодализме, уводя споры из сферы только товарных отношений и их влияния на собственность. В результате ей удалось показать связь города с феодальной системой, несводимой к вотчине: здесь, как и в деревне, ремесленник — собственник орудий труда, что было условием прогресса системы в целом; при этом характер собственности оставался «земледельческим»; а сам город не полностью отделенным от деревни; наконец, наличие феодальной ренты, в том числе централизованной, — налогов государства за часть политических функций, перешедших от феодалов к короне. Важнейшими представляются выводы автора об общинном, по сути корпоративном, характере собственности в городе, делающем его органичной частью феодальной социально-политической структуры, равно как и об ее иерархичности, наличии иммунитета, наконец, о наличии своеобразной приносимой городами вассальной клятвы сеньору. Все это было не имитацией, не подражанием, а сутью городской организации при феодализме. В противовес традиционной трактовке города как неременного союзника короны в процессе централизации автор показывает, что город

¹ Город в системе феодальной формации // Вопросы истории. 1983. № 1.

был также нередко носителем раздробленности, вытекающей из его замкнутой самоорганизации.

Развитием исследований Нины Александровны по истории средневекового города стала большая глава об эволюции его политической организации в четырехтомном труде «Город в средневековой цивилизации Западной Европы»¹, построенная на широком сравнительно-историческом материале и в контексте цивилизационного анализа. Вклад города в политическую историю средневекового общества автор видит в утверждении им в общественном сознании идей общей пользы и «общего интереса», в выработке альтернативы авторитарным принципам власти и развитии коллективных форм управления, заложивших основы будущей европейской демократии (принцип большинства при принятии решений, принцип представительства, идеи равенства). В этой связи роль города в формировании средневековой государственности оказалась, в трактовке автора, более значимой, ибо она выходила за рамки только тех городов, кто поддерживал централизацию. Город мог быть и противником ее, но он внес существенный вклад в формы и методы властвования, в политическую ментальность. Исконный дуализм политической структуры в эпоху Средневековья дал разные варианты сосуществования центральной власти и местной автономии, но в той или иной форме повсюду в Западной Европе вклад города в политическую жизнь общества и процесс централизации оценивается автором как конструктивный и системообразующий.

Вкус и склонность Нины Александровны к теоретическим обобщениям и структурному анализу нашли выражение в высказанных ею нескольких принципиально важных для понимания особенностей средневекового общества идей относительно феномена корпоративизма и связанного с ним сочетания авторитарных и коллективных принципов властвования, отразившихся и в эволюции средневековой государственности². Прослеживая этапы освобождения индивида в хозяйственной, этнической, правовой сферах, автор усматривает особенности западноевропейской средневековой цивилизации в типе германской общины-марки, где доминировало частное начало. Раскрывая «тайну корпоративного процесса», автор прослеживает постоянное и органичное воспроизведение данного типа общины во всех формах экономической, социальной и политической жизни

---

¹ Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М., 1999.

² Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. Москва; Саратов, 1992; Авторитарный и коллективный принцип в эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура. Ч. 1. М., 1992.

общества. Именно отсюда, по мнению автора, берет начало, в частности, та демократия, что отличает западную цивилизацию в целом, а в эпоху Средневековья выражавшаяся в оппозиции авторитарному способу управления не только в форме сословно-представительных учреждений, но и в разнообразной политической активности общественных сил, эффективно участвовавших в политическом процессе через корпоративные институты (сельская коммуна, гильдия, цех, городская коммуна, корпорация чиновников и т. д.). Такая трактовка корпоративного принципа отличалась не только новизной, но и смелостью. Напомним в этой связи, что изучение феномена корпоративизма в историографии XX в. было осложнено использованием его в идеологии фашизма, и лишь поворот в новейших исследованиях к изучению малых групп и микроанализу способствовал преодолению прежнего предубеждения и взвешенной оценке этого важнейшего явления в западной цивилизации.

В развитии средневековой государственности решающее значение, по мысли автора, имело именно соотношение авторитарного и коллективного принципов, вытекающих в конечном счете из сословно-корпоративного характера организации общества, когда все права и интересы индивида реализовывались только через корпорацию, по соучастию. Любопытно наблюдение Нины Александровны о сочетании авторитарного и коллективного принципов не только на уровне государственного устройства, но в каждой корпорации в отдельности. Несмотря на торжество авторитарного принципа в дальнейшем, при абсолютизме, социальный опыт периода сословной монархии явился одной из основ будущей западной демократии и свободы прав личности.

Обобщающий синтез этих размышлений Н. А. Хачатурян о формах властвования дан в большом разделе многотомной «Истории Европы», где эволюция государства в эпоху Средневековья от зарождения раннесредневекового государства до конца XV в. рассмотрена в контексте структурного анализа¹. В этой работе история государства рассматривается не в прежней традиции — в качестве «надстроечной части», но как системообразующий фактор и один из двигателей развития средневекового общества. Впервые в литературе был предпринят интересный опыт теоретического осмысления политической истории, где автор сумела выявить определенные структуры, вытекающие из природы этой власти. Через все этапы прослежена организующая роль государства в функционировании феодальной системы, как и социальная направленность его политики. Раскрытие исконного дуа-

¹Эволюция государства в средневековой Европе до конца XV в. //История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992.

лизма политической власти в эпоху Средневековья сочетается у автора с анализом конкретного соотношения центральной власти и местных прерогатив, отражающего разные периоды в истории государства. Но, согласно трактовке автора, авторитарный принцип в Средние века никогда не ослабевал, трансформируясь в борьбу за трон, в имитацию центра на региональном уровне, в развитие правовой мыслью доктрины верховного суверенитета. Отмечая большую вариативность централизации в Западной Европе, автор настаивает на универсальности диалога власти и сословий, формы которого зависели от активности его участников. Однако именно сословно-представительные органы являлись высшим проявлением ограничительной роли сословий по отношению к центральной власти. Наличие «обратных вариантов» (консервация раздробленности, характер многоэтнических объединений) не меняет общих черт в формах и методах властвования, которые выработало средневековое общество.

Своеобразным выходом на цивилизационный анализ явилась статья Нины Александровны, написанная в соавторстве с дочерью, известным отечественным специалистом по истории и теории цивилизаций, В. М. Хачатурян, — «Средневековая культура России и Западной Европы: идентичность и расхождения»¹. Здесь на широком сравнительно-историческом фоне многолетние размышления автора приобрели характер стройной концепции специфики западноевропейского средневекового общества.

Еще одной темой исследований Нины Александровны всегда была история представлений о власти, история политических идей и в целом политической культуры (или культурной истории политического), ведь без культуры, как сегодня признается всеми, невозможно изучать какую бы то ни было историю, в том числе и политическую, ибо она подразумевает влияние людей и их идей на различные социальные практики. В своих многолетних занятиях социально-политической историей средневековой Франции Н. А. Хачатурян держала в поле зрения и этот аспект, с первых шагов и до настоящего времени обращаясь к изучению политической мысли и отражению в ней социальной практики средневекового общества. Так, первая опубликованная ею работа была посвящена анализу трактата знаменитого легиста начала XIV в. Пьера Дюбуа об уничтожении ордена тамплиеров². Вообще влияние легистов и королевских чиновников на рост королевской власти и утверждение централизованного государства, которому Нина Александровна неизменно отдавала должное в своих исследованиях,

¹ Цивилизации. Вып. 3. М., 1995.

² Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. (Трактат легиста Дюбуа об уничтожении ордена тамплиеров)//СВ. Вып. XX. М., 1961.

трудно переоценить: они подталкивали корону на самые радикальные шаги, нередко опережая в своих устремлениях реальные возможности монархии. Именно их идеи оказали определяющее воздействие на общественное мнение в пользу сильной королевской власти, их активные действия и преданность короне ускоряли процесс формирования средневекового государства, одним из социальных последствий которого явилось появление слоя профессиональных служителей короны — выходцев из всех сословий, верхушка которого в итоге конституировалась в дворянство мантии. Особенности общественной позиции этого социального слоя и своеобразии идей его представителей Нина Александровна обнаруживает и в этом знаменитом раннем трактате служителя короны Пьера Дюбуа: обмирщение сознания, опора не столько на Св. Писание, сколько на римское право, отстаивание суверенитета короля, наконец, апелляция к интересу «народа», столь характерные для идейных установок формирующегося слоя служителей аппарата королевской власти.

Продолжая эти изыскания, Н. А. Хачатурян обращается к формированию в Средневековье гражданского общества и его идейному обоснованию: в своей недавней работе она исследует понятие «гражданин» в творчестве Никола Орезма в контексте социальной практики эпохи¹. Разумеется, Никола Орезма, которого современники называли «самым выдающимся философом со времен Аристотеля», нельзя в строгом смысле слова отнести к банальным «рупорам» королевской политики. Ум его был слишком оригинален, а чиновная карьера до сих пор остается весьма туманной. И тем не менее в комментариях к собственному переводу «Политики» Аристотеля, выполненному по заказу короля Карла Мудрого, он высказал идеи, так или иначе отразившие реальную социальную практику, даже подчас в виде ее отторжения. Здесь особенно интересно стремление Орезма ограничить круг «граждан» людьми, чье богатство и знатность проверены временем. Тем самым он скрыто осуждает практику аноблирования и возвышения по службе короне, что явилось одной из прочных опор формирующегося государства. При этом он в духе ранних легистов и идеологов монархии отстаивает верховный суверенитет короля, правда, уравновешенный законом, основанным на праве и разуме. В трактовке Орезмом фундаментального понятия «гражданин» автор обнаруживает некоторые существенные черты западноевропейской цивилизации, а также особенности политической жизни и особой расстановки социальных сил, где консолидация корпоративных и

---

¹ Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Николая Орезма и социальная реальность во Франции XIII–XIV вв. // В честь Л. М. Брагиной. От Средних веков к Возрождению. СПб., 2003.

сословных групп, их гражданская активность заставляли верховную власть вступать с ними в диалог.

Таковы были основные темы и направления исследований Н. А. Хачатурян на протяжении многих лет, предшествовавших радикальным переменам в российской науке в связи с общественными изменениями. Нельзя не отметить верность автора избранной тематике, результативность используемого подхода и методологии, органичность эволюции творческого наследия. Созданные Ниной Александровной исследования, прежде всего две монографии, сразу же получили признание специалистов и считаются до сих пор фундаментальными, «классическими» трудами по данным проблемам. Однако парадокс существования Н. А. Хачатурян как исследователя заключался, на мой взгляд, в известном одиночестве, когда сделанные выводы и наблюдения не вызвали полемики или отклика в отечественной медиевистике по причине отсутствия, по существу, необходимого круга специалистов по политической истории. В этой, увы, характерной для медиевистов ситуации приходилось работать с ориентацией скорее на мировой контекст. Такое существование требует от исследователя твердых внутренних критериев и мужества, как и искренней увлеченности предметом, без которых нет подлинного историка.

Перелом в отечественной медиевистике произошел под воздействием революционных изменений в обществе, когда слом отжившей системы сопровождался пересмотром устоявшихся догм и переоценкой традиций, отказом от прежде незыблемых основ. В это трудное, болезненное и во многом трагичное время «рушились пьедесталы» и сметались кумиры. Счастливы были те единицы, кто не отрекался от написанного, не оправдывался ссылками на «наследие мрачных времен» и при этом оставался «современен». К числу этих немногих относится, безусловно, и Н. А. Хачатурян, чье научное творчество оказалось не только не отринутым, но по-настоящему востребовано и получило в изменившейся ситуации новый импульс. Предпринимая на стыке двух эпох оценку современного состояния исследований по политической истории, она как бы подводит итог собственным штудиям и ставит их в контекст мировой историографии, предлагая новые перспективы для будущих исследований. В этой небольшой, но чрезвычайно значимой работе со всей полнотой проявились вкус и склонность автора к структурному анализу, этому увлечению 1970-х гг.; к тому же он был применен новаторски к такой нестандартной сфере, как политическая история, что позволило выйти на некоторую теорию вопроса в целом¹. Признавая отставание отечественной медиевистики

---

¹ Политическая и государственная история западного средневековья в контексте структурного анализа // СВ. Вып. 54. М., 1991.

в этой области и недооценку ею политического фактора в истории, Нина Александровна в то же время усматривает здесь любопытные аналогии с мировой медиевистикой, прошедшей то же увлечение экономической и социальной историей, которое обогатило появившийся с 1960-х гг. интерес к политической истории. При этом автор подчеркивает особенности пути отечественной медиевистики и имеющиеся бесспорные достижения в изучении политической истории в контексте социального фактора: большая полнота картины, внимание к социальной политике государства, отсутствие его идеализации как источника гармонии, но и без того противопоставления власти обществу, которое было характерно для западной медиевистики. Автор призывает будущих исследователей, опираясь на имеющиеся разработки предшественников, сочетать в том числе формационный и цивилизационный подходы, что может существенно обогатить методику исследований.

Так на базе отечественной школы медиевистики и под влиянием новой свободы исследовательского поиска область политической истории получила небывалый расцвет в исследованиях новых поколений медиевистов, равно как и тех, кто лишь недавно и под влиянием произошедшей смены парадигм в отечественной историографии обратился к этой теме. Она оказалась наиболее актуальной не только в контексте общего интереса к политическому и появлению в России политической жизни как таковой, но и как средоточие и выражение основных линий общественного развития. Показательно в этой связи, что одной из первых и привлечших большое внимание исследователей оказалась организованная в 1992 г. по инициативе и под руководством Н. А. Хачатурян в рамках Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени группа «Власть и общество», в названии которой была обозначена основная проблематика многолетних исследований ее инициатора. Эта группа с тех пор успешно работает, организует круглые столы, собирает большие конференции с все более широким кругом участников¹. Рассматриваемые на них проблемы весьма разнообразны и убедительно демонстрируют востребованность сферы политического в исследованиях отечественных медиевистов. Такой поворот не только должен радовать того, кто долгие годы способствовал его осуществлению. Он явно придал творчеству Нины Александр-

¹ Харизма королевской власти: миф и реальность (1993); Придворная культура эпохи Возрождения и власть (1994); Средневековое европейское дворянство — от рыцаря к придворному и *officier* (1996); Жизнь двора и его образ в литературе Средних веков и раннего Нового времени (1998); Королевский двор в политической культуре средневекового европейского общества: теория, символика, церемониал (2001); Сакральное тело короля (2003); Власть, общество и человек в средневековой Европе (2006).

ровны «второе дыхание»: после многолетнего изучения структур Н. А. Хачатурян органично обратилась к «декору».

Но и в этой теме она сохраняет весьма широкий взгляд. Так, во вступительном слове к круглому столу, посвященному харизме королевской власти, Нина Александровна предложила свою версию историографической эволюции интереса к королевской власти, который определяет круг тем, интересующих современного историка¹. Государство как «собираательно-организованная жалость» (В. Соловьев) начинает открываться исследователям лишь с 1960-х гг. через призму «властвования как структуры», когда в их арсенале уже были открытия в области типологии власти (традиция М. Вебера), генеалогии власти (традиция М. Фуко), а также социологии пропаганды и манипулирования массами (традиция Ж. Эллюля). Самый ошутимый удар в этом эпистемологическом повороте был нанесен образу монарха и вообще персональной истории «героев и королей», что вполне согласовывалось с обесценением жизни человека в XX в. Лишь в последние десятилетия (как реакция на абстрактные схемы структурализма) историки вновь обратились к жанру биографии, к изучению малых групп и микроистории. Образы власти, методы пропаганды, их преломление в восприятии современников также многое могут объяснить историку в организации средневекового общества.

Бесспорно, наиболее ярким и значимым институтом, фокусировавшим политическую жизнь средневекового общества — от форм властвования до культурных практик, — являлся двор монарха или иного сеньора. Заслуга Нины Александровны в том, что она переключила внимание исследователей на этот институт, подчеркнув его многофункциональность в жизни средневекового общества, но прежде всего его главную функцию — властного института. Ее инициатива увлекла многих ученых, даже тех, кто прежде не занимался политической историей. Именно в обращении отечественных историков к этой теме, долгое время находившейся «на обочине», со всей очевидностью проявились перемены, произошедшие в российской медиевистике. Анализу этих перемен и особой роли двора в жизни средневекового общества посвящена вступительная статья Н. А. Хачатурян к первой коллективной монографии, выпущенной группой «Власть и общество»². Проследивая разные пути возвращения к теме двора в западной и отечественной медиевистике, автор видит его истоки в изменении эвристических принципов и в усложнении

¹ Современная историография о проблеме королевской власти в средневековом обществе // СВ. Вып. 58. М., 1995.

² Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. Ч. 1. М.; СПб., 2001.

исторического дискурса в современной науке. Широкий круг исследований, собранных под обложкой этой монографии, разнообразие тематики, изощренность методик и подходов (использование архивов, палеография, генеалогия, геральдика, архонтология и т. д.), на мой взгляд, демонстрируют результативность инициативы Н. А. Хачатурян и перспективность исследований по политической истории. Обращение к этой тематике новых поколений историков обогащает и собственные разработки Нины Александровны. Так, здесь же опубликована ее статья, посвященная мало известному у нас, хотя и весьма авторитетному автору XV в. Оливье де Ла Маршу, в данном случае его трактату о бургундском дворе — самом блестящем дворе эпохи¹. В своем анализе Н. А. Хачатурян рассматривает степень развитости структуры бургундского двора, его институциональную организованность и властные полномочия с точки зрения обоснования претензий герцогов Бургундских, «великих князей Запада», на придание своим владениям статуса самостоятельного государства и объяснения причин их поражения.

Вторая коллективная монография, вышедшая в свет в 2004 г. и опирающаяся на материалы очередной конференции, концентрирует внимание, казалось бы, на более узкой теме — двор монарха в политической культуре средневековой Европы. Исследования ведутся по трем связанным направлениям: формы пропаганды власти, политический театр власти (праздники, церемонии и ритуалы) и искусства и науки при дворе. Однако не только разнообразие методик, ракурсов и используемых источников, не только широкий временной и географический охват, но и анализируемая глубокая проблематика убедительно демонстрируют научную плодотворность и перспективность избранной темы. Доказательством тому служит и широкий общественный резонанс, вызванный этой книгой: на III Международной книжной ярмарке «Невский книжный форум» в Санкт-Петербурге книга получила диплом «Серебряная литера» с показательной формулировкой — «За вклад в теорию исторической науки и изучение политической культуры и менталитета власти»².

Пермие вступительной статьи к сборнику, где намечаются широкие перспективы и изысканные повороты темы, перу Н. А. Хачатурян принадлежит и исследовательская статья, продолжающая изучение двора герцогов Бургундских. На этот раз автор предлагает свою вер-

¹ Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе...

² Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004; Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. (Там же).

сию интерпретаций знаменитого «Обета фазана» 1454 г., яркого и роскошного праздника, в сценарии которого причудливо переплелись старые рыцарские традиции и зарождающиеся элементы новой репрезентации власти, светское и сакральное, предметное и личностное начала, церковные мистерии и прообраз театра Нового времени.

Эта тенденция — видеть большое в малом, глубинное во внешнем, вековое в сиюминутном — нашла продолжение в подготовленной к печати третьей коллективной монографии «Священное тело короля», вобравшей в себя доклады недавно проведенной конференции¹. Как всегда, в многозначном вступительном слове Н. А. Хачатурян предлагает задуматься о сложных механизмах властвования и подчинения, о сакральном характере власти, связанном с психологией человека во все времена и причудливо преломившемся в средневековой политической культуре Европы.

Наконец, примерно в эти же годы в творчестве Н. А. Хачатурян появилось еще одна тема, подготовленная ее многолетним интересом к теоретико-методологическим вопросам, к общественно-политической мысли и истории исторической науки. Речь идет о ряде ее работ по историографии истории Средних веков. В этом повороте я бы отметила и еще один аспект: толерантность, неизменно взвешенный тон в оценках отечественной и зарубежной историографии давали моральное право автору исследовать историографический процесс.

Работы Н. А. Хачатурян по истории, прежде всего, отечественной медиевистики имеют, скорее, характер отдельных эскизов, точечных и точных, из которых складывается причудливая картина судеб ученых в России. Так, приняв участие в издании материалов из архива С. Д. Сказкина, она пишет большой и подробный обзор его спецкурса «История средневековой культуры»². Публикация в годы «глухого застоя» работ по истории духовной жизни Средневековья, написанных, впрочем, весьма аккуратно, вполне обласканным властью медиевистом-академиком, было смелым шагом и свидетельством подспудного высвобождения отечественной медиевистики из пут жесткого марксистского диктата. В своем обзоре Н. А. Хачатурян подчеркивала важность изучения духовной жизни Средневековья, широту постановки этих проблем в публикуемом спецкурсе, преемственность идей С. Д. Сказкина в работах его учеников. Тот факт, что многие годы жизни С. Д. Сказкин отдал изучению средневековой культуры, прежде всего, средневекового мировоззрения, неотделимого от

¹ «Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

² Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни в Западной Европе в средние века. Материалы научного наследия. М., 1981.

христианской веры, придавал подготовленному им спецкурсу характер духовного завещания.

Смена интересов в отечественной медиевистике давала новую жизнь и старым работам, делая удивительно актуальными и современными исследования, написанные десятилетия назад; энтузиазм новых поколений историков возрождал к жизни почти забытые имена и работы, давая им «второе дыхание». Таковым предстает в анализе Н. А. Хачатурян феномен П. Н. Кудрявцева, чей лекционный курс по истории гуманизма и Реформации в Западной Европе был написан в середине XIX в., а расшифрован С. А. Асиновской и опубликован лишь в 1991 г.¹ Анализируя этот первый в отечественной медиевистике проблемный курс по истории Реформации, Н. А. Хачатурян называет его автора предвестником историографии XX в.: соединение политической и культурной истории с социальной, использование сравнительного метода, внимание к человеческому фактору, убеждение в необходимости художественных форм в историческом исследовании, предупреждение об опасностях позитивизма с его отвлеченным анализом, где целое убивается в угоду частям, а также зачатки гендерного направления.

Наконец, благородной тенденции последнего десятилетия — возрождать из пепла рукописи, которые, увы, слишком часто горели в XX в., — отдала дань и сама Н. А. Хачатурян, предложив ученому сообществу неопубликованную рукопись А. Л. Пастернака, брата великого поэта, известного архитектора, специалиста по западной архитектуре, пострадавшего в годы «борьбы с космополитизмом»². Подготовленная им в качестве кандидатской диссертации работа «Общественные центры городов античного мира, средних веков и классицизма» была извлечена из небытия внешне по случайному стечению обстоятельств: участие в подготовке многотомного труда по истории средневекового города, осуществленного в ИВИ РАН под руководством А. А. Сванидзе, вывело Н. А. Хачатурян благодаря многолетнему знакомству с архитектором А. И. Опочкиной и И. В. Федоровой (хранительницей экземпляра рукописи) на этот необычный труд, оказавшийся удивительно созвучным сегодняшним поискам историков культуры, в том числе и медиевистов, в частности, изучением пространственной составляющей средневекового города в ее сопряжении с духовным и социальными аспектами. Выбрав для

¹Первый опыт изучения гуманизма и Реформации в отечественной медиевистике (Лекционный курс П. Н. Кудрявцева)//СВ. Вып. 60. М., 1997.

²Неопубликованная рукопись книги А. Л. Пастернака по теории и истории градостроительства: (К вопросу об античном наследии в архитектуре Западной Европы в эпоху Средневековья и раннего Нового времени)//СВ. Вып. 61. М., 2000.

публикации те разделы по городам Италии, Германии, Испании и Фландрии, которые наиболее интересны медиевистам, Н. А. Хачатурян в то же время исходит в своем отборе из стремления показать особенности подхода А. Л. Пастернака к анализу архитектуры в ее сопряжении с развитием общества¹.

К размышлениям Н. А. Хачатурян о судьбах отечественной науки я бы отнесла и статью, написанную к юбилею А. А. Сванидзе, в которой творческий и жизненный путь ученого поставлен автором в контекст истории медиевистики в России второй половины XX в.²

Итогом этих отдельных заметок и систематических размышлений явилась обобщающая статья «Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки»³. Исследуя истоки и природу модных ныне и у нас, и на Западе сетований на «кризис» исторического знания, автор пытается понять, что же, собственно, произошло, и прослеживает этапы процесса обновления методологии медиевистики во второй половине XX в., выделяя в отечественной науке несколько ключевых направлений, где наметился прорыв к новому: область исследований духовной жизни и культуры, направление истории цивилизаций, микроистория и частная жизнь, интеллектуальная история и политико-правовая история Средневековья. Останавливаясь более детально на этом последнем направлении, автор показывает его глубинную укорененность в отечественной традиции, вклад марксистского подхода, влияние западной историографии и, как результат, смену эпистем: от исследований больших структур, государственной и институциональной истории к анатомии власти. В этом контексте Нина Александровна призывает освободиться от возможного уничижительного тона по отношению к сделанному в отечественной медиевистике, показывая не просто зеркальность процессов, происходивших у нас и на Западе, но и их связанность, приистекающую не столько от внешних влияний, сколько от единства поиска новых методов познания истории учеными XX в. В то же время автор показывает разную природу кризисных явлений в отечественной и зарубежной медиевистике, их разноэтапность и различие внутренних причин. Автор предостерегает в новых условиях раскрепощения и широких научных контактов от другой угрозы — потери национальной школы медиевистики, забвения направлений и тем, имеющих национальные традиции и мировое признание. Таким образом, по мнению Н. А. Хачатурян, нынешний «кризис» — это естественный процесс трансформации науки под влиянием внешних изменившихся

¹ См. публикацию фрагментов рукописи в сб.: СВ. Вып. 62. М., 2001; СВ. Вып. 63 М., 2002.

² А. А. Сванидзе — личность, труды, поколение // СВ. Вып. 61. М., 2000.

³ СВ. Вып. 62. М., 2001.

обстоятельств и внутреннего поворота «маятника», что, однако, не должно привести к разрыву «связи времен», забвению учителей и потере своего «лица» отечественной школой медиевистики. «Вызовы постмодернизма», помноженные на российскую ментальность и естественный нигилизм молодости зачастую приводят к повторению ошибок: к поиску, пусть и иных, но единых, магистральных методов в исторической науке, к отказу от достижений предшественников, наконец, к стыдливому умолчанию вакуума, возникшего из-за отхода от марксистской методологии, когда неприятие генерализирующей истории лишает историка и общих понятий, и инструментария. Не только «класс», «формация», но и «феодализм» становятся ныне чуть ли не запретными словами, если не зна́ком реакционной отсталости. Необычная в нынешней ситуации, смелая статья, где вещи названы своими именами и нащупаны болевые точки современных дискуссий в медиевистике, написана в деликатном и взвешенном стиле, отличающем творческий почерк Н. А. Хачатурян и ее положение мэтра, заслужившего право быть арбитром.

В этом контексте надо обладать не только высоким профессиональным уровнем, но и известным мужеством, чтобы написать для третьего издания вузовского учебника по истории Средних веков (в 2005 г. вышло 5-е издание) раздел под «убийственным» заглавием: «Сущность понятия “Средние века” и феодализм»¹. Излагая предшествующие споры, сомнения и разногласия, Нина Александровна предлагает свое понимание феодальной системы, опирающееся на достижения современной медиевистики. Выделяя в содержании понятия «формация» идею структуры, от которой не может отказаться историк, она доказывает, что «феодализм» в его «идеальном виде» универсален, потому что это модель, своего рода познавательный механизм, в котором определенным образом взаимосвязаны сущностные элементы этой системы. Здесь получает должную и взвешенную оценку вклад марксизма в утверждение понятия «общественная система», а сама эта система представлена без деления на «базисные и надстроечные» структуры, но в их «сцеплении», нерасторжимой связи. На примере этой работы особенно наглядна роль, принадлежащая в нынешнем хаосе переоценок, отречений и «кризисов» Нине Александровне: стабилизирующего и позитивного звена в сообществе медиевистов, открытого обновлению и новациям, но без крайностей перманентной «переоценки ценностей». Эта позиция нашла подтверждение в недавно состоявшемся в ИВИ РАН круглом столе, организованном

---

¹ История Средних веков. Учебник для исторических вузов / Под ред. С. П. Карпова. М., 2001. Ч. 1.

Центром исторической антропологии и Ассамблеей медиевистов, «Феодализм перед судом историка», на котором Н. А. Хачатурян в емкой и образной форме суммировала свое понимание эвристической ценности концепта «феодализм»¹.

В целом хотелось бы подчеркнуть следующее: наряду с состоявшейся судьбой ученого творчество Н. А. Хачатурян дает редкий образец органичного развития научного поиска, именно развития, т. е. способности меняться, углубляя исследование и расширяя его масштаб, но в русле однажды избранного направления, открытость новациям, но без погони за переменчивой модой, превращающей серьезного исследователя в «закройщика ателье мод». В силу этого, помимо таланта и трудолюбия, из специалиста по узкой, в каком-то смысле маргинальной в свое время теме, Н. А. Хачатурян стала крупным и авторитетным медиевистом, руководителем перспективного направления исследований, воспитавшим учеников и продолжателей.

* * *

Птица выбирает дерево, дерево не выбирает птицу.

Конфуций

Портрет Н. А. Хачатурян был бы бледным эскизом без упоминания о том, что всю жизнь и едва ли не прежде всего остального она *учитель*. Придя в начале 1960-х гг. на родную, выучившую ее кафедру истории Средних веков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на должность ассистента, она всю жизнь проработала здесь, став доктором наук, профессором, уважаемым преподавателем, у которого прошло выучку не одно поколение историков.

Перечислять все, что входило в ее традиционно большую «нагрузку», вряд ли имеет смысл. Упомяну лишь, что с середины 1970-х г. и до 2000 г. она читала общий курс истории Средних веков (1 часть) на вечернем отделении, в течение многих лет вела его и на дневном. Этот основополагающий курс Нина Александровна неизменно строила по проблемному принципу, к тому же каждый год его перерабатывала с учетом историографических новаций. Ключевыми темами этого курса были проблемы собственности, общины и аграрной истории, города, сословного устройства и социальной эволюции общества, политической истории, региональных вариантов феодализма, общественных движений и восстаний и т. д. Н. А. Хачатурян умеет завладеть вниманием аудитории, ей по-настоящему «идет» преподавательская кафедра.

¹Система и принцип относительности // «Феодализм: понятие и реалии» / Под ред. А. Я. Гуревича (в печати).

Хотелось бы отметить и еще одну особенность ее преподавательского «почерка»: в обращении к студентам ею выдерживается высокая планка, разговор идет по максимальному разряду сложности, без заискивания и «игры в поддавки». Знаю, что даже те, чье знакомство со средневековой историей ограничивалось этим курсом, уходили с пониманием значимости и сложности предмета и ощущением уважительного к себе отношения.

Помимо лекций, она ведет также и просеминарские занятия на 2-м курсе. В традиции кафедры — делать семинары специализированные и ориентированные на научные интересы преподавателя — долгое время это был семинар по средневековому городу. В последние годы тематика его сменилась: теперь это семинар на тему «Общество, его институты и человек». Наконец, для специализирующихся по кафедре истории Средних веков Н. А. Хачатурян читала разные спецкурсы, среди них: «Особенности сословного представительства в Западной Европе», страноведческий курс по истории Франции (XI–XV вв.), «Королевская власть: сакральность, государство и церковь, власть и общество», «Политэкономия феодализма: основные теоретические проблемы» (вотчина, община, город, генезис капитализма, товарное производство). После ухода с кафедры Е. В. Гутновой основополагающий для будущих медиевистов спецкурс по историографии истории Средних веков также перешел к Н. А. Хачатурян, который она ведет до сих пор. Он существенно отличается от подходов Евгении Владимировны, прежде всего, масштабом структуры и включением самых последних достижений в мировой историографии XX в., которые заняли подобающее им место, но без ущерба для предшествующих поколений историков. Куда более существенно, что этот подход характеризуется рассмотрением истории медиевистики как целостной, отдельной структуры, в которой автор вычленяет некоторые ключевые звенья, сквозные темы, развитие на разных этапах исторического знания определенных идей и методов.

Говоря о Нине Александровне как об учителе, думается, будет уместно поделиться собственными впечатлениями. Я считаю, что мне очень повезло: на втором курсе я попала на семинар к Н. А. Хачатурян по средневековому городу. Благодаря этой счастливой случайности определился мой выбор профессии. И с тех пор вот уже около тридцати лет длится праздник общения с замечательным учителем и прекрасной женщиной. Что вспоминается как самое сильное, самое главное из ощущений, что больше всего повлияло на меня?

Это может показаться несущественным, но мне представляется важнейшим профессиональным свойством историка: толерантность, умение понять и другую точку зрения, гибкость ума и творческая щедрость. Именно на этих семинарских занятиях помимо освоения премудростей работы с разноплановыми источниками, помимо знания

предшествующей историографии мы постигали азы ведения научной дискуссии, оппонирования чужих работ, когда ценится не столько гиперкритицизм, так свойственный молодости, сколько способность уважать работу другого, найти в ней достоинства, а свою критику основывать не на хлестких фразах, а на более глубоком знании предмета. Таким образом, тональность дискурса, которую выдерживала Нина Александровна и преподавала нам, студентам, кажется мне той «печатью мастера», что подразумевает по своей природе университетский диплом. Учиться у Нины Александровны было тем не менее, несмотря на серьезность и строгость учителя, легко и приятно, потому что она человек необычайного обаяния, удивительной доброжелательности, «железного» терпения. Но при этом она предъявляет жесткие и очень высокие требования, которым обязан соответствовать в особенности тот, кто пожелал стать ее учеником. При всей готовности понять обстоятельства и трудности другого человека, при всей доброте она не позволяет снижать качество работы, не делает поблажек, требуя той же серьезности в отношении к делу, с которой относится к нему сама. Высокая требовательность сочетается у Нины Александровны с творческой щедростью: с учетом склонностей каждого ученика она предлагает ему выигрышную, перспективную с научной точки зрения тему, что является качественным залогом становления будущего ученого. В процессе поиска подходов к теме, в период исследовательской работы общение с Ниной Александровной не давало «утонуть» в материале, помогало увидеть перспективу, широкий контекст проблемы. Так годами она работает с каждым своим учеником, входя в обстоятельства его жизни, помня все проблемы, даже в кризисные периоды не теряя веры в его силы. Эта вера в ученика давала силы преодолевать все препятствия: просто невозможно было обмануть надежды учителя. И пусть не все ее ученики смогли защитить диссертации, в любом случае они узнали, что такое подлинная наука и настоящий ученый.

С учетом не особой «перспективности» занятий историей Франции (слишком изученная страна, сильная национальная школа) следует признать, что Н. А. Хачатурян воспитала немало специалистов, причем по разным темам и с различными методиками исследований. Среди них В. И. Колесник, Е. А. Радзиховская, В. А. Санжаров, Н. А. Бессилии, Т. Ю. Стукалова, Е. Н. Кириллова, С. А. Польская и автор этих строк. Благодаря ученикам Нины Александровны в отечественной медиевистике появились исследования в области социальной, институциональной, городской, политической, интеллектуальной, церковной истории средневековой Франции. Большая часть этих работ написана в последнее десятилетие, число учеников юбиляра растет, расширяется круг их тем, применяются новейшие методики исследований. Это также свидетельствует о признании

авторитета Н. А. Хачатурян как ученого и актуальности избранного ею направления исторического поиска.

Не знаю, возможно ли научное руководство без духовного, эмоционального воздействия личности учителя, но ученикам Нины Александровны повезло и в этом: помимо общения с большим ученым, мы получали наслаждение от встреч с умной, тонкой, обаятельной и очень красивой женщиной.

* * *

Душа — это всегда сопротивление.

Марина Цветаева.
Из записных книжек

Успешная судьба ученого, несомненные заслуги известного преподавателя лишь дополняют человеческую красоту Н. А. Хачатурян, судьба которой убедительно подтверждает простую истину: в любых, самых тяжелых обстоятельствах всегда есть возможность реализоваться как личности и при этом остаться порядочным человеком.

Нина Александровна (Денисова) родилась 7 октября 1931 г. в Москве в семье служащих, далеких от науки. Впрочем, это была старая московская семья, с традициями. Обычная семья, обычная в то время судьба: недолгое благополучие, арест отца, 58-я статья, отчуждение соседей и знакомых. А дальше — выживание. «Времена не выбирают, в них живут», каждый на свой лад. Внешне судьба сложилась равноуспешной. В начале войны семья эвакуировалась недалеко от Москвы, с наступлением немцев решила вернуться, пережив в Москве все тяготы военного времени. Учеба в школе давалась легко, но особенно Нину Александровну всегда интересовала история, поэтому выбор вуза был несложным. И здесь учеба шла легко, без «надрыва»; за все годы всего две «четверки», в отзывах преподавателей (они писались в то время наряду с оценками) она всегда называлась в числе лучших студентов. На втором курсе Нина Александровна попала в семинар Нины Александровны Сидоровой, под руководством которой затем продолжила специализацию по истории средневековой Франции. Дипломная работа об ордене тамплиеров заслужила высокую оценку и рекомендацию в очную аспирантуру, которая закончилась без результата, однако по вполне житейским, семейным причинам. И позднее, как только на кафедре освободилось место, Нину Денисову по рекомендации Е. В. Гутновой и ходатайству тогдашнего заведующего академиком С. Д. Сказкина пригласили на кафедру истории Средних веков МГУ. Дальнейшее понятно: большая преподавательская на-

грузка, защита кандидатской (1968), затем докторской диссертации (1987), статьи, книги, конференции, редколлегии, ученики...

За этим благолепным «фасадом» все обстояло сложнее. Печать дочери «врага народа», поломав прежде безмятежные отношения с окружающими, навсегда очертила «полосу отчуждения», смягчаемую природной светскостью. Чтобы поступить на «идеологический», по меркам того времени, исторический факультет, надо было применить известную всем детям «врагов народа» хитрость: в графе «отец» поставить прочерк. Чего это стоит и как отражается на самоощущении человека, знает до конца, видимо, лишь тот, кто через это прошел. Все годы учебы, потом работы оставались боязнь разоблачения, угрызения совести. Отсюда — какая-то внутренняя неуверенность в себе, ранимость Нины Александровны. Школа выживания в нашей стране предлагала множество способов, среди них был и такой: никогда «не высываться», не идти напролом. Но при этом не согнуться, состояться даже ценой маскировки природной индивидуальности.

Своим учителем она всегда считала Сергея Даниловича Сказкина, ценя его эрудицию и широту взглядов, внутренний стержень и благородное достоинство¹. В профессиональном и человеческом плане многое давало и общение с Евгенией Владимировной Гутновой, с которой их связывала многолетняя дружба. Что касается Нины Александровны Сидоровой, то это было, скорее, формальное научное руководство, к тому же ориентированное на собственные интересы учителя, а не на склонности ученицы. Отсюда и предложенная тема диссертации — политические идеи французских легистов, с отчетливо заданной антиклерикальной направленностью (черты этого влияния проступают в первой статье о легисте Пьере Дюбуа). Но эта тема была не в стиле мышления Н. А. Хачатурян, всегда тяготевшей к теоретизированию, к осмыслению больших структур. Она сама нашла себе и тему и источник — издание материалов первых собраний Генеральных штатов.

Внутренняя независимость, твердый стержень, глубокая серьезность больше, чем внешнее проявление лояльности, характеризуют облик Н. А. Хачатурян. Возможно, именно все это, как и неоднократно доказанная порядочность, моральная чистоплотность, определило неожиданный поворот судьбы — назначение в конце 1960-х гг. заместителем заведующего кафедрой совсем еще молодого преподавателя. Наступали мрачные времена на кафедре, вполне согласные с общим

¹О своем восприятии этого выдающегося медиевиста с непростой судьбой Нина Александровна рассказала в небольшой, но пронзительно написанной заметке, вошедшей в большую подборку материалов о С. Д. Сказкине, опубликованную в связи с 30-летней годовщиной со дня его кончины. См.: Оценить и понять//СВ. Вып. 65. М., 2004.

духом эпохи «глухого застоя». В 1973 г. умер С. Д. Сказкин, и его место занял министр просвещения РСФСР А. И. Данилов. Дело было даже не в контрасте масштабов ученых, дело в идейной ориентации нового руководителя — яркого апологета системы, поднявшегося на ее вершины и внимательно следившего, редко бывая на факультете, за всем происходящим там. В такой ситуации Н. А. Хачатурян пришлось быть и посредником, и своего рода «громоотводом». Без малого двадцать лет она фактически руководит кафедрой, не имея формальных властных полномочий решать принципиальные вопросы. И при ней высокий уровень и авторитет кафедры в стенах исторического факультета МГУ был поддержан¹. Не знаю, оценено ли это сообществом медиевистов, но очевидно, что это отразилось на профессиональной карьере ученого: пока она отстаивала интересы кафедры, ее собственные планы откладывались; ученые звания присваивались в последнюю очередь и даже докторантура, обещанная за «административные муки», переносилась из года в год и была дана уже на возрастном пределе.

Несмотря на трудности, это по всем статьям состоявшаяся жизнь ученого, женщины, матери. К тому же человека с тонким художественным вкусом, чья жизнь всегда наполнена музыкой, живописью, театром, литературой, окруженного людьми искусства, с которыми ее связывают долгие и преданные дружеские отношения. Кстати, взгляд интеллектуала «из публики» бывает подчас не менее ценен и значим, чем оценки профессиональных критиков, а уж взгляд на художественное творчество профессионального историка может дать весьма неожиданный и оригинальный результат. Пример тому вступительная статья Н. А. Хачатурян к публикации переводов трепетно любимого ею Ромена Гари в период снятия запретов на литературные имена русского зарубежья².

В заключение признаем: каждый человек — загадка, в данном случае одетая в природный аристократизм, в редкую красоту, без учета которой мы вряд ли что-то поймем в характере и судьбе этого неординарного человека. Но даже бегло набросанный нами портрет наглядно доказывает строгую истину: с возрастом человек сам отвечает за свое лицо, в переносном и прямом смысле слова. Может быть, это и есть главный урок творческой и человеческой судьбы Нины Александровны Хачатурян.

---

¹ Об этом периоде свидетельствует статья: Проблемы преподавания и научной специализации на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ (конец 60-х–1980 г.)//СВ. Вып. 45. М., 1982.

² Иносказания Ромена Гари//Вопросы литературы. 1991. № 5.

Список научных трудов Хачатурян Нины Александровны

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
1	Из истории политической борьбы во Франции в нач. XIV в. (трактаты легиста Дюбуа об уничтожении ордена тамплиеров)	Средние века. 1961. Вып. 20. С. 208–224	Под фамилией Денисова Н. А.
2	Реценз. на кн. «Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья». М., 1961	История СССР. 1963, № 1. С. 201–202	Под фамилией Денисова Н. А., совместно с Бугановым В. И.
3	К вопросу о политической роли горожан в истории Генеральных штатов во Франции	Вестник Моск. университета. 1966, № 3. С. 56–68	Под фамилией Денисова Н. А.
4	Духовенство и дворянство на Генеральных штатах 1302–1308 гг.	Средние века. 1966. Вып. 29. С. 90–113	Под фамилией Денисова Н. А.
5	Социально-политические аспекты начальной истории Генер. штатов во Франции	Сб. «Европа в средние века. Экономика, политика, культура», М.: Наука, 1971. С. 161–174	
6	Du rôle restructif des ordres dans les Etats Généraux de France au debut du XIV s.	Études prés. à la Commission Internat. pour l'histoire des assemblées des Etats Généraux. XIII Congrès international des sciences historiques Moscou 1970. Varsovie — Moscou LII. Varsovie, 1975. P. 111–120	N. A. Denisova-Khatchatourian
7	Возникновение Генеральных штатов во Франции	Издательство Московского университета. М., 1976. 210 с.	
8	Organisation et structure sociales des premiers Etats Généraux en France	Anciens pays et assemblées d'états. L'Album François Dumont. Louvain. 1974. P. 71–98	Nina Denisova-Khatchatourian

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
9	К вопросу о природе французской сословной монархии	Средние века. 1978. Вып. 42. С. 27–48	
10	Проблемы преподавания и научной специализации на кафедре истории Средних веков историч. ф-та МГУ (кон. 1960-х — 1980 гг.)	Средние века. 1980. Вып. 45. С. 243–264	
11	Обзор спецкурса С. Д. Сказкина по истории средневековой культуры	Сб. из истории соц.-пол. и духовной жизни Зап. Европы в средние века. М.: Наука, 1981. С. 264–289.	
12	Проблемы построения курса истории Средних веков для неисторических факультетов университетов	Методика преподавания истории средних веков по опыту Московского университета. Изд-во Моск. универ., 1981. С. 243–264	
13	Город в системе феодальной формации	Вопросы истории. 1983, № 1. С. 67–84	
14	Кафедра истории Средних веков	Историческая наука в Моск. университете. М., 1984. С. 206–233	В соавторстве с Е. В. Гутновой
15	Крестьянский вопрос на Генеральных штатах 1484 г. во Франции	Идейно-политическая борьба в сред. обществе. М.: Наука, 1984. С. 141–164	
16	Социальная организация франц. крестьянства XIII–XIV вв. (по материалам Парижского парламента)	Феодальная рента и крестьянские движения в Зап. Европе XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 222–253	
17	Рецензия на работу Басовской Н. И. «Столетняя война 1371–1453 гг.». М., 1985	Вопросы истории. 1985, № 11. С. 130–132	
18	Парламент и Генеральные штаты	Книга для чтения по истории средних веков. М., 1986. С. 116–124	

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
19	Рецензия на кн. «История крестьянства в Европе». Т. I. М., 1985	Вопросы истории. 1986, № 9. С. 143–148	
20	О научном сотрудничестве историков СССР и Португалии	Вестник Моск. университета. 1987, № 4. С. 76–87	В соавторстве с В. А. Федоровым
21	Налоговая политика Французской сословной монархии в XIV–XV вв.	Средние века. 1987. Вып. 50. С. 113–137	
22	Французское крестьянство в системе сословной монархии	Классовая и социальная структура феодального общества. Изд-во Моск. универ., 1988. С. 103–111	
23	Сословная монархия во Франции XIII–XV вв.	М.: Высшая школа, 1989. 272 С.	
24	Le dualisme de la structure politique en structure politique en France aux XIV et XV ss.	Actes du XI colloque des historiens français et historiens soviétique. P., 1989. Т. 1	
25	История Франции XI–XV вв.	Учебник «История средних веков» (для университетов). Том 1, гл. X. М.: Высшая школа, 1990. С. 225–261	
26	Рецензия на книгу Кудрявцева П. Н. «Лекции. Сочинения»	Вопросы истории. 1991, № 6	
27	Иносказания Ромена Гари	Вопросы литературы. 1991, ноябрь—декабрь. С. 206–214	
28	Эволюция государства в средневековой Европе с древнейших времен до конца XV в.	История Европы. М.: Наука, 1992. Т. II, ч. III, гл. I. С. 487–508	
29	Политическая и государственная история Западного Средневековья в контексте структурного анализа	Средние века. 1992. Вып. 54. С. 5–22	

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
30	Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности	Сб. «Власть и политическая культура в средневековой Европе». М.: изд-во ИВИ РАН. 1992	
31	Феномен корпоративизма	Сб. «Общности и человек в средневековом мире». М.; Саратов, 1992. С. 17–23	
32	Анналы в судьбе политической истории	Сб. «Споры о главном». М., 1993. С. 161–162	
33	Средневековая культура Западной Европы и России: идентичность и расхождения	Сб. «Цивилизации». Вып. 3. М.: изд-во ИВИ РАН, 1995. С. 62–80	В соавторстве с В. М. Хачатурян
34	Политическая история Западной Европы в отечественной медиевистике: достижения и потери	Бюллетень Всерос. ассоц. медиевистов и историков раннего Нового времени. М.: изд-во МГУ. 1995, № 6. С. 5–10	
35	Современная историография по проблеме королевской власти в средневековом обществе	Средние века. 1995. Вып. 58. С. 144–149	
36	Первый опыт изучения гуманизма и Реформации в отечественной медиевистике (лекционный курс П. Н. Кудрявцева)	Средние века. 1997. Вып. 60. С. 339–345	
37	Понятия «средние века» и «феодализм». История Франции XI–XV вв.	Учебник по истории средних веков (для университетов). М.: изд-во МГУ. 1997, гл. I и X. С. 7–29. С. 288–329	
38	Статус западноевропейского дворянства, его внутренняя стратификация и социальные потенции	Бюллетень Всерос. ассоц. медиевистов и историков раннего Нового времени. М.: изд-во МГУ. 1997, № 8. С. 10–14	
39	Выступление в дискуссии по проблеме «Индивидуальное и уникальное в истории»	«Казус», ИВИ РАН. М., 1999. С. 48–53	

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
40	Политическая организация средневекового города	В кн. «Город в средневековой цивилизации Западной Европы». Т. 1. М.: Наука, 1999. С. 313–340	
41	Ж. Боден. Шесть книг о государстве. Перевод и комментарии	Сб. «Антология мировой правовой мысли». Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 688–695	
42	Ф. Бомануар. Кутюмы Бовези. Перевод и комментарии	Сб. «Антология мировой правовой мысли». Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 452–463	
43	Публикация, комментарии, вступительные статьи в средн. памятникам-хартия Страсбурга, Великий мартовский ординас и нек. др.	Сб. «Антология мировой правовой мысли». Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 334–342; 463–470; 596–597; 604–605; 610–611	
44	Неопубликованная рукопись книги А. Л. Пастернака	Средние века. Вып. 61, 2000. С. 333–346	
45	А. А. Сванидзе: жизнь, творчество, поколение	Средние века. Вып. 61, 2000. С. 3–26	
46	Публикация рукописи А. Л. Пастернака	Средние века. Вып. 62–63, 2001–2002. Вып. 62. С. 275–300. Вып. 63. С. 328–358	
47	Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки	Средние века. Вып. 62, 2001. С. 195–212	
48	Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ля Марш	В кн. «Двор монарха в средневековой Европе. Явление, модель, среда». Отв. редактор Н. А. Хачатурян. М., 2001. С. 121–136	
49	Запретный плод... или Новая жизнь темы монаршего двора в отечественной медиевистике	В кн. «Двор монарха в средневековой Европе. Явление, модель, среда». Под редакцией Н. А. Хачатурян. М., 2001. С. 7–30	

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
50	Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Николая Орезма и социальная реальность Франции XIII–XIV вв.	Сб. «В честь Л. М. Брагиной. От Средних веков к Возрождению». СПб., 2003. С. 19–35	
51	Колесо Фортуны. Праздники и будни монаршей власти	Кн. «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал». Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. С. 5–12	
52	Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в.	Кн. «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал». Отв. ред. Н. А. Хачатурян, М.: Наука, 2004. С. 177–199	
53	Вспоминая С. Д. Сказкина. Оценить и понять	Средние века. Вып. 65, 2004. С. 281–288	
54	Медиевистика в Московском университете	Историческая наука в Московском университете 1755–2004. М., 2004	
55	Кафедра истории Средних веков	Энциклопедич. словарь Моск. универ. Исторический факультет. М., 2004. С. 187–195	
56	Тема королевского двора в исследованиях отечественных медиевистов	Вестник РГНФ, 3/36, 2004. С. 106–118	
57	Политический театр власти: личности, свершения, иллюзии	Сб. «Индивидуальное и коллективное в истории». Мат. межд. конференции 24–27 сентября 2001. Изд-во Саратовского ун-та. Саратов, 2004. С. 125–136	
58	Сущность понятий «средние века» и «феодализм». История Франции XI–XV вв. XI–XV вв.	Учебник по истории средних веков (для университетов). М.: изд-во МГУ, 2005. Том I, гл. I и X. С. 11–32; 320–361	

№	Название	Издательство, журнал (название, номер, год) или номер авторского свидетельства	Фамилии соавторов
59	Рецензия на книгу С. К. Цатуровой «Офицеры власти». М., 2002	Средние века. М., 2005. Вып. 66. С. 314–318	
60	Рецензия на книгу П. Ю. Уварова «Франция XVI века». М., 2004	Средние века. 2006. Вып. 67. С. 358–364	
61	Король-засгё в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Западной Европе (к вопросу о морфологии власти)	В кн.: Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 19–28	
62	Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности	В кн.: Священное тело короля. Ритуал и мифология власти. Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 5–16	
63	Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм»	Средние века. 2007. Вып. 68. № 1. В печати	
64	Монография «Политическая власть и средневековое общество в Западной Европе»	Сб. научных работ. В печати	
65	Особенности и предмет историографии как научной дисциплины (по материалам спецкурса)	В печати	
66	Коллективная монография «Власть, общество и человек в Средние века». Отв. ред. Н. А. Хачатурян	В печати	
67	Режим сословного представительства в контексте проблемы Etat moderne	В кн.: Власть, общество и человек в Средние века. Отв. ред. Н. А. Хачатурян. В печати	

И. ВЛАСТЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

М. А. Бойцов

В ШКУРАХ ИЛИ В ПУРПУРЕ? К ОБЛИКУ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕЙ ВРЕМЕН «ПАДЕНИЯ» РИМСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Любые отношения власти не только *оформляются*, но и *реализуются* при помощи символических систем. Символические системы, реализующие отношения власти, могут быть и очень сложными, и сравнительно простыми. Даже среди самых примитивных трудно будет, пожалуй, найти такую, в которой смысловую нагрузку ни приобретало бы тело правителя: его лицо, стать, жесты и позы. Однако при всей семиотичности телесной стати государя уж никак не меньшая знаковая роль всегда принадлежала, как известно, ее «искусственному обрамлению» — прежде всего одеяниям властителя, знакам его власти, антуражу, в котором он предстает перед подданными и проч. В развитых обществах монархического склада «символическое тело» государя может «расширяться» далеко за пределы его тела физического и распространять себя едва ли не до самых дальних рубежей державы. Ведь продолжением символического тела монарха служат не только, скажем, блистательные одеяния членов его свиты, его собственный парадный экипаж или флагманский корабль, но дворцы и иные резиденции, святилища для отправления «государственных» культов и пространства для политических празднеств, репрезентативные общественные здания, улицы, площади и целые города, не говоря уже о таких «мелочах», как изображения государя — неважно, двухмерные ли (например, на армейских знаменах, официальных портретах, одеяниях сановников, монетах и оттиках печатей) или же трехмерные (статуи и рельефы на улицах, площадях, в святилищах и общественных зданиях, бюсты в служебных и частных помещениях).

Давно уже пора отказаться от априорной убежденности в том, что символическая сторона власти второстепенна, дополнительна, малозначима по сравнению с иными, более «солидными», а потому

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта.

и более заслуживающими внимания историков ее основаниями, например институциональными. Конечно, на вопрос о соотношении символического и институционального нет простого ответа: как и во многих иных случаях, видимое преобладание того или иного фактора в прошлом задается углом зрения, который историк по тем или иным причинам предпочитает выбрать в настоящем. Тем не менее обращение именно к символической стороне власти «варварских королей» оправдано сейчас уже хотя бы тем простым обстоятельством, что она хуже известна. Если об институциональных структурах постримских политических образований дискуссии ведутся по крайней мере века с XVIII, что выразилось в сотнях монографий и бесчисленных статьях, то о символических основаниях власти «варварских королей» мы сравнительно мало что знаем. Разумеется, и данное исследовательское поле отнюдь не представляет собой целины: наряду с отдельными старыми трудами эрудитского толка за последние десятилетия вышло немало работ, в той или иной степени затрагивающих именно «наши» сюжеты. Однако хотя число таких публикаций постоянно нарастает, очевидно, что данная тема пока не только не исчерпана, но даже не вполне обрисована.

Получая представление о символических системах, в которых власть предъявляет (а значит, и реализует) себя в том или ином обществе, мы постигаем и самые существенные характеристики этой власти, и механизм ее функционирования. Процесс возникновения символических систем идентичен процессу становления власти, и, разбираясь в первом, мы лучше понимаем и второе.

Символические системы классического и позднего европейского Средневековья до сих пор изучены явно недостаточно, тем не менее, благодаря усилиям многих ученых, некоторое представление о них уже можно получить. Правда, линии «генетической» преемственности здесь редко прослеживаются историками глубже 800 г. — года коронации Карла Великого в Риме или же 751 г. — года помазания Пипина Короткого. Конечно, ни в коем случае нельзя сказать, что все, предшествовавшее этим датам, покрыто полным мраком: напротив, множество интереснейших деталей было уже выявлено и описано историками. Однако детали эти до сих пор предъявляются читателям разбросанными по десяткам не связанных друг с другом трудов, и в таком виде они не дают возможности формулировать сколько-нибудь общие проблемы. Именно поэтому на вопросы о генезисе средневековых символических систем даются историками по большей части весьма туманные ответы, в которых обычно бегло указывается через запятую на «германские» (или «варварские»), «позднеантичные», «христианские» и «византийские» их корни — без выявления того, какие из этих «корней» оказались важнее. Разумеется, туманность

этой позиции во многом определена скудостью источниковой базы, но еще важнее, думается, то обстоятельство, что историкам, разделенным цеховыми межами на разные профессиональные группы (античники, медиевисты, русисты, слависты, византинисты, востоковеды...), трудно выработать общий взгляд на занимающий нас здесь предмет.

Интерес к облику повелителей варварских королевств, возникших в V–VI вв. в западной части Римской империи, представляет собой не что иное, как интерес к основаниям, на которых они свою власть выстраивали, притом основаниям не только символическим, но и общекультурным. В конечном счете речь идет о вечной и всеобъемлющей научной проблеме взаимодействия позднеримских и варварско-германских начал на рубеже античности и Средневековья — том самом взаимодействии, которое в отечественной историографической традиции принято обозначать словом «синтез» и рассматривать преимущественно через призму социально-экономических или политико-правовых явлений.

Проблема, в решение которой должна внести свой скромный вклад настоящая статья, можно сформулировать в виде альтернативного вопроса: подчинила ли символическая система поздней империи сознание варварских государей, заставив их моделировать «облик» своей власти по римским образцам, или же, напротив, варвары принесли из оставленных ими лесов и степей свои символические модели, собственные образцы, которые они затем и насадили в подчинившихся им областях империи, навязав их покоренному римскому населению?

* * *

Пожалуй, лучшим аргументом в пользу второго предположения может послужить рассказ ратора, чиновника и историка Приска (ок. 420—474), сопровождавшего в 449 г. сановника Максимиана, посланца императора Феодосия II, в ставку гуннского короля Атилы (434–453)¹. Резиденция Атилы представляла собой, согласно Приску, комплекс деревянных зданий (некоторые были украшены резьбой), окруженных общей оградой. Полы в помещении, где послов принимала супруга Атилы, были покрыты мягкими коврами, а при входе в зал, где пировал сам вождь гуннов, послам поднесли чашу по гуннскому обычаю. Сам Атила восседал на своего рода «софе» — как и его жена, принимавшая императорских посланников чуть ранее. По тону повествования Приска чувствуется, что он описывает мир, ему чуждый. Тем не менее смысл некоторых деталей символического языка гуннов Приску вполне ясен: так, он понимает, что по правую

¹Текст см. в: *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. 4. P., 1851 (*Scriptorum Graecorum Bibliotheca*, 17). Фрагмент 8.

руку от Аттилы сидят более почетные лица, чем по левую, замечает, что на ложе Аттилы такие же узорчатые покрывала, какими греки и римляне украшают постели новобрачных, что изысканные кушанья подаются на серебряных блюдах, а приглашенные на пир пользуются золотой и серебряной посудой (правда, сам Аттила довольствуется простой деревянной чашей)...

Во всех этих знакомых Приску элементах репрезентации гуннского правителя вполне можно заподозрить заимствования из римской придворной жизни, но доказать это вряд ли удастся. В конце концов, такие установки, как предпочтение правой стороны перед левой, вполне могут быть присущи вовсе не связанным друг с другом культурам¹. Однако у Приска есть и бесспорные указания на римские элементы в системе репрезентации Аттилы: тот приказал выстроить баню, ради чего пришлось специально привозить издалека отсутствовавший в тех краях камень. Возводил же баню римский пленный из Сирмия, столицы Иллирика (сейчас Сремска Митровица в Сербии), то есть, из места, в котором находилась большая императорская резиденция. Ясно, что ранее то ли сам этот пленник, то ли кто-то из его предков был занят не где-нибудь, а в императорском дворцовом хозяйстве.

Если же отвлечься от повествования Приска и вспомнить, что Аттила добивался для себя имперской должности *magister militum* вместе с положенными ее обладателю инсигниями, а кроме того, намеревался жениться на римской принцессе Гонории², то доля «римских» элементов в наборе средств легитимации власти правителя гуннов предстает довольно заметной.

Держава Аттилы оказалась образованием эфемерным, исчезнувшим со смертью своего основателя. Своей хрупкостью она превзошла все остальные «варварские королевства», притом что ни одно из них, за исключением франкского, не отличалось, надо признать, особой прочностью. Неудача Аттилы свидетельствует и о неудаче избранной им системы репрезентации собственной власти (хотя, разумеется, к ней одной не сводится), и о «неубедительности» этой системы для его подданных. В чем состояли специфические слабости именно ее, сказать наверняка, конечно же, трудно. Однако повествование Приска может внушить по крайней мере подозрение, что в избранной

---

¹ О «левом» и «правом» см., например: *Deitmaring U. Die Bedeutung von Rechts und Links in theologischen und literarischen Texten bis um 1200 // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Jg. 98. 1969. S. 265–292; Elze R. Rechts und Links. Bemerkungen zu einem banalen Problem // Das andere Wahrnehmen. Beiträge zur europäischen Geschichte / Hrsg. v. M. Kitzinger u. a. Köln etc., 1991. S. 75–82.*

² Подробнее см.: *Alföldi A. L'Idée de domination chez Attila // Nouvelle Revue de Hongrie. Vol. 6. 1932. P. 200–234.*

Аттилой пропорции между римско-имперскими и «варварскими» элементами его репрезентации последним в восприятии грека Приска оказалось отведено слишком много места. Избыток «чужих» черт в «официальном облике» властителя не может внушать расположение к нему подданных: чтобы быть легитимной, любая власть должна, помимо всего прочего, «выглядеть» в соответствии с обращенными к ней ожиданиями. Вряд ли римляне могли узнать «свою» власть в тех чертах придворного быта Аттилы, которые до нас донес Приск.

* * *

В распоряжении историка есть еще одно описание «варварского государя», правда, не гунна, а вестгота. Притом что вестготское королевство нельзя отнести к числу политических долгожителей, триста лет его существования — срок бесконечно долгий по сравнению с теми немногими десятилетиями, когда над Европой был занесен «бич Божий». Это описание содержится в известной эпистоле галльского аристократа Гая Соллия Сидония Аполлинария (430/431 — ок. 486), которой он (если верить его словам, конечно), откликнулся на просьбу своего корреспондента Агриколы поведать о короле Теодорихе II (454–466), чьим расположением Сидоний имел счастье пользоваться¹.

Цель и время написания этого небольшого, но содержательного сочинения определяются в литературе различно. Одно дело считать его панегириком, созданным в годы правления Теодориха II, совсем другое — полагать, что «письмо» составлено на самом деле уже после убийства этого короля и содержит скрытую критику («по контрасту») его преемника, куда менее благосклонного к Сидонию Аполлинарию. Впрочем, для наших целей это различие представляется несущественным: как в том, так и в другом случае образ Теодориха должен был получиться под пером автора более или менее симпатичным. Ни к карикатурному гротеску, ни к памфлетному обличению своего героя Сидоний стремиться явно не мог. Вглядимся же в портрет короля-варвара, нарисованный римским сенатором.

Сидоний Аполлинарий подробно описывает форму носа и губ Теодориха, его шею, живот, спину, ноги с «красивыми коленями», шею, лоб и затылок, ресницы, достигающие чуть ли не середины щеки, когда король закрывает глаза. Он пишет даже о юношеском румянце короля...

¹ Здесь использовалось новое издание: *Köhler H. C. Sollius Apollinaris Sidonius Briefe. Buch I. Einleitung-Text-Übersetzung-Kommentar. Heidelberg, 1995.* По нему приводятся все цитаты из разбираемого ниже письма Сидония Аполлинария Агриколе (Ерр. 1,2).

Для писателя, придерживающегося классических традиций античной литературы (а значит, и античного склада мышления), «плотский» облик государя — очень важный критерий оценки степени легитимности правителя. Человек, избранный судьбой для правления, — красив, узурпатор — уродлив. Этот прием характеристики государя пройдет и через средневековую литературу, хотя будет играть разную роль и в разных культурах, и у разных авторов. Так, на латинском западе непросто найти сочинителя, столь же подробно описывавшего облик вождей и правителей, как византийская принцесса Анна Комнина, продолжающая в этом, естественно, традиции классики¹. И все же когда под пером тюдоровских историков король Ричард III превращается не только в тирана, какого не видел свет, но и в отвратительного горбуна, становится очевидным, что и на Западе та же самая традиция к эпохе Ренессанса не вполне иссякла.

Внешность Теодориха II описана Сидонием Аполлинарием скорее с симпатией, во всяком случае, он не отмечает в ней таких изъянов, которые могли бы заронить сомнение в предназначенности молодого короля для правления. Впрочем, для нас в этой части рассказа действительно существенна лишь одна деталь: прическа короля явно представляется автору «чужой» — однако не из-за бороды (*barba*): она хоть и «курчавится у висков», но ею постоянно занимается парикмахер — *tonsor*, да так, что совсем выщипывает волосы в нижней части лица, особенно на щеках. (Похоже, Теодорих носил вовсе не «бороду» в нашем понимании, а лишь нечто вроде коротких бакенбардов.) Зато в чем Сидоний усматривает «обычай его (Теодориха) народа», иными словами, *не римский* обычай, так это в том, что «ушные раковины» Теодориха «скрываются под лежащими на них прядями волос»². К этой детали мы еще вернемся, а пока последуем далее вслед за рассказчиком.

«Рабочий день» короля начинается еще до рассвета, когда он в самом скромном сопровождении отправляется на встречу со «своими епископами» (сторонник никейского христианства Сидоний Аполлинарий здесь, надо полагать, аккуратно дистанцируется от

¹ Для Анны Комнины, впрочем, выразительность облика — качество, похоже, необходимое для любого успешного осуществления власти — легитимного или нет, неважно. Узурпаторы, посягнувшие на константинопольский престол, у нее отнюдь не уроды от рождения, но, напротив, наделены весьма убедительными чертами внешности. Последнее и объясняет, почему толпы людей были за них готовых отдать свои жизни, и дополнительно подчеркивает заслуги тех, кто этих узурпаторов победил, то есть, прежде всего, отца писательницы, императора Алексея I.

² «*Aurium ligulae sicut mos gentis est, crinium superiacentium flagellis operiuntur*» (I, 2, 2).

арианского духовенства), чтобы помолиться вместе с ними¹. Правда, делает король это скорее по привычке, чем из глубокого внутреннего убеждения, — полагает наш информатор.

Раннее утро Теодорих посвящает делам правительственным. Он восседает на *sella* — надо полагать, *sella curialis* римского магистрата — в окружении вооруженных приближенных. Толпа одетых в шкуры телохранителей (или просто варваров?) «допускается, чтобы не отсутствовала, но держится за порогом, чтобы не мешала своим шумом. Поэтому шумит она только перед входом [в приемную залу?], отделенная завесами, но внутри ограды»². (К этой не вполне ясной фразе придется вернуться чуть ниже.) Король принимает посольства чужих народов, внимательно их выслушивает, но сам говорит мало... Уже во втором часу³ Теодорих встает с кресла, чтобы осмотреть кладовые или же конюшни⁴. Затем Сидоний довольно подробно рассказывает об охоте Теодориха, но для нас здесь существенна лишь та деталь, что вопреки римским охотничьим обычновениям король охотится с копьем и луком⁵.

Интересное описание повседневного застолья (о праздничных пирах Сидоний повествовать не хочет, потому что их роскошь якобы и так повсеместно известна). Помещение украшают мягкие покрывала на ложах и ковры (или декоративные завесы?), либо окрашенные пурпуром, либо же белые — из тонкого льна⁶. Столы отнюдь не прогибаются под тяжестью большого количества посуды из давно нечищенного, покрывшегося синеватым налетом серебра. (Иными словами, посуды мало, но она хорошо выглядит и должным образом содержится.) Блюда для кушаний отличаются блеском (изяществом?), а не весом, сами же кушанья — вкусом, а не дороговизной. Пьют за столом мало. Короче, подводит итог Сидоний Аполлинарий, здесь соединились греческая элегантность, галльское изобилие и италийская

¹ «...antelucanos sacerdotum suorum coetus, minimo comitatu expetit, grandi sedulitate veneratur» (I, 2, 4).

² «... circumssistit sellam comes armiger; pellitorum turba satellitum, ne absit ammittitur, ne obstrepat eliminatur; sicque pro foribus immurmurat, exclusa velis, inclusa cancellis». Ibidem.

³ «Второй час» приходится летом примерно на 6–7 часов утра, а зимой на 8–9 часов.

⁴ «Surgit e solio, aut thesauris inspiciendis vacaturus aut stabulis». Ibidem.

⁵ Köhler H. Op. cit. S. 142.

⁶ «... toreumatum peripetasmatumque, modo conchyliata profertur suppellex, modo bissina» (I, 2, 6). Точные значения использованных здесь слов устанавливаются с трудом: см. подробный комментарий: Ibidem. S. 148–150.

быстрота, так же как публичная пышность, частная бережливость и королевская строгость¹.

Насытившись, Теодорих II если и предается послеобеденному сну, то лишь очень недолго, а часто и вовсе от него отказывается. Зато нередко в эти часы он увлекается игрой в кости — занятием, которое Сидоний описывает весьма подробно, сопровождая рассказ занятыми психологическими наблюдениями. Чего стоит одна лишь такая зарисовка: король лишь тогда убеждается, что действительно выиграл, когда видит огорчение от проигрыша на лицах партнеров. Тогда государь приходит в столь хорошее расположение духа, что в эту-то минуту от него вполне можно добиться благоприятного решения какого-нибудь важного дела, с которым он перед тем долго тянул. Сидоний Аполлинарий признается, что сам нередко нарочно проигрывает Теодориху, дабы дать нужный ход своим просьбам.

Около девятого часа² вновь приходит время для хлопотных правительственных забот — в первую очередь разбора всевозможных жалоб и споров, и деловая суতোлка длится до вечера, прекращаемая лишь королевским ужином. Хоть и редко, во время этих вечерних застолий устраиваются веселые мимические представления, однако такие, что никого из гостей не обижают желчные остроты. Правда, здесь не услышать ни органа, ни певца, ни декламатора, ни хора, ни оркестра, ни лиры, ни тимпана, ни кифары, потому что королю нравятся лишь такие песнопения, что не только ласкают слух, но и возбуждают доблесть духа³.

Когда Теодорих поднимается с места, он идет расставлять ночную стражу у дворцовой сокровищницы, и вооруженная охрана занимает места у входов в королевскую резиденцию: ей надлежит оберегать первый сон короля...

На этом Сидоний Аполлинарий завершает свой рассказ о государе вестготов. Текст этот очень нелегок для понимания, поскольку насыщен намеками, смысл которых сейчас уже неясен. Трудно определить, до какой степени серьезен или же, напротив, ироничен автор в тех или иных его описаниях. Так, легкую насмешку можно заподозрить в чересчур пространном и велеречивом описании королевской игры в

---

¹ «Videas ibi elegantiam Graecam, abundantiam Gallicanam, celeritatem Italam, publicam pompam, privatam diligentiam, regiam disciplinam» (I, 2, 6).

² Т. е. около 15 часов по нашему счету времени.

³ «Sane intromittuntur, quamquam raro inter cenandum mimici sales, ita ut nullus conviva mordacis linguae felle feriat; sic tamen quod illic nec organa hydraulica sonant, nec sub phonasco, vocalium concentus meditatam achroama simul intonat; nullus ibi lyristes choraules mesochorus tympanistria psalteria canit, rege solum illis fidibus delinito, quibus non minus mulcet virtus animum quam cantus auditum» (I, 2, 9).

кости или же в неумеренном восхвалении «будничного» королевского обеда: тут между строк прочитывается, что за столом у Теодориха II кормили и особенно поили довольно-таки скаречно. Да и пассаж о «греческой элегантности, галльском изобилии и италийской быстроте», якобы свойственных будничным застольям готского короля, кажется чересчур льстивым, чтобы не заподозрить в нем иронию. Однако в других случаях подтекст скрыт куда глубже, и слова автора приходится принимать за чистую монету, каковой они, возможно, отнюдь не являлись.

Легко почувствовать, что порядки при дворе Теодориха то и дело сопоставляются с какими-то иными, ведь это в *других* местах (то ли близких, то ли далеких) столы ломаются от массивной, но нечищенной серебряной посуды, а еще где-то во время трапезы играют оркестры, поют хоры, и придворным приходится страдать от желчных острот наглых мимов...

Первая отсылка явно подразумевает двор какого-то варварского государя, неважно, конкретного (например, преемника несчастливого Теодориха II) или же обобщенного. Ведь один из характерных римских стереотипов при описании варваров состоит как раз в том, что последние домогаются грубой роскоши, получив же ее, бахвалятся ею безмерно, а вот в изящном не понимают ровным счетом ничего и оценить его должным образом не в состоянии. Зато второй намек отсылает нас к куда более изощренному типу придворной культуры: оркестры, слаженные песнопения, органы и дерзкие шуты — не менее стереотипные (и потому, надо полагать, легко узнававшиеся читателем) черты римского придворного быта. Его нормы задавались, естественно, императорским окружением, но в той или иной степени воспроизводились и всеми знатными и богатыми римлянами, кто мог себе позволить некоторую роскошь¹. (Недаром же рассказ Петрония о пире у вольноотпущенника Трималхиона доносит до нас, по общему мнению специалистов, кое-что из атмосферы застолий у римского цезаря.)

Выходит, Сидоний Аполлинарий желает, во-первых, показать, что двор Теодориха II не столь «варварский», каким он вообще-то говоря вполне мог бы быть. Но, во-вторых, автор изящно дает понять сведу-

---

¹ Марк Аврелий вроде бы даже официально «дал высокопоставленным лицам позволение устраивать пиры с тем же убранством, какое было у него самого и с одинаковой обслугой». *Scriptores historiae Augustae. Marcus Antoninus* (XVII, 6). Перевод С. Н. Кондратьева приводится по изданию: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. С. 42. Понятно, однако, что и без высочайших разрешений императорские пиры служили образцом для подражания у имперской знати — пускай даже образцом недостижимым.

щим читателям, насколько двор этот не похож и на двор «римский». Одно отличие ему представляется, похоже, вполне положительным (во время комических представлений не насмеются над гостями — нет ли тут намек на личный опыт автора или его адресата?), от суждения об остальных воздерживается. Впрочем, его оценки можно угадать — во всяком случае частично. Так, вряд ли автора письма — римского аристократа, получившего классическое образование и воспитание, — могло восхищать то (вообще-то вполне естественное) обстоятельство, что Теодорих, очевидно, ничего не смыслил в римской музыке и не ценил ее. И вряд ли тонкий слух Сидония Аполлинария действительно ласкали «песнопения, возбуждающие доблесть духа», поскольку песни сии звучали скорее всего на родном языке короля и строились в соответствии с эстетическими принципами, глубоко чуждыми представителям римской культуры. Помнится, в другом произведении наш автор высказывал свое отношение к музыкальной культуре германцев вполне недвусмысленно: «... живу я среди полчищ волосатых, / Принужденный терпеть германский говор / И хвалить, улыбаясь против воли, / Обожравшихся песенки бургундов, / Волоса умастивших тухлым жиром»¹. Вряд ли «песенки бургундов» настолько отличались в худшую сторону от вестготских «песнопений, возбуждающих доблесть духа», чтобы Сидонию Аполлинарию за ужином у короля Теодориха не приходилось «улыбаться против воли».

Сочинитель эпистолы хвалит (возможно, иронично) умеренность короля и его окружения в питье во время обеда, но не возвращается к той же теме, описывая ужин Теодориха. Это странно. Способность напиваться до полного безобразия относится к числу самых характерных для античной культуры (как греческой, так и римской) стереотипов варвара. Завершающее дневные труды королевское застолье представляло бы Сидонию Аполлинарию удобнейший повод написать пару фраз в таком духе: «И хотя даже самые жаждущие из сотрапезников ни на мгновение не испытывают недостатка в фалернском и иных лучших винах, здесь никогда не услышишь громких и бессвязных речений и не увидишь грубой разнузданности, столь свойственной нагурам, мало сведущим в изящном». Однако ничего подобного наш автор не написал, чем, думается, молчаливо подтвердил справедливость бытующего мнения о винолюбии германцев. Если так, то новый смысл приобретает его фраза о том, как Теодорих идет после ужина расставлять ночную стражу. Получается, что сам король под стерео-

---

¹ Стихотворное послание сенатору Катутлину. Перевод Ф. А. Петровского дается по изданию: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 296.

тип не попадает. По крайней мере, он-то, выходит, вполне сохраняет способность к разумным действиям...

Вернемся чуть раньше — к послеобеденному досугу. В эти часы, отводившиеся в быту римской элиты не только отдыху, но и приятным интеллектуальным и эстетическим занятиям: чтению, музицированию, сочинительству, философствованию, Теодорих II увлеченно играет в кости. Скрытое здесь, как представляется, противопоставление выдает себя в одной по-тацитовски динамичной фразе: если король бросает кости удачно, он молчит, если неудачно — смеется; ни в том ни в другом случае он не гневается, но как в том, так и в другом случае проявляет философское отношение (к случившемуся)¹. Такое сравнение с философом человека, от философии весьма далекого и занятого отнюдь не философским занятием, придает фразе скрытый комизм и намечает очередную разграничительную линию между «им» и «нами». Линия эта, впрочем, может быть замечена только «своими» — римскими интеллектуалами, принадлежащими к тому же кругу, что и Сидоний Аполлинарий. Остальные читатели, и прежде всего готы, вряд ли ощутят тут иронию.

Вообще-то чрезмерное увлечение игрой в кости представляет собой в римской литературной традиции тоpos для описания дурных государей². Однако умеренно предаваться этому занятию римскими биографами допускается даже образцовым правителям: вспомним пространный рассказ Светония о том, как играл (и как проигрывал) сам божественный Август³. Теодорих II в описании Сидония Аполлинария играет хоть и азартно, но проявляя «философское отношение», следовательно, содержащаяся здесь оценка готского короля скорее положительна, хотя выдана она не без снисходительности представителя более развитой культуры по отношению к варвару, пускай и располагающему к себе.

Когда Теодорих лично осматривает кладовые и конюшни или же расставляет стражу, он поступает как добрый хозяин усадьбы в первом случае и как военачальник средней руки в другом, но отнюдь не как римский император — и, вероятно, именно по причине этого отличия Сидоний Аполлинарий вообще счел нужным упомянуть такие действия своего героя. Однако оттенив здесь «германскость»

¹ «In bonis iactibus tacet, in malis ridet, in neutris irascitur, in utriusque philosopatur» (I, 2, 7).

² См., например, характеристику императора Вера: «Рассказывают также, что он ночи напролет играл в кости, усвоив себе этот порок в Сирии, и дошел в своих пороках до того, что мог соперничать с Гаем, Нероном и Вителлием...» *Scriptores historiae Augustae. Verus* (IV, 6). Перевод С. Н. Кондратьева по изданию: *Властелины Рима...* С. 50.

³ Светоний. *Божественный Август*. 71, 1–4.

Теодориха, автор все же не забывает в других местах подчеркнуть «римские» черты его облика как правителя. Ярче всего они выступают при описании оформления застолья (пускай повседневного) и в сцене официального приема.

Совершенно отказавшись от «акустического обрамления» своих трапез в римском стиле, Теодорих, судя по рассказу Сидония, напротив, полностью воспринял этот стиль для оформления визуального. Покрывала (или занавесы) пурпурного и белого цветов создают типичную «императорскую» гамму, хотя и неполную. За столом у императора она была бы, скорее всего, обогащена блеском золотой (или хотя бы позолоченной) посуды. Сочетание белого, пурпурного и золотого цветов типично именно для императорской репрезентации (и именно поэтому оно со временем будет заимствовано у римских государей римской церковью).

Несмотря на краткость, описание официального приема у Теодориха II для нас очень интересно. Во-первых, Сидоний Аполлинарий делит окружение короля на две группы. Одна названа им *pellati*, из чего, впрочем, еще не следует, что эти люди действительно были косматы или одевались в шкуры. *Pellati* — традиционное у римских авторов обозначение варваров вообще, прежде всего германцев, и потому его не обязательно понимать буквально. Как бы ни были одеты *pellati* Теодориха, они по-варварски недисциплинированы, не могут соблюдать тишину. Между тем тишина в дворцовых покоях сама представляла собой важную деталь императорской репрезентации — ведь это «священная» тишина, призванная дать ощутить сакральный характер резиденции (*sacrum palatium*), уподобить ее храму и тем самым лишней раз подчеркнуть священный характер особы государя¹. О значении, придававшемся такой тишине в дворцовом мире, можно судить хотя бы по тому, что придворные, которых мы бы сейчас назвали церемониймейстерами, именовались обычно при римско-византийских дворах *силенциариями* — т. е. «устанавливающими тишину», «ответственными за тишину».

---

¹Как и многие другие черты римской придворной культуры, «священная тишина» пришла из Персии, бывшей для римлян, по всей видимости, авторитетнейшим и неисчерпаемым источником образцов репрезентации монархической власти. Тишину во время аудиенций царя персов придворные хранили уже во времена Фемистокла, да и он сам, павши сначала ниц перед царем, затем «встал и молчал». *Плутарх*. Фемистокл, 28–29 (перевод С. И. Соболевского по изданию: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1994. С. 147). О священной тишине в императорском дворце см. прежде всего: *Alföldi A.* Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Darmstadt, 1970. S. 38; *Treitinger O.* Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Darmsatdt, 1956. S. 52–54.

Священную тишину, очевидно, умеют соблюдать окружающие Теодориха «вооруженные приближенные». Выходит, они-то не относятся к числу шумных германцев, а являются либо римлянами, либо если и варварами, то уже успевшими пройти успешную выучку в делах церемониала у римлян. Что же до телохранителей-готов, то им, естественно, положено присутствовать неподалеку от особы *готского* короля, но характерно, что их отодвинули на самый край пространства ритуала¹. Их место хоть и «внутри ограды», но только «перед входом». Восстановить топографию здесь в деталях не удастся, однако понятно, что речь идет о качественно разных «секторах» королевского дворца и об иерархии между ними: шумные готы хоть и располагаются там, куда далеко не всякому дозволяется попасть, однако им не положено переступать порог «самого главного» помещения, в котором король дает аудиенции.

Граница между обоими пространствами обозначена вполне на римский манер: занавесами, то есть, теми самыми *vela*², которыми в римско-византийском церемониале со временем даже стали обозначать очередность допуска к персоне государя. Сановников или просителей поважнее приглашали на аудиенцию к императору при «первом занавесе» (то есть когда занавес раздвигали в первый раз), других при «втором» — и так далее по нисходящей³.

Итак, Теодорих II предстает нам в зале, где присутствующие стараются соблюдать «священную тишину», окруженный неподвижными телохранителями неясного рода-племени и отделенный занавесами от своих соплеменников, шумящих в «приемной». Но на чем он сидит? Судя по всему, это не трон — привилегия императора и Бога. Ведь римские авторы называют трон обычно *solium*, а Сидоний использует слово *sella*, подходящее более всего к месту не императора, а магистрата. Когда римлянин говорит о *sella* не в бытовом смысле, а подразумевая некий символ власти, он чаще всего имеет в виду как раз складную, с низкой спинкой или же вообще без нее *sella curialis*, выполненную обычно из слоновой кости или позолоченную

¹ О таком пространстве см.: *Bojcov M. A. Qualitäten des Raumes in zeremoniellen Situationen: Das Heilige Römische Reich, 14. — 15. Jahrhundert // Zeremoniell und Raum / Hg. v. W. Paravicini. Sigmaringen, 1997. S. 129–153.*

² О занавесах и об их персидском происхождении см.: *Alföldi A. Op. cit. S. 36–38*, а также: *Treitinger O. Op. cit. S. 55–56.*

³ Описание того, как приглашенные на аудиенцию, стоя перед задернутым занавесом, готовятся к ней, как перед ними, наконец, занавес раздвигают и как они возвращаются после аудиенции обратно к тем, кто еще ожидает своей очереди, см., например, в следующем месте «Книги церемоний»: *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / Ed. I. I. Reiske. Bonn, 1829. Vol. 1. P. 706 (II, 52).*

металла и дерева. Варварские короли, как правило, не посягали на императорские инсигнии и непонятно, почему Теодорих II должен был бы оказаться исключением, усевшись не на *sella curialis*, а на императорский *solium*. Исидор Севильский (ок. 560—636), конечно, пишет, что вестготский король Леовигильд (568—586) якобы восседал именно на *solium*¹, но Исидора можно понять в том смысле, что как раз Леовигильд и был первым королем вестготов, позволившим себе такую дерзость¹. Между тем Теодориха II и Леовигильда разделяет больше столетия...

Разумеется, мы не знаем, при помощи каких выразительных средств Теодорих II «на самом деле» выстраивал свою власть. Но мы видим, как рисовал образ этой власти Сидоний Аполлинарий. Сколь бы сильно ни отступал он от «действительности», сколько бы ни стилизовал портрет Теодориха, нам достаточно и того, что читатели его эпистолы, будь то Агрикола, будь то кто иной, представляли себе Теодориха так, как преподносил его им Сидоний. Пусть мы никогда не узнаем, как *выглядел* Теодорих, у нас есть хорошая возможность представить, по крайней мере, каким *являлся* он мысленному взору Агриколы и его современников. (Хотя, как уже говорилось, ряд отенков и в этом образе нам уже — увы! — различить невозможно.)

Выходит, облик Теодориха как государя «в глазах Агриколы» сочетает черты римские и варварские. Однако этой банальной констатации недостаточно: стоит проследить, в каких именно случаях Теодорих II более «варвар», а в каких — более «римлянин». Мне видится в рассказе Сидония Аполлинария определенная закономерность: чем ответственнее в репрезентативном отношении ситуация, тем больше «римскости» проступает в облике вестготского короля. Соответственно наиболее «римской» оказывается самая торжественная сцена — дворцового приема. «Варварство» здесь буквально выставлено за дверь (точнее, за занавес), а все, что происходит в зале для аудиенций, стилизовано в «имперском» духе. Кстати, в этой зале присутствуют не только римляне, но и чужеземные посланники² (представляющие народы не менее варварские, чем вестготы). И Теодорих II является им не как *rex* одного из германских племен, а в совершенно ином обличье, хорошо известном во всем средиземноморском регионе, — в облике римского магистрата³. В своей репрезентации король пользуется

¹ *Isidoros Hispalensis. Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum* // *Monumenta Germaniae Historica* (далее — MGH). *Auctores antiquissimi* (далее — AA). T. 11. Hannover, 1894. P. 288: «...primusque inter suos regali veste opertus solio resedit...» (51).

² «Inter haec intromissis gentium legationibus...» (I, 2, 4).

³ О том, что варварские короли (в частности, вестготы) понимали себя как магистратов на службе империи, см.: *Bornwell P. S. Emperor, Prefects & Kings. The Roman West 395–565*. Lnd, 1992. P. 74.

«универсальным» символическим койне, каковым давно уже стал стиль представительства римского императора и его должностных лиц. Вряд ли Теодорих II выбрал себе этот стиль исключительно ради «иностранцев», но их систематическое появление при вестготском дворе могло ускорить «романизацию» обличия государя.

Довольно «римским» выглядит под пером Сидония Аполлинария и повседневное застолье короля. Лишь исполнение героических песен за ужином выбивается из «имперского стиля». Тут стоит иметь в виду, что состав сотрапезников Теодориха II неизбежно должен был от раза к разу меняться. Вряд ли готский эпос звучал в тех случаях, когда за трапезой присутствовало много тех самых «посланцев народов» (пускай даже германских), которыми Теодорих перед тем давал торжественную аудиенцию. «Песнопения» должны были исполняться в кругу «своих», т. е. прежде всего готов и тех доверенных римлян, кому, подобно Сидонию, приходилось «хвалить, улыбаясь против воли», варварские напевы, якобы не только «приятные на слух», но и «вселяющие доблесть в сердце»¹. Всякое застолье служило установлению и поддержанию социальных связей², но в данном случае пир призван был спланировать вокруг персоны короля в первую очередь *готскую* знать, и соответственно в рамках этого действия проще всего могли сохраняться архаичные «варваризмы».

Не потому ли латинские авторы поминали трапезы варваров с некоторым содроганием, что именно здесь вырывалась на поверхность «чуждость» пришельцев, оставшаяся при других обстоятельствах более ли менее скрытой? Агнелл Равеннский (800/805—после 846) не только упоминает пьянство на пирах у лангобардского короля Альбоина (560/565—572/573), но и рассказывает, как король пил из очень красиво оформленной чаши, сделанной из черепа своего тестя³, и даже заставлял делать то же свою жену (что в конечном счете и сто-

¹ «... illis fidibus... quibus non minus mulcet virtus animum quam cantus auditum» (I, 2, 9).

² Литература о такой функции пира необозрима. Российскому читателю проще всего начать знакомство с ней с краткой статьи: Гуревич А. Я. Пир // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 359—360.

³ «Quod capud erat ex auro ligatum optimum margaritisque et diversis preciosissimis gemmis infixum». Agnelli qui et Andreas liber pontificalis ecclesiae Ravennatis ed. O. Holder-Egger // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. P. 265–391, здесь P. 362. Об этом интереснейшем авторе см. на русском языке: Бородин О. Р. Средневековые «книги понтификов» — формирование историографического жанра // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 64–72; Он же. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 49–66.

ило ему жизни). Чересчур доверять этой легенде, конечно, не стоит, хотя пить из черепов противников, действительно, вполне известный обычай, особенно принятый у кочевников¹. Тут важно, что Агнелл Равеннский, примыкая к сложившейся литературной традиции, передает общее впечатление о «чужести» варварского пира римской культуре — впечатление, сложившееся, конечно же, задолго до его собственного времени. Тем более заслуживает внимания деликатность Сидония Аполлинария: помимо «песнопений», он не замечает особых «германизмов» за столом у своего покровителя.

Вот и обозначилась граница, определяющая преобладание либо «римского» начала, либо же «варварского» в облике готского короля: Теодорих II предстает больше готом тогда, когда оказывается в одиночестве или же в кругу «своих», и больше «римлянином», когда выходит из этого круга на широкую публику. Именно «среди своих» Теодорих самозабвенно (хоть и как философ) бросает кости, охотится, обходит дворцовое хозяйство и расставляет у дверей стражу (наверняка тоже «косматую» — *pellati*, как и телохранители перед занавесом). Элемент репрезентативности присутствует, наверное, и во всех этих действиях, но он ясно не выражен, не преобладает. Придворный церемониал развит слабо и менее всего претендует на подчинение себе всей личности государя, как нередко бывало в других культурах и в другие времена. Итоговая формула, которую, как кажется, позволительно вывести из рассмотренного материала, звучит так: «варварство» — в *относительно приватной* сфере и «римскость» — в сфере *относительно публичной*. Здесь нет возможности специально обосновывать, что само разделение жизни Теодориха II на

---

¹ Хорошо известный российскому читателю эпизод с черепом Святослава, превращенным в кубок для вождя печенегов, не единственный. Болгарский хан пил из черепа императора Никифора I, погибшего в бою с ним в 811 г. По-видимому, верно предположение, что у ряда кочевых племен голова рассматривалась какместилище персональной харизмы человека. Пить из черепа тогда означает вбирание в себя жизненной силы и удачи побежденного врага. О стремлении не допустить присвоения таким способом харизмы павшего свидетельствует эпизод, сохранившийся в монгольской традиции. Когда один из противников Чингис-хана был убит, сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собой, отрезали его голову и поспешно отошли с ней. См.: *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 123 со ссылкой на: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 151. Другие примеры, приводимые Т. Д. Скрынниковой, позволяют ей предположить, что «харизма», заключенная в черепе вождя, имела значение для сохранения его рода и всего социума. За любезное указание на книгу Т. Д. Скрынниковой я глубоко признателен И. Н. Данилевскому.

сферы «частную» и «публичную»¹ может быть лишь условным. «Приватность» у варварского короля представляла собой явно нечто иное, нежели новоевропейская *privacy*, с одной стороны, и *otium* римского аристократа — с другой. Тем не менее, соблюдая сугубую осторожность в данном вопросе и даже вообще отказавшись от использования слов «приватное» и «публичное», трудно не заметить, что одни стороны жизни короля были более открытыми, а другие — менее. Но именно в первых воздействие римской культуры сказывается заметнее всего.

* * *

Вспомним, что в облике Теодориха II была одна «неримская» черта, в самом начале упомянутая Сидонием Аполлинарием, с которой король не мог бы расстаться даже в самых официальных ситуациях. Эта черта — прическа. Как известно, у варваров (во всяком случае германцев) прическа служила важнейшим средством племенной идентификации. Римский император не только не нуждался в какой бы то ни было этнической идентификации, она бы ему только вредила. Император — владыка ойкумены, государь всех христиан, а значит, потенциально всего человечества, и в этом качестве он возвышается над всем множеством групп, человечество составляющих. Совсем иное дело короли варваров, далекие от таких универсальных претензий. Они вполне оправдывали снисходительное обозначение, придуманное им римлянами, — *reges gentium*, т. е. «цари народов». Внешнее выражение «народной», племенной самоидентификации неизменно включалось ими в систему репрезентации собственной власти.

Взглянем на известный медальон остготского короля Теодориха Великого (474—526). Государь представлен на нем вполне в римском стиле вплоть до того, что держит в руке сферу с викторией, несущей пальмовую ветвь и лавровый венок (рис. 1). Однако при взгляде на прическу короля сразу вспоминается строка Сидония Аполлинария, в которой он упоминает «чужую» ему черту в облике другого Теодориха — вестготского: его «ушные раковины... скрываются под лежащими на них прядями волос». Выходит, эта особенность была общей для всех готов.

Еще один пример — медная позолоченная пластинка, некогда украшавшая шлем знатного лангобардского воина, найденная под

---

¹ Вопрос о «частном» и «публичном» в культурах, отличных от новоевропейской обсуждается в: Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996 и Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000.

Рис. 1

Вальдиньеволо и хранящаяся ныне в Национальном музее дель Барджело во Флоренции (рис. 2). В ее центре — восседающий на престоле лангобардский король Агилульф (591–615/616) с двумя телохранителями-копьемосцами за спиной. Даже в новых работах можно встретить весьма произвольные трактовки смысла изображенного. Так, Г. Броджоло считает, что телохранители за престолом Агилульфа символизируют лангобардское войско, а сам король принимает «просителей»: с каждой стороны к нему приближаются по одному римлянину и одному лангобарду¹. Между тем изображение прочитывается довольно легко, если знать правила официальной римской иконографии, в соответствии с которыми оно и построено. При всей

¹ Brogiolo G. P. Ideas of the Town in Italy during the Transition from Antiquity to the Middle Ages // The Ideas and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. by G. P Brogiolo and B. Ward-Perkins. Leiden; Boston; Köln, 1999 (The Transformation of the Roman World, 4). P. 115–116.

Рис. 2

грубости работы легко различить слева и справа от телохранителей-спафариев фигуры викторий, подводящих к трону Агилульфа кого-то, кого он, очевидно, одолел на поле брани. Аналогичные композиции многократно встречаются в официальном римском искусстве, означая подчинение императору побежденных им варваров. Позже эта иконографическая идея была перенесена и на сцены приношений Иисусу Христу, и прежде всего поклонения волхвов¹. Однако она будет продолжать жить и в светской «императорской» иконографии еще в Средние века: вспомним, как «Рим», «Галлия», «Германия» и «Склавиния» вполне на античный лад несут свои «дары признания» к трону императора Оттона III... (рис. 3).

Если и допустить вместе с Г. Броджоло, что «варвары» на пластинке со шлема о чем-то и «просят», то это может быть только просьба о пощаде после проигранной войны. (Уже по этому одному вряд ли среди «просителей» стоит предполагать лангобардов.) На самом деле, «варвары» здесь не столько «просят», сколько выражают готовность к подчинению, признают власть Агилульфа над собой. Весь вопрос в том, кто такие эти «варвары»?

Две фигуры «варваров» по краям композиции несут предметы, различно трактуемые специалистами. Чаще всего в последнее время в них

¹ Подробное см.: Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 235–238, а также: Klauser Th. *Aurum coronarium* // Idem. *Gesammelte Arbeiten zur Liturgiegeschichte, Kirchengeschichte und christlichen Archäologie*. Münster, 1974 (Jahrbuch für Antike und Christentum. Erg. Bd. 3). S. 292–309, здесь S. 306. Anm. 119. (Первая публикация: *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*. Bd. 59. 1944. S. 129–153.)

Рис. 3

видят либо просто боевые шлемы¹, либо же шлемы репрезентативные, от которых, как давно уже предполагают исследователи, происходит форма «закрытой» императорской короны². Мне также представляет-

¹Так, например, в: *Menghin W. Die Langobarden: Archäologie und Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 79.*

²Такое мнение высказано прежде всего в авторитетной работе: *Piltz E. Kamelaukion et mitra. Insignes byzantines impériaux et ecclésiastiques. Stockholm, 1977 (Figura, N. S., 17). P. 87.* Здесь автор называет интересующие нас предметы «les couronnes-casques superposées d'une croix chrétienne». Правда, когда исследовательница тут же пишет, что эти «короны-шлемы» подносятся

ся, что речь здесь может идти прежде всего о «шлемах-коронах», однако таких, в которых «корона» (символизирующая и воплощающая в себе власть) играет уже куда более важную роль, нежели «шлем» (попросту защищающий в бою голову от ударов). Некое сообщество (племя, народ, город) выражает признание власти государя тем, что подносит ему венец — эта традиция имеет в Средиземноморье очень глубокие корни. Еще к Александру прибывали из разных земель посольства, чтобы возложить на него золотые венцы¹.

Представляется крайне маловероятным, чтобы Агилульф получал «шлемы-короны» с крестами на навершиях действительно от варваров. Во-первых, это слишком высокий «ранг» инсигнии: даже если кому-либо из варварских государей и удалось бы захватить римскую корону такого рода, ее все равно не стали бы изображать, ведь иконография представляет собой род обобщения, а не зрительной фиксации исключительных случаев. Кстати, сам Агилульф вряд ли позволил бы себе носить такую корону, даже если бы он такой и обладал. Во всяком случае, та, что вроде бы ему действительно принадлежала и хранится сейчас в Монце, относится к куда более скромному типу диадемы². Во-вторых, *victoria* (так в надписи на пластинке³) над двумя варварскими племенами вряд ли заслуживала запечатления в столь высокаторжественном имперском стиле. В-третьих, пластинка сделана тогда, когда лангобарды давно уже были в Италии, а потому основную проблему для Агилульфа и его людей (один из которых и носил на голове шлем, украшенный пластинкой со столь выразительным рельефом) представляли отношения не с какими-то варварами, пускай и столь опасными, как франки или авары, или столь беспокойными, как собственные же лангобардские князья, а с

Агилульфу «*par les dignitaires de sa soeur*», она совершенно искажает смысл изображенной сцены.

¹ Приведем несколько характерных цитат из Арриана: «Когда он шел в Илион, Менетий, кормчий, увенчал его золотым венцом; то же сделал Харет, афинянин, прибывший из Сигея, и другие эллины и местные жители» (I, 12); «Сюда пришли от фаселитов послы увенчать Александра золотым венцом и просить у него дружбы» (I, 24); «В Вавилоне к нему явились посольства от эллинов... Я думаю, что большинство явилось, чтобы увенчать его...» (VII, 18); «В это же время явились и посольства из Эллады; послы эти, сами в венках, подойдя к Александру, надели на него золотые венки, словно он был богом...» (VII, 23) Перевод М. Е. Сергеенко приводится по изданию: *Арриан. Поход Александра*. М., 1993.

² См. о ней прежде всего: *Elze R. Die Agilulfkrone des Schatzes von Monza // Historische Forschungen für Walter Schlesinger / Hrsg. v. H. Beumann. Köln etc., 1974. S. 348–357* (перепечатано также в: *Idem. Päpste, Kaiser, Könige und die mittelalterliche Herrschaftssymbolik: ausgewählte Aufsätze*. Lnd., 1982).

³ Полностью надпись звучит: «VICTURIA DOMNO AGILULF REGI».

римлянами. Обратим внимание на то, что, по крайней мере, фигуры, несущие «шлемы-короны», бриты и стрижены накоротко, как положено не варварам, а как раз римлянам. Какие сообщества они могли символически представлять?

На мой взгляд, «поднести» Агилульфу столь выразительные короны во всей Италии могли только имперские столицы — Рим, Равенна и Милан, разумеется не сами, а в лице собственных условных персонификаций и не в реальном пространстве, а в иконографическом. Однако Милан пребывал во власти лангобардов еще до воцарения Агилульфа, и, кстати, именно в Милане он сам был провозглашен королем¹, как позже и его сын. Поэтому «викториям» оставалось подводить к Агилульфу лишь персонификации Рима и Равенны. Ни тот ни другой город не были тогда в действительности захвачены лангобардами, но и Риму и равеннскому экзарху пришлось заключать с Агилульфом тяжелые для них соглашения. Рим откупился 500 фунтами золота, экзарх же по сути дела признал свою неспособность противодействовать лангобардам². Эти договоры Агилульф вполне мог рассматривать как свои победы. Поэтому возможно допустить, что рельеф на шлеме из музея Барджело следует понимать как лангобардскую *интерпретацию* отношений Агилульфа с Римом и Равенной.

В такой «расшифровке» сцены на пластинке есть слабое место: в римской традиции персонификации городов и стран всегда изображались в виде женских фигур, а не мужских, как в нашем случае. Объяснение видится в том, что мастер-германец сознательно или по неумению совместил две разные композиции из официального римского искусства: «персонификации стольных городов» и «варвары, подчиняющиеся императору». Трудно сказать, в какой степени заказчик и исполнитель этого произведения осознавал произведенную им здесь культурную инверсию: место, отводимое в стандартной композиции римскому императору, занял варвар, а места, предназначенные варварам, достались римлянам... Как бы то ни было, вся сцена выполнена при помощи сугубо римского изобразительного языка, хоть и с не слишком умело «выговариваемого». Однако и здесь

---

¹ *Schroth-Köhler Ch. Agilulf // Lexikon des Mittelalters. Bd. 1. München, 2002. Sp. 208–209, здесь Sp. 208 с ошибочным указанием на то, что Агилульфа провозгласили королем в миланском цирке. На самом деле Павел Диакон не указывает в данном случае такой детали: «Sed tamen, congregatis in unum Langobardis, postea mense maio ab omnibus in regnum apud Mediolanum levatus est» (III, 35).*

² К сожалению, тема взаимоотношений экзархата с лангобардами почему-то осталась за рамками исследования: *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат: византийцы в Италии. СПб., 2001 (первое издание — 1991 г.).

бросается в глаза одна характерная вызывающе «неримская» деталь репрезентации государя — это опять-таки его волосы.

Лангобардов не прозвали бы лангобардами, если бы они не отращивали длинных бород. Сохранилось и подробное описание «племенной прически» лангобардов — о ней поведал лангобардский историк рубежа VIII и IX вв. Павел Диакон, делаясь с читателями впечатлениями от «галереи предков» в королевском летнем дворце в Монце. Судя по этим изображениям, лангобарды в старину, оказывается, брили затылки и шеи, а оставшиеся волосы отращивали и заставляли спускаться вдоль щек, делая при этом пробор над серединой лба¹. (Из заинтересованного рассказа Павла Диакона можно заключить, что ни он сам, ни другие лангобарды, его современники, таких архаических племенных причесок уже давно не носили.) Пластинка из Вальдиневола прекрасно подтверждает свидетельство Павла Диакона: на ней у Агилульфа вполне можно разглядеть и бороду, и пробор посередине головы.

Три приведенных выше примера: с королем вестготов Теодорихом II (V в.), королем остготов Теодорихом Великим (рубеж V и VI вв.) и королем лангобардов Агилульфом (рубеж VI и VII вв.) позволяют, пожалуй, сделать один существенный вывод. Варварские государи старательно, в меру своих возможностей (и в меру своего понимания) перенимали репрезентативную систему Римской империи. Единственный неримский элемент, последовательно привносимый ими в сферу репрезентации своей власти, — это символическое выражение собственной племенной принадлежности².

Надо признать, этот неримский элемент оказался довольно устойчивым, хотя со временем для «опубликования» своей племенной идентичности государи стали использовать не столько волосы, сколько «национальные костюмы». Еще Эйнгард с одобрением отзывается о том, что Карл Великий обычно носил франкскую одежду. Однако он же весьма выразительно сообщил и об исключениях из этого правила:

¹ *Paulus Diaconus. Historia Langobardorum // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannover, 1878. «Ibi etiam praefata regina sibi palatium condidit, in quo aliquid et de Langobardorum gestis depingi fecit. In qua pictura manifeste ostenditur, quomodo Langobardi eo tempore comam capitis tondebant, vel qualis illis vestitus qualisque habitus erat. Siquidem cervicem usque ad occipitium radentes nudabant, capillos a facie usque ad os dimissos habentes, quos in utramque partem in frontis discrimine dividebant» (IV, 22).* О том, что изображения в Монце несли в себе глубинное противоречие между «варварским» содержанием и римской репрезентативной техникой, применяемой для передачи этого содержания, см.: *Бойцов М. А. Символический мимесис — в Средневековье, но не только // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004. Вып. 6. М., 2005. С. 355–396, здесь с. 386.*

² Знаменитые «длинные волосы» меровингских государей заслуживают отдельного обсуждения.

Карл одевался по-римски (а точнее говоря, как римский государь) при своих визитах в Вечный город (по просьбе сначала одного, а затем другого папы римского, утверждает Эйнгард, как бы оправдывая своего героя). Но главное, Карл «выступал в вытканной золотом одежде, украшенной драгоценными камнями обуви, застегнутом на золотую пряжку плаще и в короне из золота и самоцветов» по «торжественным дням», т. е. прежде всего по церковным праздникам¹. Праздников таких было немало, так что Карл в действительности не так уж и редко менял франкский костюм на облачение совсем иного рода — вероятно, чаще, чем это хотелось бы Эйнгарду. Естественно, образцом для такого праздничного облачения служило одеяние римского (константинопольского) императора.

Сказанное позволяет констатировать определенный сдвиг в принципах репрезентации варварских государей, произошедший к рубежу VIII и IX вв.: идея «племенной идентичности» полностью исчезает из облика правителя в наиболее репрезентативных ситуациях, хотя и сохраняется в случаях менее ответственных. Иными словами, концентрация «римскости» в образе власти, создаваемом варварскими правителями, с годами не уменьшилась, а, напротив, увеличилась. Известно, что сын и наследник Карла Великого Людовик Благочестивый будет настойчивее и последовательнее отца стилизовать свой облик по лекалу, заданному римско-византийскими государями, и соответственно еще в большей мере жертвовать символической идентификацией с народом франков.

Впрочем, франкский костюм еще сыграет свою роль в деле королевской репрезентации, правда, в ситуации очень специфической. Ее задавало сочетание двух противоречивших друг другу обстоятельств: с одной стороны, требовалось избрать короля *франков*, но, с другой, кандидат на корону был по рождению вовсе не франком, а саксом. Случай такого рода — не первый: так, известный нам уже король лангобардов Агилульф по своему роду-племени был не лангобардом, а тюрингом. Какими именно символическими средствами он преодолел это противоречие, неизвестно. По крайней мере, на описанной выше пластинке мастер наделил Агилульфу «лангобардской идентич-

---

¹Перевод М. С. Петровой дается по изданию: Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 25–26. В оригинале: «Vestitu patrio id est Francico utebatur... excepto quod Romae semel Hadriano pontifice petente et iterum Leone successore eius supplicante longa tunica et clamide amictus, calceis quoque Romano more formatis induebatur. In festivitibus vestae auro texta et calciamentis gemmatis et fibula aurea sagum adstringente, diademate quoque ex auro et gemmis ornatus incedebat» (23). *Einhard. Vita Karoli Magni* / Ed. O. Holder-Egger. Hannover, 1911 (MGH, *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*, [25]). P. 27–28.

ностью», украсив его соответствующей прической. К X в., как уже говорилось, прически не играли уже столь важной роли, и потому сакс Оттон I при своей коронации в Ахене в 936 г. является, согласно воспоминаниям Видукинда Корвейского, «одетым в прямую тунику по обычаю франков»¹.

Выходит, «племенная» одежда возвращается в одну из самых ответственных репрезентативных сцен — сцену коронации вопреки всему предыдущему развитию символической традиции? Но это разовое событие недостаточно просто назвать «исключением, подтверждающим правило». «Племенной идентификации» в коронации 936 г. отводится совсем иное место, чем у варварских королей V–VI вв., она совершенно иначе понимается современниками. В так называемую эпоху «Великого переселения народов» (воспользуемся этим неточным, но привычным обозначением периода) принадлежность к племени являлась базовой характеристикой индивида — как рядового воина, так и короля. Что Теодорих II вестготский, что Теодорих Великий остготский предъясняют себя прежде всего готами, а уж «поверх» этого образа наносят королевские черты, пользуясь римской палитрой. Для Оттона I его благоприобретенная «франкскость» имеет значение лишь постольку, поскольку традиция требует от легитимного носителя власти обладания этим качеством. Он — франк, *потому что* король, а не король, потому что франк; его «национальная идентичность» — производная от власти, а не исходная необходимая предпосылка обладания ею. Своим франкским костюмом Оттон I отождествляет себя не с *народом франков*, а с *королевским саном*, который, согласно традиции, должен переходить от одного знатного представителя народа франков к другому.

В самом деле, до тех пор франки и «поставляли» королей для своей многонациональной империи и представляли собой основную массу подданных *regum Francorum*. Оттон I, представ на коронации франком, не сменил своей племенной идентичности, как, возможно, некогда удалось сделать Агилульфу. Он остался саксом, но с титулом «короля франков» и во франкском костюме. «Племенная идентичность» в данном случае была низведена с уровня основного средства включения индивида в социум до роли одного из элементов ритуальной процедуры.

Однако то, что она вообще не была забыта, а, напротив, оказалась на какое-то время весьма востребована, само по себе не лишено интереса. Во времена Теодорихов и Агилульфа единственной развитой

¹ «...tunica stricta more Francorum induto». *Widukind Corbeiensis. Rerum gestarum Saxoniarum libri III* / Ed. P. Hirsch et H.-E. Lohmann. Hannover, 1935 (MGH, *Scriptores rerum Germanicarum...*, [60]). (II, I).

традицией «оформления» власти (оформления не только внешнего, но и идеологического) была традиция римская. Ко времени же Оттона I власть франкских королей (при том, что главные черты ее облика были исходно заданы римскими образцами) уже выработала ряд собственных символических «тезисов», с античностью не связанных. К числу этих инноваций относятся и «образцовая» фигура основателя легитимирующей традиции Карла Великого и идея «франкскости» созданной им державы. Если бы оба эти мотива не вошли прочно в «образ властителя», саксонскому «выскачке» Оттону I не нужно было бы уделять им внимания. Однако он учел их оба: первый — выбрав в качестве места своего символического возвышения в король именно Ахен, а второй — предстал облаченным во франкскую «тунику».

* * *

Из приведенных выше эпизодов складывается впечатление, что короли варваров, осевших на землях Римской империи, не были склонны к экспериментам и новациям в сложном деле выражения собственной власти, а пользовались прежде всего римским набором символов. Не похоже, чтобы при создании облика этих государей нашло применение что-нибудь существенное из архаических традиций их народов. (Да и много ли известно об этих гипотетических «архаических традициях»?) Мы ничего не слышим ни о рогатых шлемах (впрочем, подаренных древним германцам лишь художниками Нового времени), ни о королевских одеяниях из шкур и меха, ни о каких бы то ни было необычных древних инсигниях. Во всяком случае, римские авторы не описывают ничего особенно экзотического в облике варварских государей. Кассиодор в рассказе об Одоакре считает нужным подчеркнуть как нечто необычное как раз то, что этот удачливый вождь варваров *не* стал надевать пурпура, противопоставляя его тем самым, очевидно, остальным королям германцев, и прежде всего Теодориху Великому.¹

Не так давно историк Дитрих Клауде заново собрал сведения об инаугурационных церемониях остготов, но, похоже, и ему не удалось выявить в них следов глубокой архаики. В самом деле, фразы Прокопия Кесарийского о «королевской порфире», в которую облачили Ильдибада при провозглашении королем в 540 г. и которую он собирался при определенных условиях сложить к ногам Велизария², меньше всего наводят на такие следы. Тем не менее в литературе

¹ Cassiodor. Chronica // MGH. AA. T. 11. P. 120–161, здесь P. 158–159 (a. 476): «...nomenque regis Odovacar adsumpsit, cum tamen nec purpura nec regalibus uteretur insignibus».

² Прокопий Кесарийский. Война с готами. II, 30.

делалось немало попыток представить дело так, будто здесь речь идет о «доримском» пурпурном королевском платье, якобы появившемся у остготов еще до их переселения на римскую территорию, возможно, под влиянием Ирана¹.

Основания для этих предположений зыбки уже хотя бы потому, что Ильдибад правил остготами *после* Теодориха Великого, вне всякого сомнения носившего пурпур — хотя бы время от времени². То, что известно о пурпуре Теодориха, хорошо указывает на римские образцы для его применения³, но дает крайне мало тем, кто ищет указаний на традиции, тянущиеся еще из причерноморских степей или прирейнских болот. Впрочем, даже если короли готов действительно носили багрянец до 395 г., это вовсе не исключает влияния на них Рима, ведь и христианство они приняли до переселения в империю и скорее

---

¹ Claude D. Die ostgothischen Königserhebungen // Die Völker an der mitleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert / Hg. von H. Wolfram und F. Daim. Wien, 1980 (Denkschriften der Akademie Wien, 145). S. 149–186, здесь: S. 177 с указанием дальнейшей литературы об «иранских корнях» остготской порфиры. Сам Д. Клауде чуть ниже солидаризируется с мнением о существовании у королей остготов древнего багряного платья, к которому позже добавилось уже собственно римское пурпурное облачение.

² К пурпурному одеянию хорошо подходит диадема. Поскольку до наших дней дошли диадемы как от вестготов, так и от лангобардов, трудно сомневаться в том, что многие варварские вожди носили такие венцы. Зато у часто высказываемой историками уверенности в том, что, по крайней мере, остготские государи во время войны с Византией присвоили себе закрытые «императорские» короны, вряд ли достаточно оснований. Гипотеза основана на фразе Феофана о гибели короля Тотилы в сражении при Буста Галлорум. Победителям достался, помимо прочего, «камелавкий» Тотилы. Однако, как показывает Т. Колиас, Феофан использует это слово в смысле «головной убор, шапка, шлем», но отнюдь не в специальном значении царского венца. *Kolias T. Kamelauktion // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. 1982. Jg. 32/3. S. 493–502, здесь S. 494.

³ Теодорих получает в 497 г. *vestis regia* — «королевское облачение» от императора из Константинополя, он открывает цирковые игры, а значит, должен быть при этом одет как консул, т. е. в пурпур, он отправляет письмо в Отранто ответственным за приготовление багряной краски, которая, очевидно, находит применение при его дворе. Письмо приводится у Кассиодора, в нем Теодорих, в частности, говорит: «color nimio lepore vernans, obscuritas rubens, nigredo sanguinea regnantem discernit, dominum conspicuum facit et praestat humano generi, ne de aspectu principis possit errari». *Cassiodor. Variae*. I, 2. Из преемников Теодориха даже Тотила, упорнее всех противостоявший войскам Юстиниана, скорее всего надевал римские одеяния. Ведь он бывало «присутствовал на конном состязании» (*Прокопий Кесарийский*. Война с готами. III, 37), то есть должен был на манер консула открывать цирковые игры, и крайне маловероятно, чтобы столь традиционную процедуру он проводил одетым в готском платье, а не в римский пурпур.

всего безо всякого воздействия со стороны Ирана. Вообще ссылка на гипотетические иранские влияния здесь мало что дает, ведь вполне справедливо сказать, что и римские императоры стали носить пурпур прежде всего в подражание персидским царям царей (и другим эллинистическим государям, многое воспринявшим из символики «образцовой» персидской монархии). Так что если предшественники Теодориха и носили порфиру, это говорит лишь о том, что готы отказались от гипотетических «германских» форм репрезентации власти очень рано, находясь еще только на периферии средиземноморско-ближневосточных цивилизаций.

То же самое можно заподозрить и в отношении иных форм репрезентации, пускай и самых «германских» на вид. Остготский король Витигиз упоминает, как его поднимали на щит при провозглашении государем¹. Если его ссылка на обычай предков не риторическая фигура, можно допустить, что на щит готы поднимали и Теодориха Великого. Но вот предположения историков о проявлении здесь глубоких древнегерманских традиций² вряд ли легко обосновать. Дело в том, что хотя Тацит в начале II в. и говорит о поднятии на щит как об обычае скорее германском, уже в 360 г. путем именно этой процедуры легионы провозглашают римского императора. При отсутствии каких бы то ни было иных свидетельств о подъеме на щит королей как вестготов, так и остготов процедуру возвышения Витигиза куда проще объяснить влиянием со стороны имперского ритуала (даже если изначально эта церемония и была заимствована римлянами у германцев).

В 744 г. лангобардскому королю Хильдебранду при его избрании, по словам Павла Диакона, вручили копьё «согласно обычаю»³. Эта сцена так и просится, чтобы ее поместили на гипотетической линии преемственности «варварской символики» от фрамей, которыми потрясали древние германцы в описании Тацита⁴, через копьё раннесред-

¹ «...unde auctori nostro gratias humillima satisfactione referentes indicamus parentes nostros Gothos inter procinctuales gladios more maiorum scuto subposito regalem nobis contulisse praestante domino dignitatem, ut honorem nam darent, cuius opinionem bella pepererant». *Cassiodor. Op. cit. X, 31, 1.*

² *Claude D. Op. cit. S. 175.*

³ *Pauli Historia Langobardorum // MGH Scriptorum rerum Langobardicarum et Italicarum Saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. S. 184 (6,55): «Quem Langobardi vita excedere existimantes, eius nepotem Hildeprandum foras muros civitatis ad basilicam sanctae Dei genetricis, quae ad Perticas dicitur, regem levaverunt. Cui dum contum, sicut moris est, traderent, in eius conti summitate cuculus avis volitando veniens insedit. Tunc aliquibus prudentibus hoc portentum visum est significari, eius principatum inutilem fore».*

⁴ Относительно символической роли фрамей историки традиционно приводят два места из «Германии» Тацита. Одно относится к поведению на народ-

невековых правителей¹ (так, Меровинги изображали себя на монетах с копьями в руках) к «Священному копью», хранящемуся ныне среди реликвий Священной Римской империи в Вене (и к его краковской «копии», некогда подаренной Оттоном III Болеславу Храброму). Многие историки с энтузиазмом чертили именно такую линию. Но была ли символика копья, как и символика подъема на щит, действительно «варварской», неримской, тем более «антиримской»?

В этом нет никакой уверенности. (Соответственно нет, кстати, уверенности и в том, что изъятие копья из инаугурационных ритуалов в Западной Европе при распространении в IX–X вв. франкских коронационных чинов следует трактовать как победу новой, христианизированной, символики над «германской архаикой».) Дело в том, что именно в символическом использовании копья позволительно заподозрить как раз проявление римского влияния на германцев². Ведь, как показал еще А. Альфельди, копьё у римлян издревле служило символическим выражением особых полномочий его обладателя, знаком наличия у него власти³. Но отнюдь не у одних лишь древних римлян, добавим мы. Вспомним известное изображение византийского императора Василия II Болгаробойцы (976–1025) из рукописи, сделанной по его заказу и хранящейся ныне в Венеции (рис. 4). При том что сохранность миниатюры оставляет желать лучшего, на ней прекрасно видно, как один ангел возлагает на голову императора венец, а другой — влагает ему в десницу копьё. Тем самым копьё ставится в один ряд с короной в качестве символа, передающего

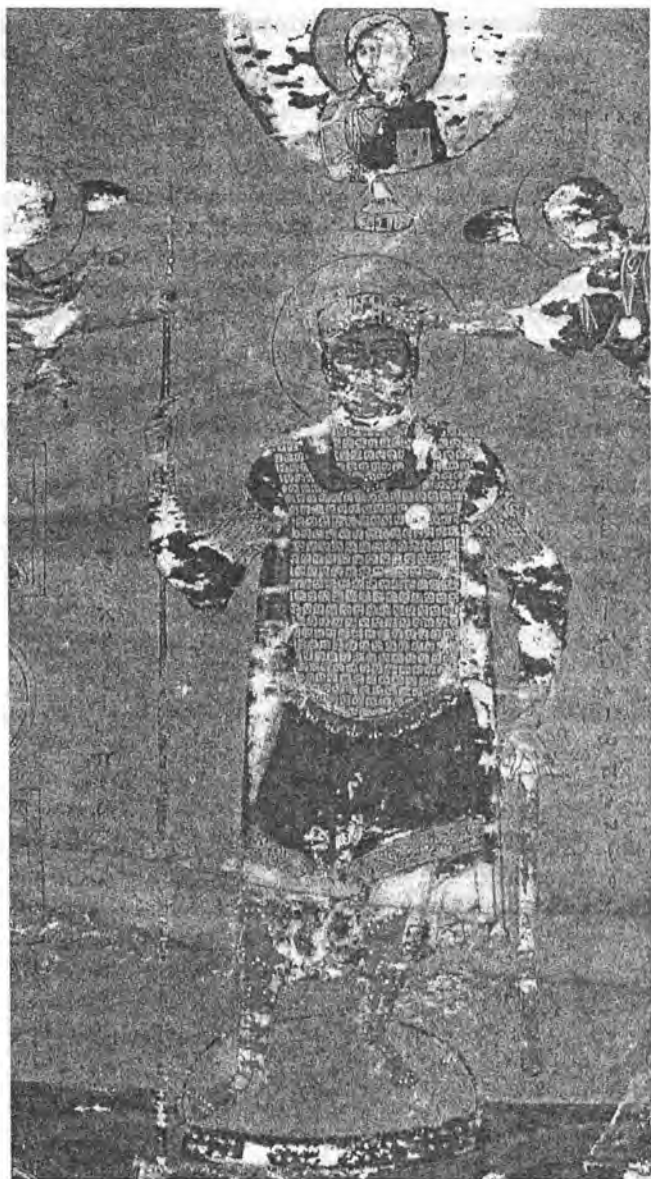

ном собрании: «Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают копьями: восхвалять оружием является у них почетнейшим способом одобрения» (гл. XI), а другое к церемонии инициации: «Но у них не в обычае, чтобы кто-нибудь начал носить оружие раньше, чем племя признает его достойным этого. Тогда кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич в самом народном собрании вручает юноше щит и копьё; это у них заменяет тогу, это является первой почестью юношей: до этого они были членами семьи, теперь стали членами государства». (Перевод дается по изданию: Древние германцы. Сб. документов / Сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский и А. И. Неусыхин. М., 1937.)

¹ См. о них прежде всего: *Schramm P. E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*. T. 2. Stuttgart, 1955 (MGH. Schriften, 13/2). S. 492–550.

² *Deér J. Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes // Byzantinische Zeitschrift*. Jg. 50. 1957. S. 405–436, здесь S. 426–428; см. также переиздание: *Idem. Byzanz und das abendländische Herrschertum* / Hg. v. P. Classen. Sigmaringen, 1977. (Vorträge und Forschungen, 21). S. 42–69.

³ *Alfoldi A. Hasta — summa Imperii. The Spear as Embodiment of Sovereignty in Rome // American Journal of Archaeology*. 63, 1959. 1–27; *Idem. Zum Speersymbol der Souveränität im Altertum // Festschrift Percy Ernst Schramm zu seinem siebenzigsten Geburtstag von Schülern und Freunden zugeeignet*. Bd. 1. Wiesbaden, 1964. S. 3–6.

Рис. 4

богowedухновенный характер власти правителя. На мой взгляд, как копье Хильдебранда, так и венское «Священное копье» указывают исследователю символики власти не в сторону дремучих германских лесов, а в направлении Царьграда.

Конечно, копье относится к числу таких «архетипических» предметов, которые могли включаться в инаугурационные церемонии самых разных сообществ, необязательно состоящих между собой в контакте. У нас нет оснований исключать саму возможность того, что некоторые вожди древних германцев и иных варваров получали при своем возвышении «особые» копья. Однако даже механическое перенесение этой процедуры на римскую почву должно было начисто изменять смысл церемонии, включив ее в контекст римской имперской символики и подчинив ему.

Несколько сложнее обстоит дело с той функцией копья, что получила в Средние века бурное развитие даже после того, как копье перестало участвовать в коронационных ритуалах. Копье и сменившее его в этом качестве знамя (ткань с эмблемой, прикрепленная к копью) вручалось еще и в позднем Средневековье князьям при передаче им их владений. В раннем Средневековье при помощи копья могли передавать и королевства. О таком обряде и его значении раньше всего рассказывает Григорий Турский: «Король Гунтрамн, вложив в руку короля Хильдеберта копье, сказал: “Это означает, что я передал тебе все мое королевство. Теперь ступай и прими под свою власть все мои города, как свои собственные”»¹. Копье как символ определенных земельных владений отличается от копья как символа всеобщей власти (хотя смысловая связь между ними вполне могла существовать). Но и в этой, более приземленной, функции копья использовались в Риме. Ведь *hasta* прямо связывалась у римлян с правом обладания землей (владеть ею может только правоспособный человек, то есть воин)². Трудность здесь заключается в том, что такие ассоциации прослеживаются в Риме в основном в архаические времена, и сложно судить о сохранении их и в поздней империи.

Вообще всякие поиски собственно *германских* инаугурационных ритуалов дают крайне мало сколько-нибудь надежных данных. Еще несколько десятилетий назад среди историков было немало «романтиков германизма» (самым ярким представителем которых был, пожалуй, О. Хёфлер), способных на глазах у изумленного читателя «сконструировать» из нескольких туманных древних свидетельств и более новых скандинавских памятников вполне впечатляющую

¹ Григорий Турский. История франков. VII, 33 (М., 1987. С. 209. — в переводе В. Д. Савуковой).

² Alföldi A. Zum Speersymbol... S. 5.

исконно-германскую архаику. Но при современном, более трезвом, взгляде от этих построений остается немного. В том, что касается ритуалов возвышения короля, вряд ли удастся обнаружить нечто большее, чем простое усаживание избранника на трон или какое-то его подобие¹. Более того, сомнение начинает вызывать и образ германского сакрального вождя-жреца, ответственного за процветание природы и сообщества, — образ, возникший у романтически настроенных историков второй половины XIX — начала XX в., оказавшихся чересчур восприимчивыми к этнологическим построениям Дж. Фрэзера². Впрочем, эта тема заслуживает отдельного обсуждения.

* * *

«Варварское» в облике «варварских королей» заключалось, похоже, не в создании комплекса средств репрезентации государя из самостоятельных «варварских» элементов, а в *варварской интерпретации* уже наличествовавших элементов римской (или, шире, средиземноморской) системы выражения образа власти. Государи варваров не настаивали на своем варварстве, напротив, они всячески старались предстать как можно более «римскими» на вид. Зато в неумелости их стараний и выступало отчетливо их варварство. Символом (но символом вполне материальным) такого варианта «синтеза» может, пожалуй, служить знаменитый мавзолей Теодориха Великого в Равенне — здание в высшей степени необычное (рис. 5). Очевидно, что оно не может иметь никаких корней в древнегерманских погребальных традициях. Мавзолей воспроизводит общую идею гробниц Августа и Адриана, но весьма причудливо ее видоизменяет. Чего стоит один «купол» с двенадцатью странными выступами по сторонам. По мнению специалистов, это завершение представляет собой сильно искаженное воспроизведение куполов константинопольских соборов³. Начертанные на выступах имена евангелистов и восьми апостолов явно сближают мавзолей с константинопольским храмом Ав. Апостолов — усыпальницей Константина и его царственных преемников. Вместе с тем сам «купол» вытесан из единого куска камня — у этой монолитной плиты весом 300 тонн вообще нет соответствий в мировой архитектуре, кроме разве что дольменов. Разумеется, всегда хватало

¹ См., например: Nelson J. L. Symbols In Context: Rulers' Inauguration Rituals In Byzantium and the West In the Early Middle Ages // The Orthodox Churches and the West / Ed. by D. Baker. Oxford, 1976 (Studies In Church History, 13) P. 97–119, здесь P. 102–103 с указанием некоторой литературы.

² Picard E. Germanisches Sakralkönigtum? Quellenkritische Studien zur Germania des Tacitus und zur altnordischen Überlieferung. Heidelberg, 1991.

³ Deichmann F. W. Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Bd. 1. Geschichte und Monumente. Wiesbaden, 1969. S. 213–219.

Рис. 5

историков, усматривавших «готские черты» то в технике обработки камня (ее якобы можно объяснить только привычкой к деревянному строительству), то в «типичной северной орнаментике» здания, а то даже в том, что «купол» якобы воспроизводит очертания готской походной палатки...¹ Но даже если какие-то из этих суждений справедливы, роль собственных «готских мотивов» в общем замысле здания оказывается сугубо второстепенной. Мавзолей выстроен явно на основе *римской* идеи, пускай и в ее варварской, весьма занятой, трактовке. Пускай последним местом упокоения короля варваров оказалась... ванна, но зато ванна эта все-таки была из порфира и формой напоминала саркофаг...

Было бы, конечно, неосторожностью заведомо исключать возможность наличия собственных символических систем власти у варварских народов до их соприкосновения с Римом, однако римская модель репрезентации вполне закономерно проявила свое подавляющее превосходство над ними. Верхушка варварских народов подвергалась романизации воистину стремительно. Еще Р. Томпсон продемонстри-

¹ Das Alte Rom: Geschichte und Kultur des Imperium Romanum / Hg. v. J. Martin. München, 1994. S. 92.

ровал на примере готов удивительную закономерность: едва ли не каждый их король чуть ли не в любую минуту был готов променять власть над своим беспокойным народом на хорошую пенсию от императора и тихую жизнь «по римским правилам» в уютном поместье где-нибудь в мирном уголке империи¹.

Темпы «бытовой» романизации варварских вождей воистину поражают, так же как и постоянство, с которым все новые и новые варвары вступали на один и тот же путь, следуя шаг за шагом вслед за своими предшественниками. Так, не успели авары сменить гуннов на равнинах Паннонии, как и они первым же делом поддались влиянию римской банной культуры. Вряд ли им удалось восстановить императорские бани в Сирмии, долгое время переходившем из рук в руки, но когда аварский каган в 583 г. взял Анхиал на берегу Черного моря (в окрестностях современного Бургаса), он первым делом приказал побережью там здание с горячими источниками. Как сообщал Феофилакт Симокатта: «До нас дошел слух, будто в этих банях мылись жены кагана и как плату за это просили не разрушать здания бань. Говорят, что эти воды были полезны для моющихся и содействовали их здоровью»².

В следующем веке римские бани завоюют сердца арабов так же, как в предыдущем завоевали сердца гуннов. Только учтя это магическое воздействие терм не только на тела, но и на души варваров, можно в полной мере оценить глубину религиозного чувства лангобардского короля Лиутпранда (712–744), совсем было собравшегося воздвигнуть в своем поместье под Павией королевские бани, но решившего после посещения гробницы св. Анастасия в Риме выстроить вместо них церковь в честь этого святого³. О том, что римские бани и в резиденциях варварских государей служили не только (а может, и не столько) гигиене, сколько в конечном счете репрезентативным целям, хорошо известно по хрестоматийному сообщению Эйнгарда о купаниях Карла Великого: «Он приглашал купаться не только сыновей, но и знать и друзей, а иногда даже свиту, телохранителей и охранников, так что иногда сто и более человек купались одновременно»⁴.

¹Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. М., 2003. С. 36–100.

²Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 15. (I, IV, 5). (Перевод С. П. Кондратьева.)

³Об этом свидетельствует надпись из Кортеолона короля Лиутпранда: Poeti Latini aevi Carolini. [Т. 4]. Pars 1. München, 1978 (MGH. Antiquitates. Poeti Latini medii aevi, 4). P. 106.

⁴Перевод М. С. Петровой (Историки эпохи Каролингов.... С. 25). В оригинале: «Et non solum filios ad balneum, verum optimates et amicos, aliquando etiam satellitum et custodum corporis turbam invitavit, ita ut nonnumquam

Романизация повседневной жизни властителя-варвара естественно должна была влечь за собой романизацию и его официального облика. Тем не менее вопрос этим не исчерпывается. Дело в том, что и саму «бытовую романизацию» следует, вероятно, понимать как проявление более общего явления — кризиса варварского общества.

Говоря о рубеже античности и Средневековья, мы привыкли пользоваться выражением «кризис Римской империи», не обращая внимания на то, что племена варваров пережили в ходе «завоевания» римской державы куда более глубокий и разрушительный кризис, чем сама «завоеванная» империя. После пересечения имперской границы и расселения на римской территории их собственные традиционные культуры пережили такие трансформации, которые проще всего описать словом «распад». Разумеется, некоторые элементы социальной организации и особенно духовного мира варваров продолжали сохраняться на протяжении столетий, но это были именно осколки былой целостности. Едва ли не лучше всего историку заметны разломы традиционных моделей как раз в связи с переменами в положении вождя племени. Он внезапно оказывался перед необходимостью управлять пространственными территориями, населенными по большей части римским или в той или иной степени романизированным населением, чужим ему и его народу как по языку, так обычно и по религии. Это население привыкло жить (а значит, и повиноваться властям) в условиях государственности, пускай и изрядно расшатавшейся за времена бесконечных смут, то есть в условиях, о которых завоеватели имели весьма смутное представление. Бремя господства, легшее на плечи «завоевателей», оказалось настолько тяжким, что в конечном счете не только абсолютное большинство созданных ими королевств стремительно исчезло из истории, но даже и самые их этносы перестали существовать, оставив после себя на карте Европы разве что несколько дюжин характерных топонимов.

Вряд ли стоит описывать так называемое «возвышение» варварских вождей в духе старой исследовательской литературы — как результат собственной эволюции германских племен — их *внутреннего* имущественного и социального расслоения. Скорее ее стоит представлять в качестве драматического и вынужденного приспособления к внешним условиям, возникшим в ходе «завоевания», как ответ на импульсы, идущие прежде всего *извне* варварских сообществ, а не изнутри их. (Впрочем, и стремительность самой социальной дифференциации среди завоевателей тоже следует отнести к результатам не

---

centum vel eo amplius homines una lavarentur» (22). *Einhard*. Op. cit. P. 27. Не совсем понятно, где в этой фразе М. С. Петрова наряду с «телохранителями» обнаружилась еще и «охранников».

«внутреннего вызревания» германских обществ, а к их неспособности противостоять воздействию со стороны «завоеванного» социума.)

Знаменитый анекдот о суассонской чаше — лишь одно из многих свидетельств о перегрузках, испытывавшихся обществом «варваров-завоевателей» на «завоеванной» ими земле. Конфликт между «традиционным» образом племенного вождя и «новым» образом варварского короля, правящего частью Римской империи, приводил к пролитию потоков крови. Тот «неразумный» франк, что сумел на собрании в Суассоне вернуть Хлодвига к соблюдению давних обычаев племени, вскоре поплатился за свой успех жизнью. Но он был лишь одной жертвой среди очень многих, вызванных общим кризисом основной власти варварских вождей. Тут можно вспомнить и о том, как Хлодвиг вырезал свою (надо полагать довольно многочисленную) родню, очевидно, добываясь таким путем преобладания над франкской знатью, и о том, как германская знать в «варварских королевствах» то и дело расправлялась с собственными государями. Кресло короля отличалось удивительной шаткостью что у вандалов, что у готов, что у других «завоевателей». Ни в одном из «варварских королевств» власть «нового образца» не смогла приобрести стабильности, за единственным исключением франкской державы, если, конечно, факт сохранения короны в доме потомков Меровея при бесконечных изнурительных войнах между ними можно назвать стабильностью.

Стать государем варварского королевства на земле империи означало для счастливец вступить на неизведанный путь, начать труднейший эксперимент, ставкой в котором была его собственная жизнь, ради сохранения которой вполне естественно было лишить жизни сотни других людей. Давние племенные традиции не только не помогали смельчаку в новых условиях, но, напротив, мешали ему и даже представляли серьезную угрозу для него. Именно поэтому «новое качество» власти готов, вандалов или франков не могло быть символически выражено при помощи традиционных «германских» средств. Они просто не подходили к изменившимся обстоятельствам. И именно поэтому римская система репрезентации — единственная наличествовавшая *система* выражения того рода власти, которую мы называем государственной, — неизбежно должна была лечь в основу репрезентации варварских государей.

Подтверждения этому тезису не ограничиваются примерами, приведенными выше: они в немалом количестве разбросаны по источникам. Напомню некоторые из них.

В 604 г. двухлетнего Адальвальда¹, сына уже известного нам лангобардского короля Агилульфа, провозглашают королем и соправли-

¹ См. о нем прежде всего: *Schroth-Köhler Ch. Adalwald // Lexikon des Mittelalters. Bd. 1. München, 2002. Sp. 106.*

телем отца не где-нибудь, а в цирке Милана¹. Чтобы понять значение этого действия, необходимо вспомнить о сакральном значении для римлян цирковых представлений и о раннем соединении цирка с императорской резиденцией. Образец здесь, естественно, задавал Рим с его связкой *Circus Maximus* — Палатин, но историкам лучше всего известно, как «функционировал» в системе императорской власти Ипподром (по сути дела включенный в комплекс Большого дворца) в Новом Риме — Константинополе. Античный цирк в Милане локализуется хорошо, однако существуют разные версии того, где находился императорский дворец, поэтому настаивать на соединении цирка и дворца (теперь уже королевского) в Медиолане нельзя². Тем не менее

¹ *Paulus Diaconus*. Op. cit. P. 127: «Igitur sequenti aestate mense Iulio levatus est Adaloaldus rex super Langobardos apud Mediolanum in circo, in praesentia patris sui Agilulfi regis, adstantibus legatis Teudeperti regis Francorum, et dispensata est eidem regio puero filia regis Teudeperti, et firmata est pax perpetua cum Francis» (IV, 30).

² Впервые внимание на тесную связь между дворцом и цирком было обращено в оставшейся мне недоступной неопубликованной диссертации: *MacDonald W. L. The Hippodrome at Constantinople*. Diss. Ms. Cambridge, 1956. Затем это суждение было повторено в новаторской работе: *Cameron A. Circus Factions*. Oxford, 1976. P. 181. Гипотеза У. Л. Макдональда недавно подверглась серьезной проверке на топографическом материале разных императорских резиденций в: *Heucke C. Circus und Hippodrom als politischer Raum: Untersuchungen zum großen Hippodrom von Konstantinopel und zu entsprechenden Anlagen in spätantiken Kaiserresidenzen*. Hildesheim; Zürich; NY, 1994 (Altertumswissenschaftliche Texte und Studien, 28). К. Хойке трезво указывает на то, что в целом ряде случаев (Никомедия, Трир, Антиохия, Милан и др.) историки просто не располагают необходимым набором сведений, чтобы подтвердить или опровергнуть идею У. Л. Макдональда. Однако пытаться отрицать связь между дворцом и цирком в Риме и Константинополе было бы, разумеется, крайне затруднительно. Самый же яркий, пожалуй, пример представляет собой вила Максенция, связывающая в единый комплекс дворцовое помещение, мавзолей и небольшой (примерно на 10 тыс. человек) цирк. Подробно о ней см.: *Rasch J. J. Das Maxentius-Mausoleum an der Via Appia in Rom*. Mainz, 1984 (Spätantike Zentralbauten in Rom und Latium, 1). В цирке реконструируется императорская ложа (аналог константинопольской кафизмы), в которую прямо из дворца вел поднятый над уровнем земли переход (деталь уникальная, в столичных городах несохранившаяся). *Humphrey J. H. Roman Circuses. Arenas for Chariot Racing*. Lnd, 1986. P. 586, 597–598, 600. (Последняя работа хороша подробным описанием технического устройства цирков, находящихся как при резиденциях, так и в стороне от них, однако, скажем, константинопольскими ипподромами автор не занимается.) В изучение большого константинопольского Ипподрома самый большой вклад внесли французские и русские историки, хотя излюбленная ими тема цирковых партий для наших целей представляет мало интереса. Историографический обзор см. в: *Heucke C. Op. cit.* S. 7–35.

провозглашение соправителя в цирке — действие, выглядевшее в начале VII в. очень «по-константинопольски» — совпадение, которое вряд ли можно списать на случайность¹.

Сказанное не означает еще, разумеется, что всех лангобардских королей представляли «народу» в римском цирке. Но даже если рассматривать событие 604 г. как уникальный случай², это исключение все равно полезно для историка. Предположив, что Агилульф сознательно отошел от лангобардской традиции провозглашения королей (хотя мы не знаем, где именно *apud Mediolanum* провозгласили его самого — не в том же самом ли цирке?), он должен был так поступить в связи с одним обстоятельством, особо отмеченным Павлом Диаконом. Провозглашение младенца Адальвальда происходило в присутствии посланцев франкского короля. При этом тут же было объявлено о женитьбе Адальвальда на дочери государя франков и о заключении мира между франками и лангобардами³. Даже если сцена в цирке была совсем необычной для лангобардов, трудно усомниться в том, что причина такого исключения состояла именно в прибытии к лангобардскому двору франкских послов. И тут-то сама собой напрашивается параллель с аудиенциями у Теодориха II: чем больше присутствует «чужих», тем более «римским» оказывается антураж варварского государя. Римские репрезентативные приемы опять предстают в качестве средства символического общения варварских государей не только с завоеванным римским населением, но и с другими варварскими государями: римская символика предстает тем самым в качестве понятного всем в ойкумене койне власти.

Лангобардов, как и вандалов, относят к числу тех варваров, которые (в отличие от готов или франков) с самого начала были настроены к имперскому правительству враждебно, в чем они, надо сказать, пользовались полной взаимностью со стороны Константинополя⁴. Неудивительно, что для нас здесь особенно ценны примеры романизации образов государей именно этих двух народов. В случае с повелителями лангобардов нам относительно хорошо известен итог эволюции их системы репрезентации к VIII в., когда Карл Великий подчинил себе

¹ Такое же мнение высказано в: *Ward-Perkins B. From Classical Antiquity to the Middle Ages: Urban Public Buildings in Northern and Central Italy AD 300–850. Oxford, 1984. P. 169.*

² См. такое мнение в: *Menghin W. Op. cit. S. 148.*

³ *Ibid.*

⁴ О том, что именно у лангобардов «*imitatio imperii*» было выражено намного слабее, чем в любом другом германском обществе, см.: *Chrysos E. Byzantine Diplomacy, A. D. 300–800: Means and Ends // Byzantine Diplomacy / Ed. by J. Shepard and S. Franklin. Aldershot, 1992. P. 36.*

их королевство. Не отвлекаясь на детали, этот итог можно представить двумя памятниками. Первый из них — уже упоминавшийся дворец в Монце, представлявший собой, по мнению специалистов, вариацию на тему дворцового комплекса в Хебдомоне под Константинополем (воспроизведен даже патроциний придворной церкви: и в Хебдомоне и в Монце храмы посвящены Иоанну Крестителю)¹. Второй сохранился и сегодня — это придворная церковь беневентского герцога Архиза II (758—787), посвященная... св. Софии². Причем неподалеку от этого храма в Беневенте были воздвигнуты Золотые ворота...³

Сходный же путь проделали, судя по всему, все варварские королевства (разумеется, если они успели его проделать, а не были рано уничтожены, как королевство вандалов). Более того, историческая память «подправила» соответствующим образом облик даже правителей, не успевших романизироваться при жизни. Так, Агнелл Равеннский представлял себе Атиллу в соответствии с принятым в его время стереотипом правителя — одетым в пурпурно-золотой наряд,⁴ то есть по образцу византийского императора⁴.

Возникновению такого образа варварского государя в воображении сочинителя предшествовали реальные перемены в репрезентативной *практике* государей варваров. Остготы переняли римские репрезентативные правила самое позднее при Теодорихе Великом⁵, вестготы — только при Леовигильде и окончательно при Реккесвинте, надевшем в 630 г. византийское (то есть пурпурно-золотое, как у Атиллы в фантазиях Агнелла) платье. У франков процесс рецепции занял триста лет: он шел с 508 г. года, когда Хлодвиг, получив из Константинополя кодициллы с назначением на должность консула и окрашенное пурпуром «служебное» платье, явился своим поданным в обличье римского консула и разбрасывал деньги, как и положено в

¹ *McCormick M: Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and the Early Medieval West. Cambridge; P., 1987. P. 289* — с указанием соответствующей литературы.

² *Belting H. Studien zum Beneventanischen Hof im 8. Jahrhundert // Dumbarton Oaks Papers 16. 1962. P. 143–193* с иллюстрациями. О церкви Св. Софии см. с. 175–193 с указанием литературы и различных точек зрения на происхождение как патроциния, так архитектурных форм и функционального использования храма.

³ Золотые ворота упоминаются примерно в 752–756 гг. в одном беневентском акте. *McCormick M. Op. cit. P. 289*, особенно сноска 139.

⁴ «*Igitur sedente rege in regali solio, vestimenta auro textilis purpura indutus*» — *Agnelli Op. cit. P. 299–302 (cap. 37)*.

⁵ Разнообразный материал, связанный с так называемом «теодориканским возрождением», настолько богат и столь хорошо известен, что нет необходимости воспроизводить его еще и в настоящей статье.

processus consularis¹, до 800 г., когда франкский король Карл Великий сам был провозглашен императором...

* * *

В VII книге «Историй против язычников» Павла Орозия историку в первый раз попадаете указание на наличие некоей политической идеи у варварского вождя². Речь здесь идет о короле вестготов Атаульфе, преемнике Алариха, взявшего Рим в 410 г. Павел Орозий со ссылками на якобы надежные свидетельства изображает Атаульфа колеблющимся между двумя «концепциями» собственного правления — между Gothia и Romania³. Ранее Атаульф якобы стремился к тому, чтобы заменить Римскую империю Готской, а самому стать тем, кем ранее был Цезарь Август, предав забвению даже имя римлян. Однако богатый опыт убедил его в том, что, с одной стороны, готы никогда не будут подчиняться законам из-за их варварской необузданности, а с другой, что законы не следует упразднить, ибо без них государство (respublica) — не государство. В итоге Атаульфом овладело желание заслужить у потомков славу человека, восстановившего и даже расширившего Римскую империю. Вследствие такого сдвига в сознании он и женился на дочери императора Феодосия Галле Плацидии, причем (как мы знаем из другого источника) предстал в Нарбонне на свадьбе с ней в 414 г. в костюме римского полководца,

---

¹ В переводе В. Д. Савуковой сообщение об этом событии звучит так: «И вот Хлодвиг получил от императора Анастасия грамоту о присвоении ему титула консула, и в базилике святого Мартина его облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили венец. Затем король сел на коня и на своем пути от двери притвора базилики до городской церкви с исключительной щедростью собственноручно разбрасывал золото и серебро собравшемуся народу. И с этого дня он именовался консулом или Августом» — приводится по изданию: *Григорий Турский. История франков*. М., 1987. С. 57. (II, 38) См. о смысле этого эпизода прежде всего: *McCormick M. Clovis at Tours: Byzantine Public Ritual and the Origins of Medieval Ruler Symbolism // Das Reich und die Barbaren / Hg. v. E. Chrysos und A Schwarz. Wien, 1989. P. 155–180; Deér J.* Op. cit. особенно S. 46 по изданию Классена.

² Такая оценка этого места приводится, например, в работе: *Reydellet M. La royauté dans littérature latine de Sidone Apollinaire a Isidore de Séville*. P., 1981. P. 46.

³ *Paulus Orosius. Historiarum adversum paganos libri VII / Rec. K. Zange-meister. Hildesheim, 1967. P. 560: «...se inprimis ardentem inhiasse, ut obliterrato Romano nomine Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et noceret essetque, ut vulgarter loquar, Gothia quod Romania fuisset et fieret nunc Athaulfus quod quondam Caesar Augustus...» (VII, 43).*

тем самым символически обозначив свое вхождение в имперскую систему власти и подчинения.

Конечно, «политическая концепция» Атаульфа изложена у Орозия в понятиях, которые могли прийти в голову лишь римлянину, да к тому же неплохо образованному, но отнюдь не варвару. Тем не менее написано немало исследований, авторы которых пытаются выяснять, как именно Атаульф представлял свою «Готию», почему и ради чего он от нее отказался¹. Трудно избавиться от подозрения, что альтернатива «Gothia — Romania» была риторическим выражением не столько политических установок германского вождя, сколько страхов римских интеллектуалов. И все же, если допустить, что в этой формулировке отражаются, пускай и в сильно измененном виде, идеи короля германцев (наверняка сами по себе весьма смутные), в ней можно было бы увидеть емкий ответ на центральный вопрос этой статьи. Конфликт между двумя символическими системами выражения власти — «варварской» и «имперской» на самом деле носит столь же академически-отвлеченный характер, сколь и альтернатива «Готия» — «Романия». Подобно тому как «Готия» не смогла вытеснить «Романию» даже из воображения готского вождя, варварская символика за некоторыми исключениями не имела шансов заменить собой символику римскую. Подлинная власть — даже с точки зрения варвара — это власть римская, а потому и выглядеть ей положено по-римски.

На вопрос, поставленный в заголовке этой работы, можно ответить так. Если среди варварских вождей, подошедших во главе своих народов к укреплениям лимеса, и оставались замшелые консерваторы, все еще одевавшиеся в живописные, но архаические меха, то даже они, вступив на территорию империи, рано или поздно переодевались в пурпур и золоченые «паволоки». Вот только носили они эти свои новые пурпурные и златотканые плащи и туники, должно быть, так, что каждому римлянину было видно: меха им были бы куда более к лицу.

* * *

На основе описания Сидонием Аполлинарием короля вестготов Теодориха II и ряда других источников показывается, что системы репрезентации власти государей «варварских королевств» V–VII вв. выстраивались преимущественно по имперским образцам. Короли

¹Основная литература о «противопоставлении концепций» «Романии» и «Готии» см. в: *Reydellet M. Op. cit. P. 560.*

готов, лангобардов и, очевидно, также других племен подражали в своем «официальном» облике либо римским императорам, либо же римским полководцам и магистратам. Если у древних германцев и существовали некогда собственные символические системы власти, они были практически полностью подавлены римской системой символической репрезентации после расселения племен по территории римской державы. «Варварство» в обличьях варварских королей состояло не в использовании неких традиционных «германских» инсигний, церемоний и т. п., а в «варварской интерпретации» римско-константинопольских образцов.

ОТ СЕНЬОРА — ДО ИМПЕРАТОРА. ТИТУЛОВАНИЕ ВЕЛИКИХ КОМНИНОВ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Образовавшаяся в апреле 1204 г. Трапезундская империя долго добивалась признания своей легитимности в византийском мире. Тяготел и груз традиции, когда подлинным василевсом считался лишь тот, кто правил в Царственном граде — Константинополе, и шок от падения Византии под ударами «латинян», и обстоятельства политического соперничества, борьбы между молодым понтийским государством и Никеей². Если первоначально официальный титул трапезундских василевсов был полностью идентичен именованию византийских государей: «Во Христе Боге верный царь и автократор ромеев» с дополнением династического деферента — Великий Комнин³, то после 1282 г. Иоанн II сменил титул. С одной стороны, он стал даже более пышным («NN во Христе Боге верный царь и автократор всего Востока, Ивирии и Ператии, Великий Комнин»), с другой — в нем исчезло именование ромеев, то есть претензия на вселенский характер их власти, на верховенство над всем греческим миром⁴, что

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 00-01-001080.

² См.: *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin.* Paris, 1975; *Karayannopoulos I. E. Η πολιτική θεωρία των Βυζαντινών.* Thessaloniki, 1988; *Pertusi A. Il pensiero politico bizantino / Ed. a cura di A. Carile.* Bologna, 1990; *Карнов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164; Он же. После 1204 г.: Трапезунд — второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 28–30 мая 1986. М., 1997. С. 135–143; Он же. Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. Т. 60 (85). 2001. С. 5–29.*

³ *Карнов С. П. У истоков политической идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101–105.*

⁴ *Oikonomides N. The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. Р. 321–330; Карнов С. П. Трапезунд-*

стало очевидным архаизмом после восстановления Византии под скипетром Палеологов.

Большое значение в борьбе за утверждение суверенности власти понтийской династии имело международное признание правящего в Трапезунде рода Великих Комнинов и их царского сана. В мусульманских канцеляриях церемониальная титулатура трапезундских императоров в целом повышается в XIV–XV вв. вместе с признанием статуса империи и ее правителей. Однако царское именование Великих Комнинов — «малик» (царь) Рума или Джанита встречается уже с начала XIII в., возможно, следуя самой трапезундской самоидентификации, и перемежается затем с более скромным титулованием «такфур», «сахиб» (господин) и иными. Изредка трапезундского государя именовали даже высшим титулом «султан», демонстрируя особое почтение к нему прежде всего у туркменских народов, окружавших Понт и частично проживавших на его территории¹.

Знакомство западноевропейских правителей с Трапезундской империей, точное знание о ней пришло не сразу, а с процессом интенсификации экономических и политических связей Западной Европы с этим регионом, с включением империи в планы подготовки крестовых походов или с освоением новых торговых путей на Восток². Именно тогда, в основном с середины XIII в., неясные и расплывчатые суждения о Трапезундском государстве сменяются более четким представлением о нем и его роли в регионе. Купцы и миссионеры изначально владели большей и более точной информацией. Ко времени Марко Поло уже считалось ненужным рассказывать об областях Черного моря, ибо они постоянно посещались мореходами — венецианцами, генуэзцами, пизанцами и многими другими, «так что каждый знает о них все», — отметил великий путешественник на Восток³. Это воображаемое всезнайство не препятствовало, впрочем, многим фантастическим и неточным представлениям о Востоке и его правителях. Наша тема, однако, — официальные отношения, а в

ская империя и Византия // Он же. Средневековый Понт. New York: the Edwin Mellen Press, 2001 [Российские исследования по мировой истории и культуре, 15] С. 134–137.

¹ Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461) / Под ред. С. П. Карпова. СПб., 2001. С. 47–50; *Melikoff I.* La Geste de Melik Danişmend. Paris, 1960. Т. I. P. 435.

² См. подробнее: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: МГУ, 1981; *Idem.* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986.

³ *Marco Polo.* Il Milione. Prima ed. integrale a cura di L. F. Benedetto. Firenze, 1928, cap. CCXXI, concl.; Книга Марко Поло. М., 1956. С. 237.

них полагалось быть точнее и опираться на установленные традиции. Западноевропейские писатели и миссионеры первой половины XIII столетия, так или иначе соприкасавшиеся с Понтом, использовали нейтральное именование его правителей, очевидно признавая лишь государей Латинской империи законными правопреемниками византийских василевсов. Биограф латинского императора Генриха I Фландрского (1206–1216) и современник борьбы за раздел Романии хронист Анри де Валансен вообще именует греческих участников противоборства лишь по именам: Thodres li Ascres (Феодор I Ласкарь) или Davit (брат первого трапезундского царя Алексея I Давид)¹, хотя с Давидом Великим Комнином Генриха I связывал договор о дружбе и латиняне активно помогали Давиду в борьбе с Ласкарем². Описывая события 30–50-х гг., Симон де Сен Кантен и В. Рубрук предпочитали именовать трапезундского царя *dominus*, вполне, впрочем, осознавая, как Рубрук, происхождение династии от рода константинопольских императоров³. Создававший свой труд значительно позднее, в начале XIV в., но повествуя о событиях 1253 г., жизнеописатель французского короля Людовика IX Святого Жан де Жуанвиль, отмечая богатство, знатность и обширность владений Мануила I Великого Комнина (*grant signour de la parfonde Grece; grant riche home*), с которым желал породниться французский монарх, все же предпочитал титуловать его равнозначным *dominus* у словом «сеньор»⁴. Правда, некий шаг вперед был сделан: Жуанвиль привел официально принятый в Трапезунде эпоним — Великий Комнин (*grant Comnenie*), важный для понтийских государей, отстаивавших свое главенство на византийский трон по старшинству в роде, как прямых потомков последнего василевса — Комнина в Константинополе Андроника I. По крайней мере, до конца 70-х гг. XIII в. та же традиция существовала и в папской канцелярии. Об Алексее I сообщалось (впрочем, в Отчете, касавшемся переговоров с Византией об унии в 1278 г.): «*quidam de capitaneus qui vocabatur Comninus dominus Alexius*»⁵. Признавался

¹ *Valenciennes Henri, de. Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople / Publ. par J. Longnon. Paris, 1948. P. 51–52.*

² См. подробнее: *Карнов С. П. Образование Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. Т. 60 (85). 2001. С. 15–20.*

³ *Saint-Quentin Simon, de. Histoire des Tartares / Ed. J. Richard. Paris, 1965. P. 70; Vincentius Bellovacensis. Speculum Maius. T. 4. Venetiis, 1591. P. 446v; Wyngaert, van den A. Sinica Franciscana. Vol. 1. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi-Firenze, 1929. T. I. P. 167.*

⁴ *Joinville. Histoire de Saint Louis / Ed. Natalis de Wailly. 9e éd. Paris, 1921. P. 249–250.*

⁵ *Loenertz R.-J. Mémoire d'Ogier, protonotaire, pour Marco et Marchetto nonces de Michel VIII Paléologue auprès du pape Nicholas III. 1278, printemps-été //*

эпоним и самостоятельность трапезундского правителя, но еще не его императорский сан.

Реальные перемены начали происходить после 1261 г. С одной стороны, Михаилу VIII Палеологу, императору Никеи, удалось овладеть Константинополем и восстановить, пусть в весьма урезанном виде, Византию. Соответственно возрос и его нажим на остатки греческого сепаратизма. С другой — обострились отношения Византии с Западом и там возникла враждебная ромеям коалиция во главе с сицилийским королем и графом Прованса Карлом I Анжуйским. Поиски защиты от нее в виде согласия на унию с Римом (Лионский собор 1274), привели к обострению напряженности как внутри самой Византии, так и во всем греческом мире. И, как кажется, именно Карл I, рекомендуя трапезундскому василевсу своих подданных — марсельских купцов и, возможно, ведя через них и политические переговоры, в письмах 1266–67 гг. ясно и открыто признал государя Понта императором¹. Видимо, практически одновременно, хотя в сохранившихся и известных нам документах это зафиксировано в конце века, осваивавшие Южное Причерноморье генуэзцы, ведя переговоры с трапезундскими василевсами, сделали то же самое². Очевидно, без труда и параллельно императорское титулование Великих Комнинов стали употреблять римские папы (первый известный нам случай — булла Николая IV 1291 г.³) и канцелярии Западной Европы⁴. С начала XIV столетия

Loenertz R.-J. Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970. P. 554; *Wadding L.* Annales minorum. Roma, 1733. T. V. P. 66. См. подробнее: *Карнов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства... С. 125–126.

¹ I Registri della cancelleria angioina / Ricostruita da R. Filangieri. Napoli, 1949. T. 1. № 23. P. 32: 1266.12.07, № 96. P. 50: 1267.01.13 = *Giudice, del G.* Codice diplomatico del Regno di Carlo I e II d'Angiò. Dal 1265 al 1309. Napoli, 1863. Vol. I [1265–1267]. P. 219, 221. См. подробнее: *Карнов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства... С. 152–153.

² *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris; La Haye, 1973. № 404, 615–616: 1290 г.; *Brătianu G.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du Treizième siècle (1281–1290). Bucarest, 1927. P. 275–276: 1290.04.28.

³ Acta Romanorum Pontificum ab Innocentio Vad Benedictum XI (1276–1304) e regestis Vaticanis aliisque fontibus / Coll. F. M. Delorme, A. L. Tautu. Città del Vaticano, 1954. № 111, 113: 1291. 08. 13.

⁴ *Desimoni C.* I conti dell'ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII // ASLSP. 1879. T. XIII. P. 595: 1292 г.; Calender of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Edward II, vol. 1 (1307–1313), part 2. London, 1894. P. 597: 1313.05.22; Archivio di Stato di Venezia (далее — ASV), Maggior Consiglio, Magnus, f. 15v (*Orlandini G.* Marco Polo e la sua famiglia // Archivio Veneto-Tridentino. 1926. T. IX. P. 14): 1301.07.04; Archivio di Stato di Genova (далее — ASG), Notai Ignoti, IV (*Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 71.): 1304.12.15.

такая практика была закреплена и в географических трактатах¹. Нельзя исключить, что общему признанию способствовал трапезундско-византийский компромисс 1282 г., когда Великие Комнины отказались от общевизантийской формы своего титула, оставшейся за Палеологами. При этом сам их императорский сан был сохранен, а их международное положение и контакты с Западом и Востоком укрепились².

С конца XIII в. императорский титул трапезундских монархов был всеобщее признан на Западе. И в официальных обращениях к Великим Комнинам, и при упоминании их использовались соответствующие ему на Западе формулы *maiestatis*. Лишь в очень редких случаях, в основном в литературных произведениях, Великих Комнинов называли «королями» (*rex, re, Kunig, König*), либо упоминая факт аккламации, династические права и связи Великих Комнинов³, либо попросту вкладывая в это слово тот же почти смысл, что и «царь»⁴.

Почти всегда при официальном обращении к персоне императора употреблялось определение *dominus*. В византийской практике в аналогичных случаях употреблялось слово *кѳр*. Наиболее распространенным общим титулом Великих Комнинов в документальных актах на Западе с XIV в. были титулы: «*serenissimus dominus (princeps)*

¹ *Anonymi Descriptio Europae Orientalis; Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia, anno MC CVIII / Ed. O. Gorka. Cracoviae, 1916. P. 9–10.*

² *Карнов С. П. Средневековый Понт... С. 135–138.*

³ Например, апологет нового Крестового похода на Восток Марино Санудо Старший назвал трапезундского правителя *re, т. е. королем*, тут же отметил, что он объявил себя императором (*fa chiamar imperator*) на основании родства с василевсом Мануилом. — *Hopf Ch. Chroniques Gréco-Romanes. Berlin, 1873. P. 142.* В другом своем произведении тот же автор отмечает, что Мануил Комнин *se dicit imperatorem* и также состоял в родстве с французским королем (матримониальный союз с Людовиком IX, как известно, замышлялся, но не осуществился) и был «великим господином» (*dominus magnus*). — *Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Älteren // Abh. d. Bayer. Akademie der Wiss., Hist. Classe 1855. Bd. VII, Abtheilung 3. S. 777, 800.*

⁴ *Schiltberger J. Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859. S. 95, 97; Concilium Basiliense. Studien und Quellen des Concils von Basel. Basel, 1904. Bd. V. S. 358; Cronaca di Anonimo Veronese, 1446–1488 / Ed. G. Soranza // Monumenti Storici pubblicati della R. Deputazione Veneta di Storia Patria. Ser. III: Cronache e Diarii, vol. IV. Venezia, 1915. P. 146: *re, 1461. 07.* Параллельно тот же хронист называет трапезундского правителя императором (P. 146, 148); *Cristoforo da Soldo. La Cronaca [1437–1468] / Ed. Brizzolara G. // RIS, 1940, t. XXI. Pt. III. fasc. 2. P. 140:1463.**

imperator»¹, «excellencia sua»², «maiestas sua»³, sublimitas⁴, serenitas⁵,

¹ *Desimoni C.* Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP. 1877-84. T. XIII, fasc. 3. P. 513-526: 1314.10.26; ASG, Notai antichi, 220, Tommaso Casanova, f. 47v., 51v, 53r: 1315.10.24-30; вариант: honoratissimus dominus — *Desimoni C.* Intorno... P. 527: 1316.03.24; ASV, Senato, Misti (далее — SM), XLV, f. 65r: 1401.03.22; ASV, SM, XLVI, f. 77v (DVL, II. P. 289-290): 1403.04.2; *Moretto Bon.*, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403-1408) / A cura di S. de'Colli. Venezia, 1963, № 7: 1404.10.21; ASV, SM, LI, f. 108v: 1416.03.06; ASG, AS, 1784, Litterarum, 8, f. 168r: 1438.03.17; *Bognetti G. P.* Per la storia dello Stato Visconteo. Un Registro di decreti della Cancelleria di Filippo Maria Visconti // Archivio Storico Lombardo. 1927. T. 54. P. 323, 327: 1444.01.02; ASG, AS, 1791, Litterarum, 15, f. 19v-20r: 1447.07.01; *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Ser. III // ROL. 1900. T. VIII.: 1449.04.18; ASG, AS, Diversorum, Filze, 3038, № 49: 1450.03.05; ASG, San Giorgio (далее — SG), Filza 223,1 (*Basso E.* Caffa 1453: tensioni interne e difficoltà economiche alla vigilia della caduta di Costantinopoli // Romania Orientale. Roma, T. 12, 1999. P. 75): 1452.10.11; ASG, SG, Litterarum, 1454-1457, f. 240r (*Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII-MCCCCLXXV) // ASLSP. 1868. T. VI; 1871 (далее — CTL, I). P. 542-544): 1456.03.04.

² *Acta Ioannis XXII (1317-1334) / E registris vaticanis aliisque fontibus collegit A. L. Tautu.* Romae, 1952 [Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes, Ser. III, vol. VII, T. 2]. № 115; *Mollat G.* Lettres communes des Papes d'Avignon. T. IX. Jean XXII (1316-1334). Paris, 1928. № 47572. P. 110: 1329.12.01; ASV, SM, XXII, f. 15v (изд.: *Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia.* T. 1: a. 1300-1350 / ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880 (далее — DVL, I) P. 276): 1344.04.15; ASV, SM, XXXIV, f. 124v-125r: 1374.07.18; ASV, SM, XXXIV, f. 164r: 1375.02.15; ASV, SM, XLIII, f. 111r-112r (*Iorga N.* *Veneția in Marea Neagră* // *Analele Academiei Române.* Ser. II. T. XXXVI: *Memorable Sec. istorice.* 1914. P. 1117; *Silberschmidt M.* *Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajezid I, Ungarn und Genua und zum Reiche von Kiptschak (1381-1400).* Leipzig; Berlin, 1923. S. 142): 1396.02.22; ASV, SM, XLVII, f. 127r: 1407.07.24.

³ ASV, SM, XXII, f. 15v (изд.: DVL, I. P. 276): 1344.04.15; ASV, SM, XXXIV, f. 124v-125r: 1374.07.18; ASV, SM, XXXIV, f. 164r: 1375.02.15; ASV, SM, XXXVII, f. 21r (*Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia.* T. 2: a. 1351-1454 / Ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. Далее — DVL, II. P. 183): 1381.10.27: «maiestas imperiale»; ASV, SM, XLII, f. 47v-48r: 1392.03.08; ASV, SM, XLIII, f. 111r-112r: 1396.02.22; ASV, SM, LI, f. 108v: 1416.03.06; ASV, SM, LIII, f. 60v-61r: 1420.07.13; *Müller G.* Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll'Oriente cristiano e coi Turchi fino all'anno MDXXXI. Firenze, 1879. P. 186-7: 1460.12.14-15.

⁴ *Balletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae* (Genova, 1424-1428). Genova, 2000. P. 56: 1425.01.28.

⁵ ASV, Senato, Sindicati, I, f. 129r-v: 1396.03.12; ASV, SM, XLIII, f. 142v: 1396.07.20; ASV, SM, LI, f. 108v: 1416.03.06; ASV, SMar, II, f. 94v: 1445.07.28.

magnificus¹, нередко в сочетании с предикатами (типа «serenissimus et excellentissimus dominus»², «illustrissimus et serenissimus princeps»³). Однако общепринятой и однозначной иерархии титулов (типа Величество-Высочество-Светлость-Сиятельство) выстроено не было. Именования serenitas, excellentia, celsitudo и maiestas могли вполне заменять и заменяли друг друга⁴, что, впрочем, соответствовало и западноевропейской практике той эпохи, когда четкой атрибуции общих титулов определенному статусу еще не сложилось. Отличительной чертой, пожалуй, было лишь иногда нарочитое стремление папской курии, генуэзской, венецианской администрации и западных дворов в направляемых Великим Комнинам письмах использовать максимальное число разных высших титулов, перемежая их, либо ради большей помпезности стилиа, либо дабы избежать тавтологии. В XV в. эта тенденция заметно усиливается⁵, и ее не меняют даже побуждающие к обмену посланиями обстоятельства конфликтов морских республик с подданными Великих Комнинов.

¹ «magnificus vir» — Acta Ioannis XXII (1317–1334)... № 115; Mollat G. Lettres communes des Papes d'Avignon. T. IX. Jean XXII... № 47572. P. 110: 1329.12.01.

² ASV, SM, XLIII, f. 142v: «serenissima maiestas vostra»: 1396.07.20; Royal and historical letters during the reign of Henry IV / Ed. Hingeston C. Vol. I (1399–1404). London, 1860 [Rerum Britannicarum medii aevi scriptores, 18]. P. 424–5, 427; ASV, SM, LIII, f. 60v–61r: «serenissimus et excellentissimus dominus in Christo Dei fidelis imperator Trapesunde» — 1420.07.13.

³ Balletto L. *Liber Officii Provisionis Romanie*... P. 56: 1425.01.28.

⁴ Напр.: ASV, SM, XLIII, f. 142r: 1396.07.20; Balletto L. *Liber Officii Provisionis Romanic*... P. 56: 1425.01.28; P. 291 — «illustrissimus et serenissimus princeps dominus» — 1427.08.22; ASG, AS, 1786, Litterarum, 10, f. 429r — параллельное употребление maiestas, excellentia, serenitas, celsitudo: 1441.05.29; AS, 1788, Litterarum, 12, f. 351r–v: serenissimus et clarissimus princeps et dominus dominus Iohannes, imperator Trapesunte; sublimitas — 1443.06.15; ASG, AS, 1793, Litterarum, 17, f. 181v–182r: 1449.06.26: «serenissimus et illustrissimus princeps et dominus dominus Iohannes Comnenus imperator Trapesonte semper augustus».

⁵ См., напр.: ASG, Archivio Segreto (далее — AS), 1779, Litterarum, 3, f. 196r–v: «illustrissimus princeps, preclarissimus dominus»; «maiestas sua»; «dominus imperator» — 1429.08.02; AS, 1779, Litterarum, 3, f. 360r–v: 1431.03.06; ASG, AS, 1780, Litterarum, 4, f. 40v: «serenissimus et preclarissimus princeps», «serenitas», «maiestas» — 1431.03.07; ASG, AS, 1780, Litterarum, 4, f. 144v–145v: 1434.03.19; ASG, AS, 1780, Litterarum, 4, f. 255v–256r: 1436.03.16; ASG, AS, 1784, Litterarum, 8, f. 165r–v: 1438.03.17; AS, 1786, Litterarum, 10, f. 429r: 1441.05.29; ASG, AS, 1789, Litterarum, 13, f. 19r: 1446.06.21; ASG, AS, 1793, Litterarum, 17, f. 181v–182r: 1449.06.26; ASG, AS, 1789, Litterarum, 13, f. 407r–408v: 1449.06.27; ASG, SG, Litterarum, 1454–57, f. 240r (CTL, I. P. 542–544): 1456.03.04.

В определенной степени новым явлением было распространение на трапезундских императоров классической высшей титулатуры римских императоров как *semper augustus*¹. Поскольку этот титул широко использовался позднеримскими, византийскими, а вслед за ними и германскими императорами, нельзя не предполагать здесь заимствования утвердившейся в те годы практики обращения к признанному в западном мире императору².

Примечательно также, что крупнейшие монархи Западной Европы, например, короли Англии, императоры Священной Римской империи именуют трапезундских государей «братьями», указывая на свое равенство с ними³.

Итак, Трапезундская империя стала признанной в Европе империей и была включена в общепринятую систему международных связей европейских держав. Помимо роли традиции, значения экономических и идейных факторов утверждению роли Великих Комнинов способствовали планы вовлечения их государства в политические коалиции, особенно ввиду роста османской экспансии в регионе.

Но остается вопрос: повлияла ли сложившаяся византийская практика на оформление титулатуры трапезундских государей на Западе? Сохранившиеся хрисовулы и иные документы, прямо исходящие из канцелярии Великих Комнинов, при всей их малочисленности⁴, как

¹ См., напр.: ASG, AS, 1786, Litterarum, 10, f. 429r: 1441.05.29; ASG, AS, 1789, Litterarum, 13, f. 19r: 1446.06.21; ASG, AS, 1793, Litterarum, 17, f. 181v–182r: 1449.06.26; ASG, AS, 1789, Litterarum, 13, f. 407r–408v: 1449.06.27.

² См., напр.: *Rösch G. Onoma Basileias*. Wien, 1978; Boncompagni. *Quinque Tabule Salutationum*. In: *Medieval Diplomatic and the 'ars dictandi'* /Ed. Steven M. Wight//<http://lettere.unipv.it/scrineum/wight/index.htm>. I. 1–I. 2. 2. 4, 3. 4–3. 5 и др.

³ *Royal and historical letters during the reign of Henry IV...* P. 424–425; *Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. Ser. I. Paris, 1899. P. 226: 1425.07.21 («frater dilectus»); миланский герцог Филиппо Мариа Висконти именовал трапезундского императора Иоанна IV *consanguineus* — «единокровным». — *Bognetti G. P. Per la storia...* P. 323.

⁴ См. их перечень и анализ в работе: *Oikonomides N. The Chancery of the Grand Komnenoi*. P. 301–310. Н. Икономидис пропустил, однако, переводы ряда хрисовулов Великих Комнинов венецианцам 1367–1396 гг. (см. ниже). Способ императорского титулования (*imperator Trapesusundarum*), *clausula finalis*, форма датирования от Рождества Христова, неверная датировка (Давид назван императором в апреле 1459, когда он им еще не был и правил его брат василевс Иоанн IV), непринятая в хрисовулах локальная дата и многое другое заставляют либо подозревать фальсификацию, либо по меньшей мере сильную обработку и авторизацию при переводе так называемого послания 1459 г. Давида Великого Комнина Бургундскому герцогу. См. публикацию: *Janssens E. Trébizonde en Colchide*. Bruxelles, 1969. P. 147–149. См. также:

кажется, дают отрицательный ответ на этот вопрос. В них, разумеется, широко используется эпоним Великий Комнин и разные формы императорского титулования — от полного: «во Христе Боге верный царь и автократор всей Анатолии, Ивирии и Ператии, Великий Комнин»¹, до сокращенных и производных форм — αὐτοκράτωρ καὶ βασιλεὺς², ἡ βασιλεία μου (моя царственность)³, βασιλεὺς, βασιλικός⁴, αὐθέντης καὶ βασιλεὺς⁵, αὐτοκράτωρ⁶, κράτος⁷. В частнопроводных актах государя чаще всего именовали «наш святой повелитель и василевс, Великий Комнин» (ἅγιος ἡμῶν αὐθέντης καὶ βασιλεὺς ὁ Μέγας Κομνηνός).⁸ Литературные произведения, вышедшие из-под пера писателей Трапезундской империи или тесно с ней связанные, помимо общеупотребительных

Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontos. London: Variorum, 1980. № X. P. 178–198; *Ganchou Th.* La date de la mort du basileus Jean IV Komnénos de Trébizonde // *BZ*, 2000. Bd. 93/1. S. 116–123; *Michaelsen L.* Michael Alighieri, Gesandter Kaiser Davids von Trapezunt, am Hof der Herzöge von Burgund (1461–1470) // *АП*. 1987. Т. 41. P. 175–179; *Lampsides O.* Το αξιόπιστον της επιστολής Δαβίδ Α' Μεγάλου Κομνηνού και το Εγκώμιον Τραπεζούντος του Βησσαρίωνος // *Βυζαντικά*. 1982. Т. 2. P. 53–60.

¹ *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène Empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. Paris, 1932. P. 37. 173–175; *Actes de Dionysiou* / Ed. *Oikonomidés N.* Paris, 1968 («Archives de l'Athos», IV). № 4, P. 50. 2, 61. 66–70. *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927. № 103 С. 60 [1386] — упомянут полный титул с прибавлением атрибутов из Юстиниановского именованя «Германский, Аламанский, Готский, Вандальский... αἰσιέβαστος» (=semper augustus). Подлинность этого документа, однако, сомнительна.

² *Actes de Dionysiou*... № 15. P. 100. 1–2.

³ *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III... P. 29–32, 34, 36, 37; *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты... С. 60–61; *Actes de Dionysiou*... № 4. P. 60–61; № 15. P. 100; № 27. P. 156. В переводах трапезундских хрисовулов в венецианской канцелярии здесь используется калька — *impero*, *imperium meum*: DVL, II, P. 127, 128, 129 [1367 г.]; 230 [1391 г.], 250, 251 [1396 г.]; *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III... P. 8, 9, 10, 11, 12 [1319 г.].

⁴ *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III... P. 29, 35; *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты... С. 90, 96, 99; *Actes de Dionysiou*... № 15. P. 100; N 27. P. 156.

⁵ *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты... С. 90.

⁶ *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III... P. 29. 7; *Actes de Dionysiou*... № 15. P. 100. 17–18.

⁷ *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III... P. 37; *Actes de Dionysiou*... № 4. P. 60.

⁸ *Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты... С. 11, 20, 21, 23, 37, 60, 61, 89–90, 92, 93, 95, 99, 100 (акты с 1260 по 1415 г.).

клише «кир», «василевс» и эпонима Великий Комнин¹, чаще всего именуют императора ἅγιος αὐθέντης («святой повелитель»)² и содержат, кроме того, формулы pietatis: εὐσεβῆς³ наряду с подчеркивавшими державность эпитетами «скиптроносец» (στεφφόρος)⁴, κράτος⁵, ἀναξ («владыка»)⁶, δεσπότης⁷. Примечательно, что все они (в отличие от Запада) характеризуют особу только монарха, но никакого иного властелина. Еще одной чертой является настойчивое подчеркивание корней Великих Комнинов как древней константинопольской династии⁸.

В сохранившихся переводах на латинский язык и на диалекто хрисуволов трапезундских императоров полный титул последних обычно опускается, а наиболее распространенная и итерируемая формула ἡ βασιλεία μου (моя царственность) переводится калькой imperium meum, mio imperio⁹.

В греческой титулатуре чаще и настойчивей подчеркивается святость и (само)державный характер власти государя, в западной

¹ Примеры употребления повсеместны. Ограничимся классическим — названием Трапезундской хроники Михаила Панарета — *Περὶ τῶν τῆς Τραπεζοῦντος βασιλείων, τῶν μεγάλων Κομνηνῶν, ὄπος καὶ πόσον ἕκαστος ἐβασίλευσεν* // *Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν* / Ekd. *O. Lampsides* // АП. 1958. Т. 22. Р. 61 и далее — passim.

² Ἀνδρέου Λιβαδηνοῦ βίος καὶ ἔργα / Ekd. *O. Lampsides*. Athenai, 1975 (далее — Libad.). Р. 88. 3–5; *Lampros Sp. P.* Τραπεζουντιακὸν ὠροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 // NE, 1916. Т. 13. Р. 38; *Lampros Sp.* Εὐθυμήσεων ητοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογὴ πρώτη // NE. 1910. Т. 7. Р. 164; *Powell J. E.* Die letzten Tage der Grosskomnenen // BZ. 1937. Bd. 37. S. 359–360; *Millet G., Pargoire J., Petit L.* Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Athos, P., 1904. Т. 1. Р. 497; *Darrouzès J.* Notes d'Asie Mineure // АП, 1964. Т. 26. Р. 38.

³ Libad. P. 106.59, 112.103, 112.112; *Bryer A.* Some Trapezuntine monastic obits (1368–1563) // REB. 1976. Т. 34. P. 131:20/III 1390; *Darrouzès J.* Notes... P. 38; *Lampros Sp.* Εὐθυμήσεων... P. 139.

⁴ Libad., P. 107.76; 111.94.

⁵ Libad., P. 107.72, 112, 124; Τραπεζουντιακὸν ὠροσκόπιον... P. 38; *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier of St Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996 [Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia, 5]. P. 322.1371.

⁶ Libad., P. 107.92, 391.110; *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier... P. 220.292; 244.721, 320.1345.

⁷ Libad., P. 112. 112; *Bessarionos.* Ὁ «εἰς Τραπεζοῦντα» Λόγος τοῦ Βησσαρίωνος / Ekd. *O. Lampsides* // АП. 1984. Т. 39. P. 56.22, 56.27.

⁸ Libad., P. 106.60–107.72, 112.113, 112.117–118; *Bessarionos.* Ὁ «εἰς Τραπεζοῦντα»... P. 56–58; *Papadopoulos-Kerameus A. I.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Petroupolei, 1891. Т. 1. P. 425–426, 435–436.

⁹ *Zakythinos D. A.* Le Chrysobulle d'Alexis III... P. 8–12(1319), cp.: P. 29–37 (1364); DVL, II, P. 127–129 (1367), P. 229–230 (1376), 250–251 (1396).

традиции — формулы «блистательности» и величия монарха. Разумеется, это не исключало терминологических совпадений, число которых, впрочем, невелико. В мусульманской традиции было больше иррегулярности и вместе с тем приверженности как прошлой, так и современной и анатолийской греческой, и собственной, выработанной канцеляриями ильханов, Тимуридов или иных правителей практике, с учетом международных связей и общей иерархии окружающих государств.

Список сокращений:

АП — Ἄρχεῖον Πόντου

BB — Византийский временник

ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova

BZ — Byzantinische Zeitschrift

NE — Νέος Ἑλληνομνήμων

REB — Revue des Études Byzantines

RIS — Rerum Italicarum scriptores, ed. L. Muratori

С. К. Цатурова

**«КОРОЛЬ — ЧИНОВНИК,
СВЯЩЕННАЯ ОСОБА ИЛИ ОСЕЛ НА ТРОНЕ?»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ КОРОЛЯ
ВО ФРАНЦИИ XIV—XV вв.**

В процессе «возвращения политической истории», которым отмечена мировая, в том числе и отечественная средневековая история последних десятилетий, образам власти, политическим ментальностям и в целом семиотике политического, формируемым на разных уровнях общественного сознания, отводится роль действенного, структурообразующего фактора¹. Глубокую трансформацию средневекового общества под воздействием формирующегося государства невозможно понять без изучения «коллективного превращения умов», по выражению П. Бурдьё, и новых форм организации, репрезентации и восприятия власти, а также политической философии «общественной службы (*fonction publique*). В этом аспекте Франция периода формирования сословной монархии все еще существенно отстает по степени изученности от других стран, и это понятно: она не создала ничего равного по значимости ни Брактону, ни Макиавелли². Так что призыв Б. Гене

---

¹ *Ле Гофф Ж.* Является ли политическая история по-прежнему становым хребтом истории? // *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / *Общ. ред. С. К. Цатуровой.* М., 2001; о различных путях и некоторых общих тенденциях в западной и отечественной историографии политической истории см.: *Хачатурян Н. А.* Политическая и государственная история западного средневековья в контексте структурного анализа // *СВ.* Вып. 54. М., 1991. См. также об этой тенденции: *Dufour A.* Le retour de l'histoire politique // *Histoires de France, historiens de la France: Actes du Colloque international, Reims, 14 et 15 mai 1993.* Publ. par Y.-M. Bercé et Ph. Contamine. P., 1994.

² Об этом отставании Франции пишет и Ж. Кринен, создавший два фундаментальных исследования политической мысли во Франции XIV—XV вв. (*Krupen J.* *Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen âge (1380–1440). Étude de la littérature politique du temps.* P., 1981. *Id.* *L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècles.* P., 1993). *Id.* *Genèse de l'État et histoire des idées politiques en France à la fin du Moyen Âge // Visions sur le développement des États européennes. Théories et historiographies*

восполнить этот пробел и написать историю политических идей во Франции остается более чем актуальным, тем более что недостатка в политических трактатах, принадлежащих апологетам или критикам растущей королевской власти, Франция XIV–XV вв. явно не испытывала.

Все они отмечены печатью традиционных, архаичных в основе идей и представлений о короле и его власти, общими темами, цитатами и примерами, кочующими от одного автора к другому, что не столько свидетельствует о конкретной реальности и ее авторской оценке, сколько скрывает ее. И все же в них есть нечто бесспорно новое, привнесенное сложным процессом усиления королевской власти и формирования централизованного государства.

Одной из таких новых, а точнее, существенно трансформированных тем является, очевидно, представление об обязанностях короля. Усиление королевской власти, вызванное процессом формирования централизованного государства, внесло важнейшие коррективы в традиционный набор качеств, коими должен был обладать верховный правитель: наряду с христианскими добродетелями и рыцарскими идеалами появляются новые требования профессионального свойства. Однако в этом новом образе короля изначально был заложен конфликт. С одной стороны, усложнение управления растущим королевством потребовало создания специализированных органов власти и сформировало новый социальный слой служителей короля, узких профессионалов в конкретной области. В результате происходит «отчуждение» короля от аппарата власти и превращение его в «дилетанта», по меткому выражению М. Вебера¹. С другой стороны, король не только был верховным правителем, его власть и прерогативы лишь расширялись по мере превращения из сюзерена в суверена: «император в своем королевстве», источник законов, он оставался и верховным судьей, исполняя тем самым главную функцию земного правителя, «образа Бога на земле» (*Imago Dei*)².

Эта двойственная природа королевской власти была неустранима, что явилось краеугольной темой в политической философии во Франции, вплоть до конца Старого порядка пытавшейся разрешить этот

---

de l'État moderne: Actes du colloque organisée par la Fondation européenne de la sciences et l'Ecole française de Rome. Rome, 1993.

¹ Paravicini W. Administrateurs professionnels et princes dilettantes. Remarques sur le problème de sociologie administrative à la fin du Moyen âge // Actes du XIVe Colloque historique franco-allemand. Histoire comparée de l'administration. München, 1980. P. 168.

² Kantorowicz E. Les deux corps du Roi: Essai sur la théologie politique au Moyen âge. P., 1989. P. 81–82.

конфликт¹. Однако истоки многих идей, высказанных позднее, можно обнаружить начиная с XIV в., когда возникают основные институты королевской власти и особая социальная группа королевских чиновников. В этой обширной теме мне бы хотелось обратить внимание всего лишь на один аспект: взаимоотношения короля и его аппарата власти, проследив, как меняются традиционные представления об обязанностях короля в связи с появлением профессиональных служителей короны.

Из множества всевозможных трактатов, записок, хроник, советов, речей и проповедей, созданных для наставления государя и с конкретными политическими целями, я выбрала несколько наиболее крупных, значимых произведений, написанных людьми из разных, зачастую противоположных кругов, где представлены точки зрения как служителей и апологетов королевской власти, так и их соперников и критиков. Разумеется, в эту эпоху не существовало «независимых интеллектуалов», все авторы так или иначе были связаны с властью, все обращались к одной и той же узкой аудитории «посвященных», все писали на заказ и на злобу дня. Все они размышляют о природе и обязанностях верховной власти, о качествах тех, кто служит государству, об ответственности власти перед обществом. Эта общая, ключевая тема споров, несмотря на разницу личных достоинств их участников, дает право объединить в одном анализе Кристину Пизанскую и анонимного автора «Совета Изабо Баварской», Филиппа де Мезьера и сенешала Ажене Робера де Бальзака, идейных оппонентов Эвраа де Тремогона и Никола Орезма. При этом в их произведениях проступают не только индивидуальные авторские взгляды, но и знаки принадлежности к той или иной социальной группе, ведущей спор за место у трона.

Если выходцы из кругов служителей власти среди авторов подобных политических произведений не вызывают удивления, то люди Церкви и Парижского университета заслуживают отдельного разговора. Процесс формирования государства долгое время мыслился в историографии в терминах жесткой оппозиции к Церкви: светская верховная власть рассматривалась не только как явление изначально рациональное, но и как соперник духовной власти, особенно в связи с противостоянием папским притязаниям на верховенство. Однако в XX в., особенно в его последние десятилетия, произошел существенный прорыв в понимании сущности укрепляющейся королевской

¹ Теоретическим осмыслением, прежде всего в гуманистической политической мысли, этой двойственной природы короля посвящена статья Р. Десимона со сходным нашей статье названием: *Descimon R. La royauté française entre féodalité et sacerdoce: Roi seigneur ou roi magistrat?* // *Revue de synthèse*. 1991. Т. IV. № 3–4.

власти не только в связи с интересом к ментальным структурами, к социальному воображаемому, но и к церковной организации как таковой, предоставившей, по признанию современных исследователей, новому государству и идейные основания власти, и готовые формы управления, и необходимых ей образованных и опытных людей¹. Церковь внесла решающий вклад и в оформление понятия общественной службы, прежде всего в форме осмысления обязанностей короля и выработки самого их понимания как особого служения (*office*) общему благу². Именно поэтому люди Церкви играли ведущую роль в общественной полемике во Франции по вопросу о месте верховного правителя в системе управления. В этой полемике Парижский университет приобретал все больший вес не только в связи с переориентировкой его на «национальные» интересы в период кризиса идей универсализма и создания новых университетов, но и в контексте нового понимания соотношения общины и ее главы, собора и папы, вызванного папской схизмой³. Образование, будучи в Средние века одновременно и властью, и инструментом власти, играло главенствующую роль в создании «великой бюрократии государства», что придавало университетам особую значимость как источнику легитимации новой социальной элиты. Поэтому Парижский университет, провозглашенный на основе теории *translatio studii* «дочерью короля», претендовал на первое место среди королевских советников, хотя он отстаивал приоритет христианских добродетелей над профессиональными знаниями, обязательными для королевских чиновников. Этот конфликт двух принципов, имевших сторонников в обоих противостоящих лагерях вокруг трона, определил одну из основных линий общественной полемики об обязанностях государя перед обществом и Богом. И все же они имели много общих точек соприкосновения, осмысляя положение короля как особую службу, требующую от человека специфических качеств и новых достоинств, неизвестных прежде.

И первое, в чем сходились все, кто задумывался о месте короля в системе управления, — это его ответственность за то, что делается его чиновниками и, следовательно, его роль давать им пример достойной службы. «Король отвечает за все» — таков лейтмотив всех наставлений, обращенных к королю, поскольку именно он воспринимался как главный управитель, от чьего имени и по чьей передаче части полномочий служат чиновники. «И ясно, что мы более полагаемся на тебя, на твой разум и добрую мудрость, чем на кого бы то ни было

¹ *Eglise et Etat dans la genèse de l'Etat moderne: Actes du colloque organisé par le CNRS et la Casa de Velázquez, Madrid, 30 nov. — 1 déc. 1984. Madrid, 1986.*

² *Strayer J. Les origines médiévales de l'État moderne. P., 1979. P. 30–31.*

³ *Histoire des Universités en France. Sous la dir. de J. Verger. P., 1986. P. 109–135.*

из твоих советников, будь то миряне или клирики», — обращается от имени «народа» Эврар де Тремогон в прологе «Сновидения садовника»¹. Посвятив отдельный раздел в «Сновидении старого паломника», написанном для наставления юного Карла VI, обязанностям государя, Филипп де Мезьер начинает с увещевания: «Добрый сын, сеньоры и советники, купцы и моряки, все ждут твоего руководства»². В речи, подготовленной для собрания Штатов в Орлеане в 1440 г., Жан Жувеналь дез Юрсен выразил это весьма образно: «королевство есть море, а вы главный кормчий корабля»³.

Причина проста: понятия разделения властей при монархическом правлении не было и быть не могло, вся полнота власти безраздельно принадлежала королю, о чем с наибольшей прямоотой высказался в своей проповеди Жак Легран: «Государи одни имеют власть и никто более. Простые люди, почтенные граждане и мудрецы имеют внушительные силы и знания, но вовсе не власть, ибо Господь не им, но государям даровал власть»⁴.

¹Songe du Vergier (le). Ed. M. Schnerb-Lièvre. 2 vols. P., 1982. Т. 1. P. 8. Многолетние поиски автора этого анонимного трактата так или иначе крутились вокруг служителей короля Карла V Мудрого, по чьему прямому поручению он был написан. Наиболее авторитетной на сегодня является версия издателя трактат М. Шнерб-Льевр об Эвраре де Тремогоне (Evrart de Trémaugon): доктор обоих прав, иерарх Церкви, он с 1374 г. стал советником короля и чиновником его Палаты прошений. Тогда же король поручил ему выполнить некое задание, возможно, написать именно это произведение, преследовавшее вначале цель обосновать права короля на вмешательство в дела Церкви. Постепенно круг вопросов расширился, и в итоге трактат затронул все основные проблемы власти. Печать взглядов служителей власти на эти проблемы в любом случае очевидна.

²Mézières, Philippe de. Le songe du viel pèlerin. Ed. by G. W. Coopland. 2 vols. Cambridge, 1969. Т. 2. P. 131. Крупнейший французский политик, дипломат и иерарх Церкви, Мезьер был приглашен наставником к юному дофину Карлу. Принадлежит к кругам служителей власти, он считается главным идеологом «мармузетов», группы старых преданных советников короны, которые в первые годы правления Карла VI сумели совершить подлинный переворот в администрации, заложив прочные основы института королевской службы.

³Juvénal des Ursins, Jean. Ecrits politiques. Ed. P. S. Lewis. 3 vols. P., 1978, 1985, 1992. Т. 1. P. 326. Выходец из потомственной династии служителей короны, он сам отдал дань этой семейной традиции, будучи последовательно и королевским адвокатом, и советником короля. Сделав блестящую церковную карьеру, он стал архиепископом Реймским и пером Франции, отразив в своих политических трактатах и произведениях идеологические основы нового формирующегося государства.

⁴Legrand J. Sermon français inédit. Ed. E. Beltran//Romania. 1972. Т. 93. № 3–4. P. 473. Монах августинского ордена, Жак Легран был очень известным на рубеже XIV–XV вв. проповедником: так, Гийом де Мец упоминает его как особую достопримечательность Парижа XV в. Издатель проповеди

Как следствие, в связи со складыванием иерархии институтов власти, на вершине которой безраздельно господствует король, появляется новый аспект обязанностей государя: король неизбежно становится главой своего исполнительного аппарата, ответственным за его работу. В самом общем виде эта идея выражена у Кристины Пизанской, ссылающейся на поговорку «по слугам узнаешь господина», когда она прямо обращается с наставлением к дофину Людовику «ежечасно заниматься делами управления, несмотря на наличие чиновников, поскольку за все их ошибки обвинять будут государя»¹. Ей вторит и дез Юрсен, предупреждая короля, что «за возможные проступки ваших людей и чиновников, каковые обнаружатся, будут обвинять вас»². Эту идею явно разделяли в кругах университета и Церкви. Так, Жан Жерсон в своих проповедях неизменно напоминает королю об его ответственности за все происходящее в его ведомствах: «око господина хранит дом, око слуги не уследит за домом»³.

Отсюда проистекает и новое требование к государю являть собой пример для подражания своим чиновникам, которые, как считалось, ориентируются в своем поведении на образ жизни и даже распорядок дня монарха. Прежде всего, своим человеческим обликом король обязан отныне служить примером для подражания, но также и отношением к своим обязанностям, дабы чиновники «не осмеливались совершать ошибки»⁴. Ссылаясь на Декреталии, дез Юрсен выводит формулу такого поведения: «Тот государь должен быть почитаем и

Э. Бельтран усматривает в ней выражение интересов высших функционеров власти, стремящихся пресечь злоупотребления, консолидировать аппарат и принудить короля исполнять свои обязанности.

¹ *Pizan, Christine de. Le livre de la paix. Ed. C. Willard. La Haye, 1958. P. 96; Ead. Le livre du corps de policie. Ed. A. J. Kennedy. P., 1998. P. 47.* Принадлежность Кристины Пизанской, «первой профессиональной писательницы во Франции», к кругам служителей власти не нуждается в обосновании: дочь итальянского астролога, приглашенного в качестве специального советника к Карлу V, она всю жизнь прожила у трона, выйдя замуж за королевского нотариуса и секретаря, входившего в группу «мармузетов», Этьена Шастеля. Хотя политические трактаты написаны ею по заказу герцогов Бургундского и Орлеанского, в них отражена и точка зрения самого автора, сторонницы сильной королевской власти.

² *Juvénal des Ursins. Op. cit. T. 2. P. 218.*

³ *Gerson, Jean. Œuvres complètes. Ed. P. Glorieux. T. 7. L'œuvre française. P., 1968. P. 649.* «И потому спрашивают, где король, что король делает; король спит, король встает, король слушает мессу, обедает, развлекается. Невозможно даже подпрыгнуть в Санлисе, чтобы тут же об этом не прознали в Париже» (P. 974).

⁴ «ибо тот, кому даровано общее попечение над всем королевством и кто добрым судом должен исправлять ошибки других, прежде сам должен убедиться от греха» (*Mézières Ph. de. Op. cit. P. 261*); ср. «tes menistres a l'exemple

уважаем, кто знает, что ему не позволено совершать поступки, запрещенные им своим подданным»¹. Наконец, Робер де Бальзак в конце XV в. прямо напоминает королю, что он должен являть «пример добрых трудов, ибо государи поставлены Богом, дабы являть пример всем своим подданным, совершая труды доблестные и избегая всяческого греха»².

Если эти идеи укладываются в контекст традиционных рекомендаций в духе христианских добродетелей, то в трудах авторов, близких к служителям власти, они трактуются как буквальные советы королю следовать распорядку, предписанному его чиновникам. В разделе об обязанностях государя Мезьер рекомендует будущему королю соблюдать строгий распорядок дня ввиду предстоящих ему трудов: «Утром ты не должен быть сонным, ибо рано в церкви тебя ждут на литургии. Твои бароны и советники будут ждать тебя на совете, а твой неисчислимый народ — объявления приговоров и ответов на свои прошения и споры... Какое разумение, понимание и рассудительность будешь ты иметь на совете, где тебе предстоит оставаться два часа и даже четыре и выслушивать многие споры и предложения, в коих ты не сможешь дать разрешения»?³ Тот же распорядок дня рекомендует и Кристина Пизанская дофину Людовику, приводя в качестве образца Карла Мудрого: после мессы «рано утром он шел в совет, где, заверяю тебя, порядок был таков, что никто из советников не позволял себе опаздывать; после обеда выслушивал разные дела, затем краткий сон, и потом, гуляя в саду дворца Сен-Поль, давал распоряжения»⁴. Еще более точен этот распорядок дня в анонимном трактате «Совет Изабо Баварской»: «Для пользы и блага своего королевства ты должен вставать всегда в 6 часов утра, завтракать в 10, обедать в 6 вечера и засыпать в 10 часов; выслушивать мессу в 7, затем до 10 работать, а после обеда отдыхать, развлекаясь в обществе своих личных слуг»⁵. В «Похвальном слове Карлу VII» Анри Бод в качестве его особых

---

de toy n'y vouldissent ou osassent errer (Pizan, Christine de. Le livre de la paix. P. 96).

¹ Juvénal des Ursins. Op. cit. T. 2. P. 298.

² Un traité politique inédit de la fin du XVe siècle//Contamine Ph. Des pouvoirs en France. 1300–1500. P., 1992. P. 217, 219. Написанный между 1492 и 1493 гг. трактат принадлежит Роберу де Бальзаку, сенешалю Ажене, выходящу из дворян Оверни, сделавшему карьеру чиновника военного ведомства.

³ Mézières Ph. de. Op. cit. P. 207.

⁴ Pizan, Christine de. Le livre de la paix. P. 70–71.

⁵ Advis à Isabeau de Bavière (anonyme). Ed. A. Vallet de Viriville//Bibliothèque de l'École des chartes. 1866. T. XXVII. P. 141. Издатель трактата, написанного в 1433 г., считает автора принадлежащим к Парижскому университету, однако его взгляды, близкие чиновникам, дают основания усомниться в этой атрибуции.

заслуг приводит соблюдавшийся им распорядок дня: «Он так распределил время, дабы заниматься делами всего королевства, что не было никакой путаницы; ибо в понедельник, вторник и четверг он трудился с канцлером и своим Советом и решал то, что положено, в делах суда; в среду он занимался делами армии с маршалами, капитанами и другими; в среду, пятницу и субботу — финансами... И лишь иногда он брал четверг или его часть для своих развлечений»¹. Предписывать королю строгий распорядок дня, где основное время отводилось бы исполнению им функций управления, является не только новшеством в сравнении с традиционными наставлениями предшествующей эпохи, но и характерно лишь для тех авторов, кто так или иначе был связан с кругами служителей власти, и это понятно: именно их распорядок дня был строго предписан ордонасами. Однако это не означало, что остальные авторы не воспринимают короля как главу всех институтов его власти. Разница была лишь в той степени связанности короля и институтов королевской власти, которая определяла меру его ответственности за их работу.

Главной обязанностью короля являлось, как известно, свершение правосудия, и хотя с конца XIII в. верховный суд выделился из Королевской курии в отдельный институт — Парижский парламент, король по-прежнему воспринимался верховным арбитром и судьей. Об этом говорится во всех трактатах, где король прежде всего и главным образом верховный судья и даже буквально глава парламента и всего судебного аппарата². Однако признавая, как и все авторы, что правосудие есть *raison d'être* верховной власти, Жан Жерсон, например, ограничивает влияние короля на судопроизводство его личным примером («Каков государь, таков и суд») и королевскими законами, которым следуют судьи³. Позиция авторов, принадлежавших к кругам служителей власти, куда более конкретна и требовательна. Автор «Сновидения садовника» настаивает на том, что король вправе само-

¹ *Baude, Henri. Eloge ou portrait de Charles VII // Chartier, Jean. Chronique de Charles VII, roi de France. Publ. par A. Vallet de Viriville. T. 3. P., 1858. P. 133–134.* Верный сторонник короля, Анри Бод был чиновником финансового ведомства, в том числе злю в Лимузене.

² *Jackson R. A. The Traité du sacre de Jean Golein // Proceeding of the American Philosophical Society. 1969. Vol. 113. № 5. P. 310–311; Songe du Vergier. T. 2. P. 203; Pizan Christine de. Livre de la paix. P. 95; Mézières Ph. de. P. 301, 331; Advis. P. 135; Juvénal des Ursins J. T. 2. P. 294;* именно неуважение к суду и пренебрежение к его положению вменял Тома Базен в вину Людовику XI. См.: *Bazin Th. Histoire de Louis XI. Ed. et trad. par Ch. Samaran. P., 1963. T. 2. P. 372; «Tant que touche la court souveyraine ilz n'ont seulement a respondre que au prince qu'est leur chief et maistre» (Balzac R. de. P. 223).*

³ «justice qu'est la propriété propre a seignorie ou domination»; «Tel seigneur telle court» (*Gerson J. P. 328, 600–602*).

стоятельно вершить правосудие, т. е. буквально выносить приговоры, и хотя «сеньоры Парламента короля Франции должны устанавливать справедливость в споре сторон и вершить суд, но вместе с тем король из него не изъят и может лично (*en propre personne*) вершить суд, когда пожелает»¹. Филипп де Мезьер не просто признает за королем право исполнять эту главную функцию верховной власти, он настоятельно рекомендует юному Карлу воспользоваться этим своим правом, дабы явить пример истинного правосудия: «Когда ты явишь публично совершенное правосудие (*plaine justice*)... в отношении двух или трех именитых людей, непременно мало помалу остальные остерегутся совершать (проступки. — С. Ц.)»².

Более того, в рекомендуемом королю распорядке дня Мезьер видит гарантию того, что судебные споры не попадут в руки судейских, а будут решены самим королем. Для этого он советует королю «часто посещать твой благородный и святой Парламент и лично поддерживать твой высокий и благородный суд». Причем вовсе не в виде торжественной церемонии, а в прямом смысле работать там по два-три часа в день, «выслушивая споры сторон»³. Кристина Пизанская рисует в качестве образца для подражания Карла Мудрого как «столпа правосудия (*pilier de justice*)», который показывал пример истинного суда, лично вынося приговоры. Но главное, он «часто в годы правления восседал на ложе суда в своем Дворце в Париже, сидя там на королевском троне, и решал тогда дела, касаемые до королевской юрисдикции, согласно церемониалу и древней традиции»⁴. Отстаивая салический закон о престолонаследии, в том числе и на основе того, что «женщине не пристало занимать должность, от коей все правосудие зависит», Жувеналь проводит аналогию между судьями на местах — сенешалями и бальи — и королем, апеллируя к нему как к верховному судье: «Вы обязаны совершать то, чего требует ваша должность, а именно правосудие... Это ваша обязанность, истинная служба и ваше личное дело — выносить приговоры и вершить суд». Так свершение правосудия воспринимается Жувеналем не столько как милость, сколько как прямая обязанность короля «по отношению к своему народу»⁵.

По аналогии с этой главной функцией верховной власти все прочие королевские институты также рассматриваются в качестве мест слу-

¹ *Songe du Vergier*. Т. 1. P. 79.

² *Mézières Ph. de*. P. 145.

³ *Ibid.* P. 207; 322–323.

⁴ *Pizan Christine de. Le Livre des Fais et Bonnes Meurs du Sage Roy Charles V*. Ed. S. Solente. Т. 1. P., 1936. P. 60–62.

⁵ «*regum enim proprium est facere iudicium et iusticiam*» (Juvénal des Ursins J. Т. 1. P. 163; 382; 513; Т. 2. P. 343).

жения самого короля, который обязан быть в курсе всех дел, следить за работой всех институтов и лично присутствовать на их заседаниях. Так, Филипп де Мезьер обязывает короля следить за поступлениями рент и доходов. В «Совете Изабо Баварской» королю вменяется в обязанность не только дважды в год посещать парламент, но также «иногда наведываться в Палату счетов, дабы знать свое (финансовое) положение, и в Сокровищницу хартий, следя за сохранностью архивов». В «Похвальном слове Карлу VII» Анри Бод описывает не только заботу этого короля о судопроизводстве, но и о финансах: «Король изучал каждый год и чаще все дела своих финансов, и их считали в его присутствии, ибо он хорошо разбирался в них, и сам подписывал регистры генеральных сборщиков». В трактате Робера де Балзака король обязан быть не только главой парламента, но и разбираться в делах армии и финансов, и не просто в общих чертах, но буквально «сколько он собирает и получает со своей страны каждый год ординарных и экстраординарных (налогов. — С. Ц.), в расходах двора, армии, на оплату чиновников и пенсионеров»¹.

В этом образе короля-профессионала, вникающего во все вопросы работы институтов его власти, разбирающегося в судопроизводстве и финансах, заключен не только идеал короля-чиновника. В нем отразилось стремление, особенно в среде формирующегося слоя профессиональных служителей власти, смягчить краеугольное противоречие между усложнением управления королевством и неоспоримым правом короля вмешиваться во все сферы работы органов власти. Раз так, чиновники хотят видеть на троне профессионала, того, кто соответствует своим прерогативам и исполняет обязанности в согласии с законами и традицией².

Эта тема состоятельности монарха, соответствия короля своим обязанностям становится со временем все более значимой и даже угрожающей, поскольку она подспудно подразумевает возможное отстранение от трона того, кто недостоин этого места. Не вдаваясь в сложную эволюцию тираноборческих идей во Франции XV в., заметим, что в основе их лежал принцип нарушения королем законов и неоправданного расширения своей власти³. К тому же во Франции сло-

¹ Mézières Ph. de. P. 269; Advis. P. 145; Baude A. P. 136; Balzac R. de. P. 224.

² Общественное мнение не бесосновательно приписывало наущению легистов тот «королевский абсолютизм», который формируется во Франции с начала XV в. см.: Krynen J. Les légistes «idiots politiques». Sur l'hostilité des théologiens à l'égard des juristes en France, au temps de Charles V // Théologie et droit dans la science politique de l'Etat moderne: Actes de la table ronde, Rome, 12–14 nov. 1987. Rome, 1991. P. 184–187.

³ О тираноборческих идеях см.: Coville A. Jean Petit. La Question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. P., 1932. Никола Орезм был во Франции

жила устойчивая традиция воспринимать короля как избранника народа, призванного защищать общее благо, идущая от восшествия Каролингов и Капетингов и укрепившаяся после воцарения династии Валуа¹. Идея выборного характера королевской власти во Франции начинает приобретать все больший вес под воздействием переводов трудов Аристотеля, считавшего выборы единственной гарантией отбора достойных людей на общественные должности. Широкая программа Карла V по переводу античных авторов на французский язык с целью распространения идей, востребованных в связи с усилением королевской власти, способствовала внедрению принципа выборности чиновников верховных институтов власти: в 1366 г. выбирается президент парламента, в 1372 г. — канцлер, а затем и все чиновники центрального и местного судебно-административного аппарата². Об ответственности короля за исполнение им своих функций упоминают практически все авторы политических трактатов, ссылаясь на изначально выборный характер его власти: «Народ избрал королем самого достойного ради защиты порядка и общего блага»³. В начале XV в. эти идеи с особой силой проявились в общественной критике поведения дофина Людовика, чей «неправильный» образ жизни повлек раннюю смерть; эта полемика подготовила почву для отстранения от трона

первым, кто четко сформулировал обязанность короля подчиняться законам, допуская в противном случае право сопротивляться тирану. Эту идею поддерживали все изучаемые нами авторы с той разницей, что чиновники считали тираном слишком жестокого правителя, а клирики — нарушителя законов. См.: *Oresme N. Le Livre de Politique d'Aristote*. Publ. by A. D. Menut. Philadelphia, 1970. P. 242–243; *Golein J. P.* 310; *Gerson J. P.* 439, 1155; *Mézières Ph. de*. T. 1. P. 163. T. 2. P. 320; *Advis*. P. 136; *Juvènal des Ursins J.* T. 2. P. 271, 443.

¹ Цатурова С. К. Карл Великий и «королевская религия» во Франции XIV–XV вв. // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 191–194. До трагических последствий договора в Труа политическая мысль балансировала между наследственным и выборным принципами престолонаследия. См.: *Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V*. Genève-Paris, 1982. P. 459–460; *Krynen J.* «Le mort saisit le vif». Genèse médiévale du principe d'instantanéité de la succession royale française // *Journal des savants*. 1984. № 2. P. 195.

² *Luce S.* Le principe électif, les traductions d'Aristote et les parvenus au XIVe siècle // *La France pendant la guerre de Cent ans*. P., 1890. P. 179–202; *Sherman C. R.* Les thèmes humanistes dans le programme de traduction de Charles V: compilation des textes et illustrations // *Pratiques de la culture écrites en France au XVe siècle: Actes du Colloque du CNRS, Paris, 16–18 mai 1992*. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 527–537; *Autrand F.* Offices et officiers royaux en France sous Charles VI // *Revue historique*. 1969. T. 242. № 4. P. 285–338.

³ *Songe du Vergier*. P. 120, 128, 266; *Mézières Ph. de*. P. 144; *Pizan Ch. de*. Charles V. P. 112; *Juvènal des Ursins J.* T. 1. P. 329; *Gerson J. P.* 436, 1155.

дофина Карла по договору в Труа, поскольку совершенное в его присутствии убийство герцога Жана Бургундского в 1419 г. не сочеталось с обликом короля христианнейшего королевства¹.

В согласии с этой концепцией королевские обязанности начинают восприниматься как труд, как работа, причем более тяжелая и сложная, чем какая-либо иная. В эпилоге «Сновидения садовника», где прославляются деяния государя, «ибо управлять многими почетнее, чем одним», суть этого управления сводится к «труду и смятению мыслей»². Наставляя юного дофина Людовика в достоинствах государя, Кристина Пизанская сводит их в обобщающую формулу: «еже часно быть занятым доблестными трудами», и хотя непосвященным кажется, что величию государя подобает пребывать в праздности и удовольствиях от наслаждений и почестей, ибо у него вдоволь министров, распоряжающихся всем, но без ущерба такое не проходит, ведь нет никого другого, кому так пристало занятие (*occupassion*), ежели по справедливости хочет жить, как государю³. Обращаясь к королю Карлу VII, Жувеналь наставительно писал: «Вы должны учитывать, знать и понимать, что императорское или королевское величество есть великое бремя, труд и работа». Более того, бремя короля по тяжести превосходит все прочие труды: «Каждый по отдельности несет свою ношу, а государь несет их все»⁴. Отголоски этого восприятия проглядывают в проповеди Жака Леграна, сделавшего ее лейтмотивом утверждения, что с короля больше спрос: «Кто Богом более наделен, с того и больше спрос, и тем больше ему обязан»⁵. Об этом же наставлял дофина Карла Филипп де Мезьер: «Твои ошибки и небрежения на моих весах весят больше, чем грехи простого человека»⁶.

Излюбленным образом этой особой тяжести «шапки Мономаха» со временем стали увековеченные Кристиной Пизанской жалобы Карла V, высказанные им на смертном одре и с тех пор упоминающиеся во множестве наставлений. В этом знаменитом прощании Карла с короной Франции ярко запечатлен контраст между ее «блеском и благородством» и тяготами, которые она возлагает на человека:

---

¹ *Guenée B.* Le portrait de Charles VI dans la Chronique du Religieux de Saint-Denis // *Journal des savants.* 1997. № 1. P. 158–161.

² «labeur et tempeste de pensee». В этом автор ссылается и на авторитет Григория Великого (*Quid est regimen multitudines, nisi tempestas mentis.*) *Songe du Vergier.* Т. 2. P. 265.

³ *Pizan Ch. de.* Livre du corps de policie. P. 46–47.

⁴ «charge, peine et travail». *Juvénal des Ursins J.* Т. 2. P. 201; 276.

⁵ «qui plus recoipt de Dieu plus lui a a rendre compte et plus lui est obligies». *Legrand J. P.* 471.

⁶ *Mézières Ph. de.* Т. 2. P. 261.

«труд, тревоги, мучения, страдания души и тела, опасности на пути спасения»¹. Любопытно отметить, что этот эпизод является топосом, причем с явно античными корнями, хотя после сочинения Кристины он неизменно ассоциируется с Карлом Мудрым. Подобный же пассаж мне удалось, например, обнаружить по меньшей мере у двух предшественников Кристины Пизанской: в эпилоге «Сновидения садовника», где он подкрепляет стройную теорию автора об особой миссии государя, и в «Трактате о коронации» Жана Голена. В обоих случаях содержатся отсылки на неких римских императоров, но нам здесь важно другое: в используемых двумя авторами выражениях о тяжести короны слово «труды» (*labeurs*) есть лишь у Эврава де Тремогона, в то время как Жан Голен говорит об «опасности, заботе и попечении (*de peril et de soing et de cure*)», сопряженных с короной². Таким образом, позиция интеллектуалов, в том числе университетских, сводилась к признанию особой тяжести исполнения королем своего долга, в то время как служители короля подчеркивали, что это, прежде всего, работа, трудная и ответственная³.

Но обе позиции единодушны в том, что эта работа требует от короля определенных знаний и навыков, и все авторы опирались на общий посыл, выраженный в поговорке, широко распространившейся в средневековом обществе уже с XII в.: «Необразованный король подобен коронованному ослу» (*rex illiteratus quasi asinus coronatus*)⁴.

Образ мудрого государя, разумеется, восходит к Св. Писанию, однако все большее место в нем начинают занимать античные образцы, в том числе идеи Платона о процветании государства, «когда мудрецы станут правителями или правители — мудрецами»⁵. Необходимость для государя специфических знаний признают все авторы наставлений, причем знаний, почерпнутых из книг, что предполагает обучение короля грамоте и языкам⁶. Об этом обычае — обучать наследника трона грамоте — как о знаке особого превосходства Французского королевства упоминают и Эврав де Тремогон, и Кристина Пизанская,

¹ «labeur, angoisses, tourmens et peines de cuer, de corps, de conscience et perilz d'ame que tu donnes». *Pizan Ch. de. Charles V. T. 2. P. 187–188.*

² *Golein J. P. 315–316; Songe du Vergier. T. 2. P. 267.*

³ Наиболее полно позицию интеллектуалов выразил Жан Жерсон, ссылаясь на казус Диоклетиана; ему вторит и Жак Легран, приводя слова Блаженного Августина: «il n'est estat si perilleux que d'autrui gouverner» (*Gerson J. P. 975; Legrand J. P. 477*).

⁴ *Guenée B. L'Occident aux XIVe–XVe siècle. Les Etats. P., 1993. P. 139–140; ср.: «un roy non letré est comme un asne coroné» (Advis. P. 150).*

⁵ *Songe du Vergier. T. 2. P. 265; Pizan Ch. de. Corps de policie. P. 44.*

⁶ *Mézières Ph. de. P. 474–475; Pizan Ch. de. Corps de policie. P. 3; Advis. P. 135, 150–151; Legrand J. P. 473; Juvénal des Ursins J. T. 2. P. 205.*

и Жан Жерсон, составивший собственноручно программу целенаправленного обучения дофина Людовика, в том числе программу его чтения¹. Жувеналь напоминает в этой связи: «Императоры и короли Франции издревле учили своих детей наукам, дабы управлять государством (*chose publique*)»².

Отсюда в политических трактатах возникает новая тема особой ценности книг как сокровищницы мудрости и необходимых государю знаний: «Король вовсе не нуждается в излишнем множестве рыцарей, ни в женщинах, крадущих его смелость, ни в серебре и злате; должен он иметь книги, кои могут его наставить и внушить понимание», — писал Жувеналь³. При этом опыт предшественников должен был служить нравственным примером, что придавало значимость историческим сочинениям и хроникам для обучения государя: «Король Франции должен часто читать хроники о прежних королях и сообразовывать свое управление с теми, кто лучше правил», — считал Мезьер, а автор «Совета Изабо Баварской» усматривал источник величия Римской империи в обычае назначать наставниками правителей лучших учителей — Аристотеля, Плутарха и других⁴. Быть «посвященным в знания» (*introduit ès sciences*), по мнению Кристины, означало не только быть грамотным, образованным, знающим историю и другие науки, необходимые для мудрого правителя, но и владеть таким особым навыком, как ораторское искусство, ибо королям приходится выступать с речами, и от владения риторикой в немалой степени зависит успех их намерений. В целом она убеждена, что государю не следует жалеть усилий на приобретение знаний, ибо лучшие в прошлом правители опирались больше на знания, чем на силу оружия, доказательством чего она считала успешное правление Карла Мудрого⁵.

В этих появившихся со временем новых гранях идеала государя отразились такие важные для общества явления, как повышение общественного престижа грамотности, образования, знаний, равно как и «социодидея» возвышения служителей власти, которых начинают отбирать теперь на службу короне не столько на основе их личных

¹ *Songe du Vergier*. Т. 1. P. 226; *Pizan Ch. de. Corps de policie*. P. 3; *Gerson J.* P. 1147; Жан Жерсон — Жану Майори, наставнику дофина Людовика /Перевод и коммент. С. К. Цатуровой//Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2. Мир преломился в книге. С. 230–232; В «Совете Изабо Баварской» говорится о «многих языках и особенно латыни» (*Advis*. P. 144, 150).

² *Juvénal des Ursins J.* Т. 2. P. 205.

³ *Ibid.* P. 208.

⁴ *Mézières Ph. de.* Т. 2. P. 476; *Advis*. P. 146, 150–151.

⁵ *Pizan Ch. de. Corps de policie*. P. 43–44; ead. *Le Livre de la paix*. P. 68.

связей с монархом, сколько по профессиональным критериям — ученая степень, опыт работы, соответствие полученных знаний занимаемой должности¹.

Итак, королю для управления государством нужны особые, специфические знания, дабы разбираться в сложных вопросах управления. Но этого мало! Ему нужен еще и опыт в управлении, который, в известной мере, есть также знание. Приобрести такой «истинный опыт» (*vraie expérience*) в управлении Мезьер советует дофину Карлу путем постоянного личного контроля за работой чиновников, оптимально раз в два месяца². Кристина предпочитает, чтобы государь уже при воцарении имел этот опыт и потому настаивает, что «сын государя должен уже с детства иногда присутствовать на Совете... когда решаются дела страны... дабы привыкнуть слушать разговоры о делах и управлении сеньорией»³. Трудно не усмотреть здесь аналогии с отбором чиновников, когда соответствующий опыт работы имел не последнее значение.

Усложнение функций управления внесло, таким образом, коррективы в представления об обязанностях короля, потребовав от него знаний и умения разбираться в административных вопросах. Вместе с этим отчетливо проявляется четкое понимание того факта, что король — всего лишь человек и не в состоянии знать все⁴. Такой поворот имел значение для становления государственного аппарата, поскольку ставил проблему разграничения полномочий верховного правителя и его чиновников. О том, что король — такой же обычный человек, как и все прочие, в той или иной форме говорится во многих трактатах⁵. В этой части наставлений нашло отражение восприятие «простого тела короля», лишенное какой-либо сакрализации: к нему относились как к обычному брэнному телу, нуждающемуся в отдыхе, лечении, в заботе о чистоте и опрятности⁶. Однако в этих рассуждениях для нас важно подспудное «оправдание» формирующегося госу-

¹ *Histoire de la fonction publique en France*. Т. 1. Р., 1993. Р. 402–410; Цатурова С. К. *Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV в.* М., 2002. С. 53–69.

² *Mézières Ph. de*. Р. 369.

³ *Pizan Ch. de. Corps de policie*. Р. 7.

⁴ Эта тема являлась центральной в становлении идеологии королевской власти во Франции в связи с формированием специфической теорией двух тел короля, которой посвящен фундаментальный труд Э. Канторовича. *Kantorowicz E. Op. cit.*

⁵ *Oresme N. P.* 243; *Songe du Vergier*. Т. 2. Р. 266; *Gerson J. P.* 436–437; *Advis. P.* 140; *Juvénal des Ursins J. P.* 206.

⁶ Об отношении к телу короля см.: *Bourreau A. Le simple corps du roi: l'impossible sacralité des souverains français, XV–XVIII*. Р., 1988; *Advis. P.* 140–143.

дарственного аппарата, поскольку как бы ни был государь образован, опытен и сведущ, одному человеку не успеть повсюду, он не может один решать все вопросы, и, следовательно, ему необходимы помощники в виде его чиновников. «Что может разум одного человека? Чем больше глаз, тем лучше», — считал Жерсон, и ему вторит Кристина: «Невозможно одному государю успеть повсюду»¹. Более того, Никола Орезм утверждает, что, несмотря на суверенную власть «во многих важных делах», король не может ничего предпринять без участия, прежде всего, парламента по аналогии с римским сенатом, а Мезьер и вовсе убеждает дофина, что чиновники превосходят его в знаниях, опыте и умении, «каковые приобретаются лишь с возрастом»².

Отсюда же берет начало еще одна фундаментальная проблема: возможное несовпадение частных интересов короля как человека с общим интересом. Хотя главной функцией короля является забота об общем благе (*bien commun, bien publique*)³, признание наличия частного интереса у короля вытекает из того факта, что он такой же человек, как и остальные. Так, Эврар де Тремогон обосновывает необходимость подчиняться королю тем, что он «более заботится об общем благе, а вовсе не о своей частной и отдельной выгоде» (*son privé ne singulier prouffit*), признавая тем самым, что возможно и обратное⁴. Об этом же противопоставлении пишет и Кристина Пизанская: государь «должен особенно любить благо и приумножение своей страны и своего народа и этому должен всем своим могуществом и знанием служить более, чем своей частной выгоде»; «хранить и возлюбить общее благо своей земли и страны более, чем свое собственное»⁵. Прямой наказ отринуть свой частный интерес в угоду общему благу содержится и в наставлении Мезьера: «Не исполнять свои собственные легковесные желания, но преследовать прежде общее благо твоих подданных, нежели частное благо твоего королевского величества»⁶.

Заведомая утопичность подобных призывов раскрывает особую символику и новую репрезентацию власти. Они свидетельствуют о появлении представления королевской службе как бескорыстном самопожертвовании ради общего интереса, что сказалось и на изменении приносимой королем клятвы при коронации, и на требованиях, предъявляемых к королевским служителям, которым вменялось в обязанность защищать общий интерес в ущерб частному, каковым мог быть и интерес короля. Жерсон в этой связи призывает выбирать

¹ Gerson J. P. 1164; *Pizan Ch. de. Livre de la paix*. P. 96.

² Oresme N. P. 242; *Mézières Ph. de. T. 2*. P. 148.

³ Golein J. P. 311; *Mézières Ph. de. P. 245*; *Juvénal des Ursins J. P. 83*.

⁴ Songe du Vergier. P. 264.

⁵ *Pizan Ch. de. Corps de policie. P. 9, 32*.

⁶ *Mézières Ph. de. P. 316, 370*.

чиновниками лишь тех, кто отвечает общему благу королевства, а Жувеналь обращается к ним с увещеваниями заботиться не только о короле, но и об общем благе¹.

Так само возникновение институтов королевской власти, состоящих из чиновников-профессионалов, призванных действовать в рамках закона и в интересах общества, ставило короля перед дилеммой: либо легитимно исполнять свои обязанности главы государства, либо следовать своим частным, сиюминутным интересам и тогда оказаться, возможно, в конфликте с общим интересом. Кстати, о наличии такого конфликта и способах его разрешения в интересах общества свидетельствуют и королевские акты, предписывающие чиновникам подчиняться распоряжениям короля лишь тогда, когда они убедятся в их соответствии предшествующим законам². В четких статьях ордонансов, требующих от чиновников останавливать утверждение сомнительных распоряжений короля и не подчиняться им, выразилось и признание человеческих слабостей короля, который не только не в состоянии знать всего, но зачастую и не может сопротивляться настойчивости просителей³.

Поэтому общественно важной функцией королевских чиновников являлась защита короля и его интересов от неумных просителей, способных добиться от короля того, что они вряд ли получили бы от его служителей. Именно с этой целью — защитить короля от настойчивых преследований просителей — Орезм советует разделить функции между верховным правителем и его чиновниками⁴. Последних куда больше интересуется защита собственных прерогатив и полномочий, вступающих в противоречие с всевластием короля. В трактате Мезьера эта ситуация занимает немалое место, а выход из нее автор

¹ Об изменении клятвы см.: *David M. Le serment du sacre du IXe au XVe siècle. Contribution à l'étude des limites juridiques de la souveraineté*//*Revue du Moyen Âge latin*. 1950. № 6. P. 5–272; *Jackson R. A. «Vivat rex!» Histoire des sacres et couronnements en France (1324–1825)*. Paris; Londres, 1984. P. 57–82; *Gerson J. P.* 1018; *Juvénal des Ursins J. P.* 451.

² Об этой проблеме см.: *Dupont-Ferrier G. Ignorances et distractions administratives en France aux XIVe et XVe siècles*//*Bibliothèque de l'École des chartes*. 1939. Т. 100. P. 145–156.

³ «Остановите прохождение вредоносных указов, кои могли быть вырваны у нас ошибочно. Отверзите очи и не подписывайте ничего подозрительно-го», — призывал король канцлера. В тексте ордонанса от 10 февраля 1386 г. король признает: «Я могу ошибаться и составить письма и распоряжения, противные сохранению и доброму управлению домена. В этом случае сопротивляйтесь без колебаний этим приказам» (*Jourdan, Decrusy et Isambert. Recueil général des anciennes lois françaises*. Т. 3. P. 188; *Ordonnances des rois de France de la troisième race*. Т. IX. P. 595).

⁴ *Oresme N.* P. 242.

видит в неукоснительном соблюдении процедуры утверждения всех королевских указов в парламенте, который обязан проверять их на предмет соответствия предшествующим законам. Мезьер живописует сложившийся дурной обычай: «Ты и твои предки привыкли обычно просителям и ходатаям сразу отвечать “я согласен, и желаю и мне угодно”, из чего следует, что секретарь недалеко, письма составлены и часто скреплены печатью канцлера, который не может всегда целиком знать дела; вместо того, чтобы отказать». Он советует королю либо отклонить просьбу и направить ее по инстанциям, либо немедленно отменить вырванное назойливостью просителей распоряжение, рекомендуя королю первый путь, дабы уберечь его авторитет, иначе «что скажут твои подданные, что скажут соседи?». Особое зло Мезьер усматривает в привычке короля собственноручно подписывать письма, каковым к тому же «чиновники, казначеи и раздатчики» не подчиняются, ссылаясь на то, что «ты им устно говорил и письменно приказал не подчиняться иногда»¹. Указывая на несоответствие подобной ситуации королевскому величию, Мезьер на деле настаивает на разумном разделении функций между королем и его нотариусами и секретарями, защищая интересы последних, поскольку с письмами, написанными ими, «подданные тем более не будут считаться, раз можно не считаться с королевскими»². Не случайно в «Похвальном слове Карлу VII» Анри Бод находит нужным отметить, что тот всегда отвечал на просьбы только с предварительного обсуждения данного вопроса со специалистами: «что относилось к суду — с канцлером и своим Советом, что относилось к войне — с коннетаблем, маршалами, капитанами и людьми армии или с военным советом, что относилось к финансам — с генеральными сборщиками и казначеями»; если же случалось ему подписать ошибочно письмо «докучливостью просителя», он не хотел никоим образом ущемлять справедливость или прежние ордонансы, и когда его предупреждали об обратном, их отзывал; более того, свои письма всегда обсуждал на Совете, и все показывал, «иначе не подписывал никогда»³.

Таков был идеал короля в глазах его чиновников: он все делает с их участием, советуется и соблюдает разделение функций, не посягая на чужие. Постепенно и неуклонно право чиновников сопротивляться решениям короля, которые представляются им неразумными, трактуется как обязанность, особенно в глазах идеологов чиновничества. Так, Жувеналь составил записку своему брату, ставшему канцлером Франции, где особо описывал, как вести себя чиновнику, когда король

¹ *Méziures Ph. de.* P. 180–182, 246–247, 326–328.

² *Ibid.* P. 247.

³ *Baude A.* P. 132–133.

ошибается: в отношении королевских писем, «каковые подчас бывают странными и неразумными», лучше не сразу скреплять их печатью, а постараться переубедить короля, в противном случае отметить, что оно подписано по его «прямому приказу («de expresso mandato regis»)». На Королевском совете кое-что можно решить и без короля, лишь позднее сообщив ему и узнав его мнение; наконец, при принятии решений идти на любые уловки, но отстоять истину: «Король иногда тверд в своем мнении, каковое бывает неразумно (*hors de raison*)... не противоречить ему в этом случае, чтобы он не закусил удила»¹.

Эти и подобные им советы свидетельствуют о сложных, подчас конфликтных отношениях короля и его ближайших чиновников. Вместе с тем они указывают на тесную, изначально нерасторжимую связь короля с персоналом институтов его власти, являющихся в представлениях идеологов королевской власти органичной «частью тела короля». Теоретическое обоснование необходимости чиновников для исполнения королем своих функций опиралось, как было показано выше, на признание очевидного: король — обычный человек, которому не под силу поспеть повсюду в этом разрастающемся королевстве и решать все вопросы. Необходимость действовать только с согласия и при участии Королевского совета является наиболее архаичной формулой «законного правления» и традиционной темой всех наставлений государю². Однако в этой фундаментальной теме происходит существенная трансформация: из права короля призывать ближайших вассалов в свой Совет и выслушивать их мнение оно превращается в обязанность короля действовать только с учетом мнения Совета. В наиболее открытой форме эта позиция чиновных кругов выражена в «Сновидении садовника»: «не принадлежит ему лично пользоваться сеньорией, но посредством его чиновников»³.

«Совет — святое дело» — таков основной лейтмотив всех наставлений государю, опирающийся на Св. Писание («при многих советах благоденствие», Притч. 11: 14). Однако это также и обязанность короля: «во что бы то ни стало прежде узнайте мнение и совет других; необходимо для издания законов и ордонансов о суде иметь

¹ Об этом же пишет Никола Орезм: «будто бы государь это Бог и не может ошибаться. Но он смертный человек, и грешит». В «Сновидении садовника» также говорится о разграничении полномочий: «Малые дела должны поручаться малым, средние — средним, а самые большие — самым крупным» (*Oresme N. P.* 243; *Songe du Vergier*. Т. 2. P. 56; *Juvénal des Ursins J.* Т. 1. P. 446–447, 462–463).

² Об этой традиционной теме см.: *Малинин Ю. П.* «Средневековый» дух совета//Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 176–192.

³ *Songe du Vergier*. Т. 2. P. 56.

совет», — рекомендует Жувеналь¹. Кристина Пизанская изображает Совет, как «добрый и старый обычай, обязанность короля, требующая, чтобы он имел советы», приводя в качестве образца правление Карла V, который «считался во всех своих деяниях с советами людей компетентных», следуя поговорке «кто ищет и слушает добрый совет, тот в славу и выгоду будет одет»².

Таким образом, король не просто должен созывать Совет и с его помощью решать вопросы управления, он обязан действовать только с учетом мнения Совета, «дабы не иметь повода потом раскаиваться в содеянном», «король не должен ничего делать без доброго совета»³. В этой апологии Совета ясно проступает общественная значимость королевских чиновников, приобщенных к власти и авторитету. Они постоянно окружают короля и считают себя неотъемлемым атрибутом его власти. Нерасторжимую связь короля и его Совета Жерсон облек в антропоморфный образ: «Король обязан прилежно обращать свой взор повсюду... Этот взор есть его Совет»; «Король без разумного совета как голова без глаз, ушей и без носа»⁴.

Повышение роли Совета как коллегияльной формы властвования, отразилось в четком требовании не просто выслушивать его мнение, но и следовать ему. В специальной главе, посвященной тому, как «государь должен исполнять советы», Кристина считает обязанностью короля «верить добрым советам», а Мезьер призывает короля «без оглядки на людей, без тайного умысла и заpiresательства» исполнять все, что было решено на Совете⁵. Стремление ограничить волю государя решениями Совета четко выражено и в других трактатах, отразивших эту важнейшую из обязанностей короля⁶. Наконец, в этой области от короля требуется та же манера поведения, что и от его советников, а именно: хранить секрет о ходе обсуждения. Секретность обсуждений являлась важнейшим правилом работы органов управления, чиновникам которых запрещалось разглашать тайну обсуждений на Совете,

¹ *Juvénal des Ursins J. T.* 1. P. 309, 459. T. 2. P. 207; *Gerson J. P.* 1139.

² Таков идеал поведения государя в глазах его служителей, и Кристине вторит Анри Бод, восхваляя Карла VII за то, что «он все решал по совету, без которого он не делал ничего» (*Pizan Ch. de. Charles VII.* P. 39–42; *Baude A. P.* 132).

³ *Pizan Ch. de. Le Livre de la paix.* P. 73; *Advis.* P. 140, 146.

⁴ *Gerson J. P.* 1150, 1166.

⁵ *Pizan Ch. de. Le corps de policie.* P. 37; *Mézières Ph. de.* P. 331.

⁶ «mectre ce que on lui requiert au Conseil... doit un roy tenir sa parole ferme» (*Advis.* P. 140, 142). Равно и Анри Бод прославляет Карла VII за то, что он исполнял «без изменений» все, что обсуждалось в его Совета (*Baude A. P.* 131).

чтобы не провоцировать давления извне¹. Обосновывая необходимость держать в тайне обсуждения на Совете, Жерсон считает это защитой от давления окружения короля, способного добиться отмены принятых решений: «Тайна есть самое сильное и надежное средство против всякого противостояния общему благу». В этом рассуждении Жерсона знаменательна одна деталь: осуждая нарушения тайны обсуждений, он в итоге защищает советников, поскольку общественное мнение во всем винит их, хотя они дают здравые советы, но им потом не следуют. «Что же мешает часто исполнению добрых советов? Клянусь именем Бога, то, что их вовсе не держат в секрете», — заключает Жерсон². Хотелось бы обратить внимание на то, что в данном вопросе мнение университетских интеллектуалов полностью совпадает с позицией чиновников, в иных вопросах являвшихся оппонентами. В признании обществом обязанности короля действовать с согласия, обсуждения и мнения Совета воплотилось среди прочего повышение общественного статуса коллегиальных форм управления, успешно противодействовавших авторитарному принципу³.

Однако выбор советников и в целом состав Королевского совета во Франции являлся исключительной прерогативой короля, призывавшего лишь тех, кто ему угоден⁴. Отсюда проистекает важная тема в наставлениях государя — его ответственность за выбор советников и Совета. И если Никола Орезм уповает на Божественную милость «избрать добрых советников», то в других трактатах эта процедура обрастает куда большими деталями и рекомендациями, хотя никто не ставит под сомнение право короля самому выбирать себе советников и всех чиновников своей администрации⁵. Не случайно в набор качеств образцового короля входит поиск лучших людей в качестве советников и чиновников: таковым предстает Карл V у Кристины, который повсюду искал «лучших», Карл VII у Тома Базена, рыскавший по всем университетам в поисках наиболее прославленных людей, в противовес Людовику XI, якобы назначавшему «самых недостойных»⁶.

¹ «И пусть держит король и каждый из его советников в тайне совет, ничего не открывая ни одной живой душе, будь то мужчина или женщина» (Advis. P. 142).

² Gerson J. P. 1165.

³ Хачатурян Н. А. Авторитарный и коллективный принцип в эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура. Ч. 1. М., 1992.

⁴ См. об этом: Gaussin P.-R. Les conseillers de Charles VII (1418–1461). Essai de politologie historique // Francia. 1982. Т. 10. München, 1983. P. 67–130.

⁵ Oresme N. P. 330; Songe du Vergier. P. 9; Mézières Ph. de. P. 326; Pizan Ch. de. Le corps de policie. P. 38; Legrand J. P. 472; Baude A. P. 133–134.

⁶ Pizan Ch. de. Le livre de la paix. P. 103; Bazin T. Histoire de Charles VII. Т. 2. P. 368, 370.

Монопольное право короля самому избирать своих советников становится прочной основой для обвинений верховного правителя за его дурных советников, «ибо он всегда найдет добрый совет, если поищет», прибегая особо грозное звучание в периоды обострения общественной критики действий чиновников, поскольку всех их выбрал и назначил король¹. Следовательно, дурные советники свидетельствуют против моральных качеств государя, охотно внимающего их дурным советам. Опираясь на библейскую истину — «если правитель слушает ложные речи, то и все служители его нечестивы» (Притч. 29: 12), — авторы наставлений подчас прямо обвиняют короля в недобросовестности его чиновников². В этой коллизии проступают два аспекта. Первый: король должен уметь поощрять своих советников на откровенность, быть открытым правде, готовым выслушать даже неприятные ему вещи. И наоборот, король, привечающий льстецов, угрожающих его порокам, становится главным виновником неприглядного поведения своих служителей³.

Здесь стоит обратить внимание на тонкий нюанс: в трактовке авторов, близких к кругам чиновников, речь идет не столько об изначально дурных советниках, сколько о том, что они ориентируются на вкусы государя. В их представлениях причиной грехов служителей власти (воровства, сладострастия, жестокости) является сам король⁴.

Второй аспект этой темы особенно важен для теоретиков королевской службы: король сам отвечает за тот Совет, который он выбирает, «ибо не все советы хороши». Этот поворот темы приобретал особую остроту в моменты кризиса власти, когда общество пыталось превратить чиновников в «козлов отпущения». Так было в ходе общественного движения за реформы в 1356–1358 гг., когда была впервые предпринята широкомасштабная акция по смещению основного корпуса высших чиновников. Отводя от себя огульные обвинения во всех просчетах власти, чиновники ясно выразили свою позицию в «Обвинительном заключении против Робера Ле Кока»: даже если кто-то из советников давал дурные советы, король волен был им не следовать⁵. В конце XV в. эту же мысль повторяет Робер де Бальзак: «Надобно, чтобы государь имел разум и умение разбираться, кто советует хорошо, а кто плохо, и избрать добрый совет»⁶.

¹Gerson J. P. 617; Legrand J. P. 476.

²Gerson J. P. 1164; Pizan Ch. de. Le livre de la paix. P. 97.

³Gerson J. P. 648, 944; Bazin T. Histoire de Charles VII. T. 3. P. 382.

⁴Pizan Ch. de. Le livre e la paix. P. 78-80.

⁵Цатурова С. К. Скандал в коридорах власти // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 252.

⁶Balzac R. de. P. 218.

Поскольку король сам отбирает советников и сам отвечает за этот выбор, немаловажное значение приобретает способ и процедура отбора, от которых также зависит качество управления. Само по себе появление проблемы отбора уже свидетельствует об изменении характера королевской власти, удаляющейся от частно-сеньориальных основ в сторону публично-правовых. Именно в связи с усложнением управления, потребовавшим профессионально пригодных людей, встает проблема отбора чиновников, каковыми на ранних этапах являлись ближайшие вассалы и лично преданные королю слуги. Хотя чиновники по-прежнему выглядят как круг близких королю людей, лично отобранных им, само появление процедуры отбора, основанной на профессиональных качествах, говорит о появлении новых требований к служителям короля. От короля требуется тщательно изучить кандидатов перед их назначением, исходя из сформированного в обществе идеала служителя короны.

В трактате Филиппа де Мезьера даже начертана целая программа и весьма изощренная процедура проверки кандидата перед его назначением, из которой явствует, что профессиональные достоинства чиновника должны преобладать над его социальной принадлежностью. Автор рекомендует королю тщательно проверить не только его репутацию («*comune renommée*»), но навести справки повсюду, где возможно, предварительно проверив самих «проверяющих». Но и после своего назначения чиновники должны находиться под неусыпным контролем особых «контролеров», о чьей истинной деятельности должен знать только король и его исповедник. Мезьер даже набрасывает план примерного разговора короля с «зарвавшимся» чиновником и меры по его вразумлению¹. В целом этот пассаж из трактата одного из идеологов «Мармузетов», старых чиновников Карла V, совершивших в правление его сына качественный рывок в оформлении королевской службы, показывает возрастающую роль чиновников в реализации королевской власти и в укреплении авторитета органов управления. Не случайно Кристина Пизанская восхваляла решимость Карла V немедленно отстранять и наказывать судейских чиновников за отступление от идеала службы².

Тщательное изучение качеств чиновника и отбор по профессиональным достоинствам противопоставлен в этих наставлениях продвижению по ходатайству и покровительству третьих лиц, устойчиво воспринимавшемуся как угроза общему благу. Появление таких опасений с конца XIV в. отражало борьбу политических и семейных кланов в правление психически больного короля Карла VI. Но оно же

¹ *Mézières Ph. de.* P. 328, 338.

² *Pizan Ch. de.* Charles V. P. 61.

свидетельствует о повышении престижа органов королевской власти, превратившихся в объект борьбы за сферы влияния, особенно высшей знати, искавшей здесь рычагов воздействия на политику верховной власти. Все авторы наставлений так или иначе рассматривают фаворитизм и давление политических кланов на выбор чиновников как опасное для общества явление¹. Однако именно те авторы, кто принадлежал к чиновным кругам, воспринимают это еще и как угрозу своим корпоративным интересам. Так, Мезьер противопоставляет отбор на основе личных достоинств кандидата продвижению по ходатайству «просителей, родственников и их приближенных... так что нынче по праву и без каждый продвигает своих друзей и даже тех, кто больше заплатит». Помимо отступления от идеала службы такое продвижение, по мнению автора, опасно для короля, который не может быть уверен в лояльности и преданности этого чиновника только себе, как предписывает приносимая им клятва при вступлении в должность².

Отбору королем наиболее достойных людей в качестве чиновников препятствует еще одно «новшество» — продажа должностей, которая возмущала больше университетских интеллектуалов, чем выходцев из чиновной среды. Следует учесть, что общественное мнение было крайне негативно настроено в отношении этой практики, усматривая в ней угрозу общему благу, о чем Парижский университет, как рупор общественного недовольства, в этот период не уставал повторять³. Однако любопытно, что в трактатах, написанных чиновниками, эта практика продажи должностей получает если не одобрение, то «разумное обоснование». Так, Анри Бод прославляет Карла VII среди прочего и за то, что он заботился о своих ближайших служителях, а именно: якобы для обеспечения своих «камердинеров, кухмистеров, виночерпиев и других» он составил список по срокам их службы, и когда освобождалась «по смерти» должность «в элексьонах, сборщиков габели, контролеров, секретарей и прочих», его слуги строго по списку передвигались на эти более «денежные» должности. Далее следует важная деталь: «Если же не был он человеком сведущим для ее исполнения, то обязан был продать ее человеку сведущему и подходящему и извлечь от этого выгоду, дабы ею жить остаток своих дней»⁴. Робер де Бальзак, в целом негативно оценивая появление чиновных династий, все же признает, что продвижение сына «старого

¹ *Gerson J. P.* 1018; *Pizan Ch. de. Le corps de policie.* P. 39; *Advis.* P. 153.

² *Mézières Ph. de.* P. 328, 354.

³ Самый яркий пример этой позиции — статья Кабошьенского ордонанса от 25 мая 1413 г. о запрете продажи должностей. *Ordonnances des rois de France de la troisième race.* Т. X. P. 119. Об этом же неоднократно говорит в проповедях Жерсон. *Gerson J. P.* 440, 1173.

⁴ *Baude A. P.* 131.

служителя, достойного человека» допустимо как форма компенсации за безупречную службу, однако рекомендует «лучше отплатить деньгами или иными дарами»¹. Как видим, служители короны не видели в складывающейся практике продажи должностей угрозу интересам власти, поскольку должности продавали не любому, не тому, кто готов заплатить больше, так что сама эта практика являлась как бы формой пенсионера старым служителям короля.

Самой законной, справедливой и разумной формой замещения вакансий считалась, как уже говорилось, практика выборов, введенная в органы управления с 1360-х гг. И хотя она предусматривала участие самих чиновников в комплектовании кадров, она не отменяла и не оспаривала решающую роль короля. Это находит выражение и в наставлениях государю, где его призывают выбирать наиболее достойных людей. Причем выборы противопоставлены своеволию короля, выполняя функцию ограничения произвола не только короля, но и его окружения, что сообщало им дополнительный вес. Об этом весе свидетельствует и лексика: «великие выборы» (*grande election*), «добрые и твердые выборы», «святые выборы», «чистые, законные и истинные»². Что касается конкретных деталей самого отбора чиновников королем, то они есть только в произведениях тех авторов, кто не понаслышке знал их реальные обстоятельства и был близок к кругам чиновников. В трактате Анри Бода практически воспроизведена процедура, предписанная ордонансами: «Когда в судах Парламента появлялась вакансия президента или советника, король писал судьям, чтобы они прислали ему имена трех наиболее достойных и подходящих по их представлению для этой должности людей, и после этого выбирал одного из трех, наиболее состоятельного и подходящего». Кристина Пизанская, описывая выборы, основной акцент делает на самом принципе отбора, т. е. всестороннем изучении кандидата, что было главным и для чиновников в практике выборов. При этом оценка достоинств кандидата должна производиться «людьми достойными и мудрыми», что также ограничивало произвол короля. Наконец, Мезьер осуждает порочную практику продвижения кандидатов по просьбам со стороны: в его описании выбор короля основывался подчас не только на ложной информации заинтересованных лиц, но и на бойких ответах кандидата, «как на экзамене в Парижском университете», которые нередко вводили в заблуждение не сведущего в профессиональных навыках короля³.

¹ *Balzac R. de. P. 223.*

² *Mézières Ph. de. P. 326–328; Pizan Ch. de. Le livre de la paix. P. 82; ead. Le corps de policie. P. 39; Gerson J. P. 1018; Advis. P. 138, 144; Juvénal des Ursins J. T. 2. P. 338.*

³ *Baude A. P. 134; Pizan Ch. de. Le corps de policie. P. 39; Mézières Ph. de. P. 327.*

Центральным вопросом, разделившим авторов поучений на два противоположных лагеря, являлся вопрос о том, кого же королю следует выбирать своими советниками и чиновниками. И тут споры проистекали не столько из-за соперничества вокруг трона или стремления влиять на политику короля, сколько из-за двух полярных концепций природы королевской власти. Формирующемуся аппарату власти с его концепцией рационализма, прагматизма, профессиональной специализации противостояла стремительно развивающаяся «королевская религия», представляющая короля священной особой, помазанником Божиим, «образом Христа» и ориентированная на христианские добродетели и библейскую мудрость. Поэтому спор о том, кого король должен выбирать себе в советники, кто должен быть главным в его окружении, был спором о природе и назначении королевской власти.

Становление институтов королевской власти существенно трансформировало представления о качествах чиновников: на место лично преданных королю служителей пришли люди с профессиональными знаниями, навыками, опытом работы. В той или иной форме такими они представлены во всех наставлениях государю: «мудрые, почтенные, образованные, опытные, состоятельные, доброго имени и любящие общее благо более своего частного»¹. Среди этих качеств стоит обратить внимание на «доброе имя», которое учитывало важнейший фактор политической жизни этого периода — общественное мнение². К ним присоединяется еще одна категория, идущая от Аристотеля, — почтенный возраст как гарантия всех вышеперечисленных достоинств³. Особый упор делали в своих наставлениях авторы, близкие к чиновным кругам, на профессиональном опыте, который они приравнивают к знаниям и даже ставят выше их⁴.

И все же, какие знания, какой опыт имеется в виду в этих внешне схожих рекомендациях? Здесь мы сталкиваемся с двумя противостоящими друг другу позициями. Интеллектуалы — те, кто принадлежал Церкви, университету, — настаивают на том, что главное знание — это Св. Писание, а главные советники — теологи и в целом духовенство. Уже в «Трактате о коронации» Жана Голена слышны отголоски этих

---

¹ *Mézières Ph. de.* P. 218; *Pizan Ch. de.* Le corps de policie. P. 32–33; *Gerson J.* P. 1159; *Baude A.* P. 133; *Advis.* P. 150; *Juvénal des Ursins J.* T. 1. P. 451, 461, T. 2. P. 210; *Balzac R. de.* P. 217–219.

² *Pizan Ch. de.* Le livre de la paix. P. 102; *Advis.* P. 144; *Balzac R. de.* P. 228; *Gauvard Cl.* La fama, une parole fondatrice // *Medievales.* 1993. N 24. P. 5–13.

³ *Mézières Ph. de.* P. 148, 311; *Pizan Ch. de.* Le corps de policie. P. 34–35; *Juvénal des Ursins J.* P. 514; *Balzac R. de.* P. 220.

⁴ *Pizan Ch. de.* Charles V. P. 185; *Juvénal des Ursins J.* P. 468; *Balzac R. de.* P. 227.

споров: противопоставляя теологов всему остальному окружению короля, он видит причину их превосходства в том, что они знатоки и судьи в главной сфере — в защите веры и изгнании ереси¹. Еще более ригористичен Никола Орезм в своей комментарии к «Политике» Аристотеля: он уже открыто считает главными соперниками теологов юристов, которые обучались «законам Юстиниана» и ничего не смыслят в реальности, более того, «с юности усвоили ложные вещи и уже не в состоянии познать истину». Следовательно, они лишены внутреннего политического разума, «ведь те, кто сначала изучает законы, не может затем постигнуть философию»². Эта традиция, идущая от Эгилия Римского, назвавшего легистов «идиотами в политике», прочно утвердилась во французской политической мысли и стала к началу XV в. знаменем борьбы Парижского университета за преобладающее место теологов при персоне короля³. В самой лаконичной форме эту позицию выразил в своей проповеди Жак Легран: «Должны государи рядом с собой иметь людей, знающих Св. Писание, дабы им советовали, ибо все добро уже в нем заключено»⁴. Такая позиция интеллектуалов нашла наиболее полное и развернутое воплощение в проповедях канцлера Парижского университета Жана Жерсона: поскольку право есть божественное установление, а суд — главная функция короля, то именно теологи должны обучать судей, ибо в Писании заложены основы правосудия. Констатируя конфликт с юристами, которые «смеются над теологией (*se moquent de theologie*), ибо разумом хотят понять, но не верой», он настаивает, что «совершенный легист» невозможен без знания теологии, и в несколько расплывчатом описании качеств идеального советника на первое место ставит христианские добродетели, а не профессиональные знания⁵. Главным поставщиком советников короля должен был стать Парижский университет, который наравне с Королевским советом должен управлять и руководить всеми сословиями. «И если кто-то скажет: чего это он вмешивается и впутывается, пусть лучше учит и глядит в книги, то это очень легковесное мнение; чего стоит знание без действия; учатся не только для знания, но для применения и работы»⁶.

На противоположном фланге находились те, кто не просто отодвигал духовенство от управления, но вовсе отказывал ему в пригодности для подобной деятельности. В этой связи показательным, что даже слово «клирик» (*clerc*) приобретает в трудах этих авторов значение

¹ Golein J. P. 313.

² Oresme N. P. 243–244.

³ Krynen J. Les légistes «idiots politiques»... P. 171–198.

⁴ Legrand J. P. 473.

⁵ Gerson J. P. 439, 526, 600–601, 944–946, 1165.

⁶ Ibid. P. 1145, 777, 1028–1029, 911.

не духовного лица, а знатока законов¹. Как показал Ж. Кринен, в каком-то смысле ответом чиновников на нападки Никола Орезма стал трактат «Сновидение садовника», где королю брошен упрек за то, что он держит «рядом с собой священников, которым скорее пристало быть со своей паствой, чем в Королевском совете». В этом трактате позиция чиновников по данному вопросу выражена предельно откровенно: «Главное дело и знание короля должны состоять в добром управлении своим народом по совету мудрых, под коими я разумею юристов, сведущих в праве каноническом и гражданском, в кутюмах, конституциях и законах королевских». Автор превозносит практические знания и опыт, являющиеся главным достоинством практиков, «ведь не будет большой обращаться к тому, кто лишь знает о болезнях, но не умеет их лечить». Наконец, он открыто нападает на Орезма и его сторонников из университета: «Не должен король назначать на управление народом философа, пусть и знающего все книги “Этики”, “Экономики” и “Политики” (Аристотеля. — С. Ц.), хотя некоторые из них слишком высокого мнения о себе и считают, что им наносится большой ущерб, раз мир управляется не ими и не по их советам; и называют юристов идиотами в политике, но при всём уважении и почтении к философам, опыт начало всего, а каждый по опыту знает, кто больший идиот, юрист или философ»².

Та же позиция, но в сфере финансов выражена автором «Совета Изабо Баварской»: «И чтобы в деле финансов не назначались бы люди Церкви, ибо им вмешиваться в финансы королевства вовсе не подобает, пусть служат Богу и молятся за короля, как им положено»³. Филипп де Мезьер с тех же позиций наставляет, кто должен заниматься финансами: «люди сведущие и опытные в кутюмах и законах». Он обвиняет духовенство в ложных жалобах на насильственное участие в Королевском совете, хотя они ищут здесь лишь обогащения, к тому же их «двойное подчинение» — королю и папе Римскому — видится ему

¹ Так, Жувеналь, указывая на двойную функцию баля и сенешалей — судебную и военную, призывает отдавать предпочтение «клирикам, ибо легче из клирика сделать храброго воина, чем из воина — клирика». В таком же смысле употребляют это слово и Кристина Пизанская, и автор «Совета Изабо Баварской» (*Juvénal des Ursins J. T. 2. P. 338; Pizan Ch. de. Le corps de policie. P. 40; Advis. P. 135*).

² *Songe du Vergier. T. 1. P. 234, 410–411*. Словом «философ» в данном фрагменте переведен термин «*artiens*» — выпускник Артистического факультета университета, первой ступени на пути к трем высшим факультетам.

³ Кстати, на одном этом основании можно счесть ошибочной версию издателя трактата о принадлежности автора к Парижскому университету, так ревностно боровшемуся за первое место рядом с королем. Против лиц духовного звания в Палате счетов выступал и Жувеналь, обвиняя их в наибольших злоупотреблениях. *Advis. P. 137; Juvénal des Ursins J. T. 1. P. 519*.

опасным для короны¹. К этой позиции явно примыкала и Кристина Пизанская: она рекомендует королю советоваться с теми, кто сведущ в каждом отдельном вопросе — «в делах правосудия вовсе не с воинами и рыцарями, но с легистами и знатоками этих наук». Хотя духовенство и студенты университетов, по мнению Кристины, составляют «честь и славу королевства», но их роль она сводит к заботе о спасении душ подданных короны. Таким образом, согласно ей, не может быть и речи о монополии духовенства в окружении короля, скорее наоборот, они должны быть устранены от дел управления: «Для блага душ — теологи... для управления политикой королевства — почтенные, образованные и сведущие легисты», более того, «теологи не самые мудрые люди... их разум основан на книгах, но с трудом применяется на практике... и в делах мирских они мало искусны»².

Любопытно, что для взглядов этой группы авторов характерно признание значимости неблагородных сословий, с которыми они призывают короля советоваться в практических делах. Так, Мезьер рекомендует юному дофину Карлу в финансах и налогах советоваться с «почтенными и нравственными людьми, мирянами, богатыми буржуа, купцами и другими, опытными в мирских делах (*experts en pratique mondaines*)». Кристина Пизанская также обращает внимание на то, что «в делах управления... в разных и сложных вопросах надлежит из разных сословий иметь советников, а вовсе не из одного». И даже в делах войны, по Жувеналю, лица неблагородного звания более пригодны³.

Однако вопрос о том, каково должно быть материальное положение чиновника, далек от единодушия и не поддается даже такой общей классификации, какая обнаруживается в предыдущих. В самом деле, большинство авторов сходятся на том, что должности должны получать люди не бедные, и традиционная категория «состоятельности» (*souffisance*) нередко понимается буквально. Мезьер предостерегает короля слишком возвышать при дворе «людей низкого сословия и слабых состоянием (*de petit estat et foibles de condicion*)», видя в этом угрозу общему благу. С ним согласен его оппонент в иных вопросах Жан Жерсон, рекомендуя королю назначать тех, «кто не принужден будет из-за бедности грабить и пить еще больше кровь бедного народа». Автор «Совета Изабо Баварской» осуждает неподобающую роскошь чиновников и советует в финансовые ведомства назначать «добрых людей, женатых, богатых, а вовсе не бедных». Всем им противостоит

¹ *Mézières Ph. de*. P. 333, 336–337, 350–351.

² *Pizan Ch. de. Le corps de policie*. P. 37, 40; ead. *Le Livre de la paix*. P. 68–70, 76–77.

³ *Mézières Ph. de*. P. 355, 357; *Pizan Ch. de. Le livre de la paix*. P. 75; *Juvénal des Ursins*. Т. 2. P. 238.

Кристина Пизанская, которая, хотя и признает, что зачастую богатство приобретается после получения должности, «что противно праву», все же настаивает на приоритете профессиональных качеств чиновника, приводя в качестве идеала Карла V, назначившего казначеем города Нима человека «несостоятельного, малого авторитета, бедного и рожденного от низких людей, все еще возделывающих землю в нашем краю», вопреки просьбе герцога Анжуйского, ходатайствовавшего за «юношу, малосведущего, игрока, невоздержанного, но богатого»¹.

Так кто же он — король Франции, чьи обязанности так сложны и разнообразны, а подчас и противоречивы? Отразились ли они как-то на титулатуре короля «христианнейшего» королевства?

Основной вклад в укрепление королевской власти и становление ее институтов внесла, бесспорно, Церковь, и в титулатуре, как и в иных областях, ее позиция многое определила. Именно от церковной доктрины берет начало фундаментальное представление о короне как об особом служении, требующем от короля моральной чистоты и гражданских добродетелей². Однако должность, на которую возведен король, — это служение не только Богу, но и общему благу, поэтому она требует не своеволия, а исполнения долга перед подданными и государством³.

В этом сходились, так или иначе, все авторы поучений государю, воспринимая короля не как «персону, но общественную власть (*puissance publique*)». Однако здесь неизбежно возникали различия в позиции интеллектуалов и служителей короны. Первые считают короля «служителем Бога (*a Dieu officies*)», обязанным ему одному давать отчет о своей деятельности, общее благо заменяют «спасением общества», а обязанности короля приравнивают к обязательствам главы перед телом⁴. Для вторых же характерно восприятие короля в контексте более конкретного служения обществу в качестве главы административного аппарата. Так, в определении основных функций короля — быть верховным защитником и судьей, «викарием Бога», они подчеркивают конкретное вынесение им приговоров, «что есть обязанность, истинная должность и собственное дело», «прямая обязанность»⁵. Употребляя характерное сравнение короля с главой

---

¹ *Mézières Ph. de.* P. 216; *Gerson J.* P. 1018; *Advis.* P. 137; *Pizan Ch. de.* Le livre de la paix. P. 82; *Ead. Charles V.* P. 59–60.

² «l'office de ta majeste royalle». *Juvénal des Ursins J.* P. 382; *Mézières Ph. de.* P. 207.

³ «fere ton devoir... ne doit pas estre simplement en ta franche liberté... mais en la franche liberté du bien commun». *Mézières Ph. de.* P. 245.

⁴ *Gerson J.* P. 1155; *Legrand J.* P. 471.

⁵ «vostre charge, vraye office et chose propre a vous», «droit office». *Mézières Ph. de.* P. 191; *Juvénal des Ursins J.* P. 162, 382, 470; *Balzac R. de.* P. 217.

политического тела, они буквально воспринимают его как главу органов власти: «глава и принципал страны», «глава и мэтр», «мэтр дел войны и финансов»¹. Из этого определения «мэтр», которым изначально обозначались королевские чиновники, вырастает еще более четкое понятие «министр»: «король всего лишь министр», «не только прирожденный король, но и особый министр», «министр королевства», служащий общему благу². Отсюда у них используются и такие выражения, как «отец общего блага», «оружие общего блага», «сеньор и мэтр единый тел и имущества» своих подданных³. Для выходцев из чиновных кругов характерно представление о короле как их естественном и потому ответственным за их работу главе администрации: только они считают, что король «главная среди мирских должность»⁴. Именно они развивают и утверждают в обществе представление о том, что король получает королевство «не в сеньорию, но лишь во владение» и «строго говоря имеет право только на способ управления и право пользования и только в течение жизни», что он «всего лишь администратор, опекун, куратор и прокурор в своих делах»⁵.

Хотя эти идеи не сразу и не без труда вышли за пределы узкого круга идеологов королевской власти, они оказали существенное влияние на взаимоотношения короля и его формирующегося аппарата власти, ограничивая его произвол рамками закона, способствуя разграничению компетенции и утверждая новое понимание служения общему благу, которое принесло в общество становление нового типа государства — *Etat moderne*. Расширение королевства и усложнение управления породили новый социальный слой профессиональных служителей власти, что неизбежно изменило представления об обязанностях короля, поскольку он оставался и верховным судьей, и главой всех институтов власти, и источником законов. От короля по-прежнему зависит все, и это способствует повышению внимания к личным достоинствам короля, в круг которых теперь входят и знания, и опыт управления, и следование законам, и ответственность за выбор и работу чиновников. Все теоретики сходятся на том, что «коронованный осел» есть насмешка над королевским достоинством, однако дальше

¹ «principal du pays, chief et maistre, maistre de guerre et de ses finances». *Balzac R. de*. P. 217–218, 224.

² «ministres», «roy naturel et ministre singulier», «ministre dy royaume». *Songe du Vergier* P. 206–207; *Mézières Ph. de*. P. 192–193, 368; *Juvénal des Ursins J.* P. 83.

³ *Mézières Ph. de*. P. 218; *Juvénal des Ursins J.* T. 1. P. 83.

⁴ *Mézières Ph. de*. P. 382.

⁵ «le Roy detient quant a l'administration seulement et non pas quant a la seignourie»; «une maniere de administracion et usage». *Songe du Vergier*. P. 206; *Juvénal des Ursins J.* P. 187, 395.

идут расхождения: столкновение с укрепляющейся «королевской религией» выявило глубинную двойственность королевской власти. Теория двух тел короля стала способом разрешения этого конфликта, поскольку представление о короле как «неумирающем теле» государства сочетается в ней с требованиями к конкретному королю соответствовать важности исполняемых им функций. В исторической перспективе эти споры и разные представления об обязанностях короля имели важные последствия: они способствовали выработке самого понятия государственной службы как служения общему благу, а не частному интересу, как гражданской добродетели, повысив в связи с этим престиж знаний, образования, книг, значимость коллегиального управления, влияние неблагородных сословий. Таковы были новые ценности, которые привнесло в политическую культуру западноевропейского Средневековья формирование государства.

В заключение хотелось бы высказать ряд более общих соображений. Приоритет междисциплинарного подхода в современной историографии привел к «присвоению» историками таких некогда специальных областей знания, как история идей, религии и Церкви. Однако их невозможно понять вне контекста или «демона прошлого», по выражению Ж. Ле Гоффа, политической истории — события. Как иначе можно объяснить интенсивность размышлений идеологов власти об идеале и обязанностях монарха именно в период конца XIV — начала XV в., на который приходится большинство рассматриваемых в данной статье наставлений государю? Разумеется, это связано с успехами в институциональном оформлении органов королевской власти и в формировании социального слоя служителей короны. Но без связи позиции Парижского университета с проблемой папской схизмы мы мало что поймем в его восприятии особой ответственности главы «мистического тела» государства. В то же время, двойственная роль университета в становлении новой элиты — служителей короны — проявилась здесь со всей очевидностью. Этаблируя себя как авторитетную власть, соразмерную власти церковной и королевской, и одновременно являясь поставщиком новой властной элиты, немислимой без ученых степеней, университет попытался в этот кризисный период внедрить свои ценности в этику зарождающегося государства, подчеркнув тем самым лишь одну из своих функций. И его конечный проигрыш явился весьма значимым фактором становления института государственной службы.

На этот же этап великого раскола приходится весьма кризисная для Франции ситуация: самое долгое (42 года) за два исследуемых столетия правление психически больного короля Карла VI. И хотя, как это ни парадоксально на первый взгляд, в этот период происходит решающее укрепление и даже существенное развитие институтов

королевской власти, что свидетельствует о постепенной автономизации бюрократической функции от персоны монарха, но без учета этой коллизии трудно понять небывалое прежде внимание идеологов власти к личным достоинствам короля¹. Нерасторжимая связь персоны короля с его чиновниками, с особой ясностью обозначившаяся в этот период, заставила их по-новому оценить место короля в легитимации их функции и социального возвышения. Их профессиональная этика, отразившаяся в новом образе короля, внесла решающий вклад в философию «гражданской ответственности», изменившую репрезентацию верховной власти.

Этот «гражданский гуманизм функционеров» зародился, как мы показали, задолго до XVI–XVII вв., к которым его относят многие исследователи, поскольку он проистекал из специфики государственной службы и связанной с ней этики. Касаясь последней, замечу: мне представляется искусственным и тенденциозным противопоставлять в ней черты рационализации управления в традиции М. Вебера — «магии государства» и символическим стратегиям власти. Отрицать тенденцию рационализации в складывающейся системе управления невозможно и бессмысленно. Однако, как убедительно показывают изучаемые нами трактаты, «человеческие чувства» вовсе не исключались из этой новой этики. Чем иным можно объяснить рисуемый всеми авторами идеал короля как образец христианских, человеческих и гражданских добродетелей? Тема любви, столь значимая в истории политического, и, прежде всего, власти, проступает здесь со всей откровенностью. Но любить предлагается лишь того, кто этого достоин. Поэтому формирование нового образа государя как знающего и ответственного профессионала вовсе не противоречит чувству любви, на которое рассчитывает всякая верховная власть. Именно это чувство любви к идеальному королю как «защитнику общего интереса» больше, чем построения политической философии, лежит в основании того культа государства, который является неотъемлемым атрибутом национальной идентичности гражданина.

---

¹*Autrand Fr. Le règne de Charles VI: un mauvais souvenir?//Saint-Denis et la royauté. Etudes offerts a Bernard Guenée. P., 1999. P. 13–22.*

Е. В. Калмыкова

ВОЙНА ЗА ФРАНЦУЗСКУЮ КОРОНУ КАК БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО И СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ КОРОЛЕЙ АНГЛИИ

После того как в феврале 1328 г. умер, не оставив потомков, младший из сыновей Филиппа IV Карл IV, французским пэрам предстояло решить проблему наследования французского престола. Ближайшим родственником покойного короля был сын его сестры Изабеллы — король Англии Эдуард III. Следующим кандидатом на корону был Филипп, граф Валуа, племянник Филиппа IV. Но на собрании пэров никто из принцев крови не поддержал права внука Филиппа Красивого. Предпочтение было оказано Филиппу Валуа на том основании, что он родился во французском королевстве. Это простое объяснение, свидетельствующее о достаточной зрелости национального самосознания, было хорошо известно не только во Франции, но и в Англии. В середине XIV в. английский рыцарь Томас Грей прямо утверждал, что Филипп Валуа смог «вопреки праву захватить силой» королевство Францию, поскольку «он родился в том королевстве и имел так много друзей и сторонников, что, не рассматривая ничьи права, они избрали его королем»¹. Однако справедливое решение проблемы престолонаследия требовало правовых доводов.

Ссылаясь на «обычай королевства», пэры, бароны и доктора права утверждали, что французская корона не может передаваться по женской линии². В течение многих веков во Франции женщины сами владели и наследовали земли. Впервые идея о том, что женщина не должна наследовать королевство, обсуждалась в 1316 г., когда будущий Филипп V использовал ее в качестве предлога для отстранения от престолонаследия дочери его старшего брата Людовика X Жанны, законорожденность которой вызывала сомнение³. Уже в 1322 г., когда

---

¹ Gray, Thomas of Heton. *Scalacronica* / Ed. H. Maxwell. Glasgow, 1907. P. 83.

² Potter J. M. The Development and Significance of Salic Law of the French // *English Historical Review*. Vol. 52 (1937). P. 238.

³ Ibid. P. 236; Giesey R. E. The juristic Basis of dynastic Right to the French Throne // *Transactions of the American Philosophical Society*. Vol. 60 (1961).

умер Филипп V, его дочери были автоматически отстранены от престолонаследия. В 1328 г. права Эдуарда были отклонены на том же основании. Практика стала законом. После того как в 1358 г. историограф Ришар Леско обнаружил в библиотеке Сен-Дени текст древнего «Салического закона»¹, короли из династии Валуа и их приверженцы получили документальное подтверждение правомерности исключения женщин и их потомков из престолонаследия.

Основной целью данной работы является анализ представлений англичан XIV–XVI вв. о правовом основании войны за французскую корону. Английские теологи и юристы, опираясь, главным образом, на положения канонического права, разработали стройную систему доказательств «справедливости» войны, которую англичане вели против соседнего христианского народа. Для лучшего понимания общей логики, в рамках которой существовало средневековое представление о войне, будет необходимо остановиться на основных положениях римского, канонического и обычного английского права по данному вопросу. Безусловно, в большинстве своем средневековые хронисты не были знатоками права, однако опосредованно правовые нормы оказали существенное влияние на формирование их представлений об условиях справедливой войны. В работе также будет сделана попытка исследования того, как в массовом сознании законное право, воспользовавшись которым короли Англии могли вести «справедливую войну», постепенно трансформировалось в «долговое обязательство», уклониться от выполнения которого королям было невозможно.

Отражение коллективных представлений или так называемого «общественного мнения» в средневековых источниках нередко является опосредованным или даже искаженным. Поэтому в качестве основных источников были избраны исторические сочинения, выполняющие в обществе и культуре двойную функцию: с одной стороны, они фиксируют уже сформировавшийся круг идей, а с другой — передают эту информацию потомкам, формируя их отношение к прошлому. Исходя из последнего соображения, было решено не ограничиваться источниками, непосредственно относящимися к эпохе Столетней войны. Труды историков XVI в. позволяют судить о том, насколько устойчивыми оказывались те или иные взгляды и представления, а также проследить за их эволюцией на протяжении двух столетий.

P. 254; *Sumption J.* The Hundred Year War. Trial by Battle. Vol. I. L., 1990. P. 110; *Krynen J.* L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII–XVs. P., 1993. P. 208.

¹ *Potter J. M.* Op. cit. P. 247; *Beaune C.* Naissance de la nation France. P., 1985. P. 294–296.

Закон против беззакония

Как верно заметил в своем знаменитом труде «Война в Средние века» Филипп Контамин: «По своей природе война, быть может, более, чем другой вид человеческой деятельности, должна иметь правовые и нравственные основания в обществе, которое ее ведет»¹. Это утверждение французского историка особенно точно подходит для христианского общества, для которого одним из важнейших правил была заповедь «не убий». Невозможность полного искоренения войн вынуждала общество искать оправдание для существования этого социального явления. В современной историографии средневековое понимание «справедливой войны» (*bellum iustum*) традиционно принято описывать при помощи двух взаимосвязанных категорий: *ius ad bellum* и *ius in bello*². Первая касается права вести войну (то есть условий, при которых война и связанное с ней кровопролитие перестают восприниматься как грех или преступление, становясь законной и даже священной акцией), а вторая — поведения в войне (традиции и правила, регламентирующие взаимоотношения противников, отношение к мирному населению территорий, охваченных войной, и т. д.; сюда же входят положения так называемого «кодекса рыцарской чести»).

Согласно римскому праву, для ведения справедливой войны требовалось два неперемennых условия: чтобы она была провозглашена законной властью и имела справедливую причину (то есть велась для возвращения утраченного, защиты населения и территории или же просто для чести и безопасности государства)³. Любая, не удовлетворяющая этим условиям война считалась безнравственной и подлежала осуждению⁴.

¹ Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина и др. СПб., 2001. С. 278.

² Детальный анализ этих категорий приведен в трудах Джеймса Джонсона: *Johnson J. T. Ideology, Reason, and the Limitation of War: Religious and Secular Concepts, 1200–1740*. Princeton. 1975. P. 5–11; *Idem. The Quest for Peace: Three Moral Traditions in Western Cultural History*. Princeton. 1987. P. 50–66, 75–91.

³ Цицерон, Марк Тулий. Об обязанностях / Пер. с лат. В. О. Горенштейн // Цицерон. О старости, О дружбе, Об обязанностях. М., 1993., I, 36; Цицерон. О государстве / Пер. с лат. В. О. Горенштейн // Цицерон. Диалоги. М., 1966. III, XXIII, 35; *Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law* // Transactions of the American Philosophical Society, XLIII (1953), V. *Bellum*, 372; V. *Repetitio rerum*, 675; V. *Lex de bello indicendo* 550; V. *Indicere bellum*, 449; V. *Denuntiare bellum*, 431; V. *Indictio belli*, 499; V. *Fitiales*, 40; V. *Ius fetiale*, 528; V. *Senatus*, 695.

⁴ *Russell F. H. The Just War in the Middle Ages*. Cambridge, 1975. P. 6.

Признавая склонность человека к греху и насилию, некоторые из ранних отцов церкви пришли к пониманию «справедливой войны» как регулятора жестокости в мире. Эта идея получила развитие в трудах Августина, который полагал, что война была ниспослана Богом для выполнения своего рода очистительной функции — искоренения грехов и преступлений в обществе¹. В обязанность каждого христианина входит любовь к ближнему, а также благодарное подчинение божественно установленной власти. Поэтому, если сам Бог отдает приказ к началу войны, христианин не должен от нее уклоняться, считая ее несправедливой. Война, которая ведется «в интересах» самого врага (для уничтожения его грехов), перестает быть злом, превращаясь в позитивное действие². Помимо легитимации войны, которую законная власть ведет с нарушителями порядка Августин привнес в теорию «справедливой войны» третий определяющий компонент. Им стала вера в правильное завершение каждой провозглашенной войны. Для этого отца церкви определенным образом организованное насилие должно было служить средством достижения обществом состояния подчинения божественному порядку.

Предложенная Августином трехчастная формула справедливой войны была доработана теологами и юристами классического Средневековья, среди которых в первую очередь следует назвать Грациана. Грациан продолжил вслед за Августином трансформировать христианское милосердие в мотивацию для начала войны, сделав это краеугольным камнем своего собственного отношения к войне, воспринятого последующими знатоками канонического права³. Исследовав возможные правонарушения, Грациан пришел к выводу о том, что враг может дать только три повода для войны: начать войну первым, отказаться наказать своих подданных за их злодеяния или не возвращать украденную собственность. Следовательно, согласно своду канонического права Грациана, существуют три причины для ведения справедливой войны: защита своей земли и своих подданных от нападения врага, возвращение собственности⁴ и наказание преступлений⁵ (в том числе преступлений религиозного характера, направленных против Бога или церкви). Для Грациана, как и для его предшествен-

¹ *Augustine Hipponensis. Contra fastum manichaerum, XXII, 74 / Augustine Hipponensis. Opera Omnia // Patrologia Latina. Vol. XLII. P., 1847.*

² *Ibid. XXII, 74, 78*

³ *Russell F. H. Op. Cit. P. 58–60.*

⁴ *Gratian. Decretum // Corpus Juris Canonici / Ed. A. Friedberg. Leipzig, 1879. Vol. I. C. 23 q. 2 c. 1: «Iustum est bellum, quod ex edicto geritur de rebus repetendis, aut propulsandorum hominum causa».*

⁵ *Ibid. C. 23 q. 2 c. 2: «iusta autem bella solent diffiniri, que ulciscuntur iniurias».*

ников, важным условием *ius ad bellum* (помимо стремления к миру и наличия справедливой причины) была санкция законной власти¹. Действующие по приказу Бога или законной власти освобождаются от греха убийства². Только законный правитель, обладающий правом провозглашения войны, несет за нее ответственность. Во избежание недоразумений Грациан предлагает следующее определение: «Справедливая война ведется по эдикту для наказания правонарушений»³. В середине XIII в. эту формулу повторил святой Фома Аквинский, утвердивший необходимость наличия трех составляющих элементов: санкции со стороны законной власти, справедливой причины и справедливой цели⁴.

Составивший в середине XIII в. свод английского обычного права Генри Брактон утверждал, что законные войны «ведутся государем для защиты родины или обуздания жестокости»⁵. Следовательно, Брактон признает, что для ведения справедливой войны требуется санкция государя⁶ (который является «*Dei vicar et minister in terra*»), а также справедливые причины, среди которых на первое место выходит защита государства и его населения.

В 1328 г. претензии короля Эдуарда на корону Франции были лишь простой формальностью. Об этом можно судить хотя бы по тому, что 6 июня 1329 г. Эдуард III принес оммаж Филиппу Валуа как королю Франции за свои континентальные владения⁷. Позднее король Англии

¹ *Gratian. Decretum. C. 23 q. 1. C. 4; q. 2 c. 2.*

² *Ibid. C. 23 q. 5 c. 47.*

³ *Ibid. C. 23 q. 2 d. P. c. 2: «Cum ergo iustum bellum sit, quod ex edicto geritur, vel quod iniuriae ulciscuntur»; подробнее см.: Russell F. H. Op. Cit. P. 60–68; Regout R. La doctrine de la guerre juste de Saint Augustin a nos jours, d'après les théologiens et les canonistes catholiques. P., 1935. P. 61–65; Hubrecht G. La «juste guerre» dans le Décret de Gratien // *Studia Gratiana. Vol. III (1955). P. 161–77.**

⁴ *Aquinas, Summa Theologiae, 2–2, q. 40, art. I, resp. (цит. по: Russell F. H. Op. Cit. P. 268).*

⁵ *Henrici de Bracton. De legibus et Consuetudinibus Angliae / Ed. by T. Twiss. L., 1878–1883, 5 vols. Vol. I. P. 26.*

⁶ Здесь следует отметить, что любые частные войны в Англии были строго запрещены и рассматривались как преступление против королевской власти (*Pollok F. and Maitland F. W. The History of English Law before the Time of Edward I, 2-d ed. Cambridge, 1968. Vol. I. P. 301–302).*

⁷ *Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer. L., 1916–69. Vol. II, pars II. P. 765; Chronicon Angliae ab Anno Domini 1328 usque ad Annum 1388, Auctore Monacho Quodam Sancti Albani / Ed. E. Maunde Thompson. L., 1874. P. 3; Walsingham, Thomas. Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani / Ed. H. Rily. L., 1863–1864, 2 vols. Vol. I. P. 193; Burton, Thomas. Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione*

будет оправдывать этот оммаж своим юным возрастом (в 1328 г. Эдуарду III было 16 лет), пребывая в котором, он находился под опекой королевского совета во главе с предателем Мортимером и был лишен возможности принимать самостоятельные решения¹. Именно этот «плохой и небрежный совет» не только «не выдвинул претензию короля Эдуарда на корону Франции»², но и «заставил Эдуарда отплыть во Францию и принести оммаж и клятву верности Филиппу Валуа, признав его законным королем Франции»³. Однако, возмужав, король Англии решил бороться с несправедливостью и объявил войну своему французскому кузену⁴.

Лишь после того, как французский король в мае 1337 г. объявил о конфискации Гаскони, Эдуард III начал готовиться к войне⁵. Однако между фактическим началом войны и отплытием английского войска для «защиты прав» Эдуарда на французскую корону прошло около двух лет. За это время король Англии постарался заручиться рядом союзных договоров, а также подготовить «общественное мнение», разъясняя максимальному числу людей причины своего конфликта с Филиппом Валуа. Помимо официальных писем к папе, кардиналам и светским правителям, король Эдуард предпринял целую серию обращений к своим подданным, подданным французской короны и других государств. Эти обращения и прокламации расклеивались на дверях храмов во всех крупных городах, а также зачитывались вслух королевскими чиновниками и клириками в местах скопления народа, информируя людей о различных важнейших событиях: о причинах войны, о нападениях врага, победах, перемириях и т. д.⁶

Согласно королевским прокламациям, нашедшим отражение в английской хронистике, король Эдуард имел не одну, а несколько справедливых причин для войны. Эдуард III обвинял Филиппа Валуа в том, что тот поправил древние законы английских королей в Аквитании, а также вторгся на территорию самого герцогства, «незаконно

---

usque ad Annum 1396 / Ed. E. A. Bond. L., 1866–1888, 3 vols. Vol. II. P. 361; *The Brut or the Chronicles of England* / Ed. W. C. Brie. L., 1906, 1908, 2 vols. Vol. I. P. 261; *Capgrave, John. The Chronicle of England* / Ed. F. Ch. Hingeston. L., 1858. P. 199.

¹ *Foedera*. Vol. II, pars II. P. 1109; *Walsingham*. Vol. I. P. 215–216.

² *Gray*. P. 83.

³ *Le Baker, Galfridi de Swynebroke. Chronicon* / Ed. E. M. Thompson. Oxford, 1889. P. 47.

⁴ *Foedera*. Vol. II, pars II. P. 1109; *Walsingham*. Vol. I. P. 216.

⁵ *Foedera*. Vol. II, pars II. Pp. 977, 988–989.

⁶ *Ibid.* Vol. II, pars. II. P. 1109, 1111; vol. III, pars. I. P. 38–39, 62, 67, 537; vol. II, pars. II. P. 1129 (Слейс); vol. III, pars. I. P. 89 (Креси); vol. III, pars. I. P. 130 (взятие Кале).

захватывая» города и земли¹. В качестве второй причины войны назывался направленный против Англии военный союз между Францией и Шотландией². По мнению писавшего во второй половине XIV в. Генри Найтона, король Франции объявил войну Эдуарду III, поскольку тот «старался притеснить шотландцев»³. Аналогичную версию англо-французского конфликта приводит в своем сочинении современник событий Жоффруа де Бэйкер⁴. Третья причина войны заключалась том, что по приказу Филиппа Валуа французские пираты нападали на английское побережье⁵. Эти нападения, продолжившиеся и в следующем году, также не были обойдены вниманием большинством английских хронистов⁶.

Только в январе 1340 г. Эдуард III принял титул французского короля. Однако начиная с 1337 г. в своих письмах к папе он именовал Филиппа VI «*Dominus Philippus, Regem Francie se dicente*»⁷. В 1339 г., когда стало ясно, что войны между Англией и Францией не избежать, английский король отправился во Фландрию с целью заключения союзных договоров. В своем письме к папе от 2 июля 1339 г., написанном в Антверпене, король Эдуард напоминал, что его мать Изабелла является самой близкой родственницей покойного короля Карла IV, поскольку из детей Филиппа IV только она осталась в живых, а трое его сыновей умерли, не оставив потомства. Следовательно, она и ее сын имеют больше прав на корону, чем Филипп Валуа, приходящийся королю Карлу всего лишь кузеном⁸.

¹ Foedera. Vol. II, pars II. P. 1004.

² Ibid.

³ Knighton, Henry. Chronicle 1337–1396 / Ed. G. H. Martin. Oxford, 1995. P. 2.

⁴ Le Baker. P. 58.

⁵ Foedera. Vol. II, pars II. P. 1004.

⁶ Knighton. P. 12; Gray. P. 106; The Anonimale Chronicle. P. 13; Capgrave. P. 205; Le Baker. P. 62–4; Grafton, Robert. Chronicle of History of England to Which is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs and Mayers of the City of London. 1189–1558. L., 1809. P. 343; Fabyan, Robert. The New Chronicle of England and France by Robert Fabyan, Named by Himself the Concordance of Histories / Ed. H. Ellis. L., 1811. P. 447; Adami Murimuthensis Chronica / Ed. Th. Hog. Vadug, 1964. P. 87–90.

⁷ Foedera. Vol. II, pars II. P. 1004.

⁸ Ibid. Vol. II, pars II. P. 1086; Walsingham. Vol. I. P. 202; Adami Murimuthensis Chronica. P. 84; Chronicon de Lanercost 1201–1341 / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1839. P. 320; Avesbury, Robertus de. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii / Ed. E. M. Thompson. L., 1889. P. 303; The Chronicle of Bridlington Priory, 1307–1339 // Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II / Ed. W. Stubbs. L., 1883. Vol. II. P. 141–142.

Как правило, для доказательства прав Эдуарда III на французскую корону хронисты приводят генеалогическое древо французского королевского дома. В этом плане достаточно любопытной является хроника Найтона, который ошибочно называет Жанну (дочь Людовика X, жену Филиппа Валуа, мать Карла II Наваррского) старшей дочерью короля Филиппа IV (а Изабеллу соответственно младшей), в результате чего вынужден прибегать к дополнительной аргументации в пользу законности требований английского короля и оправдания военных действий. По мнению Найтона, королевство должно быть не поделено между «сестрами», а полностью отойти к наследнику младшей из них (т. е. королю Англии), поскольку тот «заявил свои права на Францию первым»¹.

Гораздо важнее и интереснее обратиться к английской исторической критике «Салического закона». При этом следует особо оговорить тот факт, что, как правило, анализ положений «Салического закона» приводится в английских хрониках непосредственно в ходе рассказа о причинах англо-французского конфликта. Хронисты как бы экстраполировали в прошлое свое знание об этом французском законе. Те же авторы, которые завершили свои труды до 1358 г., так же как их французские оппоненты, просто ссылались на некий устоявшийся обычай.

Необходимо отдать должное английским юристам и теологам, которые должны были представить англо-французский конфликт не как столкновение двух правовых систем, а как борьбу закона и беззакония. Соответственно начало войны миролюбивым и справедливым королем Эдуардом, по мнению его подданных, было вызвано не тем, что он считал, что английский закон лучше французского, а тем, что именуемое во Франции законом на самом деле является его нарушением. В своих письмах к папе Эдуард III обвиняет Филиппа Валуа в том, что он, не боясь вызвать ненависть «человека к человеку» и «пола к полу», презрел закон природы (*jus naturae*) и, решив противопоставить закону «народные предания» (*contra legem traditiones communes*), захватил французский престол, не имея на это никакого права. Согласно этому «преданию», из-за своей хрупкости (*fragilitas*) женщина исключалась из управления государством. Но Филипп Валуа не только попирает права женщин, что является нарушением закона природы, поскольку все, в том числе и он сам, были рождены женщинами, но и права ближайшего родственника мужского пола — «ведь сын должен наследовать матери», а он был отстранен от вступления в наследство «родственником по боковой линии»². Очень важно

¹ *Knighton*. P. 16.

² *Foedera*. Vol. II. Pars II. P. 1086; *Walsingham*. Vol. I. P. 202; *Lanercost*. P. 320; *Avesbury*. P. 303; *Adami Murimuthensis Chronica*. P. 85; *The Chronicle*

обратить внимание на последнее обстоятельство, ведь и сам Эдуард III готов признать, что управление государством — слишком тяжелое занятие для женщин. Но в данном случае, как король неоднократно подчеркивает, вместо слабой женщины бразды правления готов взять в свои руки зрелый мужчина — ее сын и наследник, старший внук короля Франции Филиппа IV, ближайший родственник мужского пола последнего короля династии Капетингов — Карла IV. То есть вся проблема, как и в 1328 г., сводилась по сути дела не к вопросу о том, может ли женщина быть коронована или нет, а к тому, может ли она передать свое право наследницы сыну.

В отличие от 1328 г. на этот раз у Эдуарда III было достаточно сил для того, чтобы попытаться с оружием в руках отстоять свои законные права. Король Англии объявил Филиппа Валуа «захватчиком и незаконным оккупантом» (*invasor et illicitus occupator*), искажающим заложенный в природе закон, а ведь все в этом мире создано Богом и существует в согласии с тем, как это было задумано им, то есть по его закону¹. Желая подтвердить свои обвинения в адрес Филиппа Валуа, действия которого противоречат закону, данному людям Богом, король ссылаясь на Новый Завет. По мнению Эдуарда, «ведь все иначе, чем если исходить из того, что если мать по закону не допускалась к управлению, то по закону и сын считается отстраненным от управления. Иудейское царство вопреки вере не перешло бы законным образом к Иисусу. Несмотря на то что тот был рожден чудом божьим, без мужского участия, он был царского рода Давидова через женщину, Деву Марию, которая к управлению государством не допускалась, а также не должна была допускаться. Но вследствие твердой веры истинной он стал царем истинным и законным. Ведь (если бы не так. — *Е. К.*), то отсутствовала бы верность соблюдения царственности и законности, а также преемственность для Иисуса сына Давидова, и имели бы место нарушение и искажение, в то время, как он говорил, что пришел не нарушить закон, а исполнить»².

Некоторые хронисты полностью цитируют письма Эдуарда III и королевские прокламации, другие просто пересказывают основные аргументы короля. Например, анонимный автор «Бридлигтонского пророчества»³, указывает на то, что «Сын Отца всевышнего был

of Bridlington Priory. P. 142.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ В начале 1360-х гг. (приблизительно между ноябрем 1362 г. и апрелем 1364 г.) Джон Эргом, приближенный Гемфри Боэна, графа Херефорда и Эссекса, сторонника партии Черного Принца при дворе, составил комментарий к анонимному рифмованному пророчеству. Большая часть «пророчества» — ретроспектива событий, произошедших в правление Эдуарда II

также по матери назван царем несчастных иудеев»¹. Другой аноним, автор поэмы, известной в историографии как «Инвектива против Франции», также не обходит вниманием этот аргумент: «Христос является царем иудейским через мать, / Следовательно, вопреки через мать стал французским королем»². Некоторые историки добавили к этому вескому аргументу также ссылку на Ветхий Завет, напоминая историю о «божьем суде» в деле дочерей Салпаадовых, умершего в пустыне и не оставившего сыновей. Его дочери попросили Моисея и Елеазара «предоставить им удел среди братьев их отца». Моисей не решился сам ответить им и представил их дело Господу. «И сказал Господь Моисею: правду говорят дочери Салпаадовы; дай им наследственный удел среди братьев отца их и передай им удел отца их; и сынам Израилевым объяви и скажи: если кто умрет, не имея у себя сына, то передавайте удел его дочери, если же нет дочерей, передавайте удел братьям отца его; если же нет братьев отца его, отдайте удел его близкому родственнику из поколения его; и да будет это для сынов Израилевых поставлено в закон, как повелел Господь Моисею» (Числа, 27:1–11)³. Комментируя утверждение короля Эдуарда о том, что Филипп Валуа нарушил закон, отраженный в самой природе, Джон Эргом замечает, что «до сего дня природа никогда не изменяла этим постановлениям» (т. е. решению Бога по поводу удела дочерей Салпаадовых), иначе, как он уверен, женщины просто не испытывали бы никакой привязанности к тому, чем они владеют⁴.

О происхождении «Салического закона» в королевских прокламациях ничего не было сказано, поэтому поэтам и хронистам приходилось проводить самостоятельные исследования этого вопроса. По мнению автора «Инвективы против Франции», мясник Гуго Капет, сменивший потом имя на Пипин, женился на наследнице француз-

---

и Эдуарда III. Только примерно 1/8 часть всего сочинения действительно является предсказанием будущего процветания Англии при Черном Принце. Происхождение этого «пророчества» по традиции связывают с Бридлингтонским аббатством. С начала XV в. его автором все чаще и чаще стали именовать приора Бридлингтонского монастыря Джона Твинга (ум. 1379). Джон Бридлингтонский почитался как святой еще при жизни, а в 1401 г., после того, как в Риме стало известно о совершаемых на его могиле чудесах, Бонифаций IX издал буллу о его канонизации.

¹ *John of Bridlington // English Political Poems / Ed. T. Write. Oxford, 1854–1856, 2 vols. Vol. I. P. 146.*

² *An Invective against France Against France // English Political Poems. Vol. I. P. 35.*

³ *John of Bridlington // English Political Poems. Vol. I. P. 145–146; Hall, Edward. Chronicle Containing the History of England During the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs. L., 1809. P. 51.*

⁴ *John of Bridlington // English Political Poems. Vol. I. P. 146.*

ского престола и «из-за нее был весьма почитаем» своими подданными¹. Но, не удовлетворившись подобным положением вещей, этот «глупый и неблагодарный, бесчестный и дурной» человек «составил закон, по которому женщины не имели в будущем (права. — *Е. К.*) / принимать корону или заботиться о королевстве»². Однако этот закон, идущий вразрез со «здравым смыслом» и противоречащий «божественному велению» (*voci divinae*), по мнению анонимного поэта, неизбежно приведет Францию к гибели, ибо он направлен против закона, данного Господом, согласно которому, если мужчина лишен наследников мужского пола, то, чтобы продолжить его род, ему должна наследовать его дочь³ (как мы видим, неизвестный поэт тоже ссылается на «божественный закон»). Аналогичную историю возникновения «Салического закона» рассказывает Джон Эргом с той лишь разницей, что он называет мясником Филиппа Красивого, плеившего наследницу французского престола своей внешностью. Он же добавляет, что женщины были лишены права наследования не из-за «дурости» бывшего мясника, а из-за того, что одна из них осквернила королевское достоинство, сделав мясника королем Франции⁴. В XV в. Джон Капгрейв вообще отрицал древнее происхождение «Салического закона», делая его автором Карла IV, который из-за того, что сам не имел детей, «дабы лишить права короля Эдуарда, сына своей сестры, издал указ (*mad a statute*) о том, что ни одна женщина не должна быть наследницей Франции»⁵.

В XVI в. критика «Салического закона» стала еще более изощренной. Например, Эдуард Холл, ссылаясь на «сотню французских авторов», называет автором этого закона герцога «государства франков» (*Franconiae*) и короля сикамбров Фарамунда, умершего в 426 г. Через много лет после смерти последнего император Карл Великий, одержав победу над саксами, расселил своих солдат за рекой Салой, «И те стали называть себя салическими франками или салическими галлами (*Sali Frenchemen or Sali Gauls*)». Именно эти поселенцы были так недовольны распутством германских женщин, «что установили закон, по которому женщина не должно была наследовать землю»⁶. Холл весьма умело обвиняет французов во лжи, «поскольку, по их собственному уверению, “Салический закон” французы унаследовали от своих предков — салических галлов, которым его дал Фарамунд.

¹ *An Inveictive against France against France // English Political Poems. Vol. I. P. 34.*

² *Ibid. P. 35.*

³ *Ibid.*

⁴ *John of Bridlington // English Political Poems. Vol. I. P. 154.*

⁵ *Capgrave J. P. 206.*

⁶ *Hall. P. 50.*

Но ведь франки расселились по этой территории лишь несколькими веками позже, и Фарамунд никогда не видел эту землю». «Удивительно видеть, — отмечает историограф, — как французы жонглируют этим выдуманном законом — себе в угоду они в течение веков закрывали на него глаза. «Французский народ не вспоминал об этом нерушимом законе», когда Пипин, опираясь на право своей матери, свергал Хильперика III или когда Гуго Капет отстранил от наследования единственного отпрыска рода Карла Великого, герцога Лотарингского Карла. Даже Людовик Святой, прекрасно осознавая то, что он является наследником «узурпатора Гуго Капета», смог наслаждаться королевской короной лишь после того, как доказал, что род его бабки, королевы Изабеллы, восходит к королеве Эрменгарде, дочери Карла Лотарингского. Таким образом, все притязания на французский престол Пипина, Карла Великого, Гуго Капета и Людовика Святого основаны на правах, полученных по женским линиям¹. В заключение Холл, вслед за своими многочисленными предшественниками, повторяет прочно утвердившееся в сознании англичан положение о том, что «Салическая закон» противоречит Библии, в то время как «закон Бога стоит выше закона Фарамунда»². Рассказанная Холлом история стала впоследствии весьма популярной и широко распространенной в Англии³.

Провозглашенная Эдуардом III война за французскую корону полностью соответствовала всем условиям римского, канонического и обычного английского права. Во-первых, она была санкционирована законной властью. Во-вторых, велась ради возвращения узурпированной Филиппом Валуа короны ее истинному наследнику, а также ради защиты подданных английской короны (как в самой Англии, так и на континенте), которые подвергались нападениям со стороны приверженцев узурпатора; к тому же, провозглашая себе законным королем Франции, Эдуард III принимал на себя заботу о подданных короны французской, оказавшихся во власти тирана.

Готовившие королевские официальные письма (в первую очередь к папе и кардиналам) правоведы и теологи, в задачу которых входило идеологическое оправдание новой войны, не могли не оставить без внимания третий компонент «справедливой войны» — мотив конечного стремления к миру и изначальную неприязнь к войне. В своих письмах король Эдуард, в ответ на увещевания папы заключить мир

¹ Hall. P. 51.

² Ibid.

³ Redmann, Robert. Historia Henrici Quinti // Memorials of Henry the Fifth / Ed. C. A. Cole. L., 1858. P. 27; Holinshed, Raphael. The Chronicle of England. L., 1586–7, 3 vols. Vol. III. P. 555; Шекспир У. Генрих V, акт 2, сцена 2.

с Францией, всячески подчеркивал, что не он, а Филипп Валуа жаждет войны и кровопролития. Сам же он, будучи ярким противником военных действий, неоднократно пытался урегулировать конфликт мирным путем, предлагая «многие приятные пути к миру», стараясь при этом не наносить особенно большого ущерба своему праву¹. Король Эдуард заверял папу в том, что Филипп Валуа лишь притворяется сторонником мира и благочестивым христианином: воспользовавшись договоренностью о совместном англо-французском крестовом походе в Святую землю, он собрал огромный флот для нападения на английские земли. Поэтому, несмотря на свою ненависть к войне, король Эдуард как истинный государь в сложившейся ситуации не видит для себя «возможности следовать дальше дорогой мира»². Все историографы упоминают о многочисленных «смиренных» обращениях Эдуарда III к Филиппу Валуа с просьбами и мольбами о прекращении бесчинств и грабежей со стороны подданных короля Франции и о возвращении королю Англии Аквитании, которой веками владели его предки³. Следует подчеркнуть, что мотив исключительного миролюбия и неизменной готовности английских государей к справедливому прекращению войны постоянно присутствует в английской хронистике.

Пространные рассуждения теологов и юристов, ссылающихся на божественный закон, нуждались в «реальных» подтверждениях, исходящих от самого Бога. Ибо только сам Господь, который является «царем царей» [Откр. 17:14; 19:16],⁴ мог разрешить спор двух монархов, вынеся им свой приговор. Религиозное сознание людей Средневековья (независимо от их социального статуса) требовало божественных знамений, указывающих на волю Всевышнего. Вскоре после того как английская армия одержала свои первые победы, самой громкой из которых была битва при Слейсе (1340 г.), в народе широко распространяется утверждение о том, что эти победы англичанам посылает сам Господь, поскольку они сражаются за правое, угодное ему дело. Автор «Инвективы против Франции» бросает вызов Филиппу Валуа, говоря: «Если ты настоящий король, Франция защи-

¹ Foedera. Vol. II, pars II. P. 1004, 1086–87, 1107; Lanercost. P. 320; Adami Murimuthensis Chronica. P. 84; *Avesbery*. P. 303; *Walsingham*. Vol. I. P. 201–208, 119–221; The Chronicle of Bridlington Priory. P. 140–147.

² Ibid.

³ Например: *Higden, Ranulf*. Polychronicon / Ed. C. Balinston and J. R. Lumby. L., 1865–1886, 9 vols. Vol. VIII. P. 333; *Capgrave*. P. 205; Adami Muri-muthensis Continuatio. P. 171; Kirkstall Abbey Chronicles / Ed. J. Taylor // Thresby Society. Vol. XL (1952). P. 105; Lanercost. P. 293.

⁴ *Chandos le Heraut*. La Vie et Gestes du Prince Noir / Ed. Francisque-Michel. L.; P., 1883. P. 135.

тит корону»¹. Комментируя «Бридлингтонское пророчество», Джон Эргом отмечает, что сначала английская армия не захочет воевать с Францией, поскольку все сословия будут считать Францию одним из самых могущественных королевств в мире, опасаясь, будто Англия не сможет справиться с ней. Да и сами французы будут уверены в этом, высокомерно полагая, что при помощи золота они смогут завоевать Англию. «Но, — пишет Эргом, — они заблуждались, так как помощь Бога и торжество справедливости стоят дороже, чем все сокровища»². По мнению хронистов, это подтверждают многочисленные победы англичан над значительно превосходящими их силами противников.

В хронистике можно выделить два приема, посредством которых авторы подчеркивают милость Бога, если она проявляется в сражении одного войска с другим. Первый заключается лишь в описании численного соотношения сил, когда враги превосходят англичан в десять — двадцать раз, из чего следует вывод о том, что Бог помогал именно последним. Например, по сообщению Генри Найтона, при взятии Кана «англичане захватили в плен 100 рыцарей и много простых солдат и около 5000 горожан, при этом они сами не понесли никаких потерь, кроме одного оруженосца, который был ранен и скончался через два дня»³. В битве при Креси французы потеряли убитыми 2000 рыцарей и 32 000 простых солдат, а англичане — трех рыцарей и одного оруженосца⁴. Довольно часто хронисты приводят свидетельства непосредственного вмешательства Бога в военные действия. Например, автор «*Eulogium Historiarum*» рассказывает о том, что в битве при Пуатье французы видели в небе вооруженного всадника, готового с ними сразиться. Хронист добавляет, что «англичанам была послана божественная победа (*Divina victoria remisit Anglis*)»⁵. Многие хронисты описывают божественное знамение во время битвы при Креси: «Был гром, и сильный ливень пролился с небес. Это произошло и до, и после битвы, хотя туч не было видно, и небо повсюду было чистым. И было видно огромное количество воронов и ворон, летающих над французской армией»⁶. Чудесные победы и очевидные знамения на-

¹ An Inveictive against France // English Political Poems. Vol. I. P. 29.

² *John of Bridlington* // English Political Poems. Vol. I. P. 140.

³ *Knighon*. P. 56.

⁴ *Ibid.* P. 64.

⁵ *Eulogium Historiarum sive Temporis: Chronicon ab Orbe Condito usque ad Annum Domini M. CCC. LXVI a Monacho Quodam Malmesburiensi Exaratum* / Ed. F. S. Haydon. L., RS, 1959–63, 3 vols. Vol. III. P. 225.

⁶ *Kirkstall Abbey Long Chronicle*. P. 91–92. Автор «*Eulogium Historiarum*» добавляет к этому рассказу, что знамение способствовало панике среди французов (*Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 211). А по версии Томаса Бертона, дождь, предшествующий появлению ворон, шел шесть недель и три дня (*Burton*. Vol. III. P. 58–59).

глядно указывали на божественную волю. Управляя ходом военных действий, Господь оглашал враждующим монархам и их подданным «приговор» своего «божественного суда», оспаривать который не могли обе стороны.

Право дороже мира

В полном соответствии с августиновской концепцией справедливой войны, английские теологи признавали мир в качестве единственной желанной цели. Однако в их представлении мир никогда не противопоставлялся войне. Мир, как и война, находился в прямой зависимости от справедливости: нарушение законов требовало возмездия. Война являлась средством достижения правопорядка и восстановления нарушенного мира. Для находящихся в лоне ортодоксальной церкви христиан провозглашенная законным правителем для осуществления справедливой цели война была залогом, а не альтернативой миру.

Еще в середине XIII в. Брактон, рассуждая о правах и обязанностях королей, утверждал, что «король не может сделать на земле ничего, поскольку он служитель и vicarius Бога, кроме того, что он может делать по праву... соблюдая закон... Его власть поэтому является властью справедливости, а не беззакония... Закон делает его королем...»¹ Так же как папа именвал себя «*servus servorum Dei*», Брактон уподобляет короля Богу в его королевстве («*minimo de regno suo comparetur*»), поскольку тот не может противиться закону и не выполнять волю Бога, превращаясь из короля в тирана («*tyranus*»)². Таким образом, с точки зрения английских юристов, Эдуард III и его потомки были обязаны вести войну против «узурпаторов», чтобы соблюдать закон и не превращаться в тиранов. Закон оказывается выше всего: выше христианского милосердия и заповеди «не убий». Закону подчиняются даже те, кто является его творцами: короли — на земле и Бог — на небе. Короли, по сути дела, лишены свободы выбора, поскольку их главная функция заключается в исполнении и защите закона.

Любое, даже вынужденное перемирие могло быть истолковано как отступление монарха от выполнения возложенной на него Богом миссии. Например, именно так трактовал в 1340 г. перемирие с Францией личный духовник короля архиепископ Кентерберийский Джон Стратфорд, утверждая, что отказ от борьбы за правое дело, таит в себе

---

¹ *Bracton*. Vol. II. P. 172–174: «*Nihil enim aliud potest rex in terris, cum sit Dei minister & vicarius, nisi id solum quod de jure potest... Potestas itaque sua juris est, & non injuria... lex... ipse sit rex*».

² *Ibid.*

угрозу для всего королевства¹. Последовавшее после взятия Кале в 1347 г. новое перемирие также было чрезвычайно непопулярно среди подданных короля. Широкое распространение получила история о том, как, возвращаясь домой, английские корабли попали в ужасный шторм, однозначно трактуемый англичанами как божественное знамение, свидетельствующее о нежелании Бога признавать мир между Англией и Францией до победного завершения войны. Шторм стих лишь после того как Эдуард III поклялся Деве Марии возобновить войну на следующий год². Как было сказано выше, вынесенный Богом приговор не мог быть оспорен или оставлен без выполнения ни одной из сторон. Помогая английским королям добиваться успеха в деле защиты справедливости и божественного закона, Господь требовал от своих избранников войны до победного конца. Многочисленные грозные знамения недвусмысленно давали понять англичанам, что компромиссный мир с «узурпаторами» невозможен. Довольно быстро война за французскую корону перестала восприниматься только как право английских королей, трансформируясь в их обязанность, уклониться от выполнения которой было просто невозможно, поскольку это противоречило воле Бога.

Особого внимание, с нашей точки зрения, заслуживает мир в Бретиньи, однозначно трактуемый современными исследователями как успех английского оружия и дипломатии. Однако отношение большинства современников к этому миру было весьма далеким от радужного. Например, по мнению сэра Томаса Грея, этот мирный договор весьма далек от основанного на правде и желании «угодить Богу» мира. «Ценным» не может являться мир заключенный «по какой-то тайной причине»: «когда кто-то осознает свое право, но не желает защищать его из лени и хочет избежать неудобств, стремясь и надеясь получить больше выгоды в чем-то другом»³. Для Грея нет противопоставления прелестей мирного существования и всеобщей любви бедствиям и тяготам войны. Мир можно заключать только с чистым сердцем, ради торжества справедливости и сообразуясь с волей Всевышнего⁴. Идентичное отношение к этому миру демонстрирует монах из Йорка, автор «Анонимной хроники». По его

¹ *Avesbury*. P. 325–326.

² *On the Truce of 1347 // English Political Poems*. Vol. I. P. 56; *Adami Muri-muthensis Continuatio* P. 180; *Walsingham*. Vol. I. P. 271–272; *Capgrave*. P. 213; *Higden*. Vol. VIII. P. 344–45; *The Brut*. Vol. II. P. 295; *Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 206; *Reading, Johannis de. Chronica / Ed. J. Tait*. Manchester, 1914. P. 105.

³ *Gray*. P. 164.

⁴ *Ibid.* P. 164–166.

мнению, этот мир «наносит большой урон и таит в себе опасность для короля Англии и его наследников на все времена»¹. Следует также отметить, что в большинстве своем, рассказывая об условиях мира в Бретиньи, английские хронисты перечисляют лишь территориальные приобретения английской короны, умалчивая о том, что Эдуард III отказался от титула французского короля и признавал войну завершённой.

В 1376 г. за год до смерти Эдуарда III скончался старший сын короля Черный Принц, с именем которого подданные английской короны связывали свои надежды на триумфальное завершение войны во Франции. Сам Эдуард III ушел из жизни за несколько дней до истечения перемирия с Францией. Хронистика предостерегает дело так, что если бы корону унаследовал Черный Принц, англичане несомненно выиграли бы войну. Теперь им оставалось лишь надеяться на то, что десятилетний король Ричард II когда-нибудь станет правителем, равным своему отцу и деду². Впрочем, эти надежды можно увидеть лишь у тех авторов, которые не дожили до конца правления этого монарха. Остальные же хронисты, экстраполируя свои знания о ходе событий на прошлое, стремятся с самого начала изображать его царствование как печальный контраст с тем, чего ждали от внука Эдуарда III и сына Черного Принца.

Ричард II унаследовал от своего деда не только корону Англии, но также законное право на французское королевство. И как истинный король Англии Ричард был обязан защищать это право, данное ему Богом. Однако за время правления Ричарда была организована лишь одна крупная военная кампания на континенте. При этом основной целью данной кампании было вовсе не завоевание французской короны.

Весной 1383 г. Генрих Деспенсер, епископ Норичский после долгой и основательной подготовки возглавил крестовый поход во Фландрию и Францию для борьбы со схизматиками — сторонниками антипапы Климента VII. Приравненный папскими буллами к крестовому походу, он был проигнорирован многими английскими лордами, поскольку, как утверждает хронист из Вестминстера, они опасались, что в случае успеха (то есть при покорении Франции), «это завоевание будет произведено в соответствии с причиной, выдвинутой церковью, а не королем», поэтому «права короля Англии во Франции... могут легко прийти в забвение»³. Хорошо осведомленный о ходе парла-

¹ The Anonimale Chronicle 1333 to 1381 from a MS written at St. Mary's Abbey, York / Ed. V. H. Galbraith. N. Y., 1970. P. 49.

² On the Death of Edward III // English Political Poems. Vol. I. P. 220.

³ The Westminster Chronicle 1381–1394 / Ed. B. F. Harvey. Oxford, 1982. P. 36.

ментских дебатов и слухах при дворе, этот хронист свидетельствует о том, что, по утверждению многих лордов, не следует объединять справедливую войну за права короля со священной войной, провозглашенной папой. Мало вероятно, что противники похода епископа действительно опасались того, что «завоевание Франции» произойдет не от имени короля. По всей видимости, обсуждение этой проблемы в палате лордов было вызвано борьбой между придворными группировками. Однако в данном случае интересен сам факт высказывания подобных идей. Стоит, впрочем, отметить, что для самого хрониста из Вестминстера этот поход осуществлялся ради блага королевства¹. Такой же точки зрения придерживались и остальные историографы: лишенные в течение долгого времени поддержки со стороны святого престола, англичане были рады зафиксировать в своих исторических сочинениях успешные действия своих соотечественников во имя двойной цели.

Начало похода, по мнению английских хронистов, было весьма удачным — вся Пикардия была опустошена и разграблена². Однако вскоре в результате предательского заговора ряд захваченных англичанами крепостей был сдан французам, после чего глубоко деморализованная английская армия в панике бесславно вернулась в Англию. Несколько знатных рыцарей и сам епископ предстали перед королевским судом в связи с обвинением в получении взятки от короля Франции. Впрочем, все подсудимые в конце концов были помилованы Ричардом II. При этом хронист из Вестминстера открыто намекает на то, что помилование было куплено: «поскольку деньги решают все в наше время»³.

Начиная с 1384 г. Ричард II постоянно вел мирные переговоры с Францией, аргументируя их стремлением прекратить пролитие христианской крови⁴. Следует отметить, что эти переговоры осуществлялись на фоне неизменно циркулирующих в народе слухов о нападении французов на Англию. И эти слухи были вполне обоснованными. В 1385 г. объединенное франко-шотландское войско вторглось в Англию с севера. Эта акция была лишь частью общей кампании против Англии. Основное французское войско было сосредоточено в районе Слейса, ожидая попутного ветра. Для отражения врагов была собрана огромная армия, в которую вошел «весь цвет английского рыцар-

¹The Westminister Chronicle 1381–1394.

²Capgrave. P. 238–239; Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 355–357; *Walsingham*. Vol. II. P. 88–96; The Westminister Chronicle. P. 36–40; *Continuatio Eulogii // Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 355–356.

³The Westminister Chronicle. P. 52.

⁴Foedera. Vol. III, pars III. P. 163–164, 167 ect.

ства»¹. Англичане не только изгнали врагов со своей земли, но и дошли до Эдинбурга, сжигая все на своем пути². Зная о приготовлениях Карла VI и о той панике, которую они вызвали среди английских подданных, Ричард II неожиданно, после взятия Эдинбурга, прекращает преследование врагов, бегущих на кораблях во Францию.

Шотландский поход Ричарда II не только не успокоил англичан, напротив, при дворе и в народе доминировало мнение о том, что незавершенность кампании, отказ от переправки во Францию неизбежно приведут к новому вторжению врагов. В народе страхи были настолько сильны, что, как сообщают хронисты, даже лондонцы «боялись нападения французов на город: они сломали дома, примыкавшие к стенам, и выставили пушки»³. Слухи регулярно подтверждались известиями, приходившими с южного побережья. Осенью 1386 г. стало известно о том, что шторм помешал вторжению огромной французской армии в Англию. При этом английские моряки захватили несколько вражеских судов, на которых были части предназначенных для осады укреплений⁴. Через несколько дней после Рождества 1387 г. в районе Слейса было захвачено еще четырнадцать французских судов, «груженых продуктами и всем необходимым для вторжения французского короля в Англию»⁵.

На фоне панических настроений в столице король Ричард II демонстративно отказался предпринимать какие бы то ни были меры для защиты своего королевства. В народе широкое распространение получили сплетни о том, что некоторые фавориты короля, люди наиболее близкие к нему, «советовали передать королю Франции за определенную сумму денег, которая будет установлена по обоюдному согласию сторон, все заморские замки, города и другие владения, кроме Аквитании, за которую он охотно (*libenter*) принесет омжак королю Франции»⁶. Томас Уолсингем упоминает о слухах, согласно

¹ *Knighton*. P. 334–336.

² *Knighton*. P. 336; *Walsingham*. Vol. II. P. 129–131; *The Westminster Chronicle*. P. 124–128; *An English Chronicle*. P. 3; *Capgrave*. P. 240; *Kirstall Abbey Short Chronicle*. P. 64; *Continuatio Eulogii // Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 358; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 358–359, 364–365.

³ *Capgrave*. P. 243; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 372.

⁴ *Knighton*. P. 348; *Continuatio Eulogii // Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 359; *Chronicon Angliae*. P. 370–1; *Walsingham*. Vol. II. P. 147.

⁵ *Knighton*. P. 388.

⁶ *The Westminster Chronicle*. P. 204: «*Quo in tempore dicebatur quod rex Anglie ad instanciam quorumdam consiliariorum eidem assistencium proposuit remittere regi Francorum castella et villas ceteraque omnia que in transmarinis partibus possidebat pro certa summa pecunie, prout inde poterint adinvicem melius concordare, excepta Aquitannia, pro qua libenter regi Francorum homagium faceret*; о том же сообщает Найтон (*Knighton*. P. 404).

которым Ричард планировал продать королю Франции Кале¹. Сам Ричард, по мнению хронистов, перестал скрывать свои намерения любой ценой окончательно прекратить войну с Францией, лицемерно объясняя это свое желание заботой о своих подданных; «если он (король. — Е. К.) будет вести постоянную войну против короля Франции, он будет неизбежно заставлять своих и без того обремененных людей платить новые налоги»².

Несмотря на настойчивую пропаганду мирного разрешения конфликта с Францией, в сознании подданных по-прежнему господствовала идея о том, что закон стоит выше заповеди «ни убий». Пацифистская политика короля, главным идеологом которой был фаворит Ричарда Майкл де ла Поль, вызывала резкое неприятие не только в народе, но и у многих могущественных лордов. Дядя короля регулярно открыто заявляли о своем неудовольствии. Хронист из Вестминстера рассказывает об одном из ранних конфликтов Джона Гонта с королем, возникшем в результате отказа Ричарда переправиться в 1385 г. на континент. Герцог Ланкастерский был настолько возмущен трусливым поведением своего племянника, что открыто заявил о том, что «он сам и его вассалы не будут помогать королю, пока тот не соберется отправиться во Францию»³. Разумеется, следует сразу обратить внимание на то, что линия конфликта Ричарда и герцога Ланкастерского не случайно пользуется в хронистике столь выраженным вниманием, и освещается именно таким образом. Создававшиеся при Ланкастерах хроники должны были лояльно трактовать факт смены династии в 1399 году. А для этого совершенно необходимы или, по крайней мере, всегда уместны, и развернутая демонстрация доблести, благородства и удачливости Джона Гонта (сына истинного короля Эдуарда III и отца будущего короля Генриха IV), и крайне выгодное сравнение его с Ричардом II, преисполненным всевозможных пороков.

Несмотря на все попытки Ричарда справиться с оппозиционерами, они всегда были достаточно сильны. Осознавая всю сложность своего положения, усугубленного финансовыми трудностями, недовольством горожан, восстанием в Ирландии, бесконечными придворными интригами и распространением ереси лоллардов, Ричард еще больше провоцировал своих подданных. Он даже позволил себе открыто заявлять о своих дружеских отношениях с королем Франции. Генри Найтон рассказывает о том, что еще в конце 1386 г. король объявил своим придворным следующее свое решение: «Перед лицом угрозы мятежа

¹Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 383; *Walsingham*. Vol. II. P. 164.

²The Westminister Chronicle. P. 204.

³Ibid.: «insuper dux Lancastr' protestatus est se neque suos auxilium domino regi velle impendere nisi in Franciam disposuerit se transire».

Нам кажется, что будет наилучшим обратиться к Нашему французскому кузену и искать его поддержки и помощи против наших врагов. Поскольку лучше для нас подчиниться ему, чем нашим собственным подданным»¹. В своих сочинениях хронисты постепенно подводят читателей к мысли о том, что для Ричарда врагами становятся англичане, а их старые противники, французы, — лучшими друзьями. Неудивительно, что английские лорды были глубоко оскорблены словами Ричарда. Выслушав короля, граф Эррандел, возглавивший после отъезда Джона Гонта в Испанию оппозиционеров, заявил от имени остальных лордов, ответив: «Король Франции — главный враг для нас и Вашего королевства, и если он когда-нибудь ступит на Вашу землю, то он скорее будет стараться уничтожить Вас и захватить Ваше королевство и столкнуть Вас с Вашего трона, чем протянет Вам руку помощи, если Вы, да простит Вас Господь, попросите его о поддержке. Только подумайте о том, как Ваш дед, король Эдуард III, а также Ваш отец, принц Эдуард, трудились всю свою жизнь в поте лица своего в жару и в холод, без усталости пытались завоевать королевство Францию, которое принадлежало им по праву и которое по наследству стало Вашим»². Эти слова графа еще раз доказывают, что на Ричарда его подданные продолжали смотреть как на внука Эдуарда III и сына Черного Принца, а это продляло ему кредит доверия, но и в определенной степени усиливало недовольство поступками короля, от которого все ждали возвращения былых успехов в войне против Франции. Эррандел также напомнил королю о тех лордах, рыцарях и простолюдниках, рискующих в той войне своей жизнью, многие из которых погибли в сражениях, а также о бедствиях и несчастьях, которые война принесла простым французам. Неужели эти жертвы были напрасны?»³ Далее Эррандел, речь которого цитирует Генри Найтон, переходит к непосредственным угрозам в адрес короля. Граф утверждает, намекая на низложение Эдуарда II, что народ обладает древним правом низложить короля и выбрать другого из королевской династии, в случае если он не прекращает притеснять своих подданных и нарушать законы королевства⁴. В данном случае особенно важно не только появление в XIV в. идеи тираноборчества, но и то, что в числе правонарушений и беззаконий, за которыми может последовать справедливое низложение монарха, фигурирует отказ от продолжения наступательных военных действий.

¹ *Knighton*. P. 358: «...et in tali infestacione melius nobis non uidetur quin cognatum nostrum regem Francie et ab eo consilium et auxilium petere contra insidiantes, et nos eis submittere potius quam succumbere subditis nostris».

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

Сторонники дома Ланкастеров неизменно подчеркивают стремление «мудрых лордов королевства» предостеречь короля от неверных поступков или даже исправить уже совершенные ошибки. Как правило, сообщая о каких-то королевских замыслах по сближению с Францией, историографы больше основываются на слухах или сплетнях, но для изучения так называемого «общественного мнения» о правлении Ричарда огромное значение имеют как раз слухи и сплетни. Согласно сообщениям хронистов, в 1387 г. люди графа Эрандела задержали посланца Ричарда II, везшего «подарок стоимостью в 1000 марок» Карлу VI¹. В том же году было перехвачено письмо Карла VI к Ричарду, в котором король Франции предлагал встречу для переговоров о передаче ему Кале с окрестными крепостями². Найтон также приводит рассказ о том, что некий английский рыцарь был послан королем Ричардом к сэру Уильяму Бичему, капитану Кале, с письмом, скрепленным королевской печатью, в котором содержался приказ сдать город королю Франции. К последнему с соответствующим извещением был отправлен сэр Джон Голаф. Но, к счастью, капитан Кале оказался настоящим патриотом: «Он запечатал письма и отправил их герцогу Глостеру в Англию, сказав, что охрана и управление городом Кале были вручены ему, публично и открыто, по приказу короля в его присутствии и в присутствии лордов королевства, и что он не сдаст город тайно, а только перед ними»³. Всех этих известий было достаточно для того, чтобы многие англичане стали воспринимать поведение своего короля как «национальное предательство».

В изображении большинства хронистов недовольные правлением Ричарда оппозиционеры предстают настоящими патриотами Англии. В 1387 г. в планы мятежников еще не входило низложение Ричарда II, их целью скорее было «наставление короля на путь истинный». А поэтому неудивительно, что вскоре стороны достигли определенного соглашения: Ричард II сместил ряд своих наиболее ненавистных советников (в частности, Майкла де ла Поля) и прекратил мирные переговоры с Францией.

Значительная активизация шотландцев, совершивших целый ряд нападений на пограничные английские земли, разоряя и сжигая их⁴ (несмотря на доблестный отпор со стороны англичан), пошла на пользу «делу мира» Ричарда II. В 1389 г. в Лелингене близ Кале было заключено перемирие между Англией и Францией⁵, которое

¹ *Knighton*. P. 404.

² *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 386–7; *Walsingham*. Vol. II. P. 170.

³ *Knighton*. P. 406.

⁴ *The Westminster Chronicle*. P. 344–348, 370, 398; *Chronicon Angliae*, 1328–1388. P. 357–359. *Walsingham*. Vol. II. P. 144, 175–176.

⁵ *Foedera*. Vol. III, pars. IV. P. 39–42.

потом неоднократно продлевался. Подданные английской короны получили реальные доказательства дружеского расположения Ричарда к королю Франции, а также его желания на любых условиях официально прекратить начатую его дедом войну. 29 января 1394 г. парламент, собранный в Вестминстере для обсуждения предложенных французской стороной условий мирного соглашения, вынес свое решение: «Будет нелепо для короля Англии принести оммаж и клятву верности королю Франции за Аквитанию и другие заморские земли, став, таким образом, его ленником, вследствие чего каждый англичанин, имеющий своим господином короля Англии, попадет под пяту короля Франции и будет в дальнейшем пребывать в рабстве»¹. Эта парламентская резолюция как нельзя лучше демонстрирует, что планы и действия короля воспринимались его подданными как унижение их национальной гордости. Следует напомнить, что суверенное владение Аквитанией английская корона получила только в 1360 г. в обмен на отказ короля Эдуарда от титула короля Франции. Через тридцать лет мысль о возврате к прежнему юридическому статусу Аквитании стала внушать англичанам страх оказаться в зависимости от короля Франции².

В июне того же 1394 г. умерла первая жена Ричарда, Анна Богемская, весьма любимая в народе; король сразу же попросил руку дочери своего французского кузена. В 1396 г. в Кале был подписан договор, скрепленный браком Ричарда II и малолетней французской принцессы Изабеллы, гарантировавший перемирие между Англией и Францией на 25 лет³. Таким образом, хотя официально война между королевствами не была окончательно завершена, Ричард II, по сути дела, добился столь желанного для себя мира, отказавшись от титула короля Франции: в одном из пунктов договора специально оговаривалось, что дети Ричарда и Изабеллы не будут иметь права на французскую корону.

¹ The Westminister Chronicle. P. 518: «...absurdum esset quod rex Anglie faceret regi Francorum homagium et fidelitatem pro Aquitannia et aliis terris suis ultramarinis ac tandem homoligius suos deveniret, sicque per hoc omnes Anglicos quotquot erant sub dominio regis Anglie rex Francorum suppeditaret ac sub servili jugo in posterum detineret».

² Прекрасно информированный хронист из Вестминстера пишет о том, что парламент не дал согласие на заключение мира на этих условиях (« noluerunt domini Anglie neque communitas ejusdem tali concordie assentire»), опуская при этом, что в конечном итоге резолюция была положительной. Парламент согласился с простым оммажем короля, который не затрагивал статуса английского королевства (*Palmer J. J. N. Articles for a Final Peace between England and France, 16 June 1393 // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. XXXIX (1966). P. 182–85; Rotuli Parliamentorum / Ed. J. Strachey. L., 1767–1777, 6 vols. Vol. III. P. 315–316*).

³ *Foedera. Vol. III, pars IV. P. 112–118.*

Это соглашение и свадьба должны были укрепить личные контакты королей, старавшихся заручиться взаимной поддержкой. Об этом красноречиво свидетельствует клятва Карла VI при необходимости помогать «своему возлюбленному сыну» Ричарду II. Еще десять лет назад английский король поразил своих подданных заявлением, что в случае их возмущения он может обратиться за помощью к своему кузену, королю Франции. Эта казавшаяся абсурдной и невозможной идея обрела основу. Как пишет Адам из Уска: «Он (Ричард. — *Е. К.*) думал с помощью и благосклонностью короля Франции уничтожить своих врагов. Это в конце концов, как впоследствии станет очевидно, погубило его и его сторонников»¹.

Сразу же после соглашения в Кале Ричарду II пришлось расплачиваться за унию с французским королем и долгое перемирие. Он возвратил Брест герцогу Бретани, а Шербур — королю Наваррскому². Оба они в тот момент находились в дружественных отношениях с французским королем, и это служило укреплению позиций Франции. Перемирие, и без того непопулярное в Англии, стало вызывать возмущение. Нет ни одного из английских хронистов, кто бы одобрил сближение с Францией с точки зрения прекращения пролития христианской крови или здравого смысла, интересова экономика городов и т. п. Вновь поползли слухи о каких-то тайных подарках Ричарда французскому королю, о том, что он намерен вернуть все завоеванное Эдуардом III, включая Кале. Женитьба короля на семилетней Изабелле Французской тоже не приводила англичан, привыкших видеть во французах врагов, в восторг. Адам из Уска пишет о том, что народ удивляла женитьба короля на ребенке, которого он предпочел «прекрасной дочери и наследнице короля Арагона, бывшей в подходящем для замужества возрасте»³. Но Ричард, казалось, не замечал всего этого: продолжая укреплять внешнеполитические связи, он «выдал замуж за свой счет нескольких соотечественниц» молодой королевы, видимо дам из ее свиты, за английских придворных⁴.

¹*Usk, Adam. Chronicon 1377–1421 / Ed. E. M. Thompson. L., 1904. P. 9.*

²В 1378 г. Карл Злой передал на время за определенную сумму денег Англии принадлежавший ему Шербур с замком у моря, в котором разместился большой английский гарнизон (*Capgrave. P. 233; Adami Murimuthensis Chronica. P. 237–238*). А герцог Бретани в 1381 г., после того как в очередной раз признал вассальную зависимость от короля Франции, заключил сепаратный договор с Англией, по которому в Бресте сохранялся английский гарнизон, размещенный там (*Chronicon Angliae, 1328–1388. P. 272–276; Walsingham. Vol. I. P. 434–435*).

³*Usk, Adam. P. 9.*

⁴*The Westminster Chronicle. P. 160.*

Сближение с Францией и отказ от войны за французскую корону не было единственным отступлением короля от праведного пути. Основной задачей государя — «викария Бога в своем королевстве» — была защита данного Богом закона. Отказавшись от соблюдения закона, предписывающего королю заботиться о безопасности своих подданных, Ричард вступил на путь несправедливости. Хроники пестрят рассказами о незаконных вымогательствах денег¹. Вместо того чтобы защищать закон и порядок (как это подобает делать истинному королю Англии), Ричард «незаконно внес изменения в парламентские свитки», для того чтобы получить для себя и своих друзей большие суммы денег, выделенные якобы для реформы королевства («*pro reformatione [regni]*»). Своим друзьям он жаловал титулы и конфискованные у оппозиционеров земли². Как отмечает монах из Сент-Олбанса, поскольку король задумал через парламентский суд приговорить к смерти знатнейших и богатейших людей королевства, «присвоив их имущество и лишив их потомков наследства», все богатые люди опасались за свою жизнь³.

Склонный к проявлению жестокости и несправедливости к своим собственным подданным, Ричард безжалостно расправлялся со всеми оппозиционерами и мятежниками. Прекрасно осознавая могущество герцога Ланкастерского, его популярность среди придворных и в народе, Ричард II решил организовать заговор, целью которого, как отмечают все хронисты, было желание короля убить своего дядю⁴. В 1397 г. король арестовал трех лордов, наиболее ярко выразивших свое недовольство стремлением Ричарда прекратить войну во Франции: герцога Глостера, графа Эрандела и графа Уорика. Согласно описанию монаха из Сент-Олбанса, обвиненные в предательстве лорды ничего не знали о замыслах короля. В трактовке этого историка эти лорды до самого конца оставались верными подданными Ричарда, полностью подчиняясь его воле⁵. Хронист не забывает указать на то, что несправедливые действия короля таили, по мнению народа, в себе угрозу всему королевству: «Когда известия об аресте и пленении этих лордов распространились, всеобщее горе охватило людей во всем коро-

¹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti // Johannis de Trokelowe, et Henrici de Blaneforde monachorum S. Ablani necnon quorundam anonymorum, Chronica et Annales / Ed. H. T. Riley. L., 1866. P. P. 234; Walsingham. Vol. II. P. 230–231; Continuatio Eulogii // Eulogium Historiarum. Vol. III. P. 372; Alliterative Poem on the Deposition of Richard II. L., 1838 (Camden Soc.). P. 27–28.*

² *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti. P. 223*

³ *Ibid. P. 240*

⁴ *The Westminster Chronicle. P. 114, 124; Capgrave. P. 241.*

⁵ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti. P. 204–206.*

левстве, поскольку каждый думал, что королевство будет уничтожено врагами; ибо все люди возлагали на них, особенно на герцога Глостера, свои надежды и верили, что пока он жив и здоров королевство не только будет хорошо управляться, но также находиться в безопасности от своих внешних врагов»¹. Эрндел был приговорен к смертной казни, Глостер, находясь под охраной в Кале, был убит по тайному приказу короля, Уорик — отправлен в ссылку на остров Мэн².

Говоря о невыполнении Ричардом II своих королевских обязанностей, среди которых на первом месте стояла защита жизни и прав его подданных, следует обратить особое внимание на то, что в массовом сознании пассивная внешняя политика государя была косвенно связана с его внутривнутриполитическими злодеяниями. В данном случае я имею в виду тот факт, что в большинстве своем люди готовы охотно прощать правителям их промахи, если те ведут успешную внешнюю политику. В английской истории наиболее ярким примером, подтверждающим эту мысль, является образ Ричарда Львиное Сердце. Беспринципный и алчный монарх, готовый ради своей прихоти обирать подданных и разорять страну (в которой он за всю свою жизнь не провел и полугодя), остался в памяти английского народа великодушным и справедливым государем. Если великому герою-крестоносцу подданные были готовы простить любые злоупотребления властью, то «проступки» менее удачливых в войнах монархов воспринимались иначе. Утративший почти все континентальные владения английской короны, Иоанн Безземельный был вынужден подписать Великую Хартию Вольностей, ограничивающую полноту королевской власти. Другой «неудачник» — Эдуард II и вовсе потерял корону, а затем и жизнь. Разумеется, успех или его отсутствие во внешней политике был всего лишь фоном для проявления тех или иных качеств правителя, но нередко это фон становился определяющим фактором в судьбе монарха.

Изложение Ричарда было подготовлено не только в политическом, но и в идеологическом плане. Разумеется, для Генриха Болингброка было важно, что подданные «из-за ненавистных дел (*propter gesta tam scelerata*)... не любили» Ричарда³, однако нужно было юридически

¹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*. P. 206.

² *Capgrave*. P. 264–268; *Kirkstall Short Chronicle*. P. 118–120; *Walsingham*. Vol. II. P. 230–232; *The Brut*. Vol. II. P. 351–353; *Grafton*. P. 462–463, 468; *Fabyan*. P. 542–543; *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*. P. 226–233; *Continuatio Eulogii // Eulogium Historiarum*. Vol. III. P. 372–379; *Ottbourne, Thomas*. *Chronicle // Duo Rerum Anglicarum Scriptorum Veteres* / Ed. Th. Hearne. Oxford, 1732, 2 vols. Vol. 1. P. 189–194; *Historia Vita et Regni Ricardi II* / Ed. T. Hearne. L., 1729. P. 131–136, 145; *Chronicque de la Trason et Mort de Richart Deux Roy Dengleterre* / Ed., with an English translation B. Williams. L., 1846. P. 5–10.

³ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*. P. 237.

обосновать свержение законного короля. Не случайно симпатизирующий династии Ланкастеров монах из Сент-Олбанса откровенно называет правление Ричарда II тиранией («*Regis tyrannidem*»)¹. Эта хроника наилучшим образом отражает работу проланкастерской пропаганды. Историограф подробно рассказывает о настроении, царившем в английском обществе в 1399 г.: когда непосредственно перед высадкой Генриха Болингброка на английском побережье Ричард предпринял военный поход в Ирландию, дома он оставил «потрясенное королевство» и взволнованный, готовый к большому мятежу народ». «Пока король находился в Ирландии, весь английский народ молил Господа, чтобы он не позволил ему вернуться невредимым; ибо все в Англии дышало ненавистью к этому королю»². И Господь ответил на мольбы англичан, «решив высокомерие его (Ричарда — Е. К.) унижить и помочь английскому народу, который уже достойным жалости образом был притесняем и лишился бы надежды на облегчение и полное избавление, если бы Господь не протянул бы ему руку помощи»³.

Английские хронисты, в первую очередь многочисленные сторонники дома Ланкастеров, изображали Генриха Ланкастерского как орудие Бога для наказания короля-предателя, презревшего божественный закон, жестоко и несправедливо тиранящего своих собственных подданных: Ричард отказался выполнять свой долг суверена, и за это он был лишен короны. Как написал Адам из Уска, юрист, специально занимавшийся вопросом легитимации низложения Ричарда и коронации Генриха IV: «Теперь, Ричард, прощай,... ты был осужден за свои деяния Богом и своим народом»⁴.

Со временем английские историографы изменили свое отношение к фигуре Ричарда II: постепенно линия поведения английских государей в войне с Францией стала казаться хронистам, или изображаться ими, сравнительно единой. Начиная с середины XV в. хронисты единодушно стремятся представить все военные кампании времен Ричарда II, в том числе крестовый поход епископа Норичского, столь же победоносными, что и при Эдуарде III⁵. Более того, в хрониках этой

¹ *Annales Ricardi Secundi et Henrici Quarti*. 223.

² *Ibid.* 239: «Cum Rex moram proelaret in Hibernia, communitas regni Angliae totis votis Dominum precabatur, ne unquam sospes reverteretur; nempe in ore omnium volebatur, quod jam terram Angliae idem Rex habebat invisam».

³ *Ibid.* 240: «... Deus illius superbiam decrevit humiliare, et populo Anglicano succurrere, qui jam miserabiliter opprimebatur, et de spe relevationis et remedii omnino exciderat, nisi Deus manus porrigeret in adiutorium eorundem».

⁴ *Usk, Adam*. P. 90: «Nunc, Ricarde, vale... cum Deo et populi tui releuamine acta tua disposuisses».

⁵ *The Brut*. Vol II. P. 338–340; *Grafton*. P. 430, 437–451; *Fabyan*. P. 531–532.

эпохи мы ничего не находим о предательстве Ричардом II национальных интересов англичан. Это легко объясняется сменой династий на английском престоле: с приходом к власти Йорков, а потом и Тюдоров отпала потребность легитимации королей из рода Ланкастеров, в которой одним из самых главных аргументов была необходимость возобновления войны с Францией.

Новое основание для старой войны

Свергнувший Ричарда II Генрих IV в угоду сторонникам партии ведения войны с Францией, приведшей его к власти, обещал вести активную внешнюю политику. Первым, что он сделал на этом поприще, было принятие титула «короля Франции» и провозглашение намерений в ближайшее время отвоевать «свое наследство» у французского кузена. Однако занятый делами в самой Англии, Генрих, чье положение на английском престоле было, особенно в первое время, достаточно шатким, старался не организовывать крупномасштабных долговременных кампаний.

С коронацией Генриха V ситуация резко меняется: в правление этого короля, которого подданные сравнивали с Марсом и Гектором, военная тема в очередной раз становится основной для придворных поэтов и хронистов. В 1414 г. в Вестминстере был созван парламент, постановивший, что королю необходимо «потребовать возвращения его наследства», т. е. земель, «которыми владели его предки». Современники по-разному освещают объем требований Генриха V. Некоторые историографы утверждают, что первоначально английский король выдвинул претензии лишь на Нормандию, Гасконь и Гиень и ряд других территории, которые должны были отойти к Англии по Лондонскому договору 1359 г.¹ Большинство же хронистов заявляют о том, что Генрих с самого начала выдвинул претензии на всю Францию². Как отметил Эдуард Холл и опиравшийся на его труд Роберт Редмэн, в речи архиепископа Кентерберийского, произнесенной на открытии парламента 1414 г., «королю нужно претендовать не только

¹ An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI / Ed. J. S. Davies. Camden Society. Vol. LXIV (1856). P. 39; *Capgrave*. P. 309; *The Brut*. Vol. II. P. 375, 552; *Redmann*. P. 31; *Elmham Thomas*. Liber Metricus de Henrico Quinto // *Memorials of Henry the Fifth* / Ed. C. A. Cole. L., 1858. P. 103.

² *Walsingham*. Vol. II. P. 305; *Gesta Henrici Quinti* / Ed. F. Talor, I. S. Roskell. Oxford, 1975. P. 12–14; Titus Livius de Frulovisi. *Vita Henrici Quinti* / Ed. T. Hearne. L., 1716. P. 6; «Pseudo-Elmham» издан как *Thomas de Elmham. Vita et Gesta Henrici Quinti* / Ed. T. Hearne. L., 1727. P. 27–28; *Grafton*. P. 509; *Fabyan*. P. 578; *Hall*. P. 50–55; *The First English Life of King Henry V* / Ed. C. L. Kingsford. Oxford, 1911. P. 24.

на Англию, Ирландию, Уэльс, Нормандию, Аквитанию, Анжу, Мэн и Гасконь, но, и как наследнику Эдуарда III, на всю Францию»¹. Это также подтверждается официальными королевскими письмами, адресованными начиная с 1413 г. от имени «Генриха, божьей милостью король Англии и Франции» «благородному принцу Карлу, нашему кузену и противнику во Франции»². Принимая титул французского короля, Генрих V писал, что он «обязан во имя справедливости» вернуть законные права своих предшественников. В хронике все того же Редмэна рассказывается, что Генрих долго думал над своим правом начинать войну, придя к выводу, что «ни одна война не считается дозволенной, если она не диктуется возвращением утраченного (т. е. ответом на действия врагов. — *Е. К.*) или же ранее не была объявлена»³. Провозглашенная Генрихом война отвечала обоим условиям: она была начата еще его прадедом для возвращения узурпированного наследства.

В 1414 г., отправляя послов, Генрих пригрозил, что если король Франции откажется вернуть его законное наследство, то он при помощи Бога выполнит «свой долг» (*he wolde do his devouyre*) и отвоюет то, что причитается ему по праву⁴. Карл VI, опять-таки, как это излагается в английских хрониках, не опровергая справедливость и законность требований короля Англии, все же счел их непомерными. Желая откупиться от короля Генриха, он предложил английскому королю часть своих (по мнению англичан, незаконно присвоенных) земель, большую сумму денег и дочь Екатерину в жены⁵. Король Генрих не мог согласиться на эти условия (хотя хронисты упоминают о том, что молодой король хотел жениться на французской принцессе⁶), ибо не мог продать «свою законную вотчину» ни за какие сокровища.

¹ *Hall*. P. 50; *Redmann*. P. 26, 34–35.

² *Foedera*. Vol. IV, pars II. P. 38, 48, 62, etc.

³ *Redmann*. P. 31: «*nulla bellum esse licitum, nisi quod aut rebus repetitis geretur, aut denuntiatur ante esset et indictum*».

⁴ *Higden*. Vol. VIII. P. 549; *Capgrave*. P. 309; *An English Chronicle*. P. 39; *Gesta Henrici Quinti*. P. 14; *Titus Livius*. P. 6; *Pseudo-Elmham*. P. 29–30; *The Brut*. Vol. II. P. 375, 552; *Grafton*. P. 509; *Fabyan*. P. 378; *Hall*. P. 57; *The First English Life of King Henry V*. P. 24.

⁵ *Grafton*. P. 509; *Hall*. P. 57; *The First English Life of King Henry V*. P. 25; *Redmann*. P. 34.

⁶ *Ibid.* Именно начиная с 1414 г. Генрих V отказывается от идеи заключения брака с любой другой принцессой, кроме дочери Карла VI (*Allmand Ch. Henry V*. L., 1968. P. 68–71). Скорее всего это свидетельствует о том, что «законные права во Франции» (в этот период устремления английского короля могли ограничиваться условиями мира в Бретиньи) Генрих планировал закрепить браком с представительницей правящей династии.

Триумфальное шествие английских войск по Франции, а также успехи дипломатии увенчались договором в Труа, по которому Генрих V признавался регентом Франции и наследником Карла VI. То есть этот договор официально признавал законность правления Карла Валуа во Франции. Последнее вовсе не означало, что для Генриха и его подданных короли из династии Валуа переставали быть узурпаторами французского престола. В правление Генриха V при дворе особую популярность получило письмо св. Бригитты, предлагавшей в свое время во избежание дальнейшего пролития христианской крови оставить на французском престоле незаконно коронованного Филиппа Валуа, а его наследником провозгласить английского, «истинного», претендента — Эдуарда III¹. В трактовке всех английских историографов без исключения, мир в Труа являлся тем справедливым окончанием войны, к которому так долго стремились английские государи².

Подданные Генриха VI, как англичане, так и верные ему французы, дабы разрешить все неопределенности и отразить выпады сторонников дофина, были вынуждены заново приняться за доказательства законности притязаний английского короля на Францию и возобновить обвинения в адрес «мятежников», не желающих справедливого мира и разжигающих войну, не имея на это должных оснований. Следует подчеркнуть, что договор в Труа предоставил сторонникам Генриха VI новые аргументы, отодвинувшие упоминания о близости родства Эдуарда III с последними Капетингами на задний план. На коронацию юного короля была написана масса пропагандистских стихов, целью которых было не только прославление Генриха VI, но и обоснование законности его двойной монархии. Новый король должен был восприниматься своими подданными как прямой потомок как св. Эдуарда, так и св. Людовика, а также самых прославленных королев обоих королевств — Артура и Карла Великого. Но эту родственную связь обеспечивает не королева Изабелла, а Екатерина Валуа. Почти никто из английских историков, рассказывающих о правлении Генриха VI, не ссылается на давность конфликта, то есть на то, что еще прадед Генриха — Эдуард III защищал свои права, беспорно

¹ Colledge E. *Epistola solitarii ad reges. Alphonse of Pecha as Organizer of Brigittine and Urbanist Propaganda // Mediaeval Studies. Vols. XVIII–XIX (1956). P. 19–49; Vauchez A. La diffusion des «Révélation» de sainte Brigitte dans l'espace français a la fin du Moyen Age // Santa Brigida Profeta Dei Tempi Nuovi / Saint Briget prophetess of New Ages. Rome, 1991. P. 155–156.*

² *Usk, Adam. P. 132; An English Chronicle. P. 50–51; Walsingham. Vol. I. P. 332–335; Chronicle of London. P. 73, 127; The Brut. Vol. II. P. 423–425, 444, 491–492, 559–562; Grafton. P. 530–542; Fabyan. P. 584–585; Hall. P. 95–107; The First English Life of Henry V. P. 162; Hardyng, John. The Chronicle (ed. H. Ellis). L., 1812, repr. 1974. P. 386–387.*

унаследованные его потомками, с оружием в руках. Более того, имя этого прославленного короля почти не встречается в стихах эпохи правления Ланкастеров. Договор в Труа символизировал не только победу английского претендента на трон, но и признание французским королем законности этих претензий. Генрих VI перестает быть просто наследником права Эдуарда III, он становится наследником права своего деда Карла VI, высказавшего свою королевскую волю в 1420 г. В своей поэме, написанной на коронацию Генриха в Лондоне 6 ноября 1429 г. короной Англии, Джон Лидгейт рассказывает историю о том, что во время банкета в зал вошел вооруженный Филипп Диммок и публично вызвал всех, кто хочет сказать что-нибудь против прав Генриха на две короны; и не нашлось человека, принявшего вызов¹. Этот эпизод, подчеркивающий, по мнению поэта, неоспоримость законных прав молодого короля, был впоследствии вставлен Фабианом в свою хронику, превращаясь, таким образом, в часть зафиксированной истории.

По мнению Джона Палмера, после 1453 г. у англичан не было никаких надежд на возвращение французской короны, и «Карл VII стал первым в своей династии единственным королем Франции»². Официальная историческая традиция считает датой окончания Столетней войны 19 октября 1453 г., когда французам был сдан Бордо. Однако современники не осознавали этого, поскольку завершение столь долгого англо-французского конфликта не было оформлено юридически, а Генрих VI по-прежнему оставался для своих подданных королем Франции. Более того, сохранение этого титула за английскими королями продолжалось даже после того, как на смену династии Ланкастеров пришли Йорки, которых в свою очередь сменили Тюдоры и Стюарты. Даже несмотря на смуту гражданских войн, идея отвоевания французской короны продолжала витать в воздухе. Эдуард IV неоднократно планировал организовать экспедицию на континент. Анонимный английский поэт не только именует Эдуарда IV «королем Англии и Франции», но также призывает к возобновлению войны за французскую корону: «Позор длительному промедлению, / Ведь завоевание столь доблестно / И запечатлено в предании»³. Парламентские дебаты 1472–1474 гг. также свидетельствуют о популярности идеи «*jus Regium in Regno Francie recuperand*», означающей войну с Францией под девизом возвращения короны ее законным наследни-

¹ On the Coronation of Henry VI // *English Political Poems*. Vol. II. P. 146–148.

² *Palmer J. The War Aims of the Protagonists and the Negotiations for Peace // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 53.*

³ *Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries / Ed. R. H. Robins. N. Y., 1959. P. 92.*

кам¹. В 1492 г. Генрих VII вторгся во Францию. Вновь неизвестный английский поэт, сравнивая короля с распускающейся розой, отметил его «право» на французское королевство². Разумеется, внутренние конфликты в самой Англии, а также изменения во внешнеполитической ситуации препятствовали реальному возобновлению войны за французскую корону. Однако даже формальное сохранение титула было не только удобным предлогом для любого вторжения во Францию или просто возможной угрозой для французских королей, этот титул позволял англичанам считать войну, которую их предки доблестно вели ради защиты божественного права, не окончательно проигранной, а просто отложенной на неопределенный срок.

Оправдав как справедливую войну, которую короли Англии вели против своих французских кузенов и их союзников, английские теологи и юристы определили зависимость достоинств и добродетелей монархов от их отношения к этой войне. Благочестивый и справедливый государь не мог уклониться от ведения войны, целью которой было восстановление божественного закона и порядка. Именно на королях лежала ответственность за соблюдение и защиту закона: отказ от выполнения этой важнейшей миссии неизбежно карался Всевышним судьей, во власти которого было низложение провинившегося правителя и замена его на праведного.

---

¹*Lander J. R. Crown and Nobility, 1450–1509. L., 1976, ch. 9: The Hundred Years' War and Edward IV's 1475 campaign in France. P. 220–240.*

²*Ibid. P. 36.*

О. В. Дмитриева

**«МИЛОСТИВЕЙШАЯ И ГРОЗНАЯ»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ I
ВО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ РЕЧАХ
ЛОРДА-ХРАНИТЕЛЯ ПЕЧАТИ**

Среди разнообразных публичных церемоний, присущих Англии Раннего Нового времени, пожалуй, ни одна не предоставляла таких великолепных возможностей для реализации репрезентационной стратегии монарха, как официальное открытие сессии парламента. Ассамблея элиты дворянства, духовенства и депутатов от «общин всего королевства» являла собой самую представительную аудиторию, к которой могло быть обращено королевское «послание», содержащее в себе как непосредственную информацию о насущных политических проблемах, так и обоснование поступков и намерений государя, характеристику его личных качеств, а также официальную трактовку его политики. Сколь бы важное место ни занимал парламент как институт в политической жизни XVI в., с точки зрения власти, его созыв по-прежнему оставался событием, совершавшимся исключительно по воле монарха. Архаизирующая традиция трактовала его как Большой совет, призываемый королем для обсуждения вопросов, которые тому было угодно поднять. Как всякая публичная встреча короля со «своими знатными», она обставлялась многочисленными тщательно регламентированными церемониями, включавшими и ритуальные действия, и обильные официальные речи. Таким образом, парламент в определенном смысле оказывался инструментом репрезентации правящего государя. Фигура последнего оставалась в фокусе всеобщего внимания на протяжении всех официальных ритуалов, в особенности церемоний первого дня сессии, когда торжественная процессия короля в сопровождении духовных и светских пэров направлялась на молебен в Вестминстерское аббатство,¹ являя собой зримую модель полити-

---

¹О характере церемоний первого дня парламентской сессии см. подробнее: *Dean D. Image and Ritual in Tudor Parliaments // Tudor political Culture / Ed. By Hoak D. Cambridge. 1995. P. 243–271; Дмитриева О. В. «Древняя и достойнейшая процессия»: репрезентация королевской власти в парламент-*

ческого универсума, в котором безраздельно доминировал монарх, царивший над иерархической системой представителей сословий и государственных чинов, шествовавших перед ним.

Тексты, звучавшие на открытии сессии, не в меньшей степени, чем действия, жесты, и властная символика, служили целям репрезентации. Это в полной мере относилось как к проповеди, звучавшей в Вестминстерском аббатстве, так и к вступительной речи лорда-хранителя печати. По традиции после молебна участники процессии собирались в палате лордов, государь занимал свое место на троне и председатель верхней палаты — лорд-канцлер королевства (а в елизаветинскую эпоху это чаще был лорд-хранитель печати, который по особому распоряжению королевы становился главой канцелярии и выполнял обязанности лорда-канцлера, но не получал этого звания) открывал работу парламента речью, которую произносил от имени монарха. Она играла ключевую роль в оркестровке всей сессии. Как правило, в этом обстоятельном выступлении содержался всесторонний анализ текущей политической ситуации и обозначалась правительственная программа предстоящей законодательной деятельности. Однако основная цель, которую преследовало обращение к парламентариям, состояла в том, чтобы исторгнуть у них согласие на финансовую помощь короне в экстраординарных обстоятельствах, требовавших от нее непомерных расходов. Добиться, чтобы представители общин, светской аристократии и духовенства согласились на «кровопускание» их кошелькам, было непросто, это требовало непрерывных усилий членов Тайного совета на протяжении всей сессии, и все же их успех в немалой степени зависел от силы и пропагандистского эффекта вступительной речи. В этих обстоятельствах лаконичность была неуместна, напротив, от оратора ожидали поистине цicerоновского красноречия. Тексты вступительных речей, являвшие собой совершенные образцы елизаветинской политической прозы, выстраивались в соответствии с законами логики и классической риторики, исходившей из того, что оратор должен расположить к себе аудиторию, убедить и главное — побудить ее к действию¹. В то

ских церемониях второй половины XVI — начала XVII в. / Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 360–382.

¹ Цицерон, почитателями которого было большинство елизаветинских лордов-хранителей печати, считал, что цель публичной политической речи состоит в том, чтобы «... и расположить к себе, и наставить, и взволновать людей». — Об ораторе (II, 28, 121) // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 153.

же время, они были не лишены и влияния поэтики, апеллируя как к разуму, так и к воображению, и чувствам слушателей¹.

Создание подобного текста нередко было результатом коллективных усилий: даже при том, что лорд-хранитель, как правило, был авторитетным государственным деятелем, наделенным даром красноречия, содержание его речи предварительно обсуждалось и с другими политическими «тяжеловесами» в Тайном совете (преимущественно — с лордом-казначеем У. Берли). В результате на свет появлялся официальный текст, не лишенный в то же время печати авторской индивидуальности в том, что касалось лексики, стилистики и некоторых особенностей восприятия сути политического момента.

Несмотря на вполне прагматические цели, вводные речи представляли собой нечто большее, чем слегка завуалированное флером патриотических рассуждений требование денег. Ораторы, как правило, начинали с пространной экспозиции, содержащей самые общие рассуждения о взаимоотношениях государя и его подданных (которые неизменно трактовались как удивительно гармоничные и счастливые), о характере времен, о законах и принципах, на которых зиждется управление страной. Это был набор политических аксиом, приемлемых для власти, который предлагался депутатам в качестве исходной информации перед началом их работы как законодателей; система координат, с которой им предписывалось соотносить свои действия и решения; краткий конспект политической теории с точки зрения короны, содержащий в себе не только эксплицитно выраженное «послание», но и доступную пониманию искушенных в политике парламентариев информацию, присутствующую имплицитно. Политический дискурс этих речей невероятно интересен. Понятийный аппарат, топика, образный строй, метафоры и умолчания — все было не случайным и несло важную смысловую нагрузку. Задача данной работы состоит в том, чтобы проследить, каким образом в них была представлена государыня. Разумеется, на протяжении полувекового правления Елизаветы I характеристики и ее публичного статуса, политических шагов и личностных качеств претерпели заметную эволюцию. Мы попытаемся выделить как константы, так и переменные составляющие в репрезентации королевы — изменение ее образа во вступительных речах под воздействием новых политических обстоятельств и теоретических веяний.

¹ О влиянии классической риторики на ренессансное ораторское искусство в Англии см.: *Vickers B. W. Classical Rhetoric in English Poetry*. L.; N. Y., 1970; *Howell W. S. Logic and Rhetoric in England, 1500–1700*. Princeton, 1956; *Idem. Poetics, Rhetoric and Logic*. Itaca; L., 1975; *Baker-Smith D. Renaissance and Reformation / The Cambridge Cultural History of Britain* (Ed. by Ford B.). Vol. 3. The Sixteenth-Century Britain. Cambridge. 1992.

У истоков парламентской риторической традиции елизаветинского времени стоял Николас Бэкон, отец знаменитого философа, считавшийся одним из самых просвещенных государственных деятелей и одареннейших ораторов своей эпохи¹. Современники высоко ценили его красноречие: Дж. Паттенхэм в своем трактате «Искусство поэзии» (1589) отзывался о его стиле как об «исполненном достоинства и естественном», а знаменитый драматург Томас Нэш полагал, что современный ему литературный английский опирался на три столпа — Т. Мора, Ф. Сидни и Н. Бэкона. Лорд-хранитель Бэкон был ревностным протестантом, увлекавшимся в годы университетской юности библейскими штудиями. Одним из его ближайших друзей был известный теолог и первый елизаветинский архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер. Его однокашником по Кембриджу был и У. Сесил, будущий лорд Берли, с которым они впоследствии породнились, одновременно женившись на сестрах Кук. Подобно своему родственнику, Бэкон был одной из самых крупных фигур на елизаветинской политической сцене, способной отстаивать в Совете собственную точку зрения, что иногда навлекало на него недовольство королевы, однако его преданность ей никогда не вызывала сомнений. Его действия не требовали мелочного контроля, а тексты — стороннего редактирования.

Как и многие политики его поколения, Бэкон был приверженцем идеалов гражданского гуманизма и широко пользовался классической лексикой, заимствованной из «De Officiis» Цицерона. В современной историографии круг его единомышленников именуют носителями «традиционного» гуманизма, противопоставляя их более позднему течению, связанному с именами Монтеня и Бэкона-младшего, — так называемому «новому» гуманизму, скептиков и политиков-прагматиков.² Старую гвардию елизаветинских советников «первого призыва», к которой принадлежал Бэкон, порой называют «республиканцами», имея в виду, разумеется, не их приверженность республике как поли-

---

¹ Бэкон Н. (1509–1579) — юрист общего права, выпускник Кембриджского университета (колледжа Корпус Кристи) и юридической корпорации Грейз-Инн, солиситор Суда Приращений (1537), атторней Суда Опек (1546). Лорд-хранитель печати (1558), с 1559 г. официально выполнял обязанности лорда-канцлера Англии, оставаясь в ранге лорда-хранителя. Член Тайного совета.

² Удачный анализ развития гуманистических идей в Англии от «цицероновского» гражданского гуманизма к «новому», основанному в большей мере на стоицизме в этической сфере и тацитизма в политике, содержится в работе: *Tuck R. Philosophy and Government 1572–1651. Cambridge, 1993.* Характеристику различных течений «классицизирующей» английской политической мысли дает также работа. *Peltonen M. Classical Humanism in English Political Thought, 1570–1640. Cambridge, 1995.*

тическому строю, а частоту, с которой они пользовались латинским понятием *res publica* или английской калькой его — *commonwealth* — для обозначения государства или такой категории, как «общее благо». (Впрочем, им и впрямь было присуще восхищение духом республиканского Рима, идеалами гражданского служения, самоотречения и патриотизма). Н. Бэкон и его соратники в Тайном совете исповедовали своеобразный «чиновничий» идеал конституционного правления¹, полагая, что в хорошо управляемом государстве король должен прислушиваться к совету мудрых и преданных министров. Достаточно благосклонно принимали они и идею «совета» государю со стороны парламента. В качестве лорда-хранителя Бэкон открывал четыре парламента (1559, 1563–1567, 1571, 1572 гг.), и именно он сформировал канон вступительной речи. Его произведения в этом жанре пользовались популярностью среди государственных деятелей и интеллектуалов и широко циркулировали в списках. До нашего времени дошло большое количество их рукописных копий XVI в., сохранившихся не только в Англии, но и в Ирландии².

Его преемник, Томас Бромли³, хотя и занимал более престижный пост лорда-канцлера, по-видимому, не производил столь глубокого впечатления на современников, как Н. Бэкон: тексты его речей в 1584 г. не дошли до нас, а вскоре и самого Бромли сменил в качестве председателя верхней палаты Кристофер Хэттон, профессиональный юрист, сделавший великолепную придворную карьеру, фаворит королевы Елизаветы и блестящий оратор⁴. Расположение королевы позволило Хэттону получить статус не только хранителя печати, но и лорда-канцлера. Его преемником стал опытный юрист Джон Паке-ринг (бывший спикер палаты общин в 1584 и 1586–1587 гг.), которо-

¹ О теории «совета» и ее разнообразных трактовках в политической культуре Тюдоровской Англии см.: *Guy J. The Rhetoric of Counsel in Early Modern England / Tudor Political Culture...* P. 292–310; *Idem. Politics, Law and Counsel in Tudor and Early Stuart England.* Aldershot, 2000; *Idem. Monarchy and Counsel: Models of the State / The Sixteenth Century...* P. 113–142.

² В Тринити-Колледже в Дублине хранится рукопись с подборкой текстов публичных речей Бэкона, входившая в собрание манускриптов историка-любителя архиепископа Дж. Ашера — TCD MS. 521.

³ Бромли Т. (1530–1587) — получил юридическое образование в Оксфорде (1560) и в корпорации Миддл Темпл (1566). В 1566–1569 гг. — хранитель лондонского архива, в 1569 г. — генеральный солиситор. Лорд-канцлер Англии с 1579 г.

⁴ Хэттон Кр. (1540–1591) — получил образование в Оксфордском университете и в юридической корпорации Миддл Темпл, с 1564 г. состоял в дворцовой гвардии джентльменов-пенсионеров. С 1572 г. — ее капитан. В 1578 г. — вице-камергер двора, лорд-канцлер Англии в 1587–1591. Член Тайного совета.

му снова была определена более скромная позиция лорда-хранителя печати¹. Последним, кто занимал этот пост при Елизавете, был Томас Эджертон².

В елизаветинскую эпоху традиционная структура вступительной речи предполагала присутствие в ней трех основных разделов: первый посвящался вопросам веры, второй — делам светского управления, третий же — насущным финансовым потребностям короны. (При этом все три темы предоставляли множество возможностей для репрезентации государыни как наилучшей, непревзойденной, богоизбранной правительницы.) Неизменное выдвижение на первый план вопросов, так или иначе связанных с верой, было отнюдь не формальностью или данью политической корректности, а имело непосредственное отношение к концептуальному осмыслению лордом-хранителем всего, чему предстояло совершиться в парламенте.

Категория «истинной веры» занимала центральное место в той этико-политической системе, с позиций которой ораторы предлагали парламентариям подходить к искусству управления государством вообще и к решению конкретных вопросов, стоявших на повестке дня. Особенно ярко это проявилось в выступлениях Н. Бэкона. Логика его речей неизбежно вызывала аллюзии на «*De officiis*» Цицерона, у которого идея разумного управления и успешного исполнения любых обязанностей была связана с представлением о нравственно-прекрасном и, как следствие, верном и с политической точки зрения выборе («Об обязанностях» — I, 5, 15). Разница между римским политиком и его английским адептом состояла лишь в том, что у стоика Цицерона первой основой нравственного служило познание истины, у Бэкона же «истина» неизбежно трансформировалась в «истинную веру». И если у Цицерона процветание государства обеспечивалось твердым следованием нравственно-прекрасному, то Бэкон видел краеугольный камень, на котором зиждется порядок в королевстве, в вере — его версии нравственного и прекрасного. Эту же логику он приписывал и королеве Елизавете: в 1563 г. в своем обращении к депутатам Бэкон подчеркивал: «Видя Господа перед своими глазами и не будучи ни беззаботной, ни невнимательной к его божественным заповедям и наставлениям, Ее Величество предполагает и рассчитывает, что в этом

---

¹ Джон Пакеринг (1544–1596) — барристер юридической корпорации Линкольнз-Инн, с 1575 г. — ее управляющий. С 1592 г. — лорд-хранитель печати.

² Эджертон Т. (1540?–1617) — барристер Линкольнз-Инна (1572), управляющий этой корпорации (1580), генеральный солиситор (1581), генеральный атторней (1592), хранитель свитков (1594–1603), лорд-хранитель печати (1596–1603). При Якове I получил титул барона Элсмера, а его статус был повышен до лорда-канцлера.

собрании прежде всего и главным образом будут искать умножения Господней чести и славы как неизменного фундамента, на котором возводится и строится политика любого хорошо устроенного государства, как прямой линии, согласно которой оно должно направляться и управляться, и как главного столпа и опоры, благодаря которой оно постоянно подпирается и поддерживается»¹. Этот пассаж превратится у Бэкона в клише и будет дословно повторен им в 1571 г.²

Подобные зачины присутствовали во вступительных речах независимо от реальной повестки сессии и тех законодательных шагов, которые предполагалось предпринять в церковной сфере (хотя чаще всего религиозное устройство, действительно, оказывалось в числе наиболее актуальных проблем). Разумеется, решающими с точки зрения введения новой церковной доктрины и дисциплины были парламенты 1559 и 1563 гг., когда Бэкон со всем основанием назвал предстоящее депутатам «работой во имя Господа»³. Но и в дальнейшем их регулярно призывали «в первую очередь обсудить в этом собрании Божье дело», и, если это будет сделано «с верой, искренностью и усердием», все остальное, о чем могут заботиться государственные мужи, неизбежно пойдет хорошо, ибо иначе и быть не может⁴.

Абсолютно всем авторам вступительных речей было свойственно трактовать события текущей политической истории Англии в контексте продолжающейся с библейских времен истории вселенской борьбы Добра и Зла, истинной и ложной церкви. Вера объявлялась основой основ английского государства в правление благочестивой протестантской королевы, а реализация божественных замыслов и соотнесение с ними законов королевства — задачей, стоящей как перед государыней, так и парламентариями.

¹ Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I. Vol. I. 1558–1581/ Ed by Hartley T. E. Leicester. 1981. P. 34.

² «And because in all counselles and conferences first and cheifely there should be sought the advancement of God's honour and glory as the sure and infallible foundation whereupon the policy of every good publique weale is to be erected and builte, and as the straight line whereby it is principally to be directed and governed and as the chief pillar and buttres wherewith it is continually to be sustained and maintained...» — BL Cotton Titus F. I, f. 123 v.; Proceedings... Vol. I. P. 183.

³ «Let us in God's name goe about this worke». — Proceedings... Vol. I. P. 35.

⁴ «... in deede you ought to consider in this your assembye of God's cause, which faithfullie, sincearelie, and diligentlie done, like as it can not but bring good successe to all the reste; soe, doubtlesse, colde lukewarme, doubtfull or doubledealinge therein cannot but breed, nourish and bringe forth faccions, divisions, dissentions, seditions, etc., to the great daunger and peril of all the rest». — BL Harleian MS. 5176, f. 89 v.; Proceedings... Vol. I. P. 81

Риторика «божьего дела» и чудесного покровительства, оказываемого Англии свыше, была тесно связана с репрезентацией правящей государыни. Уже в парламенте 1559 г. были апробированы некоторые трактовки ее образа, которые со временем превратились в клише. Первое же утверждение Н. Бэкона, касавшееся Елизаветы, характеризовало ее как богоизбранную правительницу: «Господь своей божественной властью и постановлением доставил имперскую корону этого королевства государыне...»¹ Основной акцент был сделан на непосредственном божественном вмешательстве, благодаря которому Англия обрела королеву-протестантку, поставленную для того, чтобы осуществить предназначенную ей миссию — вернуть свой народ в лоно истинной церкви. В дальнейшем на протяжении полувека Елизавету будут представлять как «провиденциалистскую» правительницу — и в том смысле, что ее приход к власти свершился по воле Провидения, и в том, что сама она наделена даром предвидения и глубочайшей мудростью. Об этом недвусмысленно говорил Кр. Хэттон в 1589 г.: «Получив корону этого королевства и предвидя заранее, что произойдет в дальнейшем, Ее Величество, несмотря на все возражения, прежде всего и главным образом стремилась искоренить суеверия, коренившиеся в сердцах ее людей и насадить в их сознании правое и истинное чувство Христовой веры»².

Репрезентация королевы как провиденциалистской правительницы позволяла обойти несколько подводных камней, связанных с проблемой легитимизации власти Елизаветы, чьи права на английскую корону были отнюдь не бесспорны. Одной из таких проблем было то, что вступившая на престол королева все еще оставалась незаконнорожденной с точки зрения буквы закона, изданного Генрихом VIII и не отмененного ее сестрой Марией Тюдор. Официальная повестка первой сессии елизаветинского парламента в 1559 г. была во многом посвящена исправлению этого вопиющего положения: депутатам предстояло принять акты о признании королевы законной наследницей своего отца, и прохождение соответствующих биллей в обеих палатах парламента потребовало времени. Однако, несмотря на это, во время церемонии открытия сессии Бэкон продемонстрировал парламентариям, что никаким колебаниям и сомнениям в вопросе о законности титула государыни нет места, именуя ее «нашей естественной и всемилостивейшей суверенной правительницей» (*The Queene's most excellent Majestie our naturall and most gracious Sovereigne Lady*), чей приход к власти санкционирован свыше.

¹ Proceedings... Vol. I. P. 36.

² См., в частности, высказывание Т. Эджертона о ее «провидческой и царственной мудрости». — Proceedings... Vol. III. 1593–1601. N.Y., 1995. P. 185.

Что касается самой королевы, то, как показал ряд недавних исследований, для Елизаветы представление ее воцарения как некоего чудесного акта, потребовавшего особого вмешательства Провидения, на чем настаивали благочестивые протестантские проповедники, вовсе не было желательным. Она предпочитала обосновывать свои права на престол родством с Генрихом VIII и его завещанием, определявшим порядок наследования между его детьми. Теорию божественного права законного короля она явно предпочитала теории чудесного избрания, справедливо опасаясь, что чрезмерное акцентирование ее мессианства может со временем стать обременительным и лишить ее свободы действий в церковной политике¹.

В то же время в силу политической необходимости на протяжении всего царствования ей неоднократно придется говорить о себе как об орудии господина или его «служанке». Н. Бэкону, искусственному политику, который осознал, что он не должен уподобиться пророчеству с кафедры проповеднику, удалось сохранить в своей взвешенной речи 1559 г. необходимый и приемлемый для Елизаветы баланс между утверждением о «естественном» или «природном» характере власти новой королевы над ее подданными и тезисом о том, что корона доставлена ей божественным Провидением.

Второй ключевой для собравшихся вопрос оставался открытым почти до конца сессии 1559 г., вызвав острые дебаты между католиками и сторонниками реформированной веры: какую религиозную политику избрет новая правительница, какой будет расстановка сил между духовной и светской властью, станет ли Елизавета претендовать на статус главы церкви, подобно ее отцу и брату? В повестках, которыми лордов и коммонеров призывали на сессию парламента, не было никакого намека на это, и королевский титул Елизаветы обрывался там, где Генрих VIII и Эдуард VI добавляли к нему «*caput ecclesiae*». Этот факт до такой степени взволновал парламентариев-протестантов, что они в первые дни заседаний учредили специальный комитет, который должен был принять решение о том, действительны ли такие повестки и будет ли ввиду этого созванный парламент обладать всеми необходимыми полномочиями.

Вступительная речь лорда-хранителя содержала ряд пунктов, призванных прояснить официальную позицию в этом вопросе. Ответ заключался уже в самом упоминании об «имперской короне», которую получила Елизавета I, а Бэкон повторил эти слова четырежды². Выражение «имперская корона» было возвращением к лексике Реформации

¹ *McLaren A. N. Political Culture in the Reign of Elizabeth I. Queen and Commonwealth. 1555–1585. Cambridge, 1999. Ch. I. P. 18–26.*

² *Proceedings... Vol. I. P. 34, 36.*

и «Акта об апелляциях» (1533), в котором провозглашалась полнота юрисдикции английского монарха как в светских, так и в духовных делах. Таким образом, решительно игнорируя все возможные сомнения относительно титула королевы и легитимности ее прихода к власти, а также ее намерений восстановить протестантизм и королевскую супрематию, Бэкон утверждал как данность, что имперская корона вручена Господом «согласно его божественной воле и распоряжению» дочери Генриха VIII. Тем не менее безапелляционность этой констатации не снимала с повестки дня еще одного деликатного вопроса, носившего несколько иной, гендерный характер. Несмотря на то что Елизавета была не первой правительницей, и прецедентом женского правления мог служить пример ее сестры, Марии Тюдор, далеко не все общество было готово принять его как норму. Напротив, пребывание на престоле Марии вызвало к жизни волну политических трактатов об ущербности женщины и ее принципиальной неспособности к управлению, из-за которых проистекает множество бедствий для государства. В ходе полемики с этой теорией были найдены и аргументы, призванные успокоить общественное мнение относительно перспектив женского правления: это была идея благочестивого совета, который государыня будет получать со стороны мудрых государственных мужей. При этом подразумевались, как непосредственно Тайный совет, так и в расширительном смысле — совет парламента. Таким образом, гендерный конфликт мог быть разрешен за счет признания традиционного для английской политической мысли тезиса о смешанной монархии и короле, который пользуется всей полнотой власти в тот момент, когда он находится в парламенте и полагается на советы последнего. В речи в 1559 г. Н. Бэкон заверил парламентариев в том, что королева намеревается править, прислушиваясь к их советам и мнениям. Для Елизаветы подобное утверждение было скорее вынужденным тактическим ходом, поскольку она не была горячей сторонницей теории смешанной монархии и полагала, что впоследствии сумеет обойтись без созыва частых парламентов, на что и указывала оговорка Бэкона, о том, что многие вопросы она могла бы разрешить и без созыва этого органа.

Радение о «почитании и прославлении Господа» на долгие годы станет ключевой темой в парламентской репрезентации Елизаветы, однако, оставаясь лейтмотивом вступительных речей в течение пятидесяти лет, эта тема будет звучать в разнообразных вариациях, а официальный образ королевы претерпит значительную эволюцию. В первое десятилетие своего правления Елизавета предстает главным образом в качестве благочестивой победоносной правительницы, уподобляемой библейским героиням — Дебре и Эсфири. Такая модель была характерна для репрезентации ее отца и брата на ранних

этапах Реформации. Как известно, Реформация повлекла за собой радикальное переосмысление образа ренессансного монарха, который стал представляться не только как блистательный и могущественный государь, но как благочестивый правитель, «ходящий верно перед очами Господа», ниспровергатель идолов и созидатель храма истинного единого Бога. Отсюда — характерное для ранней тюдоровской имагологии сравнение Генриха VIII и Эдуарда VI с ветхозаветными царями Эзекией, Осией, Иосафатом, Давидом, Соломоном¹.

Эти уже привычные и апробированные образы использовались и применительно к Елизавете. В 1559 г. в ее первом парламенте, который санкционировал возвращение Англии к протестантизму, тема борьбы с «идолопоклонством» — католической обрядностью — позволила Н. Бэкону впервые уподобить королеву, выполняющую миссию, возложенную на нее Провидением, благочестивым ветхозаветным правителям Эзекии и Эсфири, дабы «поощрить депутатов двигаться верным и прямым путем». «Я полагаю, что могу вас заверить: ни благочестивый царь Эзекия не мог сильнее желать, чтобы прибавилось то, чего недоставало в его время; ни благородная царица Эсфирь не была в сердце своем более склонна низвергнуть могущественного врага божьих избранных, чем наша суверенная правительница и госпожа — совершить то, что будет верным и угодным в очах Господа». Наряду с Эзекией и Эсфирью королеву уподобляли Давиду в его правоте, Соломону — в мудрости, Иосафату — в рвении². Эти образы как нельзя

¹ *Strong R.* Holbein and Henry VIII. L., 1967; *Idem.* Edward VI and the Pope: A Tudor Anti-Papal Allegory and Its Setting // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 23. L., 1969; *Idem.* Tudor and Jacobean Portraits. 2 vols. L., 1969; *King J. N.* Tudor Royal Iconography: Literature and Art in the Age of Religious Crisis. Princeton, 1989; *Idem.* Henry VIII as David: The King's Image and Reformation Politics / *Rethinking the Henrician Era: Essays on Early Tudor Texts and Contexts* (Ed. by P. C. Herman). Champaign. 1994; *Idem.* The Royal Image, 1535–1603 / *The Tudor Political Culture* (Ed. by D. Hoak). Cambridge. 1995; *Aston M.* The King's Bedpost: Reformation and Iconography in a Tudor Group Portrait. Cambridge, 1993; *Howarth D.* Images of Rule. Art and Politics in the English Renaissance, 1485–1649. Basingstoke; L., 1997. Ch. 3. P. 77–102; *Smith N.* The Royal Image and the English People. Aldershot, 2001.

² *Proceedings... Vol. I.* P. 34, 36. Иудейский царь Эзекия «делал угодное в очах Господа», проявляя нетерпимость к идолам, он разбил статуи языческих богов и уничтожил медного змия, которому поклонялся его народ (IV Кн. Царств 18: 3; 18: 6; 20: 3). Бэкон дословно воспроизводит слова, относящиеся к Эзекии, характеризующая намерения Елизаветы: «ходил перед лицом Твоим верно... делал угодное в очах Твоих...» (20:3). В истории Эсфири основной акцент также делается на том, что ее соплеменникам грозили репрессии царя Артаксеркса, который славил языческих богов и, искишая иудеев и карая их, приказал «вложить им в руки идолов своих». Самопожертвование и мудрость царицы Эсфири отратили эту кару от избранного народа (4: 14; 4: 17),

лучше соответствовали политическому моменту и отражали характер преобразований в церковной сфере, на которых были сосредоточены усилия Елизаветы и ее ближайших советников в 60 – начале 70-х гг.: возвращение к реформированной вере, выработка законодательства, закрепляющего новое религиозное устройство, введение единообразия богослужения, разработка доктринальных «39 статей», утверждение новой официальной редакции английской Библии и т. д.

Однако уже в начале 1570-х гг. Англия стала втягиваться в конфликт с римской курией и католическими державами, утратив внутренний мир между католиками и протестантами, который обеспечивал устойчивость елизаветинского режима на протяжении первого десятилетия его существования. Репрессии против католического дворянства северных графств и казнь герцога Норфолка, последовавшие за Северным восстанием 1569 г., ознаменовали окончание мирного правления. С этого времени и до конца правления Елизаветы тема борьбы с врагами истинной веры станет одной из доминирующих как в реальной политике, так и в официально репрезентации королевы. Одновременно с нарастанием католической угрозы усилились трения между королевой и парламентом из-за того, что вопрос о престолонаследии оставался неурегулированным, а присутствие в Англии Марии Стюарт, с которой были связаны надежды католиков на возможный государственный переворот и физическое устранение королевы, делали ситуацию крайне опасной, с точки зрения ревностных протестантов. Елизавета не находила общего языка с собственной политической элитой, требовавшей от нее гораздо более жестких мер против католиков, чем те, на которые она могла пойти. Представление о ней как о непогрешимой правительнице, дарованной Провидением, стало подвергаться сомнению со стороны ревностных протестантов: пуританские проповедники и радикально настроенные депутаты начинали намекать на то, что Господь может как возвысить правителя, так и сурово покарать его за отступничество. В этих условиях насущной необходимостью стали апология избранной королевой религиозной политики и доказательство ее «правоты» перед Господом. Не лишним было напомнить и о сакральном характере королевской персоны и ее беспорном статусе главы церкви. В сфере репрезентации усложнившаяся политическая ситуация вызвала к жизни так называемый «культ» Елизаветы, одной из составляющих которого

в чем англичанам виделась параллель с воцарением королевы-протестантки, спасшей души своих подданных. Иосафат — царь Иудеи, вступивший в битву с идолопоклонниками, «ходил во всем путем отца своего, Асы, не сходил с него, делая угодное перед очами Господними» (III Кн. Царств, XXII:43).

стала усиленная сакрализация образа последней в художественной пропаганде и в литературе.

Сходные тенденции заметны и в официальных парламентских речах. В конце 1580-х гг. риторика мессианства и богоизбранности английского народа и его государыни получила новый импульс в связи с провалом ряда католических заговоров и победой над Великой Армადой. Открывая первый после этого триумфа парламент 1589 г., Кр. Хэттон развил тему борьбы с католической угрозой в контексте многовекового противостояния папства и светских государей, в частности, английских королей, многие из которых (Иоанн, Генрих III, Ричард II, Эдуард III и Генрих VIII) пытались сопротивляться папам, отстаивая свои «древние свободы, авторитет и честь». Королева Елизавета, продолжившая эту борьбу, подвергается самым яростным нападкам «заносчивых и бесстыдных прелатов». Хэттон представил аудитории целый каталог «бесконечно низких, жестоких и варварских происков» Клементя VII и Павла III против ее отца и матери, напомнил о булле Пия V, объявлявшей Елизавету еретичкой, и о попытках Григория XIII организовать интервенцию в Англию; обрушился на католических священников-иезуитов, плетущих нити заговоров, и на Сикста V, который «вознамерился перекинуть деревянный мост через наши моря» (т. е. снарядить флот для захвата Англии) и теперь «направляет все свои помыслы не только против Ее Величества... но обещает окончательно покорить и уничтожить нас всех, народ королевы (Queen people), и страну и сделать нашу землю добычей врагов». Недругам протестантской Англии, неистовствующим в антихристовом раже королю Испании, «ненасытному тирану» и «волку-кровососу» папе Римскому, противостоят «королева-девственница, прославленная дама, и страна, которая принимает неискаженную доктрину истинной и искренней Христовой веры»¹.

В контексте сакрализации образа Елизаветы в политической культуре 80–90-х гг. любопытна одна метафора к которой прибег Хэттон, рассуждая о молодых годах Елизаветы, когда у власти были ее противники. По его словам, они осознали, что «принцесса станет Древом Жизни в нашем земном Раю» и потому требовали «срубить это древо и выкорчевать его корни». Это сравнение заключало в себе глубокий теологический смысл. Протестантские авторы в полемике нередко трактовали Реформацию как событие, по своей значимости соотносимое с самой искупительной жертвой Христа, ибо обретение истинной реформированной веры в конечном счете и означало путь к спасению, в данном контексте, государство в котором восторжествовала; протестантская церковь рассматривалась как обретенный на

¹ Proceedings... Vol. II. P. 415–417.

земле Рай¹. Влияние этой концепции ощущается в словах Хэттона, который уподобляет Англию в правление Елизаветы Эдему. Метафора заключала в себе большой реперезентативный потенциал, поскольку символика Древа Жизни была очень многопланова. С одной стороны, лорд-канцлер демонстрировал, что королева — животворный центр для благочестивых подданных «божьего государства», подобно Древу Жизни, занимающему центральное место в Эдеме (Быт. II:9; Откр. Иоанна XXII:2). С другой — его слова неизбежно порождали далеко идущие ассоциации, поскольку Древо воплощает идею бессмертия, утраченного прародителями человечества. В символическом смысле оно синонимично Христу, возвращающему людям Рай и бессмертие (не случайно в христианской иконографии был распространён мотив Христа, распятого на Древе Жизни). Уподобляемый Древу Жизни уподобляется самому Спасителю. Сравнение королевы с Древом вызывало аллюзии и на ряд мест из Апокалипсиса, где речь шла о «побеждающем» — праведнике, исповедующем истинную веру Христа, который вкусит от Древа Жизни и воссядет на престоле рядом с Христом (Откр. Иоанна II:7; III:21; XXII:14). После разгрома Армады англичане, бесспорно, чувствовали себя «побеждающими», богоизбранным народом, и уподобление королевы Христу, ведущему их к спасению, представлялось вполне уместным.

В том же ключе характеризовал текущую политическую ситуацию в 1593 г. лорд-хранитель Пакеринг, для которого англо-испанский конфликт был противостоянием с «самыми яркими врагами Господа и ее священного Величества», а потому депутаты должны были вдохновляться в их работе «радением о Господней славе, долгом преданности ее милостивейшему Величеству и любовью к своей матери-родине»². Пакеринг немало способствовал обновлению политического лексикона вступительных речей. В начале последнего десятилетия правления Елизаветы он стал прибегать к новым определениям, указывавшим на сакральную природу государыни: «священная особа», «Ее священное величество» (*sacred person, her sacred Majesty*)³.

В 1598 г., уже практически подводя итоги долгого правления Елизаветы, Т. Эджертон снова называет ее главным завоеванием — насаждение и поддержание истинной веры⁴. В его глазах королева выполняла роль особого посредника между Богом и ее нацией. С одной

¹ *King J. N. The Royal Image, 1535–1603 / Tudor Political Culture 1995. P. 104–110.*

² *BL Harleian MS 6265, f. 11 v; Proceedings... Vol. III. P. 15.*

³ *BL Harleian MS 6265, f. 11; Proceedings... Vol. III. P. 14–15.*

⁴ «Первостепенной и главной заботой для Ее Высочества были прославление и служба всемогущему Богу, насаждение и поддержание истинной религии в сердцах ее народа во всех концах ее владений». — *Ibid. Vol. III. P. 186.*

стороны, благочестивая правительница была дана как награда народу, исповедовавшему истинную веру, с другой — сама государыня была столь дорога Господу, что ради нее он даровал победы ее подданным. Сохранение их обоих в неразрывном единстве и, следовательно, в безопасности приписывалось «бесконечной милости Господа», за которую лорд-хранитель призывал вознести ему хвалу, «преклонив колена наших сердец»¹.

Наряду с твердостью в вере во вступительных речах неизменно превозносились и присущие Елизавете традиционные добродетели правителя — справедливость, милосердие и щедрость. Тщательную разработку эта тема получила в первой речи Н. Бэкона в 1559 г. По его словам, королева как мудрая правительница «благородно, заботливо, охотно и внимательно (пользуясь советами всех сословий королевства) ищет путей и средств, дабы исправить все беспорядки и недостатки, продлить и укрепить то, что хорошо, помочь и поддержать тех, кто честен и прав, исправить и излечить тех, кто бесчестен и порочен, осуществлять правосудие во всем и применительно ко всем, без чрезмерной суровости и прибегать к милосердию без всепрощения и излишней жалости»².

Разумное и оправданное милосердие считалось одним из основных достоинств правителя во все времена, не случайно в этом качестве Кр. Хэттон сравнивал королеву с Августом³. В XV в. в условиях религиозного раскола и противостояния конфессий и эта категория получает в английском парламенте специфическое истолкование. Милосердие связывают в первую очередь с осмотрительной религиозной политикой и толерантностью по отношению к инакомыслящим, которые, по мнению ораторов, не подвергались преследованиям (по крайней мере в начале царствования Елизаветы). Именно это имел в виду Н. Бэкон, когда в 1571 г. говорил о милосердии королевы, которой удалось в течение десяти лет правления не обagrить руки кровью подданных, даже если те не разделяли убеждений государыни. Это дало лорду-хранителю возможность еще раз продемонстрировать превосходство истинной протестантской веры, плодом которой является подлинное милосердие, ибо, говорил он: «Я не думаю, что кто-то мог вслед за мной найти подобный пример во времена римской веры, начиная со времени завоевания. Нет, можно утверждать, что это — пример для

¹ Proceedings... Vol. III. P. 185.

² Ibid. Vol. I. P. 36. По сути этот пассаж — парафраз на ряд положений из «De officiis», где справедливость трактуется как защита общества и воздаяние каждому по заслугам (I, V, 15), а щедрость и благотворительность рассматриваются как важнейшие средства завоевания любви подданных (II, IX, 32).

³ Ibid. Vol. II P. 418.

грядущих времен, не имеющий прецедентов в прошлом»¹. Таким образом, моральные добродетели правительницы представлялись следствием исповедуемой ею доктрины.

Одной из доминирующих тем в парламентской репрезентации Елизаветы становится безусловный приоритет, который в ее глазах имеют общественные интересы, благо королевства и подданных перед ее личными склонностями и желаниями — топос, заимствованный у классических авторов и их ренессансных интерпретаторов, с той лишь разницей, что в данном случае он относился не к государственным мужам республиканского Рима, а к королеве, которой приписывалась приверженность своеобразному варианту «монархического» гражданского гуманизма. Со дня ее коронации в официальной елизаветинской пропаганде активно использовался тезис о мистическом обручении королевы с ее нацией. В 1559 г. Николас Бэкон подверг эту метафору своеобразной инверсии, убеждая парламентариев, что государыня не до такой степени «обручена» со своими желаниями и пристрастиями, чтобы ради удовлетворения их совершить что-то такое, что может ввергнуть ее народ в зависимость или рабство, дать справедливый повод к скрытому недовольству или волнениям и даже мятежам, губительным для государства². (Последнее, безусловно, было отсылкой к правлению Марии Тюдор, как и дальнейшие рассуждения о том, что «личные порывы» не должны становиться причиной ссор с другими государями, в результате которых страдают подданные английской короны — явный намек на неудачную англо-французскую войну, в которую страна оказалась втянутой вследствие брака Марии Тюдор и Филиппа Испанского.)

Главное место среди монарших добродетелей отводится любви королевы к ее подданным и постоянной заботе о них. Бэкон отзываясь о ней как о «государыне, для которой ничто — я сказал ничто? — нет, ни одна из вещей этого мира, сущая под солнцем, не дорога так, как сердечная любовь и доброе расположение ее знатных и подданных; и для которой ничто так не противно, как то, что могло бы вызвать или как-то способствовать обратному». «Глубочайшая привязанность и любовь, которые взрастили в ее груди такую заботу о ее подданных» выражаются в том, что она делает все возможное — посвящает свои размышления, изнурует тело в трудах, тратит свои средства ради их безопасности и сохранения мира — «ясное и очевидное доказательство того, насколько драгоценны безопасность и покой ее подданных Ее Величеству»³.

¹ Proceedings... Vol. I. P. 185.

² Ibid.

³ Ibid. P. 36, 185.

Кульминацией в развитии темы любви и самоотверженности государыни становились наиболее прочувствованные и патетические рассуждения о бесконечных финансовых жертвах, на которые королева идет во имя безопасности: она оплачивает армию, флот и строительство крепостей из «личного кошелька», продает коронные земли, берет кредиты, которые затем покрывает из собственных средств, и все это ради того, чтобы не обременять возлюбленных подданных расходами¹. Государыня предстает в речах лорда-хранителя образчиком умеренности, экономной и разумной хозяйкой, которая «расходует свою казну, земли и кредиты не на пышные триумфы, ненужные роскошные постройки, предназначенные для удовольствий, льстящие тщеславию обременительные посольства, не на что-то иное, вызванное прихотью или удовольствием... но, как каждый может судить, на службу ее королевству, необходимую защиту народа и чтобы не давать покоя противнику»². К теме «оптимизации» королевских расходов Бэкон возвращался неоднократно, напоминая о том, что «великолепные, пышные избыточные в своей роскоши дворцы былых времен Ее величество обратила на благо королевства в практические и необходимые постройки; дорогостоящие, блистательные и славные триумфы — в приятные развлечения и зрелища; помпезные, торжественные и дорогие обмены посольствами — в лишенные излишеств, но при этом достойные и приличные». Подобные траты, по его словам, подобно помпам, могли выкачать и осушить струи любого источника, но королева положила этому конец, что особенно удивительно, принимая во внимание ее молодость, которой свойственны увлечения внешним блеском и жажда удовольствий. Однако королева Англии свободна от подобных человеческих слабостей, она «*gata avis*», настоящий Феникс, которым Господь благословил и одарил англичан³. Таким образом, даже экономность Елизаветы, в которой многие современники были склонны видеть обыкновенную скарედность, в особенности в конце ее правления, трактовалась с позиций божественного промысла. Бэкон дважды недвусмысленно говорил об этом в 1563 и 1571 гг., прибегая к одной и той же формуле: если в былые времена королевские развлечения и удовольствия необходимо влекли за собой расходы, теперь, «да славится за это Господь, удовлетворение необходимых потребностей королевства стало удовольствием и досугом королевы, — благородная перемена»⁴.

¹ Подобные пассажи о неустанных трудах и расходах королевы стали общим местом в речах Н. Бэкона, воспроизводимым почти дословно из года в год. Сравн., например, соответствующие места в речах 1563 и 1571 гг. — *Proceedings... Vol. I. P. 84, 185.*

² *Proceedings... P. 85.*

³ *Ibid. P. 187.*

⁴ *Ibid. P. 85, 186.*

Подавая пример ответственности и самоотречения во имя общего блага, которому, по мнению оратора, должны последовать и ее подданные, королева вовсе не желает, чтобы они вслед за ней оказались втянутыми в расходы. Она, по словам лорда-хранителя, глуха к любым предложениям, которые могут оказаться обременительными для ее народа. (Это было вариацией на тему еще одной расхожей максимы управления: мудрый правитель по возможности не должен посягать на частную собственность своих подданных¹.) Королева стремится не брать, а давать, она склонна к щедрости, однако состояние казны, которая досталась ей в наследство, и «истерзанного и разодранного королевства» таковы, что она вынуждена апеллировать к помощи подданных. Тем не менее невозможность проявить щедрость на деле, не лишила ораторов возможности рассуждать об этой черте государыни, в полном соответствии с рецептом Цицерона: «Доброжелательность заслуживают готовностью совершить благодеяния, хотя средств для этого, пожалуй, и недостаточно; но любовь толпы необычайно сильно возбуждается уже одной молвой и толками о щедрости...»² «Какая мука для благородной природы такой правительницы», — восклицал Бэкон, не имея возможности проявлять щедрость и должным образом вознаграждать своих подданных за службу из-за тяжелого финансового положения, в котором находится Англия. Она героически пытается нести бремя расходов одна, и «готова скорее рискнуть своей жизнью, чем беспокоить своих любящих подданных», но, принимая во внимание экстраординарные расходы короны, государыня все же вынуждена обратиться за помощью. При этом она особо оговаривает: «У ее любящих подданных не будут просить или требовать ничего, что они бы не предложили по своей собственной воле, щедро, с добрым расположением, с готовностью, радостно, дружески и свободно», добавляя, что ее вера в них столь сильна, что она не сомневается, «они любовно, заботливо и мудро взвешают и обдумают это важное и весомое дело и такие меры будут приняты немедленно, что и Ее Величество будет сохранена в ее чести и королевском достоинстве, и вы, и остальные ее любящие подданные — в мире и безопасности»³.

Поскольку постоянные утверждения о том, что королеву с трудом удалось убедить в необходимости созыва парламента и новых субсидий, резко контрастировали со все возрастающими на протяжении царствования Елизаветы требованиями короны; лорду-хранителю приходилось убеждать парламентариев в том, что политика королевы

¹ В частности, для Цицерона это одно из условий справедливого правления. «De officiis» (I, VII, 20).

² «De officiis» (II, IX, 32).

³ Proceedings... Vol. I. P. 38.

в этом отношении тем не менее наиболее благоприятна, и никто из прежних английских государей не был столь скромнен в своих финансовых претензиях. В 1571 г. Бэкон напоминал о том, что королева отказалась до половины той суммы, которую вотировал для нее парламент, восклицая: «Виданное ли это дело нас в Англии, читали ли вы о таком?»¹ А Т. Эджертон в 1598 г. безуспешно внушал депутатам: «Каким бы ни казалось налогообложение в наши дни, оно не так велико, как раньше, во времена прежних королей. Во времена Эдуарда III, его непосредственного предшественника и тех троих, кто ему наследовал, платежи общин значительно превосходили те, что были с того момента, как царствует Ее Величество, и это можно проследить по историческим записям»².

Систематическое изложение теории государственного устройства Англии, характера власти и ее естественных границ, безусловно, не входило в задачи лорда-хранителя. Тем не менее контуры определенной официальной концепции неизбежно проступали сквозь напластования слов и риторических фигур. Хотя ни в одной из речей елизаветинского времени прямо не упоминается о «божественной природе» власти королевы, именно к ней отсылают бесконечные рассуждения о том, что Господь непосредственно поставил ее во главе государства.

Представление о верховном характере власти королевы отражалось в применяемых к ней определениях: «наш суверен» (*sovereigne*), «наша суверен» (*our sovereign Lady*). Оба эти термина, как в мужском, так и в женском роде, встречаются у Н. Бэкона³. Лорд Берли в своем наброске вступительной речи для Кр. Хэттона использовал формулировку «неоспоримо суверенная дама и королева» (*undowted soverayn Lady and Queen*), одну из тех тяжеловесных конструкций, которые предпочитали политики его поколения⁴. Наряду с указаниями на суверенный характер правления устойчивые определения, относившиеся к государыне, содержали отсылки к ее непревзойденным личным качествам, неразрывно связанным с высоким статусом (*most excellent, most gratious*). В то же время бросается в глаза, что начиная с 80-х гг. «милосерднейшую королеву» все чаще вместе с тем именовали и «внушающей трепет» (*dread, most dread*), что соответствовало двум ипостасям христианского правителя, способного предстать «в силах», творцом правосудия, в грозном величии уподобляясь Богу-Отцу, и проявить милосердие к подданным, подобающее Христу.

¹ Proceedings... Vol. I. P. 185.

² Ibid. Vol. III. P. 186–187.

³ Ibid. Vol. I. P. 15, 80: 186.

⁴ Lansdowne MS. 104, f. 62; Proceedings... Vol. II. P. 411. Подобные громоздкие формулы любил Бэкон: «наша природная и милостивая суверенная Дама», «наша суверенная Леди и Госпожа». — Ibid. Vol. I. P. 33, 35.

Явные сдвиги заметны на протяжении полувека в использовании королевской титулатуры. Известно, что на протяжении XVI в. манера титулования государей все еще оставалась неустойчивой: более архаичный термин «Высочество» продолжал соседствовать в текстах и устных выступлениях с понятием «Величество», отражающим новый и более высокий престиж королевского титула. Выбор того или иного варианта, по-видимому, не представлял для современников серьезной идеологической проблемы, оставаясь не до конца отрефлектированным. Он мог определяться соображениями стилистики и простым стремлением избегать повторов. Сами государи, говоря о себе, нередко использовали оба термина в пределах одной и той же фразы. Если признать, что предпочтение тому или иному варианту отдавалось почти безотчетно и в нем отражалось «коллективное бессознательное» в отношении к особе монарха, особенно интересно проследить, как именовали королеву во вступительных речах. В ранних выступлениях Н. Бэкона термин «Высочество» преобладал у него над «Величеством» (по нашим подсчетам, их соотношение в 1559 г. выглядит как 10:8, а в 1563 — как 9:7). Однако уже в 1571 г. он отдает предпочтение «Королевскому Величеству» (12:2). Эта тенденция закрепляется у Хэттона, который в 1589 г. именует Елизавету Ее Величеством 33 раза, а Высочеством — 10; и остается неизменной на всем протяжении 90-х гг. (соотношение 42:1 у Пакеринга в 1593 г. и 12:4 у Эджертона в 1598 г.).

Комплекс представлений о суверенной власти был неразрывно связан с теорией имперского характера английской короны. Начиная с эпохи Генриха V английские политические писатели активно эксплуатировали идею об «имперской» власти государя, являющегося «императором в своем королевстве». Однако в XV в. под этим понимался территориальный суверенитет, а представление о верховенстве, выражавшемся термином «*imperium*», ограничивалось сферой светского управления. Теория имперской власти английского монарха приобрела особую актуальность и новое наполнение в эпоху Реформации Генриха VIII. С этого времени представление о полноте власти короля было неразрывно связано с утверждением его авторитета в качестве главы церкви. После недолгого отступления от этого принципа в период правления Марии Тюдор при Елизавете произошло возвращение к тезису об «*imperium*» — высшей и неограниченной власти английских королей как в светской, так и в духовной сфере. Однако один нюанс оставался камнем преткновения для теоретиков и политиков-практиков второй половины XVI в. Поскольку в данном случае на «*imperium*» претендовала правительница-женщина, можно ли было признать, что всей полнотой имперской власти наделена лично

она, или последняя принадлежала абстрактной «короне Англии», как это было сформулировано в «Акте апелляциях»?

Эту дилемму разрешали по-разному, и мнение королевы, не сомневавшейся, что «*imperium*» принадлежит ей безраздельно, далеко не всегда совпадало с позициями даже ее ближайших советников, склонных полагать, что женщина-правительница сможет осуществлять верховные полномочия только с помощью «совета» опытных государственных мужей¹. Совершенно очевидно, что в начале правления Н. Бэкон предпочитал говорить, соблюдая букву закона 1533 г., не об «имперской короне государыни», а об «имперской короне королевства», как некоего абстрактного политического тела. И хотя, по его словам, божественным расположением она бы вверена Елизавете, он придерживается традиционной терминологии и, в частности, упоминает потерю англичанами Кале, захваченного французами, называет ее «потерей для имперской короны королевства»².

Как и во многих иных случаях, обновление политического лексикона совершается в 80-х гг. Когда понятие «имперская корона» вновь появляется в речи Хэттона в 1589 г., оно уже однозначно трактуется как относящееся исключительно к личности королевы (*her imperial crowne*)³. Перенос акцентов определялся не только авторскими пристрастиями и тем, что к этому времени в политике произошла смена поколений. В первую очередь он отражал общие тенденции в репрезентации королевы, нарастании ее культа и сакрализации персоны государыни. В то же время перемены в имперском дискурсе знаменовали собой важные сдвиги в сфере церковной политики. К этому времени королева преодолела некоторые колебания (или то, что казалось колебаниям, но было частью осознанной политики), связанные с ее формальным самоопределением как главы церкви. Известно, что в начале своего царствования, несмотря на принятие нового Акта о супрематии, Елизавета по тактическим соображениям избегала соблазна публично именоваться главой церкви — *caput ecclesiae*. Она также была склонна демонстративно уклоняться от принятия решений по доктринальным вопросам и постановлений по поводу церковного устройства и дисциплины, оставляя их на усмотрение конвокации духовенства. Эта ее позиция, кстати, неоднократно зафиксирована и во вступительных речах в парламенте⁴. Однако с годами, по мере ук-

¹ *McLaren A. N. Op. cit. Pp. 4–9, 18–23.*

² *Proceedings... Vol. I. P. 36.*

³ *Ibidem. Vol. II. P. 419.*

⁴ См., например, пассаж из речи Бэкона в 1563 г., обращенной к прелатам: «Поскольку дела, относящиеся к дисциплине или доктрине, главным образом касаются милордов епископов, вследствие и их осведомленности и их функции в церкви, Ее Высочество ожидает, что они, будучи призваны в

репления ее положения на троне, а также обострения противостояния с католиками и угрозы внутреннего раскола в англиканской церкви, вызванного пуританским движением, королева покончила со всякой неопределенностью и стала недвусмысленно декларировать свое верховенство в церковных делах. Именно в таком политическом контексте из уст Хэттона прозвучало утверждение о том, что «вся полнота авторитета» в делах религии «по праву принадлежит ее [королевы] имперской короне»¹.

Таким образом, в парламентских речах лорда-хранителя, представлявших собой свою образную «матрицу», формирующую у аудитории представления о власти, приемлемые для последней, королева предстает как богоизбранная суверенная правительница, чьи несомненные права на престол определяются как естественным порядком наследования, так и недвусмысленным проявлением Божьей воли. Субстанциональным на протяжении всего царствования Елизаветы является представление королевы как благочестивой правительницы, «правой перед Господом», чья судьба неразрывно связана с судьбами ее народа, залогом процветания которого является истинная вера, насаждаемая и охраняемая протестантской правительницей в английском «земном Эдеме». При этом образ самой королевы претерпевает заметную эволюцию: если в начале царствования он строится на исторических параллелях с ветхозаветными царями, то со временем его символизм становится более всеобъемлющим — в контексте противостояния Антихристу королеву уподобляют Древу Жизни и самому Спасителю.

Личностные качества государыни и ее гражданские доблести представляются производными от ее главной добродетели — веры. Их неизменный набор во вступительных речах определялся как классическими представлениями о качествах истинного правителя (правосудие, милосердие, щедрость, забота о согражданах и любовь к родине), так и во многом созвучными им христианскими представлениями о так называемых теологических добродетелях — вере, надежде, любви и сопутствующих им милосердию и справедливости. При этом наряду с верой ключевыми характеристиками, которым отдавался приоритет в официальных речах, были любовь королевы к своим подданным и самоотречение во имя их блага.

Приблизительно с середины 80-х гг. заметен определенный лексический поворот, отражающий новые тенденции в репрезентации королевы Англии: усиление мотива сакральности ее персоны, демон-

---

этот парламент, возьмут на себя основной труд, чтобы собраться и обсудить эти дела...» — *Proceedings...* Vol. I. P. 82. С аналогичным обращением он выступил от лица королевы и в 1571 г. — *Ibid.* P. 183.

¹ *Ibid.* Vol. I. P. 419.

страция священного трепета, испытываемого перед ней, вытеснение в официальном титуловании менее престижного термина «Высочество» формулой «Королевское величество». Наконец, происходит весьма симптоматичный сдвиг, связанный с трактовкой «имперской короны» Англии: если в начале елизаветинской эпохи это понятие связывают с абстрактной идеей государства, которому принадлежит «корона», то во второй ее половине ее безраздельной обладательницей представляется государыня.

Д. А. Кольчугин

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА АНГЛИЙСКОГО ДВОРА С МОСКОВСКИМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII вехе: РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

По самой своей природе дипломатия всегда носила ярко выраженный ритуальный характер. Тесное переплетение в ней содержательной, деловой и формальной, символической составляющих выражается, в частности, в неослабевающей до сих пор роли протокола¹. Значимость церемониала в международном общении была тем более велика в эпоху Средних веков — раннего Нового времени, когда он пронизывал буквально все сферы общественной жизни, а государство еще не превратилось в обособленный от личности правителя абстрактный концепт². В представлении теоретиков XV–XVII вв. посол оставался прежде всего собственным представителем государя, призванным в прямом смысле репрезентировать его персону за рубежом³. Этой идее соответствовала стереотипная формула кредитивных документов, содержавшая просьбу (*supplication*) относиться ко всему, что скажет и будет делать дипломат на месте назначения, так, как если бы от-

---

¹ См., напр.: Вуд Дж., Серре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. М., 1976.

² См.: Anderson M. S. *The Origins of the Modern State System, 1494–1618*. L.; N. Y., 1998. P. 64–66; Black J. *British diplomats and diplomacy, 1688–1800*. Exeter, 2001. P. 97, 100; Hamilton K., Langhorne R. *The Practice of Diplomacy. It's Evolution, Theory and Administration*. L.; N. Y., 1995. P. 47–49; Kharkhordin O. *What is the State? The Russian Concept of Gosudarstvo in the European Context // History and Theory: Studies in the Philosophy of History*. 2001. Vol. 40. № 2; Skinner Q. *The State // Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge, 1989.

³ См.: Гроций Г. *О праве войны и мира. Три книги...* М., 1994. С. 430; Никольсон Г. *Дипломатия*. М.; Л., 1941. С. 27; Behrens B. *Treatises on the Ambassador Written in the Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // The English Historical Review*. 1939. Vol. 51. № 204. P. 619–620; *The application of certain histories concerning ambassadors and their functions...* by Fr. Thynn taken out Sir R. Cotton's library. L., 1651. P. 1–2.

правивший его суверен сам присутствовал там¹. Предполагалось, что посол своей особой представляет положение и достоинство повелителя. Наряду с достижением прагматических целей внешней политики важным считалось не допустить умаления «чести» представляемого монарха, особенно если ей угрожали встречные претензии принимающей стороны, что вело к бесконечным недоразумениям.

Подобные ситуации неоднократно возникали в отношениях Англии и России — двух столь несхожих в культурном отношении держав, встретившихся друг с другом на очередном историческом повороте, каждая с зачатками имперских амбиций. Инструкции предписывали английским послам при московском дворе тщательно заботиться об охране чести и достоинства венценосной особы, которую они представляли «в своих речах, при вручении писем и во всех иных обстоятельствах», в той мере, в какой это согласуется с местными обычаями и предшествующей дипломатической практикой². На решение этой

¹ В грамоте от 16 сентября 1568 г. Елизавета просила Ивана IV дать ее послу Т. Рэндольфу «такую же веру, каковую удостоили бы дать нам самим, если бы мы лично были перед вами» /*Cui, vt vestra majestatas eandem fidem tribuat, quam nobis ipsis, si praesente istic essemus, tribuere, dignaretur, admodum postulamus/* (Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. Грамоты собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 49–56 (док. № 16)). Точно так же королева обращалась к русскому государю в письме от 19 июля 1583 г. с просьбой, чтобы тот благоволил дать ее послу Дж. Баусу «при исполнении им того, о чем имеет он... наказ... такую же веру», какую бы счел «нужной дать нам, если бы мы сами при сем были» /*rogamus, velit ei eam fidem habere in ijs persequendis quae habet a nobis in mandatis, quam nobis habendam putaretm si essemus praesentis/* (Там же. С. 225–226 (док. № 51); *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation Made by Sea or Overland to the Remote and Farthest Distant Quarters of the Earth at any time within the compass of these 1600 Yeeres. 12 vols. Vol. III. Glasgow, 1905. P. 312–314).*

² Instructions for Sir Richard Lee Knight, sent to the Emperor of Russia: «...to be carefull of the preservation of the honor and dignity of our person whom you shall there represent as well in your speeches, presentation of our letters, as in all other circumstance, as far as it standeth with the customs of those counries». (*Тургенев А. И. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. II. СПб., 1842).* Аналогичный пункт содержится в инструкциях посла Якова IT. Смита (Instructions for Muscovy. Sir Thomas Smith): Дополнения к материалам по Смутному времени на Руси XVII века, собранным В. Н. Александренко // *Старина и новизна. Кн. 17. М., 1914. С. 94, 97.* Ср. также инструкции послу Карла II Дж. Хэбдону (Instructions for Sir John Hebdon, Knight, Our Envoy Extraordinary to the Emperor of Russia): «You shall in your whole negotiations and comportment have speciall care to maintaine and supporte the honor of our Crown and Dignity... having regard... to what hath been the constant usage of that Country and the practice of former Envoyes from other Soverrain Princes and especially from our Royal

задачи направлялись разнообразные средства от посольских даров до включения в состав всех сколь-нибудь значимых миссий т. н. «королевских дворян», или «придворных», которые, являясь как бы «продолжением» королевского двора в чужой стране, выполняли сугубо «декоративные», репрезентативные функции. Олицетворяя статус прибывшего дипломата и соответственно приславшего его правителя, они должны были вместе с послом достойно представлять последнего в глазах зарубежных владык, сопровождая главу посольства во время торжественных выходов и церемоний¹.

В начале XVII в. голландский резидент в России Исаак Масса не без желчи отзывался о способности нации своих конкурентов в Московии производить блестящее впечатление. Описывая приезд в 1614 г. представителя Якова I Джона Меррика, которого сопровождало 44 человека², он отмечал: «Свита этого посла... весьма многочисленна... Англичане одеты пышно, по-королевски; дворяне его свиты набраны отовсюду, слуги его, числом до двадцати, носят красную одежду; при нем 4 пажа, 3 лакея и еще трое или четверо других, добровольно присоединившихся к посольству». Хотя англичане, по словам Массы, «наряжены были словно комедианты», даже такой их убежденный противник должен был признать, что «они умеют показать свою пышность перед этим глупым народом», т. е. русскими, находя, что «москвитяне во многом похожи на англичан. Они так же хитры, так же любят блеск и деньги, а потому эти две нации легко сходятся и хорошо уживаются»³. Впрочем, не обходилось и без явных провалов. Достаточно вспомнить отказ скандально известного посла Елизаветы Дж. Бауса принять присланного ему от имени царя жеребца для следования во дворец, куда неуступчивый джентльмен, «сопровожаемый своими слугами, одетыми в ливреи из стамета» в нарушение обычая отправился пешком под язвительные насмешки уличной толпы⁴.

Ancestors» (*Konovlov S. England and Russia: Two missions, 1667–1668 // Oxford Slavonic papers. 1967. Vol. XIII. P. 60*).

¹ См., напр., о «королевских дворянах» в свите английских послов Т. Смита и Д. Диггса: Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893; С. 6, 14, 16–17; *Konovlov S. Two Documents concerning Anglo-Russian Relations in the Early Seventeenth Century // Oxford Slavonic papers. Series I. 1951. Vol. II. P. 130*.

² См.: *Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Ст. II. СПб., 1869. С. 235; The Dictionary of National Biography Founded in 1882 by George Smith. London, 1949–1950. Vol. XIII. P. 320*.

³ Записки о России XVII и XVIII вв. по донесениям голландских резидентов // *Вестник Европы. 1868. Кн. 1. С. 239–240, 243*.

⁴ *Горсей Дж. Записки о России. XVI— начало XVII в. М., 1990. С. 82–83*.

Успехи и неудачи английской дипломатии в области репрезентации наглядно раскрываются в переписке дворов. Обмен посланиями служил не только средством согласования позиций и разрешения споров между государствами, но и предоставлял монарху замечательную возможность для визуализации идей собственной власти, блеска и могущества. Рассчитанные на публичное бытование, пышно оформленные парадные «инструменты» занимали видное место в торжественной процессии въезда дипломатов в Кремль. В соответствии с нормами московского посольского обычая обернутые в парчу верительные грамоты посла в поднятой руке вез перед ним секретарь верхом на белом коне, украшенном драгоценной сбруей¹. В январе 1635 г. при въезде во дворец английского агента Саймона Дигби джентльмен, служивший при нем в качестве секретаря, стоял перед ним в его санях, «держа в поднятой руке письмо Его Величества на обозрение народа на всем пути следования, по обычаю той страны»². Во время визита к царю Джона Колпепера, эмиссара английского принца в эмиграции Карла Стюарта, привезенную им «королевскую» грамоту нес перед ним один из сопровождавших его джентльменов³. Вручение государственных грамот на первой аудиенции знаменовало официальное начало миссии.

Ввиду указанных обстоятельств в Англии уделяли пристальное внимание внешнему оформлению отправляемых к русскому двору документов. Традиционными объектами художественно-декоративного осмысления в королевских письмах, которые складывались в несколько раз, образуя прямоугольник, и в таком виде запечатывались, являлись: надписанный на внешней стороне адрес (*inscriptio / subscription*), включавший в нашем случае полный титул московского государя, а также свободные от текста верхнее и боковые поля внутреннего пространства грамоты. К этому следует добавить принцип маркирования золотом, реже — красным и/или синим особо значимых элементов (монарших имен, терминов титулатуры, названий государств, имени Господа, заглавных букв начальных слов предложений либо самих этих слов целиком, иногда — даты и некоторых др.) в самом тексте.

¹ Загородняя И. А. Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII веке // Россия — Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. М., 2003. С. 27.

² «A gentleman that served in a place of a secretary stood before me in my sled: holding up his Majesties Letter to the view of the People all the way, as the Custome is in this Country» (*Konovalov S. Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I, 1634–1638 // Oxford Slavonic papers. 1960. Vol. IX. P. 55*).

³ *The Relation of the Lord Culpepers Reception at the Emperiall Cittie of Mosco, 1650 // The Nicholas Papers. Correspondence of Sir Edward Nicholas. Vol. I. London, 1856. P. 183.*

Если во второй половине XVI в. оформление зарубежной корреспонденции было в основном предметом ведения королевской канцелярии (Chancery)¹, то в следующем столетии по мере нарастания специализации внутри внешнеполитического ведомства обязанность по переписке и украшению писем к Московскому государю постепенно закрепляется за особым чиновником — одним из клерков печати. Примерно с сер. 20-х гг. эти функции выполнял Эдуард Норгейт — «one of the Clerks of the Signet Extraordinary», который сначала делил их с другими «писцами» (scriviners), пока 10 марта 1631 г., ввиду того, что из-за такой практики королевские письма оказались достоянием широкой публики, Карл I не передал всю работу по их оформлению в исключительное ведение Норгейта и его подчиненных. В нач. 60-х гг. этим занимался некто Джордж Томлинс, а в кон. 60-х — сер. 70-х гг. королевский писец и художник-иллюминатор (the King's writer, flourisher and embellisher) Гидеон Руайе (Gideon Royer), который в 1669 г. расписал гербами и эмблемами грамоту к царю, отправленную с чрезвычайным посланником сэром Питером Уичем, а в 1676 г. переписал «частично золотом» и украсил «три листа тонкого пергамена, расписанные королевскими гербами, орнаментами и символами в золоте с тремя надписями адреса и ярлыками по большей части в золоте» — письма «Императору России», одно из которых доставил в Москву английский посол Джон Хэбдон².

Изучение находящегося в РГАДА собрания подлинников грамот английских государей к высокопоставленным русским корреспондентам за период с 1557 по 1687 г. свидетельствует о постепенном совершенствовании принятой системы декора³. В этом отношении письма

---

¹ В плане иллюстрации к этой работе можно привести распоряжение лорда-хранителя печати Николаса Бэкона, данное им в связи с отправкой в Москву посольства Э. Дженкинсона 1 июня 1561 г. Томасу Коттону, одному из младших клерков канцелярии /the under Clerk of the Hanaper in the Court of Chancery/, о том, чтобы тот выделил шнурок длиной 8 ярдов (более 7 метров), сплетенный из золотых и серебряных нитей, для украшения нескольких патентных писем королевы к русскому императору и персидскому суфию. (*Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья I. СПб., 1865. С. 63, прим.).

² CSPD, Charles I. 1625, 1626. P. 209; CSPD, Charles I. 1629–1631. L., 1860. P. 532; CSPD, October 1668 — December 1669. L., 1894. P. 163; CSPD, March 1st, 1676 — February 28th, 1677. L., 1909. P. 340.

³ Российский государственный архив древних актов. Фонд 35. Сношения России с Англией. Опись 2. Грамоты. Следует учитывать неравномерность хронологического распределения единиц фонда, в котором содержится: 17 грамот Елизаветы, 13 — Якова I, 44 — Карла I, по одному посланию царям от парламента и лорда-протектора О. Кромвеля, 30 писем Карла II и 2 — Якова II, а также плохую сохранность целого ряда памятников, оказавшихся

Елизаветы выглядели более чем скромно в сравнении с грамотами позднейшего времени, которые смотрятся гораздо внушительнее эпистола английской королевы. Более или менее богато иллюминированные экземпляры являются редкостью среди ее посланий¹, а сколь-нибудь устойчивой тенденции к наращиванию декоративных элементов на протяжении елизаветинского царствования, равно как и четкой зависимости между содержанием письма и его внешним видом, не прослеживается. Чем бы ни объяснялось такое положение — известной ли бережливостью королевы, влиянием позднеренессансной эстетики или особой близостью отношений двух стран в тот период, — все это не идет ни в какое сравнение с богатой орнаментацией, яркой колористикой и развитой декоративной системой посланий к московскому двору наследников Елизаветы. Начиная примерно с 1620-х гг. на широких полях грамот первых Стюартов буйными цветами золота, серебра, синего, зеленого, красного, розового, фиолетового, лилового и других оттенков расцветает настоящее «узорочье», свойственное наступающему барокко. Приблизительно с этого времени практически все письма английских монархов к русским корреспондентам приобретают вид настоящих «хартий» (charters), богато декорированных в соответствии с эстетическими представлениями новой художественной эпохи.

В орнаменте королевских грамот типичные барочные женские головки и крылатые розовощекие ангелочки-путти, головы фантастических существ и разинувших зубастые пасти чудовищ, драпировки, вазоны с фруктами, гроздья винограда органически переплетаются с национальными символами, обычно интерпретируемыми в качестве

недоступными для непосредственного изучения. Из 110 грамот нами обработано 73: 12 — Елизаветы, 10 — Якова I, 27 — Карла I, 1 — английского парламента, 1 — О. Кромвеля, 21 — Карла II и 2 — Якова II.

¹ См., напр., латинскую грамоту Елизаветы к Ивану IV от 25 апреля 1561 г., которая дает наглядное представление о максимально разработанной декоративной системе елизаветинских документов. Широкие края большого прямоугольного листа пергамена, по длине которого помещен текст, заполняет полихромный, содержащий синий, голубой, зеленый, красный, коричневый и золотой тона, растительный орнамент из листьев, цветов и ягод. Среди них в центре вверху находится изображение гербового щита под имперской короной, у основания которого в золотом картуше начертан девиз английских королей: «Dieu et mon droit» /Господь и мое право/. Кроме того, в отделке полей присутствуют увенчанные такими же коронами цветы розы и чертополоха и золотые инициалы ER — Elizabetha Regina — на темно-синем фоне внутри лаврового венка в верхнем правом углу. Заключенная в отдельный прямоугольник витая заглавная буква монаршего имени эффектно выделяется на лиловом с золотыми крапинами фоне, а остальные слова первой строки написаны крупно золотом по темно-синему (РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 2).

зримого выражения идей династической преемственности и государственной мощи Великой Британии: цветами маргаритки — личной эмблемой матери Генриха VII Маргариты Бофор; пятилепестковой розой шиповника — знаком династии Тюдоров и двойной розой — символом объединения двух домов, Ланкастеров и Йорков. Сюда же относятся изображения чертополоха и золотой французской лилии, а также характерная для XVII в. композиция, состоящая из соединенных друг с другом половинок цветков этих двух растений, либо, как вариант, кустов розы и чертополоха, произрастающих из одного корня, — зримый символ унии двух королевств, возникшей с утверждением в 1603 г. на английском престоле шотландской династии Стюартов, — куда могла добавляться и лилия. Многократно повторяющимся элементом внешнего оформления абсолютного большинства документов была «закрытая» (имперская) или, реже, «открытая» (королевская) корона, которая венчала геральдические композиции или являлась их составной частью, но также использовалась и самостоятельно. Иногда, вынесенные на поля, независимое звучание приобретают инициалы монаршего имени, что можно наблюдать в некоторых грамотах Елизаветы, Карла I и Карла II. С течением времени в облике официальных английских посланий к московскому двору обнаруживаются совершенно отсутствовавшие в прежних памятниках предметы государственной символики — различные варианты георгиевского и андреевского крестов, принадлежащих святым патронам Англии и Шотландии. И это не считая бесчисленных золотых львов, стягов с леопардами и прочей атрибутики подобного рода.

Самым распространенным элементом в оформлении дипломатической корреспонденции на протяжении всего изучаемого периода являлось традиционное изображение государственного герба, который, как правило, помещался вверху на центральной оси лицевой и/или оборотной сторон листа, но иногда фигурировал и в других контекстах. В XVII в. в самом полном виде он представлял собой многократно поделенный щит, в 1-й и 3-й четвертях которого помещались два аналогичных по своей внутренней структуре четырехчастных поля, содержавших в наиболее почетных 1-й и 3-й четвертях французскую (три золотые лилии на голубом), а в оставшихся двух — английскую (три золотых леопарда на красном) символику. Во 2-й и 4-й четвертях щита находились огненно-красный шотландский лев на золотом и золотая ирландская арфа на голубом. По периметру на голубой ленте помещался девиз ордена Подвязки, гласящий: «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает» (*Honi soit qui mal y pense*), а у основания щита — девиз английских королей: «Господь и мое право». Щит поддерживают стоящие на задних лапах слева и справа соответственно

золотой английский лев в имперской короне и шотландский единорог с королевской короной-обручем на шее. Сверху герб венчает большая «закрытая» корона, которая в поздних памятниках часто покоится на рыцарском шлеме, а на ней стоит на четырех лапах золотой лев в такой же короне на голове. Все это помещается под горностаевым багдахином, края которого со временем превращаются в подобие крыльев. Минимально же изображался только щит обычно под имперской короной, но ее могло и не быть, равно как девизной ленты вокруг и тем более щитодержателей.

К нач. 1660-х гг. английская дипломатическая канцелярия выработала довольно жесткий стандарт иллюминирования писем к московскому двору, который с незначительными отклонениями воспроизводится во всех известных нам документах того времени, начиная, по крайней мере, с двух парных, датированных 25 и 27 мая 1663 г. посланий Карла II к царю, в которых король благодарит его за присылку «великих послов» Петра Прозоровского, Ивана Желябужского и Ивана Давыдова, уведомляет о взаимности дружеских чувств и декларирует намерение всемерно способствовать укреплению союза между двумя странами. Оба эти сугубо протокольные документы богато оформлены на больших прямоугольных листах пергамена. Адрес помещен в обрамлении из тонких, густых, причудливых завитков и не представляет особенного интереса. Зато убранство тела грамоты смотрится очень эффектно. По белом фону чрезвычайно широких полей в толстой темно-красной обводке расположены крупные и довольно реалистически выписанные изображения разных плодовых растений, цветов и ягод. В верхнем поле слева направо располагаются: ветка вишни, стоящий на большой имперской короне на 4-х лапах золотой лев в короне; роза, несколько смещенное вправо относительно середины листа максимально полное изображение английского герба, чертополох и сидящий на имперской короне огненно-красный лев с мечом и скипетром в лапах. На левом и правом полях симметрично сверху вниз на фоне бурной флоры помещены крупные клейма с элементами английского гербового щита под большими «закрытыми» коронами: 3 золотых леопарда по красному; 3 золотые лилии по голубому; огненно-красный лев по золотому и золотая арфа на голубом. Огромный толстый золотой инициал королевского имени располагается внутри отдельного квадрата, который заполнен мельчайшими золотыми завитками. Такие же завитки оплетают большую букву S в слове Second первой строки с именем английского государя, написанной золотом очень крупно готическим шрифтом¹.

¹ РГАДА. Ф. 35, оп. 2.

По контрасту с «минимализмом» оформления грамот Елизаветы — первых лет правления Якова в XVII в. наблюдается явная тенденция к усложнению системы геральдических изображений и символов, что выражается в появлении на полях дипломатических посланий, наряду с эмблемами основных «доминионов» Британской короны, гербов отдельных территорий и графств (Уэльса, Корнуолла и др.), а также в выносе в самостоятельные клейма составных компонентов государственного герба Англии. Число подобных изображений, покрывавших поля многих документов независимо от их назначения и содержания, будь то верительная грамота посла или рекомендательное письмо в пользу одного из английских подданных, колебалось от нескольких штук до десятка и более¹. Можно предположить, что такое наращивание геральдики как-то связано с восприятием англичанами русской практики перечисления в титуле государя всех подвластных ему земель и стремлением визуально подчеркнуть равный статус обеих «имперских корон» (Emperiall Crownes) — Англии и России². Эта догадка находит косвенное подтверждение в тексте сохранившейся в записях Посольского приказа речи, произнесенной в начале XVII в. в Москве послом Якова I Томасом Смитом. Титул английского монарха раскрывается по аналогии с титулом московского царя полностью в торжественном объявлении дипломата, что он прислан от «великого Короля Аглинского, Шкотского, Францовского, Хибирского, оборонителя веры, Короля острова Веихта, Ярнзы Джарды Манна Англсея и многих островов Оркаденских, Государя северные и полуденные земель, Вялсы Князя Карнавальского Ланкасторского и Оркского, Государя и великого владетеля Уских морев и держателя

¹ Если на полях адреса грамот Якова I к Михаилу Федоровичу от 1 июня 1622 г. и от 20 мая 1623 г. помещалось в первом случае 5, во втором — 4 отдельных геральдических медальона, а в письме Карла I к царю от 1 июня 1625 г. их стало 6, причем среди них появились отсутствовавшие в прежних экземплярах два скрещенных белых пера; белый лебедь с королевской короной-обручем на шее и восседающая верхом на замке белая хищная птица, то на полях тела грамоты того же монарха от 1 февраля 1626 г. число геральдических композиций возрастает до 9. В его послании к московскому государю от 2 июня 1627 г. с обеих сторон листа их в сумме 13, не считая инициалов королевского имени, а в грамоте от 20 апреля 1629 г. это количество достигает в совокупности 16, без учета изображения английского герба на кустодии. В дальнейшем численность отдельных государственных символов колеблется в приблизительных пределах от 2–4 до 6–9, пока во второй половине столетия не стабилизируется на цифре 7–8, притом что фиксированным становится также их общий набор. (Ср.: РГАДА. Ф. 35, оп. 2. № 30, 33, 36, 37, 39, 41, 46, 58, 62, 63, 68, 77–79, 80, 81, 89, 91–114).

² Так, в частности, в грамоте Якова I к патриарху Филарету от 1 июня 1622 г.: Там же. № 32.

розных крепких городов и устей в Недорлянской земле Флюшина Брилля и Рамеркинся и с ыными многими королевствы, княжествы и государствы»¹.

Репрезентативные возможности дипломатической корреспонденции ярко раскрываются в переписке с Россией времен английской революции, что мимоходом подметила американская исследовательница Дж. Фиппс². Когда в сер. 1640-х гг., в разгар гражданской войны в Англии, туда прибыл гонец царя Герасим Дохтуров, парламент, заинтересованный в поддержании нормальных коммерческих отношений с Московским государством и желая произвести благоприятное впечатление на его представителя, явно хотел сделать миссию русского дипломата достойным широкой гласности, заодно изобразив ее в наиболее выгодном для себя свете, свидетельством чего служит, между прочим, заметка в лондонском информационном бюллетене. В заключении помещенного там под 13 июня 1646 г. описания приема в парламенте московского гонца специально подчеркивалось, что «после того как он сообщил обеим палатам о добрых чувствах своего великого господина... он был заверен спикерами... в искренней дружбе и уважении нашего королевства. И ему была вручена *очень красиво оформленная грамота на тонком пергамене*»³.

Насколько позволяют судить сохранившиеся фрагменты декора, это письмо представляло собой попытку возродить во внешнем виде документа строгую и одновременно торжественную, но уже несколько подзабытую к тому времени стилистику прежних королевских посланий. То, что при иллюминации данной грамоты явно имели в виду старые образцы и пытались их копировать, прослеживается во всем: и в темно-синем, рассеченном на ромбы тонкими двойными линиями фоне первой строки, выполненной характерными толстыми фигурными золотыми литерами; и в плотном, состоящем из переплетающихся золотых с вкраплениями зеленого, синего и красного завитков и листьев орнаменте широких, в толстом золотом обрамлении полей, которые, как и раньше, завершались изображением подвесок из трех черных жемчужин; и в размещении сверху и по бокам в 5 отдельных клеймах привычных геральдических символов (государственного герба Англии; золотого льва в имперской короне, стоящего на ней же; сидящего на короне огненно-красного шотландского льва

¹ Александренко В. Н. Материалы по истории Смутного времени в России XVII века // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 218.

² Phipps G. M. The Russian Embassy to London of 1645–46 and the abrogation of the Muscovy Company's Charter // Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 2. P. 260.

³ The Moderate Intelligencer, Number 67. L., 1646. Цит. по: Рогинский З. И. Поездка Г. С. Дохтурова в Англию в 1645–46 гг. Ярославль, 1959. С. 9.

с мечом и скипетром в лапах; а также увенчанных «закрытыми» коронами золотых французской лилии и арфы на голубом). К этому для большего эффекта добавились в верхних углах два круглых живописных медальона с пейзажными изображениями, на одном из которых, передающем типично английский ландшафт, над зелеными полями, пересеченными крепостной стеной, на холме возвышается замок с развевающимся на фоне голубого неба георгиевским стягом, а на другом теснятся на волнах эскадра из трех кораблей и шлюпка с гребцами — мотивы для официальных бумаг довольно редкие и автоматически отсылающие к грамоте Карла I Михаилу Федоровичу от 10 августа 1630 г., на полях которой, на том же самом месте, были помещены две выполненные в той же реалистической манере контрастирующие друг с другом миниатюры: парусник на тихой морской глади и разбивающийся о скалистый берег прибой¹.

В то время как созданная в условиях новой художественной эпохи другим мастером реплика неизбежно получилась несколько отличной от прототипов, уступив им в тщательности исполнения, хотя все равно впечатляющей, показательна сама тенденция к такой «архаизации». Стремясь подчеркнуть свою легитимность в качестве высшего правительственного органа и одновременно преемственность верховной власти в стране, парламентарии не только сознательно сохранили, но через отсылку к прошлому намеренно акцентировали государственную, королевскую по своей сути символику, тем самым дав Москве понять, что даже при наличии серьезных разногласий с монархом и возникшей между ними распри речи о коренных политических преобразованиях, а значит, и об изменении характера отношений между двумя державами не шло.

В свою очередь, вынужденный покинуть столицу король на первых порах пытался вести внутреннюю и внешнюю политику так, как будто он по-прежнему находился в Лондоне. Стремление Карла Стюарта подчеркнуть незыблемость основ своей власти и стабильность правительственного механизма отразилось во внешнем виде, формате и содержании отправленных им в начале 1640-х гг. Михаилу Романову посланий, которые представляли собой типичные королевские письма. Их поля, как и раньше, украшал привычный орнамент из стилизованных изображений цветов, фруктов и животных, перемежающихся гербами и эмблемами королевских земель. Вместе с тем углубление внутригосударственного конфликта не могло не сказаться на характере внешнеполитической корреспонденции. Как бы соревнуясь с противниками в репрезентации, свое письмо к царю из Йорка от 7 декабря 1646 г. с просьбой разрешить Люку Найтингелу закупку в Рос-

¹ Ср.: РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 48, 78.

сии хлеба Карл II оформил в целом по тому же образцу (и даже более роскошно), что и предыдущие грамоты, однако с недвусмысленными новациями в декоре. Отличительной чертой послания, исходящего от государя, пребывающего в состоянии войны со своими подданными, является использование специфической воинской символики вместо традиционных геральдических изображений. В центре верхнего поля в барочном обрамлении находится овальная «ампирная» композиция, состоящая из доспехов, шлема и знамен. Справа и слева от нее располагаются еще два клейма, в одном из которых изображены барабаны, а в другом — шлем. Вероятно, нечто подобное помещалось на синем и черном фоне отстоящих еще дальше от центра овалов поменьше, миниатюры внутри которых не сохранились. Однако едва ли не самым замечательным элементом всего декора является помещенный в отдельном квадрате на горностаевом фоне очень крупный синий, перевитый золотыми шнурами инициал С, окружающий корону, пронзенную скрещенными мечом и скипетром¹.

Потерпев поражение в войне и вынужденный временно примириться с парламентом, король в письме к Алексею Михайловичу от 31 марта 1647 г. с выражением сожаления по поводу того, что Г. Доктуров не был к нему, Карлу, отпущен, почти целиком, за исключением некоторых геральдических изображений, которые заменили другие, повторил тот же тип украшения (включая пейзажи), который в свое время использовал парламент. Можно думать, что, поступая таким образом, Карл указал на стабильность своих позиций как внутри собственной страны, так и по отношению к русскому государю, к которому «по успокоении мятежа» обещал прислать своего посла, если только данное письмо, являющееся прямым отголоском парламентской грамоты, вообще не было продиктовано теми же самыми людьми, которые участвовали в составлении последней. Во всяком случае, нельзя отрицать давления парламента на плененного и содержавшегося под его контролем в Холденби-хаус (Нортгэмптоншир) короля. По крайней мере, все это выглядит вполне вероятным, учитывая то обстоятельство, что как предыдущее, так и последующее королевские послания к царю отличались по своему содержанию и внешнему виду от указанного. После того как король бежал на остров Уайт и конфликт вспыхнул с новой силой, Карл в своей грамоте к Алексею Михайловичу от 1 июня 1648 г. вернулся к прежней системе декора².

Примеру отца последовал его лишенный родительского престола сын. Оказавшись в эмиграции, принц Карл уделял большое внимание позиционированию себя в качестве законного государя на внешней

¹ РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 76, 77, 79.

² См.: Там же. № 80, 81; Phipps G. M. Op. cit. P. 268, 271–274.

арене, в т. ч. в глазах московского царя, к чьей поддержке он апеллировал. Верительная грамота английского посланника к царю Алексею лорда Дж. Колпепера, выданная 16 сентября 1649 г. на «королевском дворе, находящемся в настоящее время в укрепленном замке Сен-Жермен», в которой высокородный изгнанник напоминал своему корреспонденту об «отвратительном и беспрецедентном убийстве священной особы» короля «извергами рода человеческого» наряду с «нечестивыми попытками» восставших подданных не только исключить его из права наследования, перешедшего к нему «от столь многих знаменитых и прославленных предков, но также ниспровергнуть самую монархию и всякую королевскую власть», и просил о займе в £50 000, по формату пергаменного листа превосходила многие образцы грамот его предшественников на английском троне и имела самый нарядный вид. По золоту ее широких полей был пущен пышный, многоцветный, с оттенками красного, розового, синего, оранжевого, фиолетового, зеленого узор из крупных, переплетающихся между собой листьев и довольно натуралистично изображенных цветов, а первые две строки текста: «Charles the Second of that Name, by the grace of God...» — выписаны крупными, строгих геометрических форм, золотыми, с черным оттенением заглавными буквами по голубому.

На таком внушительном фоне, попади он все-таки в Москву, представитель Протектора Республики Англии, Шотландии и Ирландии Ричард Брэдшоу явно проигрывал своему сопернику из роялистского лагеря с верительной грамотой от Оливера Кромвеля (10 апреля 1657 г.), которая представляла собой самое обыкновенное, лишенное вообще какого бы то ни было декора, белое написанное простыми чернилами с обеих сторон небольшого листа бумаги письмо. В данном случае скромность была далеко не лучшим способом для того, чтобы выразить и без того недружественно настроенному по отношению к республиканскому режиму природному российскому монарху «свою исключительную преданность и высочайшее уважение» и побудить его благосклонно отнестись к посланнику, который должен был вести переговоры о поддержании дружественных отношений между странами и о восстановлении привилегий английской торговли¹. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что возможности лишенной постоянного места пребывания королевской канцелярии были, естественно, ограничены, и приходилось экономить на роскоши там, где это было возможно².

¹ РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 83, 86.

² Так, данная Карлом II в Кельне желающему поступить на русскую службу генералу Томасу Далиелу рекомендательная грамота имела сравнительно небольшой размер и очень скромное оформление: надписанный на обороте адрес и основной текст письма были просто обведены зеленой с золотым

Видимая произвольность в украшении грамот ограничивалась необходимостью придерживаться негласных этикетных норм постольку, поскольку в Москве подчас весьма болезненно реагировали на появление непривычных декоративных элементов, как это было в случае с письмом Карла I от 20 декабря 1636 г. по поводу английской дворянки Анны Барнсли, будто бы насильно обращенной в православие. Из ответного послания царя следует, что в оформлении данной грамоты, наряду с ошибочным написанием государева титула, якобы впервые было использовано портретное изображение английского монарха. В России не оценили этого нововведения: «да в той же... грамоте написано мимо прежнего обычая ваша брата нашего королевская парсона неведомо для чего», тогда как «с парсонами, — читаем в письме Михаила Федоровича, — отца вашего и в ваших... грамотах нам... николи не писывали. И то ныне учинено вновь, мимо прежних обычаев, чего наперед сего николи не бывало. И нам то стало в подивленье». Поэтому в будущем от английского короля требовалось писать, как раньше — «бес парсоны»¹.

Ввиду отсутствия в нашем распоряжении оригинала мы не имеем возможности составить более определенное впечатление о том, что представлял собой вызвавший нарекания портрет. Впрочем, можно смело утверждать, что в данном случае русские были не совсем правы, требуя от англичан следовать утвердившемуся обычаю, поскольку прежде в Москве уже видели грамоты с изображениями английских государей, по крайней мере, однажды — в 1623 г. В оформлении письма Якова I к Михаилу Федоровичу от 20 мая внутри большого темно-малинового с золотым и белым заглавного инициала королевского имени помещена довольно крупная и весьма тонко исполненная с претензией на реализм и портретное сходство миниатюра, изображающая восседающего на троне монарха в имперской короне и красной, подбитой и отороченной горностаем мантии, с цепью и знаком ордена Подвязки на груди, который в правой руке держит меч правосудия, а левой опирается на державу. Вместе с указанной эта грамота, которая всем своим видом явно выбивается из ряда современных ей королевских посланий к московскому двору, представляет один из очень редких образцов использования портретного образа суверена в декоре такого рода официальных бумаг².

рамкой, а первая строка с именем короля написана крупнее (РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 87).

¹ См.: *Kononov S. Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I. P. 50–51; Phipps G. M. Britons in Russia: 1613–82 // Societas. A Review of Social History. 1977. Vol. VII. № 1. P. 22.*

² РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 33.

Остается лишь догадываться, почему во втором случае реакция русских оказалась столь негативной. Возможно, это объяснялось их нежеланием обременять себя необходимостью равноценного ответа постольку, поскольку изготовление подобного документа предполагало по меньшей мере наличие в Посольском приказе специалиста-художника, способного искусно выполнить миниатюрный портрет государя. Такое поведение несколько проясняется, если принять во внимание обстоятельства дела, давшего повод к обмену письмами. Судя по всему, дочь проживавшего в России англичанина, вышедшая замуж за принявшего русскую веру и подданство французского барона, действительно в юном возрасте была обращена в православие по личному распоряжению патриарха Филарета и в соответствии с российскими нормами, требовавшими от супругов единоверия. После смерти мужа Anne, которая отныне считалась подданной царя, было отказано в возможности вернуться к прежнему исповеданию и выехать с детьми на родину, т. к., с точки зрения московских властей, это нанесло бы «истинной Православной вере... поруганье»¹. В столь щекотливой ситуации, когда за несчастную женщину просил сам король, в Москве предпочли перевести дискуссию в процедурную плоскость, чтобы положить конец дальнейшему обсуждению неудобного вопроса — прием, хорошо опробованный еще в грозненские времена.

Ввиду того симптоматичного факта, что с течением времени отказов удовлетворить ту или иную просьбу англичан становится все больше, эту частную неудачу английской дипломатии в области репрезентации следует рассматривать на более широком фоне эволюции взаимоотношений двух стран в рассматриваемый период. Произошло то, о чем еще в 1589 г. предупреждал посол Елизаветы Джайлс Флетчер, который по возвращении из Москвы, где, очевидно, догадывались о реальной процедуре составления дипломатических посланий, за многими из которых стояли ходатайства Московской торговой компании или частных лиц, указывал на падение в глазах русских авторитета королевских грамот. Среди мер, необходимых, по его мнению, для того, чтобы «умилостивить Русского Императора в интересах купцов», дипломат рекомендовал обставлять посылаемые царю «письма, договоры и подарки ее высочества» таким образом, «чтобы в самом деле казалось, что они исходят от нее самой... а не от купцов, как, он убежден, происходит до настоящего момента, и поэтому отвергает их, и мало уважает обязательства, данные от ее имени, потому что (как

---

¹ Подробнее об этом казусе см.: *Kononov S. Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I. P. 36–38.*

он говорит) они исходят всего лишь от мужиков»¹. Два года спустя управляющий Московской компанией Джордж Барн, апеллируя к лорду-казначею Уильяму Берли по поводу намерения Елизаветы обратиться (по просьбе Якова VI Шотландского) к царю с ходатайством об освобождении из московского плена одного шотландского капитана, ссылаясь на различные письма королевы за отдельных людей и относительно всяких малозначимых дел, результатом чего стало, по его словам, то, что царские чиновники находят письма ее Величества «весьма дешевыми» /...the Queen of England letters are good cheap/².

Это стало еще более очевидным по мере приближения к середине XVII столетия, когда в связи с нарастанием в английской дипломатической корреспонденции потока «мелких» просьб индивидуального характера (о даровании тому или иному лицу права на закупки и вывоз зерна, дегтя или других продуктов, въезд или выезд из страны и т. д. и т. п.) происходит стремительная «девальвация» королевских посланий в глазах московских властей. Бывший в 1635–1640 гг. агентом в России С. Дигби доносил госсекретарю Джону Коку о том, что он слышал, будто «в последнее время не оказывается должного уважения письмам Его Величества» /...there hath not been fitting respect given unto his Majesties Letters/. Как ему сообщили, некоторые из царских министров не стесняются прямо говорить о том, что за £20 любой может добиться от английского короля письма в свою пользу. В связи с этим, побуждаемый желанием оградить «честь» своего монарха от подобных неліцеприятных инсинуаций, Дигби просил своего «шефа» в Лондоне, если тот сочтет необходимым, сообщить об этом королю³. Однако обращение не возымело действия, т. к. 7 сентября 1637 г. агент вновь писал Коку «относительно частых писем, которыми его Величество соблаговолил пожаловать различных своим подданных в этой Империи [России] [и] о которых министры здесь не упускают случая невысоко отзываться, поскольку они считают их, скорее, милостями [исходящими] от его Секретарей, нежели тем, что действительно было угодно его Величеству /... which the Ministers here tooke occasion to make light account of, as judging them rather favors from his Secretaryes then anything that was really desired from

¹ «If hir Highnes Letters, treaties and presents sent to him bee so ordered as that they seem indeed to coom from himself and hir good affection, and not from the Marchants (as hee is perswaded still they doe), and thearfore reiecteth them, and little regardeth the treaties doon in hir name, bycause (as hee sayeth) they coom but from the Mousicks» (The English Works of Giles Fletcher, the Elder. Madison, 1964. P. 378).

² Willan T. S. The early History of Russian Company. Manchester, 1956. P. 221–222.

³ Kononov S. Seven Letters of Tsar Michail to King Charles I. P. 46–47.

his Majestie/; и они не стесняются говорить, что любой человек мог бы иметь королевское письмо за £20» /... that any man might have the King Letter for £20/. Озабоченный сложившейся ситуацией, Дигби повторно ходатайствовал перед государственным секретарем с тем, чтобы тот побудил Карла I приостановить эту практику до тех пор, пока он не убедится в уважительном отношении к тем его письмам, которые уже были написаны¹. Тем не менее сколь-нибудь ощутимых мер к исправлению положения английскими властями принято не было. Во второй половине столетия знаменитый министр царя Алексея Михайловича А. Л. Ордин-Нащокин выражал удивление по поводу обилия рекомендательных писем королей, дававшихся без достаточного разбора по соображениям личной выгоды: «Также нам кажется странным, зачем часто присылаются к нам письма от короля английского, с просьбой за частных лиц, как будто наш царь не довольно печется как об русских, так и об иностранцах... не знаю, что они [эти письма] стоят в Англии»². Имея в виду выраженные в королевских грамотах многочисленные частные просьбы к русскому царю, И. И. Любименко заметила, что «с 1629 г. Карл особенно нуждался в деньгах, а за рекомендательные письма, вероятно, получал известную плату; поэтому просьбы его вызывались не только соображениями государственной нужды (как, например, о закупке в России хлеба в 1628–1632 гг. — в период хронических недородов в Западной Европе), но и личной выгоды, и это, по-видимому, учитывалось при московском дворе»³.

Описанная ситуация отразила назревание (по мере выявления существенных экономических и внешнеполитических противоречий) определенного кризиса в отношениях двух стран, вполне обозначившегося ближе к концу XVII в.⁴ В пору, когда Московское

---

¹ «...to move his Majesty to stay his hand in that particular, until such time as he should understand what respect would be given unto those letters which he has already written» (*Ibid.* P. 61. См. также: *Vinogradoff I. Russian missions to London. 1569–1587 // Oxford Slavonic papers. New Series. Vol. XIV. 1981. P. 43*).

²Цит. по: *Любименко И. И. Переписка и дипломатические сношения первых Романовых с первыми Стюартами // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915. Ч. LVIII. С. 102.*

³Там же. С. 97.

⁴Ср.: *Любименко И. И. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией // Русское прошлое. 1923. Сб. 5; Она же. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1933. Серия VII. № 10; Соколов А. Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI—XVIII веках. Ярославль, 1992. Гл. 1, 2; *Arel M. S. Masters in their own house: The Russian merchant élite and complaints against the English in the first half of the seventeenth century // Slavonic and**

государство, вполне осознав свои цели, заявило претензии на самостоятельную роль в международной жизни и предприняло шаги в сторону перехода к новой экономической политике под влиянием идей раннего меркантилизма, а Англия утратила статус наиболее благоприятствуемой нации и столкнулось с острой конкуренцией на российском рынке, от ее руководства требовалась большая гибкость для защиты интересов страны за рубежом. Однако, как показывает проведенный анализ, в Лондоне не до конца учитывали изменившийся характер англо-русских отношений.

При том важном значении, которое придавали в Англии дипломатической переписке как инструменту поддержания нормальных отношений с Россией, решения конкретных проблем, аккредитации отечественных представителей в чужом государстве, выражения международной вежливости, а также артикуляции государственной власти вовне, нельзя не заметить известного противоречия в деятельности английского внешнеполитического ведомства в указанном плане. Это выразилось в постепенном нарастании разрыва между двумя — прагматическим и репрезентативным — аспектами. Если во 2-й пол. XVI — нач. XVII в., когда адресуемые русским властителям королевские послания выглядели достаточно скромно, почти как частные письма, несмотря на возникавшие конфликты, в конце концов удавалось сглаживать разногласия и достигать взаимопонимания между двумя странами, то в дальнейшем, с ростом формализации корреспонденции, которая утрачивает первоначальный колорит межличностной переписки, а также по мере совершенствования и стандартизации внешнего вида грамот, которые в большей степени служат теперь целям репрезентации монаршей власти (притом что для посланий Стюартов, равно как и Елизаветы Тюдор, не удается установить сколь-нибудь устойчивой связи между содержанием документа и его внешней атрибутикой)¹, поступающие в Москву из Англии

East European Review. 1999. Vol. 77. № 3. P. 401–47; Lubimenko I. I. Les Relations Commerciales et Politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand // Bibliothèque de l'École des Hautes Études: Sciences philologiques et historiques 261. Paris, 1933.

¹ Едва ли не самой роскошной во всей коллекции является выданная в пользу частного лица, но в высшей степени представительная грамота Карла I к царю Михаилу от 20 апреля 1629 г. Уже один только ее формат впечатляет. Ради того чтобы разместить небольшой текст с рекомендацией находящегося на русской военной службе англичанина Джона Скрупа, был использован почти квадратный лист пергамента, значительно превосходящий в длину и в ширину полметра. Адрес на обороте находится в обрамлении очень широких, обведенных малиновой с золотым рамкой полей, по бирюзовому, с мелкими светлыми точками фону которых стелится плотный орнамент из крупных золотых завитков и листьев и помещено 5 геральдических изоб-

многочисленные официальные послания заметно теряют вес в глазах русских властей, а двусторонние межгосударственные связи лишаются своей первоначальной близости и тесноты. В России, стоявшей на пороге реформирования своего дипломатического делопроизводства и всей административной системы¹, от писем английских государей ждали не только и даже не столько внешнего блеска и словесных заверений в дружбе, в сторону чего все больше смещался акцент в этих документах, сколько практически выраженного стремления к сотрудничеству в том виде, как его понимали в Москве.

ражений. Такой же насыщенный золотой узор покрывает и обычно пустую противоположную от *inscriptio* внешнюю сторону письма за сгибом, часть которой занимает выступающий за пределы листа притороченный к нему ромб. В центре этой вырезанной из пергамена скрывающей сохранившуюся до сих пор печать кустодии, плоскость которой покрывает все тот же витой стилизованный растительный орнамент по бирюзовому с крапинами фону, в золотом солнечном круге строго над центром оттиска находится выпуклое овальное изображение английского герба под имперской короной, вокруг которого на ленте помещена надпись: CAROLUS D. G. MAGBRIT. FRAN. ETHIBERN. REX, т. е. «Карл, Божьей милостью король Великобритании, Франции и Ирландии». Аналогичное обороту орнаментальное заполнение имеют поля тела грамоты, по периметру которых размещено 11 гербовых щитов. Первая строка написана крупными золотыми литерами по сине-голубому фону (РГАДА. Ф. 35, оп. 2, № 41).

¹ См., напр.: *Evans N. A Russian Royal Letter of 1682 // Journal of the Society of Archivists. 1965. Vol. III. № 2. P. 75–82.*

II. ФРАНЦИЯ — DOMINIUM REGALE ХРИСТИАННЕЙШИХ КОРОЛЕЙ?

Т. Ю. Стукалова

ОЧЕРК БРЕТОНСКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БРЕТАНИ (КОНЕЦ VIII—X в.)

С нумизматической точки зрения Бретань — одна из наиболее богатых провинций Франции. В течение одиннадцати столетий правители Бретани — короли, графы и герцоги, — отстаивая независимость своей страны, чеканили собственную монету. Казалось бы, такая интересная и многообещающая тема должна была привлечь внимание многих исследователей. Особенно важным представляется период VIII—X вв. — эпоха формирования феодального государства на полуострове Арморик и активного взаимодействия с Франкским королевством. В это время монетная чеканка становится своеобразным зеркалом, отражающим политические, экономические и социальные процессы, проходившие в Бретани. К сожалению, мне не удалось обнаружить ни одной полноценной, не скажу аналитической, современной статьи на эту тему. Подавляющее большинство работ представляет собой заметки и публикации отдельных экземпляров со скупыми, часто чисто умозрительными комментариями. Самым богатым уловом оказалась статья Алексиса Биго «Заметки о нескольких неизданных бретонских монетах»¹, в которой на три страницы приходится три монеты VIII—X вв. Позже, в 1857 г., он выпустил целую монографию о бретонских монетах с такими же романтическими заметками². Эта книга до сих пор остается основным сочинением по данной теме (по мнению А. Шедевилля³), несмотря на то, что в 1970 г. Ж. де Мей издал «Монеты Бретани, 781–1517»⁴ (которая нам — увы! — недоступна).

А. Биго отнес начало бретонской чеканки к третьей четверти VIII в., приписав ее Пипину Короткому (751–768) в Нанте. Ф. Поз-д'Аван поднял это событие на добрых сто лет, полагая, что только с 851 г. в

---

¹ Bigot A. Notice sur quelques monnaies brétonnes inédites // Revue numismatique. Paris, 1855. Т. XX. P. 38–45 (далее — RN 1855).

² Id. Essai sur les monnaies du royaume et duché de Bretagne. Paris, 1857.

³ Chédeville A., Tonnerre N-Y. La Bretagne féodale: XI—XIII siècles. Rennes, 1987. P. 391.

⁴ Mey J. de. Monnaies de Bretagne, 781–1517. Bruxelles, 1970.

Бретани чеканились денарии в типе GDR, введенном Карлом Лысым (840–877); на протяжении X в. этот тип стал в Нанте неподвижным. Ф. Поз-д'Аван отнес рождение собственно герцогской чеканки к началу XI в.¹, в то время как А. Биго выделил монеты, подписанные как королем Эриспое (851–857)², так и Алайном. Правда, он не был уверен, которым: владелец монеты отдал ее Алайну II Кривая Борода, графу Нанта и Бретани (936–952)³; А. Биго переатрибутировал этот экземпляр герцогу Алайну III (1008–1040)⁴. Кроме того, А. Биго нашел и денарий с именем короля Алайна I (890–907), который Ф. Поз-д'Аван передал тоже Алайну III⁵.

В общем, после знакомства с литературой вопросов осталось больше, чем получено ответов.

Прежде всего придется отказаться от заманчивой мысли сделать основателем монетной чеканки в Нанте, да и во всей Бретани, Пипина Короткого. Денарий, который А. Биго лично нашел в окрестностях городка Жосселен (столица кантона, округ Понтиви, деп. Морбиан) (рис. 1), то есть в землях бывшего графства Ванн, был изготовлен столь небрежно, что при желании покрывающие аверс и, особенно реверс, монограммы (или их имитации?) можно толковать весьма произвольно. Еще большие сомнения вызывает сам факт существования монетной мастерской на территории, которая на протяжении столетий была для франков объектом военных экспедиций. После завоевания и взимания дани франки всегда уходили из Бретани, тем более из такой глубинки, как Ваннетэ.

Правда, согласно Анналам Меца, в 753 г. Пипин совершил поход в Бретань, занял город Ванн и подчинил Бретань франкам. Это известие следует дополнить другим: некий Жилль даровал аббатству Сен-Савёр в Арденнах, возрожденному Пипином в 752 г., различные свои владения, расположенные на пограничье Мэна, Анжу и Реннской земли⁶, — не их ли Пипин отправился брать под свою руку? Хотя теоретически все это не исключает возможности выпуска монеты в завоеванном городе как знака своей власти над ним.

Лишь в конце VIII в. (перед 778 г.) была создана приграничная Бретонская марка для защиты франкских земель от беспокойных, опасных соседей и для постоянного давления на них: фактически,

¹ *Poey-d'Avant F. Monnaies féodales de France. Paris, 1858. T. I. P. 40 (далее — P. A. I).*

² *Bigot A. Op. cit. P. 39. Pl. 1–2.*

³ *Ibid. P. 40. Pl. 1–3.*

⁴ *Ibid. P. 41.*

⁵ *P. A. I. P. 45, N 214. Pl. VIII–21.*

⁶ *Chédeville A., Guillotel H. La Bretagne des saints et des rois, V–IX siècles. Rennes, 1984. P. 202.*

это была широкая зона перманентных военных экспедиций с обеих сторон. В это военно-административное образование вошли земли к северу от Луары между реками Мен и Вилен, а также между морским побережьем и рекой У, текущей с запада на восток и впадающей в Вилен. Центрами этих областей — зародышей будущих графств — были Ренн, Нант и Вани. Первым маркграфом, назначенным Карлом Великим, считается знаменитый Роланд (правильнее Хруодланд), отмеченный в должности в 778 г. и вскоре погибший при Ронсевале¹. Именно ему Р. Серрюр и А. де Бартеlemi приписали денарий с именем Карла Великого: CARLVS в две строки на аверсе и ROD/LAN так же в две строки на реверсе (рис. 2)². Очень заманчиво, но до сих пор бездоказательно; другие исследователи считают, что на монете написано имя монетария³. Можно говорить лишь о том, что по своему оформлению этот денарий датируется перед 774/5 г. В 799–818 гг. отмечен маркграф Ги из знатного австразийского рода. Он передал должность сыну Ламберту I (818–830, †837). Последний участвовал в мятеже двух старших сыновей Людовика Благочестивого против власти отца и в 830 г. был лишен должности. Его место занял знатный бретонец Номеное, который с 831 по 840 г. являлся «missus dominicus», то есть «государевым посланцем» Людовика для всей Бретани. И хотя практически Номеное обладал там властью принцепса — грамоты называют его *dux* (герцог), *magister* (хозяин), *dominans* (господин), *regnans* (правитель), *gubernans* (управитель) in Brittaniam, — он оставался лояльным своему верховному сюзерену. По всей видимости, именно к этому времени следует отнести денарий с именем Людовика Благочестивого, чеканенный в Нанте (рис. 3). Он был обнаружен в составе клада из Бельвезета (кантон Люссак, округ Юзес, деп. Гар) и впервые издан в 1837 г.⁴ Типологически этот клад очень монолитный: кроме типа XPISTIANA RELIGIO с храмом, он состоит из монет, несущих на аверсе вокруг креста HLVDOVICVS IMP и на реверсе — название места чеканки в две или три строки. На

¹ *Eginhard. Vita Caroli Magni* // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1824. Т. III. P. 132–133.

² *Engel A., Serrure R. Traité de numismatique du moyen âge*. Paris, 1891. Т. I. P. 210–211. Fig. 386.

³ *Dépeyrot J. Le numéraire carolingien. Corpus des monnaies*. Wetteren; Paris, 1998. P. 239, N 867.

⁴ *Sauley F. de. Deniers carlovingiens déterres à Belvezet, près d'Uzès (Gard)* // RN 1837. P. 359. Pl. XI–7; Duplessy J. Les trésors monétaires médiévaux et modernes découverts en France. Т. 1 (751–1223). Paris, 1985. P. 35, N 40. Ж. Дюплесси датирует сокрытие этого клада 829–830 гг. Но пусть датировка не смущает читателя: для этой эпохи точное установление времени сокрытия клада практически невозможно, и отклонение в 5–10 лет в ту или иную сторону вполне допустимо.

262 монеты Людовика Благочестивого (814–840) пришлось только два денария Карла Великого, изготовленных между 774/5 и 814 г. Соккрытие клада датируется ок. 840 г.¹ Видимо, надо полагать, что Номеное, принеший клятву верности в мае 831 г. на ассамблее в Ингельгейме, по распоряжению короля открыл в Нанте монетный двор, чеканивший монету от имени верховного суверена.

Период между 831 и 840 г. был для Бретани очень спокойным — франки не совершили туда ни одного военного похода, и казалось, что эта область уже интегрирована в империю. После смерти Людовика Благочестивого в ноябре 840 г. Номеное принес клятву и подарки молодому Карлу II Лысому (840 †877). Впрочем, уже в 843 г. Карл опустошил Бретань огнем и мечом, мстя за убийство графа Рено, назначенного им в Нант. В 845 г. Номеное в ответ нанес Карлу серьезное поражение. Война продолжалась с переменным успехом до смерти Номеное в марте 851 г. Тут уж обоим было не до монеты.

Власть сразу принял сын Номеное — Эриспое, который через полгода — 22 августа 851 г. — буквально разгромил Карла Лысого (даже прошел слух о гибели короля в сражении). В сентябре–октябре состоялась встреча короля с молодым герцогом, на которой последнему в качестве ленов были пожалованы графства Ренн и Нант, а также викария Рец. За них Эриспое признал себя вассалом Карла. Он никогда не нарушал этой клятвы, но за его шестилетнее правление монеты от имени Карла не отмечены ни в Нанте, ни в Ренне.

Эриспое был убит в 857 г. своим двоюродным братом Саломоном, который и занял престол. Первой задачей нового правителя было добиться узаконения своего пребывания у власти — на это ушло шесть лет. Только в 863 г. Карл Лысый принял коммendaцию Саломона и сделал его своим вассалом, даровав земли «между двух вод», то есть между реками Майенна и Сарта от границы с графством Мэн до их слияния у Анжера — чисто символический малюсенький кусочек земли. Таким образом Саломон добился освящения своей власти над Бретанью через признание ее верховным сюзереном. В 864 г. на ассамблею в Питр, принявшую известный капитулярий о монете, Саломон прислал обычную для бретонцев дань — 50 ливров серебра. А в 865 г. он поднял мятеж против Карла, однако уже в августе 866 г. его посланец прибыл к королю в Компьень, чтобы договориться о мире и дать заложников. Карл Лысый принял клятвы в верности и мире, обещания совместной борьбы против норманнских нападений. Также

---

¹ Следует упомянуть еще два клада, датируемых Ж. Дюплесси между 820 и 829 г.; первый содержит нантский обол, второй — однотипный нантский денарий (*Duplessy J. Op. cit. P. 26, № 12; P. 27–28, № 17*), такие же, как в кладе из Бельвезета.

король уступил Саломону графство Котантен на севере Бретани со всеми фискалами, доменами и аббатствами. Более того, Карл Лысый даровал ему титул «короля Бретани», которым Саломон подписывал свои грамоты с 29 августа 866 г. Королевский камерарий Энгельбран срочно был послан к Саломону, чтобы вручить ему корону и королевские одежды. Саломон правил до 874 г., когда был убит в результате заговора знати.

Нантские и, особенно, реннские денарии, чеканенные от имени Карла Лысого, хорошо известны; все они изготовлены после 864 г. в типе GDR, то есть с легендой GRATIA DEI REX вокруг монограммы на аверсе и на реверсе — название монетного двора вокруг креста. Они отмечены в нескольких кладках. Самый ранний из этих кладов, сокрытый близ Шалона-на-Соне (деп. Соны-и-Луара) ок. 875/77 г., содержит многочисленные денарии Ренна прекрасной сохранности¹. Почти синхронный ему клад из Бомона близ Этампа (округ Рамбуйе, деп. Ивелин), сокрытый ок. 879/80 г., дал два нантских денария: один совершенно грамотный, другой — с сильно искаженной легендой, что говорит о довольно длительном их производстве². Отметим также клад из Сомерэ (кантон Бонневаль, округ Шатоден, деп. Эр-и-Луар), на пограничье с Бретанью; он датируется 880/882 г. и зафиксировал 1 реннский денарий³. Клад из Глиси (близ Амьена, деп. Сомма), 884/5 г., дал два реннских денария⁴; примерно синхронный ему клад из Компьена (деп. Уаза) — 1 нантский⁵. Еще две монеты из Нанта (рис. 4) представлены во 2-м Курбантонском кладе (деп. Луар-и-Шер) времени короля Эда (90-е гг. IX в.)⁶.

По всей вероятности, в период правления Саломона монетная чеканка в Бретани стала относительно регулярной и устойчивой. Первые мастера-монетчики, по-видимому, были приглашены из Тура — их школу выдают характерные черты в легендах: форма HREDONIS CIVITAS вместо REDONIS CIVIS и так называемое «квадратное о» (рис. 5). Позднее стали работать явно местные специалисты — изготовленные

¹ Chronique // Annuaire de la Société française de numismatique. Paris, 1893. T. XVII. P. 209–210 (далее — Ann. XVII (1893); Duplessy J. Op. cit. P. 84–85, N 210.

² Legrand M. Deux trouvailles en une seule. La trouvaille de monnaies carolingiennes de Beaumont près d'Etampes // RN 1916. P. 179–180.

³ Lafaurie J. Deux trésors monétaires carolingiens: Saumeray (Eure et Loir), Rennes (Ille et Villaine) // RN 1965. Ser. VI, t. 7. P. 262–305.

⁴ Découvertes numismatiques et archéologiques en 1866: Somme, Glisy // Ann. II (1867). P. 349–358.

⁵ Gariel E. Note sur la classification des monnaies de la race carolingienne, en moyen des trouvailles // Ann. V (1877/81). P. 162–163; Duplessy J. Op. cit. P. 51–52, № 104.

⁶ Ibid. P. 168–172.

ими надписи и изображения иначе как уродливыми и не назовешь. Впрочем, это не удивительно — турские мастера были отозваны по той причине, что в 866 г. Саломон и бретонские епископы добились установления собственной метрополии в Доле, тогда как ранее в церковном отношении они подчинялись архиепископу Турскому.

После убийства Саломона в стране на протяжении 13 лет шла междоусобная борьба. Лишь в 890 г., когда в бою погиб внук Эриспое Юдикаэль, граф Поэра (= Корнуай), его соперник Алайн I Великий остался единственным владетелем Бретани. Он принес вассальную присягу Людовику II Заике (877–879) в 878 г. в Туре и, вероятно, подтвердил ее королю Эду (887–898) в 890 г. Дополнительным свидетельством того опять являются монеты с монограммой Эда, выпущенные в Нанте (рис. 6)¹. Впрочем, требуется немало труда и, особенно, фантазии, чтобы эту монограмму признать.

Алайн Великий также добился королевского титула около 896/7 г. от Карла III Простоватого (893–922, †929). Клад, найденный в самом Ренне, сокрытый ок. 920/23 г., представил 29 монет местной мастерской. Их относительно низкий вес и определенные особенности легенд позволили французскому исследователю Жану Лафори приписать эти денарии эпохе Карла Простоватого (рис. 7)². То есть Алайн, сменив сюзерена, сменил и монограмму на своих монетах; возможно, эта чеканка продолжалась и после 907 г. — даты смерти Алайна Великого. Следует отметить и довольно хорошее исполнение монет: может быть, Алайн сумел пригласить французских мастеров, или же бретонские усовершенствовали свое умение.

Смерть Алайна Великого повлекла за собой раздел королевства бретонцев между его родственниками и узурпацию верховной власти графом Поэра Гурмаелоном. Нант же перешел под власть Робертине. Он и ранее тяготел к своему восточному соседу, особенно тесными были церковные связи — епископы Нанта еще в конце IX в. появлялись в окружение маркграфа Робера II (888–922, †923), визировали его грамоты. В начале X в. на Нант претендует вице-граф Анжера Фульк Рыжий (ок. 905 †ок. 941/42), который через свою жену Росциллу приходится родственником Ги и Ламберту I, маркграфам Бретонской марки в начале IX в. (Табл. 1). В 914 г. Фульк подписался в грамоте как «вице-граф Анжера и граф Нанта»³. Но он не сумел там укрепиться: в 921 г. Нант и земли в нижнем течении Луары перешли под власть норманнов, а вскоре и практически вся Бретань⁴.

¹ P. A. I. P. 44, N 210–211. Pl. VIII–14, 15.

² Lafaurie J. Op. cit. P. 262–305.

³ Цит. по: Chédeville A., Guillotel H. Op. cit. P. 373.

⁴ Flodoardi Chronicon... // Patrologiae cursus completus, series latina. Parisiis, 1858. T. CXXXV. Col. 425: «921. (...) Граф Робер (...) уступил им (норманнам) вместе с землями Нанта Бретань, которую они опустошили (...)»

Мощное норманнское вторжение, соединенное с попыткой поселиться в Бретани, вызвало волну бегства местного населения — некоторые искали спасения на востоке, за щитом герцога Французского; другие пересекали Ла-Манш. В числе последних был и граф Поэра Матуедой, который бежал к королю Этельстану с большим числом своих людей. С ним находился и сын Алайн, будущий II Кривая Борода, родившийся от брака Матуедоя с дочерью Алайна Великого. Английский король был крестным отцом ребенка.

В 931 г. повзрослевший Алайн сделал попытку вернуть отцовские владения. Он высадился в Бретани, поднял восстание бретонцев в Поэре, но оно не удалось — норманны и из Нанта, и из Нормандии (последние под командованием герцога Вильгельма Длинный Меч) в 932 г. ответили карательными экспедициями. Алайн был вынужден снова бежать в Англию. В 933 г. Вильгельм принес оммаж королю Раулю (923–936) и за это получил «земли бретонцев» — вероятнее всего, Котантен или Авраншен, расположенные близ Нормандии. По-видимому, он счел добычу весьма ценной, так как даже выпустил монеты, на которых титуловал себя «герцогом Бретонским». Один такой денарий с легендой WILELM DVX BRI был найден в Мон-Сен-Мишель (рис. 8)¹.

Алайн смог вернуться в Бретань лишь в 936 г. Его возвращение не было таким героическим, как о том повествует Хроника Нантской церкви: Алайн с малым флотом не высаживался у монастыря Доль и не крошил там толпу норманнов; не бежали к нему, узнав об этой победе, со всех сторон бретонцы, чтобы провозгласить его своим герцогом; и не отбивал Алайн Нант у огромного норманнского войска благодаря чуду, совершенному Святой Девой². Все произошло гораздо прозаичнее — Алайн прибыл «из-за моря» в свите Людовика IV (936 †954), приглашенного на французский престол. Вильгельм Длинный Меч, заинтересованный в дружбе короля Этельстана, прислушался к его просьбе, милостиво принял королевского крестника и вернул ему то, что держал в Бретани³.

Алайн был внуком Алайна Великого по своей матери; он сумел добиться господства над большей частью Бретани в ущерб Беренгарию, графу Ренна, который приходился родственником Юдикаэлю, внуку Эриспое. С этого времени почти 30 лет между графами Нанта, носившими также титул графов Бретонских, и графами Ренна будет вестись ожесточенная борьба за власть над всей Бретанью.

¹ Chédeville A., Guillotel H. Op. cit. P. 396.

² Chronicon Namnetense (510–1049) // Lobineau G. A. Histoire de Bretagne composée sur les titres et les auteurs originaux. Paris, 1707. T. II. Les preuves et pièces just., col. 45–46.

³ Chédeville A., Guillotel H. Op. cit. P. 398–399.

Первые годы своего правления Алайн II ориентировался на Гуго Великого, герцога Французского (923–956). Но в начале 40-х гг. X в. Гуго, оставив свои южные — аквитанские — амбиции, направил основные усилия на восток королевства. Тогда Алайн нашел себе поддержку в лице Тибо Плута, графа Блуа, Шартра и Турени (ок. 940 †975/77). Около 946 г. он взял в жены сестру Тибо и таким образом вошел в круг высшей каролингской знати. От этого брака Алайн имел единственного сына Дрогона, в пользу которого отстранил от наследования своего внебрачного сына Хоэля. Но в 952 г. Алайн II неожиданно умер.

В его правление работал монетный двор в Нанте, использовавший неподвижный тип Карла II и Карла III, принятый Саломоном и продолженный Алайном Великим. Но он претерпел совершенно варварские искажения и в легендах, и в монограммах. Один из этих уродцев зафиксирован в Феканском кладе (г. Фекан, деп. Приморская Сена), сокрытом около 980/985 г.¹

По причине малолетства Дрогона, сына Алайна II, он сам и управление Бретанью были доверены дяде ребенка — Тибо Плуту. Но это богатое наследство весьма заинтересовало графа Анжуйского Фулька II Доброго (ок. 941/42 †ок. 958/60 г.). Пользуясь своими хорошими отношениями с Тибо, он женился на вдове Алайна II, по-видимому, уже в 953 г. Действия Фулька сразу становятся понятными, если вспомнить, что еще в начале X в. его отец Фульк Рыжий заявлял притязания на графство Нант. Таким образом опекунов стало двое, и власть над Бретанью была разделена: одну половину города и графства Нант получил Фульк Добрый, другую — Тибо Плут. Нантская хроника сообщает, что Тибо доверил свою часть Нанта двум своим союзникам — графу Ренна Юдикаэлю II Беренгарию († после 970 г.) и Викохену, архиепископу Доля (†988 г.)². Фульк тоже должен был назначить наместника — может быть, им и был архиепископ Викохен: хроника писалась сто лет спустя после событий и изобилует неточностями.

Тибо сам должен был распорядиться о возобновлении монетной чеканки в Нанте или, если она еще там велась, о смене монетного типа. Скорее всего, Тибо прислал своего монетчика для этой цели, так как известен экземпляр с хорошим рисунком и довольно грамотными надписями, хотя легенда на реверсе вырезана зеркально. Остальные денарии — их известно по описаниям и прорисовкам еще три или

¹ *Dumas-Dubourg F.* Le trésor de Fecamp et le monnayage en France Occidentale pendant la seconde moitié du Xe siècle. Paris, 1971. P. 235–236.

² *Chronicon Namnetense*, op. cit. Col. 47; *Chédeville A., Tonnerre N.-Y.* Op. cit. P. 31.

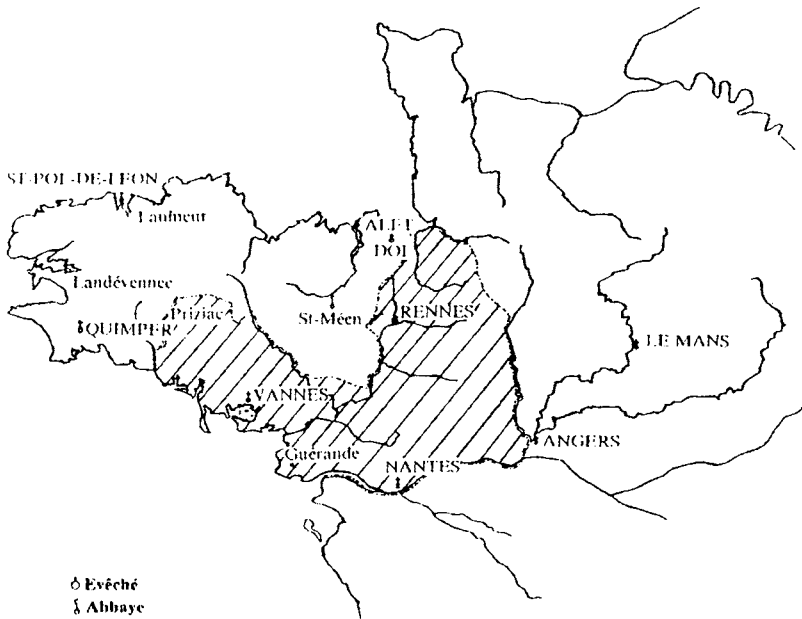
четыре — демонстрируют любопытный симбиоз: хорошую гравировку, по-прежнему зеркальную на реверсе, и ускоренное искажение и рисунка, и надписи на аверсе, как будто штемпели лицевой и оборотной сторон делали разные мастера; причем тот, кто резал легенду реверса с длинными стройными буквами, явно прошел выучку в «каролингской школе». Следует также отметить, что первоначальная пара штемпелей была изготовлена по образцу шинонских денариев от имени Людовика IV Заморского, выпускавшихся между 936/38 и 945 гг.: об этом свидетельствуют довольно точное воспроизведение его головы и даже имитация прежней надписи CAINONI CASTRO в виде NAMN или NANE CTRO¹. Позже легенда реверса превратилась в NANETISO². Вся эта чеканка должна датироваться 952–958 гг. Около этого последнего года умер Дрого, так и не достигший совершеннолетия; право опеки формально прекратилось. Тогда же Хоэль, старший из незаконнорожденных сыновей Алайна II, заявил свои права на Нант и был признан там, как о том свидетельствует грамота аббатства Сен-Флоран-де-Сомюр. Начался новый 20-летний цикл смут и борьбы между Юдикаэлем II Беренгарием, графом Ренна († ок. 970), которого вскоре сменил его сын Конан I (ок. 970 †992), Викохеном, архиепископом Доля, человеком очень энергичным и решительным, и Хозлем, графом Нанта (ок. 958 †979). Около 990 г. Конан I добьется преобладания в Бретани и герцогской короны, став таким образом основателем Реннской династии. С этого времени политический центр Бретани передвинется и утвердится в Ренне, там же будет функционировать и монетный двор, в начале XI в. приступивший к выпуску собственных герцогских монет. Нантская мастерская прекратит свою деятельность почти на 200 лет.

Окинув беглым взглядом монетную чеканку в Бретани IX–X вв., можно сделать следующий вывод: в этот период Бретань не имела внутренних экономических потребностей для изготовления собственной монеты — спорадически предпринимаемые там эмиссии являлись отражением политической ситуации. Принцип подчиненного (зависимого) королевства, статус которого Бретань получала трижды на протяжении второй половины IX в., сам по себе не является новостью в каролингской политике — и Карл Великий, и его сын Людовик Благочестивый в разное время давали такой статус Аквитании, Баварии, Италии как владений, отданных в управление сыновьям или племян-

¹ P. A. I. P. 44, № 213; pl. VIII–17.

² Ibid. P. 44, № 212; pl. VIII–16; *Merson R. A. Une monnaie rare retrouvée: le denier à la tête dite «chironaise» ou anépigraphé (PA 212) à attribuer à Nantes, Xe siècle. // Bulletin de la Société française de numismatique. Paris, 1997. Année 52, N 6 (juin). P. 123.*

Бретонская марка

(Карта из Chédeville A., Guillotel H. *La Bretagne des saints...* P. 209)

никам. Верховная же власть, решавшая все важнейшие вопросы, оставалась в руках императора (короля). Для Бретани изготовление монеты в соответствии с эдиктами верховного сюзерена стало еще одной формой проявления ее подчиненного положения.

В середине X в. ситуация изменилась — королевская власть слаба, ее сюзеренитет над Бретанью чисто формальный. Тибо Плут использовал партикулярный монетный тип, заимствованный у своего прямого сюзерена Гуго Великого, для демонстрации того факта, что Нант принадлежит лично ему: принять королевский монетный тип означало признать права короля на это владение, а анжуйской графской монеты еще не существовало.

Таким образом, и этот материал еще раз подтверждает тезис о том, что в эту эпоху монетная чеканка в гораздо большей степени была политическим явлением, чем экономическим.

Таблица 1

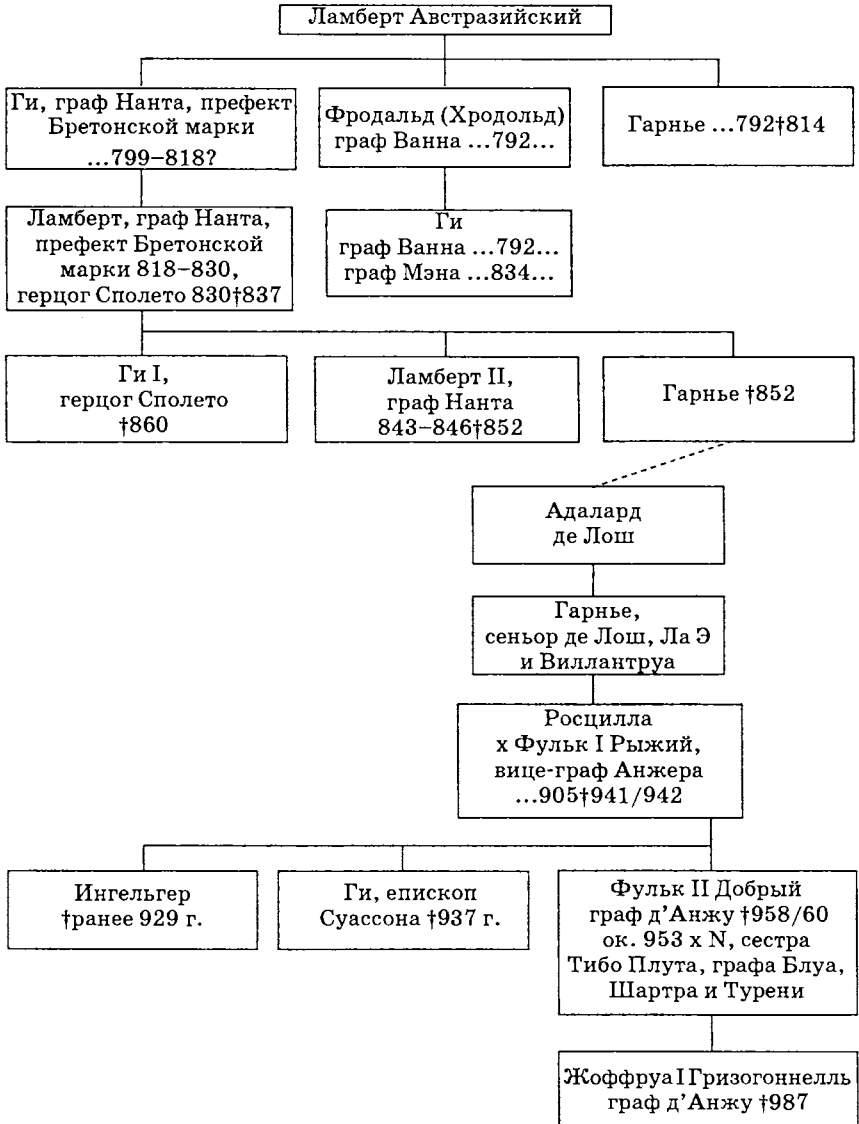

Таблица 2

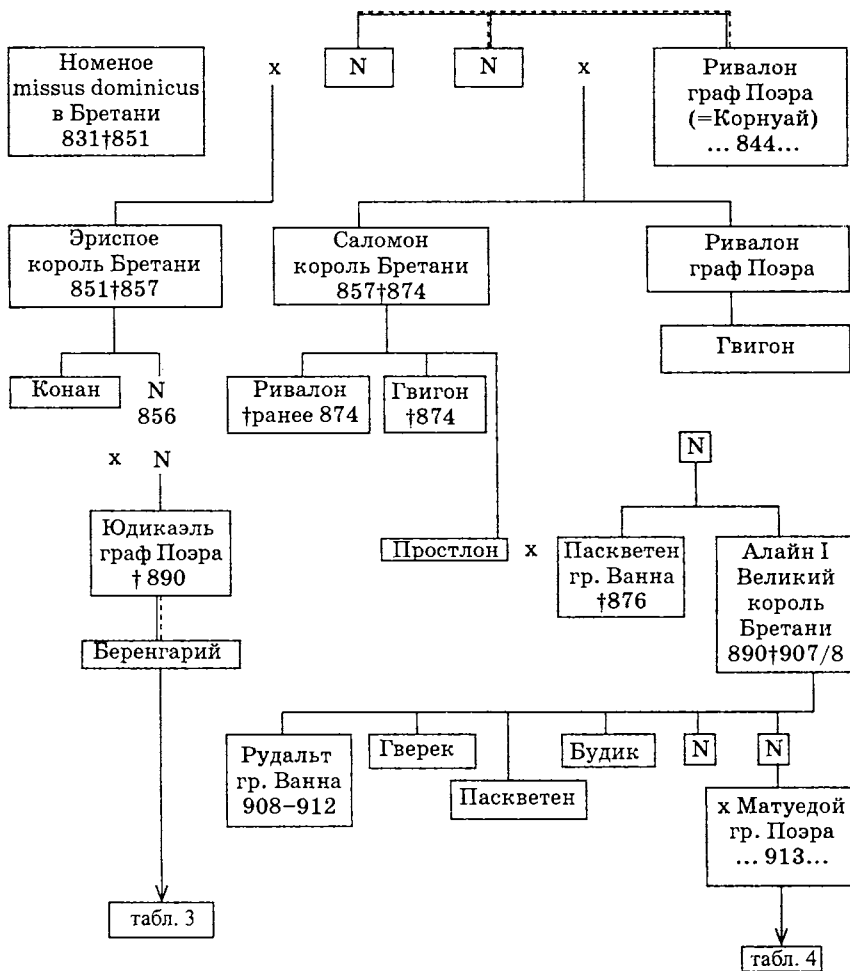

Таблица 3

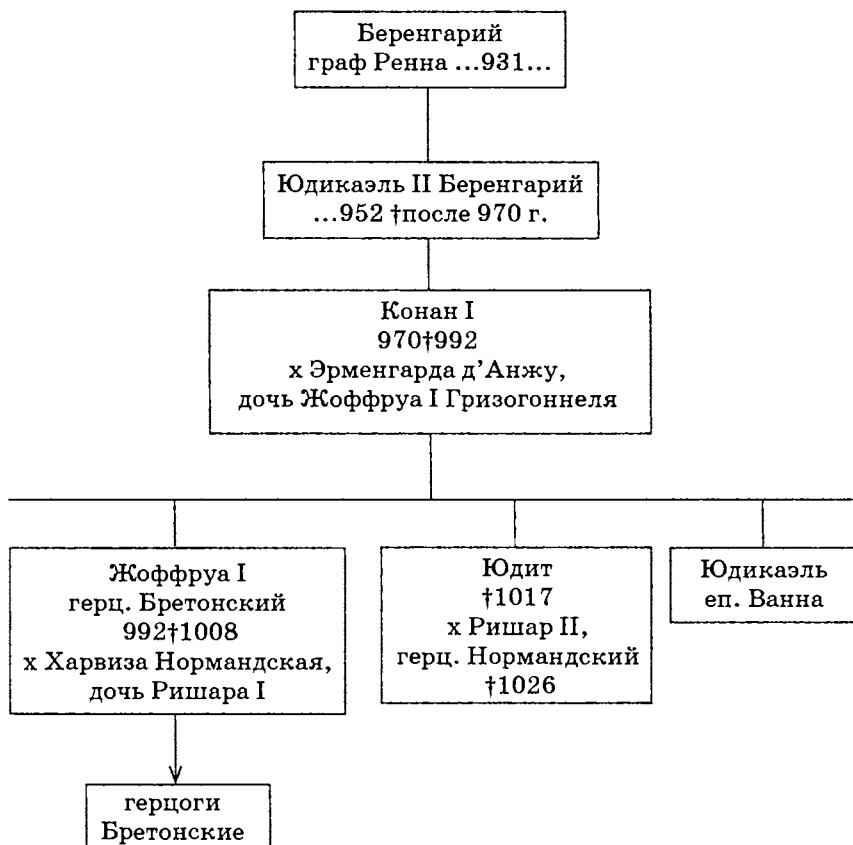
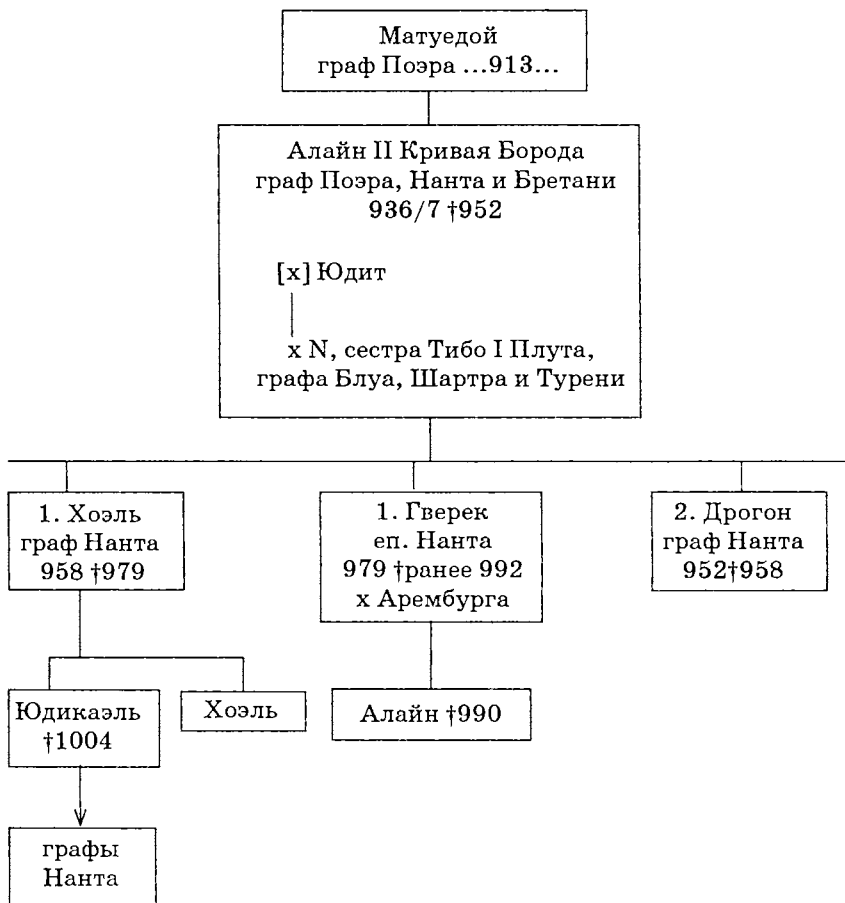

Таблица 4

Для составления таблиц использованы:

- Riché P. Les Carolingiens. Une famille qui fit l'Europe. Paris, 1983.
- Chédeville A., Guillotel H. La Bretagne des saints et des rois, V–Xe siècles. Rennes, 1984.
- Chédeville A., Tonnerre N-Y. La Bretagne féodale: XI–XIIIe siècles. Rennes, 1987.

С. А. Польская

**«...СУВЕРЕНИТЕТ, ПРАВА И ДОСТОИНСТВО
КОРОНЫ ФРАНЦИИ...»: ЮРИСДИКЦИЯ МОНАРХИИ
В ИНАУГУРАЦИОННЫХ КЛЯТВАХ
ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ (IX–XIV вв.)**

В 751 г. в соборе г. Суассона архиепископ Майеннский Бонифаций объявил майордома Меровингов Пипина Короткого королем франков, а в августе 754 г. папа Стефан II в церкви аббатства Сен-Дени помазал его на царство. Создание Папского государства военными усилиями Пипина обернулось длительным союзом франкской/французской монархии со Святым престолом: последний, в частности, признал за узурпатором Пипином и его потомками королевский титул. 28 июля 754 г. папа Стефан II издал *«Заключение о помазании Пипина»*, санкционирующее как юридическое, так и сакральное происхождение высшей политической власти новой династии и всех ее приемников: *«Так он (папа. — С. П.) дает свое благословение милостью Божьей на шести известных языках, первом из них — франкском, под страхом интердикта и кары отлучения от Церкви никому никогда не претендовать на избрание короля, происходящего из иного рода, нежели того, у которого почитание Господне превыше всего и который решено, с заступничества святых апостолов, признать и посвятить рукой святейшего понтифика, его викария»*¹. С точки зрения эволюции франкской государственности под покровительством Церкви было положено начало преодолению выборного принципа передачи власти и утверждения наследственного (с введением института примогенитуры взамен свободному наследованию внутри рода). С другой стороны, факт помазания Пипина Короткого положил начало новой инаугурационной церемонии — *церемонии королевского посвящения (le sacre royal)*, сменившей уходившую в варварское прошлое процедуру избрания вождя (короля). Данная новация была призвана закрепить и самоопределение высшей политической власти как юридического лица, т. е. ее юрисдикцию, поскольку, вступая на

¹ Clausula de unctione Peppini. Ed. Krause V //MGH. Series rerum merovingarum/ Ed. Krusch V. Bd. II. № 2. Hannover, 1896. S. 456.

трон, монарх определял ее со всей возможной полнотой. Церемония выступила и средством публичного закрепления юрисдикции не только короля как такового, но и государства, которое он возглавлял. Разумеется, комплекс своих полномочий перед ним определяли и прочие юридические лица, в первую очередь Церковь, затем — светские круги. Процедурной формой выражения юрисдикции монархии и ее субъектов выступили инаугурационные клятвы, произносимые королем в течение своего посвящения.

Не вдаваясь в детали всего спектра ритуалов, вошедших в церемонию, отметим, что она объединила христианское помазание при посвящении в сан, коронацию, поэтапное вручение королевских регалий и ритуал признания нового короля первыми духовными и светскими лицами страны, а также всеми собравшимися. Исторически сложившимся местом проведения церемонии стал Реймский собор¹, священником, проводившим обряд — архиепископ Реймский, глава французской Церкви².

Немалая заслуга в этом принадлежит советнику Карла Лысого Хинкмару, получившему сан архиепископа в Реймсе в 845 г. и оста-

¹ Доминанта Реймса проявилась отнюдь не сразу — только с торжеством Капетингов. В меровингский / каролингский периоды местом проведения церемонии служили соборы Меца, Орлеана, Компьеня, Нуайона, Суассона, аббатство Сен-Дени и т. д. См. подробную сводную таблицу времени, места и сторон-участниц *le sacre royal*, приведенную автором настоящей работы в издании, предпринятом усилиями профессора Н. А. Хачатурян, посвященном королевскому двору. — *Польская С. А. Французский монарх, церковь и двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 2. М.; СПб.: Алетейа, 2003.*

² Разумеется, при детальном рассмотрении церемония королевского посвящения предстает как сложная, прошедшая определенную эволюцию ритуальная процедура. Достаточно отметить, что ее существование исчисляется целым тысячелетием: от 751 до 1825 г. Анализ церемонии стал объектом изучения диссертации автора настоящей статьи. — См.: *Польская С. А. Сакральность королевской власти во Франции середины VIII–XV вв.: церемониальный и символический аспекты проблемы... Автореферат дисс. ... к. и. н. Ставрополь, 1999; Она же. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб.: Алетейа, 2001; Она же. Диалог города, клира и короля в процедуре церемонии королевского въезда в Париж в XIII–XV вв. // Средневековый город: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. Н. В. Девятайкина. Вып. 15. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2002; Она же. Сакральная символика французских королевских регалий: корона «*rex cristianissimus*» // Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А. А. Егоров. Вып. 2. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2002.*

вавшегося им до своей смерти, последовавшей в 882 г.¹ Перу Хинкмара Реймского, безусловно, крупного политического и религиозного деятеля своего времени, принадлежит и первое теоретическое обоснование процедуры церемонии *le sacre royal*, изложенное им в четырех записях комплекса молитв, гимнов и благословений, сопровождающих торжественную литургию. Тенденция написания такого рода текстов — их принято именовать *коронационными порядками* (*ordines ad consecrandum et coronandum regem*, в сокращении — *ordo*) — возникла в период конца VIII — первой половины IX в. сначала в ирландских монастырях, затем — в англосаксонских королевствах и, наконец, в Восточно- и Западнофранкском государствах².

Что касается *ordines* Хинкмара Реймского, то они были составлены им к посвящению Карла Лысого как короля Лотарингии (869 г.)³, Людовика Заики (877 г.)⁴, к коронации дочери Карла Лысого Юдифи по случаю ее замужества (859 г.)⁵ и первой супруги Карла

¹ *Devisse J. Hincmar, archevêque de Reims. 845–882. 3 Vol. Genève, 1976.*

² Своим названием *ordines* обязаны немецкому исследователю П. Шрамму, который в 30-е гг. XX в. предпринял первую комплексную попытку их публикации. — *Schramm P. E. Ordines-Studien II.: Die Kronung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f)//Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde herausgegeben von DR. D. Karl Brandi. — Berlin, 1938. Bd. 15. №1. S. 3–55; Idem. Ordines-Studien III: Die Kronung in England//Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde herausgegeben von DR. D. Karl Brandi. — Berlin, 1938. Bd. 15. №2. S. 305–931. На данный момент единого источниковедческого исследования *ordines* еще не предпринято, но в этом направлении активно работает американский медиевист Р. Джексон, которому, в частности, удалось доказать авторство Хинкмара Реймского по отношению к четырем указанным *ordines*. — *Jackson R. A. Who wrote Hincmar's ordines?//Viator. — Berkeley, 1994. Vol. 25. P. 31–52. Изыскания Р. Джексона касаются и общей постановки проблемы форм публичной репрезентации королевской власти. — Jackson R. A. Vivat rex! Histoire des sacres et couronnements en France. Trad. par Arav M. — Paris, 1985; Idem. The Sleeping King//Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1969. № 31. P. 521–551; Idem. Peers of France and Princes of the Blood//FHS. 1971. № 77. P. 27–46.**

³ *Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae//MGH. Capitularia regum francorum/Ed. Boretius Al., Krause V. Bd. 22. № 2. — Hannover, 1897. S. 456–458. Ordo Карла Лысого сохранился и в «Анналах Сен-Бертен» за 843–882 гг., также записанных Хинкмаром. Здесь содержится в большей степени процедурная, а не литургическая часть церемонии, что делает возможной ее максимальную реконструкцию. — *Les Annales des Saint-Bertin/Ed. Grat F., Vielliard A., Clemenset S. — Paris, 1964. P. 10–155.**

⁴ *Ordo coronationis Hludowici Balbi//MGH. Capitularia regum francorum... S. 461–462.*

⁵ *Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae //Ibidem. S. 425–427.*

Лысого Эрментруды (866 г.)¹. Применительно к проблеме определения в инаугурационных клятвах, которые приносил монарх при своем посвящении, собственной юрисдикции и юрисдикции сторон, принимающих данную клятву, нас будут интересовать первые два документа, поскольку *ordines* королей в большей степени «списаны» Хинкмаром с григорианской церемонии венчания и не отражают государственной идеи как таковой, не влияя, в частности, на характер и принцип наследования власти, ее самоопределение перед Церковью и светскими грандами.

Как известно, Хинкмар Реймский являлся последовательным приверженцем политического единства Западнофранкского государства, за что неоднократно порицался папой Николаем I, усматривавшим в деятельности архиепископа даже сознательное игнорирование интересов Святого престола. Своей активной политической деятельностью на поприще королевского советника Хинкмар даже заслужил прозвище «делатель королей», закрепившееся за ним и в современной историографии². Содержание *ordines* во многом проливает свет на подобную оценку.

Обратимся к *ordo* Карла Лысого, посвящение которого свершилось в г. Меце в соборе Св. Стефана 9 сентября 869 г. Каков же «сценарий» церемонии, предложенный Хинкмаром? В первую очередь с пространым риторическим вступлением перед собравшимися представителями Церкви и светских (феодалных) кругов выходит епископ Меца Адвентий. Он акцентирует внимание присутствующих на том факте, что Карл является «законным наследником этого королевства», цитируя апостола Павла: «(Бог) сотворил нас, чтобы множили едино в едином доме и сломали стену, разделяющую нас»³, призывая таким образом короля к преодолению политических междоусобиц, терзающих бывшую империю Карла Великого после Верденского раздела. Свое выступление Адвентий завершает призывом: «... честные люди должны услышать о том, что нам надо посвятить самого христианнейшего короля (*rex christianissimus*). Если это нам по нраву, — продолжает епископ, обращаясь к «честным людям» (т. е. светской аристократии, присутствующей на церемонии), — *откликнитесь своими голосами*, — и после раздавшихся возгласов одобрения

¹ Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453–455.

² Этой стороне деятельности Хинкмара посвящены, в частности, работы британской исследовательницы Дж. Нельсон. — *Nelson J. L. Kingship, Law and Liturgy in the Political thought of Hincmar of Reims* // EHR. 1977. № 92. P. 241–279; *Idem. Hincmar of Reims on King-making: The Evidence of the Annales of St. Bertin, 861–882* // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. Bak J. M. — Toronto, 1990. P. 16–34.

³ Les Annales... P. 163.

воскликает: — *давайте единодушно возблагодарим Господа, пропев “Te Deum laudamus”* (ключевую молитву литургии “Тебя, Господи, славим”. — С. П.)»¹. Возгласы одобрения — *collaudatio* — являлись в данном случае не чем иным, как прямым продолжением германской (франкской) традиции приветствия поднятого на щите вождя и римского обычая приветствия императора армией и сенатом. Хинкмар лишь придал ему более подобающую для литургии форму, но не исключил его, поскольку не мог не считаться с уже сложившимся влиянием светской знати на королевскую власть. С другой стороны, *collaudatio* представляли собой не только согласие светских кругов на посвящение короля, но и единство с позицией Церкви по этому вопросу. Более того, проводившееся в рамках литургии *collaudatio* мыслилось Хинкмаром и реально осуществлялось только с согласия Церкви. Но одновременно только заручившись согласием светских кругов, она могла продолжить церемонию, т. к. помазание и коронация, согласно протоколу, следуют *после collaudatio*. Таким образом Хинкмар Реймский пытается решить две задачи: во-первых, на условиях публичного договора светской знати и клира акцент был расставлен в пользу последнего; во-вторых, интересы светских кругов были достаточно удовлетворены: знать получала право голоса (пусть формально, но без ее присутствия и одобрения церемония *le sacre royal* в дальнейшем не проводилась), которое в капетингский период упрочится и займет основополагающие позиции. Принцип договора, предложенный Хинкмаром, превратился в юридическую основу процедуры церемонии.

В этом нас убеждает дальнейшее развитие протокола. Согласно замыслу Хинкмара, после совместного пения «*Te Deum laudamus*» следует ответное слово короля. Карл Лысый, обращаясь к клиру, заверяет его: «*Вы же знаете, что я буду сохранять для каждого закон и справедливость столько, сколько каждый из вас, поскольку вы служите Господу нашему, будет оказывать мне должное содействие. Я же буду покровительствовать и защищать Церковь и духовенство*»². Если в *ordo* Карла Лысого ответное слово короля так и определено Хинкмаром как *responsio regis*, то в *ordo*, составленном для посвящения Людовика Заики, оно обозначено уже как ответное обещание — *promissio*. В данной эволюции терминологии, на наш взгляд, исключен элемент случайности. Как известно, раннее Средневековье — это эпоха устного права, и публично высказанное обещание приобретало, таким образом, силу клятвы (это касалось как оммажа, фуа, так и прочих видов заверений, произнесенных при свидетелях). Поэтому королевское

¹ Les Annales... P. 163.

² Ibid. P. 165.

promissio — это разновидность инаугурационной клятвы монарха, данной при значительном количестве собравшихся.

Не менее важным представляется и еще одно обстоятельство: текст королевского promissio, составленный Хинкмаром Реймским, фактически не претерпел изменений до конца XVIII в., и все последующие протоколы ordines капетингского периода¹, трактаты легистов и придворных секретарей эпохи Валуа и Бурбонов² содержат обращение архиепископа к королю и его ответное promissio по образцу ordo Людовика Заики.

Его посвящение свершилось в декабре 877 г. в церкви Св. Корнуэля в г. Компьене. Не внеся никаких изменений в протокол начала церемонии, Хинкмар предписывает протокол проведения королевского promissio следующим образом: *«Архиепископ Реймса в сопровождении епископов подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены: “Тебе даем прошение, как первому из знатных, и первые люди Церкви вверяют тебе канонические привилегии и законную обязанность по справедливости сохранять и защищать предъявленное право, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему”. Тогда король склоняет голову, говоря следующее: “Обещаю вам и подтверждаю только для вас и вашей Церкви быть верным канонической привилегии и законной обязанности справедливо ей служить, защищать предъявленное право, так как король своей властью един с епископством и Церковью, верен им и будет продолжать защищать предъявленное”»*³.

Исходя из содержания, promissio — это договор (в данном случае письменный), заключаемый Церковью и королем, где в первую очередь предпринималась попытка решить проблему приоритета светской и духовной властей, и, возможно, по причине своего недвусмысленного политического контекста королевское обещание явилось сознательной попыткой определить юрисдикцию обеих сторон

¹ Среди них — ordo Фулрада (Ратольда), три ordines, составленные в период правления Людовика IX Святого (ordo Реймса, ordines 1250 и 1270 гг.) и ordo Карла V 1364 г., на тексты которых ссылки последуют ниже.

² Из всего многообразия сочинений указанной эпохи в рамках данной статьи возможно остановиться на 2-томном своде «Французского церемониала», созданном в 1649 г. юристом и секретарем Людовика XIII Теодором Годфруа. — *Godefroy Th. Le ceremonial françois*. 2 T. — Paris, 1649. Он вобрал в себя как все капетингские ordines, так и произведения легистов более раннего периода, например, «Коронационную книгу Карла IV и Жанны д'Эвре», выпущенную и отдельным изданием. — *The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux*. Ed. Bonne J.-Cl., Le Goff J. // *Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts*. 1958. № 8. P. 1–12.

³ *Les Annales...* P. 156.

по отношению друг к другу. Обращает на себя внимание структура *promissio*: прошение архиепископа фактически идентично обещанию короля, за исключением того момента, когда стороны «заговаривают» о приоритете властей. Как указано выше, архиепископ заявляет, что «...король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему», король же игнорирует эту формулу, предлагая иную ее редакцию: «...так как король своей властью един с епископством и Церковью, верен им и будет... защищать предъявленное». Очевидно, что монарх не признает своей непосредственной обязанности клиру властью «первого из лучших», настаивая лишь на своем союзе с Церковью.

Можно ли полагать указанное несоответствие случайностью? На наш взгляд, столь значимое действие, как посвящение короля, максимально исключало такого рода элемент: каждое слово было взвешено и продумано автором протокола и, по всей видимости, согласовано с непосредственными участниками. А тот факт, что текст *promissio* со времени составления его Хинкмаром не претерпел принципиальных изменений, заставляет окончательно отказаться от мысли о допущенной архиепископом ошибке.

Соглашение сторон, т. е. фактический конформизм духовной и светской властей — таково содержание *promissio ordo* Людовика Заики. Нельзя не согласиться с Ж. Девиссом, полагающим, что «противник... неограниченной власти короля, Хинкмар слыл человеком соглашения и совета»¹ с известной долей перевеса в сторону Церкви, поскольку, по мнению архиепископа, высказанному им Карлу Лысому, «высшим королевским достоинством король обязан исключительно помазанию, деянию епископскому и Церкви, верным ему, гораздо больше, чем своей земной власти»². Тогда почему в своем *promissio* король, опять же, по замыслу Хинкмара, не признает этого факта открыто? Такого рода заявление, на наш взгляд, означало бы прямую потерю властного авторитета, суверенной юрисдикции главы светского государства. Если присовокупить к этому исторические реалии эпохи Хинкмара — неуклонное ослабление власти потомков Карла Великого перед крепнущей политической раздробленностью Западнофранкского королевства, — то дуалистичность *promissio* находит свои объяснения.

Главный мотив королевского обещания — это инстинкт самосохранения королевской власти и Церкви, в полной мере заинтересованных друг в друге перед лицом политической анархии. «Ведь реальность, —

¹ *Devisse J.* Essai sur l'histoire d'une expression qui a fait fortune: *Consilium et auxilium* aux IX siècle// *Le Moyen Age*. 1968. № 6. P. 180.

² Цит. no: *Devisse J.* *Hincmar...* . Vol. IV. P. 287 sq.

тонко замечает Ж. Девисс, — это всегда сложный процесс. Король, как человек, мог и не иметь успеха у власти. Поэтому он мог самосохраниться, избегая чрезмерных крайностей, более чем непоправимых на верховном государственном посту, который он занимал в сравнении с любым другим мирянином. Церковь находилась в той же ситуации»¹. Королевское *promissio*, таким образом, создало и закрепило это взаимное покровительство.

Первую возможность убедиться в этом предоставляет так называемое *ordo* Фулрада (Ратольда), составленное в конце X в.² Необходимо отметить, что в данном случае церемония *le sacre royal* сразу же начинается с прошения Церкви и королевского *promissio* — задуманные Хинкмаром Реймским риторические выступления епископов отменены. В данном случае формулировка прошения и *promissio* короля идентичны: «*Архиепископ провозглашает: “К вашему милосердию взываем, как от лица первого из нас, так и от всего сообщества знатных священников сохранить и защитить наши канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, так как король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств”*»³. В полном соответствии с канонами римского права, предполагающими строгое соответствие формулировок прошения и ответа на него, *ordo* Фулрада трактует *promissio* короля следующим образом: «*Обещаю вам и обращаюсь, как к первому из вас, так и к сообществу знатных священников, сохранить и защитить ваши*

¹ *Devisse J. Le sacre et le pouvoir avant les Carolingiens, l’heritage wisigothique// Le sacre des rois: Actes du Colloque international d’histoire sur les sacres et couronnement royaux. — Reims, 1975. P. 32.*

² Свое двойное название данный *ordo* получил по той причине, что в его распространении во Франции оказались задействованными два человека: ирландский монах-миссионер Ратольд, завезший рукопись в аббатство Сен-Ваас в Аррасе, и монах указанного аббатства Фулрад, переработавший его ок. 980 г. В 987 г. протокол *ordo* уже использовался для посвящения Гуго Капета. Британский исследователь П. Вард, опубликовавший один из манускриптов *ordo* Фулрада, хранящийся в Парижской Национальной библиотеке, полагает, что он имеет англосаксонское происхождение и был создан для коронации короля Эдгара в 973 г. — *Ward P. L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony// EHR. 1942. № 57. P. 345* (в качестве приложения к указанной статье опубликован и сам манускрипт: Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fol. 21 v (the Ratold Sacramentary). — *Ibidem*. P. 345–361). П. Шрамм (с ним согласен и Р. Джексон: *Jackson R. A. Les «ordines» de couronnements royaux au Moyen Age// Le sacre des rois... P. 64*) приходит к выводу о франкских корнях документа, поскольку он мог быть составлен и в Аррасе. — *Schramm P. E. Kaiser, Konige und Papste. Bd. II. Vom Tode Karls des Großen (814) bis zum Anfannd des 10. Jahrhunderts. — Stuttgart, 1969. S. 152–158.*

³ Paris Bibl. Nat... P. 350.

канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, так как король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств»¹.

Таким образом, усилия Хинкмара Реймского не прошли бесследно: королевское *promissio* приобрело законченную юридическую форму. Его текст в дальнейшем будет претерпевать лишь незначительные изменения, не затрагивающие смысла. Так, самый поздний *ordo* — *ordo* Карла V (1364 г.) — открывает *le sacre royal* тем же ритуалом королевского *promissio*, с тем лишь дополнением, что в данном случае «прописана» процедура, а не только произносимый текст². Исходя из его содержания, очевидно, что кроме своих идеологических, духовных приоритетов, текст королевского *promissio* защищает и материальную, прежде всего земельную, собственность Церкви. Именно она подразумевается под понятием «канонические привилегии» наряду с сословной юрисдикцией клира перед лицом светских властей (судебный иммунитет, суверенитет собственности и внутренней организации, политических полномочий и т. д.). Заключив договор с посвящаемым монархом (согласно *ordines*, он теперь зафиксирован на бумаге), Церковь, по протоколу, приступает к помазанию короля, вручению ему короны и всего комплекса регалий и т. д. Однако текст *promissio* оставляет открытым вопрос о приоритете светской и духовной властей. Четкая ассоциация королевского помазания с помазанием ветхозаветных царей и пророков, а также Иисуса Христа содержится в тексте фактически всех литургических гимнов и обращений архиепископа к королю. Приведем лишь один типичный пример обращения, взятый из *ordo* Фулрада: «...помазал тебя Господь на правление твое елеем блаженства (*oleo laetitiae*), по примеру того, как прежде был помазан в миру Господь наш Иисус Христос»³. Но даже оговорка «...в миру...» не могла отрешить от аналогии, проводимой присутствующими на церемонии между Царем Небесным и светским монархом.

Поэтому, дабы упорядочить и разъяснить данную дилемму (а непосредственная сакрализация личности монарха расценивалась Святым престолом как богохульство), *ordo* Фулрада вводит в протокол церемонии своеобразную речь архиепископа, названную в тексте «обозначение статуса правителя (*Regis status designatur*)». Ее содержание во многом проливает свет на проблему юрисдикции как монархии перед лицом Церкви, так и наоборот. Так, вслед за вру-

¹ Paris Bibl. Nat... P. 350.

² Charles V. — *Godefroy Th. Op. cit.* Т. 1. P. 31.

³ Paris Bibl. Nat... P. 356.

чением королем регалий (а именно меча, короны, скипетра (жезла), коронационного кольца, согласно более поздним *ordines* — «руки Правосудия» и хоругви) архиепископ Реймский обращается к только что посвященному королю от лица Церкви. Первое, что обращает на себя внимание, — то, что Церковь сознательно выступает сторонницей сильной наследственной власти во избежание политической анархии и спасения от нее клира: *«впредь будь стоек и предан, так как до этого отцовской волей тебе по закону было передано прямое наследование. (Будь) всемогущим правителем. (Будь) привержен этой традиции. Теперь епископ каждый день будет отправлять службу, благословляя твоё правление. Насколько близко клир стоит у святых алтарей, настолько далека должна быть от него данная опасность (опасность потери королем полученной по наследству власти. — С. П.)»*¹.

Далее следует решающее в свете проблемы разделения сфер влияния властей (а следовательно, и юрисдикции) заявление архиепископа: *«Насколько (клир) — посредник между Богом и человеком, настолько ты — посредник между клиром и народом. В правлении своем (будь) предельно смел. В вечности (ты) предстанешь перед ликом высшего правителя Иисуса Христа, Господа нашего, Царя Царей, который есть Бог, Сын и Святой Дух»*². Определив таким образом место каждой из властей, *ordo* Фулрада (а вслед за ним и более поздние *ordines*) констатируют их юрисдикцию как независимую, суверенную на своем поприще, с одной стороны, и взаимодополняющую — с другой.

Суммируя ту незначительную, но поступательную эволюцию, имеющую место от *ordines* Хинкмара до *ordo* Фулрада, необходимо отметить, что они заложили ее фундамент, притом что в *ordo* Фулрада превалирует направленность на усложнение смыслового содержания *promissio* короля и толкования водораздела полномочий светской и духовной властей. Между *ordines* Хинкмара и *ordo* Фулрада дистанция немногим более века — века, за который Западнофранкское государство все более глубоко погружалось в состояние политической раздробленности со всеми вытекающими для Каролингов (и первых Капетингов) последствиями.

Следующие тексты коронационных порядков будут записаны уже в принципиально иной период истории Франции — в правление Людовика IX Святого, с которым связана качественно успешная политика централизации страны, серия государственных реформ, активное участие в крестовых походах и, наконец, постепенный выход из феодальных междоусобиц, хотя и со значительными потенциа-

¹ Paris Bibl. Nat... P. 357.

² Ibid.

ми сепаратизма¹. Однако успешное их преодоление, в последующий период сопровождаемое и усложнением отношений королевской власти со Святым престолом (особенно в период правления Филиппа IV Красивого), дальнейшая секуляризация власти, потеснившая клир из властных сфер, не только не отменили *promissio* короля, но и сохранили его без изменений: и Франциск I, и Людовик XIII, и Людовик XVI произносили те же формулы, что и их далекие предшественники², несмотря на то, что формально и фактически абсолютизм уже не нуждался в данной процедуре, отдавая дань силе традиции, с одной стороны, и образу «христианнейшего короля» — с другой. Но вернемся к эпохе Людовика IX.

Как уже сообщалось выше, *ordines*, составленных в период его правления, исследователи насчитывают три (*ordo* Реймса, записанный в 30-е гг. XIII в.³, *ordo* 1250 г.⁴ и *ordo* 1270 г.⁵). Все они полностью включают в себя *ordo* Фулрада, дополняя его определенными новациями, которых требовала изменившаяся политическая обстановка, в том числе и относительно юрисдикции королевской власти.

Самое значительное нововведение — это вторая инаугурационная клятва короля — «клятва Королевству» (*le serment du Royaume*, в оригиналах текстов — *serment au Royaume*, *iuramentus Regis*): такое определение получила публичная формула обращения еще непосвященного монарха к собравшейся на церемонию светской и духовной знати, а в их лице — ко всем подданным. Таким образом, первоначальное отличие *promissio* от *le serment du Royaume* заключается в разнице их предназначений и, следовательно, самой этимологии понятий: если первое представляет собой определение юрисдикции

¹ *Le Goff J.* Saint Louis. — Paris, 1996.

² См.: *Godefroy Th.* Op. cit. Т. 1. P. 410, 511, 653. Королевское *promissio* Людовика XVI содержится в исследовании Г. Вебера «Посвящение Людовика XVI 11 июня 1775 г. и кризис «Старого Режима». — *Weber H.* Das Sacre Ludwigs XVI vom 11. Juni 1775 und die Krise des Ancien Regime // Vom Ancien Regime zur französischen Revolution: forsschungen und Perspektiven / Ed. Hinrichs E., Schmitt E., Vierhaus R. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. № 55. — Göttingen, 1978. S. 539–565.

³ *Ordo de Reims.* — Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIII–XIII siècles) / Ed. Chevalier Y. // Bibliothéque liturgique. — Paris, 1900. № 7. P. 222–226.

⁴ *Kompilation von 1300.* — *Schramm P. E.* Ordines-Studien II... S. 23–28.

⁵ «Letzte Kapetingische Ordo» (sog. Ordo von Sens), verfaßt in den Jahren Philipp IV. oder seiner Sohne, zwischen Ende des 13. Jahrh. und etwa 1320. — *Ibidem.* S. 33–39. Наиболее полная запись представлена в «Коронационной книге Карла IV и Жанны д'Эвре»: *The Coronation Book of Charles IV...* P. 8–11.

Церкви и обещание короля ее соблюдать, то вторая адресовалась ко всем подданным, в том числе и к клиру, и имела юридически закрепленную формулу, согласно которой клятва, имеющая силу закона (*juramentum*), — это «*утверждение, совершенное с клятвой, данной Господу при свидетелях и воспринятое так, как было сказано* (т. е. на произнесенных королем условиях. — С. П.)»¹. Иными словами, этимология понятий *promissio* и *sérment* с правовой точки зрения дифференцирована, предполагая превосходство второго понятия, включающего в себя первое.

Чтобы представить объект анализа более предметно, обратимся к тексту «клятвы Королевству» в *ordo* Реймса: «*После того как король произносит promissio Церкви, он кладет руку на Евангелие (tactis Evangelis), склоняет голову и говорит следующее: “Сначала я клянусь Церкви покровительствовать в своем лице всем добрым людям. Я клянусь править мирно и справедливо... и по примеру Господа нашего проявлять милосердие”*»². Налицо определенное сходство с формулой *promissio*, но, по сути своей, — это клятва, имеющая силу закона (*juramentum*), поскольку она не имеет вида прошения (письменного или устного), сопровождается возложением рук на Святое Писание (т. е. клятву принимает, согласно порядку, Бог, а не присутствующие)³. Очевидно и следующее: *ordo* Реймса вводит три условия, согласно которым король, поклявшись в их выполнении, может быть помазан и коронован: покровительствовать не только Церкви, а всем католикам (именно они и подразумеваются под «добрыми людьми»), быть справедливым и милосердным. Но в отличие от королевского *promissio* формулировка этих условий постоянно эволюционировала с течением времени, хотя суть их оставалась неизменной. Причина заключается, на наш взгляд, в политической конъюнктуре, складывавшейся на момент посвящения нового короля. В самом деле, если задаться вопросом о причинах появления «клятвы Королевству» в

¹ *Juramentum. Formula.* — *Recueil général des anciennes lois françaises / Ed. Isambert F. A.* — 29 vol. Vol. 4. — Paris, 1825. P. 445. Применительно к «клятве Королевству» *juramentum* апеллирует и французский исследователь Ж. де Вигуери: *Viguerie J. de. Les sérment du sacre du roi de France et spécialement le «sérment du Royaume» // Le sacre des rois... P. 206.*

² *Ordo de Reims... P. 222.*

³ Заслуга доказательства статуса *juramentum* для «клятвы Королевства» принадлежит французскому историку средневекового права М. Дави: *David M. Le sérment du sacre du XIe au XVe siècle // Moyen Age latin. Etudes. Textes. Chronique. Bibliographie. Jan.-Mars, 1950. T. 6. № 1. P. 5–272; Idem. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe — au XVe siècle // Annales de la Faculté de Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg. Paris, 1954. № 1.*

правление именно Людовика IX, то становится очевидным, что среди них решающую роль играет факт значительного роста королевского домена и усиления власти монарха на подвластных ему территориях. Благодаря успешной серии реформ Людовик IX приобрел статус суверена, т. е. монарх перестал рассматриваться лишь как частное лицо, как «первый среди знатных»: данный порядок сменило понимание места короля как главы государства.

Разумеется, столь значительные перемены должны были найти свое отражение в определении юрисдикции монарха, принимающего корону и территорию королевства. Для этого и была введена в церемонию королевского посвящения «клятва Королевству», отсюда и проистекает ее название.

Логикой политической конъюнктуры продиктовано изменение первого условия *le serment du Royaume* в *ordo* 1270 г.: «*Сначала пусть Церковь Господня и весь христианский народ живут в мире под нашей защитой*»¹. Акцент, расставленный в пользу короля-защитника, вполне отвечал запросам этого периода в истории Франции: как известно, правление Людовика IX Святого сопровождали крестовые походы, и защита единоверцев главой государства была вполне органичным требованием, предъявляемым к нему общественным сознанием. Второе и третье условия — «...*справедливое и милосердное правление...*» — являются универсальными для средневековой политической этики, в отличие от четвертого условия, требующего отдельного внимания.

«*Я клянусь моей властью и верой изгнать с земли, мне принадлежащей, всех еретиков, отказавшихся от Церкви, и клянусь исполнить все, о чем я говорил. Да поможет мне Бог и наша Святая Церковь*»². Итак, еще одним условием «клятвы Королевству» выступает борьба короля с еретиками. Такое решение, как полагают, было принято еще в 1215 г. на церковном соборе в Латране³, и связано оно, опять-таки, с крестовыми походами. Возникновение и распространение ереси катаров на юге страны в 40-е гг. XIII в. и борьба с ней королевской власти означала присоединение части Аквитании к Иль-де-Франс и завершение подчинения Лангедока короне. Тем самым это способствовало закреплению четвертого условия *le serment du Royaume* о борьбе короля с ересью.

Обращает на себя внимание определение «клятвой Королевству» юрисдикции короля по отношению к территории государства: о ней

¹ The Coronation Book of Charles IV... P. 8.

² Ordo de Reims... P. 223.

³ Jackson R. A. Vivat Rex!... P. 58.

говорится как о земле, «... мне принадлежащей...». Зафиксированный таким образом принцип полноценной юрисдикции высшей политической власти в лице короля на территории государства, понимаемого как неделимый домен монарха. Данный принцип в политическом праве получил определение «неотчуждаемость» (*inalienability*). Если задаться целью установить хронологические рамки его утверждения в правовой практике Французского королевства, то очевидно, что, несмотря на все достижения политики централизации, первые Капетинги повсеместно не применяли концепцию «неотчуждаемой территориальности» по отношению к своему королевству, поскольку оно было представлено как непосредственное объединение разного рода вассально-ленных отношений, пирамида которых не всегда венчалась фигурой короля как высшего сюзерена¹. Только в правление Филиппа IV Красивого начинает оформляться концепция территории государства как единого и неделимого королевского домена. Успехи политики этого незаурядного монарха в начале XIV в. привели к такому рода пониманию государственности и короля как верховного собственника территории и главы государства².

Разразившаяся в 1337 г. Столетняя война выступила как своего рода катализатор окончательного оформления принципа неотчуждаемости во Франции: угроза потери суверенитета, реальная как никогда, заставила Карла IV 5 апреля 1322 г. выпустить ордонанс, подтверждающий права монарха на территорию государства, единую и неотчуждаемую. Тот же шаг совершил и Карл V спустя два месяца после своего посвящения³, и этот порядок, разумеется, был призван поднять авторитет королевской власти, потерявшей почти все свое королевство...

Уникальная ситуация, сложившаяся во Франции в 60-е гг. XIV в., привела к тому, что принцип неотчуждаемости закрепился как пятое условие «клятвы Королевству». Ordo Карла V, созданный для его посвящения, последовавшего 19 мая 1364 г. в Реймсе, устанавливает le sérment du Royaume в следующей формулировке: «Я (король. — С. П.) клянусь именем Иисуса Христа христианам, моим подданным: сначала я приложу все силы, чтобы христианский народ жил в мире с Церковью и Богом. Я сделаю так, чтобы прекратить грабительские

¹ Lewis A. S. Royal Succession in Capetien France. Studies on Familial Order and the State. — Cambridge, 1982. Kienast W. Untertaneneid und Treuvorbehalt in Frankreich und England: Studien zur vergleichenden Verfassungsgeschichte des Mittelalters. — Weimar, 1952.

² Fawtier R. Comment le roi de France au debut du XIVe siècle, pouvait-il se représenter son royaume? // Melanges offerts à M. Paul-E. Martin, par ses amis, ses collègues et ses élèves. — Genève, 1961. P. 65–77.

³ Recueil général... Vol. 3. — Paris, 1824. P. 179–182.

и захватнические войны. Я буду править так, чтобы любой мой суд был милосерден к вам. Я приложу все усилия, чтобы моей властью и верой изгнать с земли на законном основании всех еретиков, отказавшихся от Церкви»¹. Очевидно, что здесь *ordo* Карла V не вводит принципиальных новаций в первые четыре условия, за исключением вполне понятного пункта о сражении короля с захватчиками (разумеется, англичанами и их союзниками, хотя позже под данное определение «подпадут» все внешние враги Франции). По окончании Столетней войны он на время выйдет из употребления, но возродится, как только страна вступит в затяжные войны с Испанией...

Что же касается принципа неотчуждаемости, то он просуществовал до конца Старого режима. Вот его формулировка в *ordo* Карла V: «И я неукоснительно сохраню суверенитет, права и достоинство (*superioritatem, jurem et hobilitates*) короны Франции, и я не изменю им и не откажусь от них»². Каждое определение неотчуждаемости: «...суверенитет, права и достоинство...» дополняет предыдущее и делает юрисдикцию монарха наиболее полноценной, тем более что государство напрямую тождественно высшей политической власти короля: в формулировке клятвы отсутствует понятие «Франция» или «Французское королевство», его заменяет «корона Франции». Данная тенденция получит окончательное закрепление в период абсолютизма, в частности, будет отражена во «Французском церемониале» Т. Годфруа. Но *ordo* Карла V, так или иначе, является первым процедурным актом, зафиксировавшим юридическое право главы государства на его территорию, ее охрану и защиту, — факт, значение которого в истории политического права Франции трудно переоценить, поскольку именно таким образом Французское королевство обрело статус суверенного и неделимого³, пройдя эволюцию от средневекового принципа сюзеренитета до суверенного государства. Инаугурационные клятвы отражают этот процесс достаточно полно, во всей его специфике и многообразии.

¹ Charles V. — *Godefroy Th.* Op. cit. T. 1. P. 76.

² Ibidem.

³ Общие труды историков права П. Ризенберга и Г. Гоффманна подтверждают данный вывод и по отношению к прочим западноевропейским монархиям. — *Riesenberg R. N.* Inalienability of Sovereignty in Medieval Political Thought//Columbia Studies in the Social Sciences. № 591. — N. Y., 1956; *Hoffmann H.* Die Unverausserlichekeit der Kronrechte im Mittelalter//Deutsches Archiv fur Erforschung des Mittelalters. № 20. 1964. S. 389–474.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ, ЕГО СУДЫ И ЕГО ПОДСЛЕДСТВЕННЫЙ (ДЕЛО ФИЛИППА КАВЕЛЬЕ, 1546–1553)

Когда говорят об абсолютизме, понимают прежде всего Францию. Когда всерьез говорят о французском абсолютизме, прежде всего понимают государственный аппарат. История французской государственной машины действительно впечатляет. Уже в начале правления Франциска I (1515) по явно заниженным оценкам¹ его королевство населял 4 041 «чиновник» (куда входили офисье — владельцы должностей, а также адвокаты и прокуроры). Уже в ту пору христианнейший король Франции превосходил всех своих европейских собратьев по числу служивших ему людей, составлявших 0,22% населения королевства. Однако к концу правления Карла IX в условиях уже давно бушевавших религиозных войн, королю служило около 20 000 офисье и судейских, а обследование, предпринятое Кольбером в 1665 г., показало, что их насчитывается 46 047 человек, что составляло 2,5% населения². Конечно, в правление Бурбонов был осуществлен переход от «монархии судебной» к «монархии административной», что предопределяло и численный рост служилого люда, и качественное изменение их природы (появление чиновников в современном смысле этого слова)³. Но, как мы видим, еще в тот период, когда главной функцией монарха, как и встарь, считалось правосудие, в период так называемой «ренессансной монархии» Валуа-Ангюлемов был дан старт стремительному росту государственного аппарата. Этот рост шел как за счет увеличения численного состава ранее существующих органов — парламентских и иных суверенных курий, так и за счет создания новых структур и звеньев управления, зачастую дублирую-

---

¹ В это число не включены клерки и иной вспомогательный аппарат, а также служащие сеньориальной и церковной администрации и юстиции.

² *Mousnier R. Le Conseil du roi de Louis XII a la Révolution. Paris, 1970. P. 17–20.*

³ *Antoine M. Colbert et la révolution de 1661 // Un nouveau Colbert/ Dir. R. Mousnier. Paris, 1985; Малов В. Н. Ж. Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.*

щих старые чиновные корпорации и конкурирующих с ними. Вопрос о том, почему чиновников становилось все больше, волновал как современников, так и историков, и поиски ответа на него порождали и порождают жаркие споры. Гораздо проще ответить на вопрос, зачем это было нужно королевской власти: стремление ко все большему контролю и регулированию всего и вся удачно сочеталось с осознанием прямой материальной выгоды: практика продажи должностей приносила королю быстрые и незапланированные «бюджетом» доходы и не требовала предварительных вложений.

Но наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином «абсолютизм». Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив и суверенитета, образами власти, запечатленными в ритуалах публичных церемоний и реальной практикой отправления власти и правосудия, представлявшей собой борьбу группировок, клиентел и весьма своевольных корпораций, принуждавших монарха и его правительство к маневрированию и к поиску компромиссов. Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина «абсолютизм»¹, а других к простому игнорированию его в своих практических исследованиях. Возможно, к еще более неожиданным последствиям может привести изучение механизмов практического взаимодействия государства с любым из его подданных. Микроисторический вызов, брошенный историкам, призван корректировать взгляд на государство с позиции «Медного всадника» взглядом с позиции Евгения.

В данной статье речь пойдет об одном из таких подданных «христианнейшего короля», попавшего между жерновами мельницы королевского правосудия.

В Парижском национальном архиве сохранилась небольшая подборка документов, относящихся к судебному процессу некоего Филиппа Кавелье, уроженца городка Сент-Аньян, близ Руана (ныне — Мон-Сент-Аньян, департамент Приморская Сена). Подшивка была составлена в январе 1550 г., затем дополнена документами Монетной курии и хранится в ее фондах². Копии большинства этих документов сохранились также в фондах Руанского парламента.

Первым документом из этой подборки является недатированная копия указа Франциска I (следовательно, подписанная ранее 3 марта

¹ Henshall N. The myth of absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. Lnd; N. Y., 1992; Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственности в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Пер. А. А. Паламарчук. СПб., 2003.

² AN. Z 1b. 433.

1547 г. — даты кончины этого короля). Король предписывает советнику Руанского парламента Жану Кеснелю (Jean Quesnel) принять экстренные меры по борьбе с фальшивомонетчиками.

«Видя, что многие люди, отринув страх Божий, законы правосудия и честь, занялись изготовлением фальшивых монет в нашем королевстве... впадая в преступление Оскорбления Величества (Lez-Majesté) и нанося величайший ущерб людям всех состояний нашего королевства, а в особенности простому народу и людям третьего сословия, которые не могут понять всего обмана и преступления, мы уже давали поручения различным судьям в разных провинциях и краях нашего королевства, но тем не менее это преступление продолжает множиться и грозит стать обыденным вследствие постоянства правонарушений. Этому надлежит найти подходящее противодействие. Желаем, чтобы это преступление было незамедлительно истреблено...»

Для этого Жану Кеснелю давались полномочия *«быстрого и тайного расследования»* преступлений фальшивомонетчиков. Король предписал своему комиссару призвать себе в помощь до шести достойных советников из числа членов Руанского парламента, бальи и королевских наместников в Нормандии, а за неимением достойных кандидатур брать сотрудников из числа адвокатов, *«чья репутация и опыт известны и кто будет вне подозрений в симпатиях к подсудственным»*, чтобы выносить судебное решение, согласуясь с мнением своих советников¹.

В анализируемой подшивке документов этот текст приводится лишь как обоснование последующих действий, предпринятых в отношении нашего героя. Судя по всему, бдительный взор комиссии Кеснеля упал на жителя близлежащего Сент-Аньяна Филиппа Кавелье. Его род занятий так и остался для нас неизвестным. Он мог быть как-то связан с Руанским монетным двором, мог быть менялой, но скорее всего был ювелиром (orfèvre, joaillier). Из материалов следствия можно понять, что главным обвинителем выступал сеньор его города, а также близкий к нему Робер Бюльт, прокурор комиссии Кеснеля.

15 апреля 1547 г. был составлен не дошедший до нас документ, который, однако, неоднократно упоминался в других актах. Речь идет о письме Жана Кеснеля новому королю с изложением обстоятельств дела Филиппа Кавелье, протестов с его стороны и со стороны его друзей. Можно предположить, что активность последнего не на шутку встревожила королевского комиссара. Ведь Кеснель получил свои полномочия от Франсиска I, а Генрих II не жаловал верных слуг своего

¹AN. Z 1b. 433. f. 1–2.

отца, и все только и говорили о грядущих кадровых перестановках во всех сферах¹. В этих условиях бурные протесты со стороны подследственного могли привести к самым неожиданным результатам, и Жан Кеснель спешит изложить королю свою версию событий.

К сожалению, до нас не дошел этот документ, способный пролить свет на многие обстоятельства дела. Но если донесения, адресованные королю, сохранялись сравнительно редко, то документация, исходящая от короля, регистрировалась куда более аккуратно. В документах приложена копия письма Генриха II Жану Кеснелю от 1 июня 1547 г.

Комиссар должен был быть доволен его содержанием — новый король³ подтверждает его полномочия, вспоминая письмо своего отца, поручившего советнику Кеснелю *«действовать против фальшивомонетчиков, биллонеров⁴ и прочих нарушителей нашей монеты»* и приказавшего судить их при помощи шести советников.

Генрих II с удовлетворением отмечает, *«что приговоры, вынесенные нашими суверенными куриями, завершили многие процессы и казнили многих фальшивомонетчиков, но что еще есть некоторые, кто содержатся ныне в тюрьмах и среди прочих некий Филиппо (sic!) Кавелье и его жена, со стороны которых имелись [встречные иски]»*. Король, по сути, выдает временное продление чрезвычайных полномочий комиссии Кеснеля: *«даем вам право осуществить то, что осталось, без получения на то нашего особого разрешения, желая противодействовать ущербу, нанесенному нам и общему благу (герблике), в силу чего мы желаем, чтобы указанные процесс был бы завершен с наибольшим тщанием»*. Что же касается других процессов, находящихся на стадии расследования, их надлежит спешно завершить, подготовить к судебным заседаниям и отправить в парламент, *«чтобы там по вашим представлениям были бы вынесены судебные решения. Ибо такова моя воля...»*

Вот как воспроизводится заключительная часть данного документа в подшивке Монетной курии:

¹ Атмосферу ожидания грядущих кадровых перестановок хорошо передают документы из московской коллекции Ламуаньона, относящиеся к первому году правления Генриха II. См.: Документы по истории внешней политики Франции (1547–1548) / Под ред. А. Д. Люблинской. М.; Л. 1963.

² AN, Z 1b 433.

³ Полагаю, что нет особой необходимости объяснять, что король и не подозревал о существовании Кавелье, а возможно, даже и своего комиссара Кеснеля. Все документы составлялись и подписывались от его имени специалистами из королевской канцелярии или Личного королевского совета.

⁴ В отличие от простых фальшивомонетчиков, биллонеры перечекаливали полновесную монету, несколько понижая монетную стопу за счет использования дешевого сплава — биллона.

«Подписано в 1547 первый год [правления]. Король в своем совете. Секретарь Роштель». Запечатано двойной висячей печатью, другой рукой приписка: «копия снята мной, Журденом Александром, королевским приставом в Руанском Парламенте по просьбе Робера Болта, королевского прокурора, для дальнейшего использования по его разумению. Сделано 8 июня 1547, Александр».

Помимо прочего мы можем оценить скорость распространения информации. Письмо было подписано именем короля в его резиденции Сен-Жермен-ан-Лэ, близ Парижа, затем за неделю оно дошло до Руана, поступило в местный парламент и было скопировано по просьбе королевского прокурора Робера Болта (Или Бюльта). Общий ход событий пока вполне ясен. Комиссия Кеснеля приступила к работе, и среди прочих арестовала Кавелье и его жену где-то в 1546 г.¹ Как правило, по делу о фальшивой монете арестовывали и жену подозреваемого, чеканка или подделка монеты всегда проводилась втайне, дома, и только домашние могли знать правду. Кавелье подает встречный иск, по-видимому, обнадеженный сменой короля².

Однако встречный иск не возымел успеха, король, может, и был склонен ограничить полномочия комиссии Кеснеля, оставив за ней на будущее только следовательские, а не судебные функции, но суд над Кавелье должны вершить именно те, кто возбудил этот процесс и на кого тот пытался подавать жалобы. Кеснель и его люди спешат (о чем свидетельствует быстрота снятия копии), для них дело Кавелье имеет особое значение: комиссия должна доказать королю свою эффективность, в противном случае суд над Кавелье будет их «лебединой песней». Как бы то ни было, дела четы подследственных очень плохи.

Однако супруги не сидели сложа руки, о чем косвенно свидетельствует новое королевское письмо, адресованное на сей раз всему Руанскому парламенту³ от 27 октября 1547 г. В нем упоминалось об уже известных нам предшествующих документах, причем отмечалось, «что названный Кавелье и его жена потребовали отвода нашего советника Кеснеля... посредством чего указанный процесс пребывает без движения». Король желает положить этому конец и предписывает Руанскому парламенту «обеспечить решение суда по этому процессу, который осуществлен указанным Кеснелем по делу указанных фальшивомонетчиков», согласно данному ему королевскому поручению.

¹ В документе 1553 г. говорится о семилетнем тюремном заключении четы Кавелье. См. ниже.

² Именно в этот период была предпринята попытка возбудить процесс против тех, осуществляя карательную акцию против вальденсов в 1545 г.

³ An, Z 1b, 433.

Завершение процесса надо поручить *«тем из вас, кого сочтете нужным, и наделить его теми же или подобными правами, что и Кеснеля в его комиссии»*.

За короля составил мэтр Франсуа де Конар, ординарный мэтр прошений Дворца. Подписано Робилар, наложение печати (collation) осуществлено в Лонгвале и *«переписано мной, Жаном Делапортом, королевским приставом в Руанском Парламенте по просьбе Робера Болта, прокурора короля в указанной реформации»* 27 ноября 1547 г.

Проясняется статус Робера Болта (Бюльта): он не был королевским прокурором Руанского парламента, как можно было понять из предыдущего королевского письма, но всего лишь королевским прокурором «указанной реформации», то есть той же самой комиссии Кеснеля. Это значит, что его полномочия были сугубо временными, а его статус не слишком высоким. Обратим внимание, что на сей раз скорость движения письма замедлилась. Между наложением печати и составлением копии в Руанском парламенте прошел целый месяц. То ли письмо шло медленнее, то ли копию снимать не торопились.

Таким образом, вопреки буквальному содержанию письма, ясно, что сопротивление четы Кавелье не было лишь заранее обреченным жестом отчаяния. Подавая на отвод Кеснеля, они, вероятно, старались сыграть на противоречии между ординарной судебной корпорацией — Руанским парламентом и экстраординарной комиссией. Им удалось главное — получить некоторую отсрочку (их вполне могли бы казнить «под горячую руку», а казнь фальшивомонетчиков была мучительной). Вроде бы компетенция Кеснеля подтверждена, но лишь как следователя, а не судьи. Обратим внимание, что если король называет его команду просто комиссией, или же вообще никак не именует, то они устами прокурора продолжают гордо именовать себя реформационной комиссией, то есть претендовать на нечто большее, чем просто на поимку жуликов.

Двадцать второго апреля 1548 г. король отправляет письмо своему Большому совету, то есть королевскому, как мы бы сейчас сказали вневедомственному, апелляционному суду. Начиная со 1497 г. из королевского совета выделялся особый орган, призванный отправлять правосудие от имени короля. В отличие от парламентских и иных суверенных курий, он не эмансипировался в отдельную корпорацию, и единственной легитимацией его существование была помощь монарху в осуществлении его высших судебных полномочий. Большой королевский совет следовал за королем во всех его перемещениях по стране. Тем не менее это была курия, члены которой были связаны семейными узами и чувством профессиональной солидарности с другими судебными корпорациями.

Из этого примечательного документа¹ выясняется, что в ответ на жалобы Кавелье и его жены (она впервые названа по имени, Переттой, но форма имени Кавелье по-прежнему уменьшительная — Филиппо) по поводу притеснений, дурного обращения и ущерба со стороны Жана Кеснеля, причиненных им во время следствия, расследование (*information*) было поручено балли города Эвре и его лейтенанту. Но и они, как следовало из очередной жалобы Кавелье, оказались связаны с Кеснелем узами родства и свойства и поэтому также подлежали отводу, о чем Кавелье и составил письменное заявление для судебных секретарей. Вероятно, на этой стадии дела и было составлено предыдущее королевское письмо.

Однако 19 ноября после получения нового отвода король дал распоряжение балли Руана и его лейтенанту «*быстро и тайно произвести расследование по форме*»; материалы расследования, запечатанные малой канцлерской печатью, надлежит затем доставить в Личный королевский совет, который и должен вынести решение. «*Но указанный Кавелье и его жена жалуются, пребывая в заключении в величайшей нужде и лишениях, что по причине великой занятости, в которой суд пребывал и пребывает изо дня в день, что дело их до сих пор не решено*». Жалобы и опасения подследственных вполне понятны — и их руанские судьи, и те, кто был призван контролировать процесс, да и те, кто должен контролировать контролеров, были людьми одного круга, связанные если не родственными узами, то корпоративной солидарностью. Их дело могло быть попросту положено под сукно. И они вот уже третий год оставались в заточении, во власти следователей. «*Этот Кавелье и его жена нас всепокорнейше просили передать этот процесс судьям, не заподозренным [в пристрастности] и не подлежащим отводу*», — гласит текст королевского письма.

Со стороны подследственных было бы слишком оптимистично надеяться на то, что монарх заинтересовался их судьбой. Но факты нарушения судебной процедуры, самоуправство комиссии, назначенной еще предыдущим королем, случаи кумовства в местной судебной курии — все это показалось достойным пристального внимания хоть и не самому королю, но людям из его окружения. Ведь в это время, уже полностью приняв родительское наследие, Генрих II стал замышлять широкомасштабные преобразования, изначально понимаемые как наведение порядка, начав наступление на местные вольности. Существенные изменения претерпел и сам королевский совет. После того как из него выделился Большой королевский совет и так называемый Тайный, или Узкий, совет, который Франциск I именовал также «Деловым советом» (из числа 5–6 особо приближенных к

¹AN, Z 1b, 433.

королю лиц), остаток старого совета назывался попросту «Советом» без всяких эпитетов¹ или же «Личным советом короля» (conseil privé du roi). Франциск I редко посещал его заседания, перепоручив ему в основном технические вопросы административно-финансового характера. Но уж в первые месяцы правления Генриха II он был реорганизован и, получив новый регламент, был укомплектован опытными королевскими секретарями и все чаще именовался государственным советом (Conseil d'Etat), став своего рода штабом административных и финансовых преобразований, которыми было так богато правление этого короля.

Комиссия Жана Кеснеля выглядела в глазах короля (или, точнее, тех его секретарей, кто готовили его письмо) уже не в столь выгодном свете, как год назад. Лица, обвиняемые Кавелье, названы следующим образом: *«мэтром Жаном Кеснелем, советником нашей парламентской курии в Руане, называющем себя (!) комиссаром нашего досточтимейшего господина и отца короля, да спасет Господь его душу, по делу о реформации фальшивой монеты, и мэтра Робера Бюльта, так называемого порученца-(comis) прокурора»*.

Похоже, что люди из Личного совета решили сделать из этого казуса далеко идущие выводы: *«Настоятельно необходимо, во избежание еще большего скандала и примерного наказания в назидание другим... и также потому, что спустя немного времени было решено нашим Личным советом отправлять такие и подобные процессы [тем], кому надлежит ведать этими делами или иным судьям, кому укажем... По поводу чего желаем для сокращения тяжб и процессов между нашими подданными, что правосудие должно быть единым и отправляться по отношению к бедным узникам согласно требованию данного случая, а также в силу других справедливых и разумных соображениям, к тому нас подвигающим, и, следуя постановлению, упомянутому ниже, нашего Личного совета — решение указанных поручений и расследований мы отсылаем с 20 мая сего года в ведение и суд Большого совета»*. В письме содержалось поручение бальи Руана или его лейтенанту, который осуществлял это расследование, отправить скорейшим образом дела в Большой королевский совет, а *«настоящий документ дать на ознакомление указанным Кеснелю и Бюльту»*.

22. 04. 1548 Король в совете подпись Ле Пикар, большая печать, печать де Сент-Жюльена. И внизу, другим почерком, свидетельство об ознакомлении с текстом в Руане *«благодарного человека Робера Бюльта»*.

¹ Zeller G. Les institution de la France au XVIe siècle. Paris, 1948. P. 73.

Итак, король, а точнее, члены его Личного совета, передали дело в Большой королевский совет, действовавший непосредственно от имени короля. Казалось, в деле Кавелье назревает благоприятный для него поворот. Во всяком случае, ему, возможно, через каких-то своих помощников, удалось ознакомить нужных людей в Париже со своей версией своего дела.

Однако и руанские судьи не дремали. Со времени передачи дела в Большой королевский совет не прошло и двух месяцев, а король направляет в свой суд уже совсем другое письмо, датированное 4 июля 1548 г. Король напоминает обстоятельство дела и дает новую версию. Оказывается, что после отвода Жан Кеснеля его заменили «на нашего верного советника того же суда — Орше Постеля, который не приступил к процессу, так как указанный Кавалье и его жена, чтобы избежать наказания за свершенное ими преступление, нашли средство получить письма о переносе [дела]... под видом чего они якобы добились разрешения начать следствие против господ чиновников и иных, кто якобы их велел арестовать и кто якобы подбросил красные и черные штампы в их дом и иные инструменты для чекана королевской монеты».

Супруги потребовали отвода, адресуясь, согласно обычаю, в Большой совет. «Желая под всеми этими оболочками понять суть указанного процесса о фальшивой монете... мы выделили это дело из ведения Руанского Парламента, отделив от прочих дел о фальшивой монете... Принимая во внимание все обстоятельство, в особенности то, что Кеснелю было поручено вести эти дела, а указанный Кавелье и его жена проживают в краю, входящим в бальяж Руана, и что после отвода указанного Кеснеля указанный Постель его заменил... а Кавелье об этом не упомянул», король распоряжается не забирать дело в Большой совет, а отослать его назад в Руанский парламент. За короля подписал ординарный мэтр прошений Роберте.

Запись другим почерком: 16 июня в субботу 1548 по просьбе почтенного человека мэтра Робера Булта¹, прокурора короля по делу о фальшивой монете и в силу некоторых документов, данных королем 4 сего месяца, мной, Жаном Лапортом, приставом Руанского Парламента, эти письма были зачитаны Филипо Кавелье в Консьержери

¹ Обратим внимание на то, что в первом документе Бюлта называли благородным человеком, то в этом — почтенным. В этом нет ничего оценочного, второй акт намного более благоприятен для него, чем первый. Некоторая неразбериха с терминами и «титулами» является следствием пограничного положения Булта. Прокурор именовался только «почтенным». Благородным же был, как правило, человек с университетской степенью, не ниже адвоката. Но Бюлт был не простым прокурором, а королевским, правда, прокурором лишь временной комиссии.

Руана, каковой попросил меня снять копию этого документа, что и было мной выдано.

Примечательно, что в этом столь зловещем для подследственных письме, не упоминался Личный королевский совет. Напротив, в его адрес возможно усмотреть даже скрытые упреки (получается, что Личный совет сыграл на руку фальшивомонетчикам, пытавшимся сорвать судебный процесс, подавая ложные апелляции). По всей видимости, люди Кеснеля, получив предыдущее королевское письмо, запустили ответную бумагу и действовали по своим проверенным каналам: скорее всего, через старых служак покойного короля то ли из членов Большого совета, то ли из числа докладчиков прошений королевского Дворца (тот же Роберте, который и составил текст этого королевского письма, принадлежал к старой чиновной фамилии, прославившейся при Людовике XII и Франциске I). Возможно, сработали старые связи, или знакомство с обстоятельствами дела выявило очевидную надуманность заявлений Кавелье; не исключено, что «старая гвардия» выражала недовольство прытью реформаторов из Личного совета, а скорее всего, все причины подействовали вместе, и в результате супруги Кавелье вновь были отброшены на исходные позиции. У «Филиппо» еще хватило самообладания запросить копию этого страшного для него документа.

Следующее из сохранившихся королевских писем датировано 3 января 1550 г.¹, данное в Сен-Жермен-ан-Лэ секретарем Гирно, и оно вновь было адресовано Большому совету. *«Филипп Кавелье и Перетта, его жена, заключенные в Консьержери Руана, представили нам заявление с многочисленными обвинениями против мэтра Жана Кеснеля, советника... Робера Бульта, называющего себя нашим прокурором по фальшивой монете и сьера Сент-Аньяна. Указанный Кавелье и его жена были обвинены в фальшивой монете указанным Кеснелем, Бультом и Сент-Аньяном и их пособниками с допущением многих нарушений, клеветы и ложных обвинений... Поэтому мы... отправляем вам документы, касающиеся этого дела, собранные по поручению нашего Личного совета, согласно прошению указанного Кавелье и его жены».*

На ознакомление с документами Большому совету давалась неделя, а затем королю надо было доложить о принятом решении, то есть о том, забирать или нет это дело из Руанского парламента. В предпоследний день января с этим письмом были ознакомлены и Робер Бульт, и Филипп Кавелье, узник Консьержери, а также его жена, заключенная в тюрьме старого дворца города Руана.

¹AN, Z 1b. 38. f. 135.

Таким образом, в дело вновь включился Личный совет и вновь процесс отзывается в Большой совет. Какие же возражения, выдвинутые Кавелье, возымели действие?

Ответ на этот вопрос мы находим в извлечении из регистров Большого совета копии письма, поступившего в Руан 20 января 1550 г.

«Между мэтром Робером Бультом, прокурором короля в реформировании фальшивой монеты герцогства Нормандии, отведенного решением о судебной ошибке (default)¹, и мэтром Франсуа Флатоном, прокурором Филиппо Кавелье и его жены, потерпевших от судебной ошибки, с другой». «Генеральный прокурор установил, что действия суда были вполне законны и в результате дело отправлено в парламентскую курию Руана, чтобы вестись там», на что отводилось две недели. Супруги приговариваются к возмещению судебных издержек, а их прокурор Флатон приговаривается Советом к штрафу в сто су в пользу короля.

Второй раз события разворачиваются по одному и тому же сценарию — Личный совет изымает дело из Руана и передает в Большой совет, Большой совет возвращает его в Руанский парламент. Вновь Филипп и Перетта попадают в руги своих врагов, жаждущих положить конец их жалобам.

Но и на сей раз маятник королевского правосудия вскоре качнулся в другую сторону. 26 августа 1550 г. Большой королевский совет предоставляет на имя короля заключение на прошение, в очередной раз поданное Филиппом Кавелье и Перетой на имя короля, *«о том, чтобы угодно было указанному сеньору забрать их процесс, о котором говорится в прошении»². Курия Большого совета «придерживается мнения, что королю следует соизволить призвать на указанный совет сеньора де Сент-Аньяна, мэтра Робера Бульта, прокурора реформации фальшивомонетчиков в Нормандии, и иных, если надо будет их заслушать по этому прошению. Указанным советом было высказано мнение, что комиссарам указанной фальшивой монеты должно быть запрещено брать на себя судебные решения по данному вопросу».*

Возможно, позиции друзей руанских парламентариев в Большом совете были уже ослаблены, или же совет был обеспокоен излишней активностью следственной комиссии, старавшейся взять на себя судебные функции и спешившей окончательно решить проблему.

¹ До боли знакомым нам теперь словом «дефолт» (дефо — default) называлось судебное решение по иску одной из сторон, без уведомления о том другой стороны. См.: *Denissart J. B. Collection de decisions nouvelles et de notions relatives a la jurisprudence actuelle. Paris, 1745.*

² AN. V 5. 1054, f. 169v.

Не известно, сколько раз еще бумаги злосчастных супругов передавались бы из Парижа в Руан и обратно. Но вскоре ситуация претерпела качественное изменение.

Позволим себе еще одно отступление. В условиях начавшейся «революции цен» монетный вопрос приобретал все большее значение. Уже за первые годы правления Генриха II деньги начинают обесцениваться — за четыре года курс турецкого ливра (счетной единицы) изменился в звонкой монете с 45 су до 47 су, а в приграничных районах до 48–50 су. В середине 50-х гг. крупные финансовые операторы, обслуживающие королевские займы, начинают бить тревогу¹, король, в свою очередь, запрашивает мнение специалистов из Счетной палаты и монетных дворов². Дискуссии о причинах «революции цен» вскоре выльются в знаменитый спор Малетруа — Бодена. Но это будет позже, а сперва королевская власть попыталась действовать в весьма привычном режиме ужесточения контроля. Собственно говоря, меры Франсиска I, в рамках которых была создана комиссия Кеснеля, лежали уже в этой плоскости. В 1548 г. Генрих II вмешивается в традиционную систему организации монетных дворов. Король упраздняет «по причине некомпетентности» должности прево как глав местных корпораций монетчиков, избираемых, согласно средневековым традициям, ассамблей мэтров и депутатов от рабочих монетных дворов. Они были заменены их королевскими должностными лицами — монетными прево³. В 1550 г. следует новая мера, предпринятая в этом же направлении, — замена генералов монет на местах, установление над ними жесткого контроля со стороны короля⁴.

Но в начале 1550-х гг. «штаб реформ» переходит к созданию новых структур. Осознание важности монетного дела и его специфики привело к появлению серии королевских эдиктов 1 января 1552 г., посвященных этому вопросу. Важнейшее место среди предпринимаемых мер отводилось созданию нового суверенного суда — Монетной курии. Этот институт существовал еще с XIV в.; в XVI столетии в его состав входили десять «генералов» (правильнее — «генеральных мэтров монет»), президент, королевский прокурор и королевский адвокат, но курия была всего-навсего следственной комиссией, не имевшей права выносить окончательные судебные постановления

¹ *Baudouin-Matuzek M.-N., Ouvarov P.* Banque et pouvoir au XVIe siècle. La surintendance des finances d'Albisse del Bene //Bibliothèque de l'École des Chartes. T. 149. P. 249–292.

² Bibliothèque nationale, ms. fr. 57 Z f. 1–97.

³ *Ordonnances des rois de France. Catalogue des actes de Henri II.* T. II. Paris, 1983. № 3964.

⁴ *Ibid.* T. IV. Paris, 1993. № 6358.

(«сентенции»). Монетная курия передавала материалы следствия в парламент или в Шатле.

Эдикт о возведении Монетной курии в ранг суверенного суда ставил ее в один ряд с парламентом, Счетной палатой, Курией косвенных сборов. Теперь это был суверенный кассационный суд, имевший специализированную функцию контролировать и судить чиновников монетных дворов и ювелиров, измерять монетную пробу, а также вести дела о фальшивой монете. Парламент Парижа и ряд провинциальных парламентов выступали с ожесточенными протестами — ведь из их компетенции изымалась важная сфера (вспомним, что комиссия Кеснеля действовала в рамках Руанского парламента). Долгое время «генералы монет» продолжали считаться во Дворце правосудия людьми «второго сорта», периодически им отказывали в праве занимать почетные места во время торжественных процессий. Однако, как бы то ни было, король настоял на своем, и курия, наконец, приступила к работе.

Дальнейшая судьба дела Кавелье прослеживается по регистру уголовных дел Монетной курии¹.

«Во исполнение королевского письма от 26 июля 1551 г. процесс между Филиппом Кавелье со своей супругой, заключенных в тюрьмах Руана, истцами и Жаном Кеснелем, советником Руанского Парламента, и Робертом Бюльтом, называющими себя комиссаром и прокурором короля по делу о Реформации монет указанного Руана, ответчиками, согласно заключению генерального прокурора, отзывается настоящим в Курию генеральства монет в Париже в двухнедельный срок, чтобы вестись там и перевести туда заключенных. Дано в Компьене 18 августа 1552, подписано: Дотон». Но соответствующая запись появилась в регистрах Монетной курии лишь 18 декабря 1552 г.

Судьба дела Кавелье в 1551 г. не вполне ясна, но вполне возможно, что уже тогда оно было выделено в особое производство, дожидаясь того времени, пока не завершатся подготовка к началу работы курии.

Итак, решение об отзыве дела из Руана принято то ли 26 июня 1550 г., то ли 16 августа 1551 г. Следующим августом 1552 г. датируется решение о переносе его в Монетную курию. И только в декабре 1552 г. это решение было принято к исполнению. По-видимому, такая задержка была вызвана неизбежной волокитой и неразберихой, сопровождавшей создание нового суда и сопротивлением или даже саботажем со стороны парламентов. Этим можно объяснить столь длительный срок, затраченный на движение бумаг от Компьеня до Руана и Парижа.

¹AN, Z 1b. 38.

Уже 20 декабря на основании прошения, поданного в Монетную курию четой Кавелье, было решено «согласно постановлению Большого совета об отзыве дела от 18 августа сего года перевести в тюрьму Консьержери в Париже». Перевод заключенных был делом достаточно дорогостоящим, и в данном случае расходы на транспортировку были возложены на Жана Кеснеля и Роберта Бюльта.

Монетной курии поручено также произвести расследование и разобраться «по поводу угрозы фактов оскорблений и насильственных действий произведенных в отношении Мартена Гонда, кузена, родственника и ходатая за подследственных и поставить его под защиту и охрану короля и указанной курии, и да будет запрещено кому бы то ни было вредить и оскорблять указанного Гонда, его жену и семью».

Нетрудно догадаться, что такой поворот дел ничего хорошего не предвещал для Кеснеля и его людей. Не без основания они видели корень зла в Мартене Гонде (или Гольде), без чьей помощи сопротивление заключенных было бы давно сломлено. Роковым обстоятельством для Кеснеля и Бюльта оказалось то, что Гонд нашел выход на Личный королевский совет. К тому же так для них нехстати подоспело создание новой курии. Пока дело направлялось в Большой совет, оно каждый раз спускалось на тормозах и возвращалось в Руан, а дома, как известно, и стены помогают. Но теперь, несмотря на все протесты, Монетная курия все-таки была создана, и, заполучив дело Кавелье, она уже не собиралась выпускать его из своих рук. К тому же и подследственных переводили из Руана в Париж. Единственным выходом было надавить на Мартена Гонда, без него Кавелье оказывался бы бессилён.

Все же непонятно, почему между августовским постановлением курии и его занесением в регистр прошло почти полгода. Когда решалась судьба Кавелье и когда он был переведен в Париж — в августе-сентябре или все-таки в декабре? Последнее постановление из этой же подшивки оставляет эти вопросы без ответа.

«Другим постановлением той же курии от последнего числа августа сего года (и) заключением королевского генерального прокурора в этой курии, указанному прокурору будет дано поручение доставить заключенного в том состоянии, в каком он есть, в тюрьму Консьержери в Париже на средства указанного Кавелье».

Это означало, что Кавелье и Гонд спешили выбраться из Нормандии. Конечно, заставить своих противников оплатить перевод арестантов было бы весьма эффектным актом. Но это могло занять много времени и к тому же, судя по формулировке, с подследственными что-то было не в порядке (возможно, болезнь?). *«Тюремщик той тюрьмы, где находятся указанные заключенные, должен... выдать их*

по предписанию королевского прокурора и препроводить под доброй и надежной стражей в указанную тюрьму» (имеется в виду парижская Консьержери). «И да будет дано распоряжение секретарям или их клеркам отправить в указанную курию закрытые и запечатанные материалы следствия по поводу указанных заключенных и все прочие судебные документы (procedures) в виде писем или копий, подшитых к оригиналам. И известить их, что они получат оплату в разумных пределах. По завершении указанного будет дано поручение сверх того расследовать дело о нападениях, указанных в том прошении... и указанные заключенные вместе с этим Мартеном Гондом будут взяты под королевскую охрану указанной курией, они будут поставлены в известность».

Другим почерком: «Указанное постановление и поручение выдано Мартену Гонду, кузену и ходатаю указанных заключенных 26 декабря 1552».

Да, расходы от Мартена Гонда (Гольда) потребовались немалые, он оплачивал транспорт и конвой заключенных, оплачивал труд многочисленных клерков.

На этом подборка материалов, собранных в архиве Монетной курии обрывается. Но «Одиссея» Кавелье имела продолжение в виде нотариального акта с которого, собственно, и началось мое знакомство с этой историей. Работая с дарственными актами, зарегистрированными в Парижском городском суде Шатле между 1539–1559 гг.¹, я обратил внимание на в ту пору мне еще неизвестного Филиппа Кавелье, составившего в июне 1553 г. дарение в адрес Мартена Гольда. Его акт выделялся из общей массы зарегистрированных актов слишком подробным и красочным обоснованием причин для благодарности. В книгах регистров Шатле изредка можно найти небольшие рассказы о злосключениях дарителей, но они относятся лишь к актам ревокаций (отмены дарений), когда требовалось продемонстрировать полную обоснованность своего решения: убедительно описать неблагодарность одних и ценность услуг других, ведь в отличие от завещания дарение отменить было весьма непросто².

Но Филипп Кавелье не собирался ничего отменять, он свершал, как тогда говорили «чистое и простое дарение» (donation pure et simple). Услуги нотариуса стоили довольно дорого, платить приходилось и за затраченное время, и за исписанные листы. К чему же такое красноречие, существенно повышавшее расходы, столь неуместные в том

¹ Campardon E., Tuety A. Inventaire des registres des insinuations du Châtelet de Paris. Règnes de François I et de Henri II. Paris, 1906.

² Сложности, поджидавшие того, кто хотел отменить свой дарственный акт, можно продемонстрировать на примере знаменитого адвоката Шарля Дююлена. См.: Уваров П. Ю. Два брата-адвоката... // «Кзасус-1996». М., 1997.

бедственным положением, в котором, согласно документу, оказался как сам даритель, так и его одариваемый друг?

В поисках ответа на этот вопрос я стал разыскивать сведения о дарителе и, к своему удивлению, обнаружил упоминание о нем в каталоге актов Генриха II, где он значился как адресат королевского письма. В конечном итоге мне удалось обнаружить уже знакомые нам документы судебного процесса Филиппа Кавелье.

Обратимся к тексту этого странного акта¹, настолько колоритного, что его придется процитировать почти полностью.

«Мартен Гольд и Филипп Кавелье, уроженцы Сент-Аньяна близ Руана, заявляют по праву решения (comme en droit jugement²), что заключили и заключают соглашение следующего характера. А именно: указанный Кавелье признает великое значение хлопот и тщания, которое проявлял указанный Гольд на протяжении примерно семи лет, пока Кавелье был по ложному поводу и ложному обвинению несправедливо заключен со своей женой Переттой в Консьержери Руана по заявлению Фредерика Года, сеньора де Сент-Аньян, Робера Бюльта и других их сообщников, желавших представить указанного Кавелье изобличенным в фальшивомонетничестве, чего указанный Кавелье не совершал и не организовывал, но, напротив, надеется в будущем оправдаться в указанных ложных обвинениях и добиться доказательства своей невиновности. Благодаря хлопотам и тщанию указанного Гольда и на его средства, указанный Кавелье уже добился постановления о своем освобождении. Указанное постановление вынесено господами Генералами монет 22 июня [1553], согласно которому они объявили, что движимое имущество, как то золото и серебро и прочая утварь, должны быть возвращены указанному Кавелье и которым [генералам Монетной курии] по постановлению Большого совета было передано ведение этого дела в соответствии с указом и эдиктом короля, забравшего дело в свой суд. В течение одного семилетнего срока, на который указанный Кавелье и его жена были столь злосчастно заточены в тюрьму, вышеуказанный Гольд хлопотал об освобождении их не только в Руане, где они содержались в заключении, но также в Личном совете Короля, в Канцелярии Франции, в Большом совете, в которых он добился выдачи многих патентов, представляя многочисленные прошения в Личный совет и во многие и разные места. И все это они могут подтвердить документами. В каковых хлопотах оный

¹ AN. Y 98, f. 453v.

² Эта фраза употреблялась тогда, когда дарение совершалась вне рамок кутюмного права и подкреплялось лишь волеизъявлением участников сделки.

Гольд потратил и потерял не только свое время, но также издержал крупные суммы своих денег, что очевидно, и что указанный Кавелье признает и заявляет, что, невзирая на все происки, хлопоты и старания названного Бюльта, Сент-Аньяна с сообщниками, которые они только могли чинить, указанный Гольд столько сделал своими величайшими хлопотами и тщанием за эти семь лет как в Личном совете, в Большом совете, в Руанской курии, так и перед указанными господами Генералами монет, что указанный Кавелье был освобожден из оных тюрем. Указанный Бюльт, Сент-Аньян и сообщники приговорены к возмещению указанного имущества ими оплаченного(?) и захваченного в его доме во время ареста, как уже сказано. И известно указанному Кавелье, что, когда он находился в заключении без имущества и без единого друга, за исключением указанного Гольда, тот не только потратил свое добро и время на хлопоты по этому процессу, но ежедневно находился в опасности за свою жизнь, как показало расследование о нападениях и вторжениях к нему со стороны указанного Бюльта, Сент-Аньяна и сообщников. Все это заставляло нести судебные издержки на получение королевских писем (*lettres patentes*) и прочие акты и вещи, необходимые для расследования, суда и вынесения окончательного решения в указанном процессе.

Хорошо известно, что в момент начала процесса указанный Гольд был уважаемым и зажиточным человеком, ведущим хорошую торговлю, и владел королевскими должностями в Руане, и что он (затем) принужден был продать даже свою недвижимость и наследство в указанном месте Сент-Аньяне, что (было) бесполезно, поскольку сеньор Сент-Аньяна гневался на него за хлопоты, которые он имел в этом процессе, и до такой степени он растратил все свое имущество и свою юность в хлопотах и заботах по этому процессу, что теперь он на пути нищенствования.

Указанный Кавелье знает и понимает все это, учитывая, что он не давал Гольду никаких денег на расходы по этому процессу, но тот велся на деньги и средства указанного Гольда и что без указанного Гольда он погиб бы несправедливо или умер бы сам так же, как три месяца назад умерла его жена по причине пыток, бедности и длительного заточения в тюрьме, которая совсем напрасно страдала и скончалась в Консьержери в Париже.

И ныне его имущество и возможности недостаточны, чтобы возместить ущерб, нанесенный указанному Гольду, даже если бы он все продал. По этой причине указанный Кавелье по своей доброй воле и желанию из признательности за благодеяния вышеперечисленные и иные, которые он еще надеется в дальнейшем получить от указанно-

го Гольда... передает ему две трети всего его движимого имущества, которые приговорены возместить Бульт, Сент-Аньян и сообщники... а также те убытки, возмещения которых мог бы требовать он и его покойная жена. Он дает на имя Гольда генеральную доверенность на все имущество в силу всего вышесказанного, а также из-за семейной близости (*proximité du lignage*). Акт составлен 24 июня 1553 г. и подписан нотариусами Гектором Лескюйе и Пьером Леконтом».

Итак, Перетта скончалась в марте 1553 г. (вспомним глухой нарек на возможное плохое состояние подсудимых в предыдущем документе). Монетная курия освободила Филиппа Кавелье и 22 июня вынесла решение в его пользу, постановив возвратить имущество, конфискованное в его доме. Но этого было для Кавелье недостаточно.

Для того чтобы дарение недвижимого имущества считалось полностью законным, нотариальный акт нужно было «инсинуировать», то есть записать в регистры суда первой инстанции. Данный акт был зарегистрирован в Шатле уже через два дня, 26 июня, неким мэтром Шарлем Артом и самим мэтром Гольдом.

Согласно закону между составлением дарственного акта и его регистрацией в Шатле должно было пройти не более пяти месяцев. Встречались акты, зарегистрированные лишь через несколько лет после их составления. Обычным был срок регистрации в течение недели. В данном случае прошло всего два дня — и это может свидетельствовать о некоторой спешке. На это же указывает и то, что Гольд сам принимает участие в регистрации акта.

У участников сделки были причины торопиться: Кавелье вышел на свободу, но гражданский иск только начинается, и в нем имущественные права истцов должны быть прояснены. Как мы убедились, расходы Гольда были огромны, и одного лишь имущества Кавелье (реального возвращения которого еще предстояло добиваться) было явно недостаточно. Мартен Гольд готовится к борьбе и процессу против своих противников. Правда, среди них нет имени Жана Кеснеля, главы комиссии, виновными оказываются «стрелочники», но тем больше шансов на успех — годы мытарств выработали у Кавелье и Гонда хорошую интуицию в подобных вопросах.

Так чем же вызвано столь удивительное красноречие этого акта? Думается, что оно определено и благодарностью Кавелье и его взволнованностью (ведь долгожданное постановление он заслушал лишь позавчера), но есть и еще одна причина. Обратим внимание, что, несмотря на краткость сохранившихся судебных документов, там встречаются одни и те же выражения, что и в нотариальном акте.

Так, например, в судебных бумагах не разу не уточняется «родовое имя» (*nom*) жены Кавелье, хотя ее присутствие все время отмечается.

В глазах советников или клерков Большого королевского совета ее личность, конечно, не представляла особого интереса. Но ведь точно также не называет ее полным именем и сам Кавелье в своем дарении, а такая обезличенность не была принята в нотариальной практике. Очевидно, что один и тот же текст многократно переписывался, и имелась некоторая заготовка, которую воспроизводили в том или ином контексте. Да и не было у Квелье достаточно времени, чтобы продумывать формы своего нотариального поведения — акт составлялся в спешке, а за последние годы Кавелье сочинял в основном жалобы и прошения. Но то, что казалось вполне ординарным в материалах следствия или в ходатайствах о пересмотре дела, смотрелось несколько необычным среди дарственных актов. Впрочем, участникам сделки не стоило этого опасаться. Нотариальный акт в основе своей был актом публичным. Зачем же отказываться от возможности еще раз заявить перед всем миром о своей правоте и своих лишениях? Простая справка, призванная храниться в холщовом мешке прокурора, на будущем процессе приобретет характер еще одной диатрибы, чтобы при случае стать дополнительным аргументом в борьбе.

Самое интересное, что мы не можем вынести вердикта о виновности или невиновности четы Кавелье. В наших силах лишь оценить успешность его тактики. Столкнувшись с могущественными противниками — сеньором города, прокурором и председателем следственной комиссии, суверенной курии — Руанским парламентом, он и его друг сумели противопоставить им верную тактику, подавая кассационные жалобы и возбуждая встречные иски, играя на противоречиях между различными судебными инстанциями (Руанский парламент, Большой и Личный королевский советы, Монетная курия), апеллируя к персональному правосудию короля. В конце концов им удалось воспользоваться противоречиями между институтами королевской юстиции. Любопытно, что речь не шла о противоречиях между судами разного уровня или между центром и периферией. Ведь Руанский парламент отнюдь не был «филиалом» парламента Парижского. Это была все та же «Curia regis», все та же эманация королевской персоны. Кстати, вскоре, в 1563 г., процедура объявления Карла IX совершеннолетним будет организована именно в Руанском парламенте (спровоцировав тем самым бурные протесты парламента Парижского). И в Руанском парламенте, и в Большом совете, и в Монетной курии заседали люди, получившие образование единого типа и именовавшиеся «королевскими советниками». Просто эти институты «отделились» от королевской персоны в разное время и обладали разной степенью осознания своих корпоративных интересов, своего собственного понимания законов. При Генрихе II его Личный совет был «штабом реформ», инициатором масштабных преобразований. Однако уже при его сыновьях он утра-

тил свои правительственные функции, разделившись на фракции, одна из которых специализировалась на помощи королю в его личном правосудии, а другая на финансовых вопросах. Короля и институты его власти можно сравнить с огнедышащей горой, извергавшей время от времени новую порцию раскаленной лавы, которая, быстро застывая, образовывала все новые слои вулканической породы, одной и той же, но не смешивающейся со старыми слоями.

Конечно, величайшим везением для Кавелье было так кстати подоспевшее возведение Монетной курии в статус суверенного суда, с боем вынужденного отстаивать свои прерогативы. Но ведь его тактика активной обороны начала приносить свои плоды еще до 1552 г.

Для нас дело Кавелье — один из казусов, проливающий свет на многие интересные проблемы того времени. Но не явился ли он казусом и для своего времени, не повлиял ли как-нибудь он на ход Большой истории? Вполне возможно. Ведь еще на сравнительно ранней стадии, в апреле 1548 г., эти документы, попав в Личный совет, породили стремление придать этому делу образцовый характер.

Справедливо отмечают, что когда Генрих II и бюрократы из его окружения затевали создание нового суверенного суда, они преследовали фискальные цели, ведь учреждались новые должности, которые можно было выгодно продать без особых затрат со стороны короля. Точно также вскоре будет затеяно куда более грандиозное предприятие — создание сети президиальных судов (1554). Но, учреждая Монетную курию, власть руководствовалась также и определенной «идеологией проекта» — упорядочением, специализацией и ускорением судопроизводства, поставленного под более строгий королевский контроль. Для реформы требовались весомые аргументы, хотя бы для того, чтобы сломить сопротивление парламентов. Этими аргументами была загруженность ординарных судов делами, накопление массы нерешенных дел, множющиеся случаи судебных ошибок, случаи коррупции и кумовства. Трудно не согласиться с тем, что в момент дебатов по поводу создания Монетной курии дело Кавелье могло послужить благодатным вместилищем примеров, используемых для демонстрации необходимости затеваемой реформы. Но это, впрочем, не более чем предположение.

Приложение

Судебная «одиссея» Филиппа Кавелье в документах

Дата	Содержание документа	Фонды Национального архива
Не позднее 1546 г.	Копия письма Франциска I, излагающего полномочия комиссии Кеснеля при Руанском парламенте	Z 1b 433. ПОДШИВКА ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛУ КАВЕЛЬЕ (до 1550 г.) ПРИЛОЖЕНО К РЕГИСТРУ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ МОНЕТНОЙ КУРИИ
<i>3 марта</i> 1547 г.	<i>Вступление на престол Генриха II</i>	
15 апреля 1547 г.	Письмо Кеснеля Генриху II с изложением дела Кавелье	Z 1b 433 Упоминание
1 июня 1547 г.	Ответ короля на письмо Кеснеля подтверждение полномочий комиссии в отношении дела Кавелье	Z 1b 433
27 октября 1547 г.	Предписание короля назначить новых судей	Z 1b 433
	Назначение судей в деле Кавелье баля г. Эвре	Z 1b 433 Упоминание
	Отвод судьи по причине близости с Кеснелем	Z 1b 433 Упоминание
	Назначение судьей Орше Постеля и отвод его Кавелье	Z 1b 433 Упоминание
19 ноября 1547 г.	Поручение баля Руана расследовать дело и передать его в Личный королевский совет	Z 1b 433
22 апреля 1548 г.	Личный королевский совет передает дело Кавелье в Большой королевский совет	Z 1b 433
4 июля 1548 г.	Королевское письмо о возврате дела Кавелье в Руанский парламент	Z 1b 433
3 января 1550 г.	По поручению Личного королевского совета дело Кавелье передается на рассмотрение Большого королевского совета	Z 1b 433
20 января 1550 г.	Большой королевский свет возвращает дело в Руан, присуждая Кавелье к возмещению издержек	Z 1b 433

Дата	Содержание документа	Фонды Национального архива
26 августа 1550 г.	Дело Кавелье забирается в Большой совет, комиссии Кеснеля запрещено ведение дела	V5, 1054, f. 169v РЕГИСТР БОЛЬШОГО КОРОЛЕВСКОГО СОВЕТА
26 июня 1551 г.	Королевское письмо об отзыве дела из Руана	Z1 b, 38 Упоминание
<i>Январь</i> <i>1552 г.</i>	<i>Придание Монетной курии статуса Суверенного суда</i>	
18 августа 1552 г.	Решение короля о переводе дела Кавелье в «Суд генералов монет»	Z1, 38 б. РЕГИСТР УГОЛОВНЫХ ДЕЛ МОНЕТНОЙ КУРИИ
18 августа 1552 г.	Решение Большого королевского совета о переводе заключенных в Консьержери Парижского дворца правосудия за счет Кеснеля и бульга, адвоката в Парамента. Запрет преследования Мартена Гольда	Z1b, 38 Упоминание
30 августа 1552 г.	Решение Большого королевского совета о транспортировке заключенных за их счет	Z1b,38 Упоминание
26 декабря 1552 г.	Решение Монетной курии о переводе заключенных за их собственный счет и о расследование дела по жалобе Мартена Гольда	Z1b, 38
<i>март</i> <i>1553 г.</i>	<i>Смерть Перетты, жены Филиппа Кавелье в парижской тюрьме Консьержери</i>	
22 июня 1553 г.	Постановление Монетной курии о возмещении ущерба Филиппу Кавелье	Y 98, f. 453v. Упоминание
24 июня 1553 г.	Нотариальное дарение Кавелье в адрес Мартена Гольда	Y 98, f. 453v. РЕГИСТР ИНСИТУАЦИЙ ПАРИЖСКОГО ШАТЛЕ
26 июня 1553 г.	Регистрация дарения в Шатле	Y 98, f. 453v.

С. Л. Плешкова

ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО: РЕЛИГИОЗНЫЕ МИРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МОНАРХОВ

Французская корона оказалась перед необходимостью сделать выбор между войной и миром в годы религиозных войн (1560–1598). Так появились религиозные мирные соглашения. За годы войн было принято 9 таких соглашений. Девять раз наихристианнейшие короли, сакральность власти которых была неоспорима, шли на уступки протестантам, удовлетворяли их сепаратистские и религиозные требования, признавая, что на пути к миру компромисс не имеет альтернативы.

Первое из соглашений было принято в 1562 г. за год до окончания последней сессии Тридентского собора (1545–1563), отвергшего всякое сближение церквей и провозгласившего начало активного наступления на протестантскую ересь. Позиции французских монархов и римско-католической церкви в решении вопроса о войне и мире разошлись. Политика монархии предопределила конец моральной теологии. Учение Аквината в XVI в. оказалось недостаточным для обоснования пропаганды войны против еретиков. Выдвинутые средневековым теологом критерии обоснования войны и мира не могли быть применимы к политике монархов, ибо оставляли без ответа проблемы XVI в. Средневековый мир, основанный на общности права и веры членов христианского общества, не соответствовал реалиям XVI в. Выход был в гражданском мире, гарантированном государством.

Религиозные мирные соглашения оказались уже вторым нарушением средневекового мира. В годы Итальянских войн, преследуя внешнеполитические интересы, французские монархи не порывали отношений с английским королем отступником Генрихом VIII и заключали военные союзы с немецкими протестантскими князьями и турецким султаном Сулейманом Великолепным. Однако тогда же внутривосточная ситуация во Франции потребовала от Франциска I признать католицизм идеологической основой монархии: до религиозных войн было далеко, но Реформация уже поднимала голову. В церковной политике внутри Франции монархи следовали

традиции. Франциск I объявил протестантов, как совершающих преступление против Его Величества, вне закона. За 13 лет правления он принял 9 указов против лютеран, проявив себя последовательным защитником католицизма, мобилизовавшим на борьбу с ересью королевское и церковное правосудие и пытавшимся сделать искоренение протестантизма общим долгом всех подданных короны. Антипротестантские указы Франциска I предусматривали в качестве мер наказания изгнание из Франции, тюремное заключение, конфискацию имущества и штрафы.

При преемнике Франциска I Генрихе II антипротестантская борьба достигла своего апогея: королевский указ 1557 г. вводил смертную казнь для тех, «кто исповедует религию, отличную от католической».

Однако спустя два года в политике монархии в отношении протестантов наметился принципиально новый подход. Его спровоцировали попытка дворцового переворота (Амбруазский заговор) и оформление протестантской церкви. В королевских указах Франциска II протестантизм представлялся заблуждением, чуждым Франции, привнесенным извне и носящим временный характер; его сравнивали с болезнью, скрывающейся в умах и требующей времени на излечение.

Восприятие реформированной религии как болезни служило основанием для иного отношения к протестантам. Франциск II объявил об отказе следовать политике своих предшественников. В сети ереси, отмечалось в указе, попадают по неразумению и юному возрасту, а потому жестокость судов над еретиками неоправданна. «Мы не желаем, чтобы в год нашего правления проливалась кровь, мы следуем примеру Отца небесного, отдавшего в жертву Сына своего и приведшего наших подданных к спасению, сохранив им жизнь». Монарх считал, что жертва во спасение уже была принесена французами, а потому следует вступить на путь прощения, на котором «можно извлечь больший плод, чем на пути жестоких репрессий». Власть предлагала сменить гнев на милость. В королевском законодательстве стали употребляться термины «*misericorde*», «*permission*» (уступка), «*concession*» (пожалование).

Квалификация протестантов не как еретиков, а как заблуждающихся, страдающих недугом имела принципиальное значение. Если еретик ставился вне закона веры, церкви и государства, ибо ересь угрожала не только церкви, но и социальному порядку, то заблуждающегося, пребывающего в недуге монархия выводила из-под угрозы объявления вне закона. Заблуждающийся приравнивался к больному, а потому имел привилегию на снисхождение.

Другим важным моментом в политике монархии стало отношение к политической оппозиции. Попытка дворцового переворота была

свидетельством дестабилизации внутривластной обстановки, а использование заговорщиками протестантского знамени давало основание для вывода о возможном слиянии политических выступлений с религиозными. Поэтому одну из задач власть видела в разделении политических и религиозных выступлений и в определении правового статуса тех и других. Указ 1560 г. (Romorantin) был первым королевским постановлением, объявившим нетождественность собственно религиозных политическим собраниям. Внезапность изменения религии, отмечалось в указе, заставляет усомниться в искренности перемены и чрезвычайно опасна: «Нам известно, какую опасность таит в себе внезапное изменение религии, оно влечет за собой изменения и разрушения властей — королевства и синьорий». Признание этой угрозы, как следует из указа, побуждает власть поверить расследование преступлений, связанных с этой ересью, прелатам как естественным судьям, могущим отличить ересь от политических явлений. Для заблудших и впавших в ересь суд должен стать испытанием на прочность убеждений. Вместе с тем указ вменял в обязанность прелатам предупреждать ересь и возвращать еретиков в лоно католицизма проповеднической деятельностью, «насаждая добрые нравы, наставляя на путь истины заблудших» так, чтобы покаявшись, они стали жить мирно и по-католически, соблюдая все обычаи. Таким образом, еретики, как заблудшие, брались под защиту, они не считались потерянными как подданные короны. Более того, им дозволялось отправление культа. Декларация Франциска II запрещала «судьям, магистратам и другим, какого бы положения они не были, мешать и досаждать этим верующим». Министрам реформированных церковью разрешалось собирать синоды и консистории, но только с санкции королевских описей.

Что касается собраний политических противников монархии, то они были строжайше запрещены. Причем указы об этом запрете появились еще до указа Romorantin (1560), не говоря о том, что после 1560 г. к декларации об этом запрете возвращались неоднократно. В сентябре 1559 г. была принята декларация о наказании за недозволенные собрания, которые понесут владельцы домов, где будут собираться нарушители (вплоть до разрушения зданий). В ноябре 1559 г. указ угрожал смертной казнью тем защитникам недозволенных собраний, которые религиозными интересами прикрывают сборы нарушителей. После 1557 г. это был второй указ о введении смертной казни, но уже не еретиков, а политических противников. Подобные указы о недозволенных собраниях политических противников, прикрывающихся отпращиванием культа, имели место и в 1561 г. (январь, июль).

Свидетельством изменения политического курса в отношении протестантов стал коллоквиум в Пуасси, санкционированный властью в

1561 г. Созыв ассамблеи духовенства для выборов делегатов на очередную сессию Тридентского собора был использован для открытой дискуссии между прелатами и министрами протестантских церквей по одному из главных расхождений между церквами — осмыслению таинства евхаристии. Диспут, а не сила, как говорил канцлер Лопиталь на коллоквиуме, должен выявить разумное и справедливое в учении и таким образом объединить всех подданных французской короны. Монархия демонстрировала свою лояльность к некатоликам. У организаторов дискуссии не было уверенности в разубеждении протестантов. Коллоквиум в Пуасси исключал самую возможность такого исхода. Смысл диспута заключался в попытке сконцентрировать внимание на вероучении, отделив его от политических проблем, в отказе от силового решения спорных вопросов.

Таким образом, на пороге религиозных войн монархия предпринимала усилия по их предотвращению, при этом оставаясь верной признанию одной веры как фундамента государства.

Религиозные войны убедили французских монархов в правильности пути, избранного в три предвоенных года. Политика короны в 60–90-е гг. характеризовалась поисками оптимального варианта религиозных мирных соглашений. Однако сложность внутривнутриполитической обстановки заставляла монархов периодически отступать, быть непоследовательными в политике компромисса.

В ходе восьми религиозных войн на протяжении 32 лет были заключены 8 религиозных мирных соглашения (1562, 1563, 1568, 1570, 1573, 1576, 1577, 1580). Девятым был Нантский эдикт 1598 г.

Указы об умиротворении не имели функции постоянно действующего закона, каждый из последующих отдавался из-за потерявшего силу предыдущего. И тем не менее авторитет последнего усиливался существованием предыдущего в той части, где содержались аналогичные предписания. Формально указы — это королевские грамоты, *letters patentes*, адресованные всем и предназначенные парламентам для регистрации, чтобы затем быть обнародованными и исполненными. Указы об умиротворении следовали за военными соглашениями, подписанными военачальниками. Они утверждали мир между враждующими сторонами и выражали свое покровительство заключенному перемирию.

Религиозные мирные соглашения, санкционированные монархом, являлись своего рода аргументированной пропагандой политики короны. Большую смысловую нагрузку в этом отношении несли преамбулы к указам: в пространное или краткое предисловие вносился главный аргумент в пользу мира, который монарх желал вселить в общественное сознание. Специфика преамбул заключается в том, что во время войн они должны были ответить большинству французов

на одну и ту же тревогу; при этом каждый раз требовали согласиться с новым аргументом в пользу компромисса. Законодатель внушал необходимость разрыва со старым представлением, рассказывая о страшных последствиях войны для каждого и для всей Франции, используя для этого понятную всем риторичку.

Главной мотивацией, используемой в подавляющем большинстве религиозных мирных соглашений, было объявление войны с протестантами большим злом, потому что война наносит урон королевству, ослабляя его силу. «Во Франции разрушаются храмы, совершаются бесчинства и преступления», — говорится в указе Карла IX от 1563 г.¹ В этих условиях власть ищет все возможные средства прекращения этих бесчинств, ослабляющих королевство. «Мы, — указывается далее, — питаем надежду при наших больших потерях найти средство, которое было бы лучше и полезнее нашему народу, ибо болезнь (ереси. — С. П.) таятся в головах нашего народа. Мы надеемся с помощью Бога найти средство умиротворения, и призываем наших подданных к единству во имя Бога, блага, спасения и сохранения нашего королевства». Указ призывает не провоцировать мятежи, но стремиться к единению, жить как братья, друзья и сограждане. Это единение, подчеркивается в указе, легко поддерживается повиновением тех и других (протестантов и католиков) монарху.

Помимо религиозных мирных соглашений в качестве средства пропаганды миротворческой идеи монархи использовали выступления перед депутатами на ассамблее Генеральных штатов, а также послания губернаторам провинций. В тот же год, когда было подписано религиозное мирное соглашение, Карл IX в послании Данвиллю, губернатору Лангедока, с требованием о необходимости соблюдать королевский указ от 1562 г. использовал более пространную мотивацию, обосновывая необходимость восстановления мира. Монарх говорил о восстановлении социального порядка: «Мир во Франции позволит каждому вернуться к своему прежнему положению, к делам, которые были до этих волнений при покойном короле-отце, когда знать жила в покое, купец вел торговлю, ремесленник трудился, крестьянин пахал землю, не смешивая свои дела, и когда можно было сказать, что жили счастливо и королевство было цветущим на зависть соседним государствам»².

¹ Édît de pacification qui permet le libre exercice de la religion réformée, 11 mars 1563 // *Ysambert F.-L. Recueil général des anciennes lois françaises. T. 14. P. 135–140.*

² Lettre du Roy à Monsier de Damville, Gouverneur du Languedoc, par laquelle il luy ordonne de faire observer dans son Gouvernement l'ordonnance publié, lors de la Déclaration de la Majorité // *Mémoires de Condé. T. IV. P. 648.*

В отличие от своего предшественника Генрих III выражал уверенность в поддержке монарха и его политики подданными. На ассамблее Генеральных штатов 1576 г. он говорил, что верит в то, что не найдется среди подданных никого, кто бы не был готов удовлетворить просьбу монарха («Я уверен, что добрый и законопослушный подданный имеет долг в отношении своего короля и спасения своей родины. Я надеюсь, что ассамблея найдет средства, чтобы восстановить в королевстве покой и сделать королевство процветающим, каким оно может стать благодаря смирению подданных»)¹. Генрих III призывал депутатов к единению с монархом для установления доброго мира как единственного средства сохранить государство.

Монархи брали на себя миссию миротворцев, как отмечал канцлер Лопиталь в своей речи по случаю совершеннолетия Карла IX, «король нам делает честь быть нашим миротворцем, он заботится о мире и потому разумно ему повиноваться». Религиозные мирные соглашения последних Валуа были свидетельством стремления восстановить и укрепить авторитет власти монарха везде и для всех без вмешательства доктринальные рассуждения. Религиозные войны давали монархам возможность укрепить и возвысить свою власть.

Религиозные мирные соглашения утверждали *status quo* между противниками, запрещали крайние формы сопротивления, агрессивный прозелитизм и насильственную конверсию. Они определяли границы компетенции политической власти и церкви. Соглашения поднимали проблему сосуществования разных, враждебных друг другу конфессий, а значит, проблему общественного порядка и управления в условиях религиозного плюрализма. Каким образом монархия решала эти проблемы, не вмешиваясь в религиозно-доктринальные рассуждения? Расстались ли монархи с идеей католической веры как фундамента государства? Ответы на эти и другие вопросы даст анализ религиозных мирных соглашений.

Содержание религиозных мирных соглашений на первый взгляд создает впечатление о преобладании в них статей, свидетельствующих о серьезных уступках, сделанных монархами протестантам. Многочисленные тщательно выписанные статьи об условиях отправления протестантского культа, географии дозволенных для этого мест, разнице в привилегиях для протестантов дворян и горожан, статусе протестантской церкви и ее служителей, декларации о прочих привилегиях протестантов оставляют в тени другую сторону мирных соглашений — положение католиков. Эта особенность составления соглашений учитывала восприятие их современниками.

---

¹ *Assemblée des États-Généraux. Blois, 5 Décembre 1576 // Ysambert F.-L., ibid. P. 514.*

Монарх призывал к восстановлению мира, путь к которому связывал с компромиссом, с уступками протестантам; характер этих уступок был подробно изложен в соответствующих статьях. Однако уступка протестантам не означала пересмотра позиции монарха в отношении галликанской церкви, ее официального статуса, а значит, не требовала пространственных объяснений.

Статей об отправлении католического культа крайне мало, и они лаконичны: отправление культа должно быть безотлагательно восстановлено там, где оно было прервано. Протестанты обязывались соблюдать все праздники католической церкви. Требовалось вернуть захваченное имущество и освободить католические храмы. Повсеместно должен был быть возобновлен сбор церковной десятины, при этом протестанты не освобождались от этой повинности.

Проблема мирного сосуществования католиков и протестантов решалась посредством предоставления протестантам уступок-привилегий на отправление культа (включая деятельность протестантской церкви), на суд, образование, медицинскую помощь и занятие государственных должностей. Реализация этих привилегий свидетельствовала об их исключительности в сравнении с правами католиков.

Первый эдикт об умиротворении, разрешивший свободно отправлять протестантский культ, был обнародован 19 марта 1562 г.¹ Протестанты получили привилегию отправлять религиозный культ, не опасаясь быть арестованными и подвергнутыми наказанию. При этом в привилегии данной конфессиональной общности протестантов учитывалась сословная принадлежность не католиков. Протестанты признавались подданными короны и как таковые сословно дифференцировались. Монархия брала на себя право решать, где и как отправлять культ ее подданным. Церковные дела знати и горожан были введены в компетенцию короны. Таким образом, в круг ведения монарха вошли церковные дела сеньоров «высокой юстиции» («*haute justice*», «*plein fief de haubert*»), обладателей высшего сеньориального права в пределах своего домена расследовать гражданские и криминальные дела своих подданных.

Согласно указам об умиротворении (статья о свободе отправлять протестантский культ вошла во все восемь религиозных мирных соглашений), сеньоры «высокой юрисдикции» наделялись сословной привилегией на отправление культа в пределах своих домов, поместий, в кругу семьи, непосредственных слуг и подданных. Причем участие подданных разрешалось только обладателям «*haute justice*»; сеньорам «*plein fief de haubert*» дозволялось отправлять культ в кругу

---

¹ Édit de Pacification qui permet le libre exercice de la religion réformée, 19 mars 1562 // Ysambert F.-L., *ibid.*, T. 14. P. 136

семьи. Помимо этого, власть возлагала на этих señores ответственность за соблюдение порядка отправления культа в случае отъезда из поместья главы дома: señor был обязан назначить перед бальи и сенешалем ответственное лицо за отправление культа на время своего отъезда.

Наделение señores привилегией на отправление культа предполагало установление контроля за соблюдением требуемых условий, как-то: недопущение политических собраний, денежных поборов и вербовки людей для участия в военных действиях. Власть вмешивалась в судебные дела señores, беря под защиту их подданных. Королевские указы утверждали право на взимание штрафа в размере 60 парижских ливров за вынесение «вредных» приговоров, королевские офисы наделялись правом смещать и отстранять от должности судейских чиновников señориальных судов, где разбирались дела протестантов—подданных короны. Критерием оценки справедливости вынесенного приговора в señориальных судах было слово монарха. Власть утверждала свое право даже лишать señores их сословной привилегии, права суда, за применение насилия в отношении их подданных и право конфисковать имущество этих señores. Монархия обязывала знать признать право государя в решении профессионального вопроса.

Правовой статус городского сословия позволял монархам строить свою политику на иных началах. Подавляющее большинство городов и горожан являлись непосредственными подданными короны. Это положение, существенно отличное от ситуации с дворянством, не стесняло власть в решительных действиях. Горожане получали привилегию на отправление протестантского культа за пределами городов («запрещаются собрания в городах для публичных и частных проповедей, как днем, так и ночью»). Закрытыми для отправления протестантского культа объявлялись Париж (превоство и виконтство) в округе десятилье и все временные королевские резиденции в Санлисе, Мо, Мелене, Шартре, Монтлери и Рамбуйе, включая их окрестности. Собрания для отправления культа разрешались в окрестностях одного-двух городов или деревень в каждом бальяже и сенешальстве.

Решения о выводе собраний протестантов для отправления культа за пределы городов, как и наделение señores «высокой юстиции» сословной привилегией на отправление культа в поместьях, вошли во все религиозные мирные соглашения. Изменения вносились только в географию мест отправления культа в зависимости от конкретной ситуации в годы религиозных войн.

Правда, в 1576 г., согласно указу об умиротворении, протестанты получили разрешение на отправление культа во всех городах, кроме Парижа, даже окрестности Парижа, где разрешалось отправлять

культ, приблизились на два лье и составляли восемь лье вместо 10, принятых ранее¹. Это был самый либеральный указ для некатоликов, появление которого объяснялось вступлением на престол Генриха III и его стремлением к согласию и единству. Однако уже в 1577 г. власти снова ввели территориальные ограничения, выделив для отправления протестантского культа окрестности одного-двух городов и восстановив границу на расстоянии десяти лье от Парижа². В статье указа 1577 г. выделялось по два города в бальяжах и сенешальствах, в окрестностях которых разрешалось отправлять протестантский культ. Особо выделялись Пикардия, Прованс и Пуату: учитывалась активность протестантов в этих провинциях. В Пикардии протестантам было дозволено иметь по два города с окрестностями во всех бальяжах и сенешальствах, в Провансе и Пуату — по одному.

Территориальные ограничения на отправление протестантского культа преследовали цель создать препоны, ослабить активность некатоликов; к тому же расселение протестантских собраний по окрестностям некрупных городов препятствовало их объединению и созданию единого церковно-административного центра протестантов Франции. Созданные условия служили испытанием веры для протестантов и должны были содействовать конверсии или эмиграции, «чтобы наши подданные объединились в единой вере, в одной религии».

Привилегия, полученная протестантами на отправление культа, означала признание деятельности протестантской церкви. То есть санкция на отправление культа превращала протестантов в организацию, деятельность которой была допущена монархией. Однако это допущение не предполагало тех же благоприятных условий для деятельности, которые имела галликанская церковь: церковная десятина, подготовка теологов и служителей культа. Монархия поставила протестантскую церковь под контроль, в жесткие рамки отчетности. Консистерии и синоды могли собираться только с согласия королевских офисье; принятие решений требовало предварительного согласования с представителями власти; от министров требовалось принесение присяги в соблюдении всех требуемых условий, в том числе не проповедовать учение, противоречащее истинному слову Бога и символу веры, принятому Никейским собором. Кроме того, санкционируя деятельность протестантской церкви, монархия рассматривала эту новую организа-

¹ Édít du Roy sur la Pacification des troubles de ce Royaume. Mai, 1576 // Ysambert F.-L. Ibid., T. 14. P. 280–302; Fontanon A. Les édítis et ordonnances des roys de France. 4t. P. 1585. T. 4. P. 307.

² Édít de Pacification, fait par le Roy pour mettre fin aux troubles de son Royaume et fair désormais vivre sous ses subjects en bonne paix et concorde, soubz son obeissance, Septembre 1577 // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 280–302; Fontanon A. Ibid., T. 4. P. 307.

цию главным образом как дополнительный контроль за настроением в обществе с целью выявления мятежников, недовольных политикой монархии. Поэтому министрам вменялось в обязанность следить за составом собраний, не допускать к участию в них неизвестных лиц без предварительной проверки их образа жизни, нравов и поведения.

Вопрос о материальной поддержке министров оставался открытым до Генриха IV. Нерешенным был вопрос о создании сети учебных заведений протестантской ориентации, в том числе для подготовки министров, хотя в 1576 и 1577 гг. королевскими указами предусматривалось удовлетворение привилегии протестантов на образование («Не будет различия по причине религии в приеме в университеты, школы, а также в госпитали и приюты для больных и бедняков»).

В указах 1576 и 1577 гг. нашли отражение вопросы о строительстве храмов и выделении мест для захоронения протестантов. Генрих III разрешил строить храмы, территориально ограничив реализацию этой привилегии санкционированными местами отправления культа.

Достаточно злободневной для общества и государства стала проблема браков, имеющая моральную и материальную стороны. Конфессиональный раскол осложнил эту проблему, породив много тайных браков как межконфессиональных, так и союзов между близкими родственниками одной конфессии. Власть не могла ни запретить, ни санкционировать межконфессиональные браки, тем более что протестантский культ был разрешен. Но монархия брала под контроль права наследования недвижимости и браки между близкими родственниками, которые практиковались в протестантской общине и запрещались католической церковью. Правом наследовать имущество родителей наделялись дети от законных браков. Поэтому вопрос о признании законности браков стал предметом внимания короны. Исходя из казенных интересов, власть стремилась не допустить передел владений католиков и захват имущества последних, выступая против материального укрепления последних.

Согласно указам 1576 и 1577 гг., признавались браки, заключенные до мая 1576 г. и сентября 1577 г., т. е. времени появления указов. Наследники от этих браков, а они могли претендовать на наследство не ранее чем через 15–20 лет, в совершеннолетнем возрасте, имели право наследовать недвижимость. Права наследников от браков, заключенных ранее указанного времени, были ограничены: дети имели право наследовать только движимое имущество родителей. Относительно кровосмесительных браков власть, указывая на негативные последствия таких союзов, призывала к отказу от них. Но под натиском протестантов в 1577 г. Генрих III разрешил браки между родственниками в четвертом поколении.

В сумме привилегий протестантов видное место занимала привилегия занимать государственную должность. Религиозные мирные соглашения удовлетворили требование протестантов: «Не будет различия между католиками и протестантами, как нашими подданными, в занятии должностей как королевских, так и сеньориальных и городских во всех землях нашего королевства», лишь бы эти подданные были достойны должности, гласил указ 1576 г. В 1577 г. в реализацию этой привилегии протестантов было внесено дополнение: от протестантов, как и от католиков, требовалась оплата права вступления в должность, т. е. покупка должности. Но протестанты освобождались от присутствия на религиозных церемониях, сопутствующих не только вступлению в должность, но и сопровождающих казенную жизнь офисье. Правда, на офисье из протестантов требовалось собирать сведения о нравах и образе жизни. Профессиональные и казенные интересы, практика продажи должностей, приносившая очевидную выгоду, имели приоритет перед конфессиональной ориентацией.

Однако легкость, с какой власть приняла это решение, «компенсировалась» трудностью реализации этой привилегии. Монархия обрекала протестантов на столкновение прежде всего с парламентами, стремившимися сохранить свою конфессиональную и профессиональную монополию. Католики-магистраты требовали, чтобы протестантам не были доступны должности в парламентах, должности губернаторов, генеральных наместников провинций и генеральных прокуроров в президиальных судах. Указ 1577 г. Парижский парламент утвердил только спустя восемнадцать лет, в 1595 г. при Генрихе IV.

Борьба между протестантами и католиками вокруг должностей связана с еще одной проблемой — реализацией протестантами привилегии на суд. Собственно допуск протестантов как подданных короны в судебные палаты для разбирательства их дел не вызывал возражения. Проблема заключалась в допуске протестантов к судебным должностям: протестанты претендовали на то, чтобы в рассмотрении их дел участвовали собратья по вере. Допуск протестантов к участию в судебных органах означал наделение их властью и потому требовал от монархии взвешенного решения конфессиональной и политической сторон. Поэтому реформа судопроизводства заняла видное место в указах.

Протестанты настаивали на введении экстраординарных палат (*mi-partie*) при парламентах и на признании численного равенства католиков и протестантов в этих палатах, а также участия вождя протестантской партии и представителя протестантской церкви при назначении судебных офисье.

Власть то принимала требование протестантов, то утверждала свое право назначать всех судебных чиновников. Она брала на себя

выбор резиденций палат *mi-partie* и регламентировала территориальные границы полномочий палат, а также численность президентов, советников, секретарей и помощников в этих судебных палатах. Тщательность, с какой прописывались действия власти, свидетельствовала о том значении, какое монархия придавала численности, личному составу и месторасположению палат. Монархи стремились использовать судебную реформу в интересах укрепления своей власти на местах.

Указ 1576 г., признав палаты *mi-partie* высшей судебной инстанцией в решении гражданских и криминальных дел между протестантами, а также между протестантами и католиками, ввел на территории Франции восемь палат *mi-partie*, в Париже, Монпелье, Гренобле, Бордо, Эксе, Дижоне, Руане и Ренне, охватив, помимо Парижа, Бретань, Нормандию, Бургундию, Лангедок и Гиень, шесть провинций с мятежными традициями. При этом в палату *mi-partie* при Парижском парламенте должны были быть введены 2 президента и 16 советников, католики и протестанты в пропорциональном соотношении. Резиденциями палат, помимо Парижа (парижская палата выполняла свои полномочия девять месяцев), были выбраны Пуатье (три месяца), Пуату, Ангумуа, Оне и Ла-Рошель (по два месяца). Палата при Тулузском парламенте по численному составу не уступала Парижской, ее резиденция находилась в Монпелье. Палаты Гренобля, Бордо, Экса, Дижона, Руана и Ренна имели по десять советников. Указ утверждал право монарха назначать членов католической части палат *mi-partie* из числа членов парламентов и Большого королевского совета. Протестантский состав палат ограничивался признанием привилегии протестантов назначать лиц, которые «заслуживают этой должности». Достоинство протестантов как членов палат *mi-partie* определяла протестантская церковь.

В 1577 г. монарх изменил процедуру пополнения палат, оставив за собой право назначать офисье. Такая практика вводилась в Париже, Руане, Дижоне, Ренне. Офисье назначались из числа членов тех парламентов, где должны были действовать палаты. Численный состав президентов и советников при этом не изменился. Монарх обещал привлекать к работе в этих палатах католиков, терпимо относящихся к протестантам. Те же изменения коснулись палат в Гренобле, Бордо, Эксе и Монпелье. Монарх и здесь взял на себя бремя назначать судебных чиновников из числа членов парламентов Гренобля, Бордо, Экса.

Между тем изменения в деятельности палаты при парламенте Тулузы коснулись только резиденции: палата из Монпелье была перенесена в Миль-ан-Журден. Состав же этой палаты назначался как

прежде в палатах *mi-partie*, т. е. протестанты не были отлучены от участия в назначении судебных чиновников.

В 1580 г. была восстановлена палата *mi-partie* в Лангедоке при сохранении за протестантами привилегии ее пополнения, а в Дофине монарх оставил за собой право назначения офисье. Генрих III утвердил свое право назначать президентов и советников (два и четырнадцать человек соответственно) из числа членов парламентов и Королевского совета в палату Гиени, оставив за вождем протестантов привилегию заменять тех чиновников, которые ему покажутся неподходящими для этой деятельности (критерием служило отношение к протестантам). Соглашение 1580 г. запрещало членам палат Лангедока, Дофине и Гиени держать частные советы и дискутировать вне палат, но вместе с тем предусматривало приемлемую финансовую поддержку чиновников, дабы те не притязали на имущество осужденных. Этим же соглашением вводилась практика проверки кандидатов из протестантов в офисье палат Лангедока, Дофине и Гиени, которую должны были осуществлять местные парламенты. Рассмотрение же апелляций монарх оставлял за собой.

Таким образом, монархия стремилась охватить сетью новых судебных палат при парламентах всю Францию, в соответствии с принятыми указами повсеместно подчинить единому закону рассмотрение судебных дел между всеми подданными короны независимо от их конфессиональной принадлежности. Смысл этой реформы заключался в создании благоприятных условий для избавления от неугодных офисье, препятствующих государю в регистрации королевских указов. Монархия демонстрировала государственный подход к решению столь важной проблемы единения подданных.

Если судебная реформа, вопрос об отправлении культа и статусе протестантской церкви, востребованные сложившейся ситуацией, требовали немедленного разрешения, то не менее злободневная проблема образования протестантов была ориентирована не только на сегодняшний день, но и на будущее. Желала ли монархия просвещать и воспитывать юных протестантов достойной сменой ныне здравствующих родителей? Власть отвечала на этот вопрос негативно. В этой позиции короны отчетливо проявлялась ставка на конверсию протестантов. Декларация от 4 октября 1570 г. запрещала протестантам держать свои школы и коллегии, а типографам — печатать и продавать книги без цензуры парижских теологов. В 1576 г. Генрихом III на территории всей Франции был введен запрет на продажу книг протестантского содержания без санкции офисье и палаты Парижского парламента. На систему образования возлагалась ответственная задача по воспитанию подданных в католической вере. Власть санкционировала привилегию

протестантов обучаться в католических коллегиях и университетах, запретив этим учебным заведениям отказывать протестантам.

Аналогичные декларации делались в отношении приютов, богаделен и госпиталей. Власть санкционировала привилегию протестантов пользоваться услугами этих учреждений, находящихся под покровительством католической церкви, в очередной раз заставляя некатоликов делать выбор в решении конфессионального вопроса.

Сепаратистские интересы протестантов не нашли отражения в религиозных мирных соглашениях. Проблема решалась по ходу военных действий. Протестанты сохраняли за собой занятые позиции на юго-западе Франции.

Таким образом, на протяжении 60–80-х гг. формировалась официальная позиция короны в отношении протестантов. Религиозные мирные соглашения дают основание утверждать, что власть демонстрировала свою готовность к уступкам протестантам, но создавала такие условия для реализации привилегий некатоликов, которые вынуждали последних к конверсии либо к эмиграции. При этом и подобные соглашения принимались не без труда, о чем свидетельствует непоследовательность действий властей, неоднократные отказы от религиозных мирных соглашений.

В 1562 г. монарх не признал провокационной роли герцога Гиза и его воинства в событиях в Шампани (Васси), вызвавших религиозные войны. В декларации от 22 апреля 1562 г. «О подавлении злоупотреблений, совершенных против герцога Гиза в Васси» в имевшем место кровопролитии обвинялись протестанты, которые якобы спровоцировали действия герцога Гиза¹. Декларация была принята почти вслед за указом от 19 марта 1562 г. об умиротворении и разрешении протестантам свободно отправлять религиозный культ. События в Васси прервали действие указа от 19 марта 1562 г.

В 1568 г. основанием для появления указа о запрете иной религии, кроме католической, явились якобы имевшие место нарушения протестантами указа от 1562 г. («В нашем королевстве... запрещается другая религия, кроме римско-католической. Приказываю всем министрам реформированных церквей в пятнадцатидневный срок после обнародования настоящего указа покинуть королевство под угрозой наказания»)².

1572 г. кровавых событий в Париже в королевском законодательстве отмечен несколькими документами: посланием Карла IX

---

¹ Déclaration sur la zépression des excès commis contre le duc de Guise a Vassy. 22 avril 1562. // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 131.

² Édit du roy contenant interdiction et deffence de toute preche, assemblée et exercice d'autre Religion que de la Catholique, Apostoloque et Romaine. Septembre 1568. Музей книги РГБ.

губернатору Нормандии с требованием ареста главы кальвинистов, шотландца Монтгомери, участника смертоносного поединка с Генрихом II в 1559 г.¹; указом о прекращении кровопролития, начатого в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г.²; декларацией от 28 августа, в которой монарх признает провокатором убийств в Париже в ночь на св. Варфоломея адмирала протестанта Колиньи³. В 1585 г. основанием для появления указа об отзыве религиозных мирных соглашений и предписании всем королевским подданным исповедовать католическую веру стало обострение внутривластной обстановки, активность Католической лиги в оппозиции монарху.⁴ В 1588 г. отказ от религиозных мирных соглашений объяснялся также обострением внутривластной обстановки. В июле 1588 г. Генрих III объявил о возобновлении союза с принцами и сеньорами Католической церкви. Монарх призывал жить и умереть в католической вере, отдать все силы борьбе с протестантской ересью⁵. Он признавал бесплодность мирных средств искоренения протестантизма и конверсии протестантов. Он апеллировал к знакомой идее борьбы с ересью и с этой целью призывал сплотиться вокруг государя, создать Святую лигу, членство в которой было бы обязательным для каждого католика. Указ о католическом единстве был предложен монархом ассамблее Генеральных штатов 1588 г. и был единодушно принят. Генрих III приказал обнародовать заявление о придании указу о единстве силы государственного закона. Этот указ не был отозван до Французской революции, т. е. закон о католическом единстве пережил Нантский эдикт и сопутствовал эпохе абсолютизма.

Таким образом, изменения политики мотивировались властью обстоятельствами. Виновниками изменения политического курса, как правило, объявлялись протестанты, исключения составили указы 1585 и 1588 гг. И тем не менее, выступая миротворцами—инициаторами религиозных мирных соглашений, либо объявляя себя жертвами обстоятельств, отказавшимися от этих соглашений, монархи пытались сохранить лидерство в решении насущных задач, пропагандируя

¹ Lettre du Roy au gouverneur de Normandie, pour faire saisie au chef calviniste. 24 août 1572 // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 256.

² Édit royal, qui ordonne de cesser les massacres. 25 août 1572 // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 256.

³ Déclaration par laquelle le roi se reconnoit l'auteur du massacre de le Saint-Barthélemy // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 257–259.

⁴ Édit qui révoque ceux de pacification et qui enjoint a tous les sujets du roi le professer la religion catholique. 1585 // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 616–622; Fontanon A. Ibid. T. 4. P. 357.

⁵ Édit de renouvellement de l'union du roi avec les princes et seigneurs catholiques du royaume. Jullet, 1588 // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 357; Asssemblée des États Généraux. 16 Octobre 1588 // Ysambert. Ibid. T. 14. P. 623–628.

идеи мира или войны и побуждая в том или другом случае к сплочению подданных вокруг государя.

Последним в XVI в. религиозным мирным соглашением был указ Генриха IV 1598 г., вошедший в королевское законодательство как Нантский эдикт¹. Со времени принятия указа Генриха III 1577 г. прошел 21 год, связанный с продолжением религиозных войн, убийством монарха, междуцарствием, конверсией и вступлением на престол Генриха IV, франко-испанской войной. Реалии конца XVI в. провоцировали власть снова обратиться к политике религиозных мирных соглашений.

Как отмечалось, Генрих III в 1588 г. отозвал свой указ 1577 г., объявив войну протестантам. Этот новый указ об отмене привилегий протестантов имел силу до 1598 г., хотя после гибели Генриха III в 1589 г. Генрих Наваррский в 1591 г. пытался своей декларацией восстановить указ 1577 г., демонстрируя преемственность своей политики. В период междуцарствия с 1589 по 1594 г. декларация еретика, претендующего на престол, не могла восприниматься как закон; религиозные войны продолжались. Вступление Генриха IV на престол не изменило ситуацию. Его конверсия как условие престолонаследия резко обострила отношения с протестантами. На ассамблее протестантов в 1595 г., созванной без разрешения монарха, был поднят вопрос об избрании нового протектора протестантских церквей вместо Бурбона. В том же 1595 г. национальный синод принял решение «О единстве всеми возможными средствами протестантских церквей Франции с церквями Нидерландов». Отделение протестантов и их антифранцузская ориентация нашли отражение в позиции бывших единомышленников Бурбона в годы франко-испанской войны (1594–1598). Испанская оккупация части Северной Франции заставила Генриха IV начать свое правление с ликвидации источника внешней угрозы. Национально-освободительная война, вспыхнувшая вслед за незакончившимися религиозными войнами, должна была сплотить французов, укрепить власть монарха. Но конверсия Генриха IV, вызвав недоверие к власти, заставила протестантов отказаться от участия в освобождении Франции. Монарх был вынужден прибегнуть к денежным вознаграждениям. Тогда же, в ходе франко-испанской войны, был подписан Нантский эдикт. Угроза нарушения стабильности внутривнутриполитической обстановки, опасность вмешательства во внутренние дела Франции внешнеполитических сил, проявившаяся в ходе франко-испанской войны, спровоцировала принятие Нантского эдикта.

---

¹ Édit de pacification (dit de Nantes). Avril, 1598 // Ysambert. Ibid., Т. 14. P. 170–210.

Мотивация Нантского эдикта об умиротворении была дана Генрихом IV в преамбуле к указу: «Волнения во Франции продолжаются, спокойствие в королевстве отсутствует, из провинций и городов следуют жалобы на то, что католический культ до сих пор не восстановлен, в то же время протестанты недовольны ущемлением своей свободы на отправлении культа». Декларируя причину появления эдикта, монарх огласил свое видение выхода из создавшегося положения, которое связывал с необходимостью введения единого для всех подданных закона: «Необходимо всем нашим подданным дать один закон, четкий и ясный, которым бы улаживались возможные разногласия и который бы помог установить добрый и крепкий мир». Таким образом, Генрих IV объявлял себя преемником политики последних Валуа.

Нантский эдикт был подписан Генрихом IV в Нанте в апреле 1598 г. Эдикт состоит из разных по содержанию и времени появления частей:

- Brevet от 3 апреля 1598 г., которым монарх обязуется взять на казну расходы в размере 245 000 экю на содержание министров протестантской церкви;
- 92 статей от 30 апреля;
- Brevet от 30 апреля 1598 г., которым монарх обязуется выделить из казны 180 000 экю на содержание гарнизонов для охраны протестантских крепостей;
- 56 секретных статей от 2 мая, дополняющих основной текст из 92 статей.

В основу Нантского эдикта лег указ Генриха III от 1577 г., который был дополнен brevet и некоторыми конкретными статьями о поддержке министров протестантских церквей, о содержании военных гарнизонов в местах безопасности и некоторыми другими.

Введение единого закона для всех подданных означало признание равенства католиков и протестантов в их статусе подданства монарху. Признавая всех французов, независимо от конфессиональной принадлежности, своими подданными, Генрих IV обязывал их соблюдать установленный закон. Королевское подданство объявлялось приоритетным перед конфессиональной принадлежностью.

Первыми своими статьями Нантский эдикт вводил запрет «восстанавливать в памяти события прошлых лет, обвинять кого-либо или провоцировать обвинения воспоминанием о прошлом под каким бы предлогом это не было — в диспуте или ссоре и подвергать оскорблениям кого-либо». Вместо этого указ требовал поддерживать друг друга подобно братьям, друзьям и согражданам под угрозой быть наказанным как «возмутитель мира и спокойствия». Таким образом, монарх мотивировал цель своего указа восстановлением мира и общественного спокойствия.

Главная статья, которой должны были подчиниться все подданные, требовала восстановления католического культа там, где он был прерван. Одновременно с восстановлением католического культа Нантский эдикт требовал освободить занятые храмы, дома и вернуть имущество, принадлежащее священникам, — отказаться от прав и свобод, которые были незаконно присвоены. («Решительно запрещается представителям реформированной религии отправлять свой культ в католических храмах, а также в домах и жилищах священнослужителей».)

Вторая статья, обязательная к исполнению, предписывала подчинение всех подданных, «какого бы положения они ни были», канону, санкционированному монархией, об уплате церковной десятины, при этом особо подчеркивалось подчинение этому требованию протестантов («Мы постановляем, что представители реформированной религии и те, кто следует их партии, какого бы положения ни были, будут принуждаться всеми надлежащими и благоразумными путями под угрозой наказаний платить десятину кюре и другим священникам в соответствии с местными обычаями»). Кроме того, признавались действительными все приобретения церковных богатств, сделанные протестантами в период правления предшественников Генриха IV. «Мы приказываем, чтобы акты возвращения имущества церкви не имели ограничений во времени, церковь должна сохранить имущество за собой даже в случае его продажи. Мы аннулируем эти акты о продаже. И тем не менее для пополнения казны и во избежание ошибок мы направим наши грамоты представителям реформированной религии об обложении их налогами в размере тех сумм, которые они выручили от продажи церковных земель».

Эдикт обязывал протестантов соблюдать праздники католической церкви («...не следует в эти дни работать, продавать и держать лавки открытыми. Работники не должны трудиться вне мастерских, в домах при закрытых дверях в установленные Католической церковью праздники. В противном случае шум, распространяющийся за пределы помещения, где работают ремесленники, и достигающий ушей соседей, может дать повод судейским чиновникам для расследования нарушений королевского указа»). В то же время, согласно эдикту, протестанты не допускались к Божьему делу католиков, как-то: к работам по восстановлению и строительству церквей, к расходам на приобретение церковной утвари и литье колоколов, к выпечке хлеба для освящения. Их не следовало принуждать украшать свои дома в дни католических праздников: подготовку к праздникам должны осуществлять за них королевские должностные лица. Таким образом, Нантский эдикт, как и предыдущие религиозные мирные соглашения Карла IX и Генриха III, защищал интересы Католической церкви.

Признание протестантов подданными короны ставило вопрос о толерантности. Следует подчеркнуть, что сам термин «tolerance» в Нантском эдикте, как и в предыдущих соглашениях, не используется, что объяснялось традицией употребления этого термина в религиозном контексте и только в негативном смысле. Генрих IV, как и его предшественники, объявил о приоритете статуса подданного короны, объединяя своих подданных независимо от их религиозной принадлежности. Однако решая проблему толерантности, монарх не мог не учитывать конфессиональной стороны проблемы — религиозной нетерпимости. Нантский эдикт явился попыткой совместить гражданскую толерантность с религиозной нетерпимостью посредством четкого определения характера и границ уступок. Уступки или привилегии протестантам созданием неблагоприятных условий для их реализации преследовали цель способствовать конверсии некаатоликов.

Статьи, касающиеся протестантов, по содержанию разделяются на две большие группы:

- те, что относятся к отправлению культа, к положению протестантских церквей и их служителей, т. е. к конфессиональной жизни;
- те, что затрагивают другие стороны жизни протестантов как подданных короны: образования, пользования приютами и богадельнями, привлечения к государственным должностям, привилегии обращения в суд.

Нантский эдикт допускал отправление протестантского культа и деятельность протестантских церквей. При этом эдикт отделял привилегии на отправление культа знати и городского сословия. Для знати, сеньоров «*haute justice*» и «*plein fief de haubert*», сословная привилегия на отправление культа заключалась в привилегии отправлять культ в своем поместье, доме, в кругу семьи. При этом сеньорам «*haute justice*» не запрещалось собирать в доме до 30 человек на крестины и по другим торжественным случаям, тогда как сеньоры «*plein fief de haubert*» были ограничены в отправлении культа кругом семьи. Сеньориальным привилегиям знати противостояли привилегии городского сословия. Горожане получили привилегию на отправление культа на строго ограниченной и специально отведенной территории — в окрестностях некоторых городов («Строжайше запрещено представителям реформированной религии отправлять культ вне тех мест, которые выделены для этого настоящим указом»). Эдикт запрещал отправление культа в Париже и его окрестностях и во всех крупных городах и епископских резиденциях. На северо-востоке под запретом были порт Дьепп, а также Абвилль, Перонна, Суассон, Реймс, Шалон, Жуанвиль; на юго-западе — Дижон, в центре — Орлеан и Бурж. Для отправлений культа отводились два места в каждом баляеже и сенешальстве

в окрестностях городов. Во избежание двусмысленности понимания термина «окрестности» даже вводилось уточнение: «под окрестностями понимают пригороды». Регламент дозволенных мест для отправления культа устанавливался с учетом потребности. Так, для Пикардии предусматривались окрестности двух, для сенешальства Прованс и бальяжа Вьеннуа — трех городов. Выбор места в пределах установленного регламента принадлежал протестантам.

Само действие — отправление культа — было строго подконтрольно: «Представители реформированной религии назовут два города, в окрестностях которых будут отправлять культ под контролем комиссара Его Величества». Следует подчеркнуть, что в основном Генрих IV следовал территориальному регламенту, принятому Генрихом III (1577), подвергнув лишь некоторому пересмотру географию мест для дозволенных собраний. Например, протестантам островов Олерон и Моренна вместо двух мест (по одному — каждому острову), дозволенных в 1577 г., было установлено по два места на каждом острове. В то же время с географической карты отправления протестантского культа были исключены окрестности городов с преобладанием католиков, таких как Реймс, Дижон, Шалон, Суассон, Санс, Нант. Более двадцати статей секретной части эдикта посвящены уточнению географии религиозных собраний протестантов на землях католической знати, т. е. бывших лигеров. Эдикт запрещал отправления культа в этих землях, связанных с деятельностью Лиги и ее амнистированных вождей. Эти запреты объяснялись интересами безопасности — возможностью эксцессов. Введение контроля при соблюдении сословных привилегий в отпадении протестантского культа препятствовало консолидации некатоликов. Навязанные территориальные ограничения были испытанием для горожан.

Как и предыдущие религиозные мирные соглашения, Нантский эдикт разрешал деятельность консисторий, коллоквиумов, провинциальных и национальных синодов, но непременно с санкции Его Величества. Министрам протестантских церквей жаловалось освобождение от несения караула и дозора, от постоя армии; эдикт освобождал пасторов от тальи. В отличие от указов Карла IX и Генриха III, Генрихом IV была предусмотрена материальная поддержка министров протестантских церквей. В *brevet* от 3 апреля 1598 г. Генрих IV обязался взять на себя расходы по содержанию министров и теологов. Как отмечалось, монарх, желая удовлетворить просьбу поданных из числа протестантов и помочь им покрыть большие расходы, которое они понесли, приказал, начиная с первого дня настоящего месяца, ежегодно выдавать 45 000 экю из основных доходов казны; далее перечисляются суммы поступлений: от Парижа — 6 000 экю, от Руана — 6 000 экю, от Орлеана — 4 000 экю, от Тура — 4 000 экю, от

Лиможа — 6 000 экю, от Бордо — 8 000 экю, от Пуатье — 8 000 экю, от Коэна — 3 000 экю. Согласно *brevet*, эта сумма должна будет выплачиваться поквартально при условии предоставления отчетов об использовании денег. В *brevet* отмечалось также, что Его Величество не желает открыто объявлять о предоставлении денег министрам протестантских церквей. Этим объясняется, что упоминание об указанных суммах не вошло ни в основную, ни в секретную части Нантского эдикта. Во избежание негативной реакции со стороны агрессивно настроенной части католиков это обязательство монарха было изложено отдельно.

Кроме того, монарх разрешал самим протестантам позаботиться о вспомоществовании служителям культа («Его Величество разрешает представителям реформированной религии собрания, которые своим авторитетом способны позаботиться о вспомоществовании реформированной церкви»). Эдикт допускал поддержку реформированных церквей частными лицами («Пожалования, сделанные для поддержки министров, докторов, школяров и бедняков реформированной церкви, включая распоряжения перед смертью, будут признаны законными и могут использоваться в полной мере»).

Таким образом, конфессиональный вопрос был решен монархом без ущемления интересов католической церкви, кроме *brevet* о денежных посулах. Но эта королевская грамота не имела огласки, и выполнение выраженного в ней обещания зависело только от монарха.

Из статей, касавшихся внеконфессиональной жизни протестантов, важное место занимали те из них, что относились к организации судопроизводства. Нантский эдикт, как и предыдущие мирные соглашения, отказался от признания протестантов еретиками, подсудными церковному суду. Как подданные короны протестанты должны были иметь доступ в суд по делам о наследстве, криминальным и гражданским делам.

В отличие от решения конфессионального вопроса, проблема протестантов в судебной системе решалась с принципиально иных позиций. Как и Генрих III, Бурбон не побоялся допустить протестантов к власти. Это объяснялось желанием монарха использовать благоприятную конъюнктуру провести судебную реформу с целью укрепить свое влияние в судебных палатах провинций и в Парижском парламенте.

Статьи о реорганизации органов правосудия оказались самыми многочисленными в Нантском эдикте. Принципиально вопрос был решен в пользу оформления чрезвычайных палат *mi-partie* при действующих парламентах. Полномочия организуемых при парламентах палат *mi-partie* сводились к рассмотрению гражданских и криминальных дел, т. е. к тому, чем занимались парламенты, а также к

контролю за исполнением эдикта. Эдикт предусматривал создание параллельных судебных органов для расследования дел протестантов и разбирательства между протестантами и католиками («Запрещается всем нашим суверенным парламентам вести разбирательства гражданских и криминальных дел представителей реформированной религии; эти дела должны быть переданы в установленные чрезвычайные палаты»).

Более того, введение новых палат *mi-partie* было использовано для пересмотра территориальных границ, в пределах которых действовали парламенты и чрезвычайные палаты. Палаты нарушали устоявшиеся территориальные границы компетенции парламентов. Эдикт менял сложившуюся систему связей между провинциями и местными парламентами. Так, в компетенцию созданной при Парижском парламенте палаты передавались дела из парламентов Нормандии (Руан) и Бретани (Ренн). Палаты Парижского парламента и парламента Дофине в Гренобле имели полномочия рассматривать дела, поступавшие в парламент Бургундии в Дижоне. Дела из Лангедокского парламента могли быть переданы в Парижскую палату, в то же время Лангедокский парламент, а также парламент Дофине (Гренобль) могли принимать дела протестантов из парламентов Бордо и Экса. Эдикт разграничивал сферы компетенции парламентов и чрезвычайных палат при расследовании криминальных дел таким образом, что в случаях, когда католики будут выступать ответчиками, процессы должны будут вести парламенты. В случаях, когда ответчиками становились протестанты, разбирательство осуществлялось в чрезвычайных комиссиях.

Отбор личного состава *mi-partie* должен был осуществляться под контролем Королевского совета и происходить в приватном совете монарха. Но контингент кандидатов представляли члены парламентов. Не запрещалось совмещение работы в парламенте и в палате. От претендующего на членство в палате требовалась присяга, которую надлежало давать в Королевском совете. Исключение составляла палата при Лангедокском и других парламентах Южной Франции, где процедура присяги совершалась в самой палате в присутствии королевского канцлера. Критерием достоинства протестанта для занятия должности в палате являлась положительная рекомендация синодов или коллоквиумов протестантских церквей («Представители реформированной религии могут занять вакантные должности в палатах только по рекомендации синодов или коллоквиумов»).

Численный состав палат — соотношение католиков и протестантов — был самым острым вопросом. Как парламенты, так и политические собрания протестантов противились — первые появлению палат, вторые причастности монарха к отбору кандидатов, т. е. те и другие

вмешательству монарха в деятельность судебных органов. Протестанты настаивали на пропорциональном соотношении католиков и протестантов (1/2 к 1/2) и на участии в отборе кандидатов в палаты не только синодов, но и политических собраний протестантов. Численный состав палат, предусмотренный Нантским эдиктом, зависел от политического веса парламента. Самой большой была палата при Парижском парламенте: один президент из католиков и шестнадцать советников (десять — от католиков и шесть — от протестантов). Остальные палаты *mi-partie* были меньше: в Бордо — один президент из католиков и шесть советников из католиков и протестантов, в Гренобле — один президент из католиков и три советника из протестантов и католиков. Соотношение численности католиков и протестантов соблюдалось не только на уровне советников, но также прокуроров, адвокатов и секретарей. Минимальный численный состав палат должен был обеспечить подконтрольность и отбор верных офицье. Введение новых чрезвычайных палат при парламентах должно было стать составной частью всех нововведений в судопроизводстве, осуществляемых монархией, начиная с Вилье-Коттерейского ордонанса (1539).

Судебная реформа решала вопрос о привлечении протестантов на государственные должности в судебные и счетные палаты и даже в Королевский совет. 24-я статья Нантского эдикта гласила, что представители реформированной религии, согласно обычаю, как и католики, покупают свои должности, помимо того, что проходят предвзятый отбор, как об этом сказано выше. Уступкой религиозному чувству протестантов было разрешение не присутствовать на религиозных церемониях при исполнении должностных обязанностей. Это означало, что власть пополняла ряды офицье людьми, обладающими прежде всего профессиональной квалификацией, использовала их деловые качества. Однако добившийся профессионального признания протестант был так или иначе обречен подчиняться требованиям, предъявляемым его собратьям по вере. Это касалось отправления культа, заключения брака, привилегии на получение образования и медицинской помощи. В отличие от указа Генриха III, разрешившего браки между родственниками в четвертом колене, Нантский эдикт вводил запрет на заключение браков внутри протестантской общины. Запрет мотивировался вырождением достойных семей от кровосмешения. В то же время решение брачной проблемы имело принципиальное значение для целостности протестантской общины. Вердикт, вынесенный Нантским эдиктом, служил серьезной препоной для существования протестантской общины.

Нантский эдикт декларировал порядок получения образования и медицинской помощи. «Утверждается порядок, — говорилось в

эдикте, — согласно которому не будет различий между католиками и представителями реформированной религии при поступлении в школы, университеты, коллегии, как не будет различий для больных и бедных католиков и представителей реформированной религии при определении их в госпитали и дома призрения». В секретной части эдикта, уточняющей основной текст, дается к этому следующее разъяснение: «Представители реформированной религии могут держать свои школы только в тех местах, где разрешено отправление протестантского культа». Эту статью дополняет другое предостережение: «Книги, содержание которых касается реформированной религии, могут открыто печататься и продаваться только в городах и местностях, где новый культ разрешен. Книжки, напечатанные в других городах в нарушение указа, должны подвергаться осмотру как нашими судейскими чиновниками, так и теологами в соответствии с указом». Нантский эдикт гарантировал протестантам привилегию обучаться в католических университетах и школах, что на практике могло означать конверсию либо отказ от привилегии. Эдикт допускал открытие учебных заведений протестантской ориентации, но требовал их сосредоточения в местах отправления культа. Реализация этой привилегии была затруднена из-за отсутствия кадров.

Три статьи эдикта касались вопроса о захоронении протестантов. Острота этого вопроса сохранялась в конце XVI в. Судя по содержанию статей, похоронные церемонии могли угрожать волнениями: католики возражали против захоронений протестантов на уже существующих кладбищах. Нантский эдикт призвал должностных лиц «держать руку наготове». Принципиальным решением вопроса было открытие кладбищ для протестантских захоронений. Одна из статей секретной части эдикта указывает на подобное разрешение вопроса как на гарантию от возможных волнений. В качестве временных действий, могущих удовлетворить общество, эдикт требует совершать погребения в пятнадцатидневный срок под угрозой штрафа в 500 экю и других наказаний, за вымогательство взяток с протестантов, совершающих захоронения. Данная статья суть отражение не только политики монархии, но отношения к протестантам и восприятие действий монарха в отношении не католиков.

Между тем самой серьезной уступкой, сделанной монархом протестантам, было сохранение за ними военных крепостей и городов в Южной и Юго-Западной Франции. Договор об этом не вошел в текст Нантского эдикта. 30 апреля одновременно с Нантским эдиктом была подписана королевская грамота (*brevet*) об обязательстве монарха выделять ежегодно по 180 000 экю на содержание военных гарнизонов, несущих службу по охране городов и крепостей протестантов. Мотивацией этого договора было обеспечение короной мест безопасности

для проживания протестантов. Территориально это относилось к федерации городов с преобладанием протестантского населения на юго-западе Франции («Желая удовлетворить, насколько возможно, требования своих подданных, принадлежащих к реформированной религии, в отношении свободы отправления культа, а также личной безопасности и сохранности имуществ, Его Величество обещает, что, кроме того, что содержится в эдикте, который должен быть обнародован, все города и замки сеньоров, которые они держат в настоящее время до конца августа 1598 г., останутся в их распоряжении, и в них будут находиться военные гарнизоны под покровительством и в повиновении Его Величества в течение восьми лет со дня обнародования эдикта. Для поддержания этих гарнизонов Его Величество будет жаловать 180 000 экю ежегодно»). Согласно *brevet*, за протестантами осталось около 150 мест безопасности: пятьдесят одно место *sûrté*, гарантированной безопасности под охраной, шестнадцать мест «*places de mariage*» под охраной протестантов и католиков, а также свободные королевские города Ла-Рошель, Сен-Фуа, Ним, Узе без королевских гарнизонов (управление в этих городах было в руках протестантов) и восемьдесят «*places patriculières*» сеньорий, принадлежащих протестантам. В сравнении с предыдущими соглашениями Нантский эдикт расширил территорию безопасного проживания протестантов: в 1570 г. протестанты получили Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк, Шарите-на-Луаре и несколько больших сеньорий, в 1573 г. — большие сеньории, в 1577 г. — пятнадцать мест безопасности.

Кроме того, в упомянутом *brevet* от 30 апреля 1598 г. была сделана еще одна уступка протестантам: Генрих IV разрешил (несмотря на запрет отправлять протестантский культ при дворе) герцогам, пэрам, офицерам, маркизам, графам, губернаторам, генеральным наместникам, маршалам и капитанам охраны Его Величества, находящимся при дворе, отправлять культ в своих покоях в кругу семьи «без громкого пения псалмов». Хозяин королевского двора отделял государственное служение от конфессиональных чувств, уважая последние. Однако допуская отправления протестантского культа при дворе (при закрытых дверях в покоях), Генрих IV стремился отстраниться от религиозного действия. В том же *brevet* отмечено, если монарх пребывает более трех дней в городах и местах, где отправление протестантского культа разрешено, то это религиозное действие может быть совершено после отбытия монарха.

В последних строках *brevet* Генрих IV выражал надежду на соблюдение Нантского эдикта и *brevet* всеми протестантами и на регистрацию этого указа всеми парламентами и сделал еще одну уступку протестантам. Согласно документу, монарх допускал, чтобы два докладчика палаты прошений Парижского парламента доставляли

ко двору просьбы от протестантов. Кроме того, депутатам ассамблеи протестантов в числе десяти человек разрешалось следить за исполнением эдикта на местах (в Сомюре, Шателеро) до того, как эдикт будет верифицирован Парижским парламентом.

Таким образом, последнее в XVI в. религиозное мирное соглашение должно было начать долгую жизнь (1598–1685): ему было суждено оставить позади все предыдущие соглашения. Эдикт не нарушался военными действиями: инерция войны исчерпала себя. Однако совмещение религиозной нетерпимости с гражданской толерантностью с трудам давалось обществу со средневековыми устоями.

Весьма показательна в этом отношении история регистрации Нантского эдикта парламентами. Одиннадцать лет длилась борьба Генриха IV с парламентами. Судейские корпорации Парижа и провинций, католические в своей конфессиональной ориентации, защищали не только конфессиональные, но и профессиональные, корпоративные интересы. Они распознали в судебной реформе, предусмотренной эдиктом, наступление монарха — нарушение монополии судебной практики.

Первым воспротивился Парижский парламент, посчитав недопустимым присутствие протестантов в своих рядах и вмешательство монарха в отбор офисье. С мая 1598 г. по февраль 1599 г. длилось противостояние монарху. Генрих IV был вынужден прибегнуть к своему праву «*lit de justice*»: присутствие монарха в парламенте обязывало принять эдикт к регистрации. Генриху IV были предъявлены требования не назначать протестантов на должности советников по судебным делам, а также прокуроров и адвокатов. Члены парламента настаивали на сокращении численности протестантов в палатах *mi-partie* до одного-двух на десять католиков вместо первоначально принятых шести. Монарх принял поправки, и Нантский эдикт был зарегистрирован 25 февраля 1599 г. В сентябре 1599 г. эдикт прошел регистрацию в парламенте Гренобля. 12 января 1600 г. его подтвердил парламент Дижона, а вслед за ним, 19 января, парламент Тулузы. У тулузских судей тоже были свои претензии: они требовали не допускать протестантов к почетным должностям. В августе 1600 г. эдикт утвердили парламенты Экса (11 августа) и Ренна (23 августа). Последним очагом сопротивления до 1609 г. оставался Руан.

Сопротивление парламентам было не единственной оценкой Нантского эдикта. Указ Генриха IV подвергся осмыслению протестантами. Отражением их мнений стал диалог с монархом политических собраний протестантов. Протоколы ассамблей протестантов 1595, 1600, 1605, 1608 гг. свидетельствуют о том, что в целом протестанты приняли эдикт, но в диалоге с монархом их более всего беспокоили судьба политических собраний протестантов и их правовой статус

после принятия эдикта. Основные протесты относились к реализации эдикта, к нарушениям принятых решений. Так, на ассамблее в Шательро (1599) протестанты требовали введения запрета на перекрещение детей протестантов: признание галликанской церкви официальной, восстановление католического культа повсеместно побуждали духовенство к противоправным с точки зрения эдикта действиям; подвергали осуждению Сорбонну за отказ в праве на получение протестантами ученой степени в ее стенах; требовали санкции на право пользоваться католическими кладбищами по причине отказа в выделении отдельных мест для захоронений; наконец, соглашаясь с решениями короны о деятельности консисторий, коллоквиумов и синодов, они указывали на издержки этой политики, ведущей к упадку протестантской церкви, и в качестве таковых отмечали введение запрета на участие французских протестантов в синодах протестантских церквей, проходящих за пределами Франции, под угрозой рассмотрения этого нарушения как преступления против Его Величества. К этому можно добавить замечания, сделанные в Сомюре (1660), которые касались нарушений в допуске протестантов к должностям и при назначении в палаты *mi-partie* при парламентах. Вызывала возражения (ассамблея Шательро 1599) статья Нантского эдикта о соблюдении католических праздников, запрещавшая трудиться в праздничные дни. Соборания настаивали на отмене этой статьи и особенно на запрете преследовать нарушителей церковных канонов. Что касается вопроса о правовом статусе политических собраний протестантов, то ассамблеи видели свою роль по-прежнему в посредничестве между монархом и протестантскими церквями и желали наделить себя полномочиями по контролю за соблюдением эдикта, как-то: за поступлением денег на поддержку министров и за состоянием гарнизонов, призванных обеспечить безопасность протестантов.

Между тем Генрих IV занимал в отношении собраний протестантов иную позицию. Он санкционировал временную деятельность собраний при условии введения контроля за ними и при участии монарха в процедуре назначения депутатов из представленных кандидатов в органы управления собраниями. Однако деятельность этих собраний не была предусмотрена Нантским эдиктом: монарх рассматривал свое разрешение как «временную милость», исключая собрания из государственной жизни. Французский монарх с трудом пробивал сопротивление своим действиям, хотя, как и его предшественники Карл IX и Генрих III, он стремился к гражданскому миру, гарантированному государством.

Нантский эдикт повсеместно вступил в действие накануне гибели Генриха IV. После 1610 г. судьба эдикта складывалась непросто. В годы регентства Марии Медичи при малолетнем Людовике XIII

эдикт был приостановлен. В 1629 г. протестантов лишили охраняемых военными гарнизонами городов и крепостей. В 1685 г. эдикт был отозван. Означало ли это, что религиозные мирные соглашения канули в Лету? К указам подобного рода французская монархия действительно более не возвращалась. Однако бесследным опыт французских монархов в годы религиозных войн нельзя назвать. Нантский эдикт, как и предыдущие религиозные мирные соглашения, был свидетельством формирования независимого государственного разума. Позиция, занятая короной, позволила расширить прерогативы монарха и законодательно оформить право государя на вмешательство в решение конфессионального вопроса. Введение единого государственного закона о конфессиях уравнивало перед ним всех подданных, заставляя подчиниться и сеньоров высокой юрисдикции, привилегированную знать, не признававшую своего подданства монарху. В государственном управлении религиозные мирные соглашения благоприятствовали проведению судебной реформы: введению новых палат при парламентах, состав которых вербовался с санкции монарха. Эта судебная реформа была попыткой подчинить судебные палаты, претендовавшие на право вето. Сложившаяся во второй половине XVI в. неблагоприятная внутривластная обстановка искусно использовалась монархией в ее поступательном движении к торжеству абсолютизма.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ XVI в.

Идеи конституционализма были широко популярны в политической и общественной мысли Франции со времени установления сословно-представительной монархии и служили ее идеологическому укреплению, а одновременно разработке учения о правах сословий. Тезис о том, что Франция представляет собой смешанное государство, а государь подчинен законам, пропагандировался и распространялся уже в XV в. Однако особое значение идея правомерности ограничения центральной власти законами, судебными учреждениями или сословным представительством (а именно к этому сводился конституционализм той эпохи) приобретает в XVI в. и претерпевает в течение этого века существенные изменения.

Эволюция конституционализма во Франции XVI в. характеризовалась выдвиганием и разработкой новых политических идей на разных этапах его развития. В начале XVI в. на передний план политическими идеологами выдвигалась идея смешанного государства (воплощением которого провозглашалось Французское королевство), эпоха гражданских войн второй половины века оказалась связанной сначала с возникновением теории народного суверенитета, а затем — с разработкой учения о законном праве на сопротивление власти. Проблема развития средневекового конституционализма во Франции XVI в. уже поднималась в ряде работ, но обычно либо в связи с творчеством К. де Сейселя, либо в связи с тираноборческой доктриной¹, хотя идеи

---

¹ Наиболее развернуто (хотя по преимуществу на примере тираноборчества) эта проблема рассмотрена в старой работе У. Черча. См.: *Church W. Constitutional Thought in Sixteenth Century France*. Cambridge, 1941. См. также работу Б. Рейнольдс: *Reynolds B. Proponents of limited Monarchy in sixteenth century France // Studies in history, economics and politic law*. L., 1931. № 334. Подъем интереса к проблеме конституционализма наблюдается на рубеже 70–80-х гг. XX в., в основном в англоязычной историографии. См.: *Keohane N. Philosophy and the state in France*. Princeton, 1980; *Franklin J. Constitutionalism in the Sixteenth Century: Protestant Monarchomachs // Political Theory and Social Change*. New-York, 1967. Подборка текстов тираноборцев, осуществленная Дж. Франклином, также была озаглавлена «Конституционализм и сопро-

конституционализма нашли выражение в творчестве многих мыслителей и преломлялись в их творчестве очень своеобразно.

Впервые концепция конституционализма была системно изложена в сочинении известного мыслителя и политического деятеля Франции архиепископа Туринского Клода де Сейселя «Великая Французская монархия» (1516). Трактат, написанный по волеизъявлению монарха (Франциска I), отразил определенный уровень политического сознания общества в эпоху утверждения абсолютизма, а также характер политической идеологии эпохи. Сейсель выдвинул отчетливо сформулированный идеал государства — это наследственная монархия, в которой установлен контроль над властью государя, то есть идеальное государство, по его убеждению, совпадает с реально существующим французским королевством, сословно-представительной монархией. Он полагал, что власть королей во Франции исторически была ограничена тремя установлениями — государственными учреждениями, религией и законом, при этом особое значение он придавал именно государственным учреждениям: «Третья узда, которой сдерживаются французские короли, — это учреждения и обычаи королевства, которые освящены многими веками и подтверждены длительным обычаем»¹. В силу этого они приобрели вечный и непреложный характер, а потому «короли не в состоянии добиться их отмены, а если они случайно и попытаются это сделать, то их усилия окажутся тщетными». Именно наличие подобных учреждений и гарантирует возникновение в обществе «добраго порядка и гармонии, существующих в отношениях между всеми слоями»².

К государственным учреждениям, контролирующим власть и деятельность государя, Сейсель относил также органы сословного представительства. Но все же основной контроль в его представлении должны осуществлять не Генеральные штаты, а судебные учреждения, то есть парламенты. Эти учреждения, по его убеждению, были созданы «ради укрощения абсолютной власти» короля³. В принципе идеи конституционализма служили мыслителю и для определения особенностей французской государственности; он характеризовал французское королевство как смешанное государство, полагая, что в его политическом устройстве присутствуют элементы аристократического и демократического правления. Эта идея дополнялась учением о сословиях и тезисом о возможности социальной мобильности, которую обеспечивает сам факт существования смешанного государства⁴.

тивление в XVI в.» (Constitutionalism and resistance in the XVI century /Ed. J. Franklin. New-York, 1969.

¹ *Seyssel C. de. La Monarchie de France. P., 1961. P. 113.*

² *Ibid. P. 127.*

Показательно, что в представлении К. де Сейселя отказ короля от «узды», попытки с его стороны нарушить установленные традицией обычаи и устои, свидетельствует о склонности этого монарха к тирании и тем самым предопределяется его судьба в истории. По утверждению автора, «если он (король) преступит упомянутые предписанные ограничения и пределы и начнет использовать вместо разума услужливую волю (советников. — И. Э.), то в будущем ему суждено быть причисленным к числу нечестивцев, тиранов, людей, которым присуща жестокость и нетерпимость».

Сейсель во многом определил в своих формулировках и идеях дальнейшее развитие политической мысли эпохи. Направление, отгалкивавшееся от его концепции, стало магистральным в истории общественной и политической мысли эпохи. Его и принято обычно в литературе называть конституционализмом. Все теории, связанные с этим направлением, опирались на тезис о необходимости ограничения власти монарха государственными институтами (чаще сословно-представительными, реже судебными) или законом. Именно идеи конституционализма становятся отправными в развитии политических доктрин бурного периода гражданских войн второй половины XVI в. Как показала история, апология французской монархии была взята на вооружение теоретиками абсолютизма, а необходимость ограничения центральной власти была развита и своеобразно интерпретирована тираноборцами.

Идеи конституционализма развивались подавляющим большинством политических теоретиков. Можно заметить, что только Ж. Боден и апологеты теории «божественного права королей» не связывали свои идейные построения с конституционализмом и не черпали аргументацию в нем. Тем более, что почти все выдающиеся политические мыслители были юристами, нередко практикующими. Достаточно широко идеи конституционализма использовал в своих сочинениях знаменитый гуманист и политический деятель канцлер Мишель де Лопиталь. Для него они были неразрывно связаны с пониманием места и роли Генеральных штатов во французской политической системе. Если к обязанностям государя он относит проведение Генеральных штатов, прямое общение со своими подданными и осуществление правосудия, то функция Генеральных штатов определена им недвусмысленно.

Сословно-представительные учреждения призваны контролировать деятельность и политику государя: «Именно они (Генеральные штаты. — И. Э.) удерживают государей от слишком большого обременения народа и крайней перегрузки его при введении новых налогов, осуществлении экстраординарных гигантских расходов, а также при назначении на должность судей дурных людей, передаче недостойным

лицам епископств и аббатств, а также от всех других бесконечных бедствий»¹. Характерно, что, согласно Лопиталю, наибольшие ошибки в управлении связаны либо с кадровой политикой власти, либо со злоупотреблениями в финансовой сфере. Именно это и вызывает ухудшение положения народа.

Канцлер Лопиталь был далек от критики действий и политики монархов и не клеймил их как тиранов; по его мнению, злоупотребления в управлении государством происходят исключительно вследствие ошибок, вызванных недостатком информации или же кознями придворных: «Государи совершают все это часто по ошибке, поскольку большинство их видит все исключительно глазами другого человека и, вместо того чтобы самим вести других людей (как им это и подобает), позволяют другим вести себя»². Отсюда и особое видение носителем одной из высших государственных должностей Франции функций Генеральных штатов — они не только должны контролировать власть, но и уведомлять ее обо всех несправедливостях и бедствиях, «государи могут услышать и разузнать обо всем только когда проводят штаты»³. Следовательно, Генеральные штаты в глазах Лопиталья превращаются в важнейший политический орган во Франции, от функционирования и активности которого во многом зависит благоденствие государства.

По убеждению канцлера любое выступление против функционирования Генеральных штатов свидетельствует о политической ненадежности человека, о том, что он — враг своего народа и страны. Этими людьми, судя по всему, в представлении гуманиста оказываются королевские советники, которые и препятствуют правильной деятельности короля, повинувшись личным интересам: «Голос истины обычно бывает от них (королей) скрыт их же слугами». А поэтому, утверждает Лопиталь, недоброжелатель Генеральных штатов — одновременно и противник спокойствия и блага государства, он руководствуется самыми низменными мотивами: «Это те, кто хочет управлять в соответствии с собственными желаниями и стремлениями, кто опасается, что их поступки станут известны другим, они осаждают государя и следят, чтобы никто к нему не приближался»⁴.

Итак, констатирует канцлер, миссия Генеральных штатов помимо контроля над решениями и поступками монарха, включает в себя также обеспечение правдивой информации и борьбу с дурными королевскими советниками. Характерно, что отказ от проведения

¹ *L'Hospital M. de. Harangue du Chancelier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblée des Etats Generaux. P., 1829. P. 3.*

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 5.

сословно-представительных собраний или отсутствие такового вообще, с точки зрения Лопиталья, свидетельствует и о проявлении определенных тенденций к установлению тирании в данном государстве, «тех, кто опасается подобных великих собраний, должно подозревать в стремлении к тирании, и их не следует считать законными государями»¹. Тирания, таким образом, для Лопиталья — это отказ от сословного представительства и попытка сконцентрировать власть в одних руках.

Вообще, по мнению Лопиталья, любая власть в обязательном порядке должна быть ограничена, по его убеждению, «неконтролируемое могущество всегда низводится до уровня тирании»². Ограничение устанавливается, прежде всего, законами, даже «король не в силах ничего сделать вопреки закону»³. Контроль же за соблюдением монархом законов и обычаев исторически некогда был передан сословно-представительным учреждениям. Немаловажно, что Лопиталь излагал свою позицию в начале гражданских войн, то есть во второй половине века, а со времени Франциска I Генеральные штаты уже не собирались регулярно, следовательно, утверждение абсолютизма для Лопиталья вызывало подозрение в тенденциях к тирании. Эти взгляды уже отошли достаточно далеко от апологетики Сейсея.

И все же Лопиталь скорее стоял на охранительных позициях; он желал сохранить те учреждения, которые были освящены традицией, и преувеличивал историческое значение и политическую роль Генеральных штатов. Объективно канцлер выступал против новшеств в политической жизни, которые несли в себе абсолютная монархия (преданным слугой которой он в то же время оставался).

Идеи конституционализма использовались в дальнейшем в сочинениях ряда историков и политических теоретиков — апологетов сложившихся политических институтов Франции, признанных защитников легитимизма. Пожалуй, наиболее оригинальная интерпретация идей конституционализма была дана в творчестве известного историка и юриста Э. Пакье⁴. Пакье попытался создать определенный теоретический компромисс. Он полагал, что центральная власть должна быть ограничена (иначе закладываются предпосылки для установления тирании), но при этом подчеркивал и настоятельно

¹ *L'Hospital M. de. Harangue du Chancilier.*

² *L'Hospital M. de. Traité de la réforme de la justice // Oeuvres inédits de M. de L'Hospital. P., 1825. V. I. P. 87.*

³ *L'Hospital M. de. Harangue du Chancilier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblée des Etats Generaux. P., 1829. P. 6.*

⁴ О политических воззрениях Э. Пакье и их эволюции см.: *Эльфонд И. Я. Кабинетный ученый и бури гражданских войн // Человек XVI столетия. М., 2000.*

проводил тезис о неограниченности власти государя, предоставленной ему Богом. Пакие был глубоко убежден в том, что «Бог дал королям полную и абсолютную власть»¹.

Вопиющее противоречие в своей концепции гуманист разрешил очень своеобразно. Пакие выдвинул идею о добровольном самоограничении власти монархов. Этот отказ не был инициирован какими-либо учреждениями со стороны, но являлся следствием собственной инициативы королей Франции, поскольку истинный государь сам не станет использовать подобный дар Бога. По его мнению, «мудрый государь передает свое абсолютное могущество под власть законов»².

Эта исключительная политическая сознательность — монархи добровольно идут на ограничение своих прав, принадлежащих им по закону, дарованных им от Бога, — могла возникнуть, утверждал историк, только во Франции, где еще в период этногенеза французского народа сформировалась уникальная политическая ситуация, обусловленная страстью народа к свободе и справедливости. Следует заметить, что апология подобного добровольного сужения своих правомочий ставила еще одну конкретную политическую цель — она обязывала к благодарности подданных, при таком раскладе они могли только выказывать покорность и повиноваться королю.

Мотивы подобного отречения от своего законного, дарованного Богом права Пакие характеризует как чисто моральные, короли добровольно жертвуют своим могуществом из любви к народу, во имя общественного блага, ради торжества закона, по его формуле «наши короли вследствие своей природной любви к своим подданным передали свое могущество под власть законов»³.

Таким образом, выше короля в силу его добровольного отречения от собственных законных прав стоят исключительно законы, но не сословно-представительные учреждения. По этой причине ни одно политическое учреждение Франции в представлении Пакие не может претендовать на контроль над действиями монарха. Менее всего состоятельны подобные претензии со стороны Генеральных штатов.

Историк в своих «Изысканиях о Франции» вступает в прямой спор с уже формирующейся теорией тираноборцев и отвергает тезис о Генеральных штатах как выразителе суверенных прав народа. Его суждение достаточно резко и прямо направлено против тираноборцев: «Некоторые считают и настаивают на том, что собрания сословий сыграли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и усматривают в этих учреждениях воплощение свободы

¹ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P., 1643. P. 182.

² *Pasquier E.* Les lettres. P., 1619. V. I. L. II. Ep. 5. P. 82.

³ *Ibid.* V. I. L. IX. Ep. 4. P. 525.

народа. Ни то ни другое не соответствует истине»¹. Пакъе подчеркивал ограниченные возможности Генеральных штатов и настаивал на том, что сословно-представительные учреждения служили только интересам короны, а не защищали народ, тем более не ограничивали произвол королевской власти: «В нашей Франции общие ассамблеи трех сословий всегда еще собирались только для того, чтобы увеличить казну наших государей и сократить средства народа»². Историк настаивал на ограниченной временем и пространством, тем более правом, роли сословного представительства. Не менее он категоричен и в отношении тираноборческой идеи о делегировании верховных прав народа принцам и знати. Пакъе настаивает на том, что во времена Каролингов «герцоги и графы были лишь управителями, которых он (монарх) убирал по собственной воле».

На оценках историка сказалось здесь крайне резкое, негативное отношение к политической роли французской знати в истории общества и государства; историк справедливо считал ее инициатором мятежей против короны и подстрекателем народа³. Его негативное отношение к знати все более прогрессирует по мере развития гугенотских войн, что нашло выражение во многих письмах гуманиста⁴. Если уж монархи сами пошли на ограничение собственных законных прав во имя блага общества, то ограничивать их могут только законы. Но законы могут признаваться таковыми только в случае издания их монархами, попытки народа присвоить это право верховной власти, утверждает историк, достойны всяческого осуждения. По мнению гуманиста, «нельзя допускать, чтобы подданные бросали вызов государю или же диктовали ему законы»⁵. Короли ограничены законами, но только своими законами, теми, которые сами издали.

При решении проблемы правомочности закона Пакъе также разработывает идею компромисса: в его представлении источник закона — власть государя, но законы обретают силу только после утверждения их государственными учреждениями, и прежде всего судебными⁶. Только в этом случае в государстве утверждается общее согласие и порядок.

Конституционализм Пакъе наиболее завершенное выражение обрел в его максиме: «Короли ограничены законами, народ повинуется королям, а король подчиняется закону»⁷. Эта чеканная формула

¹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 82.*

² *Ibid.*

³ *Ibid. P. 90.*

⁴ *Pasquier E. Les lettres. P., 1619. V. II. L. XIV. Ep. 10. P. 171 etc.*

⁵ *Pasquier E. Ibid. XVII. Ep. 3. P. 353.*

⁶ *Pasquier E. Ibid. V. I. L. XII. Ep. 5. P. 816.*

⁷ *Pasquier E. Le Pourparler du Prince // Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 1000.*

накладывает ограничения и на все поведение монарха; по убеждению гуманиста, «король должен избегать стремления удовлетворять свои частные потребности, дабы не оскорбить закон». Таким образом, Пакье достаточно активно разрабатывал идеи конституционализма, настаивая при этом на абсолютной роли законов в государстве. Постепенно по мере углубления политического кризиса во Франции гуманист переходит на позиции апологетики сильной абсолютной власти короля и, по сути, порывает как с наследием конституционализма, так и с собственной идеей добровольного ограничения королевской власти законами.

Подлинно революционная интерпретация идей конституционализма была создана в ходе гражданских войн второй половины XVI в. теоретиками тираноборчества. Она нашла свое выражение прежде всего в их самых известных сочинениях — «Франкогаллии» Ф. Отмана (1573), «О праве должностных лиц по отношению к подданным и об обязанностях подданных по отношению к должностным лицам» Т. де Беза (1573) и «Иске к тиранам» Ф. Дюлесси-Морнэ (1579) — и широко популяризовалась в публицистике. Три крупнейших теоретика тираноборчества — Отман, Без, Морнэ — (как и все многочисленные авторы памфлетов эпохи) подняли на щит традиционные идеи конституционализма и разработали их на новом уровне, значительно переосмыслив.

Отталкиваясь от концепции Сейселя, они перешли к идее изначальной верховной власти народа, нашедшей свое выражение в выборности королей и деятельности народного представительства, а от нее — к апологетике народного суверенитета и обоснованию законности выступления против монарха и его свержения. При всей радикальности их позиций и аргументации следует отметить, что и в сочинениях многочисленных легистов предшествующего периода имелись аналогичные высказывания¹, хотя и не были развернуты в столь грандиозную теоретическую концепцию.

Непосредственно идеи конституционализма рассматриваются детально в двух сочинениях тираноборцев — «Франкогаллии» и «Иске к тиранам». Однако последний труд уже в меньшей мере обращен к прошлому, авторы строят свое изложение и аргументацию уже на выводах, к которым пришел Ф. Отман ранее во «Франкогаллии». Последней же было суждено стать сочинением, переходным от теории конституционализма к теории тираноборчества. Знаменитый юрист и ведущий политический теоретик протестантской партии Ф. Отман опирался в своих тезисах и заключениях на концепцию конституцио-

¹ См.: Хачатурян Н. А. Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

нализма и все свои новые построения в сфере политической теории основывал на ней.

Логическая цепочка, выстроенная Ф. Отманом, выглядела приблизительно следующим образом: во Франции с момента возникновения элементов государственности (т. е. с древнейшего периода, предшествующего завоеванию Галлии Цезарем) существовала только выборная королевская власть. В силу этого она была ограничена, а реальная власть принадлежала народу, делегировавшему ее своим доверенным лицам, сословному представительству (по термину Отмана, «общественному совету народа» («publicum gentem consilium»). На этой основе автор и выстраивал учение о народном суверенитете, сохраняя важнейший тезис конституционализма относительно необходимости ограничения власти короля.

Собственно, во «Франкогаллии» последовательно утверждается тезис об изначальном историческом существовании ограниченной монархической власти во Франции. Отман неоднократно повторяет тезис Тацита: «Эти цари не обладали неограниченной и необузданной властью и не могли делать, что пожелают, но сами были так ограничены особыми законами, что оказывались под властью и подчинялись могуществу народа, точно так же, как народ подчинялся их власти»¹. Таким образом, сам факт возникновения королевской власти во Франции оказывался неразрывно связанным с ее ограничением. Прежде всего, в роли таких ограничителей выступают законы. Целая глава «Франкогаллии» (причем в первых изданиях она была заключительной) была посвящена анализу фундаментальных законов Франции, которые так или иначе ограничивают власть государя.

К этим законам Отман относит, прежде всего, отсутствие для короля права распоряжения престолонаследием, даже в пользу своего старшего сына. Сам приход королей к власти предопределен исключительно функционированием издревле установленных законов, а не правом преемственности или божественной волей: «Король держит свое королевство только благодаря мощи и могуществу непоколебимого закона королевства, благодаря которому он и призывается к этой должности» (Hotman, 466). Король не может, согласно Отману, также распоряжаться судьбой земель собственного домена, поскольку домен расценивается как собственность государства, то есть всего народа: «Ни один король не обладает правом отчуждения любой части своего домена без постановления общественного совета, поскольку домен был предоставлен королю и король пользовался им для того, чтобы поддержать свое царственное достоинство» (Hotman, 472).

¹ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 154. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте как Hotman с указанием номера страницы.

Всего Отман насчитывает восемь (!) законов, ограничивающих волю и действия французских королей. Очень показательны, что среди них находятся такие законы, как запрет изменять систему мер и весов и даже осуществлять помилование осужденных преступников, изменять решение суда. Король лишался права распоряжаться собственным наследием по завещанию: «Ни один король не оставлял завещания, в котором распоряжался королевством и подобное установление отца по своему собственному праву никакой юридической силы не имело, но обязательно должно было утверждаться народом на всеобщем собрании сословий» (Hotman, 334). Королевская власть помимо этого не могла также назначать людей на высшие государственные должности: «Майордомы и другие высшие должностные лица не назначались королем по собственному волеизъявлению, но, как было показано, такие должности обычно возлагались на лиц выдающейся верности и способностей торжественным советом» (Hotman, 350). Тем самым в интерпретации Отмана королевская власть во Франции исторически была лишена всех функций, которые в представлении современников определяли ее как верховную власть (Боден все эти правомочия квалифицировал как признаки суверенитета).

Но самым существенным, вероятно, следует считать тезис о невозможности решения королями общегосударственных дел: «Первый из этих особых законов может быть сформулирован следующим образом: “Королю не дозволяется единолично без власти общественного совета решать что-либо из того, что распространяется на государство в целом”» (Hotman, 458).

Естественно, что при установлении подобных ограничений в деле управления центральная власть не только лишается священного ореола, но и трактуется как чисто исполнительная: «Эта царская власть, похоже, представляла собой нечто вроде постоянной магистратуры» (Hotman, 154). Король, таким образом, превращается в чиновника, рядовое должностное лицо, к тому же подотчетное некоему верховному органу, по сути, измышленному Отманом.

Власть его ограничена, однако, не только законами, но и политическими органами. К таковым он причисляет в первую очередь «общественный совет народа». Это понятие Отман применяет и к народному собранию эпохи родового общества и к собраниям знати в эпоху Каролингов, и к сословному представительству. Именно этому органу в его трактовке и принадлежит верховная власть, «наши примеры показывают, что вся власть в управлении королевством явно принадлежала общественному совету» (Hotman, 342).

Сам факт возникновения этого всемогущего в трактовке Отмана и одновременно контролирующего органа, сочетающего законода-

тельные и исполнительные функции, автор связывает с консервацией традиций древней Галлии, по его утверждению, «свободная и древняя Галлия управлялась собранием избранных людей» (Hotman, 302). Указанный совет должен состоять исключительно из лиц высокого социального статуса (что показывает политические симпатии автора); по его мнению (подкрепленному ссылкой на Платона), «царскую власть следует контролировать с помощью знати и выдающихся людей, которым народ доверил могущество, дабы те и осуществляли то, что может быть нами определено как обуздание власти». В противном случае, повторяет Отман мысль, уже ставшую политическим штампом, она превращается в тиранию.

Подобное превращение и установление тирании для Франции исключено в силу ее традиционной приверженности свободе; Отман декларирует: «Наши предки поистине являлись франками и подлинными стражами свободы, не ставили себя под власть какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом; скорее они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу» (Hotman, 342). А по этой причине все древнейшие институты и порядки во Франции были установлены исключительно в целях ограничения центральной власти и воплощения принципа народовластия: «Во Франции королями становились согласно определенным законам, и короли не утверждались подобно тиранам при неограниченной власти и при необузданной совести» (Hotman, 236).

Таким образом, согласно теории Отмана, королевская власть доверялась гражданами по их выбору частному лицу, и «королями франков в древности становились по согласию и избранию народа, а не по праву наследования». Уже сам приход к власти означал серьезные ограничения власти государя; тот, кто предоставлял власть, тот и контролировал ее. А в случае неудовольствия народа, его неприятия правления выборного монарха (здесь автор делает свой самый смелый шаг), дарованную власть можно было на законных основаниях и отнять столь же волевым решением. Ведь право избрания автоматически означало и наличие права низложения: «Поскольку у народа и его представительных учреждений имеется право избирать и возводить на трон царей, то, безусловно, следует считать (это известно из всех наших анналов), что собрание сословий наделено также высшей властью и низлагать королей» (Hotman, 234).

В силу этого власть не просто была доверена монарху, но она находилась и под контролем. Действия короля обуздывались, с одной стороны, законами, с другой — волеизъявлением народа и, наконец, функционированием «общественного совета»: «Безграничная и необузданная власть не была дозволена королям Франкогаллии

их подданными, а потому нельзя утверждать применительно к ним, что государи свободны от всех законов. Скорее, напротив, они как бы обуздываются определенными законами и соглашениями» (Hotman, 458). Так был сформулирован Отманом основной тезис конституционализма, трактуемый им как исходный момент тираноборчества,

Отман снова и снова повторяет, что главным политическим принципом и основой французского государства, подтвержденным законами, являлось подчинение королевской власти народовластию. Он последовательно пытается доказать, что существовала супрематия власти народа, что нашло отражение в деятельности штатов. Короли покорно склонялись перед этим порядком: «На протяжении более чем пятисот пятидесяти лет суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа, или как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов... это установление наших предков соблюдалось как нечто священное на протяжении столь длительного времени» (Hotman, 394). Этот тезис Отману был очень дорог, он неоднократно его повторяет и открыто утверждает не только принадлежность верховной власти народу и его представителям, но и существование этого порядка с древнейших времен: «Наши предки при создании государства установили, что государство будет управляться общим собранием всех сословий» (Hotman, 302).

Ограничение власти короля связано также с тем, что все важнейшие государственные дела Отман объявляет вне сферы его компетенции (о чем свидетельствует развернутое перечисление вопросов, которые решаются «общественным советом, так что их «не могли решать никакие государственные ведомства или учреждения за исключением совета сословий или их представителей» (Hotman, 350)).

Идеи конституционализма во «Франкогаллии» органически сплетаются с учением о народном суверенитете с тезисом о несамостоятельности и подчиненном положении королевской власти. Короли не только подчинялись этим законам (а именно они провозглашались наиболее значительными и наиболее древними), но и следовали установлениям, согласно которым, «они обязаны соблюдать власть общественного совета как нечто священное и нерушимое и обязаны оказывать честь своим присутствием этому собранию так часто, как только это может потребоваться ради пользы государства» (Hotman, 458).

Эти ничем не доказанные положения (многочисленные цитаты из источников разного времени, приведенные в последнем (1586) издании практически не связаны с выводами Отмана) подводили читателя к мысли о незаконности неограниченной абсолютной власти монарха, и, следовательно, к идее дозволенности сопротивления абсолютистским стремлениям.

Такие государи объявлялись тиранами: «Совершенно ясно не только то, что знаменитая свобода сохранять общественный совет является частью международного права, но и то, что короли, которые пытаются подавить эту священную свободу своими злобными измышлениями, должны рассматриваться не как короли, но как тираны, так, словно они являются нарушителями этого права, общего для всех народов, существами, выключенными из человеческого общества» (Hotman, 316). Правомерность идей конституционализма доказывалась тем, что принцип народовластия естественен и закономерен («народы не были созданы и приготовлены для королей, но скорее наоборот, короли — для народа»).

Отталкиваясь от идей конституционализма, Отман обосновал право народа на борьбу с законным монархом, посягнувшим на основы общества — свободу народа, и на свержение такой власти.

Конституционалистские идеи развивались Отманом и впоследствии, в особенности их влияние заметно в том из его сочинений, где он переходит на легитимистские позиции, — «О праве наследования французского королевства» (1586). Здесь он стоит ближе к своим предшественникам (прежде всего к Сейселю, на которого он ссылался и во «Франкогаллии»). Отман и в этом сочинении утверждает необходимость подчинения королей во Франции общепринятым законам, но уже не настаивает активно на тезисе о верховной власти народа.

Монарх обязан соблюдать законы своего государства¹, законы тем самым ставятся выше государственной власти и определяются как средство обуздания и сдерживания королей.

Нарушитель этих законов квалифицируется как тиран: «Если государь выходит за рамки правил, обычаев и пределов, установленных ему, и постоянно выдает свои собственные желания за пользу народа, то он — хищный тиран, жестокий и нестерпимый»². Отман усложняет идеи Сейделя и объявляет совокупность всех существующих политических институтов и обычаев той уздой, которая служит для ограничения власти государя.

Отман вводит для обозначения ее термин «полития», заимствованный у Аристотеля; при этом он объявляет источником всех институтов, обычаев и законов сословия: «Уздой, которая сдерживает королей Франции, является полития, то есть те обычаи и многочисленные учреждения королевства, которые были созданы сословиями»³.

Даже Салический закон, который в данном трактате оценивался как основной конституционный закон страны, Отман все равно

¹ Hotman F. De jure successionis regiae in regno Francorum. S. L., 1588. P. 4.

² Ibid. P. 4–5.

³ Ibid. P. 4.

связывает с якобы существовавшей в древности традицией электро-альной передачи власти у франков и подчеркивает преимущества подобного права над наследственным переходом короны: «Наследник владеет французской короной не благодаря тому, что получил ее от отца, а благодаря законам и обычаям этого королевства»¹. Это сочинение и вызывает интерес тем, что при попытке защитить принцип легитимизма, обосновать законность наследования короны согласно Салическому закону Отман не отказывается ни от одного из своих положений, выдвинутых им ранее. Конституционалистские идеи изящно и органично соединяются в этом сочинении с апологетикой фундаментальных законов государства.

Концепция, предложенная Отманом, получила окончательное завершение в наиболее позднем из сочинений тираноборцев «Иске к тиранам» (1579). В «Иске к тиранам», однако, были развиты до предела идеи, связанные с правом народа на сопротивление и свержение несправедливой власти (пусть даже законной), а потому влияние конституционализма присутствует в основном в исходном тезисе о верховной воле народа, передающей власть королю и ограничивающей ее.

Анонимный памфлет, изданный от имени Стефана Брута Кельтского и принадлежащий (как сходятся теперь все исследователи этой проблемы) в основном перу Ф. Дюплесси-Морнэ, еще более радикализировал идеи конституционализма. Власть государя даже не просто ограничена волей народа, он окончательно превращается в должностное лицо, правда, назначенное и избранное Богом ради пользы народа: «Государь — это слуга, определенный Богом для блага и процветания народа»². Источником власти провозглашается народ, именно народ избирает короля, а потому тот просто исполняет его волю. При этом Морнэ объявляет эту ситуацию соответствующей воле Божьей: «Народ учреждает королей, которым он и дает скипетр, короли обязаны своим избранием доверию народа. Бог желает, чтобы так продолжалось до тех пор, пока короли признают, что они обязаны своей верховной властью и могуществом народу, и в то же время получили ее благодаря Божьей воле»³.

Таким образом, автор делает важный вывод: любые претензии государей на неограниченную власть являются не проявлением их божественного права, а нарушением воли Бога. В силу этого, учит Морнэ, в борьбе с таким государем народ не просто защищает свои права, на его стороне оказывается сам Бог: «Бог чаще поддерживает

¹ Hotman F. De jure successionis regiae in regno Francorum. P. 16.

² Использовалось французское издание памфлета (перевод был сделан филологом А. Этьеном и издан в 1581 г.). Du puissance legitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince. S. /1, 1581. P. 95.

³ Du puissance legitime... P. 96.

народы, чем государей»¹. Завершаются рассуждения о правах народа и ограниченной власти короля волей народа тезисом о супрематии власти народа. По мнению Морнэ, «король становится государем по решению народа и во имя любви к народу, что же странного в том, что мы сделаем вывод о том, что народ выше государя»². Морнэ, таким образом, ушел уже далеко от идей конституционализма, хотя они являются основой его построений и аксиомой. Власть короля уже априорно ограничена в силу своего происхождения, воли Бога и суверенитета народа. Негодного же слугу общества вполне правомерно и законно устранить. Идеи «Иска к тиранам» логично завершают долгий путь развития конституционалистской мысли во Франции XVI в. и одновременно демонстрируют не только мощную радикализацию ее, но и органическую связь со средневековыми политическими представлениями. Ведь смелость тезиса о верховной власти народа и народного договора ограничивается видением понятия «народ». Все тираноборцы в той или иной степени отождествляли его с «лучшими» («*optimates*»), то есть дворянством и даже с феодальной знатью, легализуя тем самым по сути мятежи этой знати против короны³. Если идеи конституционализма зарождались в среде легистов, а позднее дворянства мантии, то их радикальное истолкование теоретиками тираноборчества в большей мере отразило позиции оппозиционно настроенного дворянства.

Идеи конституционализма у тираноборцев получили новую интерпретацию, которую даже и вообразить не могли легитимистски настроенные теоретики первой половины века. Они служили для обоснования правомерности осуждения существующего во Франции политического режима как нарушающего политические традиции и законы государства и оправдания вооруженного выступления против законной власти.

В результате бурных событий гражданских войн формировались новые политические доктрины, которые так или иначе опирались на идеи конституционализма, сложившиеся в законченную теорию в начале XVI в. В ходе эволюции политических идей наблюдается разрыв с концепцией конституционализма, однако при этом как доктрина абсолютизма, так и теория тираноборчества сохранили ряд идей, характерных для конституционализма.

Идеологи тираноборчества, опираясь на важнейшую стержневую идею конституционализма — ограничение власти правителя, вы-

¹ Du puissance legitime... P. 56.

² Ibid. P. 95.

³ Ibid. P. 67.

строили новую политическую доктрину, порожденную оппозицией абсолютизму. Именно в связи с признанием необходимости ограничения центральной власти ими были провозглашены учения о правах народа и сословий, важнейшей роли сословного представительства и как результат — положения о супрематии власти народа, народном суверенитете и народном договоре. Однако теоретики тираноборчества пошли дальше идеологов конституционализма, положительно решив вопрос о возможности сопротивления правителю и провозгласив право на восстание против законной власти.

Иной путь был у защитников центральной власти — они вынуждены были порвать с идеей ограничения власти и разрабатывать учение о правах короны и «божественного права королей». Таким образом, все идейно-политические споры XVI в. так или иначе были связаны со сложившейся ранее доктриной конституционализма, однако формирование новых учений характеризовалось обязательным разрывом с предшествующей конституционалистской традицией.

В. В. Шишкин

КАРДИНАЛ И КОРОЛЕВА: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПРИ ДВОРЕ ФРАНЦИИ В 30-е гг. XVII в.

«Когда болит сердце, страдает и все остальное; когда волнуется двор, это отражается на всем государстве», — писал кардинал Ришелье, главный министр Людовика XIII, сравнивая парижский двор с сердцем Франции, подчинить который он пытался все восемнадцать лет своего министерства¹. Спокойствие и благополучие страны, ее ведущая роль в Европе, по его мнению, напрямую зависели от поведения двора и собственного положения главного министра. Любая удачная попытка придворных интриганов отстранить кардинала от власти могла привести к повороту всего политического курса Франции. Поэтому Ришелье считал, что должен жестко пресекать даже малейшие проявления придворного недовольства, пользуясь неограниченным доверием короля и опираясь на своих помощников в королевском совете и сторонников при дворе — «кардиналистов», «креатур кардинала», как их называли современники.

Тридцатые годы XVII в. явились пиком противостояния Ришелье и дворянской оппозиции, когда едва ли не ежегодно министру приходилось сталкиваться с серьезными заговорами при дворе, подавлять дворянские волнения на фронте и в провинциях, следить за эмигрантскими лагерями Марии Медичи и Гастона Орлеанского, матери и брата короля. Резидент австрийского императора во Франции докладывал в Вену, описывая двор после бегства мятежных королевы-матери и герцога Орлеанского из страны: «Двор страдает от отсутствия первых сеньоров государства, которые находятся за границей, а принц де Конде и граф Суассонский пребывают в тайном неудовольствии, испытывая ненависть к креатурам кардинала. Двор переполнен шпионами, которые находятся повсюду, исполненные лжи, обмана, фальши и лицемерия»².

---

¹ *Memoires sur la detention du Comte de Cramail, faits le 23 octobre 1636 // Avenel D., ed. Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du cardinal de Richelieu. T. V. Paris, 1863. P. 330.*

² *Lustrier S. Description sommaire de la cour de France 2 fevrier 1631 // Fagnier G. Le père Joseph et Richelieu. Paris, 1894. T. 1. Appendice. P. 500.*

Французский двор был инициатором и вдохновителем всех видов борьбы знати с короной, и поэтому главный удар Ришелье наносил именно по нему как центру оппозиции, пытаясь лишить силы этот очаг дворянского неповиновения, подчинить его королю. Мы попытаемся бросить взгляд на придворные партии и группировки, определив состав их участников, а также мотивы и цели оппозиции, способы борьбы и причины поражения мятежников.

К моменту прихода кардинала Ришелье к власти (1624), французское общество оставалось политически поляризованным и религиозно разобщенным, что было наследием длительных гражданских потрясений предыдущей эпохи. В литературе того времени выделялись два главных противоположных политических лагеря, называемых «партиями» — «благочестивые» (*dévots*) и «добрые французы» (*les bons français*). Конечно, это были не партии в современном нам смысле политических организаций с четкими целями, задачами, программами, оргструктурой и партийным членством, а скорее рыхлые общественные союзы, объединявшие лиц высокого социального положения на основе определенных доктрин. Так, «благочестивые» являлись духовными и политическими преемниками Католической лиги XVI в. и ее идеалов, получив свое название от сочинения св. Франсуа де Саля «Введение в благочестивую жизнь» (1607), которое стало к тому же настоящей идеологической основой движения. Исполненные религиозной нетерпимости, они требовали от короны отмены Нантского эдикта 1598 г., предоставляющего гугенотам политические свободы, захвата всех протестантских крепостей во Франции, союза с папой и католическими державами, Испанией прежде всего, а также восстановления политических привилегий дворянства¹. Идеи «благочестивых» получили особенное распространение в дворянской среде, раздраженной растущим авторитаризмом королевской власти, которую представлял главный министр. Второе сословие использовало всякую возможность предъявлять королеве свои претензии на участие в делах королевства, тем более что существовало оформленное идеологическое обоснование протеста.

Уже во второй половине 20-х гг. партию «благочестивых» возглавили обе королевы Франции — мать и жена Людовика XIII Мария Медичи и Анна Австрийская, недовольные своим полным отстранением от всяких государственных дел и усилением влияния Ришелье, который не допускал их до власти и не считался с их мнением. Особенно была обижена королева-мать, так как своим возвышением кардинал

¹ *Tapie V.-L.* La France de Louis XIII et de Richelieu. Paris, 1967. P. 176; *Le Roy Ladurie E.* L'Ancien régime. T. 1. Absolutisme en vrai grandeur (1610–1715). Paris, 1991. P. 74.

был обязан только ее покровительству. Однако с первых же шагов Ришелье в качестве главы королевского совета ей стало ясно, что его политика, как внешняя, так и внутренняя, прямо противоположна ожидаемой. Испания была также заинтересована в победе при французском дворе партии «благочестивых», поскольку это отодвинуло бы вступление Франции в Тридцатилетнюю войну, где решалась судьба испанской гегемонии и единства католического мира. Анна Австрийская рассматривалась главной опорой испанцев во Франции. Огромную роль в распространении идей «благочестивых» играли иезуиты, под влиянием их находились обе королевы. Последние искали всевозможные пути давления на Людовика XIII, чтобы он сместил Ришелье и, изменив политический курс, разорвал бы связи с протестантскими государствами, вступил в вечный союз с Испанией и искоренил гугенотскую религию. Конечно, не все сторонники Марии Медичи и Анны Австрийской безоговорочно разделяли эту программу, многие относились к ней скептически в силу откровенной реакционности духовных идеологов «благочестивых», однако мирились с ними, рассчитывая на восстановление влияния на короля членов его семьи и последующие за этим личные выгоды.

Партия «добрых французов» сформировалась как преемница общественного направления конца XVI в. — движения «политиков», противопоставлявших себя Католической лиге и поддерживавших короля Генриха III. «Политики», среди которых было много представителей высшей бюрократии и нового дворянства, безоговорочно поддерживали сильную королевскую власть, которая подняла их на высоту социального положения, и провозглашали терпимость ко всем религиозным конфессиям¹. Именно они помогли Генриху Наваррскому взойти на трон Франции в 1589 г. и обеспечить проведение новой политики веротерпимости. После смерти Генриха IV (1610) «политики» все чаще стали называть себя «добрыми французами», объясняя это желанием добиваться того, чтобы королевская политика проводилась во имя общенациональных интересов Франции и доминировала над устремлениями влиятельных клиентов и группировок. «Политики» были, несомненно, преданы католической религии, но считали, что галликанской церкви необходимо стать самостоятельной по отношению к Риму, оставаясь как бы посередине между гугенотским индивидуализмом и римско-католическим универсализмом. «Добрые французы» выступали против притязаний «благочестивых» на восстановление господства католичества во Франции и в Европе, призывая проводить политику, продиктованную исключительно

¹ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 396.

«государственным интересом»¹. Среди сторонников этого движения было также много новых дворян, столичных чиновников, юристов-парламентариев, членов королевской клиентелы.

Став у руля власти в качестве креатуры Марии Медичи, кардинал Ришелье первоначально воспринимался как один из главных лидеров «благочестивых», но уже к концу 20-х гг. большинство «добрых французов» признали его главным проводником и продолжателем курса Генриха IV. Если в 20-е гг. Ришелье еще не имел четкой программы действий, что показала А. Д. Люблинская, то к 1630 г. приоритеты внешней и внутренней политики были сформированы². Исходя из «государственного интереса» Франции, определять который вызывался он сам, главный министр соблюдал условия Нантского эдикта, хотя и довел до логического конца упразднение политической организации гугенотов — конфедерации протестантских городов (1629), заключал нужные союзы с некаатолическими странами и демонстрировал неприязнь к Испании, давая ей понять, что война неизбежна. Он приблизил к себе всех, кто выражал ему свою поддержку, наполняя королевский совет и штат двора верными себе дворянами и не допуская к властным рычагам высшую аристократию и оппозиционно настроенных дворян. «Благочестивые» не желали мириться с таким положением дел и предпринимали отчаянные попытки изменить ситуацию, свергнув кардинала любым путем.

Наиболее распространенными методами борьбы при дворе были интриги и заговоры, а их инициаторы объединялись, согласно мемуарной литературе, в партии, фракции и группировки. Интриги всегда подготавливали заговор, и хотя, как правило, интриганов-организаторов было немного, по мере перерастания интриги в заговор число участников предприятия увеличивалось до возможности создания политического объединения. Самыми организованными и устойчивыми из них были партии. Словом «партия» в XVII веке назывались не только два противоположных общественных направления — «благочестивые» и «добрые французы», но и самые крупные дворянские клиентелы знатнейших вельмож и членов королевской семьи.

Клиентела являлась порождением эпохи нового времени, придя на смену канувшему в лету феодальному вассалитету. Самые знатные и влиятельные в королевстве аристократы — гранды — стремились обзаводиться собственной свитой из родовитых дворян, создавая себе опору для усиления влияния при дворе и в провинции. Так, губернаторы провинций вербовали в свое окружение провинциальных

¹ *Tapie V.-L.* Comment les Français voyaient la Patrie // XVIIe siècle. № 25–26. 1955. P. 45.

² *Люблинская А. Д.* Франция в первой трети XVII в. М.; Л., 1965. С. 341.

дворян, представляя их интересы в Париже, а столичная знать группировалась главным образом вокруг оппозиционных членов семьи короля. Изъявляя преданность своим патронам вплоть до участия в антиправительственных делах, члены клиентел в благодарность за службу требовали от них материальных благ и прочих милостей, в частности, выгодных назначений в армии, администрации или в штате двора¹. Одной из главных причин дворянского недовольства, по мнению французской исследовательницы А. Жуана, было как раз то, что клиенты одного из патронов, отстраненные вслед за ним от королевской милости, обладали потенциальной потребностью к мятежу с целью возвращения королевского внимания. Готовые бороться с несправедливостью политики короны, вернее с теми, кто ее представляет, дворяне оказывали давление на своих патронов, чтобы заставить их возглавить оппозиционное движение. Боясь потерять свой авторитет среди клиентелы, последние часто были просто вынуждены вступать в конфронтацию с короной, пытаясь различными способами принудить монарха пойти на уступки. Однако по мере усиления абсолютистских позиций королевской власти в 30-е гг. XVII в. на такой шаг решались только члены королевской семьи. Многие гранды не хотели повторять неудачный опыт восстаний эпохи регентства Марии Медичи (1610–1617) и рисковать своим положением. Лишенные всякой политической власти, они мирились с существующим режимом в обмен на поток привилегий и милостей — губернаторств, почетных синекур при дворе и командных постов в армии².

Дворянские партии — клиентелы — не были организациями с четкой дисциплиной, уставом и правилами функционирования. Обязательства клиентов своим патронам были весьма расплывчаты, и каждая из придворных партий часто формировалась спонтанно. Окружение грандов без конца менялось как вследствие королевских репрессий, так и по волеизъявлению отдельных лиц, искавших более выгодную службу. Огромную роль в формировании партий — политизированных клиентел — играли семейно-родовые связи и протекционизм. Целые семейные кланы служили своему патрону и помогали развивать сеть клиентов за счет своих друзей и родственников. Дворянские фамилии только в редких случаях расходились по враждующим лагерям. Термины «фракция» и «группировка», как правило, отражали количественные характеристики партии. Иногда родственные по духу партии образовывали целый союз, как, например, случилось в 1630 г., когда для

¹ *Jouanna A.* Le devoir de revolte. La noblesse française et la gestation de l'État moderne. 1559–1661. Paris, 1989. P. 256–257.

² *Parott D.* Richelieu, the grands, and the French army // Bergin J., Brockliss L., ed. Richelieu and his age. Oxford, 1992. P. 172–173.

свержения Ришелье клиентелы Марии Медичи и Анны Австрийской объединили свои усилия под знаменем идей «благочестивых»¹.

Заговор осени 1630 г., как казалось, закончившийся полной победой обеих королев и отстранением Ришелье от власти, на деле обернулся трагедией для двора. День 10 ноября, когда Людовик XIII неожиданно восстановил кардинала в его полномочиях, получил название, с подачи графа де Ботрю, «Дня одураченных»: многие дворяне-сторонники Марии Медичи и Анны Австрийской были арестованы, высланы в провинцию или бежали за рубеж².

Движению «благочестивых» был нанесен колоссальный удар, от которого оно уже не смогло оправиться и набрать прежнюю силу. С этого времени влияние «кардиналистов» становится преобладающим при дворе. Клиентела Марии Медичи пострадала более всего, и после бегства королевы-матери за границу в испанские Нидерланды прекратила существование во Франции.

В последний год пребывания Марии Медичи во Франции в ее окружении доминировали две фамилии: герцоги де Гиз-Лотарингские и принцы де Бурбон-Конде. Дом Гизов возглавлял герцог Шарль де Гиз, сын претендента на корону в эпоху религиозных войн Генриха де Гиза, губернатор Прованса. Он считал, что Ришелье нарочно отстраняет его семью от важных назначений и удаляет от двора. Это действительно имело место, так как при дворе еще были живы воспоминания о прежней силе Гизов и печальной судьбе последних Валуа. Герцог присоединился к заговору Марии Медичи и после его крушения бежал во Флоренцию, где и умер. Его женой была Генриетта де Жуайез, близкая подруга королевы-матери еще со времен Генриха IV, в первом браке герцогиня де Монпансье, мать первой жены Гастона Орлеанского Марии де Монпансье, т. е. родственница королевской семьи. Она удержалась при дворе, но безуспешно хлопотала о разрешении вернуться своему мужу во Францию.

В феврале 1631 г. Ришелье продолжал чистку двора. В послании маршалу д'Эстре он писал: «Сегодня король решил удалить от двора и из Парижа четырех знатных дам, замешанных в недавних интригах: принцессу де Конти, урожденную Луизу-Маргариту Лотарингскую; герцогиню д'Орнано, урожденную Рене Лотарингскую, кузину первой; герцогиню д'Эльбёф, дочь Генриха IV; вдову коннетабля де Ледигьера, урожденную Марию Виньон»³. Все перечисленные дамы принадлежали к клану Гизов и сторонников королевы-матери Прин-

¹ Bourquin L. Noblesse seconde et pouvoir en Champagne aux XVI et XVII siècles. Paris, 1994. P. 24–25.

² См.: Mongredien G. 10 novembre 1630. La journée des dupes. Paris, 1961.

³ Grillon P., ed. Les papiers de Richelieu. T. VI. Paris, 1985. P. 99–100.

цесса де Конти, сестра Шарля де Гиза была выслана и умерла в ссылке. Герцогиня д'Орнано, будучи вдовой Жана-Батиста д'Орнано, маршала Франции, посаженного в Бастилию по воле Ришелье и там скончавшегося, сочла своим долгом поддержать Лотарингский дом и отомстить за смерть мужа. Герцогиня д'Эльбёф, Екатерина-Генриетта, незаконная дочь Генриха IV и жена герцога Шарля II д'Эльбёф-Лотарингского, также вместе с мужем боролась против влияния кардинала. Герцог д'Эльбёф в 1631 г. в составе свиты Гастона Орлеанского бежал за границу, где присоединился к Марии Медичи и вернулся во Францию только после смерти Людовика XIII. Судя по составу участников заговора 1630 г., первую роль в нем играли принцы Гиз-Лотарингского дома, объединившие усилия своего фамильного клана и клиентов с тем, чтобы с помощью Марии Медичи добиться восстановления бывшего могущества при дворе. Они принимали во внимание и непростую династическую ситуацию в доме Бурбонов, продолжая надеяться если не на обретение, то на максимальную родственную близость к короне Франции.

Предотвратить свое падение Ришелье удалось, согласно мемуарам герцога де Ларошфуко, во многом благодаря давнему соперничеству кланов Гизов и герцогов де Монморанси. Генрих II де Монморанси предупредил о грозящей министру опасности, желая фиаско конкурирующей клиентеле. В благоприятном случае он надеялся на благодарность кардинала¹.

Провал заговора Марии Медичи и Анны Австрийской повлек за собой важные изменения при дворе, и, прежде всего, перегруппировку оппозиционных сил, пересмотр взглядов на формы борьбы. Очевиден был распад мощного клана Гиз-Лотарингских, который с этого момента начал сходиться с политической сцены, а вместе с ним происходило крушение движения «благочестивых» и всего наследия Лиги XVI в. Боязнь возмездия короны, которая еще более укрепила свои позиции, заставила многих аристократов — участников заговора бежать вслед за королевой-матерью и братом короля за рубеж, во враждебные Франции страны — испанские Нидерланды и герцогство Лотарингское. Оставшиеся при дворе дворяне, разочарованные неудачей, вынашивали планы свержения министра более радикальным путем — путем открытого мятежа. Неудача мирной формы борьбы провоцировала на более решительные действия. Третьим следствием заговора 1630 г. было то, что оппозицию при дворе возглавила царствующая королева Анна Австрийская, в 1632–1637 гг. практически в одиночку противостоявшая Ришелье. Принц де Марсийак, будущий герцог де Ларошфуко писал: «Владычество кардинала Ришелье

¹ Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. СПб., 1993. С. 9–10.

показалось мне вопиющей несправедливостью, и я решил для себя, что партия королевы — единственная, к которой по долгу чести мне подобает примкнуть»¹.

Поражение «благочестивых» вовсе не было предрешено, более того, они были почти на грани успеха. Однако «кардиналисты» в последний момент смогли уговорить короля вернуть Ришелье. Клиентелу Марии Медичи разлагали внутренние взаимные ссоры грандов, их самонадеянность, открытая конкуренция с другими клиентами и невозможность вследствие этого прочного политического союза. «Кардиналисты» выгодно отличались от них единством действий, хорошей организацией и, главное, покровительством короля. Личные претензии к Ришелье смыкались с политическими требованиями к короне, и потеря всякой власти Марией Медичи означала крах ожиданий ее клиентов. В 30-е гг. многие гранды отказались от всяких форм борьбы с короной, пассивно наблюдая за событиями. Правда, часть из них находилась в эмиграции, другая присоединилась к мятежу герцога де Монморанси в 1632 г., но большинство предпочитало искать мирные пути влияния на дела королевства, используя для этого институт двора и тайное кредитование короны². В активную борьбу вступило молодое поколение придворных, главным образом из среднего дворянства, взяв на себя почетную обязанность устранения Ришелье. Знаменем «благочестивых» стала Анна Австрийская.

Анна Австрийская была первой царствующей королевой Франции, рискнувшей открыто вмешаться в большую политику³. Несомненно, здесь сказалось то, что королева была испанкой, а в Испании женщины допускались к наследованию трона и становились правительницами страны в случае временного отсутствия монарха. Анна Австрийская, в течение нескольких лет являвшаяся наследницей испанского трона до рождения своего брата Филиппа, в одиннадцатилетнем возрасте стала невестой Людовика XIII. Исполненная собственного величества как никакая другая французская королева, Анна прибыла во Францию уже с определенными политическими взглядами. Перед отъездом ее отец Филипп III дал дочери такие наставления: «Помните, что вы — испанка, и нужно не допустить, чтобы ваш муж разрушил связи между нашими государствами»⁴. Этим инструкциям королева

¹ *Ларошфуко Ф. де.* Указ. соч. С. 11.

² *Копосов Н. Е.* Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 54.

³ *Шишкин В. В.* Знатные дамы при дворе Анны Австрийской и политическая борьба во Франции в 30–40-е гг. XVII в. // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 132–141.

⁴ *Dulong C.* Anne d'Autriche. Paris, 1985. P. 20.

следовала вплоть до 1637 г. — времени прекращения своей открытой борьбы с кардиналом.

Чувство долга испанской принцессы заставляло ее поддерживать тесные отношения с испанским посольством в Париже и информировать Мадрид обо всех важных моментах французской политики¹. Также королева пыталась оказывать влияние на своего мужа, особенно до 1624 г., что было довольно заметно. Однако после начала министерства Ришелье отношения супругов испортились благодаря вмешательству кардинала, а также ревности королевы-матери. В частности, Ришелье сумел представить Людовику XIII, что Анна занимается делами, не соответствующими ее предназначению. Лишенная прежних отношений с супругом, королева втягивается в политические интриги и объявляет кардинала своим личным и политическим врагом. С помощью своей подруги Марии де Шеврез, жены обер-камергера двора герцога Клода де Шевреза, Анна Австрийская завязала отношения с высшей аристократией и явилась организатором и участницей практически всех крупных заговоров против Ришелье, желая путем его устранения повернуть внешнеполитический руль Франции на происпанский курс и добиться мира между королевствами своего мужа и своего брата. На это ее толкал не только долг и происхождение, но также желание отомстить кардиналу в угоду своим амбициям. Она не скрывала, что считает Ришелье временщиком в королевском совете и намерена следовать опыту своей матери Маргариты Австрийской, которая после долгих лет борьбы с первым министром Испании герцогом Лермой добилась его падения².

После бегства Марии Медичи и Гастона Орлеанского оппозиционные придворные объединились вокруг фигуры Анны Австрийской во многом благодаря тому, что она оставалась единственным членом королевской семьи, кто еще противостоял кардиналу. Очевидно также, что никто из них не видел в Анне лидера, но она сама и ее дом были удобной ширмой для осуществления враждебных Ришелье планов. Придворным заговорщикам из среднего дворянства и грандам требовалось покровительство королевы, в которое вкладывали священную природу. Помощь и совет королеве считались почетным долгом, и каждый дворянин полагал за честь стать на сторону притесняемой государыни, выдержав экзамен на звание придворного через участие в заговоре. Преданность Анне Австрийской рассматривалась как форма протеста против «тирании» Ришелье. Королева скорее была

¹ *Deveze M. L'ambassade à Paris du marquis de Mirabel. 1620–1632 // Actes du 94-e congrès national des sociétés savantes. Section d'histoire moderne et contemporaine. T. 1. Paris, 1971.*

² *Kleinman R. Anne of Austria, Queen of France. Columbus, 1985. P. 72.*

символом борьбы, боготворимым идеалом, ради которого можно было выражать неудовольствие проводимой политике и чувствовать себя обязанным поддерживать все оппозиционные настроения. Так думал Ларошфуко, описывая двор 1630-х гг.¹

Однако были и иные мотивы для присоединения к партии Анны Австрийской, более циничные, прозорливые и меркантильные. Так, Эдм де Ла Шатр писал в своих мемуарах: «Видя, что нет повода надеяться на внимание к себе, пока кардинал Ришелье всемогущ, и так как я не мог безропотно ему подчиняться, тем более, что я поддерживал такие дружеские связи и контакты, которые могли бы ему показаться подозрительными, я посчитал, что должен подумать и принять сторону какой-нибудь другой партии, к которой однажды могла повернуться фортуна. Размышляя об этом, я не нашел ничего ни более справедливого, ни более обнадеживающего, чем партия королевы, потому что король был очень болен, и не мог дожить до того, как его сын достигнет совершеннолетия, а регентство неминуемо должно, спустя немного лет, попасть в руки этой государыни <...>, которая неспособна забыть тех, кто был близок к ней во времена ее немилости»². Речь идет о 1638 г., когда Анна Австрийская произвела на свет долгожданного дофина Людовика, хотя и не улучшила этим существенно свое положение при дворе. Однако Людовик XIII был уже серьезно болен и действительно вставал вопрос о регентстве после его смерти. Интересно, что Ришелье был уверен, что удержится у власти, найдя общий язык с королевой.

Своеобразие двора Анны Австрийской заключалось в том, что составляющие его придворные менялись едва ли не ежегодно, как правило, после неудачи очередной интриги. Граф де Бриенн, государственный секретарь, клиент Ришелье, симпатизирующий королеве, писал: «Его Высокопреосвященство хотел видеть в окружении королевы только выбранных по его желанию лиц»³. Главную роль в этом окружении в 30-е гг. играли знатные дамы, которые, предчувствуя неминуемую ссылку, пытались за короткий срок сделать как можно больше для партии королевы. Ришелье уделил им особое внимание в своем «Политическом завещании»: «...Фракции и волнения могут проистекать, скорее, от вмешательства женщин; женщины наиболее опасны, нежели мужчины, так как в их природе заложены разные виды обольщения, способные передвигать, колебать и опрокидывать кабинеты, дворы и государства, что является таким тонким и изво-

¹ Ларошфуко Ф. де. Указ. соч. С. 11.

² *Memoires du comte de La Chatre* // Nouvelle collection des memoires. Ed. Michaud et Poujoulat. 3-e serie. T. 3. Paris, 1838. P. 271.

³ *Memoires du comte de Brienne* // Nouvelle collection des memoires. Ed. Michaud et Poujoulat. 3-e serie. T. 3. Paris, 1838. P. 71.

ротливым злом, какое только может существовать»¹. Политическая активность дома королевы между тем недостаточно оценена в литературе. Так, Ж.-М. Констан вообще не увидел его самостоятельной силы, сделав вывод, что от мятежа Монморанси 1632 г. до заговора Гастона Орлеанского 1637 г. не было серьезных попыток устранить Ришелье².

Нельзя недооценивать возможности окружения Анны Австрийской, которое только на первый взгляд кажется слабым, неорганизованным и пассивным по сравнению с другими партиями. События 1632 и 1637 гг., когда были предприняты серьезные попытки королевы и герцогини де Шеврез влиять на политику Франции, свидетельствуют о решительности клиенты королевы Анны.

В первом случае заговорщики действовали по старой схеме, стремясь заменить Ришелье своей креатурой — лицом, которое пользовалось также доверием короля и было бы влиятельно в стране. В 1630 г. такой вариант не удался, и ставленник Марии Медичи, видный правовед и хранитель печати Франции Марийак, уже было взявший в свои руки бразды правления, был отправлен в тюрьму. Но идея предложения королю более молодого и энергичного министра оставалась популярной. Таковым мог стать, по мнению герцогини де Шеврез, новый хранитель печати Шатонеф, считавшийся клиентом кардинала. Осенью 1632 г., после подавления вооруженного мятежа на юге Франции и казни организатора — герцога де Монморанси, равно как и части его сторонников, многие дворяне были возмущены суровостью наказания. Настроениями двора попыталась воспользоваться Анна Австрийская и ее окружение, предполагая, что настало время использовать всеобщую ненависть к Ришелье и предложить иную кандидатуру на пост главного министра. Шатонеф переметнулся на сторону королевы, предав Ришелье, но ошибся, ожидая, что другие советники и его подчиненные последуют его примеру. Окружение кардинала в совете вновь отстояло своего патрона, блокировав все действия хранителя печати, равно как и королевы. Анна недооценила степень корпоративной преданности Ришелье со стороны его административной клиентелы и лояльность штатных придворных³. С этого момента главной целью всех мятежников и заговорщиков становится физическое устранение Ришелье как единственно возможный путь спасения от диктаторского режима. Все участники заговора

¹ *Cardinal de Richelieu. Testament politique.* Ed. L. André. Paris, 1947. P. 370.

² *Constant J.-M. Les conjurateurs.* Paris, 1987. P. 115.

³ *Шушкин В. В. Дворянское окружение Людовика XIII // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. С. 97–117.*

осени 1632 г. подверглись разного рода репрессиям, главным образом тюремному заключению и ссылкам¹.

Пострадали прежде всего дамы из семейства Роганов — герцогиня Мария де Шеврез и ее кузина принцесса де Гемене, Анна де Роган. Последняя, одна из самых образованных аристократок Франции, была преданна Анне Австрийской и без конца интриговала против Ришелье². Ей было предписано покинуть Париж, так же как и герцогине де Шеврез, ближайшей наперснице королевы. Вообще, Шеврез играла такую же роль в жизни Анны, какую играл Ришелье в жизни Людовика XIII. Именно она уже из ссылки толкнула королеву на очередной заговор в 1637 г. После 1632 г. Анна Австрийская оказалась еще в большей изоляции, чем прежде. Недооценивая прочность альянса «кардинал — король» и всю силу кардиналистов при дворе, царствующая королева пыталась просто представить Людовику XIII нового главу королевского совета, своего ставленника, добиваясь отставки одиозного министра и смены политических ориентиров. В этом ей помогали главным образом клиенты из семьи Роганов и старый герцог д'Эпернон, единственный из грандов, кто решился после казни первого барона страны Монморанси сразу же поддержать королеву. Решившись быть во главе заговора, Анна становилась основной оппозиционной кардиналу, а значит, и королю, фигурой в стране. Маски были сорваны, и война была объявлена. Для Анны Австрийской 30-е гг. стали черными временами.

Необходимо сказать, с другой стороны, что традиционное представление о кровавом режиме Ришелье не соответствует истине. На самом деле, в эпоху его министерства дворян на плахе пострадало не больше, чем в иные правления; иное дело, что многие заговорщики оказывались в тюрьмах и ссылках, причем последним кардинал отдавал явное предпочтение. Свои мысли в этой связи он выразил в «Политическом завещании»: «Не существует большей беды, настолько способной погубить государство, как лстецы, злые языки и определенные умы, желающие только устраивать заговоры и плести интриги при дворе. Нужно изгонять носителей этой общественной заразы и никогда не приближать их, пока их злоба полностью не исчезнет...»³

Чтобы обеспечить стабильное царствование монарху и продолжить курс на усиление его власти, Ришелье полагал навсегда избавляться от тех, кто хотя бы однажды в чем-то проявил свое неповиновение

¹ *Memoire de M. Le cardinal contre M. de Chateaufort // Cousin V. Madame de Chevreuse. Appendice. Paris, 1856. P. 238–239; Memoires de Mme de Motteville sur Anne d'Autriche et sa cour. T. 1. Paris, 1855. P. 51–54.*

² *Cardinal de Retz. Memoires // Ibid. Oeuvres. Paris, 1984. P. 134; Кардинал де Рец. Мемуары. М., 1997. С. 12–13, др.*

³ *Cardinal de Richelieu. Testament politique. P. 365–367.*

короне. Наилучшим способом наказаний он видел ссылку в провинцию, что было особенно тяжело после насыщенной событиями жизни при дворе, для многих дворян — единственного источника обогащения или даже существования. Поэтому неудивительно, что некоторые придворные в 30-е гг. предпочитали открыто не выступать против существующего политического режима, может, только втайне сочувствуя оппозиционным партиям. Но все же значительная часть благородного сословия при дворе считала себя обязанной «быть мятежной»¹. Так, Ларошфуко в событиях 1637 г. предпочел выступить на стороне королевы и поплатился за это шестью годами, проведенными вдали от двора: «Мой отец и г-н де Шавиньи (один из клиентов Ришелье. — *В. Ш.*) решительно заявили, что мне никогда больше не видать двора, если я позволю себе отправиться в Тур по просьбе королевы, где пребывала (в ссылке. — *В. Ш.*) г-жа де Шеврез»².

Герцогиня де Шеврез была единственной дамой из числа высшей знати, допущенной в постоянную свиту королевы. После 1630 г. Ришелье простил ей интриги 20-х гг. в обмен на слежение за королевой, в чем просчитался. Остальные знатные аристократки вслед за своими мужьями либо были удалены в провинцию, либо не проявляли оппозиционных настроений. Тем не менее ни одна герцогиня или принцесса не входила в штат дома королевы, только изредка сопровождая ее при больших церемониях. Ришелье и Людовик XIII не могли допустить создания сильных дворянских клиентел при дворе и внимательно следили за столичными грандами. Не меньшую опасность кардинал видел и в родовитом дворянстве, ставшем особенно активным после «Дня одураченных». Ришелье писал, что «недостаточно просто удалять грандов по причине их могущества; необходимо делать то же самое и с остальными по причине их озлобленности. Все они являются равно опасными»³. Активность среднего дворянства свиты королевы особенно возросла после начала военных действий против Испании и блока Габсбургов в 1635 г., когда Франция вступила в Тридцатилетнюю войну. Ларошфуко свидетельствует, что неудачи на фронтах в первые два года «оживили различные группировки и породили среди врагов кардинала умыслы на его власть и даже на самую жизнь»⁴.

Испанке Анне Австрийской было тяжело воспринимать войну с ее родиной — то, чему она обязалась воспрепятствовать перед своим

¹ *Constant J.-M.* Une groupe sociologique strategique dans la France de la premier moitié du XVII siècle. La noblesse seconde // Ed. Contamine Ph. L'État et les aristocraties. XII–XVII siècles. France, Angleterre, Ecosse. Paris, 1989. P. 296.

² *Ларошфуко Ф. де.* Указ. соч. С. 15.

³ *Cardinal de Richelieu.* Testament politique. P. 369.

⁴ *Ларошфуко Ф. де.* Указ. соч. С. 13.

домом, и это обстоятельство привело ее к организации очередного заговора, последнего в ее жизни. Необходимо заметить, что ее новое окружение, сформировавшееся в 1632–1633 гг., за четыре года консолидировало свои ряды и подтолкнуло королеву на новый заговор. Дамы сыграли в нем решающую роль. Будучи отрезанной от ссыльных друзей, Анна Австрийская сумела обеспечить с ними постоянные контакты, в частности, со ссыльной герцогиней де Шеврез и членами семей Гизов и Роганов. В ее придворном штате и свите также находились преданные ей представители фамилий Ларошфуко (принц де Марсийак, будущий герцог-мемуарист Франсуа VI, его кузина — гофмейстерина маркиза де Сенесе, ее дочери и др.), Мотье де Ла Файетт (духовник королевы Франсуа, епископ Лиможский, наставника фрейлин Эстер, ее дочь Изабелла и племянница Луиза-Анжелика), Отфор (фрейлина Мария и ее бабка мадам де Ла Флот, хранительница гардероба и драгоценностей королевы) и Комменж (Франсуа, сир де Гито, капитан гвардии королевы, др.), не считая иных, менее знатных семей. Все они были связаны друг с другом родственными и дружескими узами и составляли клиентелу королевы¹.

Анна Австрийская, однако, не была готова к заговору и опасалась за свою судьбу после падения Шатонефа. Окруженной шпионами, опальной королеве было чрезвычайно сложно осуществлять функцию посредницы между эмиграцией и внутренней оппозицией при дворе и в провинции — этим, очевидно, объясняется ее относительное политическое молчание после 1632 г. Только начавшаяся война предопределила решение королевы хоть каким-нибудь способом подорвать положение Ришелье. Анна выбрала дипломатический вариант, поскольку прежние формы и методы борьбы ни к чему не привели. В 1636–1637 гг. с помощью своих клиентов она создала хорошо налаженную сеть обмена корреспонденцией с Лотарингией, Англией и испанскими Нидерландами, пытаясь добиться дипломатического давления со стороны европейских стран на Людовика XIII, раздраженного неудачной войной, которую поддерживал Ришелье². Однако кардинал вновь успел перехватить инициативу, представив дело королевы как предательство интересов Франции, что до сих пор поддерживается

---

¹ Шишкин В. В. Мужчины в доме французской королевы XVI–XVII вв. // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001.

² Шишкин В. В. Следствие по делу королевы Анны в 1637 г. (Приложение: Кардинал де Ришелье. «Описание того, что произошло по делу королевы в августе 1637 г.»; Заявление королевы Анны от 17 августа 1637 г.; Новое заявление королевы от 22 августа 1637 г.; Копия памятной записки короля от 17 августа 1637 г.) // Право в средневековом мире. Вып. 2–3 / Сборник статей под ред. О. И. Варьяш. СПб., 2001. С. 173–188.

в литературе¹. Правда, если посмотреть на содержание переписки непредвзято, то, по мнению американского историка А. Л. Мута, «в письмах, адресованных Анне, сообщалось больше о вражеских планах, чем она говорила о французских»². Представляется, что для королевы важен был сам факт переписки, дабы поддерживать свои силы и в этом находить выход из политической изоляции.

Фиаско заговора Анны Австрийской в августе 1637 г. означало крушение ее клиентелы и окружение королевы только лицами, назначенными кардиналом. Герцогиня де Шеврез успела бежать в Испанию; гофмейстерина королевы маркиза де Сенесе, фрейлина Мария де Отфор и принц де Марсийак были высланы. Подверглись наказаниям, вплоть до заключения в Бастилию, и иные придворные королевы. Сама Анна, не без помощи Ришелье, с трудом получила прощение Людовика XIII, отказалась от борьбы, вскоре оказавшись обремененной двумя детьми — будущим Людовиком XIV (1638) и герцогом Филиппом Анжуйским (1640; королеве в этом году исполнилось 39 лет...)³.

Целью интриг царствующей королевы было смещение главного министра кардинала Ришелье, который сумел в течение многих лет поддерживать положение хронической ссоры королевской четы, а также разделил всю королевскую семью, заставив ближайших родственников короля скитаться в эмиграции или пребывать в ссылке. Личные претензии Анны Австрийской смешивались с политическими. Королева-испанка находила унижение в том, что Ришелье диктовал ей свои условия, тем самым оскорбляя ее королевское величество младшего венценосца. Пытаясь сначала удалить Ришелье посредством дворцового переворота с выдвиганием своей креатуры на его пост, королева затем выбрала дипломатический путь устранения кардинала, который также оказался неудачным. Анна Австрийская своими действиями стремилась не столько угодить Испании, сколько Франции, желая возвращения из эмиграции королевы-матери Марии Медичи, брата короля Гастона Орлеанского и их свиты, а также своих ссыльных придворных из провинции. Это возвращение, по ее замыслу, принесло бы мир в королевство и помогло бы убедить короля прекратить войну против Испании. Идеалом королевы был мир между родственными домами Бурбонов и Габсбургов, что противоречило интересам Франции. Путем возвращения влияния при дворе Анна хотела также благодетельствовать своих клиентов, которые пострадали за свою верность.

¹ Chevallier P. Louis XIII. Paris, 1989. P. 530.

² Moote A. L. Louis XIII, the Just. London; Los Angeles, 1989. P. 279–280.

³ Шишкин В. В. Следствие по делу королевы Анны в 1637 г. С. 173–188.

Дворянство продолжало считать, что его благополучию при дворе и его союзу с королем мешает только фигура первого министра, который заставлял короля приносить бесконечные жертвы ради укрепления своего положения. Непосредственная служба королю зачастую противопоставлялась службе кардиналу и наоборот, отождествлялась службе у обоих королей и Гастона Орлеанского. Ларошфуко выразил мнение всех своих соратников, говоря о «природной ненависти» к правлению кардинала.

Двор так и не смог поверить в двуглавую монархию — государство короля и кардинала, поэтому после очередных неудач со смещением Ришелье королевское наказание воспринималось очень болезненно, хотя законодательство Людовика XIII рассматривало мятежи и заговоры как преступления, угрожающие персоне короля, а его участников признавало виновными в оскорблении королевского величества (*Leze-Majesté*)¹.

Корона провоцировала создание придворных оппозиционных фракций также тем, что усиливала абсолютистский диктат, но, ограничивая прерогативы дворянства, связанные с материальными и прочими интересами, не смогла в то же время обеспечить всех желающих службой при дворе, в армии или королевской администрации. Свои чаяния мятежники пытались реализовать через своих патронов и часто подталкивали их к конспирации².

Несмотря на постоянные победы политического курса Людовика XIII и кардинала Ришелье, совершенствование абсолютистской практики, придворный сепаратизм еще не смог себя исчерпать, что показали последующие события Фронды. По иронии судьбы подавить Фронду выпало Анне Австрийской, неизменной противнице Ришелье, ставшей регентшей Франции в малолетство своего сына и успешно воспользовавшейся политическими уроками выдающегося министра³.

¹ *Bonnetin A. La monarchie française (987–1789). Paris, 1989. P. 246.*

² *Шишкин В. В. Корона и двор во Франции эпохи раннего нового времени // Известия Алтайского государственного университета. № 3 (8). Барнаул, 1998. С. 14–16.*

³ *Шишкин В. В. Письма Анны Австрийской в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Вступительная статья, публикация и комментарии // Средние века. Вып. 60. Москва, 1997. С. 420–438.*

III. ВЛАСТЬ КАК ДИАЛОГ: ПРАВИТЕЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

А. А. Сванидзе

ПИР И МЯТЕЖ В КОРОЛЕВСКОМ ОКРУЖЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ШВЕЦИИ

Ритуализация совместной трапезы отмечается уже на самых ранних стадиях общественного развития. Важнейшим фактором особого выделения совместной трапезы как общественного акта является ее объединительная роль, поскольку совместное преломление хлеба настоящего символизирует приобщение сотрапезников к некоей общности, «братству», выражение взаимного доверия, миролюбия, готовности к единению и совместным действиям — будь то собрание родичей, членов ремесленного цеха, духовного братства или воровской шайки. Такое значение общей трапезы проходит через все исторические эпохи и на европейском материале может быть проиллюстрировано многими примерами из времен античности, русского и западного Средневековья, Нового и новейшего времени.

Одной из наиболее торжественных форм общего застолья, притом именно праздничной трапезы, являлся пир, который маркировал, так сказать, «пики» частной и публичной жизни, обычно строго в пределах социальной горизонтали или «своей среды». Такой пир играл очень заметную роль. Он был относительно многолюдным, требовал значительных затрат и закрепленной обычаем организации, представлял всеобщему обозрению свойства сотрапезников, позволял оценить эти свойства, а также прояснить и в известной мере регулировать отношения между членами группы. Особую общественную важность всегда приобретал пир в среде социальной элиты тех, кто обладал реальной властью: ведь отношения в этой среде непосредственно сказывались на судьбах подданных и всей страны.

*С вином дорогим и медовым настоем,
еды изобилье, мир и порядок¹.*

Таковыми или сходными словами характеризует пиршества в королевском кругу анонимный автор известной «Хроники Эрика».

---

¹ Хроника Эрика. Пер. со швед. А. Ю. Желтухина. Научн. ред. А. А. Сванидзе. Статьи А. А. Сванидзе и А. Ю. Желтухина. Выборг, 1994; 2-е изд. М., 1999.

Этот стихотворный рыцарский роман, созданный в первой трети XIV в., как бы ставил точку в событиях, в центре которых — в течение без малого столетия — стояла борьба за власть между членами династии Биргерссонов (или, как они себя называли, Фолькунгов). Почти в каждом поколении этой беспокойной семьи наследнику, получившему корону, обычно противостояли его родные братья — герцоги, желавшие то захватить власть в королевстве, то поделить ее, закрепившись на известных территориях. Наряду с описанием различных междоусобиц, в том числе жестоких сражений, походов против «язычников», дипломатических переговоров и других политических событий, которые представлялись автору особенно важными, он довольно значительное место отводит торжественным трапезам — пиршествам. Более или менее подробно либо вскользь он повествует примерно о 20 пиршественных сборищах, организованных королем или герцогами. Пиров, как несомненно явствует из текста хроники, было при Фолькунгах много больше, но автор, вероятно, пишет лишь о тех, которые оттеняют главную линию повествования.

Судя по хронике, пиры в придворной среде королей и герцогов были связаны с важными событиями, которые надлежало празднично и торжественно отметить. Наибольшее число рассказов о пире связано в хронике с помолвками и свадьбами царственных особ (7 описаний), с мирными переговорами в семье или с соседним государем, с военным или дипломатическим успехом.

Уже первое описание пира, устроенного по случаю брака молодого короля Вальдемара (сына ярла Биргера, давшего имя династии) с датской принцессой Софией в одной из королевских усадеб, содержит примечательную и достаточно полную «схему» торжественного пиршества (с. 20). Прежде всего, был выбран (либо специально построен) «огромный для пиршества зал». Гостями являлись «рыцари и господа», приглашенные королем. По его приказу они сшили к высочайшей свадьбе дорогую новую одежду: «шелковую, с нитями золота и серебра». В течение праздника гости неоднократно покидали пиршественные столы ради других забав. Несколько раз происходили турниры — единоборства и групповые. Весьма ценилась и «забава искусством прекрасного слова». Невозможно определить, что имел здесь в виду хронист: изысканную светскую беседу, находчивый обмен остротами или публичные речи гостей; сведений о поэтических состязаний хроника не содержит. Особо подчеркивает хронист достойные и миролюбивые манеры и поведение пирующих:

*Все гости себя достойно вели.
Тон благородный повсюду царил,
празднику мир и порядок дарил.*

Детальнее описана свадьба следующего короля — Биргера, которую играли в Стокгольме (с. 48). В пиршественном зале развесили флаги с гербами короля: «три белые лилии и лев золотой». На новобрачных были сверкающие наряды из шитого золотом шелка. На свадьбу пригласили в первую очередь тех рыцарей, что «конунгу верно служили» (или, как тогда было принято говорить, его «верных»). Они прибыли верхом, со своими флагами, и двигались впереди «толпы» (прочих гостей — или зевак?), под «звуки флейт, барабанов, грома и стука». Рыцари были на очень хороших конях («лучших в мире»), с седлами, расшитыми серебряной нитью. Хронист — знаток рыцарской литературы — замечает по этому поводу, что и Персиваль вряд ли смотрелся бы лучше. Организованный в начале праздника турнир также сопровождался звуками музыки, гомоном и криками. Густая пыль, шараханье коней, падения наземь всадников, причем кое-кто из рыцарей оказался придавленным упавшей лошадей, дикий шум и стук, видимо, весьма впечатлили хрониста. Это удивительно, поскольку обстоятельства-то были довольно обычными. Тем не менее в последующих описаниях такие подробности и эмоциональные оценки почти не встречаются.

Сумятица сменилась мирной трапезой, где «все было чинно, красиво, достойно»; с этой формулой мы встречаемся практически при всех описаниях пиров. Похоже, это была идеальная модель, которой далеко не всегда придерживались пирующие господа. Во всяком случае, богатое угощение, мед, пиво, вишневая настойка, белые и красные вина, которые «лились рекой» в кубки до самой ночи, никого не оставили равнодушным. Автор с выразительной краткостью описывает ночь после бурного дня и обильного застолья: кто гуляет, кто продолжает пить, а кто уже заснул; и «дерется прислуга в сумраке улиц».

На следующее утро, после посещения мессы, пирующих ожидала еще одна торжественная процедура. Был устроен высокий, укрепленный столбами и богато украшенный шатер. Там, «сидя гордо», король посвятил в рыцари своего брата и ряд других людей, «в коих силу обрел». По окончании торжества щедро отблагодарили артистов («шутов»): в качестве платы им пожаловали драгоценную одежду новобрачных.

Не менее торжественно отпраздновал вскоре король Биргер и свою коронацию в г. Сёдерчёпинге (с. 60–61): «пышнее и краше никто не видал», «царили веселье и радость кругом». Приглашенные господа прибыли в одеждах из шитого серебром шелка и не обманулись в своих ожиданиях:

*Пища вкусна, благородны манеры,
мир и порядок, шутки без меры...*

Пир был столь роскошен, что присутствовавшие там бывалые путешественники говорили: «не знали такого мы прежде». «Хвалили все и еду и одежды». И на этот раз была проведена процедура посвящения в рыцари второго брата короля. И снова (что всегда подчеркивает хронист) не забыли одарить и шутов: им дали «дорогие вещи, флейты, коней, серебро, одежду и много прочего», так что «шуты уезжали, довольные очень».

Вскоре в гости к королю Биргеру пожаловал с супругой и в сопровождении многих рыцарей датский король, который был родным братом шведской королевы Мериты (с. 71). Король Биргер встретил шурина в сопровождении своих «добрых воинов». Участия в празднике, который по случаю приема высоких гостей устроили в королевском имении Фаградале, удостоились самые знатные господа. Датского короля встречали рыцари с «дюжиной факелов» и шуты-музыканты, звучали трубы, флейты и барабаны. Хронист тут же спешит отметить, что за усердную работу шутам даровали попоны из бархата, шитого золотом, и «турнирный наряд с беличьим мехом, что радует взгляд». Однако еще до этого гости насладились зрелищем турнира, после чего, видимо, были застолье и танцы:

*хорошим манерам пора наступала.
Знать хорошо в этом толк понимала.*

В беседах господ полное одобрение хрониста вызвали «терпенье и вежливость — ума половина» (!).

Самое подробное описание пиршественных торжеств автор посвятил свадьбам братьев-герцогов — героя поэмы Эрика и его брата Вальдемара, которые одновременно женились соответственно на дочери и племяннице норвежского короля (с. 108–111). Начальные свадебные церемонии произошли в конце сентября на родине невест, в Осло, куда женихи прибыли в полной готовности, привезя с собой заблаговременно заказанные украшения — для подарков. Сопровождавшие их рыцари (их «верные») облачились в новые наряды, которые «им сшили» (!) с запасом — по две-три перемены для каждого, и перековали заново лошадей. Кортёж был торжественно встречен, затем «было веселья и радости много». Шутов-музыкантов щедро одарили одеждой, лошадьми, подарили им инструменты, так что «богачами оттуда они уезжали». Без подробностей упоминается об организации турниров (в обоих формах), о танцах, о «красивых речах среди пира» и «радости повсюду».

Сколько дней длилось торжество — неизвестно, но гости задержались более чем на полгода, до Троицы, когда герцоги устроили ответный пир для своего тестя, а также по случаю приближающегося отъезда молодых в Швецию. Они приказали построить бревенчатый

«зал», украсить его изнутри бархатом, шитым серебром, малиновым шелком и другими дорогими тканями. При зале устроили погреб, набитый снедью, заготовили мед и вина, а также много вещей для подарков родичам молодых жен. В частности, юная жена Эрика, прощаясь со своей кормилицей, «много дала ей в дар украшений».

Прибыв в Швецию, герцоги снова устроили пир. «На берегу реки» (возможно, речь идет о пограничной реке Гёта-Эльв между Швецией и Норвегией, — первой реке, которую герцоги могли встретить, возвращаясь домой) они соорудили «зал прекрасный». На крыше «зала» установили балку с большой свечой, которую можно было зажигать из дома, чтобы она служила маяком для приезжающих во время темной или дурной погоды. Хронист отмечает пышность праздника. В зале веселились вовсю. Привлекало обилие дорогого вина и кушаний, «редкие блюда». «Шум и громкие крики шутов», их «дудки», гомон и «стук лошадиных подков» сопровождали турнир, о котором автор говорит в данном случае как о само собой разумеющейся составляющей части пира.

Многих дворян герцог посвятил тогда «в этом зале» в рыцари, в том числе своих братьев и двоих сыновей некоего «германского графа». Рыцари, которые обслуживали герцога за столом, получили в дар отличных лошадей и одежду, да и «других не забыли». Это замечание — единственное при описании торжественных трапез, где говорится об особо близких правителю господах, которым доверили везти его личным столом; были ли это постоянные столтники, или люди, выделенные специально для данного случая, — неясно. То, что и «других не забыли», подтверждает обычай одаривать гостей на торжественном пиршестве; в данном случае речь, вероятно, идет прежде всего о новых рыцарях. Интересно замечание хрониста о другой почетной процедуре — видимо, символе особого уважения к новым рыцарям, в которых надеялись видеть «своих верных»: марск (маршал) собственноручно и «щедро» подносил корм лошадям новых рыцарей на серебряных блюдах, которые потом отдали шутам.

Этих шутов, приглашенных «из разных краев», наградили вообще весьма щедро: «добром, и одеждой, и даже монетами дорогими», так что те «обогатились». В реплике о «разных краях», пожалуй, содержится объяснение того внимания автора, которое он демонстрирует в отношении оплаты артистов: эти не вполне полноправные тогда люди, которые, как известно, небольшими труппами бродили с места на место в поисках зрителей, конечно, разносили по всем землям и весям слухи о щедрости либо скупости того или иного устроителя пира, т. е. в известной мере формировали его репутацию.

Этот праздник длился четыре дня, на нем царили «мир и порядок». На пятый день гости разъехались.

В большинстве случаев автор рассказывает о каком-то пире, устроенном по некоему важному поводу, лишь в самом общем виде, используя уже знакомые нам штампы, но и тогда в замечаниях хрониста нередко содержатся интересные для нас детали.

Так, когда герцог Магнус влюбился в Хельвигу, дочь голштинского герцога, он велел поспешно «яства готовить, наряды пошить». Вскоре «свадьбу сыграли, праздник веселый». «Сытые гости на ней не скучали» (с. 32). Помолвка герцога Эрика с норвежской принцессой (о свадьбе его с которой речь уже шла выше) также была отмечена пиром (с. 62–63), о котором автор хроники сказал лишь следующее:

*как ублажали гостей на том пире,
я не могу описать все равно.
.....
речи все слушали там со вниманьем,
согласно обычаю и воспитанью (!).*

Когда в известный момент короли трех скандинавских государств «договориться решили» (с. 106), «пиры и турниры возобновились» и продолжались несколько недель — важное свидетельство нередкой длительности такого рода праздников.

Скупые, но важные сведения сообщает хронист о летнем празднике в городе Скара, уже под конец междоусобицы. Тогда аристократы, входившие в Государственный совет, ставший к этому времени почти целиком в оппозицию к королю, явно вопреки его воле, избрал дротсом (верховный судья, первый чин королевства) своего ставленника и сторонника покойного герцога Эрика — аристократа Матса Кетильмундсона. По этому случаю был устроен (скорее всего, тем же Государственным советом) «пышный пир», на который съехалась знать со всей страны. «Праздник веселый был, с криком и смехом», но, видимо, скорее демонстративно-символический, т. к. все же было не до праздников: «после него дроте, не медля уехал» (с. 129).

Несомненно, прав П. Ю. Уваров, когда он в самом общем виде характеризует торжественную трапезу как «демонстрацию социальных связей и социальной иерархии» и одновременно «символическое укрепление социальной общности, кратковременное обретение золотого века и всеобщего примирения» (см. его «Вступительное слово» к разделу «Трапеза» // Одиссей. Человек в истории. М., 1999. С. 5). Именно такой, судя по «Хронике Эрика», предстает торжественная трапеза в шведской и вообще скандинавской придворной среде. Но очевидно также, что тот акт, который средневековый хронист называет «пиром», еще больше углубляет и расширяет социальные функции торжественной трапезы, поскольку сосредотачивается не только на застолье. Пир в «Хронике Эрика» — весьма сложное, многослойное и

многозначное действо, особо объемный и значительный ритуал, состоящий, в свою очередь, из ряда действий-ритуалов, каждое из которых имеет свой смысл, выполняет определенное назначение и окружен системой ограничительных символов-правил, зачастую закрепленных обычаям.

Автор очень редко рисует реальную картину всего действия, поведение пирующих и какие-либо приметные события, происходившие во время праздника. Он предпочитает обрисовать модель, лишь контурами обозначив ее основные приметы, вероятно, знакомые и понятные современникам. Так, очевидно, что уже само присутствие на пире было знаком избранности, принадлежности к элите и, учитывая междоусобицу, принадлежности к одному из противостоящих лагерей. Поэтому, хотя автор хроники и не объясняет порядок приглашений на пир, очевидно, что неприглашение или неявка знатной персоны были знаком разрыва с данным кругом пирующих или изъятия из него. Напротив, появление новых лиц означало их приобщение к данному кругу. Дозволение или право прислуживать царственной особе за столом было и знаком милостивого доверия, включения данного лица в число «ближних», самых «верных», и одновременно «должностью», дающей определенные привилегии.

Избранность круга сотрапезников, их принадлежность к «сливкам общества» демонстрировалась не только роскошью их нарядов и отменными свойствами их лошадей, но и особой светскостью. Хронист постоянно подчеркивает хорошее воспитание, «пристойность» поведения гостей за столом, умение вести тонкую беседу, изысканные манеры, умные речи и сдержанность — «ума половину». Благодаря этому, хотя гости на пирах «во всю веселились», там царили «мир и покой». Конечно, последнее замечание, весьма настойчиво повторяемое хронистом при всяком подходящем случае, наводит на мысль, что буйство на пире вовсе не было редкостью. Однако жанр хроники, пропитанной рыцарским этосом, ограничивали откровенность автора при характеристике этого, как и других сюжетов.

Очевидно, что пир должен был впечатлять как своей роскошью, гостеприимством и щедростью со стороны устроителей, так избранностью и богатством гостей. Для пира нередко строили особое, богато украшенное здание. Хозяева и гости приобретали специально к этому событию особые, дорогие и «пышные» одежды, иногда по несколько смен. Обязательным условием было присутствие «шутов»-музыкантов, которых полагалось щедро наградить, дабы они, кочуя по свету, прославляли устроителей пира. Само пиршественное действо длилось долго, подчас несколько дней подряд и даже неделями. И все это время на стол подавалась обильная и даже «изысканная», «редкая» еда и в изобилии разнообразные вина — важные условия удачного пира и

хорошего настроения гостей, которым полагалось «вовсю веселиться». Но при этом, как уже говорилось, поведение пирующих должно было оставаться «пристойным», произносить и выслушивать речи полагалось внимательно и терпеливо, беседовать интересно и «прилично».

Трапеза неоднократно прерывалась: то для рыцарских состязаний-турниров разного вида, то танцами, то свободной беседой, то какими-то важными процедурами. Среди последних немаловажное значение имела раздача даров. Устроитель пира демонстрировал свое хорошее отношение к гостям при помощи не только обильной и изысканной еды и зрелищ, что уже само по себе высоко ценилось, но еще и одаривал их, видимо, в соответствии с «рангом» гостя. Особые подарки получали его «ближние», «верные», в ряде случаев что-то дарили другим гостям, иногда им шили праздничную одежду для пира. Награждали вновь принятых в рыцари дворян и, конечно же, артистов. А на свадьбах, само собой, — родичей новобрачных.

Одним из важнейших ритуалов и одновременно наград на пире было посвящение в рыцари. Судя по «Хронике Эрика», это было даже традиционное действие в рамках торжественного пира, особенно по случаю коронации или свадьбы венценосца и членов его семьи. Но случалось это и при других обстоятельствах. Так, когда король производил в рыцари своего сына — наследного принца и устроил роскошный пир, где «все было чинно, толково, достойно», а танцами («под музыку пары кружились, пока от веселья не утомились») и турниром, он «заодно» «еще 40 рыцарских титулов дал тем, кого верным считал» (с. 42).

Такой же тактики придерживались при своих дворах герцоги. Герцог Эрик, герой хроники и основной соперник короля Магнуса в борьбе за корону, устроил для своих «ближних» благодарственный пир «с вином дорогим и медовым настоем» (с. 85). Хронист снова отмечает пышные одежды герцога и его людей, обилие и изысканность угощений, веселье присутствующих и «таланты» шутов. В другом случае герцог Эрик, устроив пир для своих «героев» в городе Лёдесе (на Гёта-Эльв), посвятил их в рыцари, а также одарил серебром и богатой одеждой, и даже «шуты богачами вернулись домой» (с. 105).

Еще один многодневный «веселый праздник» устроил изобретательный герцог Эрик, сыграв (очевидно, на свои средства, т. е. в качестве дара) одновременно пять свадеб своих приближенных — тех, «кто смел и достоин». Рассказ об этом событии хронист сопровождает двумя ремарками. Во-первых, он подчеркивает, сколь благодарными должны быть герцогу те, чьи судьбы он так щедро соединил:

*Счастлив, кто к дому поехал с женой,
радость большая, удача в судьбе.*

.....

*Через всю жизнь ту любовь пронести,
чтоб только смерть их могла развести.*

Во-вторых, автор попутно замечает, что «праздники эти (т. е. коллективные свадьбы. — А. С.) в обычай вошли», т. е. стали еще одним способом поощрить, наградить «смелых и достойных» сторонников.

Однако не всегда пиршество имело объединительные цели. В ходе междоусобиц устраивались и трапезы-приманки — поступки того типа, который современники называли «коварным» деянием. Так, рыцарь Педер Порее, который верно служил королю Магнусу и получил в управление один из пограничных замков, был недоволен тем, что король задолжал ему значительную сумму, положенную в качестве жалованья. И вот верный рыцарь приглашает короля в замок, устраивает богатую трапезу, во время которой объявляет гостя пленником. Магнус выкупил себя, лишь пообещав рыцарю замок Лёдесе и «земли в придачу» (с. 37). Очаровательна заключительная реплика хрониста, которая подводит итоги сему знаменательному эпизоду: «Мирно они с тех пор до седин жили, как прежде, снова друзьями».

Аналогичным образом поступил король со своими братьями. Он пригласил их в свою усадьбу Аранес, где «устроил праздник». Пригласил также марска и других гостей, щедро их поил и кормил. Все шло отлично: «какие прекрасные речи вели! Люди простые и те понимали» (с. 66–67). А наутро король арестовал братьев и отпустил их не раньше, чем они подписали бумагу с отказом выступать против него, «идти против конунга воли». Но решающим событием в их отношениях стал «пир замирения», который король устроил для братьев в другой своей усадьбе (с. 114–119). За столом было все «мирно, пристойно»: шутки, наслаждение хорошей едой и напитками. «Красивые речи гости вели», королева выглядела очень веселой и, казалось, сияла от счастья. Сидели допоздна. Когда же настало время укладываться спать, король выразил сожаление, что в этой усадьбе не хватает места для постелей воинов, которые прибыли с братьями, и поэтому их отправили ночевать в деревню. Но как только воины герцогов ушли, ворота усадьбы заперли, а братьев, которые к этому времени уже разделись и уснули, пленили. Связанных, в одних рубашках, их отвели в башню. Часть воинов убили, некоторых отпустили. Вещи пленников поделили люди Магнуса. В глазах всего общества это был очень «низкий поступок: гостя ведь надо уважать». Братья-герцоги, забытые в башне, в конце концов погибли, как полагали современники, от голода. Но король Магнус в результате потерял корону, был изгнан из страны и окончил дни у свояка — короля Дании.

Очевидно, что при всей лаконичности и условности описания пиров в «Хронике Эрика», где опущены — за редчайшим исключением — важные детали этих многодневных, богатых событиями и эмоциями

празднеств, их важная общественная роль проступает вполне отчетливо. Это был смотр сил сторонников и противников, выяснение их симпатий и связей, их состоятельности, надежности, щедрости, способности «прогибаться» под влиянием корысти или страха, их манер, выдержки, воинского умения, ловкости в бою и в речах, в общении с членами своего круга, с сеньором и с нижестоящими. Пир давал возможность королю или лидеру оппозиции привлечь и сплотить по возможности большее число «верных», а дворянам — убедиться в правильности выбора сеньора, оценить его щедрость, манеру обращаться с вассалами и меру благодарности за верность. На пире создавались и рушились репутации, подтверждались либо переживали динамику не только личные оценки, но и места возле трона тех или иных придворных.

Несомненно, практика пиров играла значительную роль в выработке поведенческой культуры. Участнику пира, чтобы не пережить унижение, мало было просто демонстрировать свое богатство. Он должен был владеть многими навыками, знаниями, умениями элитарного круга: успешно участвовать в турнирных состязаниях; вести беседы с дамой и кавалером в соответствии с их возрастом и положением и подчас на иностранном языке; уметь выступить с публичной речью; оценить работу артистов; ловко танцевать; знать меру в выпивке; контролировать свои слова, жесты, поступки. И вообще произвести наиболее выгодное впечатление, которое могло определить судьбу персонажа на многие годы, если не на всю жизнь.

Сравнение правил придворных пиров с правилами, например, цеховых пиршественных сборищ, которые зафиксированы в ремесленных уставах Стокгольма, позволяет считать, что роль пира в выработке этоса каждого круга участников, культуры общественного поведения была универсальной: она действовала на всех социальных уровнях¹.

Наконец, пир был и просто праздником, который порождал положительные эмоции, снимал усталость, озабоченность и нервное напряжение, дарил определенную раскованность и хотя бы временно радость и мир.

---

¹ Нужно, однако, отметить, что если правила поведения на светском, в том числе королевском, пире в Швеции того (и пары последующих) столетий мы можем, притом в самых общих и весьма неполных чертах, выяснить лишь косвенным путем, на основании одобрения или осуждения каких-то действий участников автором описания данного события, то с цеховыми пирушками дело обстоит иначе. Во многих утвержденных властями уставах шведских ремесленных цехов (они записаны — за одним исключением — в XV в.) имеются четкие указания о том, как надлежит вести себя во время цехового «пира»: не прерывать старейшин, не буянить и не сквернословить, не напиваться допьяна, своими действиями или словами не докучать соседям, не приводить продажных женщин и др.

А. Ю. Серегина

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЗНАТЬ В ПРОТЕСТАНТСКОЙ АНГЛИИ: ВИКОНТЫ МОНТЕГЮ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI — НАЧАЛО XVII в.)

Эпоха Реформации и Контрреформации в Англии, как по всей Европе, стала временем больших потрясений, затронувших все сферы человеческой жизни. Распространение новых учений сопровождалось (а порой и обуславливалось) политическими конфликтами, участниками которых становились как простолюдины, так и представители элиты. Зачастую по мере «конфессионального самоопределения» правящая элита в значительной степени обновлялась: члены «проигравшей» религиозной общины уступали свои места победителям.

В Англии «проигравшей» оказалась католическая знать: как принято считать, в правление Елизаветы I (1558–1603) католики теряют свои места в Тайном совете, их постепенно вытесняют и из местных органов власти. Впрочем, католическое влияние не следует слишком преуменьшать. Вытесненными оказывались в основном наиболее бескомпромиссные католики, чья лояльность подвергалась сомнению (например, граф Арундел, попавший в опалу после своего обращения в католичество). Однако и среди членов Тайного совета, и среди придворных оставалось немало «консерваторов», подозревавшихся в католических симпатиях, имевших родственников-католиков, и т. п. Кроме того, само понятие «католик» было достаточно аморфным: согласно букве закона, человек, присутствовавший на англиканской литургии раз в месяц, считался членом официально признанной церкви. Конечно, для многих людей, причислявших себя к приверженцам Римской церкви, присутствие на англиканской литургии могло означать признание власти королевы; именно их современники именовали «церковными папистами»¹. Для знати «церковный

---

¹ О «церковных папистах» ('church papists') см.: A. *Walsham*. Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England. Woodbridge. 1999.

папизм» зачастую оказывался способом сохранить верность Риму и одновременно — своей правительнице.

Таким образом, католическая знать сохранила свое влияние как при дворе, так, безусловно, и в графствах. Кроме того, в конце XVI в. ее влияние распространяется на сферы, где ранее доминировало духовенство — на организацию религиозной жизни английского католического сообщества в целом.

Семейство виконтов Монтегю, которым посвящена данная статья, представляет собой один из наиболее ярких примеров «католического патроната».

Род Монтегю был обязан своим возвышением монархам династий Ланкастеров и Тюдоров. Первым известным его представителем был некий Роберт Браун или ле Брен, представлявший графство Камберленд в парламенте в середине XIV в. Его младший сын Энтони разбогател, занимаясь торговлей в Лондоне, и был возведен в рыцарское достоинство Ричардом II. Старший из его сыновей стал в 1439 г. мэром Лондона; о его младшем сыне Роберте ничего не известно. Однако именно этой ветви рода суждено было возвыситься: сын Роберта Томас Браун стал казначеем двора (*Treasurer of the Household*) при Генрихе VI, а его внук Энтони Браун сделал блистательную карьеру при дворе первого Тюдора, Генриха VII, став сначала знаменосцем (*standart bearer*) (1485), затем — королевским телохранителем (*esquire of the King's body*) (1486), и был возведен в рыцарское достоинство. Тогда же он был назначен смотрителем замка в Квинсборо, а в 1503 г. достиг зенита славы, заняв важный пост констебля в замке Кале (где он и умер в 1506 г.)¹.

Его сын и наследник, по традиции получивший имя Энтони (1500–1548), укрепил положение семейства Браунов при дворе нового монарха. Энтони Браун верно служил Генриху VIII на поле битвы (за храбрость, проявленную в сражении при Морлэ, он был посвящен в рыцари), а также в качестве дипломата (он участвовал в переговорах с Франциском I и, вероятно, был в составе посольства, отправившегося в Рим, чтобы добиться от папы развода короля с Екатериной Арагонской). Сэр Энтони сделал также и блестящую придворную карьеру, превзойдя достижения отца: он был в 1531 г. назначен знаменосцем, но это стало лишь началом его восхождения. В 1536 г. Энтони Браун был хранителем купели при крестинах будущего Эдуарда VI, в 1538 г. получил привилегию иметь ливрейную свиту в 24 человека. Спустя год он стал конюшим, а затем (1540) — рыцарем Подвязки. Именно он представлял Генриха VIII на церемонии бракосочетания последнего с

¹J. Roundell. Cowdray: The History of a Great English House. London. 1884. P. 11–12.

Анной Клевской. Король доверял верному слуге, который регулярно участвовал в его военных походах и посольствах. В королевском завещании сэр Энтони упомянут как один из душеприказчиков и опекунов Эдуарда VI и принцессы Елизаветы¹.

Доверие и благодарность короля выражалась и вполне материальным образом: в августе 1538 г. королевским патентом было подтверждено право сэра Брауна на бывшее аббатство Бэттл, одну из древнейших и богатейших бенедиктинских обителей Сассекса. Роспуском этого монастыря незадолго перед тем руководил сэр Томас Гейдж, представитель одного из наиболее влиятельных дворянских семейств Сассекса, на дочери которого Элис был женат Энтони Браун. Влиятельный придворный сделался и одним из крупнейших землевладельцев графства, унаследовав спустя несколько лет поместья своего сводного брата, Уильяма Фицуильяма, графа Саутгемптона в Сассексе и Сарри, с основным манором Мидхерст, который и стал родовым гнездом семейства Браунов².

Как и сотни других дворян, сэр Браун значительно обогатился в ходе роспуска монастырей. Однако, как и во многих других случаях, обладание бывшей монастырской собственностью вовсе не влекло за собой непременного принятия новой религии (даже в том умеренном виде, в каком она проповедовалась при Генрихе VIII). Сэр Энтони был верен королю и явно принял разрыв с Римом достаточно спокойно. Но в вопросах вероучения и обрядности он был стойким консерватором, воспитавшим в том же духе своих детей³.

Его наследник Энтони Браун (1526–1592) чуть было не лишился королевского фавора из-за своих религиозных убеждений: в 1551 г. он даже угодил в Тауэр из-за того, что присутствовал на мессе. Однако уже в 1552 г. сэр Энтони-младший поучил возможность принимать своего монарха в своем поместье Коудрей (Мидхерст). Позднее он стал шерифом Сассекса и Сарри. Впрочем, его придворная карьера при Эдварде VI была осложнена религиозными пристрастиями: фактически она началась только при Марии Тюдор. В 1554 г. сэр Энтони стал конюшим короля Филиппа, позднее в том же году он, как внук Люси Невилл, дочери виконта Монтегю, получил этот титул, позднее стал членом Тайного совета и рыцарем Подвязки. Подобно своим предкам, виконт Монтегю служил своей королеве как дипломат и воин: в 1553 г. он был участником посольства в Рим, отправленного с целью восстановить отношения Англии с папским престолом. А в

¹ *J. Roundell. Cowdray...; W. H. St John Hope. Cowdray and Easebourne Priory in the County of Sussex. London. 1919. P. 22.*

² *J. Roundell. Cowdray... P. 13–14.*

³ *L. E. C. Wooding. Rethinking Catholicism in Reformation England. Oxford. 2000. P. 67–81.*

1555 г. виконт Монтегю участвовал в осаде Сент-Кантена в качестве лорда-лейтенанта¹.

Восшествие на престол королевы-протестантки прервало блестящую карьеру виконта Монтегю: хотя новая правительница и относилась нему с полным доверием, его открыто высказывавшиеся католические пристрастия стали причиной постепенного вытеснения виконта из сферы большой политики. При Елизавете лорд Монтегю перестал быть членом Тайного совета, хотя на первых порах ему еще доверяли важные дипломатические миссии (посольство в Испанию в 1559 г., посольства в Парму в 1565 и 1566 гг.). Однако позднее деятельность виконта Монтегю была ограничена исключительно рамками графства Сассекс: вместе с Томасом Сэвиллом, лордом Бакхерстом (позднее графом Дорсетом) он после 1569 г. был лордом-лейтенантом графства. Верность Елизавете была неоспоримой: именно виконт Монтегю первым появился на смотре в Тилбери в 1588 г., перед появлением Армады у английских берегов, приведя с собой вооруженный отряд в 200 человек во главе со своим внуком и наследником². Королева знала это, и в ответ на верность виконту было молчаливо позволено верить так, как ему хочется. Впрочем, это не освобождало ни его самого, ни его семью от постоянного наблюдения со стороны правительственных агентов³.

На младшее поколение семейства Монтегю доверие короны не распространялось: второй виконт, Энтони Браун (1573–1629), внук первого, был практически исключен из политической жизни графства (как бескомпромиссный католик-*recusant* он не мог быть мировым судьей), хотя и оставался членом палаты лордов. *Recusancy*, а также связи с участниками Порохового заговора не раз приводили его в Тауэр (откуда его вызволяло влияние тестя, лорда Бакхерста) и к концу жизни существенно подорвали финансовое положение семьи.

История семейства Монтегю наглядно демонстрирует, что активное участие в роспуске монастырей и обогащение благодаря этому вовсе не означало обязательного принятия нового протестантского учения. Монтегю, как и многие их соотечественники, как представляется, рассматривали монастырские земли как выгодное вложение, но одновременно ответственно относились к своей новой роли светских патронов приходских церквей. Об этом напрямую свидетельствует королевская лицензия, выданная виконту Монтегю 12 июня 1557 г., согласно которой последний принял на себя обязательство возвести

¹ *J. Roundell. Cowdray...* P. 23.

² *Ibid.* P. 25–26.

³ См.: CSP Dom., 1547–80. P. 445; 1580–90. P. 376; 1591–94. P. 372, 379–81, 502–3.

доставшиеся ему в ходе диссолюции приходы в ранг *rectories* (раньше они относились к *vicarages*), соответственно увеличив их доходы за счет передачи ректорам права получения десятины (право представлять епископу кандидатов, естественно, оставалось в семье). Кроме того, виконт Монтегю обязывался основать в приходских церквях Мидхерста и Бэтл (рядом с двумя фамильными резиденциями) две часовни (*perpetual chantries*) и соответственно содержать двух капелланов для них (обеспечив их годовым доходом в 40 марок)¹.

Хотя в силу краткости правления Марии Тюдор из планов виконта Монтегю ничего не вышло, его намерения вполне показательны: обеспечение священников тех приходов, патроном которых он был, достаточными средствами, красноречиво говорит о том, что Монтегю был отнюдь не чужд идей о реформировании английской католической церкви. Для него священник должен был быть уважаемой фигурой в приходе (отсюда и стремление увеличить их доход)². Вместе с тем переписка Монтегю с королевой Марией свидетельствует о том, что он, в отличие от многих ее прелатов, вполне благожелательно относился к проповеди³. Так, в письме от 17 мая 1558 г. виконт упоминает, что он (в качестве лорда-лейтенанта Сассекса) по совету епископа Чичестерского Джона Кристоферсона взял с собой в поездку по побережью графства архидиакона Чичестерского Лангдейла, который проповедовал при большом стечении народа против протестантского учения⁴. Конечно, Лангдейл был ученым клириком с университетским образованием, что было еще редкостью в правление Марии Тюдор. Однако стремление Монтегю финансово обеспечить «своих» священников может быть прочитано и как желание привлечь в приходы, патроном которых он являлся, новое поколение образованных клириков, способных проповедовать католическое учение⁵.

Как бы там ни было, смерть Марии Тюдор оставила нереализованными все проекты Монтегю. Приход к власти королевы-протестантки прервал успешную придворную карьеру виконта, однако не сделал его оппозиционером: как уже говорилось, вплоть до своей смерти он оставался верным слугой Елизаветы. Тем не менее, в отличие от многих «консерваторов» и людей католических пристрастий, Монтегю не только оставался верным своим католическим убеждениям, но и декларировал их совершенно открыто. Именно он был единственным

¹ Royal Licence, 12 June 1557 *CPR*, 1555–57. P. 440–42.

² C. Haigh. *English Reformation*. Oxford. 1993. P. 224–225.

³ D. Fenlon. *Heresy and Obedience in Tridentine Italy*. London. 1972. P. 255–256 E. Duffy. *The Stripping of the Altars*. P. 527–531; L. C. Wooding. *Rethinking Catholicism*. P. 114–151.

⁴ *CSP Dom.*, 1553–58. P. 334–5.

⁵ См.: Wooding. *Loc. cit.*

светским пэром, который в 1559 г. выступил против принятия билля о единообразии. А в 1563 г. он выступил в Палате лордов с речью против клятвы о признании королевской супрематии, дерзнув не только отрицать ее необходимость и обоснованность с политической точки зрения, но и называть клятву противоречащей естественному закону и законам человеческим (т. к. она противоречила естественной свободе понимания вероучения, the natural liberty of man's understanding)¹.

Один из пассажей речи Монтегю весьма показателен: обосновывая необходимость отказа от карательных мер по отношению к католикам, виконт высказался следующим образом.

«Для протестантов вполне довольно того, что они владеют церквями и имеют право проповедовать и отлучать; они не должны принуждать и заставлять людей поступать или верить по принуждению в то, во что они не верят»².

Таким образом, уже в самом начале царствования Елизаветы Монтегю осознавал и вербализировал то, что происходило в это время в английских приходах — отделение католиков от сообщества верующих, объединенных общим культом.

Реформация существенно повлияла на роль прихода и приходской церкви в религиозной жизни англичан, по крайней мере тех, кто более или менее артикулированно выражал свою приверженность традиционной церкви и отождествлял себя с католичеством. Если до Реформации приход был очевидным центром литургической жизни, вокруг которого строились все частные религиозные практики, и одновременно местом (и средством) объединения локального сообщества, а также местом, где прихожане могли проявить свою политическую лояльность (или отсутствие таковой), то теперь (для католиков) соединение двух этих линий — религиозной и коммунальной — оказывалось порой весьма затруднительным.

Каждое католическое семейство должно было искать собственный выход из того положения, в котором оказались английские католики после Реформации: присутствие на англиканской службе автоматически означало отделение от Вселенской католической церкви, схизму (если не ересь), по крайней мере, именно так эту практику склонны были трактовать лидеры Английской миссии. С другой стороны, для правительства посещение подданными церкви оказывалось тестом на лояльность, пренебречь которым было опасно; кроме того, сами

¹ *Dodd-Tierney*. Vol. III. Appendix. cclii.

² *Ibid.*: 'It is sufficient and enough for protestants, to keep the possession of the churches, and the authority to preach and excommunicate, not to seek to force and strain men to do, or believe, by compulsion, that they believe not?'

католики (по крайней мере, в первое десятилетие царствования Елизаветы) отнюдь не стремились демонстративно отделиться от прочих подданных короны. Присутствие многих католиков на англиканских службах объясняется не только страхом перед гонениями, но и желанием продемонстрировать свою верность королеве и местному сообществу¹.

Позднее, в 1570–80-е г., католикам оказывалось труднее придерживаться подобной практики, отчасти из-за жесткой позиции священников-миссионеров (при всех компромиссах официальное отношение миссии к данному вопросу оставалось неизменным — идеалом поведения католиков провозглашалось *recusancy*). Сыграла свою роль и постепенное проникновение протестантского учения в приходы, в результате чего отношения католиков с местным сообществом могли осложняться².

Тем не менее в течение долгого времени (на протяжении жизни нескольких поколений) главы католических семейств должны были принимать решение относительно того, как именно строить свои отношения с соседями, правительством, одновременно не отягощая слишком сильно свою совесть. Для глав дворянских семейств (и для титулованной знати) этот вопрос был, возможно, наиболее болезненным, так как полный отказ от посещения церкви (*recusancy*) стоил придворной и политической карьеры и лишал семью влияния и на местном уровне.

Виконты Монтегю тоже были вынуждены выстраивать свои отношения с Римом и короной таким образом, чтобы сохранить свою религиозную идентичность и влияние семьи, используя все возможные средства (и не в последнюю очередь родственные и дружеские связи).

Энтони Браун, первый виконт Монтегю, был «церковным папистом», по крайней мере, в течение первой половины царствования Елизаветы. В то же самое время в его домах жили католические капелланы, и регулярно отправлялось католическое богослужение³. Таким образом, налицо то самое разделение двух линий: религиозной и коммунальной, о которой речь шла выше. «Церковный папизм» первого виконта Монтегю позволял ему оставаться полноценным игроком в масштабе местных политических игр (чему способствовал долговременный союз виконта с Томасом Сэвиллем, лордом Баккерстом (впоследствии графом Дорсетом), будущим казначеем, и до

¹ A. *Walsham*. Church Papists. P. 73, 83–84.

² *Ibid.* P. 22–49; 73–99.

³ R. *Smith*. The Life of the lady Magdalen Viscountess Montague (1538–1608) [An Elizabethan Recusant House. London. 1954]. P. 16–19.

1585 г. — вместе с Монтегю лордом-лейтенантом Сассекса). Открытый католицизм Монтегю прервал его придворную карьеру, но Елизавета продолжала доверять ему, что отразилось как в дипломатических поручениях, дававшихся ему в начале царствования, так и позднее, когда в 1587 г. виконт участвовал в суде над Марией Стюарт, и в 1591 г., когда Елизавета нанесла ему визит в его поместье Коудрей. Немалую роль в сохранении милости королевы сыграл «церковный папизм» виконта, его демонстративная верность короне, демонстрировавшаяся (теоретически) каждое воскресенье в приходской церкви.

С другой стороны, «церковный папизм» главы семейства давал возможность всем остальным домохозяевам беспрепятственно исповедовать католичество. И в самом деле, поместье виконта Мотнегу при его жизни оставались практически неприкосновенными центрами католического богослужения, а его жена, леди Магдален (Дейкр) воспитывала детей в строго католическом духе. Сама леди Магдален однажды появилась в списках recusants, но позднее ее не тревожили, даже после смерти мужа (когда теоретически она сама должна была нести ответственность за свои действия)¹. Вплоть до Порохового заговора семейство Монтегю использовало репутацию первого виконта как защиту от преследований. Конечно, более мелкая рыба регулярно попадалась в сеть: списки recusants Сассекса пестрят упоминаниями арендаторов Монтегю и их слуг, но виконт был достаточно влиятелен, чтобы оказать помощь и защитить своих людей, по крайней мере от ареста². Таким образом, избранная им тактика «церковного папизма» оказывалась чрезвычайно эффективной.

Остается вопрос: как сам виконт и члены его семьи воспринимали «церковный папизм»? Был ли он для них неизбежным компромиссом, неприятной обязанностью главы семейства, или же эта практика могла восприниматься и как нечто более позитивное? Возможный позитивный смысл подобной практики был достаточно очевиден — средство поддержания мира и согласия в местном сообществе, разделенном конфессиональными барьерами, но одновременно связанном

¹ H. Willaert. *History of an Old Catholic Mission: Cowdray — Easebourne — Midhurst*. London. 1928. P. 25–9; 41ff.

² Помимо членов семьи Гейдж, упомянутых в списках recusants в 1592–1593 (CRS. Vol. XVIII. P. 327, 329), 1593–1594 (CRS. Vol. LVII. P. 171–173, 178) и 1594–1596 гг. (CRS. Vol. LXI. P. 228, 232), там можно найти имя «Генри Уильямсона, йомена» и его жены (1592 г., CRS. Vol. XVIII. P. 336, 338–39). Через два года Генри Уильямсон присутствует в списке слуг второго виконта Монтегю, причем и он, и его жена отмечены как recusants (Harlean MSS, 6998, 149). Сам список является довольно любопытным документом: в нем более сотни имен членов household, но только девять из них, включая чету Уильямсон, — recusants. Означает ли это, что большинство слуг виконта следовали примеру хозяина и были «церковными папистами»?

узами родства и дружбы. Ценность мира в сообществе был совершенно очевидной для англичанина XVI в., и перевесить эти соображения могла лишь жесткая позиция католической миссии, отвергавшей практику «церковного папизма» как смертный грех. Однако не все католические священники были готовы согласиться с этой позицией; некоторые из них даже высказывали свое несогласие в трактатах, циркулировавших в рукописях. Ряд трактатов такого рода традиционно приписывается капеллану виконта Монтегю, бывшему архидиакону Чичестера, Албану Лэнгдейлу, уже упоминавшемуся в качестве проповедника против ереси в 1558 г. Лэнгдейл (ум. ок. 1584 г.?), богослов с университетским образованием, был наставником детей виконта Монтегю, и тот впоследствии, когда Лэнгдейл лишился всех своих бенефициев из-за отказа признать королевскую супрематию, сделал его своим капелланом. Фактически именно влияние виконта спасло строптивого священника от длительного тюремного заключения: в 1561 г. он был упомянут в списке recusants, но был отпущен с обязательством находиться в доме виконта (или под его надзором)¹. Лэнгдейл был капелланом семейства Монтегю более 20 лет, и его воздействие на религиозные практики этой семьи было значительным, о чем свидетельствуют позднейшие ссылки Монтегю на то, чему их когда-то учил старый священник².

Учитывая силу влияния Лэнгдейла и допустив, что приписанные ему тексты и в самом деле принадлежат ему, вряд ли стоит удивляться, что семейство Монтегю воспринимало «церковный папизм» как нормальную религиозную практику. Сочинения Лэнгдейла обосновывали допустимость посещения приходских церквей католиками, апеллируя именно к тем ценностям, которые имели для мирян столь большое значение — верности монарху и сохранению мира (и собственного положения)³.

По мнению Лэнгдейла, только католический клир был обязан публично объявить о своей конфессиональной принадлежности, а recusancy — выбор немногих, наиболее стойких в вере. Что касается мирян и в особенности знати, они могут время от времени посещать англиканские службы, так как они «всего лишь присутствуют во избежание больших бедствий, чтобы сдержатъ негодование врагов, следовательно, это — средство обрести мир для народа⁴.

¹ *H. Willaert. History...* P. 14–15.

² См.: The examination of the Lord Viscount Montague before the Lord of Canterbury and the lord Keeper (22 May 1594), Harleian MSS., 6998, 141.

³ *Walsham*, 51–52. См. также: *P. Holmes. Resistance and Compromise.* Cambridge. 1982. P. 91–93.

⁴ *Walsham*, 53: 'only geve theire bare presence for a voynyng farther mischiffe to qualify the idnidnacion of the adversarye, and thereby to be a meane for the people to purchase a calme to the multitude'.

Ричард Смит, капеллан и биограф леди Монтегю, прямо связывал «церковный папизм» семейства с Лэнгдейлом с его «попустительством».

«А если он и ходил в еретические церкви, это стоит вменить в вину не столько ему, сколько его священнику, поистине ученому и благочестивому человеку, но слишком опасливому, который, полагая необходимым идти на уступки времени, не смел назвать такие поступки грехом»¹.

Примечательно, что практика «церковного папизма» распространилась не только на главу семейства: в отличие от многих ситуаций, когда подобные действия мужа служили прикрытием для жены — recusant и детей, воспитывавшихся в строго католическом духе, леди Монтегю, по крайней мере, в течение какого-то времени, посещала церковь вместе с мужем.

«А в начале правления королевы Елизаветы она иногда ходила в еретические церкви, но это скорее может быть отнесено на счет недостатка наставлений, нежели отсутствия рвения. Ведь когда она поняла, что это противоречит божественному закону, она постоянно отвергала такие дела»².

Слова Смита подтверждаются появлением именем леди Монтегю в списках recusants. Что же касается главы семейства, то не вполне ясно, прекращал ли он когда-нибудь посещать англиканские службы. Смит в своем труде описывает драматическую сцену «обращения» грешника:

«Ведь после того, как тот священник [Лэнгдейл. — А. С.] умер, он принял к себе другого, который с подобающей его сану храбростью сказал ему, что присутствие на еретической службе — тяжкое преступление, отвратительное Богу и Церкви и губительное для его души, и виконт, не пытаясь оправдывать свои поступки, обнажил голову, упал на колени, как жестаи тела, так и речью выражая полное подчинение суждению католической церкви, и в своем благочестии пообещал впредь никогда не появляться на еретической службе, что он и соблюдал неукоснительно до самой смерти»³.

---

¹The Life of lady Montague. P. 19f: 'And if ... he went to heretical churches, it was not so much to be imputed to him as to his priest, a learned and pious man indeed, but too fearful, who, supposing it expedient something to give to the time, durst not determine such a fact to be sin'.

²Ibid. P. 41: 'And in the beginning of the reign of Queen Elizabeth she went sometimes to heretical churches, that may rather be imputed to the defect of instruction than want of zeal. For when she understood it to be unlawful she did constantly abhor it'.

³Ibid. P. 20: 'For when that priest being dead he had entertained another, who with priestly courage told him that it was a grievous offence, and hateful to

Конечно, столь ярко описанная сцена не может не вызывать подозрений: Смит явно описывает не реальные отношения между патроном и его капелланом, но их идеальную модель, для которой характерна решающая роль клира и полное подчинение ему мирян. Поэтому внезапное и безоговорочное покаяние виконта выглядит не слишком правдоподобным. К тому же неясно, кто именно из его капелланов решился сурово отчитать его за грех «церковного папизма». Одновременно с Лэнгдейлом в доме Монтегю находился другой католический священник, бывший преподаватель колледжа, Энтони Гарнет¹ (1566–1589), но он, как представитель старшего поколения католического клира, выглядит не слишком вероятным кандидатом на эту роль. В 1584 г. в течение недолгого времени в доме Монтегю находились священники Джон Эскью и Джон Миттен², но, по всей видимости, тогда Лэнгдейл был еще жив. Наконец, в Коудрей находился в 1589–1590 г. Ричард Грей³, священник-семинарист, который теоретически подходит на роль обличителя заблуждений своего патрона. Возможно, Грей действительно был противником «церковного папизма»: при аресте в 1593 г. среди его бумаг был обнаружен рукописный трактат «против хождения в церковь». Тем не менее никаких других свидетельств о том, что в последние годы жизни виконт Монтегю перестал быть «церковным папистом», нет.

Впрочем, воздействие нового поколения священников, воспитанных в континентальных семинариях, впитавших в себя контрреформационную идеологию с ее жестким стремлением отделить ересь от ортодоксии и подчинить мирян контролю духовенства, сказалось и на семействе Монтегю. Уже дети первого виконта периодически попадали в поле зрения властей из-за того, что предоставляли кров католическим священникам, хотя серьезных затруднений у них не возникало⁴. Однако его внук, Энтони Мария Браун, второй виконт Монтегю (1573–1629) вынужден был платить штрафы за recusancy и сталкиваться с прочими последствиями избранной им линии поведения — подозрениями со стороны правительства, усиленными

God and the Church and pernicious to his soul to be present at heretical service, he was so far from defending his fact that ... instantly putting off his hat and falling on his knees, both with gesture of the whole body and with his tongue he most humbly submitted himself to the censure of the Catholic Church and piously promised never thenceforward to be present at heretical service, which all the rest of his life he exactly observed'.

¹ H. Willaert. *History of an Old Catholic Mission*. London. 1928. P. 14–15.

² Ibid. P. 18–19.

³ Ibid.

⁴ *CSP Dom.*, 1591–1594, Vol. CCXLI. P. 35; Vol. CCXLV. P. 98; CCXVIII. P. 99; 1580–1625 Add., XXVIII. P. 58.

его связями с участниками Порохового заговора, периодическими тюремными заключениями, штрафами и вытекающими отсюда финансовыми затруднениями¹. Именно ему в 1629 г. было даровано королевское прощение за все его многочисленные правонарушения, определенные его конфессиональной принадлежностью².

Таким образом, можно констатировать, что постепенно, к 1630-м гг. отделение семейства Монтегю от местного прихода практически завершилось. Не стоит, конечно, считать, что отделение предполагало «исключение» из местного сообщества: родственные и соседские связи были достаточно сильными, чтобы удерживать католическое семейство в своем кругу. Кроме того, Монтегю по-прежнему обладали правом патроната по отношению к целому ряду приходов (хотя к концу жизни первый виконт переуступил в аренду или продал эти права своим соседям-протестантам), что делало их важной частью приходской жизни³. Присутствие семейства в приходе также демонстрировалось и более традиционными средствами: и первый и второй виконты были похоронены в приходской церкви Мидхерста.

Тем не менее религиозная жизнь семейства Монтегю со второй половины XVI в. строилась по иным правилам, отличным от вековых традиций их предков (что само по себе заставляет настороженно отнестись к определению «традиционный», столь часто применяемому по отношению к мирянам-католикам). Как уже упоминалось, центр католического богослужения сместился из приходской церкви в поместье. Поместья Монтегю представляют довольно редкий, хотя и не уникальный пример существования таких центров: лояльность главы семейства (вкуче с высоким статусом семейства и «церковным папизмом» его главы) долгое время сдерживала власти и не давала им возможности вмешиваться в происходящее.

¹ *CSP Dom.*, 1603–1610, XVI, 83, XVII, 2, 9, 62, XVIII, 14, XIX, 10, XXIII, 10, XXVI 81, XXVII, 7; 1611–1618, LXIV, 67

² *CSP Dom.*, 1626–1628, XCIV, 53 (27 Feb 1628): Pardon to Anthony Browne for not repairing to the church and receiving the sacrament of the Lord's Supper, and also for sending his children beyond the seas, and harbouring Jesuits, seminary and other Popish priests.

³ В 1547 г. сэр Энтони Браун приобрел права на поставление священников (*advowsons*) в Хастингсе и Сент-Мэри, и приход (*rectory*) в Пизмарше. К тому времени он владел аббатством Бэтл, аббатством Уэверли (с приходами Уэверли и Уэнборо), приходом в Комптоне и правом поставления священников в Мидхерсте, Фенхерсте, Лодсурте и Уэст Терроке. Его сын, виконт Монтегю, продал приходы в Пизмарше и Комптоне (1587–1588) и *advowson* в Уэст Терроке (1568). При этом он приобрел права на поставление священников в приходах Белтон (1566), Ларгшелл (1580), Линч (1581) и Кокинг (1584). См.: *The Cowdray Archives. A Catalogue*. Ed. by A. A. Dibben. Chichester. 1960. V. I, Introduction. P. vi-ix.

К сожалению, не представляется возможным реконструировать, как именно выглядел цикл регулярных богослужений в поместьях первого виконта Монтегю. Известно, впрочем, что в его домах постоянно находилось несколько священников (которые официально занимали посты наставника детей виконта, как Лэнгдейл, или секретаря, как Гарнет), не считая тех, кто проводил в них всего несколько дней по пути от сассекских портов, где обычно высаживались нелегально пребывавшие в Англию миссионеры, в глубь страны. Наличие постоянно живущих в доме капелланов заставляет предположить регулярно совершавшиеся богослужения, возможно ежедневную мессу.

Благодаря тому же Смиту мы располагаем детальным описанием того, как строилась литургическая жизнь дома вдовы первого виконта, леди Магдален. В ее доме в Баттл в 1592–1609 гг. постоянно жили три священника (Ричард Смит, 1603–1609; Томас Мор, 1594–1609, Томас Смит)¹. Помимо этого, вдовствующей виконтессе принадлежал также дом в Лондоне, который она превратила в «приют для священников, прибывающих в Англию и уезжающих отсюда, а также убежище для тех, кто жил в Лондоне; там постоянно находился один священник, совершавший таинства для тех католиков, которые туда стекались»².

Пользуясь практически полным иммунитетом и не опасаясь вмешательства властей в дела ее дома, леди Монтегю в 1590 гг. решила на то, что не рисковали делать многие елизаветинские католики, — построила в своем доме в Бэтл часовню (примечательно, что в основной фамильной резиденции — Коудрей, — при жизни первого виконта часовни не было; ее построил только его внук в 1625 г.)³. Сам факт строительства часовни заслужил восхищенное внимание ее биографа:

«Она построила в своем доме часовню (что достойно восхищения во времена таких гонений) и поместила там прекрасный каменный алтарь, к которому нужно было подниматься по ступенькам, а перед ним находилась алтарная преграда, и ради удобства она соорудила хор для певчих и кафедру для проповедника, каких, пожалуй, не было во всей Англии»⁴.

¹ St Gregory's College, Seville, 1592–1767 (CRS. V. 73, 1992). P. 85, 96; Life of lady Montague. P. 39.

² Ibid. P. 42: 'common retire for priests coming in and going out of England; and also a refuge for such as resided in London; wherein also one priest had his residence, to minister the sacraments to such Catholics as resorted thither'.

³ J. Roundell. P. 74.

⁴ Life of lady Montague. P. 43: 'She built a chapel in her house (which in such a persecution was to be admired) and there placed a very fair altar of stone, whereto she made an ascent with steps and enclosed it with rails, and, to have

Появление в частной часовне проповеднической кафедры весьма показательно — этот факт наглядно демонстрирует сочетание частного и публичного благочестия, характерного для католических поместий такого ранга. Часовня леди Монтегю была предназначена отнюдь не только для семьи и домочадцев (как это было в случае с позднесредневековыми фамильными часовнями и часовнями ее современников-протестантов), хотя, естественно, в первую очередь для них.

В часовне Бэттл ежедневно служили мессу, на которой присутствовала сама хозяйка дома, члены ее семьи и домочадцы.

«Она содержала большую свиту, которая состояла из 80 персон. А порой и более, и почти все из них были католиками, и она содержала их не только ради своей чести (как это принято у благородных людей), но для того, чтобы укрепить их в католической вере. Им она предоставляла не только изобильную пищу и достойное жалованье, но давала им те же блага слова Господня и таинств, какие имела сама, и, насколько могла, освобождала их от бедствий и гонений еретиков»¹.

Примечательно в этом контексте, что слово Божие упоминается перед таинством. Для Смита, воспитанника континентальной семинарии, внимание к проповеди неудивительно. Гораздо более интересно то, что, судя по его словам, в доме виконтессы Монтегю проповеди звучали регулярно, собирая порой большую аудиторию.

«Здесь почти каждую неделю звучала проповедь, а по большим праздникам совершалось таинство мессы, с пением и музыкой, а иногда прислуживали диакон и субдиакон. И таково было стечение католиков, что порой их собиралось вместе 120 человек, и в один день 60 человек обретало благо святого причастия»².

Следует отметить, что здесь стремление восстановить католическое богослужение в его прежнем великолепии (музыка и хор) сочетается с совершенно новыми чертами, свойственными католической реформе — например, проповедью, регулярности которой (при всех скидках

---

everything conformable, she built a choir for singers and set up a pulpit for the priests, which perhaps is not to be seen in all England besides'.

¹Ibid.: 'She maintained a great family, which consisted of eighty persons and sometimes more, and almost all Catholics, and these she maintained, not only for her honour (as is the manner of noble persons), but also to support them in the Catholic religion. And to these she allowed not only plentiful food and competent wages, but... afforded them the same benefit of the word of God and the sacraments that she herself enjoyed, and, as far as she could, secured them from vexations and persecution of heretics'.

²Ibid.: 'Here almost every week was a sermon made, and on solemn feasts the sacrifice of the mass was celebrated with singing and musical instruments, and sometimes also wit deacon and subdeacon. And such was the concourse and resort of Catholics, that sometimes there were 120 together, and 60 communicants at a time had the benefit of the Blessed sacrament'.

на свойственную Смиту идеализацию действительности) могли бы позавидовать пуританские соседи Монтегю. Нужно помнить и то, что, несмотря на все старания хозяйки дома, ее часовня выглядела куда скромнее приходской церкви, хотя бы в отношении изображений, что также смещает акценты в сторону главного события литургии — самого таинства. Не случайно в описании Смиа все убранство часовни не упомянуто ни одним словом, а внимание читателя концентрируется на алтаре, вознесенном на три ступени от пола и отделенного от остального помещения преградой. Неясно, конечно, насколько леди Монтегю в своих действиях руководствовалась собственным благочестием, а насколько — советами окружавших ее клириков. Но тем не менее такое подчеркивание роли главного таинства в деле спасения души не могло не играть своей роли в изменении благочестивых практик обитателей Баттл и постоянных посетителей часовни леди Монтегю.

Не вполне понятно, насколько регулярно причащалась католическая паства. По словам Ричарда Смиа, сама хозяйка дома причащалась каждое воскресенье и праздничный день, накануне исповедовавшись. Можно предположить, что частое (по сравнению с дореформационной практикой)¹ причащении поощрялось, по крайней мере в рамках поместья, где капелланы были всегда доступны. Впрочем, упоминавшееся Смитом число в 60 причастников не очень проясняет ситуацию. Из его слов непонятно, идет ли речь о регулярном воскресном причастии или же о большом празднике, во время которого двери дома были открыты для всех католиков округа. Впрочем, представляется, что речь идет о ситуации, повторявшейся довольно регулярно: в историографии не раз упоминались толпы в 100–200 католиков, собравшихся на мессу, большая часть из которых причащалась. Но в таких ситуациях, как правило, оказывались те католики, которые не имели постоянных капелланов в своих домах или ближайшей округе. 60 причастников скорее наталкивают на мысль о регулярном посещении часовни (принимая во внимание количество католиков в округе Бэттл, получившем наименование «малого Рима»). Но при всех этих соображениях неясно, как часто капелланы леди Монтегю причащали ее слуг и жителей округи.

Как уже говорилось, сведения об организации литургической жизни в Коудрей при первом виконте отсутствуют, хотя, принимая во внимание наличие постоянных капелланов и присутствие энергичной

---

¹ В позднее Средневековье прихожане были обязаны исповедоваться и причащаться раз в год, на Пасху (см.: *E. Duffy, Stripping of the Altars*. P. 60–62). Эта практика была подтверждена Тридентским собором, хотя теперь мирян поощряли причащаться чаще (*R. Po-Chia-Hsia. The World of Catholic Renewal 1540–1770*. P. 199–200).

леди Монтегю, стараниями которой Бэттл был превращен в «малый Рим», можно с большой долей вероятности предположить, что и здесь существовал тот же цикл ежедневных богослужений, и также регулярно открывались двери для соседей-католиков. Косвенным подтверждением тому служат и сведения правительственных агентов, постоянно сообщавших в Лондон о посетителях манора Коудрей, среди которых встречались как переодетые священники, так и соседи, съезжавшиеся послушать проповедника или получить наставление¹.

При втором виконте ситуация, вероятно, выглядела несколько иначе: по всей видимости, в 1590–1600 гг. в Коудрей не было постоянных капелланов. Тому могло быть несколько причин. Во-первых, второй виконт, в отличие от своего деда, не мог похвастаться безоговорочным доверием властей. Практически сразу после его смерти дома его наследника и вдовы подверглись обыску². Позднее виконт Монтегю несколько раз оказывался под арестом. Первый раз это произошло в 1594 г., после того, как он лично крестил свою дочь. Впоследствии виконт подвергался аресту за присутствие на мессе (1600), за выступление в Палате лордов с речью против антикатолического билля (1604)³. Наиболее серьезными для виконта оказались последствия Порохового заговора — Гай Фокс в свое время был домочадцем первого виконта и, будучи в Испании, по всей видимости, использовал связи последнего (а в Испании семейство Монтегю имело действительно хорошие связи, если учесть, что мать второго виконта, Мэри Дормер, приходилась родной сестрой герцогине Фериа, одной из покровительниц английских эмигрантов при испанском дворе). Кроме того, виконт поддерживал связи с заговорщиками, которые накануне предполагаемого взрыва посоветовали ему не идти на заседание Палаты. Виконту и его заступнику — тестю, графу Дорсету, — пришлось потратить немало сил, доказывая непричастность к заговору. Тем не менее виконт вышел из Тауэра лишь спустя почти год, да еще и был оштрафован на 200 ф. с.⁴ Впрочем, на этом его неприятности не кончились, так как вскоре он опять подвергся аресту из-за отказа принести присягу на верность⁵.

В подобных условиях не очень удивляет, что виконт не рисковал держать в Коудрей постоянного капеллана. Капеллан не упомянут в составленном им в 1595 г. списке слуг⁶, что, впрочем, не удивительно

¹ *CSP Dom.*, 1591–1594, CCXLI, 35; CCXLV, 98; 138; CCXLVIII, 99.

² Willaert. P. 25.

³ *Ibid.* P. 38–40.

⁴ *Ibid.* P. 40–41.

⁵ *Ibid.*

⁶ Viscount Montague's Household book, 1595, in: *W. H. St John Hope*. Cowdray and Easebourne Priory in the County of Sussex. London, 1919. Appendix II. P. 119–134.

именно с точки зрения безопасности (к тому же в списке присутствует секретарь, а именно в этом качестве, как мы знаем, порой официально значились капелланы семейства Монтегю). В 1594 г. на допросе перед архиепископом Кентерберийским и лордом-хранителем печати виконт заявил, что «у него в доме нет капеллана, и не бывает служб; однако он сам произносит свои молитвы на латыни, Утреню Св. Девы и Римский breviарий»¹. Конечно, легко предположить, что виконт лукавил — наличие капеллана в доме предполагало, что виконт виновен в преступлении — присутствии на мессе, что могло только отягчить его положение.

Вместе с тем не стоит забывать, что жена виконта, Джейн Сэвилл, не была католичкой, хотя ее семейство, по всей видимости, было достаточно консервативным в делах религии. Учитывая ту важную роль, какую женщины играли в организации религиозной жизни своего дома, не стоит удивляться тому, что в какие-то моменты в Коудрей действительно могло не быть постоянного капеллана. Известно, что постоянно живущие там священники появились после 1614 г. (Эдвард Эш и Эдвард Смит), когда преследования католиков несколько поутихли².

Однако именно второй виконт Монтегю оказывал покровительство архипресвитерам, фактически превратив свою лондонскую резиденцию в их резиденцию. В Montague House в разное время жили Джордж Блэкуэлл, Джордж Биркхед, Уильям Харрисон, а также епископы Уильям Бишоп (бывавший также в доме матери виконта, Мэри Дормер) и Ричард Смит. Периодически все они посещали и другие поместья Монтегю, в том числе Коудрей и Бэттл³.

Таким образом, вряд ли можно считать, что при втором виконте литургическая жизнь католического поместья претерпела серьезные изменения, разве что в условиях постоянного недоброжелательного внимания со стороны правительства дом Монтегю мог стать более закрытым для посетителей извне и привлекать меньшее количество местных католиков. Впрочем, это были временные явления. Когда к концу правления Якова I преследования католиков стали менее суровыми, виконт построил часовню в Коудрей (1625)⁴ — центр католического богослужения для всей округи.

¹ Harleian MSS., 6998, 142: 'he hath no chaplain in his house, nor any service there said; but that himself saith his private prayers in Latin, the Lady matins and the Romish breviary'.

² Willaert. P. 46.

³ См.: Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead. Ed. by M. C. Questier. Camden Soc., 5th ser. V. 12. Cambridge. 1998. Introduction.

⁴ Roundell. P. 74.

Можно констатировать, что две черты религиозной жизни остались практически неизменными на протяжении почти 70 лет. С одной стороны, удаление литургического центра в поместье (при внешнем упрощении богослужения) способствовало интериоризации религиозных переживаний членов семьи и домохозяев, сделало религию их частным делом, отделив ее от политических и локальных связей. С другой стороны, Монтегю, как и многие другие католические семейства, серьезно и ответственно относились к выпавшей на их долю роли светских патронов гонимой церкви, фактически берущих на себя функции организации богослужения и проповеди, катехизации и распространения католической литературы, которые на континенте будут выполнять клирики (особенно под влиянием контрреформационной идеологии).

Все эти функции тесно связаны с личными благочестивыми практиками членов семейства Монтегю, и прежде всего с «добрыми делами». На первый взгляд в этом отношении Монтегю не отличались от своих предков. Так, текст биографии леди Монтегю свидетельствует о постоянном осознании посмертной перспективы — чистилища и стремления его по возможности ее избежать или смягчить. Отсюда и ежедневные молитвы за умерших (прежде всего, естественно, за покойного мужа), регулярные поминальные мессы за упокой его души, служившиеся дважды в неделю, а также ежегодная торжественная месса в годовщину его смерти, и регулярная раздача милостыни¹.

«Милостыня, раздававшаяся от ее имени через день у ворот, была изобильной... Она обычно проводила время за шитьем рубашек или других одежд для бедняков... Она посещала бедных в собственных домах и посылала им лекарства, мясо, дрова или деньги, в зависимости от того, в чем у них была нужда»².

Примечателен подробный рассказ о помощи бедным. Конечно, все это существовало задолго до Реформации; однако с ее приходом исчезли институты, которые должны были распределять милостыню и заботиться о бедных и увечных — часовни, госпитали, монастыри. Большая часть этих функций легла на приходы и прихожан; в отсутствие же католических приходов они переходили в руки светских патронов, как это и произошло с семейством Монтегю.

Роль светских патронов в жизни католического сообщества подчеркивается и тем, как именно Смит выстраивает иерархию добрых

¹ *Life of Lady Montague*. P. 23, 25–6, 50.

² *Ibid.*, 40: 'Her alms distributed every second day at her gates unto the poor, were plentiful... she accustomed to spend much time in sewing shirts or smocks for poor men and women, ... she visited the poor in their own houses and sent them either medicines or meat or wood or money, as she perceived their need'.

дел. Первое место в ней занимает организация литургической жизни для католиков округа и защита их от преследований.

«Такой вид благотворительности следует предпочитать раздаче даже огромных сумм денег как милостыни. Ведь в последнем случае раздаются лишь деньги, но благочестивое гостеприимство этой дамы предлагало не только деньги, но пищу, кров, защиту от гонений, жизнь в вере, таинства и видимую церковь или общество других католиков»¹.

Впрочем, во всех «добрых делах» переплетаются элементы социального патернализма, обычая, заботы о спасении собственной души и новообретенной роли организатора религиозной жизни сообщества. Хорошим примером может послужить родовспоможение — распространенная практика, связанная как с идеалом приходской солидарности и традиционными обычаями, так и с религиозными практиками. В 1594 г. второй виконт Монтегю, давая объяснения по поводу совершенного им крещения своей дочери, сослался на то, что так поступала его бабушка по совету своего капеллана (Лэнгдейла)². С одной стороны, крещение ребенка повитухой или другой женщиной, помогавшей принимать роды, — вполне распространенное для XVI в. явление³. Однако оно имело и важный религиозный и даже политический смысл: крещение, совершенное мирянином, было нейтральным с конфессиональной точки зрения (и католик и протестант в подобной ситуации произносил одни и те же слова: «Я крещу тебя... во имя Отца и Сына и Св. Духа»), следовательно, оно обеспечивало доступ в католические сообщества людям, неспособным в силу своего статуса содержать в доме капеллана и одновременно признавалось законным с точки зрения властей.

Дом Монтегю выполнял и другую важную функцию, унаследованную от прихода, — он стал местом, где возможно было получить наставление в католической вере. Конечно, наставления в вопросах веры были делом капелланов, и их доступность обеспечивала преемственность католицизма в Мидхерсте и Бэттле. С другой стороны, история обращения в католицизм одного из членов свиты первого виконта Генри Ленмена («схизматика» и будущего иезуита), демон-

---

¹ Ibid. P. 39: 'Which kind of liberality is far to be preferred before even of very great sums of money in alms. For in this kind of alms only money is given, but in the pious liberality of this lady, not only money is bestowed, but meat, lodging, defence from persecution, the exercise of religion, and the use of sacraments, and a visible church or company of Catholics is assembled and conserved'.

² Harleian MSS., 6998, 142.

³ См.: *D. Cressy. Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England.* Oxford. 1997. P. 117–123; *W. Coster. Baptism and Spiritual Kinship in Early Modern England.* Aldershot. 2002. P. 45–74.

стрирует, что в отсутствие капеллана эти обязанности мог выполнять кто-то из обитателей дома. Сам Ленмен описывал свое обращение следующим образом:

«Среди домочадцев лорда Монтегю было много католиков. Один из них, с которым я все более сближался, часто говорил со мной о вере. Его доводы порождали во мне сомнения и склоняли к католической вере; чтобы поощрить меня в этом, он снабжал меня книгами, которые я читал и перечитывал к большому моему удовлетворению...»¹

После этой начальной стадии Ленмен получил возможность общаться со священником, который окончательно разрешил все сомнения и обратил его в католицизм в 1596 г. Фраза Ленмена «был препровожден» ('was taken to') позволяет предположить, что это общение происходило вне поместья Монтегю, отчасти подтверждая слова второго виконта о том, что в 1594–1596 гг. в Коудрей не было постоянного капеллана².

Уже упоминалось, что деятельность Монтегю-патронов включала в себя помощь собратьям-католикам. Нужно, однако, отметить, что виконты Монтегю пользовались своим влиянием не только для облегчения участи своих единоверцев в графстве и защиты их от преследований (чему немало способствовал особый статус Бэттла — основанное королем аббатство, изъятое из-под юрисдикции епископа Чичестерского, после диссолюции оказалось в руках семьи Браун)³, а также развития clerical network. Важную роль играло и финансирование образования молодых людей, желавших стать священниками: бывший стюард виконта Монтегю Энтони Флетчер⁴ стал иезуитом (чем весьма разочаровал своего патрона, отказавшего ему в приеме в Коудрей по возвращении в Англию); его сын Томас также стал священником, как и паж виконта Монтегю Энтони Лэмб и уже упоминавшийся Генри Ленмен⁵. Кроме того, на средства Монтегю в коллегии Сент-Омера, а позднее в Вальядолоде обучался Энтони Уитейкер, уроженец Мидхерста, не имевший отношения к домочадцам Монтегю; его мать, однако, фигурирует в списках местных recusants⁶.

¹ Records of the English Province of the Society of Jesus. V. I. London. 1877. P. 175–6: 'Among the domestics of Lord Montague were many Catholics. One of them, with whom I was exceedingly intimate, often talked with me about religion; and his arguments raised within me doubts and an inclination towards the Catholic faith, to encourage which he furnished me with many books, which I read and re-read with much satisfaction...'

² Ibid.

³ R. Manning. Religion and Society in Elizabethan Sussex. Leicester. 1969.

⁴ См.: Anstruther. Elizabethan Seminary Priests. V. 2. P. 43.

⁵ Ibid. P. 114, 181, 183.

⁶ Ibid. P. 355.

Семейство Монтегю не только поддерживало желавших учиться на континенте, порой оно напрямую спонсировало континентальные семинарии (в частности, Дуэ, что объясняет восторженный прием, оказанный там виконту Монтегю)¹. Кроме того, оказывалась поддержка и английским конвентам на континенте (прежде всего, женским — клариссинкам, именно в этот орден вступят дочери второго виконта)².

И наконец, вряд ли можно рассматривать политическую активность второго виконта и его вовлеченность в дела католической миссии в Англии в отрыве от той роли важной роли покровителей и организаторов религиозной жизни английских католиков, которую явно взяло на себя католическое дворянство.

Энтони Мария Браун, второй виконт Монтегю, в значительно большей степени, нежели его дед и бабушка, оказался подвержен воздействию континентальных идей католической реформы, что выразилось в его бескомпромиссном католичестве, а также ряде политических шагов, в частности, его речи в Палате лордов в 1604 г. против антикатолического билля, тесном знакомстве с участниками Порохового заговора, категорическим отказе принести присягу на верность.

Новый глава семейства Монтегю унаследовал свой титул как раз в тот период, когда английское католическое сообщество продемонстрировало раскол в своих рядах. Виконт Монтегю с первых лет царствования короля Якова I оказался вовлеченным в действия антииезуитски настроенной группы священников (связанных с апеллянтами) и активно поддерживал их усилия по восстановлению католического епископата. Виконт Монтегю был настроен против иезуитов (о чем свидетельствуют как отказ допустить в свой дом Флетчера, так и резкое недовольство решением своего младшего брата Уильяма Брауна вступить в орден иезуитов)³; трудно сказать, объяснялось ли его решение поддержать определенную группировку священников влиянием капелланов леди Монтегю (Смита и Мора), связанных с проектом реставрации епископата, или же здесь сыграла свою роль традиционная лояльность семейства Монтегю. Как бы там ни было, поддержка Монтегю, считавшихся одним из самых влиятельных католических семейств Англии в начале XVII в., была немаловажным фактором, внесшим свой вклад в восстановление католического епископата в 1624–1634 гг., и тем самым повлиявшим на историю всего английского католического сообщества⁴.

¹ CRS. V. 10. Third Douay Diary [1629]. P. 278–9.

² Records of the English Province of the Society of Jesus. V. II. P. 273.

³ Roundell. P. 75–77.

⁴ См.: M. Questier. Newsletters. Introduction.

Подводя итог, стоит задаться вопросом о том, как выглядело английское католическое сообщество в контексте европейской католической реформы в целом. В историографии долгое время господствовало мнение английского историка Джона Босси, согласно которому английское католическое сообщество представляло собой конфессиональную группу, состоящую из recusants и членов их семей. Для него история английского католицизма в XVI–XVII вв. представляла собой процесс отделения и сегрегации, закончившийся возникновением замкнутой «дворянской секты»¹.

На первый взгляд семейство Монтегю хорошо вписывается в предложенную Босси схему «сеньориального католицизма». Но так ли это?

Во-первых, акцент Босси на «отделении» привел к недооценке контактов между католическими поместьями и местными католиками-недворянами. Во-вторых, он полностью проигнорировал «церковных папистов», которым просто не нашлось места в его версии истории постреформационного католицизма.

Присутствие «церковных папистов» внутри английского католического сообщества не привлекало внимания историков вплоть до последнего времени. Они были вписаны в религиозную историю Англии благодаря исследованию Александры Уолшем². Ее книга, однако, основывается на полемической литературе и сконцентрирована на литературном образе «церковных папистов», так что в какой-то момент у читателя возникает вопрос, существовали ли они вне страниц полемических трактатов. Исследование «церковного папизма» как социальной и религиозной практики обогатит представления об истории английского католицизма в раннее Новое время. Тогда католическое сообщество выглядит уже не четко очерченной конфессиональной группой, но довольно аморфным образованием. Возможным окажется и переоценка данного ему определения Босси — «секта знати», а также и отношения между католиками-дворянами и недворянами.

Та огромная роль, которую миряне и прежде всего представители джентри и знати играли в католическом сообществе, отнюдь не предполагает сама по себе, что это сообщество оставалось «традиционным» (если под этим не слишком удачным термином понимать дореформационный католицизм). Сами миряне, и отнюдь не в последнюю очередь Монтегю, создавали условия для появления в Англии семинаристов, воспитанных на континенте и воспринявших идеи реформированного католицизма. Воздействие капелланов на религиозную жизнь своих патронов трудно переоценить, какими бы зависимыми от последних

¹ J. Bossy. *The English Catholic Community, 1570–1850*. London. 1975.

² A. Walsham. *Church papists*.

они ни оказывались в финансовом и политическом отношении. На примере семьи Монтегю это отчетливо видно: если первый виконт и его жена в большей степени ориентировались на благочестивые обычаи эпохи Марии Тюдор, что не в последнюю очередь определялось и влиянием старшего поколения католических священников, не имевших континентальной выучки, то их внук, recusant, вовлеченный в дела католической миссии, выглядит уже в гораздо большей степени плодом католической реформы (как ее себе представляли лидеры английской миссии).

А. Уолшем отметила, что английский католицизм XVI–XVII вв. развивался по иному пути, нежели католицизм континентальный, именно благодаря тому, что в английских условиях невозможно было реализовать программу реформы, ориентированную прежде всего на приход и действия католической иерархии. В Англии, где католические поместья фактически заместили собой приходы, ответственность за проведение реформы оказалась поделенной между клиром и мирянами, причем роль последних была особенно велика в области церковной организации. Высокая степень активности мирян в делах веры предполагает, что по крайней мере для некоторых английских католиков их роль патронов превратилась в своего рода религиозную миссию, лучший способ совершать добрые дела¹. Было ли это лишь результатом стечения обстоятельств, или же возможно говорить о более глубоком влиянии раннетюдоровского, эразмианского типа религиозной культуры, свойственного эпохе Генриха VIII и Марии I (что, как представляется, верно для Монтегю)?

Изучение религиозных практик семьи Монтегю показывает, что некоторые католические семейства в своем благочестии были скорее эразмианцами (раннетюдоровский период). Конечно, за более чем столетия эти практики значительно изменились под влиянием подготовленных в семинариях капелланов. Появились новые практики (частое причащение, подготовка к исповеди), новые культы (так, например, алтари в часовне Коудрей в 1625 г. были посвящены Непорочному Зачатию и Св. Причастию). Но ряд ключевых характеристик остался неизменным: члены семьи проявляли неподдельное личное благочестие и высокий уровень социальной и религиозной активности в рамках католического сообщества (не ограниченной, как кажется, посттридентским клерикализмом).

Подобное поведение покажется знакомым историку континентальной католической реформы (пример — активность мирян во Франции XVII в.). Но более близкой параллелью будут католики Нидерландов:

---

¹ A. Walsham. «'Domme Preachers'? Post-Reformation English Catholicism and the Culture of Print» // Past and Present. Vol. 168, 2000. P. 72–123.

и здесь центр религиозной жизни сместился из приходской церкви в семью, а миряне взяли на себя ответственность за то, что в других католических странах было делом клира (религиозные наставления, например)¹. Пожалуй, можно говорить о том, что Англия и Голландия представляют собой особый тип католической религиозной культуры раннего Нового времени, «миссионерскую церковь».

---

¹ См.: *M. Mullett. The Catholic Reformation. London. 1999. P. 169–174.*

ГРАФЫ КИЛДАРЫ, ОРМОНДЫ, ДЕЗМОНДЫ И ИРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ СТЮАРТОВ

Общепризнанным является мнение о том, что ранние Стюарты осуществляли целенаправленную политику в отношении ирландской титулованной знати. Отчасти продолжая начинания Тюдоров, они стремились сломить сопротивление крупнейших ирландских магнатов¹. Ограничивая их полномочия, лишая титулованную знать прежних свобод и привилегий, Стюарты поддерживали беспрецедентную по своим масштабам политику инфильтрации англичан и шотландцев в состав ирландского пэрства. При этом Ирландия продолжала играть роль новосозданной британской периферии, а титулованная знать зеленого острова удерживалась в рамках независимого от собственно английского порядка.

Инфильтрация осуществлялась несколькими путями. Созданные на территории Ирландии колонии-плантации абсорбировали часть английских и шотландских сервиторов и арендаторов, скупавших земельные участки и присоединявших их к своим собственным. Создававшиеся таким образом новые земельные комплексы служили «крепостью» для новых титулов. Ирландские пэрские достоинства,

---

¹ Наиболее показательной в этом плане является коллективная монография, вышедшая под редакцией К. Брэди и Р. Гиллеспи: *Natives and Newcomers: Essays on the Making of Irish Colonial Society, 1534–1648* / Ed. by C. Brady & R. Gillespie. Dublin, 1986. Любопытна дискуссия вокруг точки зрения Н. Кэнни: *Canny N.* 1) *Migration and Opportunity: Britain, Ireland and the New World // Irish Economic and Social History. V. XII. 1985. P. 7–32;* 2) *Migration and Opportunity: a Reply // Irish Economic and Social History. V. XIII. 1986. P. 96–100.* Среди работ, написанных в традиционном русле, см.: *Crawford J.* *Anglicizing the Government of Ireland: the Irish Privy Council and the Expansion of Tudor Rule.* Dublin, 1993; *Ellis S.* «Not Mere English»: the British Perspective, 1400–1650 // *History Today.* December, 1988. P. 41–48. Среди отечественных исследователей эту тему разрабатывали: *Сапрыкин Ю. М.* 1) *Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII в. М., 1959;* 2) *Английское завоевание Ирландии XII–XVII вв. М., 1982. С. 83–138; Осипова Т. С.* *Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.) М., 1962.*

активировавшиеся после подобных земельных кумуляций, были не только важнейшим стимулом для укрепления политических интересов английской короны, но и средством пополнения казны.

Вместе с тем возможности колоний-плантаций были ограничены, а их в чем-то альтернативная функция — безусловной. Крупнейшие кланы и семейства продолжали владеть значительной частью территории зеленого острова, и скорее они были близки к альтернативе, чем несомненные результаты колонизаторской политики короны. Так или иначе, но инфильтрация такого рода давала весьма ограниченные преимущества.

Сложилось так, что многочисленные исследователи, обращавшие внимание на политику инфильтрации, акцентируя именно этот аспект раннестюартовской политики, предпочитали указывать на ее отдаленные перспективы. Тем не менее интересы Якова I и даже Карла I Стюартов не всегда подкреплялись готовностью английской монархии ориентироваться на дистанцированные во времени результаты. Эффективность раннестюартовской политики заключалась прежде всего в том, что она, продолжая в какой-то мере тюдоровские начинания, интегрировала различные методы инфильтрации, в том числе те, которые можно считать нетрадиционными.

Речь идет о достаточно успешных попытках эмансипации известных достоинств ирландской титулованной знати в пользу угодных короне наследников, а также связанных с этой политикой последствий по дроблению и последующему распределению обеспечивавших эти титулы земельных комплексов¹.

Ниже я намереваюсь показать, каким образом английская корона пыталась воздействовать на судьбу крупнейших кланов, носивших по тем временам самые престижные ирландские титулы Килдаров, Ормондов и Дезмондов. Безусловно, успехи ирландской политики первых Стюартов не ограничивались исключительно этими семействами, но, как представляется, именно на судьбе этих трех графских титулов она выглядит особенно рельефной.

* * *

Наступление Тюдоров на права и привилегии ирландской титулованной знати привело к тому, что представители многих именитых семейств были вынуждены поступиться частью своих исконных привилегий. Тем не менее клан Фитц-Джералдов, владевший графским

---

¹ О целесообразности исследования этого аспекта перской политики Стюартов пишет упоминавшийся К. Брэди: *Brady C. Thomas Butler, Earl of Ormond and Reform in Ireland // Worsted in the Game: Losers in Irish History / Ed. by C. Brady. Dublin, 1989.*

титолом Килдаров, оставался весьма могущественным среди титулованных семейств пэйлского сообщества. Уличенные в сочувствии заговору Балтингласса¹ Джералд Фитц-Джералд, одиннадцатый граф Килдар и его зять Кристофер Нагент, третий лорд Делвин в марте 1580 годов были вызваны в Лондон и там подвергнуты домашнему аресту. Самому Килдару было не суждено увидеть свободы: он умер в заточении в 1585 году. Его старший сын Джералд (лорд Оффали)² скончался еще в 1580 году, оставив после себя вдову — леди Кэтрин, урожденную Ноллиз, и единственную дочь Леттис. Еще до ареста граф Килдар определил своей невестке вдовью долю, объединявшую маноры Портлестер, Вудсток и Эти. После того как она повторно вышла замуж за сэра Филиппа Батлера, ей пришлось отказаться от этих владений, но полученная от прежнего тестя годовая рента в 200 фунтов была тому неплохой компенсацией. Маноры, принадлежавшие ранее леди Кэтрин, после смерти графа достались его второй жене — вдовствующей графине Мабел Фитц-Джералд. С 1585 года основные графские владения унаследовали поочередно его младшие сыновья. Сначала они достались сэру Генри, а после его кончины в 1597 году на правах пожизненного владения — его вдове — леди Франсес, урожденной Говард³.

Двумя годами позднее леди Франсес вышла во второй раз замуж и покинула Ирландию, уехав в родовое имение своего мужа — Генри Брука, одиннадцатого лорда Кобэма. Тогда земли и титул перешли

¹ Об этом заговоре упоминает Т. С. Осипова, но при этом она неверно идентифицирует самого руководителя «уиклоуской смуты», называя его Евстахием: на самом деле речь идет о Джеймсе Юстисе (Eustace), третьем виконте Балтинглассе и бароне Килкуллине (†1585), состоявшем в близком родстве с Нагентами — свояками Фитц-Джералдов. См.: *Осипова Т. С.* Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.). М., 1962. С. 124, 125, 148, 197.

² С 13. 05. 1554 Килдары, помимо основного титула, получили право на владение баронским достоинством Оффали. Подробнее об этом см.: *Федоров С. Е.* Персональный состав елизаветинской титулованной знати: материалы к групповой просопографии. Часть II. Ирландцы // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5. СПб., 2003.

³ Любопытно, но в историографии нет ни одного примера полного описания земельного комплекса Килдаров: исследователи указывают каждый раз на определенные значимые части их домениальных владений и подвластных территорий: *Сапрыкин Ю. М.* Английская колонизация... С. 55. О сыновьях Килдара информация практически не сохранилась, зато одна из его невесток — леди Франсес сделала неплохую по тем временам карьеру: несмотря на то, что ее супруг был подвергнут опале, она длительное время была одной из фрейлин Анны Датской и наставницей принцессы Элизабет. См. об этом подробнее: *Barroll L.* The Court of the First Stuart Queen // *The Mental World of the Jacobean Court* / Ed. by L. L. Peck. Cambridge, 1991. P. 191–206.

сэру Уильяму — самому младшему из Фитц-Джералдов. Сэр Уильям, как известно, трагически погиб, утонув в 1599 году. Прямая линия Килдаров после этого прервалась, но титул и земли не без должного содействия самой Елизаветы Тюдор достались сэру Джералду — кузену одиннадцатого графа, натурализованному англичанами ирландцу, родившемуся и выросшему неподалеку от Лондона. Елизавета была небескорыстна. Сэр Джералд унаследовал так называемые основные владения Килдаров. При этом значительная по размерам барония Оффали после смерти сэра Уильяма отошла короне, и тем самым начатые Тюдорами преобразования в графствах Лейкс и Оффали были завершены¹.

К этому времени Леттис, приходившаяся внучкой одиннадцатому графу Килдару, вышла замуж за одного из пособников Эссекса — сэра Роберта Дигби из Колхилла (Уорвикшир), старшего брата известного Джона Дигби, будущего графа Бристола. Сэр Роберт, отказавшись от своего места в палате общин в 1601 году, переехал в Ирландию и там почти сразу добился определенных успехов. Он входил некоторое время в состав Тайного совета и затем был назначен мировым судьей Килдара. При открытии очередной сессии ирландского парламента в 1613 году он уже прочно занимал проанглийскую позицию и входил в число наиболее последовательных защитников короны. Уже в 1614 году он стал членом совета Манстера и местной комиссии по реализации церковных визитаций.

Достаточно сложно судить, когда именно этой «воинственной чете» (так называли леди Леттис и сэра Роберта современники) удалось затеять почти тридцатилетнюю тяжбу с Килдарами, но уже в 1614 году им посчастливилось выкупить при поддержке короны, но на весьма неясных основаниях права на маноры Вудсток и Эти, а затем получить от вдовствующей графини Килдар и права на управление манором Портлестер².

Еще в 1600 году сэр Роберт попытался использовать всем известную ненависть леди Мабел к кузену своего покойного мужа. Дело в том, что она обвиняла сэра Джералда в том, что тот тайным образом проник в Мэйнут — фамильное хранилище личных бумаг Килдаров,

¹ Calendar of State Papers, relating Ireland. 9 vols. London, 1865–1912. V. IX. P. 398f (далее — CSP. Ireland, 1600–1601); *Canny N.* The Upstart Earl: a Study of the Social and Mental World of Richard Boyle, the First Earl of Cork. Cambridge, 1982. P. 14, 46, 47. О территориальных преобразованиях в графствах Лейкс и Оффали см.: *Сапрыкин Ю. М.* Английская колонизация... Гл. 3.

² Calendar of Carew MSS, 1603–1624 / Ed. by J. S. Brewer & W. Bullen London, 1873. P. 23, 92, 275 (далее — Carew MSS, 1603–1624); Calendar of State Papers, Ireland: 1603–1625 / Ed by C. W. Russell & J. P. Prendergast. 5 vols. London, 1872–1880. P. 75 (далее — CSP. Ireland, 1603–1625).

где вымарал из документов запись, свидетельствующую в пользу леди Леттис, и тем самым обеспечил себе необходимые основания для наследования. Судя по всему, именно сэръ Роберт посоветовал леди Мабел придать ее притязаниям официальную огласку. Были обнаружены бумаги, о которых шла речь, и, как явствует из источников, соответствующие копии были доставлены для дознания в Тайный совет. Атмосфера вокруг Килдара сгустилась. Граф был вынужден позаботиться о защите своих интересов в Лондоне. Для этих целей он нанял в качестве поверенного Ричарда Хэдзора¹, тогда известного в столице барристера, услугами которого неоднократно пользовался сам Роберт Сесил, будущий граф Солсбери. Первый шаг Хэдзора был удачен, поскольку ему удалось нейтрализовать леди Франсес, пообещав ей помощь и определенные гарантии на получение части наследства Килдаров. Судя по всему, решающей, определившей ее отношение к авантюре Дигби, была встреча Хэдзора с графом Нортумберлендом — отцом леди Франсес, а также его согласие занять выжидательную позицию в этом споре². Леди Мабел также весьма скоро убедилась, что Дигби — не лучший компаньон в этом споре и, изменив первоначальные намерения, попыталась переменить на другую сторону.

Начиная с 1599 года, отвергая всяческие протесты самого Килдара, леди Леттис настаивала на своих правах на баронский титул Оффалли и обратилась с иском в Маршалский суд. В 1605 году состоялись два первых слушания, но иск был признан бесосновательным, а баронский титул Оффали оставался предметом многочисленных споров вплоть до 1620 года.

Самым беспрецедентным среди выдвинутых за этот период исков был тот, что затеял сам сэръ Роберт, заявив претензии на титул в качестве наследника одиннадцатого графа Килдара по праву его внучки, леди Леттис. После обстоятельного обследования поступивших в распоряжение Тайного совета бумаг леди Мабел он направил петицию о праве в Суд Замковой палаты в Дублин, настаивая на том, что леди Леттис была умышленно устранена из числа преемников, хотя имела все основания претендовать на эту часть наследственных оффалийских земель Килдаров. В качестве виновника случившего был назван некто Генри Барнелл, проводивший посмертное расследование по делу о графских владениях, и тогда, как настаивал сэръ Роберт, изменивший текст завещания одиннадцатого графа в пользу его второго сына Генри

¹ О самом Хэдзоре есть содержательная статья Виктора Тридвелла: *Treadwell V. Richard Hadsor and Authorship of «Advertisements» for Ireland // Irish Historical Studies. V. XXX. 1997. P. 305–306.*

² CSP. Ireland, 1601–1603. P. 1, 75, 231, 432.

Фитц-Джералда и в ущерб леди Кэтрин и ее дочери. В 1607 году суд вынес определение, что иск сэра Роберта подпадает под юрисдикцию обычного права. Барнелл был вынужден выплатить штраф размером в 500 марок, но земельные претензии, а также права на титул Оффали остались не удовлетворены¹.

К 1609 году ситуация заново осложнилась. Пожалуй, только сам граф Солсбери и Хэдзор были единственными, на чью помощь мог реально рассчитывать Килдар, противостоявший поддержке из Лондона². Дигби не останавливался на достигнутом и стремился к цели. Как член Тайного совета, он неоднократно третировал графа, ослабляя его авторитет. Килдар, должно быть, поддавался затейной игре. Испытывая значительные финансовые сложности, он был вынужден уступить часть своих земель субдержателям. Причем это были лучшие части его земельного комплекса. Как известно, еще в 1600 году он продает часть земель в Дорсете³, доставшиеся ему от матери; между 1607 и 1609 годами отказывается от части земель в Мите, Куинзе и в самом Килдаре⁴.

В 1610 году умирает леди Мадел, и Килдар, имевший полное основание и права на Мэйнут, попытался заявить о своих претензиях, но агенты Дигби помешали графу реализовать задуманное. В Канцлерский суд был направлен протест, в котором Дигби объявлял о готовности оспорить графские права на земли леди Мадел⁵.

Пожалуй, здесь впервые помимо наследственных были пущены в ход политические и религиозные мотивы. Дигби предоставил массу аргументов в пользу того, что субдержатели Килдара — католики, а поддерживать их, пусть даже в такой форме, было ошибкой. Вспомнили даже об обеих брачных партиях графа. Обе жены Килдара были католичками. Последняя — леди Элизабет приходилась дочерью опальному барону Делвину; первая, умершая от родов — леди Мэри — дочь одиннадцатого графа Килдара была его кузиной, а разрешение на брак давал сам Климент VIII.

¹ CSP. Ireland, 1608–1610. P. 141. Детальное изложение существа коллизии см.: CSP. Ireland. 1615–1625. P. 113, 114; Royal Historical Manuscripts Commission. Egmont MSS. 3 vols. London, 1884–1886. V. I. P. 34f (далее сноска на публикации Комиссии даются в соответствии с принятыми сокращениями).

² *Kildare, Marquise*. The Earls of Kildare and their Ancestors from 1057 to 1773. 3 vols. Dublin, 1858–1862. V. I. P. 328.

³ CSP. Ireland. 1600–1601. P. 336, 337. О владениях в Дорсете см.: *Hutchins J.* The History and Antiques of the County of Dorset / Ed. by W. Shipp & J. Hodson. 4 vols. Westminster, 1861–1870. V. IV. P. 354, 355.

⁴ *Kildare, Marquise*. The Earls... V. I. P. 329.

⁵ *Kildare, Marquise*. The Earls... V. I. P. 240, 242; V. II. P. 354–357. Cal. Carew MSS, 1603–1624. P. 196, 197.

Килдар, действительно, выделялся на общем фоне Фитц-Джералдов, которые с удивительной настойчивостью выбирали англичанок в качестве жен. Обстоятельство — важное и помимо того, весьма приветствовавшееся Тюдорами. Умело приподнесенное Дигби при дворе, оно чуть было не стоило Килдару королевского расположения, но грозившая опала отошла сама собой: в 1612 году графа не стало. Поговаривали, что граф умер не своей смертью и что виновником случившего был опять-таки то же сэр Роберт и леди Леттис.

Поскольку на момент смерти графа его единственному сыну было несколько месяцев от роду, то его определили под королевскую опеку. Благодаря стараниям графа Солсбери 15.07.1612 леди Элизабет, вдовствующая графиня Килдар получила право действующего опекуна над малолетним сыном сроком на пять лет. Все доходы от владений Килдаров были поделены на три части: одна предназначалась самой вдове, другая шла на покрытие расходов по опеке, а третья в качестве опекунской — в королевскую казну. Многие были недовольны принятым решением. В частности, лорд Ноллиз — брат леди Кэтрин — вдовы старшего сына одиннадцатого графа Килдара негодовал, поскольку почивший граф был должен ему приличную сумму. В декабре 1612 года не без участия Хэдзора, исполнявшего вместе с Уильямом Тэлботом обязанности душеприказчиков графа¹, было принято решение об использовании части основных опекунских отчислений на покрытие долгов Килдаров. По специальному определению самого лорда-наместника Ирландии по истечении полномочий леди Элизабет права действующих опекунов переходили двум дядьям мальчика — сэру Френсису Онгиеру и графу Томонду, известным своими протестантскими симпатиями и, следовательно, способным дать наследнику Килдаров подобающее образование².

Смерть четырнадцатого графа Килдара и рождение прямого наследника не смутили леди Леттис и ее супруга — сэра Роберта, принявшихся с усердием выдвигать претензии на маноры, некогда принадлежавшие его теще — леди Кэтрин. Следует отметить, что тринадцатый граф Килдар уже перед своей смертью был готов сдать свои позиции и выдвинул сэру Роберту встречное предложение — разрешить противоречия, прибегнув к практике обычного права. Было ли это желание обосновано уверенностью Килдара в незыблемости своих прав на оффалийские маноры, судить сложно. Так или иначе, это был первый встречный шаг графа, прежде не изъяслявшего желания мирно разрешить конфликт.

¹ Clarke A. *The Old English in Ireland*. London, 1966. P. 45.

² *Kildare, Marquise. The Earls...* V. I. P. 240; V. II. P. 354–357.

После его кончины родственники, прежде весьма сдержанно относившиеся к такому предложению, настояли на исполнении предсмертной воли графа. 15.02.1614 под эгидой лорда-наместника Ирландии были назначены два независимых арбитра, которые должны были оценить шансы каждой из сторон в затянувшемся споре. Яков, без сомнения, был в курсе самой тяжбы, поскольку именно за ним было оставлено право на экстренное вмешательство в существо дела. Судя по всему, Дигби удалось подкупить и самого лорда-наместника и, должно быть, арбитров. Так или иначе, по итогам расследования ожидалось появление парламентского билля, который поставил бы точку в истории, но по непонятным причинам этого не произошло. При этом всплыли весьма любопытные обстоятельства. Дело в том, что последний граф Килдар незадолго до своей смерти получил в качестве подарка ряд земель опального Слайго. Но обследование, проведенное двумя арбитрами, обнаружило, что эти земли по-прежнему находятся во владении О'Конноров.

В июне 1615 года леди Элизабет потребовала дополнительного расследования относительно всех владений Килдаров. В то же время леди Франсес обратилась в Тайный совет с жалобой на трудности, которые она испытывает в получении причитающейся ей ренты, весьма конкретно намекая на незаконные действия Дигби, приобретенные соседние маноры¹. 18.07.1616 был выпущен королевский приказ, по которому леди Элизабет сохраняла за собой все свои права, размеры ренты, причитающейся леди Франсес, также вдовствующей графини, подтверждались. Дигби пытался опротестовать королевское решение, ссылаясь на результаты арбитражного расследования, но безуспешно.

Усиление и рост могущества Бекингема при дворе повлияли на дальнейшее течение тяжбы. Дело в том, что сэр Филипп Батлер, с которым леди Кэтрин состояла во втором браке, приходился первым кузеном сэру Джону Батлеру, уже к тому времени женатому на сводной сестре королевского фаворита Элизабет Вилльерс². 22 октября лорд-наместник получил личное послание от Бекингема, в котором

¹ CSP. Ireland, 1611–1614. P. P. 470, 471.

² О семейных связях Бекингема см.: *Fyodorov S. The Early Stuart Patronage Network: Buckingham and His Connections // RuBriCa. V. I. 1996. P. 6–18; Федоров С. Е. Женский патронат при первых Стюартах: леди Мэри Бомонт, графиня Бекингом // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 2001. С. 450–458.*

сообщалось о намерении короля отозвать указ и учинить по протесту Дигби дополнительное расследование¹.

Судя по всему, два последующих года сам король и его советники были заняты решением споров между Ормондами и Дезмондами, и поэтому тяжба Килдаров и Дигби оказалась на время отодвинутой на второй план. Дигби, постоянно подкупавший королевских чиновников, изрядно издержался. Доходов с его маноров явно уже не хватало, и на момент неожиданной смерти сэра Роберта в мае 1618 года его дела оказались совершенно расстроеными. Леди Леттис и их трое детей, включая девятнадцатилетнего наследника, были близки к отчаянию. Трудности вдовы отчасти решил кузен сэра Роберта — сэр Джон Дигби, бывший тогда королевским послом в Испании. Вынужденный прислать леди Леттис 1000 фунтов на текущие расходы, он, видимо, был как никто заинтересован в скорейшем разрешении конфликта.

Тем временем истекли опекунские права вдовствующей графини Килдар. И наследника следовало передать под опеку дядьев, но уже тогда казавшееся сначала верным решение посчитали чрезмерным. Килдары нуждались не столько в правильной по тем времена религиозной ориентации, сколько во влиятельном патроне при дворе, способном противостоять Бекингеми. Хэдзор настаивал на кандидатурах Лодовика Стюарта, герцога Леннокса или его брата Эсме Стюарта, барона Обиньи. 8.07.1618 был издан королевский указ, по которому права действительной опеки над малолетним Килдаром переходили Обиньи. В общем виде приказ не отменял прежнего решения Тайного совета об обязательном английском по духу образовании для отпрысков ирландской титулованной знати. Но казус с Килдаром вызывал ропот со стороны тайных советников.

26 июля лорд-наместник Ирландии получил из Лондона специальную депешу, в которой говорилось о сроках подготовки наследников Килдаров, Барри, Данлюса, Горманстона, Делвина и Бриттаса для поездки в Лондон. Вдовствующая графиня Килдар, ссылаясь на слабое и болезненное состояние ее сына, добилась годичной отсрочки от Тайного совета, согласившись при этом, что обучением мальчика займется в то время сам архиепископ Армага. Любопытно, что отсрочка с поездкой в Лондон, вытребованная на малолетнего Килдара, оказала положительное влияние и на судьбу юношей, которым было разрешено остаться в Ирландии вплоть до весны 1619 года².

¹ CSP. Ireland, 1615–1625. P. 129; Acts of the Privy Council of England. 1613–1625. 15 vols. London, 1921–1964. 1615–1616. P. 579, 580 (далее — APC).

² APC, 1618–1619. P. 149, 226, 227, 264, 265; CSP. Ireland, 1615–1625. P. 209, 212–213.

Тем временем произошло знаменательное событие: леди Леттис отказалась от своих претензий на земельные владения и титулы Килдаров. Судя по всему, решающую роль в таком исходе тяжбы сыграл сам Бекингем. Взамен Дигби получали манор и приход Гиссхилл, располагавшиеся южнее Филипстауна в Кингсе и составлявшие порядка 30 000 акров пахотной земли. Права семейства Дигби в отношении маноров Портлестера, Вудстока и Эти сохранялись за ними вплоть до смерти леди Кэтрин, т. е. до 1632 года. По специальному королевскому приказу, датированному 22.04.1633, Килдары вернут себе право на утраченные в свое время земли. Аналогичным образом решится дело и с манорами, выделенными в свое время леди Франсес. Часть из них, а именно манор Мойлар в Мите и Касллей в Куинзе, отойдут после ее кончины леди Леттис и ее наследникам, но заложенные под приличные проценты, они так и никогда не станут достоянием ее семьи и накануне гражданских войн будут выкуплены Килдарами обратно. И наконец, по ходатайству Бекингема леди Леттис станет баронессой Оффали, но без права передачи титула и земель своему старшему сыну Роберту, который, как известно, 29.07.1620 станет лордом Дигби из Гиссхилла. После смерти баронессы Оффалли в 1658 году уже шестнадцатый граф Килдар добьется возвращения титула, но так и не будет восстановлен в наследственных правах на одноименную баронию.

История с домениальными владениями Килдаров продолжится после того, как оставшийся со своей матерью в Мэйноте пятнадцатый граф Килдар 11.11.1620 неожиданно скончается в возрасте девяти лет. Его преемник Джордж Фитц-Джералд, которому было около десяти лет от роду, приходился третьим сыном брату четырнадцатого графа Килдара Томасу Фитц-Джералду, рожденным от брака с Франсес Рэндолф, дочерью главного почмейстера Англии. Юный наследник родился в небольшом городке Уолтоне-на-Темзе и там же, не достигнув совершеннолетия, схоронил обоих родителей осенью 1619 года. Его опекунами были определены все те же лорд Онгиер и сэр Уильям Тэлбот, которым было дано строгое предписание держать сэра Джорджа «по семью замками» в Мэйнмуте¹.

На период малолетства нового графа были пересмотрены земельные интересы вдовствующей графини — леди Элизабет: ей были переданы в пожизненное владение Килкеа, Грэйни, ряд земель в Уэстмите, Стренгфорд и Эрдглас в Дауне. Опекунские права лорда Онгиера были оспорены и, судя по всему, уже к концу 1621 года попечительство над малолетним графом было отдано лорду Обиньи — будущему графу Марчу. После его смерти в июле 1624 года опека перешла его

¹ *Kildare, Marquisse. The Earls... V. I. P. 244–245.*

жене — вдовствующей герцогине Леннокс, которая почти сразу же была готова ее продать с тем, чтобы улучшить приданое двух ее молоденьких тогда дочерей¹.

Судьба сына леди Леттис складывалась также весьма любопытным образом. В декабре 1626 года барон Дигби женится на леди Саре, одной из дочерей графа Корка. После ее смерти в 1633 году леди Леттис получает права опеки над двумя ее внуками, а тесть лорда Дигби — права на управление манором Гиссхилл. Лорд Дигби после смерти своей жены погружается не без помощи тестя в пучину политической борьбы, должно быть, играет заметную роль в деятельности ирландского парламента и, видимо, поэтому в августе 1641 года становится членом ирландского совета².

Тем временем достигший отроческого возраста граф Килдар был отправлен на обучение в Оксфорд. Его матушка, страстная католичка, попыталась тогда в последний раз убедить сына составить брачную партию с одной из дочерей графа Этрима, но Корк, выкупивший к тому времени у герцогини Леннокс за 6600 фунтов права опеки над несовершеннолетним Килдаром, имел совсем иные планы. В конце июля 1629 года Джоан Бойл, четвертая дочь графа Корка была привезена в Оксфорд для вполне определенных целей: 15.08.1630 состоялось их бракосочетание. Молодоженам было не суждено прожить счастливо: молодой Килдар вскоре попадает в тюрьму отчасти за многочисленные долги, доставшиеся ему от предшественников, отчасти за беспокойный нрав и прокатолические симпатии. Земли Килдаров, значительная часть из которых была к тому времени заложена, надолго попали под контроль Ричарда Бойла, выкупившего закладные своего зятя, а некогда огромный по своим масштабам земельный комплекс лишь только с конца 1660-х годов начнет постепенно восстанавливаться³.

* * *

По всеобщему убеждению, традиционное противостояние Батлеров — графов Ормондов и Фитц-Джералдов — графов Дезмондов закончилось в 1583 году после убийства Джералда Фитц-Джеймса Фитц-Джералда, четырнадцатого графа Дезмонда («мятежного графа»). Билль об измене Дезмонда, принятый посмертно ирландским парламентом в 1585 году, снял последние препятствия для разрастания Мюнстеровской колонии и превратил Томаса Батлера, десятого

¹ CSP. Domestic. 1623–1625. P. 448, 450. *Stone L. Crisis...* P. 441.

² *Townshend D. Life and Letters of the Great Earl of Cork.* London, 1908. P. 483; *Canny N. Upstart Earl...* P. 46, 48.

³ *Kildare, Marquise. The Earls V. I.* P. 246, 247; *Canny N. The Upstart Earl...* P. 48, 50, 51, 61, 185.

графа Ормонда в единственную надежную опору тюдоровской монархии в борьбе с графами Тиронами.

Томас Батлер или, как называли его современники, «мрачный Том» (1531–1614) прожил долгую жизнь, но обе жены так и не смогли подарить ему наследника. Открывающаяся перспектива не радовала как самого графа, так и корону, заинтересованную в сохранении преемственности. Многочисленные дочери Ормонда умирали в младенчестве. Единственной здравствующей на тот момент была Элизабет, рожденная от второго брака с дочерью лорда Шеффилда, но передать ей земельные богатства Ормондов было нельзя, поскольку девица оставалась незамужней. Формально можно было рассчитывать на племянников, но репутация их семейств была небезупречной. Отец старшего из них Теобальда — сэр Эдмунд Батлер из Клоггрена был среди трех братьев графа Ормонда, подвергнутых опале по статуту 1570 года. Несмотря на то что Ормонд добился в 1574 году королевского прощения для каждого из них, многое оставалось нерешенным. В частности, для включения его в завещание и тем более для решения вопроса о нем как преемнике требовалась реституция, а добиться ее было нелегко. Другой племянник — сэр Уолтер Батлер из Килкэша приходился сыном самому младшему из братьев Ормонда, которому, как известно, удалось избежать опалы. Сэр Уолтер был известен своей лояльностью к Тюдорам, но он уступал в старшинстве кузену Теобальду и был к тому же католиком¹.

Судя по всему, граф Ормонд отдавал свое предпочтение Теобальду, но не забывал при этом и о других, более отдаленных перспективах. Не без его участия сэр Теобальд, не отличавшийся особой покорностью, был изолирован от прочих бунтовавших тогда родственников и в течение четырех лет находился под опекой самого графа, а в сущности, под домашним арестом в Дублинском замке².

Тем временем Елизавета, благоволившая к Ормонду, предложила стареющему графу составить завещание в пользу племянников. В качестве первого из двух возможных преемников фигурировал старший — Теобальд, но его права ограничивались наиболее «древней» частью наследства Батлеров, а именно самыми крупными манорами, расположенными в Килкенни, Тюрлизе, Каррике, Каллане и Гриненаге. Помимо этого Элизабет — единственная дочь Ормонда должна будет вступить в брак с сэром Теобальдом и в свою очередь получить в качестве вдовьей доли оставшиеся земли Батлеров с правом передать

¹ CSP. Ireland. 1600–1601. P. 6, 7, 8.

² CSP. Ireland. 1600. P. 428, 432; CSP. Ireland. 1600–1601. P. 52, 155–156.

их родившемуся от этого брака наследнику и, следовательно, в перспективе объединить беспрецедентные по масштабу территории¹.

Томас Батлер согласился, но королева не дожидаясь официальной церемонии бракосочетания. Судя по всему, Яков был осведомлен о планах Елизаветы. 4. 08. 1603 сэру Теобальду Батлеру был пожалован виконтский титул Туллиофеллина. В феврале 1604 с королевского согласия состоялась намеченная свадьба², а чуть позднее был принят реституционный билль, реабилитировавший наследственные права сэра Теобальда на земли и титул Батлеров³.

Сам Ормонд при этом не оставлял надежд произвести на свет наследника — обстоятельство необычайно важное, подтверждающее мысль о том, что решение о племяннике-наследнике оставалось все-таки запасным вариантом. Замечу, что после сделанных им земельных уступок он продолжал владеть почти половиной обширных владений Ормондов.

В мае 1600 года умирает вторая жена Батлера, и тогда шестидесятидевятилетний граф решает испытать судьбу в третий раз. Его избранницей стала Эллен Барри, дочь ирландского виконта Баттеванта, но брак остался бесплодным⁴.

Ормонд, казалось, окончательно сдался и, как отмечали очевидцы, сделался раздражительным. Предложенная Елизаветой партия, прежде казавшаяся пусть не основной, но приемлемой, стала внушать ему опасения. Туллиофеллин был слаб здоровьем, часто и продолжительно болел, к тому же казался ему недостаточно хорошим зятем и мужем.

Брак дочери повторял во многом судьбу его собственных браков: внуки Ормонда либо рождались мертвыми, либо умирали в младенчестве. Напротив, определенный в завещании в качестве второго и, следовательно, младшего преемника Уолтер Батлер был счастливым отцом, воспитывавшим к тому времени сына и четырех дочерей⁵. Но Яков продолжал поддерживать виконта и при каждом удобном случае предупреждал Ормонда не делать неоправданных шагов в отношении основного преемника.

Весть о скоропостижной смерти виконта, последовавшей 29.12.1613, застала сэра Уолтера в Лондоне и раз и навсегда изменила его жизнь. Вдовствующая виконтесса оставалась бездетной, и его шансы на фамильный титул Батлеров резко возросли, если бы не одно обстоя-

¹ CSP. Ireland. 1601–1603. P. 384–385.

² CSP. Ireland. Addenda. 1565–1654. P. 184, 385, 435, 520.

³ CSP. Ireland. 1611–1614. P. 184, 290; HMC. Ormond MSS. V. I. P. 3, 10, 11.

⁴ CSP. Ireland, 1601–1602. P. 60; APC, 1618–1619. P. 129.

⁵ HMC. Ormond. V. II. P. 346–347.

тельство. Реституционный билль был принят только в пользу сэра Теобальда, и сэр Уолтер нуждался в аналогичном. Необходимы были поддержка, если не заступничество короля, но младший Батлер не любил Якова. Он был предан Тюдорам, но оставался не лоялен к Стюартам, был последовательным оппозиционером и талантливым полемистом.

Еще в мае того же года он стал одним из лидеров оппозиции в ирландском парламенте. Выбранный в качестве представителя от Типперари, он вместе с сэром Джоном Эверардом (один из субдержателей Ормондов) выступил с критикой земельной политики Якова. При активной поддержке сэра Уолтера Эверарду удалось получить место спикера и отстранить при этом королевского номинанта сэра Джона Дэвиса. Уолтер Батлер был одним из авторов петиции, осуждавшей издержки предвыборной компании 1613 года.

Помимо явной оппозиционности очевидны были религиозные симпатии младшего из Батлеров. Он неоднократно выступал на стороне католиков. Ходили слухи, что он даже финансировал знаменитую делегацию ирландских рекузантов в Лондон, подавших королю петицию, подписанную представителями виднейших католических родов. Как активный представитель антипротестантского крыла в парламенте, он оказался среди депутации, отобранной Тайным советом для повторной встречи с королем.

Именно тогда, во время официальной встречи с королем, ему передали пакет с известием о кончине кузена. Судя по всему, Яков был уведомлен о смерти виконта Туллиофеллина чуть раньше, поскольку успел к тому времени направить графу Ормонду письмо с предложением о повторном браке его дочери и шотландского пэра Ричарда Престона, лорда Дингуолла. Сэр Уолтер был приглашен на личную беседу с королем, которая если не стала примирением, то была определенным шагом к сближению. Батлер хорошо понимал, что Ормонд стар и проживет недолго, а перспектива наследства была лучшей гарантией для компромисса.

Неожиданно для себя став потенциальным преемником Ормондов, он согласился поехать к графу и лично объяснить достоинства новой брачной партии. Старый граф, с недавних пор благоволивший к племяннику, остался доволен визитом и данными ему разъяснениями. Он согласился и, видимо, не без определенных стараний сэра Уолтера отказал графу Томонду, заинтересованному в браке одного из своих сыновей и вдовы Туллиофеллина.

Яков не скрывал удовлетворения миссией Батлера и повторно вызвал его в Лондон, вручив ему реституционный билль. Видимо, тогда было решено, что сэр Уолтер в качестве близкого друга и поверенного Дингуолла (до этого они были едва знакомы) представит его потенци-

альному тестю и затем выступит в качестве одного из свидетелей при заключении брачного контракта. Планируемый визит должен был состояться в начале декабря 1614 года, но 22 ноября граф Ормонд скончался.

18 апреля 1615 года открылась очередная сессия ирландского парламента. В первый же день была официально засвидетельствована смерть графа Ормонда и составлен вызов на имя Уолтера Батлера. Спустя восемь дней одиннадцатый граф Ормонд торжественно покинул палату общин и занял подобающее место среди лордов¹. И хотя вопреки ожиданиям должность лорда-казначая и вице-адмиральский пост в Ленстере, принадлежавшие прежде умершему графу, не перешли к сэру Уолтеру, всем было ясно, что ирландские католики получили могущественного покровителя. Один из самых престижных титулов зеленого острова вновь обрел былую репутацию².

Был ли Яков удовлетворен исходом дела? Должно быть, надежды на возможное сотрудничество с Батлером оставались желаемыми. Было трудно ожидать, что Ормонд пойдет на уступки, — слишком велика была обретенная им власть, но возможность манипулировать земельными богатствами Ормондов все-таки сохранялась, поскольку часть из них по-прежнему принадлежала дочери десятого графа.

Судя по всему, граф Ормонд рассчитывал на известное расположение короля. Он был уверен, что данное им согласие на посредничество в брачной партии Дингуолла сыграет в будущем необходимую роль. Желая утвердиться в собственной правоте, он обратился к Якову с просьбой закрепить за ним исключительные права на разбросанные по всему острову владения, а также подтвердить дарованные еще при Эдуарде III привилегии Ормондов в Типперари. Это был необходимый шаг, который в случае успеха решал целый комплекс проблем, связанных с реституцией старого титульного домена.

Граф неоднократно посещал Лондон, надеясь получить аудиенцию у короля, но безрезультатно. Петиции о праве, оседавшие в недрах королевского двора, должно быть, не без согласия самого Якова отсылались в Ирландию лорду-наместнику Чичестеру. Тот же, впрочем, как и его предшественники, был против возрождения былых привилегий Ормондов, отмененных, как известно, в 1566 году.

Помимо претензий общего характера Ормонд не переставал надеяться на то, что часть наследственных земель его предшественников, закрепленная за вдовой Туллиофеллина, ставшей теперь леди Динголл, будет возвращена после ее смерти и вновь станет частью искон-

¹См. подробнее об этом: *Treadwell V. House of Lords in the Irish Parliament of 1613-1615 // English Historical Review. V. LXXX. 1965. P. P. 102, 103.*

²НМС. Ormond MSS. V. I. P. 10, 11.

ного домена. Но, подобно коллизии с наследственными владениями Килдаров, вдовья доля наследницы десятого графа Ормонда оказалась предметом весьма продолжительных споров и интриг.

14.03.1615 Дингуолл, теперь полноправно представлявший интересы леди Элизабет, и сам Ормонд получили от короля приглашение прибыть в Лондон, где должно было состояться разбирательство с участием всех заинтересованных лиц. Предложенный конфликтующим сторонам вариант был типичным приемом, открывавшим для Якова весьма завидную перспективу вмешательства в земельные споры его ирландских подданных.

Начиная с апреля 1616 года представленные Ормондом и Дингуоллом петиции о праве экзаменовались специально учрежденной комиссией под председательством лорда Уоттона. Любопытно, но в Лондоне постоянно присутствовал только Ормонд: король отправил Дингуолла со специальной миссией в Венецию, и тот отсутствовал в столице вплоть до конца сентября 1616 года.

В одной из своих многочисленных петиций, отправленных на имя короля, граф обращал внимание на существенное отличие между древним обычаем наследования основного земельного комплекса Ормондов исключительно по мужской линии и характером преемства для той части земель, которая находилась во владении Элизабет Батлер. Вдовья доля, установленная для нее десятым графом Ормондом, по существующему обычаю могла находиться в ее распоряжении пожизненно, но подлежала возврату носителю титула Ормондов сразу же после ее смерти.

Несмотря на то что каждая из оспаривавших земельные права сторон внесла необходимые суммы, свидетельствующие о желании законным путем утвердиться на причитавшихся им землях, решение комиссии оказалась, весьма своеобразным. Оно легло в основу королевского патента (3.10.1618), даровавшего Ормонду и Дингуоллам отдельные права на обладание землями старого титульного домена. Последний был поделен на пять в целом равноценных частей. Каррик и Тюрлиз закреплялись за Ормондом. Помимо «вдовьих», леди Дингуолл получала манор и замок Килкенни, который в свое время был определен Тайным советом как «древнейший из принадлежавших Ормондам и представлявший собой основную резиденцию названных графов». Совокупно, по сообщению Джона Пори, Дингуоллы закрепили за собой двадцать один манор и около ста пятидесяти небольших деревушек и ферм. Более того, вопреки традиции леди Дингуолл обрела права на Каллан и Гриненаг, входившие во вдовью долю леди Эллен, третьей жены десятого графа Ормонда, вышедшей 15.08.1616

замуж за сэра Томаса Сомерсета, третьего сына небезызвестного графа Вустера¹.

Дингуоллам и Ормонду были даны два года, в течение которых им надлежало решить «мелкие» проблемы и вступить во владение. Судя по всему, Ормонд был недоволен решением, хотя и осознавал шаткость любой из своих претензий. 11.10.1618 обе стороны были повторно вызваны на заседание Тайного совета, где каждый должен был изложить свое мнение о принятом решении. Дингуоллы по вполне понятным соображениям были удовлетворены и выказали полную готовность подчиниться королевскому решению. Ормонд, видимо, не без совета своих сподвижников Эверарда и Рота, уповая на удачу, не подчинился, аргументируя свою позицию шаткостью прав Дингуоллов на определенные для них земли.

Практически ничего неизвестно о том, как на протест графа отреагировал сам король, но, как явствует из сохранившихся свидетельств его приближенных, графу было предложено подчиниться, поскольку патент, учреждавший отдельные права владельцев старого титульного домена, был уже скреплен Большой королевской печатью и, как известно, обжалованию не подлежал. Приглашение в Лондон было, таким образом, пустой формальностью.

Ормонд еще некоторое время оставался в столице. Тем временем новости о разделе владельческих прав достигли Ирландии. Лорд Тюрлиз, старший сын графа, его свита, должно быть, восприняли ее в штыки. По крайней мере, сведения о их готовности противостоять решению вполне достоверны.

Оливер Сент-Джон, сменивший на посту лорда-наместника Артура Чичестера, не желал открытого конфликта с могущественной клиентеллой Ормондов. Сохранилась небольшая записка Сент-Джона, отправленная в Лондон государственному секретарю по делам Ирландии, в которой излагалось «особое мнение» наместника относительно возможных последствий принятого решения, в том числе о реальной угрозе вооруженного выступления сторонников графа. Так или иначе, Сент-Джон рекомендовал «под любым предлогом задержать Ормонда в Лондоне, дабы избежать нежелательных последствий». Генри Бурчиер, посетивший Ирландию зимой 1618–1619 годов, писал одному из своих адресатов, что местная публика весьма враждебно относится к королевскому решению в той его части, «которая касается судьбы моей родственницы, леди Дингуолл».

Пока Ормонда удерживали в Лондоне, лорду Тюрлизу было предписано под угрозой тюремного заключения сохранять рамки приличия

¹ CSP. Ireland. 1615–1625. P. 213, 214.

и более не требовать уплаты рент с земель, «теперь принадлежавших леди Дингуолл». После того как была перехвачено тайное послание Ормонда сыну с призывом не повиноваться, граф в очередной раз предстал перед советниками, напомнившими ему, что «королевская воля в этом вопросе непреклонна» и пригрозившими, что в случае неповиновения граф будет препровожден в уже «приготовленную для этих целей камеру во Флите, тюрьме, обычно предназначавшейся для должников и мелких бунтовщиков». Должно быть, последнее дополнение было решающим: оскорбленный граф наотрез отказался признать королевское решение справедливым. 16.06.1619 после неоднократных предостережений Ормонда арестовали и посадили в ту, обещанную прежде камеру, которая оставалась ему домом вплоть до мая 1625 года¹.

Несмотря на заточение Ормонда, власти опасались возможных осложнений. Очевидно, было принято решение не спешить с реализацией земельных интересов Дингуоллов в Ирландии. Тем не менее в конце июня 1619 года во исполнение королевского решения были признаны наследственные права Ормондов на земли, определенные жалованной грамотой от 3.10.1618; замок Келли закреплялся за Дингуоллами и тем самым граница между владениями одиннадцатого графа и его кузиной приобретала должные очертания. Лорд Тюрлиз был вторично предупрежден о последствиях неповиновения и, видимо, угрозы возымели должный успех. Достигнутое равновесие было усилено новым титулом Дингуолла: на этот раз он стал графом Дезмондом, восстановив тем самым объявленный выморочным в 1601 году титул, и, должно быть, перспективу на реставрацию некогда принадлежавшего Фитц-Джералдам домена. Помимо этого Дингуолл присоединил к прежнему баронское достоинство Данмора, закрепив тем самым за собой права на еще один манор Ормондов, доставшийся им после расправы над Дезмондами.

Яков стремился быть последовательным. Следующий шаг был направлен на нейтрализацию наследника Ормондов. Неизвестно, каким образом, но ему удалось вызвать лорда Тюрлиза в Лондон. Шаг весьма продуманный, поскольку изолированный при дворе Тюрлиз был бы неспособен влиять на ход событий в Ирландии, но судьба распорядилась иным образом. При невыясненных обстоятельствах старший сын Ормонда утонул, переправляясь вброд через одну из рек в Нортумберленде. Граф лишился наследника и, пожалуй, самого последовательного защитника клановых интересов Ормондов.

¹ Cal. Carew MSS. 1603–1624. P. 386; CSP. Ireland. 1615–1625. P. 236, 238, 248; HMC. Ormond MSS. V. I. P. 79; APC, 1618–1619. P. 301–302, 328, 467.

Тем временем события в Ирландии развивались по намеченному плану. За исключением незначительных проблем, возникших с арендаторами земель, входивших в новые владения леди Элизабет, Дезмонды достигли желаемого результата уже в начале 1620 года¹. Ситуация с владениями Ормондов также оказалась решенной согласно намеченному плану. Были назначены два управляющих (один из них, Лоуренс Эсмонд был агентом Дезмонда), которые, приступив к исполнению своих обязанностей, формализовали исполнение решения о раздельных правах на земли старого титульного домена Ормондов.

Дальнейшее развитие событий было сопряжено с поданной в свое время, но оставшейся без ответа петицией графа Ормонда о признании его исключительных прав на Типперари. Претензии графа были изучены судьями. Окончательный вердикт, во всяком случае его основная часть, была предсказуемой: результаты архивных изысканий, гласила заключительная клаузула, оказались отрицательными. Была найдена копия патента, датированная началом XVI века, но оригинал не обнаружен. Что же касается копии, то ее содержание не подтверждало, по мнению судей, исключительных прав Ормондов.

Суть претензий графа, как известно, относилась к праву назначать соответствующие судебно-административные авторитеты, обслуживающие рутинные потребности этой обширной территории. Речь шла о праве назначать мировых и так называемых ассизных судей на межсессионный период, когда аналогичные королевские чиновники отсутствовали. Помимо этого Ормонды пользовались привилегией определять кандидатуру шерифа, подлежащую, правда, последующему утверждению лордом-наместником.

Начиная со второй половины XVI века реализация этого права была сопряжена с определенными сложностями, поскольку все Ормонды за исключением десятого графа были католиками. Так или иначе, но, согласно сложившейся традиции, шерифы и судьи подобного ранга должны были быть протестантами. Среди клиентов Ормондов таких просто не существовало. Известен случай, когда один из шерифов Типперари был вызван в ноябре 1616 года в суд Замковой палаты за отказ присягнуть на верность англиканской церкви. Приговоренный к уплате штрафа, он пытался опротестовать решение суда, ссылаясь на то, что ни один из его предшественников, рекомендованный Ормондами, не совершал ничего подобного².

¹ Ormond MSS. V. I. P. 80, 81; CSP. Ireland. 1615–1625. P. 255; Cal. Carew MSS. 1603–1624. P. 426; Stone L. Crisis of Aristocracy. Oxford, 1965. P. 423f.

² Любопытно, но незадолго до своего заточения граф обратился к Томасу Уилсону, хранителю государственных бумаг, с просьбой выдать ему копию хартии, подписанной Елизаветой, подтверждавшей исключительные права

Тогда этот казус оказался почти незамеченным, но о нем опять вспомнили, когда Ормонд уже сидел во Флите. Так или иначе Сент-Джон попытался использовать это факт в своих собственных целях. Не без согласия короля он выступил с весьма пространными разъяснениями относительно исключительных прав Ормондов. Обратив внимание присутствовавших на то, что право назначать шерифов и прочих чиновников, принадлежавшее Ормондам, способствовало превращению Типперари «в место скопления иезуитов и папистов, к тому же наделенных достаточно большими полномочиями, он, властью, ему дарованной, назначает нового шерифа Типперари и направляет иск в канцлерский суд». Граф, лишенный возможности провести необходимые консультации, проиграл дело. Весной 1621 года исключительные права Ормондов в отношении Типперари были признаны утратившими силу и упразднены¹.

Почти одновременно с этой потерей Ормонды лишились права контролировать цены на вина, продаваемые на значительной части зеленого острова. Треть доходов от винной монополии принадлежала вдовствующей графине Ормонд. Оставшаяся часть, извлекаемая главным образом от их реализации в графствах Дублин и Уотерфорд, была дарована Дезмондам. Современники писали, что Ормонд, лишившись «живых» денег, был вынужден сократить свои расходы: его пребывание во Флите стало удручающим, а условия почти «спартанскими»².

О том, что скрывалось за настойчивым желанием короны низвести Ормондов с исторически выстроенного для них пьедестала, угадать несложно. Корона была заинтересована в ослаблении этого могущественного клана и, как известно, пыталась использовать принадлежавшие им владения (исключая, по всей видимости, домениальные земли) для разработки колоний-плантаций и последующим заселением их шотландскими и английскими сервиторами. Тем не менее сопротивление Ормондов можно было исключить иным путем. Еще в 1602 году близкий к Дингуоллам и Ормондам все тот же Ричард Хэдзор советовал Роберту Сесилу восстановить некогда разрушенное равновесие в Ирландии. В качестве выхода из сложившегося положения Хэдзор предлагал объединить Ормондов, Дезмондов и Килдаров брачными связями, создав из представителей этих могущественных семейств

Ормондов в Типперари, но получил отказ: Calendar of State Papers, Domestic: 1603–1625 / Ed. by R. Lemon et al. 5 Vols. London, 1857–1872. Addendum, 1603–1625. P. 553 (далее — CSP, Domestic). APC. 1616–1617. P. 382; Cal. Carew MSS. 1603–1624. P. 3, 28.

¹ Cal. Carew MSS. 1603–1624. P. 3, 28.

² Cal. Carew MSS. 1603–1624. P. 99; CSP. Ireland. 1615–1625. P. 359.

управляемый из Лондона альянс¹. Судя по всему, первые шаги Дингуолла были мотивированы этими соображениями, но после возвышения Бекингема продолжать настаивать на подобных перспективах было неразумно, если в намеченном плане интересы королевского фаворита оказывались неучтенными. Видимо, Бекингом все-таки разделял предложенную в свое время Хэдзором тактику, поскольку известно, что графский титул достался Дингуоллу при содействии фаворита. Более того, есть основания полагать, что именно тогда четырехлетняя дочь Дезмонда была определена в качестве брачной партии для малолетнего племянника фаворита Джорджа Филдинга: штрихи нового кланового альянса, казалось, стали прорисовываться.

Ситуация осложнялась многочисленными долгами Дезмондов и их фактической неплатежеспособностью. Их земельный комплекс благодаря стараниям фаворита постоянно обновлялся, но появление новых владений вплоть до самой смерти Дезмонда в 1628 году было лишь поводом для появления очередных закладных и усиливавшегося давления со стороны кредиторов.

В то время как Дезмонды были вынуждены решать свои финансовые проблемы, Ормонд в июне 1625 года был освобожден из тюрьмы и получил право отбыть в Ирландию. Оставаясь какое-то время в Лондоне, он добился от Тайного совета, где в то время всеми делами заправляли графы Пемброк, Малборо и Манчестер — лютые враги Бекингема, определенных уступок, самой главной из которых следует считать краткосрочное восстановление привилегий Ормондов в Типперари. Думается, что именно тогда Ормонды, подобно Килдарам, получили первый шанс на дальнейшую реабилитацию своего титульного дома, который был постепенно восстановлен уже после гражданских войн².

---

¹ CSP. Ireland. 1600–1601. P. 312.

² CSP. Ireland. 1625–1632. P. 7, 8, 141, 192, 193, 202–203, 221, 243.

Т. П. Гусарова

КОНКУРСНЫЕ ДЕЛА ВЕНГЕРСКИХ ЧИНОВНИКОВ В ВЕНСКОМ ПРИДВОРНОМ КАЗНАЧЕЙСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.*

XVII в. в истории Венгрии в историографии называют веком венгерского дворянства. Действительно, оно многого добилось от королевской власти, защищая с оружием в руках свои сословные права и привилегии, в первую очередь право участвовать в управлении государством наряду с королем. В Венском мире 1606 г., подытожившем первое успешное выступление сословий Венгерского королевства против Габсбургов и на следующие полвека определившем отношения между сторонами, нашли отражение такие требования, которые предусматривали почти полное восстановление корпоративной системы власти. Начавшееся наступление абсолютизма в Венгрии было приостановлено.

Несмотря на победу, многочисленное венгерское дворянство не имело возможностей обеспечить себе самостоятельные позиции перед лицом центральной власти. Войны разоряли дворян, многие из них потеряли свои владения, а вместе с ними — средства к жизни. В XVI–XVII вв. широкий размах приняло аноблирование, но в отличие от более ранней эпохи оно чаще всего не сопровождалось королевским земельным пожалованием. Возведенный в дворянское достоинство человек довольствовался дворянским гербом и получал (хотя и не всегда) налоговые привилегии. Многие представители привилегированного сословия жили на крестьянских наделах, как крестьяне. В XVI–XVII вв. в Венгрии, где с дворянским статусом в первую очередь было связано понятие «личной свободы», его приобретение особо привлекало возможностью элементарных социальных гарантий. Чтобы выжить, дворяне должны были искать дополни-

---

*Работа выполнена при поддержке венгерского фонда «Domus Hungarica». Кроме того, я приношу глубокую благодарность Генеральному директору Венгерского национального архива д-ру Лайошу Гечени за консультации и неоценимую помощь в поиске архивных материалов для данного исследования.

тельные источники существования. Одним из них была служба в государственном аппарате.

После утверждения на венгерском престоле после 1526 г. Габсбургов на территории королевства действовало единственное центральное государственное учреждение — казначейство, поскольку династия управляла страной из-за границы. Часть государственных органов Венгерского королевства обосновалась в Вене (например, Венгерская канцелярия), другие влились в придворные ведомства; некоторые же прекратили существование¹. Поэтому Венгерское (или Пожоньское*, по месту резиденции) казначейство осуществляло не только финансовые, но и административные функции. В отличие от других органов власти оно действовало на постоянной основе. Венгерское казначейство (*Camera Hungarica*) было создано в 1528 г. и на первых порах сфера его деятельности распространялась на все королевство. В 1567 г. из Венгерского выделилось Сепешское** казначейство (*Camera Scerusiensis*) как дочернее, зависевшее от Пожони учреждение, призванное управлять финансами Верхней Венгрии (*Partes Regni Hungariae superiores*)***. Иногда оно действовало в более низком статусе — Управления (*Administracio*)². Его резиденция находилась по большей части в Кашше (совр. Кошице), а также в Эперьеше (совр. Прешшове)³.

¹ Об административных реформах Фердинанда I Габсбурга см.: *Fellner Th., Kretschmayr H. Die österreichische Zentralverwaltung I. Abt. 1. Bd. Wien, 1907; Rosenthal E. Die Behördenorganisation Kaiser Ferdinands I. // Archiv für österreichische Geschichte. 49. Bd. 1887; Ember Gy. Az újkori magyar közigazgatás története Moháctól a török kiűzéséig. Bp., 1946; Чизмадуа А., Ковач К., Асталаш Л. История венгерского государства и права / Под общей ред. А. И. Пушкаша. М., 1986.*

* Пожонь (Пресбург) — совр. Братислава.

** Селеш (лат. *Scipus*, нем. *Zips*, словацк. *Spiš*) — область Спиш, большая часть которой в настоящее время входит в состав Словакии, меньшая — Польши.

*** Восточные области современной Словакии, а также области вдоль верхнего и среднего течения Тисы, входившие в состав тогдашнего Венгерского королевства.

² Это объясняется административными преобразованиями, обусловленными неоднократным переходом части восточных комитатов Венгерского королевства вместе с Кашшей из рук венгерского короля к трансильванскому князю и обратно. См. об истории Сепешского казначейства: *Szűcs J. A Szepesi Kamarai levéltár 1567–1813. Bp., 1990.*

³ Отдельные аспекты истории центральных финансовых органов Венгерского королевства в раннее новое время освещены в работах: *Acsády I. A pozsonyi és szepesi kamarák. 1565–1604. Budapest (Далее — Bp.), 1894; Ember Gy. Az újkori magyar közigazgatás története Moháctól a török kiűzéséig. Bp., 1946; Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVII. században // Levéltári Közle-*

Ни Пожоньское, ни Сепешское казначейства не являлись сословными институтами в том смысле, что их штат не избирался на сословных съездах — Государственных собраниях, и за свою деятельность они несли ответственность не перед ними, а перед королем. Тем не менее функционировавшие на территории Венгрии государственные финансовые институты выполняли ответственные задачи по поручению Государственных собраний. Так, к компетенции казначейств относился сбор военного налога (*dica*), а также разрешение всевозможных имущественных споров и дел, связанных с наследством. Тесная связь казначейств с сословиями проявлялась также и в том, что большая часть служащих попадала туда из числа комитатского дворянства, которое приносило в государственное учреждение свои сословные интересы и нравственные ценности.

Несколько слов необходимо сказать о составе Венгерского и, особенно, Сепешского казначейств. Первое возглавлялось префектом, который после заключения в 1606 г. Венского мира был светским лицом и принадлежал к высшей аристократии¹. К середине XVII в. руководство Сепешским казначейством осуществляли двое советников, одновременно имевших статус советников Венгерского (Пожоньского) казначейства. Один из них, старший по возрасту, был и старшим по званию (*senior consiliarius*) и фактически руководил учреждением. Бухгалтер (или кассир) в Сепешском казначействе и соответствующий отдел в Пожони занимались непосредственно приемом и выдачей денежных сумм, проходивших через эти финансовые органы. За их деятельностью в Пожони наблюдали контролеры, составлявшие специальный отдел. В Кошице эти функции выполнял хранитель архива. Канцелярией заведовал секретарь, под началом которого работало несколько писарей-нотариев².

* * *

В 1658 г. перед Придворным казначейством в Вене рассматривалось весьма рутинное дело. На освободившееся место советника Сепешского

mények. 1968. 2. sz. 233–268; Uő.: A Szepesi Kamara tisztviselői a XVII–XVIII. században // Levéltári Közlemények. 1967. 2. sz. 193–236; Nagy I. — F. Kiss E. A Magyar Kamara és egyéb kincstári szervek. Szerk. F. Kiss E. Bp., 1995. *Gecsényi L.* Egy kamarai tisztviselő a XVI. században: Nagyváthy Ferenc. Turul. 1999. 3–4. füz. *Gecsényi L.* A magyar kamara tanácsosainak összetételéről a XVI. században // A történelem és a jog határán. Tanulmányok Kállay István születésének 70. évfordulójára. Budapest, 2001.

¹ Corpus Juris Hungarici (Далее — CJH). 1608–1657. évi törvénycikkek. (Vol. 3). Bp., 1900. Закон 1608, статья 5 (далее — 1608/5). P. 12.

² Szűcs J. Op. cit. 67. old.

казначейства в Венгрии претендовали два человека: Пал Черней¹ и Мартон Ваш. Материалы этого конкурсного дела мне случайно попались в Архиве Придворного казначейства в Вене². Позже их удалось существенно расширить в ходе поисков в Венгерском национальном архиве³ в фондах Венгерского и Сепешского казначейских архивов⁴, а также семейных архивов⁵. Ничего особенного это дело не содержало, кроме того, что вышестоящие органы оказались перед сложным выбором, вследствие чего дело шло далеко не гладко и его решение затянулось. В конечном счете предпочтение было отдано Мартону Вашу, а Пал Черней был вынужден на время отложить свои попытки устроиться на службу в казначейство.

Этот на первый взгляд слишком частный случай из жизни каких-то никому неизвестных рядовых чиновников каких-то провинциальных государственных учреждений представляет тем не менее немалый интерес. Взяв за отправную точку исследования отдельное конкурсное дело двух конкретных претендентов на одну должность, я была вынуждена «раскрывать» ситуацию: выяснять не только подробности самого дела, но и сопутствовавшие ему обстоятельства. Началась «реконструкция» биографий героев моего очерка, без чего трудно было бы понять, почему в конкурсе победил один и проиграл другой. Я уже не говорю об азарте поисков и обнаружения все новых следов жизней, затерянных во времени. Я не говорю об удовольствии, которое получаешь, когда из крохотных осколков и обрывков собирается узнаваемая, хотя и не совсем полная картина. Случай Ваша и Чернея — часть истории формирования чиновничества в раннее Новое время, до сих пор слабо изученной как в целом, так и в частности. Венгерское же чиновничество в XVI–XVII вв. формировалось в особых условиях: включения Венгерского королевства в состав владений

¹ Его имя современники писали по-разному: Cherney, Chernej, Csernej, Czernej, Черней etc.

² Wien. Hofkammerarchiv, Hoffinanz Ungarn. Rote, № 204. Februar. Fol. 162–162 v. (Далее — HF Ung.).

³ Magyar Országos Levéltár (далее — MOL).

⁴ MOL Camera Hungarica (Magyar Kamara, МК) и соответственно Camera Scepusiensis (Szepesi Kamara, или немецкое название «Kammer in Zips, Zipser Kammer» (далее — SzK). Архивы обоих казначейств собраны в секции — «Е» (далее — MOL E). За общей сигнатурой следует цифра, обозначающая номер фонда, входящего в архив (например, MOL E 21. Benigne Resolutiones, т. е., Королевские резолюции), за ней идет номер связки документов (csomó, например: 2. cs.), затем номер самого документа и листа (два последних не всегда).

⁵ В Венгерском национальном архиве семейные архивы собраны в секциях «Р» и «R».

австрийских Габсбургов, которые — начиная с Фердинанда I — стремились создать из своих пестрых владений унитарное государство с единой для всех частей системой управления, строго подчиненной центру. В своей деятельности Габсбурги сталкивались с серьезными трудностями, обусловленными существованием в подвластных им землях давно сложившейся государственности с устойчивыми местными традициями и особенностями¹.

Всплывший из «исторического забвения» эпизод и найденный к нему материал источников позволяет поставить ряд вопросов, ответы на которые помогут воссоздать «социальный портрет» служащего Венгерского казначейства в середине XVII в. и, кроме того, выяснить, можно ли его назвать чиновником в современном смысле слова. Второй блок вопросов связан с реконструкцией механизма функционирования государственной административной машины. Их изучение может пролить свет на характер взаимоотношений центральных государственных учреждений в Вене и Венгрии.

* * *

Дело о замещении вакантной должности в Сепешском казначействе началось как обычно и пошло по уже десятилетиями отработанному, строго регламентированному пути. В октябре 1658 г. Мартон Ваш подал прошение на имя короля Леопольда I о том, чтобы ему предоставили освободившееся после смерти Имре Мошдошши² место советника в Сепешском казначействе. Как же на разных этапах конкурса вырабатывалось решение? Каким образом участвовали в нем соответствующие венские и венгерские учреждения? Всегда ли обмен мнениями между ними протекал гладко, а если возникали разногласия, то в связи с чем?

Дело в том, что Венгерское и Сепешское казначейства не могли самостоятельно, без согласия Вены решать кадровые вопросы: назначения, жалованье персонала и т. д. Прощения и донесения со стороны венгерских казначейств и отдельных лиц подавались на имя короля, решения в свою очередь выносились от имени короля. За подобным протоколом скрывались очень непростые отношения венгерских финансовых органов с центральными учреждениями в Вене, прежде всего с Придворной казначейской палатой.

¹ Общую характеристику отношений, сложившихся между Веной и венгерским дворянством к XVII в., см.: *Pálffy G. A bécsi udvar és a magyar rendek a 16. században // Történelmi Szemle. XLI. évf. 3–4. sz. 331–367.*

² Судя по сохранившемуся дневнику Сепешской палаты, советник Имре Мошдошши умер 19 октября 1658 г. (MOL E 240. Protokolla et diaria consilii. 1. cs. 1658, okt. 19).

С одной стороны, венгерские сословия настаивали на независимости от Вены центральных учреждений Венгерского королевства, в частности казначейства, и его равном с Придворной палатой статусе. В решениях Государственного собрания 1608 г. в соответствии с духом статей Венского мира 1606 г. венгерскими сословиями акцентировалась эта позиция Венгерского казначейства: «...Постановляется, что [оно] не имеет никакой зависимости от Придворной, или Австрийской палаты»¹. В XVII в. Государственные собрания неоднократно повторяли в своих решениях этот принцип². С другой стороны, подобные требования оставались на бумаге. Причина этого заключалась в том, что Венгрия своими собственными силами была не в состоянии защитить себя от османов и была вынуждена прибегать к военной и финансовой помощи Габсбургов. Поэтому венгерские сословия позволили Габсбургам вмешиваться во внутренние дела королевства и «поручили» королю (точнее, придворным учреждениям) заниматься этими вопросами. Похоже, венгры смирились с подобным положением дел, но, как и во многих других сферах жизни, упорно держалась за форму. Обращения подавались на имя Его Величества, но адресовались Придворному казначейству. Решения принимались наверху, в Придворном казначействе, но за подписью короля.

Вся эта процедура повторилась в случае с Имре Вашем. В соответствии с правилами свое прошение он подкрепил двумя такими рекомендациями, с которыми вполне мог рассчитывать на благосклонность Придворного казначейства. Одно из рекомендательных писем исходило от первого должностного лица государства — надора Ференца Вешшелени, другое — от примаса венгерской церкви, верховного канцлера королевства, эстергомского архиепископа Дьёрдя Липпай.

Хотя судьбу таких прошений и определяло Придворное казначейство, при выработке его решений мнение венгерских финансовых органов (в лице их советников) обычно учитывалось, поскольку там лучше ориентировались в местной обстановке и лучше знали местные кадры. Так, при назначении на должности в казначейства или подчиненные им структуры (например, в таможни) Венгерское казначейство по указанию из Вены всегда представляло свое мнение. Если речь шла о кандидатуре для Сепешского казначейства, то из Пожони в Кашшу пересылался запрос Придворного казначейства, а ответ поступал через все инстанции в обратном порядке. Подобные запросы в большом количестве представлены в Архиве Придворного

¹ «...neque a cameris aulica, vel Austriaca, ullam plane dependentiam habeat, decretum est». CJH. Vol. 3. 1608/5. P. 12.

² CJH. Vol. 3. 1609/21; 1618/15; 1622/18; 1655/11.

казначейства в Вене. И так, в соответствии с установленным порядком Придворное казначейство запросило мнение венгерских финансовых органов в Пожони и Кашше о кандидатуре Ваша¹. И поскольку в Вене никто не сомневался в ответе, уже готовилось от имени Леопольда I решение о назначении нового советника Сепешского казначейства.

Но вскоре в этом простом и уже решенном деле появились осложнения. Ответ коллег из Венгерского казначейства немного озадачил венских чиновников². Действительно, те сообщали, что хотя и поддерживают кандидатуру Ваша «из-за хорошей репутации в тех краях и прекрасных рекомендаций», тем не менее «хорошо и со всех сторон не знают подателя прошения»³.

То обстоятельство, что Мартон Ваш не был хорошо известен в чиновничьих кругах, возможно, не смутило бы тех, от кого зависело решение, тем более что венгерские коллеги в принципе не возражали. Но возникло новое осложнение: объявился еще один претендент на должность — Пал Черней, судейский чиновник из аппарата государственного судьи. Промение Чернея вместе с рекомендацией государственного судьи Ференца Надашди было приложено к письму, присланному в Пожонь из Вены⁴. Можно предположить, что в связи с произошедшим венские чиновники оказались в щекотливом положении. Ведь ни для кого не было секретом, что между двумя первыми сановниками Венгерского королевства: надором Ференцем Вешшелени и государственным судьей Ференцем Надашди в этот период сложились весьма напряженные отношения⁵. Советники Придворного казначейства писали, что не понимают, почему второе прошение вместе с сопроводительными бумагами опоздало, и намекали на то, что подозревают за этим предубежденность соответствующих венгерских инстанций⁶. Действительно, Пал Черней не один раз штурмовал Вену своими прошениями. В венском Казначейском архиве

---

¹ Я не нашла запроса Придворного казначейства, но свидетельство о том, что он поступил куда следует, содержится в ответах соответствующих венгерских инстанций (HF Ung. Rote № 204. Fol. 164–164 v. 28, okt. 1658).

² Об этом говорится в письме Придворного казначейства к венгерским коллегам (MOL E 249. *Benigna mandata*. 52. cs. Fol. 274).

³ «...quod ei dicti applicantis persona non omni ex parte nota esset...» (HF Ung. Rote 159. Fol. 164).

⁴ Из двух документов, приложенных к письму, сохранилось лишь прошение Пала Чернея (MOL E 249. *Benigna mandata*. 52. cs. Fol. 274).

⁵ *Pauler Gy. Wesselényi Ferenc nádor és társai összeesküvése 1664–1671. Bp., 1876. 32. old.*

⁶ «...si quidem ipsa ex defectu notitiae personarum innuit...» (MOL E 249. *Benigna mandata*. 52. cs. Fol. 274).

сохранилось два прошения Чернея¹; еще одно я нашла в Венгерском национальном архиве. К сожалению, эти документы не датированы, поэтому нельзя установить, когда Пал Черней включился в конкурс. Странная ситуация возникла также и вокруг четырех рекомендательных писем, представленных им. Судя по дате, только одно из них — надора — было подано своевременно², прочие — значительно позже (даже 18 декабря)³. Создается впечатление, что их собрали в большой спешке и с опозданием отослали ко двору.

Итак, факты свидетельствуют о том, что каким бы рутинным на первый взгляд ни казалось рассматриваемое дело, оно не было таким: двое кандидатов на одну должность, запутанные и не совсем ясные обстоятельства, разноречивые мнения и т. д. По этой причине Придворное казначейство предписало нижестоящему венгерскому учреждению разобраться в деле и после этого надлежащим образом высказаться по поводу обоих заявителей в соответствии с их достоинствами. Более того, некоторым образом раздосадованные непредвиденным оборотом дела, венские советники не исключали возможности того, что появятся и другие претенденты на место⁴. 10 ноября Пожоньское казначейство в срочном порядке (с припиской «cito!») запросило мнение коллег из Кашши о Ваше и Чернее⁵; и уже 19 ноября Сепешское казначейство (в лице оставшегося там единственного советника Михая Подбелани) высказалось в пользу Мартона Ваша. 10 декабря оно подтвердило свое мнение и оповестило об этом Пала Чернея⁶.

Посмотрим же, какие факторы оказали влияние на выработку позиции Придворного казначейства в вопросе о назначении Чернея и Ваша? Какую роль сыграли в этом их социальное происхождение, профессиональная подготовка и знания, родственные связи, религиозная принадлежность, политическая ориентация? В каких условиях работал чиновник казначейства: жил за счет жалованья или имел другие источники доходов? Была ли служба в казначействе единственной для чиновника или он мог совмещать ее с другими должностями? Должен ли он был регулярно ходить на службу или не было необходимости в его постоянном присутствии в учреждении? Наконец, где и в каких условиях он жил: обязательно ли было для чиновника иметь жилье по месту работы?

¹ HF Ung. Rote 159. Fol. 167, 168.

² HF Ung. Rote 159. Fol. 166.

³ Ibid. Fol. 170, 171, 172.

⁴ MOL E 249 Benigna mandata. 52. cs. Fol. 274.

⁵ MOL E 250 Litterae Camarae Posoniensis et aliorum. 28. cs. Fol. 145.

⁶ MOL E 240 Protocolla et diaria consilii. 1658, dec. 10.

* * *

Несмотря на то что осенью 1658 г. на место советника в Сепешском казначействе претендовали двое, нельзя сказать, что было легко заполнить возникшую вакансию. Прежде всего, конкурсант должен был отвечать двум основным условиям: принадлежать к дворянскому сословию и иметь дворянскую собственность. Оба — и Мартон Ваш, и Пал Черней — происходили из дворянских семей. Скорее всего, и тот и другой принадлежали к новому поколению послемохацкого дворянства. В то же время в их судьбах прослеживаются два главных пути, по которому шло развитие этого сословия в новый период венгерской истории.

Основы состояния семьи Пала Чернея заложил его отец, Андраш Черней. Из документов семейного архива, в настоящее время хранящихся в Венгерском национальном архиве¹, известно, что он отличился и в учебе, когда учился в школе конвента в Лелесе, и как воин, сражаясь во многих местах против турок, за что в 1596 г. вместе со своим братом Имре получил от лелесского препоста земельный надел и дом на главной улице Лелеса². Он, по-видимому, там он и остался служить, так как в 1609 г. архивисты конвента называют его своим товарищем³. В Лелесе Андраш нашел себе жену (Шарольту Хиллбеи), там находились его более чем скромные владения, там он и умер не позднее 1634 г.⁴ Мы не знаем, имел ли наш архивариус другие земельные владения, ибо дом и земельный надел в Лелесе могли быть пожалованы ему для того, чтобы он имел возможность проживать непосредственно по месту несения службы. Как бы то ни было, его сын Пал уже принадлежал к слою владетельных дворян (*nobilis possessionatus*). Он немного прирастил владения, доставшиеся от отца. Женившись на Анне Шегньеи, Пал приобрел небольшое поместье в Кирайхельмеце (комитат Земплен) и земли в его окрестностях. В 1658 г. за примерную службу король пожаловал Чернею небольшую дворянскую курию в комитате Земплен и некоторое количество крестьян⁵. Крестьян Черней получал не один раз: в 1658 г. один из советников Сепешского

¹ Сигнатура семейного архива Чернеев в Венгерском национальном архиве: MOL R 318 Cserney család iratai (далее — MOL R 319 Cserney cs.).

² MOL R 319 Cserney cs. 1596.

³ Ibid. 1609.

⁴ MOL O 66 Curiai levéltár. Konventi levéltárák ellenchusai. Lelesz. Köt. 32. P. 200.

⁵ Ему достались владения вымершего дворянского рода Эгри-Ванцод: дворянская курия в Надьроздав, а также крестьяне из Киштаркань и Верешфалу (MOL A 57 Libri regii 12. köt. 94–95. old.).

казначейства оставил ему по завещанию 2 крестьян в комитате Берег¹. В 1662 г. Леопольд I обещал протонотарию Палу Чернею пожаловать 25 крестьян. Тем не менее можно предположить, что материальное положение Пала Чернея оставляло желать лучшего, ибо в противном случае он не искал бы всю жизнь доходного местечка на государственной службе для себя и своего сына Иштвана².

Дед Мартона Сигети Ваша, Антал Ваш в 1548 г. был возведен Фердинандом I в дворянское достоинство армальной грамотой, то есть без земельного пожалования³. В ту пору «свежий» дворянин имел в собственности только унаследованные от отца дом и мельницу⁴. Уже Анталу и его детям удалось значительно приумножить имущество семьи и утвердиться среди владетельного дворянства⁵. Их владения были разбросаны в комитатах Марамарош, Берег, Земплен⁶. Сам Мартон на протяжении жизни усердно собирал недвижимость⁷. Он умер в 1667 г. Из завещания покойного выясняется, что он оставил своей жене немалое состояние: несколько домов, курий, поместий и отдельных виноградников, разбросанных по разных комитатам королевства⁸. Большую часть имущества по причине отсутствия детей Мартон завещал племяннику и его сыну, а также католической церкви (иезуитам и францисканцам в Кашше)⁹. Тем не менее Ваш испытывал немалые материальные затруднения. Из того же завещания мы узнаем, что третья (и последняя) жена Ваша, выйдя замуж, заплатила за мужа долг в 1000 форинтов¹⁰. Более того, Мартон высказывал надежду на то, что король простит ему долг в 1000 форинтов (кредит, который

¹Ibid. 10. köt. 1658, okt. 3.).

²MOL E 254. Szepesi Kamara regisztraturája. 48. cs. 1667, január. Fol. 73.

³*Kempelen B.* Magyar nemesi családok. XI. köt. Bp., 1932. 38. old.

⁴*Komáromi A.* Szigeti Vass család // Nagy Iván családtörténeti értesítő czimekkel és leszármazási táblákkal. 1. köt. 1899-ik évi folyam. 228. old.

⁵Одно время Антал был вице-ишпаном комитата Берег. По закону, вице-ишпаны избирались из числа владетельных дворян комитата. Кроме того, при утверждении в должности советника казначейства Мартон Ваш должен был информировать казначейство о состоянии своего имущества в комитате Берег (MOL E 23. Litterae camerae Scepusiensis. 4. cs. Fol. 222–225).

⁶Это были владения в Гулаче, Бадале, Чеке, Угорнье, Хете, Нирешфалве, Филешде, Хидегпатак (Komáromi A. 232. old.)

⁷В 1666 г. с разрешения короля он получил земли и курию вымершего рода Боржошовой (SIPOS ZS. *Borzsova monographiája*. Beregszász, 1911. 283. old.).

⁸Среди прочего в завещании перечислены дом в Кошице, курия в Оваре, владение в Самошкезе, имение деда в Гулаче, а также разбросанные по разным местам виноградники. ([Komáromi A.] Szigethi Vass Mártonnak, a Szepesi Kamara tanácsosának végrendelete (Далее — Szigethi Vass Márton... végrendelete))//Történelmi Tár. Új folyam. 1901-dik évfolyam, Bp., 1901. 456. old.).

⁹Ibid. 458–460. old.

¹⁰Ibid. 456. old.

он взял у Сепешского казначейства) на том основании, что Мартон уже давно и с лихвой отработал его¹. Остались невыплаченными и те долги разным лицам, которые Мартон сделал при строительстве своего дома в Кашше: их также унаследовала вдова².

Обладание дворянской собственностью служило не только подтверждением дворянского статуса. Советники и кассиры (*perceptores*) казначейства в соответствии с законами королевства отвечали своим имуществом за денежные поступления и операции, которыми занималось их ведомство. Эта ответственность тяжелым грузом ложилась на них. Так, в мае 1636 г. префект и советники Венгерского казначейства торопили Придворное казначейство с утверждением в должности кассира Яноша Кечкеша и грозили тем, что в случае проволочек откажутся отвечать собственным имуществом, если в королевских доходах обнаружится недостача³. Может быть, Мартон Ваш умышленно не торопился предоставить казначейству сведения о размерах и составе своего недвижимого имущества после того, как уже был принят в казначейство, но еще не был утвержден в должности (*installatio*)⁴.

Таким образом, сравнивая имущественное положение «благородных и владетельных» (*«egregii et bene possessionati»*) Мартона Ваша и Пала Чернея, мы можем заметить, что ни у того, ни у другого не было принципиальных преимуществ в «стартовых позициях» для участия в конкурсе, несмотря на то, что Ваш был зажиточнее своего соперника.

Следующее, также общее и обязательное условие при приеме в казначействе связывалось с конфессиональной принадлежностью конкурсанта. Согласно 9-й и 10-й статьям Венского мира 1606 г., в Венгерском королевстве при приеме на государственную службу вероисповедание не принималось в расчет: католики и протестанты должны были находиться в равных условиях⁵. Однако из законов, принятых на Государственном собрании 1608 г., этот пункт уже исчез. Венские власти хотели видеть в центральных учреждениях Венгерского королевства только католиков. В рассматривавшихся в 30–40-х гг. XVII в. Придворной казначейской палатой конкурсных делах фигурируют только католики, несмотря на то, что в это время

¹ Ibid. 462. old.

² Ibid. 456. old.

³ HF Ung. Rote 153. 1636. Majus. Fol. 153.

⁴ Советник Сепешского казначейства Михай Подбеллани категорически возражал против того, чтобы Ваш был утвержден в должности, прежде чем не предоставит точной и полной информации о своем имуществе (MOL E 23 Litterae camerae scepusiensis. 4. cs. Fol. 222–225).

⁵ CJH. Vol. 2. 1606/9, 10.

значительная часть венгерского дворянства — особенно в Верхней Венгрии — еще сохраняла приверженность к протестантской вере. Действительно, когда в 1636 г. советники Венгерского казначейства защищали перед Веной Михая Майтени в качестве кандидата на пост директора Сепешского казначейства¹, они ссылались на то, что в Верхней Венгрии трудно найти человека для казначейства, в том числе и по причине религиозной дискриминации со стороны двора². Пал Черней, решив в 1666 г. оставить занимаемую им должность протонотария в аппарате государственного судьи, не мог найти себе замену. Он писал в связи с этим своему патрону, государственному судье Ференцу Надашди: «Здесь, в этих краях, я не очень-то могу найти подходящего человека, католика на должность протонотария»³. Среди служащих Сепешского казначейства протестанты упоминаются в документах только тогда, когда Верхняя Венгрия вместе с Кашшей и казначейством попала в руки трансильванского князя. В Трансильвании же того времени, как известно, признавались и католичество, и протестантизм разного толка.

Возвращаясь же к Мартону Вашу и Палу Чернею, мы можем констатировать, что они отвечали и этому условию: оба были католиками. Чернея рекомендовали Вене как «*benemeritus, bonus catholicus*»⁴. О Ваше также сказано в рекомендации: «*zelosus catholicus*»⁵.

Непременным условием приема на государственную службу была лояльность по отношению к правящей династии. Повторяющийся в рекомендательных письмах и представлявших казначейством характеристиках на кандидатов такие формулировки как: «верный Вашему Величеству» нельзя принимать за обычную дань протоколу. В период обострения борьбы между австрийскими Габсбургами и сословиями Венгерского королевства, поддерживаемыми из Трансильвании, от служащих государственных учреждений как никогда требовалась преданность правящей династии. Таких людей также непросто было найти особенно в Верхней Венгрии, дворянство которой прославилось своей враждебностью по отношению к Вене. Ни Черней, ни Ваш не запятнали себя порочащими связями с недругами короля, в чем поручались за них все, кто их рекомендовал.

Посмотрим, какими профессиональными качествами обладали претендующие на должность казначейского советника венгерские дворяне.

¹ В эти годы Сепешское казначейство возглавлял директор.

² HF Ung. Rote 153. 1636. Majus. Fol. 153.

³ Письмо Пала Чернея Ференцу Надашди от 30.06.1666 г. (MOL E 185 Archivum familiae Nádasdy. 1666. Fol. 4.).

⁴ HF Ung. Rote 159. Fol. 56. 26. Okt. 1658.

⁵ Ibid. Fol. 164–164 v. 28. Okt. 1658.

Род Вашей был хорошо известен в комитате Берег. За его основателем Анталом Вашем закрепилось прозвище «*litteratus*»¹, что означало, во-первых, его образованность и, во-вторых, причастность к нотариальной или канцелярской службе. В первой половине XVII в. члены семейства играли заметную роль в местной, комитатской администрации: в их семье были вице-ишпаны², королевские представители³, судебные заседатели⁴. Сам Мартон Ваш был образованным человеком, адвокатом (*procurator*), занимался частной адвокатской практикой⁵. Правда, не удалось найти сведений о том, где и какого рода образование он получил. Во всяком случае, упоминаний о нем нет в матрикулах Венского, Краковского, Оломоуцкого, Надьсомбатского (Тренченского) университетов, которые чаще других посещали в то время молодые дворяне-католики из Венгрии. Чаще всего представители этого слоя комитатского дворянства учились на родине: в гимназиях или коллегиях протестантской или католической направленности. Ко времени участия в конкурсе Мартон являлся вице-ишпаном комитата Берег⁶. Он и раньше занимал посты в органах местного дворянского самоуправления: так, в 1642 г. упоминается как судебный заседатель⁷.

Из этой мозаики фактов вырисовывается портрет владетельного комитатского дворянина, о котором можно сказать, что он имел опыт в административных делах. Он был далеко не последним человеком в жизни дворянского комитата на северо-восточной окраине Венгерского королевства. Сам по себе этот комитат и его дворянство не играли такой важной роли в политической жизни королевства, как западные (Пожонь, Ваш, Шопрон и др.) или северные (Земплен, Абауй, Шарошпатак и др.). И то обстоятельство, что Мартон Ваш, будучи вице-ишпаном, ни разу не присутствовал в качестве депутата от своего комитата на Государственных собраниях⁸, может свидетельствовать не только о степени политической активности самого Ваша,

¹ *Komáromi A. Szigeti Vass család* . 228. old.

² В 1625 г. Габор Ваш (*Lehoczky T. Beregmegeye monográphiája*. Ungvárott, 1881. 358. old.).

³ В 1650–1656 Дьёрдь Ваш (*Ibid.* 382. old.).

⁴ В 1625 Дьёрдь Ваш, в 1630 Габор Ваш (*Ibid.* 391. old.).

⁵ *Komáromi A.* 232. old.

⁶ В этой должности он упоминается в документах в 1651, 1652 и 1653 гг. (По сведениям, приводимым Т. Лехоцки, он занимал этот пост до 1658 г. (*Lehoczky T. Beregmegeye monográphiája*. 358. old.).

⁷ *Ibid.* 391. old.

⁸ Об этом я могу судить на том основании, что, просмотрев все доступные дневники и документы, касающиеся Государственных собраний 50–60-х гг. XVII в., я ни разу не встретила упоминаний о Мартоне Ваше в каком бы то ни было качестве.

но и подчеркивает положение комитата в целом. С другой стороны, как мы увидим дальше, в определенных условиях комитат, а вместе с ним и его дворянство, мог вдруг приобрести выдающееся значение для страны и короны. Таким образом, Мартона Ваша мы можем в полной мере отнести к комитатскому дворянству, живущему местными интересами, в кругу представлений своего сословия.

Пал Черный относился к «дворянской интеллигенции», то есть той ее части, которая, получив хорошее образование, служила в различных государственных структурах. «Грамотеем» был уже отец Пала — дворянин Андраш Черней, получивший образование и проработавший всю жизнь архивистом. Другими словами, отец Пала принадлежал скорее к образованному чиновному, нежели комитатскому, дворянству, хотя мечом владел, очевидно, не хуже, чем пером. Сам Пал пошел дальше отца по «ученой стезе»: в Венском университете (куда записался в 1630 г.) он получил юридическое образование и степень магистра¹. Вернувшись домой, Пал со временем обратился к юридической практике. Как и многие дворяне-современники, Пал Черней начал свою карьеру в органах местного дворянского самоуправления. В 1649 г. мы встречаем его в качестве нотариуса дворянского комитата Земплен в Верхней Венгрии².

Следует отметить, что должность нотариуса стояла особняком от других должностей в системе комитатского самоуправления, поскольку требовала от ее носителя не просто грамотности и знания латыни, но специальных юридических знаний, в частности нотариального дела. Из-за дефицита таких кадров комитатские нотариусы высоко ценились, их приглашали в разные комитаты. Известны случаи, когда они совмещали работу в одном-двух комитатах одновременно. Еще в начале XVII в. нотариусы не избирались на комитатских дворянских собраниях, а «нанимались» ими на определенный срок. Их особое положение подчеркивалось также и тем, что за свой труд они получали жалованье, а не вознаграждение, как другие управленцы-дворяне, исполнение административных обязанностей которыми обществом расценивалось как почетный долг перед своим сословием. На этом основании нотариусы даже не причислялись к комитатской дворянской общине³. Правда, к середине XVII в. эти особенности статуса нотариусов уже не выступали так отчетливо, как в XVI — начале XVII в., и они

¹ Matrikel Universitatis Viennensis. Vol. IV, parte 1. P. 142.

² MOL Filmtár 3535. doboz. Zemplén megye jegyzőkönyve. 8. köt. Fol. 21.

³ Подробнее об этом см.: *Гусарова Т. П.* Административный аппарат дворянских комитатов в Венгрии в первой половине XVII века // Центральная Европа в новое и новейшее время (Сборник к 70-летию Т. М. Исламова) / Отв. ред. А. С. Стыкалин, М., 1998. С. 24–30.

практически растворились в дворянской общине. Однако профессиональные знания, круг обязанностей по-прежнему выделяли эту категорию комитатских управленцев. Таким образом, даже работая в сословной дворянской — комитатской — администрации, нотариий Пал Черней стоял в определенной мере особняком, будучи в большей степени, чем другие «собратья по сословию» в комитате, чиновником, представителем «дворянства мантии».

Не случайно уже в 1650 г. Черней связал свою жизнь с государственной службой, став прокурором Сепешского казначейства¹, правда, сохранив за собой место нотариия в Земплене. Этот первый опыт работы в казначействе не был продолжительным и, очевидно, не удовлетворил Пала, так как вскоре (в 1653 г.) он стал искать другую службу в фиске. У одного влиятельного в официальных кругах человека, советника Венгерского казначейства², он попросил помощи в получении места таможенника по сбору таможенной пошлины (тридцатины)³ в Токае⁴. Эта «заявка» многое объясняет в поведении и намерениях Пала Чернея: он тянулся к доходному месту. В то время как должность прокурора не была напрямую связана с деньгами, через таможенные службы проходили огромные денежные потоки, которые с трудом отслеживались центральными финансовыми органами. Что же касается таможни в Токае, то здесь доходы фиска были особенно большими, ибо в Токае производились знаменитые вина, в большом количестве продававшиеся за границу. Однако Черней не получил желанного места.

После 1655 г. Пал Черней значительно продвинулся по служебной лестнице, попав в аппарат государственного судьи Ференца Надашди в качестве протонотария (*Protonotarius ad Tabulam regiam judicariam Officii Judicatus Curiae Regiae*). Судебная палата, действовавшая при государственном судье, занималась делами, присланными из комитатских дворянских судов⁵. Этот успех Чернея стал возможным благодаря тому, что на Государственном собрании 1655 г. сословия постановили, что протонотарий государственного судьи должен постоянно проживать в Верхней Венгрии и быть владельцем дворянином⁶. Выбор государственного судьи Ференца Надашди пал на

¹ MOL E 23 Litterae ad Cameram Scepusiensis. 3. cs. Fol. 167–169.

² Речь идет об Иштване Асалаи, который в 40-е гг. занимал, как и Пал Черней позже, должность протонотария при государственном судье.

³ Тридцатина — пошлина на экспортные товары.

⁴ MOL E 168 Aszalay István kamarai tanácsos iratai. 1. tétel. 138. szám.

⁵ Magyar történelmi fogalomtár /Szerk. Bán P. I. köt. Bp., 1989. 249. old.

⁶ *CJH. Vol. 3. 1655/23*. Это решение было принято под давлением дворянства верхневенгерских комитатов. Оно отличалось своими оппозиционными настроениями по отношению к Вене и тесными связями с трансильванскими князьями, поддерживавшими эти настроения.

земпленского¹ дворянина и землевладельца, юриста и комитатского нотариуса Пала Чернея. С этого времени² вплоть до 1662 г. он совмещал обе должности. По долгу службы протонотарий постоянно разъезжал по всей Верхней Венгрии и, конечно, был прекрасно осведомлен о состоянии дел в этих краях. Связей с комитатским дворянством Пал Черней не порывал никогда: в протоколах дворянских собраний комитата Земплен от 1666–1667 гг. он упоминается как председатель дворянского комитатского суда³.

Таким образом, сравнивая профессиональный опыт и подготовку обоих кандидатов, нельзя однозначно говорить о преимуществе одного перед другим, хотя на первый взгляд Пал Черней больше подходил для предстоящей службы в казначействе. Во-первых, он получил университетское образование. Во-вторых, служба чиновника в государственном аппарате была знакома ему не понаслышке, в то время как Ваш до тех пор имел опыт работы только в органах местного дворянского самоуправления. Рекомендовавшие Пала Чернея лица в первую очередь подчеркивали опыт и знания, накопленные им на службе в аппарате государственного судьи⁴. В-третьих, Пал Черней не был чужим человеком и в Сепешском казначействе, ибо уже успел поработать там в качестве прокурора, что дало ему и опыт и, конечно, знакомства. О Васе же, как упоминалось, советники казначейства ничего сказать не могли, ибо не знали его. Эту ситуацию нельзя назвать типичной в истории Венгерского и Сепешского казначейств. Наоборот, в документах часто встречаются случаи, когда один чиновник на протяжении нескольких лет делает карьеру в казначействе, упорно продвигаясь вверх по служебной лестнице. Более того, отцы тянули за собой детей, дяди племянников и т. д. Складывались целые династии служащих казначейства⁵. Таким образом, в этом вопросе позиции Чернея казались более весомыми, чем у Васы. С другой стороны, Мартон

---

¹ Земплен — в XVII в. один из тринадцати комитатов Верхней Венгрии, в отдельные периоды отходивших к Трансильвании.

² Собственно, первое упоминание о Чернее в качестве протонотария Надажди относится к 1657 г. Я нашла его в бумагах семейного архива Холло, хранящемся в коллекции в Венгерском национальном фонде малых семейных архивов (секция Р).

³ MOL Filmtár 3539. doboz. Zemplén megye közgyűlési jegyzőkönyve. 9. köt.

⁴ HF Ung. Rote 204. Fol. 166, 170, 171, 172.

⁵ Очень ярким примером этого может послужить Имре Эбецкий, служивший в Венгерском казначействе в первой половине XVII в. «Дорожку проложил» в казначейство еще отец Имре, а сам он прошел путь от писаря до советника. См. также об этом: *Goussarova T., Gecseényi L. A Szepesi Kamara vezető tisztviselői 1646–1672 között // Századok. 2003. 2. sz.*

Ваш мог лучше ориентироваться в местной обстановке, так как знал жизнь комитатского дворянства на самом близком расстоянии, долгое время выполняя обязанности вице-ишпана.

Итак, пока Черней и Ваш идут в конкурсе с равным или с почти равным «счетом», обратимся к другим факторам в этом «поединке». Придворное казначейство предупреждало венгерских советников, что при рассмотрении кандидатур во внимание должен приниматься не только «вес» рекомендаций, но также профессиональные качества претендентов и *прочие обстоятельства*¹.

Действительно, среди «прочих обстоятельств» обнаружилось такое, которое резко повысило шансы Мартона Ваша. Высказывая свое мнение о кандидатах, советники Сепешского, а за ним и Венгерского казначейства писали, что хотя оба претендента обладают одинаковыми достоинствами, у Ваша есть преимущество: он уже владел имуществом в Кашше и собирался приобрести там дом². На это обстоятельство обратили внимание также и в Пожони. Оно, конечно, выдвигало вперед Ваша.

Такое учреждение, как казначейство, действовало на постоянной основе, поэтому требовалось постоянное присутствие служащих на месте. Не только низшие служащие, но и советники должны были каждый день появляться на службе. По правилам советники и префект должны были собираться на заседания несколько раз в неделю, а по необходимости — дважды в день. Инструкции, присылавшиеся сверху в Сепешское казначейство на протяжении XVII в., предписывали, чтобы один из двух советников неотлучно находился в Кашше³. О некоторых советниках известно, что они владели домами в Кашше, например, современники и коллеги Ваша Имре Мошдошши⁴, Миклош Белавари⁵ и другие. Однако это условие в XVII в. еще не стало правилом, немало было и таких советников казначейств в Пожони и Кашше, которые жили в своих поместьях и приезжали на службу в город. Среди прошений, поданных в Придворное казначейство, встречаются и такие, в которых служащие соответствующих учреждений

¹ MOL E 249 Benigna mandata. 52. cs. Fol. 274.

² «...jam hic quoque ad Cassoviam bona comparando et domum de regione domus cameralis emendo, sese pro residentiam accomodaverit». (HF Ung. Rote 204. Fol. 174.).

³ *Ember Gy.* Az újkori magyar közigazgatás. 179. old.

⁴ Так, Имре Мошдошши, первый советник Сепешского казначейства, в 50-е гг. XVII в. владел в Кашше большим домом, где и умер (*Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara...* 197. old.).

⁵ Кассир (в 1655 г.) и советник (с 1661 г.) Сепешского казначейства Миклош Белавари в 1650 г. упоминался среди домовладельцев Кашши (*Ibid.* 198. old.).

в Венгрии просят оказать им денежную поддержку для приобретения владений близ Пожони или Кашши. Нередко просят о повышении жалованья, чтобы покрыть расходы на содержание городского жилья¹. Дом в Кашше дорого обошелся также и Мартону Вашу. Имевшаяся у него квартира была тесна, поэтому незадолго до смерти (в 1667 г.) Ваш приобрел дом за очень крупную сумму — 2250 форинтов, уплатив при покупке наличными 800 форинтов². Долг он так и не выплатил до самой смерти. «Из-за жилья в Кашше, вернее, из-за связанных с ним неприятностей, я очень сильно поиздержался», — писал Ваш в завещании³. Как бы то ни было, имевшееся в Кашше жилье сыграло роль в вопросе о назначении Ваша. Надо сказать, что, заняв пост советника Сепешского казначейства, Мартон Ваш тем не менее, в основном жил в своем поместье в Гулаче. Большинство его писем, написанных в этот период, имеют пометку «из Гулача».

Свою роль в выборе кандидатур сыграли и личности тех, кто их рекомендовал. На самом деле, соперники нашли более чем вескую поддержку. Пал Черней представил целых четыре рекомендации: от государственного судьи Ференца Надашди, Дьёрдя Хоммонаи (наследственного ишпана комитата Унг, ставшего в следующем, 1660 г. главнокомандующим войск Верхней Венгрии), Ференца Шомодьи (лелесского капеллана) и Ференца Шеньеи (капитана крепости Калло). Эти люди были хорошо известны при венском дворе, так как занимали высокие посты в разных сферах. Тем не менее состав рекомендовавших Чернея лиц выглядит весьма пестро и, конечно же, менее внушительно, чем рекомендатели Ваша: надор Ференц Вешшелени и эстергомский архиепископ Дьёрдь Липпаи. Сравнивая обоих кандидатов, советник Сепешского казначейства Михай Подбелани, отмечал, что «рекомендации Ваша перевешивают»⁴.

Как случилось, что, казалось бы, рядовой комитатский вице-ишпан заручился поддержкой первых лиц Венгерского королевства? Из завещания Ваша выясняется, что с надором его связывали не только официальные отношения. Их владения соседствовали друг с другом в Тарцале; там же Ваш купил у Вешшелени два виноградника.

¹ Так, один из ведущих служащих Пожоньского казначейства Берталан Майтени в 1636 г. просил у Придворного казначейства кредит на приобретение дома в окрестностях Пожони для того, чтобы иметь возможность своевременно и должным образом выполнять служебные обязанности в казначействе. Майтени объяснял, что его нынешнее жилье находится далеко от Пожони — на расстоянии 18 миль. В Пожони же он не может поселиться и содержать семью на свое жалованье (HF Ung. Rote 153. Fasc. 2. Fol. 152.).

² MOL P 1986 Holló család levéltára. 1667.

³ Szigheti Vass Márton... végrendelete. 457. old.

⁴ MOL E 23 Litterae Camerae Scepusiensis. Nr. 13. Fol. 174–174v.

В завещании Ваш просит надора и его жену Анну Марию Сечи при необходимости позаботиться о своей жене, когда она останется вдовой¹. Среди тех, чьим заботам Мартон поручал свою супругу, в завещании также значились эгерский епископ и командующий войсками Кашши², что свидетельствует о высоких связях вице-ишпана из Берега. Личные связи, основанные на родстве, принадлежности к вассалам или сервиторам того или иного магната, безусловно, играли большую роль в то время. В Венгрии же в связи с турецкими войнами отношения сеньориально-вассального характера переживали в XVI–XVII вв. последний расцвет. Не исключено, что Ваш входил в число сервиторов Ференца Вешшелени, хотя документальных подтверждений этого я не нашел.

В то же время можно предположить и другие причины, по которым кандидатуру Мартона Ваша поддержали первые лица королевства и в конечном счете выбрали при дворе: это — причины политического характера. Вся жизнь Ваш прожил в комитате Берег и многие годы участвовал в работе органов дворянского самоуправления в этом комитате. Обычно незаметный комитат Берег, расположенный в верхнем течении Тисы в непосредственной близости от границ Трансильвании приобрел значение в разгар трансильванских событий 1657–1658 гг. и готовящейся войны австрийских Габсбургов с султаном за Трансильванию³. Именно он мог стать плацдармом для наступления императорских войск, их продовольственной базой. Прекрасное знание Мартоном Вашем местной обстановки, его общественные и родственные связи, контакты с местным дворянством могли оказаться весьма полезными. Как вице-ишпан он отвечал в комитате и за сбор военного налога, и продовольственные поставки армии, и за дворянское ополчение, и за многое другое. Таким образом, в создавшейся ситуации его кандидатура как фактического главы комитатской администрации и местного дворянства, уважаемого владетельного дворянина подходила казначейству больше, чем Пала Чернея. В данном случае служебные и общественные связи этого, сделавшего «из ничего» юридическую карьеру представителя мелкой дворянской чиновничьей интеллигенции, были бы менее востребованы. Впрочем, как уже упоминалось, юридическими знаниями и опытом Мартон Ваш также располагал. Отсутствие же у него опыта в области управления финансами в опреде-

¹ Szigheti Vass Márton... végrendelete. 457. old.

² Ibidem.

³ См. об этом: *Медведева К. Т.* Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества в 50–60-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2. М., 2001. С. 188–202.

ленной мере могло компенсироваться знаниями опытного служащего, советника Сепешского казначейства Михая Подбелани, пару которому как раз и подбирали в ходе этого конкурса.

Итак, Мартону Вашу было отдано предпочтение, несмотря на то, что Пал Черней имел более высокую профессиональную квалификацию и опыт работы в государственных учреждениях и в том числе в Сепешском казначействе. Более высокие рекомендации, в немалой степени подкрепленные личными отношениями с рекомендовавшими его высшими сановниками, а также местные корни и общественные связи, опыт работы на руководящем посту в дворянской администрации пограничного комитата Берег, который в связи с войной приобрел в тот момент стратегическое значение, и, наконец, жилье в Кашше — все это вместе взятое склонило мнение Придворного казначейства в пользу Мартона Ваша. Правильность этого выбора подтвердилось время.

Летом 1660 г. начались ожидавшиеся военные действия между войсками Леопольда I Габсбурга, посланными в Трансильванию, и османами. Советники Сепешского казначейства, и в первую очередь Ваш, выполняли функции комиссаров по обеспечению императорских войск провиантом и строительными материалами. Советнику казначейства приходилось ездить по селам и с помощью местных чиновников и землевладельцев организовывать сбор и подвоз необходимого. Вот когда понадобились знания и общественные контакты вице-испана комитата Берег. Снабжение многотысячной армии было очень трудным делом и осложнялось тем, что войска подвергали занятые ими области разграблению и опустошению. «...Упадок этого края вследствие опустошения изо дня в день становится все заметнее...» — писал в одном из писем Ваш. Ваш использовал свой официальный статус для того, чтобы по возможности оградить край от грабежей своих армий и требовать покрытия нанесенного ими ущерба¹. Он продолжал выполнять свои функции, несмотря на то, что солдатские грабежи не обошли стороной и его владений².

В 1666 г. тяжело больной Ваш уже не справлялся со своими служебными обязанностями, и ему стали подыскивать замену. Тем

---

¹ MOL E 254 Repraesentationes, informationes et instantiae 1661. Aprilis. № 8.

² В ноябре 1660 г. Ваш обращался к генералу Хайстеру с особой просьбой — защитить его, расположенные в окрестностях Сатмара владения от солдатских грабежей (MOL 240 Protocolla et diaria consilii Camerae. 1. köt. 1660 november 26.). Уже после смерти Ваша казна компенсировала его вдове ущерб, выдав ей 2000 рейнских талеров (MOL E 273 Libri regii 14. köt. 199. old.).

временем Мартон Ваш скончался (1 мая 1667 г.) в своем поместье в Гулаче¹. В связи с очередным конкурсом на горизонте казначейства снова появился Пал Черней. То обстоятельство, что этот новый поворот в служебной карьере Чернея отражен в сохранившихся архивных документах, представляет большую удачу для исследователя, так как позволяет уточнить и обобщить некоторые наблюдения, связанные с предыдущим конкурсным делом.

На этот раз Пал Черней подкрепил свое прошение о предоставлении ему должности советника Сепешского казначейства рекомендацией не только своего непосредственного начальника государственного судьи Ференца Надашди, но и самого надора — Ференца Вешшелени². Вешшелени дал прекрасную характеристику своему сотруднику. К этому времени Черней имел за плечами уже почти пятнадцатилетний опыт судейской работы в аппарате государственного судьи и получил возможность хорошо узнать Верхнюю Венгрию и ее дворянство во время своих командировок по этому краю. Советники обоих казначейств Венгерского королевства также поддержали его кандидатуру. Вена утвердила Пала Чернея очень быстро — через две недели после смерти Ваша³. 23 июня он был официально введен в должность и занял место второго — младшего — советника⁴.

Здесь можно было бы поставить точку на удачно сложившейся карьере Пала Чернея. Судейский чиновник одного, очевидно, не слишком доходного, но связанного с большими служебными хлопотами учреждения, наконец, получил место, о котором мечтал почти десять лет. По своим знаниям и профессиональному опыту с течением времени он вполне мог бы возглавить Сепешское казначейство. Однако его карьера в этом ведомстве довольно быстро закончилась — и почти со скандалом. Что же произошло?

Еще до зачисления на новую службу Черней попытался сложить с себя прежние обязанности, так как понимал, что две таких должности,

---

¹ Országos Könyvtár Kézirattára (Рукописный отдел Венгерской национальной библиотеки. Далее — OSzKK). Fol. Lat. 954. Scopusiensis Camerae Status Personalis 1607–1770.

² Письмо Пала Чернея Ференцу Надашди от 30 июня 1666 г. (MOL E 185 Archivum familiae Nádasdy. Litterae. 1666. Junius. 30).

³ 7 мая Сепешское казначейство уведомило о кончине Ваша коллег в Пожони, откуда 17 мая пришел ответ о том, что в Вене уже решился вопрос о вакансии в пользу Чернея (MOL E 250. Litterae camerae Poseniensis et aliorum. 34. cs. 1667. Fasc. 37. Fol. 91.). 23 мая Пожоньское казначейство переслало в Капшшу и само решение короля (Ibid. Fol. 91.). 20 июня Сепешское казначейство уведомило вышестоящую инстанцию о зачислении Чернея (Ibid. Fol. 120.).

⁴ OSzKK. Fol. Lat. 954. Scopusiensis Camerae Status Personalis 1607–1770. P. 15.

как советника в казначействе и судьи в аппарате Надашди было невозможно совмещать. Они не шли ни в какое сравнение с началом его карьеры, когда он одновременно был и прокурором Сепешского казначейства, и нотарием в комитате Земплен. В письме, написанном патрону 30 июня 1666 г., он просил об освобождении от должности протонотария, ссылаясь на здоровье (он жаловался на подагру)¹. Одновременно он лично искал себе замену и сетовал на то, что найти подходящего человека на эту должность в этих краях весьма сложно. Следует отметить, что совмещение нескольких должностей не было редкостью и в ту эпоху. Именно в казначействах нередко возникали такие ситуации, когда тот или иной советник одновременно выполнял какие-либо другие общественные (от дворянства) или государственные поручения или службы и из-за этого был вынужден отсутствовать на заседаниях совета казначейства, что, безусловно, затрудняло деятельность учреждения.

Будучи зачисленным в казначейство, Черней не спешил приступить к работе в Кашше. В начале июня он все еще находился в своем поместье в Кирайхельмеце и оправдывался тем, что ждет решения Надашди об освобождении с предыдущей службы². В июле ничего не изменилось, хотя коллеги в Кашше нервничали и торопили нового советника с приездом³. Это и понятно: ведь после смерти Мартона Ваша в Сепешском казначействе оставался только один советник — Миклош Белавари. В 1668 г. Черней по-прежнему не обременял себя службой. Белавари не раз был вынужден напоминать коллеге о его служебном долге и призывал приехать в Кашшу. В свою очередь, в своих письмах в казначейство Черней всякий раз находил какие-либо отговорки и объяснения тому, почему он остается дома. Вполне возможно, что он по-прежнему был очень занят выполнением обязанностей судьи на прежнем месте. Так, 13 февраля 1668 г. Черней писал Белавари: «Меня все дольше задерживают здешние дела...»⁴ В то же время он изъявлял готовность в случае острой необходимости бросить все дела и ехать в Кашшу. Иногда Черней упоминал некоторые из тех дел, которые мешали ему вплотную приступить к обязанностям советника казначейства: то он заседал в суде в комитате Земплен, то занимался делом вдовы графа Дьёрдя Хоммонаи по выправлению границ владений, то выполнял поручение от лелесского препоста, то исполнял обязательства по отношению к Надашди, то ухаживал за больной

¹ MOL E 185. Archivum familiae Nadasdy. Lettera Pauli Cherney ad Francisci Nádasdy. 30 iunii 1666. Fol. 4.

² MOL E 254. Szepesi Kamara regisztraturája. 47. cs. 1667. Julius. Fol. 73.

³ Ibid. Julius. Fol. 96.

⁴ Ibid. 48. cs. 1668. Febr. 13. № 14. Fol. 23.

женой и т. д.¹ Скорее всего, Чернею так и не удалось освободиться от обязанностей судьи. Он не сидел дома в поместье, а разъезжал по стране: у него были дела и в Мункаче (совр. Мукачево), и в Тренчене. В Кашшу он соглашался заглянуть только в том случае, когда получал какое-то конкретное задание. Возможно, эти проблемы не стояли бы так остро, если бы Черней жил в Кашше. Его же поместье в Кирайхельмце отделяли от города не только несколько десятков миль, но и две речки. Не напрасно в предыдущем конкурсе этот пункт сыграл не последнюю роль в том, что начальство отдало предпочтение Вашу, имевшему собственность в Кашше. Таким образом, хотя он и пытался выполнять свои обязанности советника Сепешского казначейства, ему это не удавалось. Тем не менее Черней не оставлял новой должности.

Такая ситуация не могла длиться бесконечно, и она разрешилась, причем не самым приятным для самого Пала Чернея образом. Случилось то, чего следовало ожидать: один из сборщиков налогов Михай Арва, работавший в Сепешском казначействе в подчинении у советника Чернея, исчез вместе с собранной десятиной. Вина за это ложилась на Чернея, поскольку из-за своего постоянного отсутствия он не мог должным образом контролировать работу своих подчиненных. Черней не только потерял сумму, которая полагалась ему из собранной десятины². Как уже упоминалось, советники и кассиры казначейства отвечали своим имуществом за проходившие через их ведомство денежные потоки. Таким образом, Пал должен был разыскать беглеца или компенсировать убытки из своего кармана³. Первые упоминания об этом инциденте всплывают в документации казначейства в мае 1668 г., но в августе следующего года он еще не был исчерпан. Черней просил начальство взыскать утраченные деньги не с него, а с бежавшего налогового чиновника, «пьяницы Арвы»⁴. Не известно, как было улажено это дело, пришлось ли Чернею расплачиваться с казначейством. Но, судя по молчанию источников, ему как-то удалось избежать расплаты.

¹ MOL E 254. Szepesi Kamara regisztraturája. 48. cs. 1668. Febr. 13. № 41; 1668. Majus 20. № 30; 1668. Aug. 28. № 17.

² Ibid. 1668. 20. Majus. № 30.

³ Ibid. 49. cs. 1668. majus 10. № 3. Fol. 6.

⁴ В своем письме в Пожонь Черней сообщал, что у Арвы есть домишко в Кашше, который следует иметь в виду, если беглеца не удастся вернуть (MOL E 254. Szepesi Kamara regisztraturája. 49. cs. 1669. majus 10. № 3. Fol. 6). В августе Черней снова настаивал на том, что недостачу следует покрыть из кошелька «подлеца» Михая Арвы или «ex dorso». Более того, советник то ли грозил казначейству, то ли шантажировал его, так как писал, что «если его все-таки заставят платить вместо Арвы, он так легко не простит» (Ibid. 1669. Aug. 29. № 1. Fol. 2).

Трудно представить, чтобы Пал Черней, добиваясь должности в казначействе, не отдавал себе отчета в ожидавших его трудностях. Тогда почему же он пошел на это? Очевидно, Черней рассчитывал на то, что получит более спокойное, материально лучше обеспеченное место, чем занимал до сих пор. Как и другие его коллеги, он надеялся на новой должности укрепить материальное положение семьи. Для этого предоставлялись разные, вполне легальные возможности. Не обязательно было подобно Михаю Арве бежать с казной. Так, например, можно было воспользоваться информацией о проходивших через казначейство вымороченных имуществах, чтобы приобрести их. Причем можно было не покупать такое имущество, а получить в залог или как королевское, или как надорское пожалование. Известно, что и Мартон Ваш таким образом приобрел не одно поместье. Другую возможность предоставляли сами должности в казначействе, особенно те, которые были связаны с непосредственным прохождением денег через руки чиновников. Это в первую очередь касалось налоговой и таможенной службы. Пал Черней не стал исключением и также пошел по этому пути. Уже говорилось, что сам он в свое время присмотрел себе местечко в таможе Токая, хотя и не получил его. Позже, в ту пору, когда в Вене уже во второй раз решался вопрос о его назначении советником в Кашшу, Черней попытался получить для своего сына Иштвана должность сборщика десятины при Сепешском казначействе. Предполагая, что сын не справится с обязанностями, отец просил, чтобы к нему приставили разумного и опытного человека¹. Отказ не остановил Чернея, и он повторил свою просьбу позже, рассчитывая уже на место сборщика таможенной пошлины в Хомнонаи. Венгерское казначейство отказало и на этот раз, мотивируя свое решение молодостью и неопытностью Иштвана Чернея².

Еще до завершения дела о бежавшем сборщике налогов Черней решил покинуть казначейство, о чем в конце января 1669 г. уведомил и Белавари, и пожоньское начальство³. Здесь уже можно окончательно ставить точку на истории карьеры Пал Чернея.

Итак, как в целом выглядит собранный из отдельных штрихов социальный портрет — этот своего рода «социоробот» двух чиновников на государственной службе в Венгрии XVII в.?

Советники казначейства — это дворяне, причем венгерские дворяне. В ходе противостояния между центральной властью Габсбургов и венгерскими сословиями в начале XVII в. последние добились для

¹ MOL E 254. Szepesi Kamara regisztraturája. 48. cs. 1667. január. Fol. 73.

² MOL E 250. Litterae Camerae Posoniensis. 34. cs. Fasc. 37. 1667. szept. 26. Fol. 253.

³ Ibid. 49. cs. 1669. január 29. № 23. Fol. 48.

себя того, что они считали своей привилегией, а именно: не допускать к управлению иностранцев (в частности, немцев), а также тех, кто не относился к благородным сословиям. В результате этого на протяжении большей части XVII в. (во всяком случае, между 1608 и 1671 гг.) большинство служащих государственных учреждений составляли венгерские дворяне. Число же горожан, особенно состоятельных и образованных, значительная часть которых в Венгрии в ту эпоху была представлена немецким этническим элементом, заметно уменьшилось по сравнению с XVI в.¹

В то же время советники казначейства — это дворяне-католики, доказавшие свою лояльность по отношению к правящему дому. Таким способом добивавшиеся абсолютной власти Габсбурги пытались обеспечить послушный себе аппарат управления и по возможности нейтрализовать или, по крайней мере, ослабить результаты борьбы венгерских сословий за свои привилегии². Австрийским Габсбургам, проводившим целенаправленную централизаторскую политику в своих владениях в центре Европы — в Австрии, Чехии и Венгрии, в целом удалось подчинить венгерские финансовые органы центральным государственным институтам, в первую очередь Придворному казначейству. Венгерским сословиям пришлось признать этот факт, так как собственных ресурсов Венгрии не хватило бы для войн с османами и организации обороны. Строгое соблюдение процедуры и протокола делопроизводства при взаимодействии придворных органов и казначейств Венгерского королевства, призванное подчеркнуть декларированное в законах равноправие между Придворным и Венгерским казначействами, не меняло сути дела. Однако, хотя Венгерское центральное финансовое ведомство и не могло принимать самостоятельных решений, в том числе, по кадровым вопросам, в конечном счете в Вене они готовились именно на основе его рекомендаций.

Что касается профессиональных качеств советников казначейства, то их можно суммировать следующим образом. Этим чиновникам полагалось иметь юридическую подготовку, владеть латынью, иметь опыт практической административной работы. Не от каждого советника казначейства требовались специальные знания в области бухгалтерии и финансов: для этого в ведомстве имелись кассиры-

¹ *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVII. században.* 88. old.

² Нельзя сказать, что в этом вопросе Габсбурги полностью преуспели. В наивысшем вскоре после рассмотренных в данной статье событий движении куруцев, охватившем почти все королевство, и, особенно, Верхнюю Венгрию, многие государственные служащие, в том числе, из Сепешского казначейства, встали на сторону вооруженной оппозиции. Не случайно, что перейдя в наступление против сословий в начале 70-х гг. XVII в. Leopold I усилил Венгерское и Сепешское казначейства немцами-бюргерами.

бухгалтеры. Недостаток профессионализма в этой сфере одного из советников мог компенсироваться большей компетентностью другого. И все же некоторыми навыками работы с финансами советники, наверное, должны были обладать. Поэтому был важен опыт их работы в органах комитатского дворянского самоуправления, как мы видели в случае Мартона Ваша. Ему как вице-ишпану приходилось решать вопросы, связанные с финансами (например, организовывать сбор налогов). Немаловажное значение придавалось также тому, чтобы советники имели хорошие связи с местными гражданскими и военными властями, а также с дворянством в комитатах.

Требования, предъявляемые к советникам казначейства, позволяют говорить об их достаточно высоком профессионализме. И все же еще рано называть их чиновниками в современном смысле слова. Многие условия для этого в Венгрии (как, впрочем, и в Австрии) еще не сложились. Хотя казначейство было ведомством, действующим на постоянной основе, и инструкции предписывали чиновникам регулярно присутствовать на службе, на практике, как мы видели, это условие не выполнялось. С одной стороны, такое положение объяснялось тем, что чиновник не был обеспечен жильем по месту работы (случай Чернея), с другой — тем, что он совмещал несколько должностей в разных ведомствах (случай того же Чернея). Последнее обстоятельство зависело не только и не столько от того, что дворяне, связавшие свою жизнь с государственной службой, стремились таким образом укрепить свое материальное положение. Общество испытывало дефицит в квалифицированных чиновниках, от которых к тому же требовались политическая и религиозная благонадежность. Возникшую вакансию трудно было заполнить. Не только сами чиновники шли на условия, заведомо их не удовлетворявшие; но и те, кто их брал на государственную службу, мирились с тем, что они не всегда отвечали требованиям, разработанным в инструкциях.

Но есть еще одна, требующая осмысления характерная черта в облике венгерского чиновника середины XVII в.: его двойственное положение в местных сословных и центральных государственных структурах власти. Действительно, и Пал Черней, и в еще большей степени Мартон Ваш были не только тесно связаны с дворянскими комитатами — их учреждениями и обществом, но сами являлись их неотъемлемой частью. Ваш долгое время занимал пост вице-ишпана в своем комитате Берег, Черней — комитатского нотариуса и был также судебным заседателем в родном комитате Земплен. Оба являлись землевладельцами и как таковые несли государственные тяготы¹.

¹ Как привилегированное сословие дворяне Венгерского королевства были освобождены от уплаты налогов (хотя не все и не всегда), но должны были лич-

Иными словами, Мартон Ваш как советник Сепешского казначейства должен был оказывать давление на Мартона Ваша как на члена дворянской общины комитата Берег, которую власти принуждали оказывать помощь в снабжении армии. То же — в случае с Палом Чернеем. Их принципы и интересы как членов местной дворянской сословной корпорации во многом расходились с теми позициями, которые они должны были защищать как государственные чиновники. Принципы и интересы сторон уже разошлись и горячо отстаивались в столкновениях между центральной абсолютизирующей властью Габсбургов и сословиями (в первую очередь, дворянским) Венгерского королевства. Между тем дворяне, становясь чиновниками, не порывали со своим сословием.

но участвовать в дворянском ополчении, платить некоторые местные налоги (в частности, на содержание депутатов Государственных собраний, на жалованье и вознаграждение членам комитатской администрации и т. п.), вносить свою долю в обеспечение набираемых в Венгрии наемных войск и т. д.

ДВЕ СУДЬБЫ, ДВЕ КАРЬЕРЫ В ДУНАЙСКОЙ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ¹ В НАЧАЛЕ XVII в. (НАДОРЫ ИШТВАН ИЛЛЕШХАЗИ И ДЬЁРДЬ ТУРЗО)

На рубеже XVI–XVII вв. владения австрийских Габсбургов, получившие в историографии название Дунайской монархии, переживали глубокий кризис. Резко обострилась борьба между укреплявшейся центральной властью и сословиями, державшимися за свои права и средневековые привилегии. Начавшееся при активной поддержке Габсбургов наступление католической церкви вызывало ожесточенное сопротивление со стороны протестантов. Углубились разногласия в самой правящей династии Габсбургов. Кризисные явления, назревавшие во владениях австрийских Габсбургов еще в последние десятилетия XVI в., проявились в царствование Рудольфа II. Не всегда продуманная и последовательная политика Рудольфа II, неудачи в войне с Османской империей, упадок экономики стали настоящим испытанием для населения многонационального государства Габсбургов.

На плечи ведущих политиков Дунайской монархии легла особая ответственность. Важные вопросы, касавшиеся разработки основных направлений внутренней и внешней политики, им приходилось решать в сложной обстановке, что усугублялось отсутствием у императора способностей управлять государством и его душевной болезнью. Царствование Рудольфа II проходило крайне неровно: продолжительная апатия вдруг сменялась у него хаотической активностью, расположение к кому-либо из приближенных — подозрениями в измене, предательстве, посягательстве на власть и т. п. Положение политической элиты в государстве было очень нестабильным. Жизнь, служба, успешная карьера, финансовое благополучие политиков

---

¹ Дунайская монархия — центрально-европейские владения австрийских Габсбургов, ядро которых лежало в Дунайско-Карпатском бассейне. Термин, условно принятый в историографии. Об этом см.: *Sziics J. Vazlat Európa három történeti régiójáról*. Вр., 1983. 106–108. 1.

Дунайской монархии, может быть, больше, чем в каком-либо другом европейском государстве, зависели от их виртуозного владения «искусством власти».

На рубеже XVI–XVII вв. на первый план выдвинулась плеяда талантливых политиков Австрии, Венгерского и Чешского королевств. Среди них — кардиналы Мельхиор Клесль и Франтишек Дитрихштейн, князь Карл Лихтенштейн, Карел Жеротин-старший, барон Иштван Иллешхази, граф Дьердь Турзо и др. Эти «непотопляемые» политики сумели найти свое место у кормила власти и удержаться там как в сумбурное правление Рудольфа II, так и в эпоху свергнувшего его Матиаса II. Им удавалось успешно сочетать государственную службу с отстаиванием своих политических взглядов и вместе с тем удовлетворять собственные амбиции.

Занятие политикой у венгерских магнатов Иштван Иллешхази и Дьердя Турзо превратилось в настоящее искусство. Их политическая ловкость и фантазия не знали границ, а союзы, заключаемые не только с единомышленниками, но и соперниками и даже врагами, почти всегда приводили к желаемой цели. И. Иллешхази и Д. Турзо, с одной стороны, выступали соратниками в борьбе с централизаторскими, абсолютистскими и контрреформационными устремлениями Габсбургов, с другой — конкурентами в гонке за высшие государственные должности, за власть и влияние над венгерским обществом. Они шли в большую политику различными путями, но вершин власти достигли примерно в одно время — на рубеже XVI–XVII вв. Современники признавали, что оба магната являются популярнейшими и значительнейшими фигурами Венгрии¹. Вполне естественно, что вдвоем им было тесно на политическом олимпе королевства. Их соперничество продолжалось в течение многих лет и закончилось лишь со смертью Иштвана Иллешхази.

Иштван Иллешхази (1541–1609) происходил из семьи среднепоместных дворян. Как представитель среднего дворянства И. Иллешхази мог рассчитывать на карьеру лишь в местном самоуправлении, как и его отец Тамаш Иллешхази². Правда, следует заметить, что когда в результате произошедших после трагической битвы у Мохача перемен центральная власть в Венгерском королевстве заметно ослабла, для венгерского дворянства наступило время наибольшей

¹ Донесение венецианского посла М. Кавалли дожу Республики. 27 октября 1608 г. Прага. Haus-, Hof und Staatsarchiv. Wien (далее — HHStA). Italien. Dispacci di Germania (далее — Disp. Germ.). Filza 41. № 18. Fol. [111–112]; Донесение венецианского посла М. Кавалли дожу Республики. 17 ноября 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza 41. № 23. Fol. [145–150].

² Тамаш Иллешхази был вице-ишпаном комитата Пожонь.

политической активности¹. В комитатах² оно пользовалось самой широкой автономией, решая на своих собраниях финансовые, административные вопросы, а также те, которые касались дворянского ополчения. В их руках находился суд. Вся местная администрация состояла из дворян, прошедших процедуру выборов в дворянской общине. Должность вице-ишпана³ — второго человека в комитатской администрации — также занимал представитель дворянского сословия⁴. Комитатское дворянство посылало на Государственные собрания своих депутатов, которые перед лицом сословий королевства заявляли о позиции пославшего их комитата и отстаивали их. Таким образом, дворянство играло значительную, хотя и не ведущую роль в государственной жизни Венгрии.

Иштван Иллешхази смог проявить свои таланты и приобрести необходимый опыт в местном дворянском самоуправлении. Но амбициозному молодому дворянину этого было мало. Он понимал, что только одних способностей недостаточно для того, чтобы проникнуть к вершинам власти. В этом ему, как и многим другим, помогли выгодно заключенные браки. Обе его жены — Анна Эрдэди⁵ и Каталин Палффи — происходили из влиятельных магнатских кланов, родство с их семьями принесло И. Иллешхази нужные связи и положение в обществе. Кроме того, вторая жена Иллешхази Каталин Палффи⁶ принесла ему баснословное приданое, огромные владения в Северо-Западной Венгрии и наследственные ишпанства. Все это позволило И. Иллешхази претендовать уже на более высокие должности, чем в местном дворянском самоуправлении. С 1577 г. Иллешхази являлся советником Венгерского казначейства, с 1584 г. — королевским советником, с 1587 г. — оберхофмейстером при венгерском дворе Габсбургов в Вене и Праге. Кроме того, он занимал ряд военных должностей: его назначали командующим войсками комитатов Липто (1582) и Тренчин (1594). Король Рудольф II по достоинству оценил службу

¹ *Tóth I. Gy. Der wechselnde Spielraum des ungarischen Adels im 17–18 Jh. // Standefreiheit und Staatsgestaltung in Ostmitteleuropa. Leipzig, 1996. S. 149.*

² Комитат — административная единица в Венгрии, комитат соответствовал графству.

³ Ишпан — высшее должностное лицо в комитате, вице-ишпан его заместитель.

⁴ *Гусарова Т. П. Административный аппарат дворянских комитатов в Венгрии в первой половине XVII в. // Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998. С. 21–25.*

⁵ Представители семьи Эрдэди занимали ряд высших государственных должностей, они были хорватскими банами, казначеями, претендентами на напорство и. д.

⁶ Каталин Палффи была вдовой Яноша Крушича, одного из самых богатых людей Венгрии.

Иштвана Иллешхази, одарив его огромными земельными владениями, а главное, пожаловав ему в 1587 г. баронское звание. Отныне для Иллешхази открылись пути к высшим должностям государства¹.

Иштван Иллешхази с головой окунулся в политическую жизнь страны. Так, он участвовал во всех Государственных собраниях, созванных в конце 80-х гг. XVI — начале XVII в. Особый успех принесли молодому политику выступления на Государственных собраниях 1594 и 1602 гг. Там И. Иллешхази выступал по главным вопросам: о сословных привилегиях дворянства и свободе вероисповедания. Он настаивал на сохранении традиционных венгерских государственных органов власти и выступал против мероприятий двора, направленных на то, чтобы подчинить государственные институты Венгерского королевства австрийским центральным органам власти. Эти проблемы болезненно воспринимались всем венгерским обществом того времени. Поэтому активная позиция, занятая И. Иллешхази в Государственном собрании, сделала его одним из популярнейших людей Венгрии.

Выступления Иштвана Иллешхази вызывали недовольство Рудольфа II, который, вероятно, рассчитывал на большую лояльность и благодарность со стороны возвышенного им подданного. Однако даже король был вынужден признать влияние И. Иллешхази в стране, поэтому барон оказался среди тех немногих венгерских магнатов, к кому Рудольф II обратился за советом и помощью в начале Пятнадцатилетней войны с Османской империей (1593–1608)².

К началу XVII в. Иштван Иллешхази набрал большой вес в политике. Он имел прочную опору среди мелких и средних дворян-сервиторов подвластных ему земель. К тому же его поддерживала сословная оппозиция, признавшая его своим лидером. Благодаря выступлениям Иллешхази на заседаниях сословных органов власти разного уровня, а также проводимой им политики в качестве должностного лица (он был исполняющим обязанности ишпана комитатов Липто и Тренчин) в Венгрии оживилось сословное движение. По мнению двора, барон мог объединить и возглавить сословия и привести их к победе. Показательна в этом плане характеристика И. Иллешхази, данная ему итальянскими дипломатами при пражском королевском

---

¹ Высшие государственные должности, например, должности надора, государственного судьи, ишпана и др., могли занимать только бароны или прелаты.

² Для определения финансовой и военной стратегии в войне с османами Рудольф II пригласил в Прагу пять венгерских магнатов: М. Палффи, Ф. Надашди, И. Иллешхази, Д. Турзо и Б. Хомоннаи. Illésházy nádor följegyei 1592–1603. Monumenta Hungariae Historica. Scriptores VII. Magyar történelmi emlékek. 2 osztály: írók. 7. köt. Pest, 1863. 72. l.

дворе Марино Кавалли и Пласидо де Марра. По их словам, И. Иллешхази обладал среди венгров наибольшим авторитетом¹, который позволял ему держать сословия в кулаке². Растущая популярность И. Иллешхази вызывала опасения у императора Рудольфа II. Барон стал неудобной фигурой для короля, его устранение с политической арены превратилось в одну из первоочередных задач. Итогом шагов, предпринятых пражским двором, стало в 1603 г. так называемое «дело Иллешхази».

В начале XVII в. по всей Дунайской монархии прокатилась череда сфабрикованных судебных процессов, направленных против лидеров сословного движения³. «Дело И. Иллешхази» стало лишь одним из целого ряда процессов по обвинению в «государственной измене и оскорблении Королевского Величества». Оно получило огромный резонанс в обществе: барон обвинил короля в нарушении законов и превышении власти⁴. Государственное собрание поддержало Иллешхази, однако позже, под давлением короля, члены Венгерского совета осудили его. Еще до суда барон успел бежать в Речь Посполитую, часть его имений была конфискована. Таким образом, в 1603 г. закончилась успешная государственная карьера Иштвана Иллешхази на службе

---

¹ Донесение венецианского посла М. Кавалли дожу Республики. 28 января 1608 г. HHStA. Disp. Germ. Filza 39. № 48. Fol. [184–189]. Донесение венецианского посла М. Кавалли дожу. 27 октября 1608 г. Ibid. Filza 41. № 17. Fol. [111–112].

² Донесение папского нунция Пласидо де Марра папскому гос. секретарю кардиналу Боргезе. Archivio di Stato Vaticano (далее — AStVat). Т. 146. Fol. 11–12.

³ В 1600 г. жертвой политического процесса стал предводитель моравских сословий Карел Жеротин-старший. В том же году в Верхней Австрии произошло крупное столкновение сословий и Габсбургов. Восемь предполагаемых зачинщиков были вызваны для разбирательства в Вену.

⁴ Нити дела Иллешхази вели к вопросу о праве торговых местечек и городов иметь земельную собственность. Дворянство считало недопустимым предоставлять им земельные владения, так как относило их к категории крестьян. Позиция короля была противоположной. Поэтому, когда жители местечек Сент-Дьердь и Базин, отданных королем в залог И. Иллешхази, захотели выкупиться и освободиться от власти магната, Рудольф II разрешил им это. Местечки заплатили необходимую сумму в установленный И. Иллешхази срок. Однако И. Иллешхази, не желавший потерять местечки, но и не имевший права удерживать их, выставил этот спор на Государственное собрание. Ему удалось перевести данный процесс в абсолютно иную сферу: из своих частных проблем в дело государственной важности. И. Иллешхази заявил, что сложившаяся ситуация затрагивает весь государственный строй Венгрии и имеет далеко идущие последствия. По словам И. Иллешхази, король нарушил закон и превысил свою власть, так как предоставил крестьянам земельную собственность в вечное владение.

Рудольфу II. Однако громкий судебный процесс не привел Иллешхази к политическому краху: уйдя на время в тень, он подготовил базу для своего последующего взлета. Главную роль в этом сыграло восстание венгерского магната, будущего трансильванского князя Иштвана Бочкай.

Иначе складывалась до этого времени жизнь другого героя нашего очерка Дьердь Турзо. В отличие от Иштвана Иллешхази, Дьердь Турзо (1567–1616) от рождения принадлежал к элите венгерского общества. Его успешной карьере с юных лет способствовало положение его отца Ференца Турзо и отчима Имре Форгача, занимавших ряд высших должностей в венгерском государственном управлении. Родство с семьей Форгач, подкрепленное браком самого Дьердя Турзо с Жофией Форгач, дало сильный толчок для его карьеры. В правление Рудольфа II католики Форгачи¹, ревностные сторонники Габсбургов и их политического курса, пользовались большим влиянием при дворе. В итоге в 18 лет (в 1585 г.) Д. Турзо уже являлся ишпаном комитата Арва.

Однако брак с Жофией Форгач продлился недолго. В 1589 г. Д. Турзо женился вновь. Его избранницу Эржебет Цобор ничто не связывало с кланом Форгачей; она принадлежала к протестантскому лагерю. Под влиянием семьи жены Дьердь Турзо переходит в лютеранство. Отныне он становится активным борцом за свободу вероисповедания, как до этого был ревностным католиком. Но смена веры, губительная для карьеры многих, не повредила Турзо. Риск оказался оправданным: его тесть Михай Цобор занимал высокий пост в венгерском государственном управлении, он был местоблюстителем должности надора². Уйдя из-под покровительства всевильных Форгачей, Дьердь Турзо оказался под надежной защитой новых союзников и родственников.

Дьердь Турзо доказал, что он достоин их доверия. Он проявил свои природные таланты как в политике, так и на войне. Д. Турзо участвовал в работе Государственных собраний, служил эрцгерцогу Эрнсту, управлявшему от имени короля Рудольфа II делами Венгрии, воевал на полях Пятнадцатилетней войны и отличился при осаде Секешфехервара. Вскоре к Д. Турзо пришло и признание со стороны короля. В 1597 г. 30-летний Дьердь Турзо приехал в Прагу для участия в совещании, на которое Рудольф II пригласил влиятельнейших

---

¹ Семья Форгач дала Венгрии известных полководцев в годы турецких войн, прелатов, королевских советников, государственных судей, казначеев и т. д.

² Надор — высшая государственная должность в Венгрии, глава венгерских сословий, посредник между ними и королем. Габсбурги, понимая роль и значение надора в жизни сословной монархии, стремились избежать избрания надора и назначали вместо него местоблюстителя с ограниченными функциями и властью.

венгерских магнатов, чтобы определить стратегию королевства в годы Пятнадцатилетней войны. Там же, как мы помним, присутствовал и 56-летний Иштван Иллешхази. В следующем году мы видим Д. Турзо вместе с И. Иллешхази в числе королевских советников. А в 1599 г. он получает при дворе почетную должность главного королевского виночерпия. В 1600 г. его назначают главным капитаном Задунайских областей.

Политические процессы начала XVII в. обошли Дьердя Турзо стороной. Во время «дела Иллешхази» он никак не проявил себя, опасаясь, вероятно, как опалы со стороны короля, так и гнева сословий. Эта нейтральная позиция, как и ожидал Турзо, не повредила ему. Король продолжал считать его верным подданным, сословия не разочаровались в нем, а некоторые даже увидели в нем своего нового лидера вместо павшего Иллешхази.

С этого времени пути Иштвана Иллешхази и Дьердя Турзо на некоторое время расходятся. В эмиграции И. Иллешхази, как и часть венгров недовольных королем, примкнул к антигабсбургскому движению Иштвана Бочкай (1604 — 1606 гг.)¹. Д. Турзо, наоборот, остался на стороне Рудольфа II. Подобный выбор обоих магнатов вполне понятен. Для опального Иштвана Иллешхази восстание И. Бочкай стало реальным шансом вернуться в большую политику и возратить себе утраченные владения. Дьердь Турзо, в свою очередь, не собирался рисковать своим положением. Возможно, он рассчитывал, что король щедро отблагодарит тех, кто остался ему верен. Выбор каждого из политиков оказался верен, каждый из них получил то, к чему стремился. Дьердь Турзо, участвовавший в процессе мирного урегулирования в стране и подписании Венского мира², положившего конец войне между Рудольфом II и И. Бочкай, удостоился в 1606 г. графского титула.

Для Иштвана Иллешхази восстание Бочкай стало звездным часом его карьеры. Союз с трансильванским князем дал ему возможность вернуться в страну, получить прощение короля и восстановить права

¹ Иштван Бочкай возглавил освободительное движение трансильванских сословий, направленное против Габсбургов, оккупировавших в 1602 г. Трансильванское княжество. Вскоре на его сторону перешли хайдуки, посланные Рудольфом II на подавление его выступления. Через некоторое время восстание Бочкай перекинулось в Венгрию, где его поддержали некоторые венгерские комитаты и города. Благодаря успешным боевым действиям и поддержке венгерских сословий трансильванскому князю подчинилась часть Венгрии.

² Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár 1000–1895. Szerk. Csiky K., Kolosvari S. etc. XX. köt. (1526–1608). Budapest, 1899 (далее — CJN). P. 958–959. § 1–5.

на все конфискованные владения. А главное, Иллешхази вышел на первые роли в политике и смог «творить историю». В глазах современников И. Бочкаи и И. Иллешхази являлись почти равными величинами. Иллешхази превратился в правую руку руководителя сословного движения. Бочкаи приобрел в лице барона достойного соратника, не раз помогавшего князю выйти из затруднительных ситуаций. В спорах между И. Бочкаи и И. Иллешхази рождалась новая концепция взаимоотношений Габсбургов, Венгрии, Трансильвании и Османской империи. Именно Иллешхази официально представлял трансильванского князя на переговорах о мире с императором Рудольфом II¹. Поскольку венские переговоры воспринимались как общегосударственное дело, в них приняли участие представители сословий Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Чехии, Моравии, Силезии и Лужиц². Иллешхази, в качестве главы венгерской делегации, стал самой известной личностью в Дунайской монархии, потеснив И. Бочкаи.

Власти продолжали относиться к И. Иллешхази крайне настороженно, опасаясь каждого его шага³; а сословия подвластных Габсбургам земель признали его лидерство. Исключительность барона, по сравнению со всеми остальными политиками Дунайской монархии, подчеркивалась его особыми отношениями с Портой. У Иллешхази уже давно установились деловые, почти дружественные связи с будайским пашой Али, который при решении любых проблем, при ведении переговоров был готов идти на компромисс с Иллешхази скорее, чем с кем-нибудь другим⁴. Позиции И. Иллешхази еще больше упрочились после смерти в декабре 1606 г. И. Бочкаи: уход с политической арены трансильванского князя оставил за бароном всю славу первой победы венгерских сословий над Габсбургами.

Возвращение в политику Иштвана Иллешхази вызвало в стране целую бурю эмоций. Рудольф II, даровавший барону прощение фактически под угрозой сабель хайдуков Бочкаи, на самом деле не изменил своего отношения к Иллешхази. Король боялся, что Иллешхази, вновь возглавив сословия, но уже с ореолом героя, победителя

¹ СЖН. P. 958. § 2.

² Monumenta comitialia regni Hungariae. Magyar országgyűlési emlékek. Szerk. Károlyi Árpád. 3. osztály. 12. köt. 1606. Bp. 1917. (далее — Magyar országgyűlési emlékek). P. 724.

³ Hammer-Purgstall J. Khlesls, des Kardinals, Directors des geheimen Kabinetes, Leben. Wien, 1847. Bd. 2. № 183; Magyar országgyűlési emlékek P. 642.

⁴ Переписка Иштвана Иллешхази с турками 1607–1609 гг. Среди корреспондентов барона находились будайский паша Али, эстергомский бек Бекир и др. Illésházy I. török levélezése 1607–1609// Történelmi Tár. Bp. 1879.

Габсбургов, будет настаивать на выполнении нежелательных¹ для Рудольфа II условий Венского мира. К тому же тайные агенты сообщали королю о том, что барону известно все, о чем говорится во дворце, и что в секрете решается в Праге, потому что «у него везде есть рука и уши»². Подобная осведомленность и тайная власть Иллешхази в государстве, конечно же, по мнению императора, не могли оставаться без последствий.

Эрцгерцог Матиас вслед за императором не питал добрых чувств к Иллешхази, но как трезвомыслящий политик реально оценивал влияние магната в Венгрии и обращался к нему за советом по поводу сроков созыва Государственных собраний, вопросов, которые должны там обсуждаться, и просил помощи при составлении королевских пропозиций³.

Некоторые венгерские политики почувствовали себя с возвращением Иллешхази отодвинутыми на второй план. Среди этих недовольных оказался и Дьердь Турзо, посчитавший, что барон отбирает у него влияние при дворе эрцгерцога Матиаса и в самом королевстве. Действительно, если просмотреть официальные документы 1607 г.⁴, можно заметить, что интерес венского двора к Д. Турзо несколько остыл, а Иллешхази, наоборот, попал в центр внимания. Вероятно, не желая терять свои позиции в политике, Д. Турзо, забытый эрцгерцогом Матиасом, перебрался в Прагу, чтобы быть ближе к императору⁵.

К лету 1607 г. ни для кого уже не являлось секретом, что Турзо и Иллешхази враждуют друг с другом. Однако противостоять Иллешхази в «честной парламентской» борьбе было для Д. Турзо крайне сложно. Этим фактом недовольства Дьердя Турзо воспользовался Рудольф II, по-прежнему заинтересованный в устранении Иллешхази. Для короля было необходимо изолировать барона под благовидным предлогом еще до начала Государственного собрания, назначенного на

¹ Среди этих нежелательных для Рудольфа II статей Венского мира главными были предоставление венграм свободы веры, избрание надора и т. п.

² Донесение неизвестного агента. Kriegsarchiv. Wien (далее — КА). Alte Feldakten. 1607. № 2/1 aa.

³ Письмо секретаря Венгерской канцелярии Ф. Надьмихая от имени эрцгерцога Матиаса — И. Иллешхази. 25 января 1607 г. Вена. Magyar Országos levéltár. Budapest. (далее — MOL). A Batthyány család hercegi ágának levéltára. Az Illésházy család (P. 1341). Lad. 1. Fasc. 9.

⁴ Это — неизданные документы т. н. Государственных собраний 1607 г. В эту коллекцию архивных документов, собранную академиком К. Бендой, вошли материалы политической истории Венгерского королевства: распоряжения, акты короля и его двора, эрцгерцога Матиаса, ответы, рекомендации, письма венгерских политиков, отчеты тайных агентов и королевских комиссаров, донесения послов иностранных держав и т. д.

⁵ Об этом можно судить по письмам Д. Турзо, которые летом 1607 г. отправлялись из Праги.

конец июля 1607 г., где Иллешхази мог бы доставить Рудольфу II массу неприятных мгновений¹. Поэтому в начале лета Рудольф II тайно обратился к Дьердю Турзо и Ференцу Форгачу с просьбой придумать предлог для возбуждения судебного дела против Иллешхази, чтобы положить конец его «преступной деятельности». Оба политика согласились на предложение короля, попросив лишь издать об этом особый декрет². Подобный поступок Дьердя Турзо легко объясним. С одной стороны, он стремился избавиться от своего конкурента, и просьба короля пришлась как нельзя кстати, но, с другой стороны, Турзо хотел, чтобы в глазах сословий это выглядело как исполнение воли монарха и ответственность тем самым с него бы снималась. Но поскольку и Рудольф II, и Дьердь Турзо хотели скрыть фальсификаторский характер готовящегося процесса против Иллешхази, они стремились к тому, чтобы их роль в этом деле так и осталась тайной.

Благодаря информации, вовремя полученной Иллешхази — поистине у него везде были свои «рука и уши», — барону удалось избежать ловушки. Он опередил выдвижение всех обвинений, написав королю о своей отставке, ссылаясь на возраст и плохое здоровье. Этот шаг барона крайне озадачил Рудольфа II, который был вынужден отказаться от своих планов в отношении Иллешхази. Король недоумевал, почему Иллешхази так поступил, что он на самом деле задумал, ведь на Государственном собрании он мог доказать свою верность трону³.

Иштван Иллешхази мастерски использовал в своих интересах все промахи короля и все шаги двора, направленные против него. Информация о возможном задержании Иллешхази в Пожони⁴, арест его доверенного лица в Праге⁵, а также отказ двора выдавать участникам Государственного собрания гарантийные грамоты внесли в ряды делегатов растерянность и возмущение позицией Рудольфа II. В итоге все это привело к увеличению число сторонников Иллешхази, недовольных политикой императора⁶.

¹Инструкции Рудольфа II для эрцгерцога Матиаса. 15 июля 1607 г. Прага. A Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára. Budapest (далее — МТАК). Károlyi Missiles. 5169/4. Fol. 48.

²Письмо Д. Турзо и Ф. Форгача — Рудольфу II. 2 июля 1607 г. Прага. HHStA. Ungarische Akten. Alter Bestand. Allgemeine Akten (далее — Hung. Allg. A). Fasc. 152. Conv. c/. Fol. 1–2.

³MOL. Magyar Királyi Kancellária levéltára. Minutae Pragenses (A 129) (далее — М Канс. Min. Prag.). Fasc. 1. Fol. 5.

⁴Пожонь — совр. Братислава

⁵Донесение Вильгельма Бодениуса баварскому курфюрсту. 30 июля 1607 г. Bayerisches Geheimes Staatsarchiv. München (далее — BGStA). Bodenius. Karton schwarz 14898.

⁶Письмо Ф. Форгача — эрцгерцогу Матиасу. 3 сентября 1607 г. Пожонь. HHStA. Ungarische Akten. Alter Bestand. Comititalia (далее — Hung. Comit). Fasc. 395. Fol. 37–38.

Работа Государственного собрания 1607 г. была сорвана самим королем, а Иллешхази, во многом благодаря Рудольфу II, вновь стал национальным героем. Однако этот сюжет с сорванным Государственным собранием и вся политика короля, направленная на нарушение условий Венского мира, показала серьезность наступления Рудольфа II на религиозные и сословные свободы. Возмущенные сословия проявили неповиновение королю, покинув Государственное собрание вопреки его воле. Решительность венгерских сословий напугала пражский двор, где незамедлительно поползли слухи о венгерском заговоре. В этой ситуации Дьердь Турзо, чье участие в подготовке сфабрикованного дела Иллешхази осталось, очень кстати, тайным, решил переступить через свои личные симпатии и антипатии, оскорбленные амбиции и пошел на союз с Иллешхази¹. Это примирение старых врагов подтолкнуло к консолидации и венгерские сословия. Трудно сказать, что привело Турзо к такому решению: нельзя утверждать, что граф, подобно Иллешхази, являлся ярким приверженцем сословных свобод и ради этого был готов пойти на открытую конфронтацию с королем (мы помним, что во время вооруженного восстания И. Бочкаи Турзо остался на стороне императора). Возможно, в данном случае «сработал» инстинкт самосохранения Турзо: он почувствовал, что сейчас сила на стороне сословий, которые был готов поддержать эрцгерцог Матиас в своих честолюбивых целях. Вероятно, Дьердь Турзо, оценив степень недовольства сословий и эрцгерцога Матиаса Рудольфом II, а также их шансы на успех в борьбе с королем, понял, что, не объединившись с ними, он рискует оказаться в стороне от большой политики и безвестно завершить свою карьеру.

Отныне Д. Турзо демонстрирует эрцгерцогу Матиасу свою верность и поддержку. По собственной инициативе он берет на себя посредническую миссию между эрцгерцогом и делегатами Государственного собрания, покидающими Пожонь после двухмесячного ожидания короля². Таким образом Турзо стремился поддержать свой авторитет у сословий, показав им свою близость к эрцгерцогу, и доказать эрцгерцогу свою верность и влияние на венгерские сословия, подчеркнув тем самым свою незаменимость для него. Однако маневры Турзо не принесли ожидаемого результата. Эрцгерцог Матиас принял помощь графа, но все свои политические расчеты он по-прежнему связывал с Иштваном Иллешхази. Именно к нему Матиас Габсбург обратился в

¹ Донесения неизвестного комиссара. 12 сентября 1607 г. Пожонь. HHStA. Hung. Allg. A. Fasc. 153. Conv. a/. Fol. 11–12.

² Письмо Дьердя Турзо — эрцгерцогу Матиасу. 12 сентября 1607 г. Вена. HHStA. Hung. Comit. Fasc. 395. Conv. a/. Fol. 187–188; Меморандум послов Задунайских и Придунайских комитатов — Д. Турзо. 15–16 сентября 1607 г. Пожонь. HHStA. Hung. Comit. Fasc. 395. Conv. a/. Fol. 189–190 и др.

октябре 1607 г. с предложением о совместных действиях¹. Это письмо эрцгерцога стало первым шагом в создании союза сословий Дунайской монархии и Матиаса против Рудольфа II.

Дьердь Турзо, адекватно оценив ситуацию, временно отказался от самостоятельной роли и объединился с Иллешхази. Тандем Турзо — Иллешхази в 1607–1608 гг. напоминал взаимоотношения И. Бочкаи и И. Иллешхази в период восстания 1604–1606 гг. Только теперь лидирующее положение в этом союзе занимал уже Иштван Иллешхази, а Дьердь Турзо играл роль «ведомого» — ту, которую раньше исполнял барон. Магнаты начали действовать совместно, составляли общие заявления к представителям различных политических сил, помогая организовать единое выступление всех сословий подвластных Габсбургам земель².

1608 год — время формирования и деятельности сословной Конфедерации, направленной против Рудольфа II, — стал пиком совместной деятельности Иллешхази и Турзо. Иллешхази занимался координационной деятельностью и, кроме того, взял на себя урегулирование турецко-хайдуцкой проблемы³. Более молодой Дьердь Турзо (ему в то время было 40 лет, а Иллешхази уже около 70) провел первую половину 1608 г. в постоянных разъездах по Дунайской монархии, участвуя «на местах» в создании сословной Конфедерации. Теперь уже он, как несколько лет назад Иллешхази, приобретает большую известность среди сословий других земель, подвластных австрийским Габсбургам. Особо тесные отношения у него сложились с австрийскими сословиями. Союз с Иштваном Иллешхази придал Турзо огромный вес на политической арене, он превратился в одного из самых значительных людей в сословном движении. Современники писали, что оба магната имеют одинаковую власть и влияние на венгерское общество⁴.

19 апреля 1608 г. в Моравии состоялось подписание документов, означавших завершение формирования Конфедерации, куда вошли эрцгерцог Матиас и сословия Венгрии, Австрии и Моравии. Объедине-

¹ Письмо эрцгерцога Матиаса — Иштвану Иллешхази. 13 ноября 1607 г. Вена. *Történelmi Társ. Vp.* 1879. 390. l.

² Самым известным стало обращение И. Иллешхази и Д. Турзо от имени сословий к эрцгерцогу Матиасу с просьбой спасти Венгрию. 27 января 1608 г. Пожонь. *NHStA. Hung. Allg. A. Fasc. 154. Conv. a/. Fol. 33–34.*

³ Осенью 1607 г. после срыва работы Государственного собрания и отмены Рудольфом II льгот и привилегий, данных И. Бочкаи хайдукам (например, коллективное дворянство) и подтвержденных условиями Венского мира, в Венгрии началось восстание хайдуков. Порта заявила о своей готовности поддержать вооруженное выступление хайдуков и возобновить войну с Габсбургами, если Рудольф II в ближайшее время не ратифицирует Житваторокский мирный договор с Османской империей, заключенный еще осенью 1606 г.

⁴ Донесения венецианского посла Марино Кавалли — дожу Республики.

ние таких различных сил принесло конфедератам успех. Однако когда пришло время делить результаты этой победы, на первый план сразу же вышли все временно скрывающиеся противоречия. Каждая из сторон не намеревалась уступать друг другу. Важную роль в урегулировании этих разногласий было призвано сыграть венгерское Государственное собрание, назначенное на осень 1608 г.

Перед лидерами венгерских сословий Иштваном Иллешхази и Дьердем Турзо стояла непростая задача добиться от эрцгерцога Матиаса выполнения прежних обещаний. По замечанию одного из современников, «от результатов этого Государственного собрания зависит спокойствие или беспорядки в этой провинции (т. е. в Венгрии. — *К. М.*)»¹. Слаженность действий Д. Турзо и И. Иллешхази в начале Государственного собрания принесла первые плоды. Однако это взаимодействие политиков длилось недолго. Параллельно с решением важнейших политических задач о будущем Венгрии рассматривались вопросы о назначении на высшие государственные должности. Сторонники эрцгерцога Матиаса предполагали, что теперь именно они займут ключевые посты в государстве, потеснив приверженцев отрекшегося короля Рудольфа II. Иштван Иллешхази и Дьердь Турзо, способствовавшие Матиасу в победе, наверное, больше других венгерских политиков надеялись, что будущий монарх не обойдет их своим вниманием. Для обоих магнатов самой желанной была должность надора, но занять ее мог только один из них.

Шло время, а сословия и эрцгерцог так и не достигли договоренности, Государственное собрание затягивалось, откладывались выборы короля, а вместе с ними назначения на должности. Причем камнем преткновения стали споры не о венгерских, а об австрийских делах. Верные своим союзническим клятвам венгерские сословия выступили в роли посредников между эрцгерцогом Матиасом и австрийцами, требовавшими для себя религиозных и политических свобод. Но обе стороны — Габсбурги и австрийские сословия — продолжали оставаться непреклонными. Австрийцы отказались подчиняться эрцгерцогу Матиасу и стали склонять венгров на новое вооруженное выступление, но теперь уже против Матиаса.

Венгерское общество неоднозначно отнеслось к этим новым трудностям, препятствовавшим завершению работы Государственного собрания, королевским выборам и подписанию Коронационных грамот, гарантировавших венграм все привилегии, которых они уже смогли добиться от эрцгерцога Матиаса за время собрания. Иштван Иллешхази был склонен поддержать эрцгерцога Матиаса и завершить вен-

¹ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 27 октября 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza 41. № 17. Fol. [111–112].

герские дела, не смешивая их с требованиями австрийцев. А Дьердь Турзо настаивал на выполнении союзнических обязательств по отношению к австрийским сословиям, что означало затягивание Государственного собрания и, скорее всего, ухудшение отношений с эрцгерцогом Матиасом. В итоге депутаты Государственного собрания приняли решение направить в Вену свою делегацию для поиска выхода из кризиса¹. Встал вопрос о том, кто же возглавит это посольство венгерских сословий?

В этой ситуации в очередной раз проявился талант великого политика И. Иллешхази. После недолгих консультаций руководство венгерской делегации возложили на Дьердя Турзо. Этот выбор казался правильным как для общего дела, так и для собственных интересов Иллешхази: Д. Турзо был известен своими симпатиями по отношению к австрийцам и верностью эрцгерцогу Матиасу. К тому же он являлся единственным соперником Иллешхази на надорских выборах. Поездка в Вену грозила затянуться из-за упрямства австрийских сословий в переговорах с Габсбургами. Это время Иллешхази следовало использовать с максимальной выгодой для себя.

Позиции сторонников австрийских сословий на Государственном собрании значительно ослабли после отъезда в Вену их лидера. Иллешхази не стоило особого труда уговорить венгерские сословия, недовольные долгим, разорительным и, главное, пока бессмысленным пребыванием в Пожони, пойти на соглашение с эрцгерцогом Матиасом. В итоге эрцгерцог Матиас обещал выполнить все требования венгерских сословий в обмен на корону и отказ венгров от помощи австрийцам. Через 10 дней после отъезда Дьердя Турзо в Пожони уже состоялось избрание короля². Попытки венгерской оппозиции отложить выборы короля до возвращения Дьердя Турзо не увенчались успехом. Недовольных успокоили обещанием послать за Д. Турзо гонцов. По сведениям венецианского посла М. Кавалли, гонцов намеренно задержали в пути и за это время провели выборы надора и короля³. Можно предположить, что задержку гонцов могли санкционировать как эрцгерцог Матиас, опасавшийся, что с возвращением Д. Турзо австрийский вопрос опять встанет на повестку дня, так и Иштван Иллешхази, давно стремящийся к миру с эрцгерцогом и к надорской должности, оспорить которую у него, как уже говорилось выше, мог только Дьердь Турзо.

¹ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 17 ноября 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 23. Fol. [1450–150].

² Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 24 ноября 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 26. Fol. [159–162].

³ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 8 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 30. Fol. [196–198, 214].

Иштвану Иллешхази удалось достичь своей цели. Он был избран надором из четырех кандидатов, одним из которых являлся Д. Турзо¹. Но, конечно же, отсутствовавший во время выборов Д. Турзо не мог составить серьезной конкуренции Иштвану Иллешхази. И. Иллешхази сумел даже добиться полной поддержки со стороны католического лагеря Венгрии, пообещав прелатам вернуться в католицизм и возратить им все владения и ценности, потерянные ими в результате восстания Бочкаи и Венского мира. Позже он заявил прелатам, что не может выполнить обещанного, так как это стало бы причиной новых потрясений в королевстве².

Иштван Иллешхази с блеском вошел в свою новую должность. В качестве надора королевства он провел светскую, «политическую» часть коронации Матиаса II. Во время коронационного пира впервые надор сел за один стол с королем³. По признанию современников, власть надора Иллешхази оказалась чуть ли не больше, чем у короля⁴. Иллешхази удалось изолировать во время болезни короля всех остальных советников и поставить Матиаса в полную зависимость от своей воли⁵.

Вернувшийся в Пожонь Дьердь Турзо оказался не у дел. Его посредническая миссия, которая должна была принести графу славу миротворца, не то чтобы окончилась провалом, она оказалась просто ненужной. Роль миротворца с успехом сыграл Иштван Иллешхази, оттеснив на второй план своего бывшего соратника. Во время пребывания Д. Турзо в Австрии Матиас II уже провел все основные назначения на высшие государственные должности. При этом графу не предназначалась ни одна из должностей⁶. О Дьерде Турзо вспомнили лишь через некоторое время после его возвращения в Пожонь. Новый король, стремясь исправить допущенную оплошность, срочно утвердил его на один из ключевых постов, второго по значению после надорского, — государственного судьи⁷. Для этого Матиасу II пришлось сделать

¹ *Catona St. Historia Critica...* Т. X. Ord. XXIX. P. 107, 157.

² Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 15 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 33. Fol. [224–227].

³ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 1 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 28. Fol. [185–190].

⁴ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 15 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 33. Fol. [224–227].

⁵ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 1 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 30. Fol. [196–198, 214].

⁶ Письмо Д. Турзо — жене Эржебет Турзо. 24 ноября 1608 г. Пожонь. Bethlenfalvi gróf Thurzó Gy. levelei nejéhez Czobor-Szent-Mihályi Czobor Erzsébethez. Közrebocsáva Zichy E. Bp. 1876. 2. köt. 242. l. № DXXXIV.

⁷ Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 8 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 30. Fol. [196–198, 214].

некоторые перестановки: он снял с должности государственного судьи только что назначенного Балинта Хомоннаи, чем, конечно же, вызвал недовольство самого магната и его многочисленных сторонников¹. Назначение Дьердя Турзо на высокую должность не исправило того негативного впечатления, которое возникло у графа по возвращении в Пожонь. Во-первых, он был оскорблен таким невниманием по отношению к себе, а во-вторых, конечно же, его не устраивала полученная им должность, так как стремился он к надорству². Главное недовольство Д. Турзо вызвало поведение И. Иллешхази. Дьердь Турзо не ожидал, что Иллешхази сумеет перехитрить его, продемонстрировав в очередной раз свое виртуозное искусство обращать себе на пользу любую ситуацию. В качестве стратега Иштван Иллешхази оказался намного талантливее Дьердя Турзо.

События, развернувшиеся на Государственном собрании, показали, что время союзничества И. Иллешхази и Д. Турзо завершилось, их неприязнь друг к другу вновь обнажилась. Однако теперь для Иллешхази граф не представлял особой опасности. Его статус главы сословий был официально признан и закреплен должностью надора. Отныне он занимался исключительно решением государственных дел, а времени и, главное, необходимости бороться с Турзо у него уже не было. Иштван Иллешхази обратил все свои таланты на воплощение в жизнь решений Государственного собрания и Венского мира 1606 г., расширявших свободы венгерских сословий и ограничивавших вмешательство короля и его советников в дела Венгрии. Надору королевства предстояло позаботиться о хранении привезенной в Пожонь после векового «пленения» в Вене главной венгерской святыни — короны св. Иштвана и коронационных инсигний, сформировать на новых принципах состав Венгерского совета при короле, провести реорганизацию ведущего сословного учреждения — Государственного собрания, назначить новых командующих в венгерские крепости — венгров по национальности вместо смещенных немцев, проследить за выводом с территории Венгрии немецких войск и т. д. С этими непростыми задачами И. Иллешхази успешно справлялся, вновь и вновь доказывая окружающим то, что его избрание надором не было случайностью, что он по праву и по заслугам занял это место.

Победа Иштвана Иллешхази в их соперничестве стала для Турзо хорошим уроком. Граф не опустил руки и с новой энергией принялся

¹ Письмо Д. Турзо — жене Эржебет Турзо. 24 ноября 1608 г. Пожонь. Bethlenfalvi gróf Thurzó Gy... 2. köt. 242. l. № DXXXIV; Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 8 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 30. Fol. [196–198, 214].

² Донесение венецианского посла М. Кавалли — дожу Республики. 8 декабря 1608 г. Прага. HHStA. Disp. Germ. Filza... № 30. Fol. [196–198, 214].

за устройство своей карьеры. Свои усилия Дьердь Турзо сконцентрировал на двух направлениях, которые Иштван Иллешхази сознательно старался не затрагивать. Это — разрешение конфликта между австрийскими сословиями и королем Матиасом и установление мирных отношений между братьями Рудольфом II и Матиасом II. Иллешхази знал, что эти два вопроса являлись очень болезненными для нового короля, и их обсуждение вызывало его недовольство. Поэтому, постоянно обещая австрийцам помощь, реально надор не предпринял ничего, что могло бы им помочь в противоборстве с Габсбургами. Свою позицию Иллешхази объяснял тем, что он хочет сохранить мир в государстве и не потерять милости короля для венгров¹. Подобная позиция надора вызывает двойственное отношение: с точки зрения защиты интересов Венгрии она является оправданной, но с точки зрения интересов сословий всей Дунайской монархии и будущего сословного движения в целом она была недалеконвидной.

Дьердь Турзо, в свою очередь, развил в этих вопросах активную деятельность. Находясь первую половину 1609 г. в Вене, он беседовал об урегулировании австрийских дел с Матиасом и сословиями эрцгерцогства, советовал королю помириться с императором. Турзо признавал, что ведет себя слишком настойчиво, постоянно напоминая в беседах с Матиасом II о необходимости решения этих проблем². Граф прекрасно отдавал себе отчет, что своим поведением он вызывает раздражение короля и в любой момент терпение Матиаса II может кончиться, и тогда его ждет отставка и опала. Однако и сам Матиас понимал, что эти вопросы, как бы это ни было тяжело и неприятно для него, требуют немедленного разрешения. Поэтому король принял посредническую помощь Д. Турзо. На сей раз, деятельность графа³ завершилась успехом: 19 марта 1609 г. австрийские сословия и Матиас заключили мир, согласно которому сословия признавали над собой власть Матиаса, а он предоставлял им религиозные свободы⁴.

¹ *Catona St. Historia Critica Regnum Hungariae. Budae, 1794. T. X. Ord. XXIX. P. 190.*

² Письмо Д. Турзо — жене Эржебет Турзо. 11 февраля 1609 г. Вена. Bethlenfalvi gróf Thurzó Gy... 2. köt. 244–245. l. № DXXXV; Письмо Д. Турзо — жене Эржебет Турзо. 5 марта 1609 г. Вена. Bethlenfalvi Gróf Thurzó Gy... 2. köt. 246. l. № DXXXVI.

³ Заслуга мирного австрийского соглашения принадлежит не только одному Д. Турзо. В переговорах между Матиасом и австрийскими сословиями принимали активное участие сословия маркграфства Моравии. Письмо Д. Турзо — жене Эржебет Турзо. 5 марта 1609 г. Вена. Bethlenfalvi gróf Thurzó Gy... 2. köt. 246. l. № DXXXVI.

⁴ *Kuzmányi K. Urkundenbuch zum Österreichisch-evangelischen Kirchenrecht. Wien, 1856. S. 9–12.*

Старания Дьердя Турзо не остались незамеченными и неоцененными как королем и его приближенными, так и сословиями подвластных Габсбургам земель. Активная позиция графа в «деле австрийских протестантов», особенно на фоне нейтралитета официального лица — надора Иштвана Иллешхази¹, снискала ему популярность в Австрии, Моравии, сословия которой так же приняли непосредственное участие в мирных переговорах, и в самой Венгрии, где имелось немало приверженцев выполнения венграми их союзнических обязательств. События весны 1609 г. стерли в глазах современников воспоминания о поражении Дьердя Турзо осенью 1608 г. В знак признательности за участие в решении трудного особенно для австрийцев вопроса о свободе веры сословия Верхней и Нижней Австрии в 1613 г. подарили Турзо и его наследникам дом в Вене. В дарственной грамоте говорилось, что граф Дьердь Турзо из Бетленфалфа, применив все свои знания, ловкость, страсть, а также благодаря своим трудам, заботам, верности и удаче, сделал все, чтобы погасить опасные противоречия и расхождения между лютеранами и католиками, и привел страну к желанному единству².

Теперь удача повернулась лицом к графу, его триумф в качестве посредника, предотвратившего новое вооруженное восстание в государстве, совпал по времени с болезнью и смертью его давнего соперника Иштвана Иллешхази. Благодарный король Матиас II назначил

¹Иштван Иллешхази в качестве надора должен был определять позицию венгерских сословий по всем вопросам, и именно от Иллешхази зависела позиция венгров в урегулировании австрийского конфликта. Письмо Д. Турзо — австрийским сословиям. 29 ноября 1608 г. Пожонь. *Catona St. Historia Critica...* T. X. Ord. XXIX. P. 107, 157.

²MOLP 707 Zichy cs. lt. Fasc. 34. et A. No. 61. [Continet instrumenta de domo Viennensi comitis condam Georgii Thurzo regni Hungariae palatini sonantia.] «...flamma, sapientia et dexteritate quantoque labore, industria, fidelitate felicitateque illustrissimus dominus comes, dominus Georgius Thurzo de Bethlenfalwa, regni Hungariae palatinus et iudex Cumanorum, necnon de Arwa perpetuus eiusdemque comitatus supremus et perpetuus comes, ac serenissimi principis et domini, domini Matthiae secundi regis Hungariae etc. consiliarius ac per Hungariam locumtenens etc. ubi ad id, a serenissimo potentissimoque Hungariae, tunc Bohemiaeque rege, nunc invictissimoque Romanorum imperatore Matthia, domino nostro clementissimo et peculiariter omnibus aliis remediis deficientibus atque hinc publico imminente Patriae nostrae male, pro interpositione rogatus usurparetur, ad communem nostri omnium tranquillitatem pacatumque harum provinciarum exoptatissimum statum restinjerit effeceritque, ut peractis variis tractationibus inter praelibatam Sacram Regiam Maiestatem etc. ac nos, necnon Catholicae religioni addictos, ultro citroque agitatis complanatisque omnibus adversitatibus et dissensionibus ad desideratam eventum fuerit unionem...» Неопубликованный текст грамоты из Венгерского государственного архива любезно предоставил мой венгерский коллега д-р Геза Палфи.

Дьердь Турзо, находящегося, очень кстати, в момент смерти Иллешхази при дворе, исполняющим обязанности надора до ближайшего Государственного собрания. Ни у кого уже не вызывало сомнений, кто станет следующим надором королевства. Равных по популярности Дьердю Турзо конкурентов, которые бы, как и он, пользовались одновременной поддержкой и сословий и двора в Венгрии не было. Осознавая реальный расклад сил, один из четырех выдвинутых кандидатов — Жигмонд Форгач не приехал на выборы. На выборах надора Дьердь Турзо получил подавляющее число голосов, опередив следующего за ним претендента на сто голосов. Однако достичь результата Иллешхази Турзо не удалось: против него выступило все духовенство, ровно год назад полностью поддержавшее Иллешхази¹.

В 1609 г. Дьердь Турзо стал признанным лидером венгерского общества. До самой смерти в 1616 г. он являлся надором королевства. В течение этих лет Турзо продолжал политику Иллешхази, ему удалось сохранить и относительную политическую самостоятельность королевства в рамках «Дунайской монархии», и лидирующее положение венгерских сословий в управлении государством, не испортив при этом отношений с Габсбургами. Надор активно участвовал во всех делах Венгрии и Дунайской монархии, укрепляя связи с сословиями других инкорпорированных стран. Успешной деятельности Дьердя Турзо способствовали как его личные таланты, так и уроки, преподнесенные ему его главным соперником Иштваном Иллешхази.

Прошли столетия, но имена Иштвана Иллешхази и Дьердя Турзо — самых ярких политиков своего времени — не забыты нами. Мы вспоминаем в первую очередь их беззаветную и верную службу Родине, которой они подчиняли собственные интересы и свои невыразимо высокие амбиции.

---

¹ *Angyal D. Magyarország története II. Mátyástól III. Ferdinánd haláláig// A magyar nemzet története. Köt. 6. Bp., 1898. Szerk. Szilágyi S. 22. l.*

Т. В. Кравченко

БРЮССЕЛЬСКИЙ ДВОР МАРИИ ВЕНГЕРСКОЙ: ПОДБОР ПЕРСОНАЛА

В начале XVI в. сложилась гигантская держава Габсбургов, превосходившая по своим размерам все государства Европы того времени. Владения, оказавшиеся к этому времени в руках Габсбургов, находились на разном уровне экономического и политического развития. В каждом из государств существовали свои традиции в отношениях правителя и сословий, правила их взаимоотношений и взаимодействия. Разнородность и разрозненность территорий, некоторые из которых даже не обладали общими границами, заставляли искать способ управления, который показал бы себя эффективным в подобном случае.

В традициях семьи было передавать членам семьи часть владений как на правах самостоятельных правителей, так и заместителей-наместников. Какие именно права на данные территории получит будущий правитель, определялось в основном местными традициями. Так, в Испании король мог оставить временного регента, в Наследственных владениях¹ издавна существовала традиция отдавать одну или несколько земель в самостоятельное управление кому-либо из членов семьи. В Нидерландах же назначались наместники в каждой провинции и главный наместник для осуществления общего руководства. При этом в отдельных частях державы Габсбургов параллельно продолжали функционировать сословные органы управления. Распределением ролей в доме ведал старший в роду князь.

Вне зависимости от того, какими правами обладали представители династии в доставшихся им владениях, все территории считались частью общего достояния. Забота о сохранении наследия предков была обязанностью всей семьи.

Нужды политики привели к тому, что у членов семьи практически не было возможности личного общения. Единственным способом поддержания отношений стала переписка. Письма, которыми обмени-

---

¹Наследственные земли — комплекс территорий, состоявший из Передней, Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны.

вались Габсбурги, сохранились в большом количестве и в настоящее время хранятся в Венском государственном архиве¹. В Венском архиве все письма собраны в рукописные кодексы, сформированные в зависимости от того, кому адресовалось каждое из них. Так, переписка Фердинанда I Габсбурга с императором Карлом V составила большую часть кодекса 597. Письма этого кодекса относятся к периоду 1522–1557 гг. В собрании представлены оригиналы писем, копии и черновики-наброски. Часть этой переписки издана в серии *Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs*. В данной работе были использованы письма Фердинанда I, изданные в этой серии.

При отборе материалов к публикации издатели² ограничились только семейной перепиской. Термином «семейная» они обозначили корреспонденцию, предназначенную для обращения только между членами семьи, т. е. не предназначенную для чужих глаз³. В число таких посланий вошли письма Фердинанда к брату Карлу, тетке Маргарите — правительнице Нидерландов и сестре Марии — королеве Венгрии и Чехии, а также ответы на них⁴.

Главный сюжет семейной переписки — политические события, в которых члены семьи принимали участие или которые каким-либо образом затрагивали интересы дома. Габсбурги обсуждают то, что важно для них в данный момент, излагают дело так, как понимают его именно сейчас, и подают информацию так, чтобы по необходимости предстать перед адресатом в более выгодном свете, оправдать свои действия или бездействие. Это обстоятельство усиливает субъективный характер данного источника.

Активное привлечение к управлению огромной державой Габсбургов всех взрослых членов рода, как мужчин, так и женщин, оказалось наиболее эффективным методом ведения дел. То, что именно родственники правили в частях этой империи, позволяло надеяться,

---

¹Это собрание сформировано из документов, поступивших из императорского, королевского, частного, дворцового и государственного архивов и фонда *Bezeichnung Belgica*, находившегося в Брюсселе. В связи с революционными событиями XVIII в. этот фонд был переведен в Вену.

²Публикация писем началась в 1912 г. и вел ее Вильгельм Бауэр. Именно он задал принцип отбора материалов, которому следовали все последующие издатели.

³*Allgemeiner Charakter der Familienbriefe in: Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs*, Bd. 58, Wien, 1912, s. XVI.

⁴Помимо этих документов в издание вошли инструкции направленным ко двору императора придворным эрцгерцога, ответные инструкции для представителей императора, меморандумы от Маргариты и Марии, рекомендательные письма и корреспонденция с выражением условной вежливости между родственными дворами, т. е. поздравления с различными событиями, выражения соболезнования и т. п. — *Ibidem*.

что владения будут сохранены и даже приумножены. Процесс подбора персонала для Брюссельского двора правительницы Марии Венгерской позволяет проследить, каким образом это происходило.

Нидерланды попали в орбиту влияния династии Габсбургов как приданое Марии Бургундской, последней представительницы этой семьи. Герцог Бургундский считался правителем каждой отдельной земли, входившей в число Нижних земель. При смене правителя следовало подтверждение им всех прав и привилегий подданных, гарантом нерушимости которых становился князь. Супруги представителей Бургундского дома становились или соправителями, или регентами при своих малолетних детях. Поэтому после смерти жены, Марии Бургундской, Максимилиан I получил права регента при Филиппе и Маргарите, внуках последнего герцога, Карла Смелого.

Когда же его сын, Филипп Красивый, достиг необходимого для вступления в права возраста¹, император Максимилиан передал сыну все властные полномочия в Нидерландах. После смерти Филиппа Красивого в 1506 г. его отец остался опекуном Карла, Марии, Изабеллы и Элеоноры². На место регента в этих землях император назначил свою дочь Маргариту, которая в глазах жителей провинций имела не меньше прав на многочисленные троны и титулы, чем ее брат.

Маргарита к тому времени уже успела дважды овдоветь. Ее первый муж, инфант Хуан, за которого она вышла замуж одновременно с женитьбой Филиппа Красивого на инфанте Хуане, умер вскоре после свадьбы. Вдовство оказалось недолгим. Вскоре Маргариту вторично выдали замуж, на сей раз за герцога Савойского. И этот брак оказался коротким³. Своих детей у нее не было, и герцогиня Савойская взялась за воспитание осиротевших племянника и племянниц.

Внук Максимилиана и Марии Бургундской, будущий император Карл V, волей случая стал не только правителем конгломерата земель, носивших имя Нидерландов, но и оказался единственным из двух племянников Маргариты, кто унаследовал одно за другим все владения скоропостижно умиравших родственников как по материнской, так и отцовской линии. Уже в 1514 г. Максимилиан передал все права на Бургундские владения своему старшему внуку, Карлу, которому на тот момент едва исполнилось 14 лет. Император внес изменения в

---

¹Согласно внутрисемейному обычаю, Габсбурги считались совершеннолетними в 16 лет. См. подробнее: *Paula Fichtner Sutter. Ferdinand I Of Austria: the Politics of Dynasticism in the Age of Reformation. University of California Press. 1982. P. 16.*

²Заботы о младшем сыне Хуаны Безумной и Филиппа Красивого взял на себя испанский дед детей, Фердинанд Католик.

³См. подробнее: *Karl Brandt. The Emperor Charles V, The Growth and Destiny of a man of World-Empire. London. 1940. P. 36-47.*

законы Нидерландов, вероятно под давлением подданных, которым не терпелось поскорее присягнуть молодому герцогу¹. Маргарита удалилась в свои владения в Савойе, где прожила три года.

Еще через два года, в 1516 г., Карлу достался трон Испании. Как было отмечено выше, Карл был не единственным сыном Филиппа Красивого и инфанты Хуаны. Если Карл вырос в Нидерландах, их младший сын, Фердинанд, воспитывался при дворе испанского деда Фердинанда Католика. И именно младшему из братьев прочили трон и корону Испании. Но Фердинанд Католик не оставил никакого свидетельства о том, что он хотел бы видеть преемником своего воспитанника. Поэтому королем стал Карл. Младший же брат остался регентом до момента прибытия короля.

Отправляясь в новые владения в 1517 г., Карл снова назначил правительницей Нидерландов тетку Маргариту. Она уже имела опыт управления этими территориями. Поэтому при возвращении на пост в 1517 г. Маргарита почти не встретила затруднений с набором придворного штата: многие из тех, с кем она работала до передачи власти племяннику, не оставили свою госпожу и остались при ней². Маргарита занимала пост правительницы Нидерландов от имени Карла V в течение тринадцати лет, до смерти в 1530 г.

В самом конце 1530 г. пост был передан королеве Венгрии и Чехии Марии, которая приходилась императору сестрой, следовательно, тоже была прямым потомком последнего герцога Бургундии Карла Смелого. Мария до восьми лет росла в Нидерландах и воспитывалась у Маргариты, но долгие годы жила в Венгрии.

Она покинула Нидерланды вскоре после того, как была проведена свадебная церемония, согласно брачному контракту, заключенному ее дедом, Максимилианом I, с королем Чехии и Венгрии Ласло (Владиславом) Ягеллоном. За годы, которые Мария провела в Венгрии, в ее жизни произошло несколько трагедий. Когда Максимилиан и Ласло Ягеллон подписывали соглашение, мало кто задумывался о том, что Королевство Венгрия в один прекрасный день может исчезнуть как единое целое с карты Европы. Почти никому не приходило в голову, что турки смогут прорваться почти до границ империи, а европейские правители, особенно германские князья, серьезно не позаботятся о том, чтобы оказать помощь соседям, ведь в это время все в Германии были заняты религиозными проблемами. И никто не ожидал, что последний король из династии Ягеллонов, Лайош (Людовик), погибнет

¹ См. подробнее: *Paula Fichtner Sutter. Ferdinand I Of Austria...* P. 19.

² *Karl Brandi. The Emperor Charles V, The Growth and Destiny of a man of World-Empire.* London. 1940. P. 47.

так глупо, утонув в болоте во время отступления венгерских войск, разбитых превосходящими силами турок с поля под Мохачем. Оставить наследников Лайош также не успел.

Вскоре после трагедии 1526 г. под Мохачем Венгрия оказалась в состоянии гражданской войны, осложненной постоянными турецкими набегами. Овдовевшая королева покинула свое королевство. Корона ее мужа стала яблоком раздора между эрцгерцогом Фердинандом и воеводой Трансильвании Яношем Запольяи.

Оба претендента на корону опирались на результаты выборов, проведенных вскоре после гибели Лайоша Ягеллона¹. При этом Фердинанд в качестве дополнительного аргумента в свою пользу привлекал условия договора о взаимонаследии, заключенного в 1497 г. Максимилианом и Ласло Ягеллоном², а Янош Запольяи — свою коронацию короной Св. Стефана³.

Итак, в 1530 г. в связи с приездом новой правительницы придворных пришлось набирать снова. Формированием двора, расположившегося в Брюсселе⁴, занималась не только Мария, но и Фердинанд, и Карл, причем Карл прибыл в Нидерланды персонально, удостоив провинции самого длительного визита за все время своего правления⁵.

Процесс создания двора в Брюсселе коснулся всех членов семьи, поэтому в переписке Фердинанда I с братом Карлом и сестрой Марией, которая и стала источником для данной работы, этот сюжет рассмот-

---

¹Спор о большей или меньшей легитимности претендента на престол и сомнения в результатах выборов основывались на том, что оба претендента были законно избранными. Каждого поддерживала своя «партия», сложившаяся еще при Лайоше Ягеллоне. Прогабсбургски настроенные дворяне считали, что Фердинанд более чем кто-либо способен удержать королевство и защитить его от турецкого завоевания, поскольку за ним была вся мощь династии Габсбургов. Их оппоненты, так называемая «национальная партия», видели в Габсбургах в первую очередь иноземную династию, представители которой вряд ли будут заботиться о королевстве, о правах и привилегиях его жителей. Не чужак, а потомок венгерских дворян — вот альтернатива иноземцу. Наиболее достойным кандидатом на корону и титул «национального» короля им казался Янош Запольяи, воевода Трансильвании, самый могущественный вассал Ягеллонов.

²Согласно условиям договора, в случае, если представители одной из сторон умрут без наследников, все, чем они владели, переходит другой стороне. См. подробнее: *Paula Fichtner Sutter. Ferdinand I Of Austria...* P. 29–31.

³Без коронации именно святой короной процедура вступления нового короля в должность считалась незаконченной.

⁴Двор Маргариты располагался в небольшом городке Малине.

⁵Карл провел в Нидерландах почти год, с января 1531 г. по январь 1532 г. *James D. Tracy. Holland Under Habsburg Rule (1506–1566)* Berkley, 1990. P. 45

рен достаточно подробно¹. Конечно, в Бургундии, частью которой были Нидерланды, и в остальных владениях Габсбургов имелась канцелярия, которая занималась оформлением официальных решений, вела официальную переписку и т. д. Но помимо этого официального канала обмена информацией существовала внутрисемейная переписка. К личным посланиям Габсбурги прибегали только в том случае, если требовалось принять решение возможно быстрее или с затрагиваемыми в письме темами не следовало знакомиться кому-либо из непосвященных. Такие письма, в отличие от официальных, часто писались собственноручно или их составление поручалось самым доверенным секретарям. Некоторые письма целиком или частично шифровались. Доставка подобных посланий возлагалась на особо приближенных лиц. Сам характер переписки предполагал то, что корреспонденты будут затрагивать в письмах друг к другу не все вопросы, а лишь некоторые, которые нельзя по тем или иным причинам доверить официальным посланиям. Создание двора правительницы Нидерландов относилось именно к этим, закрытым, вопросам. Избирательный характер освещаемых в семейной переписке вопросов позволяет восстановить некоторые принципы формирования двора правительницы Марии в Брюсселе.

Почему эрцгерцог Фердинанд, в круг деятельности которого не входило занятие подобными вопросами в Нидерландах, обратился к ним, активно участвовал в их обсуждении и решении, тем более что Карл находился в Брюсселе еще до того, как туда добралась Мария?

Роль Фердинанда в данной ситуации была очень важной, ведь без его помощи и поддержки Мария оказалась бы беспомощной. Когда она согласилась стать правительницей Нидерландов, перед ней возникло сразу несколько проблем, справиться с которыми один только Карл не мог ей помочь. В первую очередь ей предстояло совершить долгое и опасное путешествие через всю Германию в Нидерланды. Для этого требовались большие средства. Кроме того, сама поездка была очень опасным предприятием. Карл, даже будучи в Брюсселе, не мог обеспечить сестру достойной охраной в короткий срок. Кроме того, Мария нуждалась в помощи при наборе штата придворных, поскольку сама она никого в стране не знала. Не лишним был и простой совет и моральная поддержка, поскольку Марию не оставляли сомнения в правильности ее решения принять пост. Кроме того, Фердинанд мог оказать посильную помощь в привлечении на службу новой правитель-

---

¹Veröffentlichungen Der Kommission Fuer Neuere Geschichte Österreichs, (58) Korrespondenz Der Österreichische Herrscher. Bd. III, тетр. I–II, изд. Хервиг Вольфрам и Томас Кристиане. Вена, 1973–1977.

нице тех лиц, присутствие которых Мария считала необходимым, а Карл, как верховный правитель провинций, одобрял.

Возвращаясь в Нидерланды почти через двадцать лет после отъезда, новая правительница собиралась взять с собой людей, состоявших при ее дворе в Венгрии.

Это решение Марии встретило сильнейшее сопротивление как со стороны Карла, так и со стороны Фердинанда. В письме к сестре он писал: «И то, что Ваши главные чиновники будут набраны из представителей этой страны, вызовет великую любовь народа»¹. В свое время, в 1521 г., он приехал в Австрию, окруженный испанцами, которых поставил на большую часть ключевых позиций в системе управления Наследственными землями. Этим он значительно осложнил взаимоотношения с подданными². Теперь младший Габсбург хотел помочь сестре избежать своих ошибок. Карл также обладал негативным опытом перевода придворных в Испанию из Нидерландов. И он, как и Фердинанд, столкнулся с непониманием и неприятием его действий со стороны придворных, которые были вынуждены уступить свои позиции чужакам, проявлявшим к тому же мало почтения к местным традициям.

Однако ревность местных придворных к чужакам, которые могли приехать с Марией, была не единственной причиной беспокойства Карла V. Больше всего он боялся настроений, которые эти новички могли привезти с собой. Популярность лютеранской доктрины среди венгерского штата Марии — вот что пугало Карла³.

В письмах к Фердинанду и Мария и Карл неоднократно возвращаются к мысли, что религиозная ситуация в провинциях сильно накалена и, несмотря на все меры, принимаемые правительством для пресечения распространения доктрины Лютера, сторонников этого учения становится все больше. При этом сами меры, которые принимало правительство, оказывались источником еще большего напряжения в отношениях центральной власти с провинциями⁴.

По мнению Карла, прибытие большой группы высокопоставленных «еретиков» и сочувствующих ереси оказало бы самое пагубное влияние на и без того сложную ситуацию в стране⁵. А в том, что

¹ «Et aussy sera cause de grand amour du peuple de voir que vos principales ofices soient provus de gen du pays». Фердинанд — Марии, Кельн III-446-3, 04.01.1531 г.

² *Paula Fichtner Sutter. Ferdinand I of Austria... P. 16; Alphons Lhotsky. Das Zeitalter des Hauses Österreichs., Die Ersten Jahre der Regierung Ferdinands I. in Österreichs. Wien, 1971. P. 121-126.*

³ *Jane de Jongh. Mary of Hungary. Second Regent of the Netherlands. London, 1958, 140.*

⁴ См. подробнее: *Jane de Jongh. Op. cit. P. 144-146.*

⁵ *Jane de Jongh. Op. cit. P. 145.*

большинство придворных Марии — лютеране, Карл был более чем уверен. Чтобы не быть голословным на этот счет, он даже предоставил сестре список лиц, в чьей лояльности к католической церкви он сомневался. Этот список он составил на основе донесений своих представителей в Венгрии¹.

Императору вторил и Фердинанд. Он настоятельно не рекомендовал Марии даже обещать посты и должности на новом месте кому-либо из тех, кто служил ей и в Венгрии и во время трехлетних перемещений после того, как она покинула Венгрию². Безусловно, Мария приняла к сведению все рекомендации обоих братьев, только вот следовать им пока не спешила. Главное, что беспокоило ее, было даже не то, с кем ей придется иметь дело в Нидерландах. Больше ее волновали переезд на новое место и первоначальное обустройство. Королева Венгрии находилась в стесненных финансовых обстоятельствах, а требования императора и рекомендации эрцгерцога приглашать с собой в Нидерланды как можно меньше людей и даже охраны, чтобы набрать весь штат уже в Нидерландах, пугали Марию³.

В результате переговоров о том, чтобы брать или не брать с собой кого-либо из приближенных, было достигнуто относительно компромиссное решение: до границы империи и Нидерландов Марии разрешили взять управляющего и даму, ответственную за гардероб

¹ «...vous pouvez laisser derriere vous vos principaus serviteurs, et principalement ceux qui pourroient estre danger de cest affair, et affin que saches ceuls que l'on m'a nommé, sont vostre mestre d'ostel, camergraf, prescher, aumenyer, damme d'honneur et sy bien y a quelques autre» Карл V — Марии, Кельн, 03.01.1531 г. *Korrespondenz des Kaisers Karl V, mitgth. Karl Lanx, F-a-M., 1966, 418; Jane de Jongh. Op. cit. P. 140.*

² «Et il me samble, Madame, que entre les autre ne debes amener vostre prescheur et confesur. Car saves ce que vous ay dit aucunefois de luy, et smablablement le camergraf, car il sont desjà tenus en tell reputation partout... Et sy saves d'autres que creindesies que deusent fere le semblable, me sanble que ne feries mal les lesier derière, et le vous osse consillé pour vostre honeur, reputation et auctorité». Фердинанд I — Марии, Кельн, III, 446–3, 04.01.1531.

³ «L'aultre point est, Mons., veu, comme saves, l'emperateur desire que mes gens maine petite compagnie avec moy, vous voroie bien suplier, veu que bous bous ofrés de me provoir de gens jusque à là pour me convoier, qu'il nous plais a me fair savoir, cy vous me provere des gens de vostre court ou, sy vous le voles faire, des gens de ces pais — combien que ay creinte que en trouveres peu que y voront aller — de en tans leur en avertir et faire traiter avec eulx. Car, Mons., il me samble d'y aller à sy tres peut compagnie, ne seroit et à l'empeur et à nous tous trop honneste. Car j'aray bien a traverser l'empire, come saves. Je fais mon conte que aray de mes gens pur mener avec mey jusque invyron — sans les ofisier quy faulr quy vonte devant — 40 chevaux, combien que say que viens asteure mal à propos...» Мария — Фердинанду I, Кремс, III, 450–5, 24.01.1531 г.

королевы¹. От их услуг наместнице предстояло отказаться немедленно по прибытии. Единственным, чье присутствие в Нидерландах не оспаривалось, был ее личный секретарь, Миклош Олах. Этот преданный человек и убежденный католик сопровождал свою королеву во всех ее странствиях². Правда, тех, кого королева оставила, не бросили на произвол судьбы. Им предоставили посты в управлении ее владениями в Венгрии или в Австрии. Заботы об обустройстве этих лиц, как по просьбе сестры, так и по собственной инициативе, взял на себя Фердинанд³.

В то же время возникли сложности с комплектованием штата двора из тех, с кем ранее работала Маргарита. Одни из них к тому времени уже умерли. Другие же отказывались от предложения занять место при дворе, ссылаясь на возраст и слабое здоровье.

В любом случае, подобрать мужской штат придворных оказалось много легче, чем дам. При дворе должно было присутствовать определенное число представителей провинций и центральных ведомств, таких как Государственный совет, Тайный совет (ранее части одного большого Тайного совета) и Финансовый совет⁴. Назначением в эти ведомства ведал Карл. Поэтому часть придворных заняла посты согласно прямому распоряжению Карла, а другая — благодаря положению, которое они занимали в провинции.

Несмотря на все принимаемые меры, дело двигалось очень медленно. Мария приняла предложение Карла стать правительницей

¹ *Jane de Jongh*. Op. cit., 145.

² Карьера этого государственного деятеля началась еще при Уласло (Владиславе) Ягеллоне. Он принял духовный сан в 1516 г. и к 1521 г. дослужился до поста главного декана комаромского церковного округа. В 1524 г. Олах стал королевским секретарем, а после смерти Лайоша (Людовика) Ягеллона занял ту же должность при вдовствующей королеве Марии. Последовав за королевой в Нидерланды, Олах долгое время прожил там. За время службы секретарем Марии-наместницы Нидерландов Миклош только один раз (1539) возвращался в Венгрию для согласования условий одного из многочисленных перемирий, заключавшихся Фердинандом I с воеводой Трансильвании Яношем Заполяяи. В 1542 г. он принял приглашение Фердинанда I стать его секретарем и советником и в течение 1540-х гг. получил несколько важных церковных кафедр и пост канцлера королевства. В 1552 г. Олах возглавил церковную иерархию Венгрии и стал эстергомским епископом. См. подробнее: *Т. И. Гусарова*. Миклош Олах — венгерский государственный деятель и гуманист // *Культура Возрождения и власть*. М., 1999. С. 204–211.

³ «Et vue, Mons., que ne puis pas partir sans mester order en mes affaires et donner serge [a] aucunes de mes serviteurs, touchant les biens de mon douaire en ses pais, se que ne puis faire sans avoir en ce vostre bon conseil et aide, voroie ester le plustost que poroie vers vous.» Мария — Фердинанду I, Кремс, III, 450–4, 24.01.1531 г. *Jane de Jongh*. Op. cit. P. 145.

⁴ См. подробнее: *James D. Tracy*. Op. cit. P. 46.

Нидерландов в январе 1531 г. А к июлю того же года двор ее состоял лишь из трех человек: господина де Семпи, и господина Моленбе, занявших посты почетного рыцаря и метр'д'отеля, и одной придворной дамы, госпожи де Шиевр, вдовы Гийома де Круа, сеньора Шиевра, которая колебалась, принять ли ей предложение или нет, ссылаясь на возраст¹. Впоследствии к этим людям добавилось еще несколько человек, о назначениях которых Карл счел необходимым известить Фердинанда. Уже упомянутый здесь де Семпи² получил в результате всех перемещений пост казначея, де Моленбе стал главным камердинером, Эмерикур, верный придворный Фердинанда, несколько раз представлявший его при дворе императора, когда тот был в Испании, получил пост метр'д'отеля, сеньор Блуа, также прибывший из Вены, стал кравчим³.

Возникшие сложности с подбором людей для двора в Брюсселе заставили искать их в иных местах. Несколько человек родом из Нидерландов пригласили из придворного штата Вены. Поскольку эти люди занимали определенное место при дворе Фердинанда и Анны Ягеллон, их положение при дворе Марии заранее оговаривалось, чтобы гарантировать, что они ничего не потеряют при переводе⁴. Так, направленному из Вены в Брюссель господину Хинкару Фердинанд просил предоставить пост капитана лучников. Он получил этот пост, только несколько позже, поскольку на это место нашелся еще один претендент, шталмейстер Маргариты Жан де Брежилль, вскоре умерший. Хинкар же до того времени получил пост «служащего стола»⁵.

---

¹ «Touchant mon estatt, n'est aoncore conclu que le chevalier d'honneur quy est Mons. de Sempy, et le grand-mestre d'ostel quy esn Mons. de Molinbais. Touchant la dame d'onnour, de quy ne puis aider, n'en savons pas trouve[r] en tout se pais que une quy est Madame de Chievres. Mes croy wue elle l'acceptera à grant peine, sy elle l'accepte, car ell est bien vielle...». Мария — Фердинанду I, Брюссель, III, 508–3,05//06.07.1531 г.

² Saint Py.

³ «L'estat de la reynge est conclut de la sort que je croy elle vous avertist plus particulierment. Elle a le s. De Sempy pour chevalier d'honneu[r], celui de Malembays pour grand mestre d'ostelle...» Карл V — Фердинанду I, Брюссель, III, 523–13, 29.07.1531 г.

⁴ «Touchant, Mons., vos serviteurs, lesquels ous aves promoteu vers l'empereur Mons... tiens pour certain que la plupart en sera usé selon vostre desir et quant a mon commandement». Мария — Фердинанду I, Брюссель, III, 505–4, 28.06.1531 г. Поскольку письма часто сопровождалась массой дополнений и приложений, все данные о запрошенных и предоставленных постах отмечались там. К сожалению, все бумаги подобного рода не были опубликованы вместе с письмами, к которым они прилагались.

⁵ «Touchant de mon estatt et des persones qu'il vous a plut à promouvoir, en sera fait selon vostre volenté, exepté Hincart ne sera capitaine des archiers, mes

С придворными дамами ситуация оказалась много сложнее. Мария практически никого в Нидерландах не знала, Карл же занял жесткую позицию в этом вопросе. Он считал, что дам лучше подбирать в Нидерландах. Император опасался того, что приехавшие с правительницей дамы могут придерживаться еретических учений, что могло усугубить и без того сложную религиозную ситуацию в Нижних землях, где сторонники «ересей» принадлежали и к высшим слоям общества, как и во многих государствах. Но Мария уже продемонстрировала свою готовность подчиниться воле брата, оставив всех своих придворных, в чьих религиозных воззрениях возникли сомнения. Поэтому даже в виде исключения еретичка не могла занять места при дворе правительницы.

Кроме того, он считал, что придворные дамы должны быть старше. Возраст имел значение потому, что молодая дама, по мнению Карла, могла оказаться слишком неопытной, к тому же быть замешанной в придворные интриги или уличенной в легкомысленном поведении. Здесь следует заметить, что самой Марии в то время было 25 лет, и в провинциях ходили упорные слухи о том, что у молодой правительницы не достанет опыта эффективно управлять, поскольку ее первые явления на публике получились не очень удачными. Она никак не напоминала свою тетку, властную и блестящую Маргариту, которую к тому же все помнили уже дамой в возрасте¹.

Когда были заняты все особенно важные вакансии и император счел свою миссию в Нидерландах завершённой, он так написал своему брату: «Я сделал все от меня зависящее, чтобы назначить какую-нибудь старушку из здешних дам... ибо без этого, я Вам обещаю, будь то молодая или старая (дама), королева наделает здесь ошибок... Поскольку я считаю, что придворные дамы должны быть скорее в годах, чем молодые, я затруднялся до последнего времени... просить их об этом, чтобы не дать повода говорить или даже думать, что могли в этом быть какие-то дурные намерения: я не такой уж плохой муж, да и дело слишком серьезное, чтобы допускать подобные сплетни»².

---

seux qui serviront de bouche comme les aultres, sy il li vora acsepter». Вообще же при Брюссельском дворе существовало несколько должностей, которые мог занять Хинкар: gentilshomme servant la bouche, gentilshomme de quarte états, или же pannetier, échanon, écuyer tranchant, écuyer d'écurie. Мария — Фердинанду I, III, 522–3, 27.07.1531 г.

¹ «...the new regent's first appearance contributed nothing to end the rumor that the Emperor had confided his hereditary lands to a far too young and inexperienced woman». *Jane de Jongh*. Op. cit. P. 150–152.

² «Quant aus femmes, j'ay fayt tout mon possible de avoyr quellque bonne et honneste vielle de Par-deçà... car sans cela je vous promes, gue la reygne en aura

Что касается «старушек из здешних дам», привлечение их на службу Марии оказалось делом сложным. Как правило, они уже служили при дворе Маргариты и ушли в отставку сравнительно недавно. Так, упомянутая выше госпожа де Шиевр, в конце концов, отказалась от предложения Марии и Карла, сославшись на глухоту и слабость, как и представительница голландской аристократии, госпожа Эгмон, тоже жаловавшаяся на слабый слух¹.

Не приходилось надеяться на то, что кого-нибудь переведут из Испании, поскольку Карл никого не отпускал, считая, что в Нидерландах достаточно подготовленных к обязанностям придворных лиц. В Вене имелось несколько человек родом из Нидерландов. Нескольких из них уже направили в Брюссель. Но постоянно переводить придворных дам из Вены было обременительно для казны. Тем не менее, несмотря на все предубеждение Карла к присутствию чужаков при дворе в Брюсселе, Мария решилась пригласить к себе на службу графиню де Сальм, урожденную Рогендорф, которая уже служила при дворе Марии в Венгрии, а на момент формирования штата в Брюсселе находилась в Германии. Поскольку привлечению на службу Марии именно этой дамы уделено много внимания в переписке, этот сюжет можно исследовать достаточно подробно.

Когда Мария приняла пост правительницы Нидерландов, де Сальм вернулась домой, в Германию. В том, что услуги графини будут необходимы на новом месте, Мария была уверена с того самого момента, как приняла назначение. Простого приглашения ко двору в Нидерланды оказалось недостаточно. Все дело заключалось в том, что по возвращении в свои владения графиня оказалась почти под арестом, поскольку ее родственники настаивали на том, чтобы она, наконец, занялась домом и детьми. Мария обратилась за помощью к брату. Она так написала Фердинанду: «...ее братья изо всех сил пытаются удержать ее дома, что, как я считаю, равносильно ее смерти. Как уверил меня один из ее братьев, да и сама я знаю, что если и есть способ вызволить ее оттуда, так это служба мне...»².

---

grand faute de Par-deçà. Affin que voyes que je ne suis meu d'affection au jeunes, j'ay differé ausques a maytenant — qu'est mon partement — de les mander, affin que l'on n'eut cause de dyre ou penser sand cause que le fase a mouvyse intencion: car je ne suis sy mouveys mary, et aussy la chose est trop important pour ce jouer de telle sorte». Карл V — Фердинанду I, Брюссель, III, 523–13, 29.07.1531 г.

¹ «J'ay solicyté madame de Chièvres, laquelle a se excusé sur sa debilité et qu'el-le este surde. Aussy a fayt le samblable la vielle dame d'Egmont...» — Ibidem.

² «...ces frays ne la poront à grand paine tirer de sa maison, ce que penser seroit sa mort. Je suis autant aseurée de son frayre et ausy say s'il i a moien de

Однако Фердинанд не мог понять, что же конкретно он может сделать в этом случае¹. Поэтому, ссылаясь на неопытность в делах подобного рода, запросил совета у сестры, тем не менее не отказывая в помощи. Мария предложила Фердинанду переговорить с родственниками лично², а для большей уверенности в успехе написать об этом деле императору³.

Уговоры и убеждения в конце концов сыграли свою роль, и графиня благополучно была отпущена семьей в Нидерланды. Чтобы заполучить ее, Марии пришлось уговаривать не только родственников своей придворной дамы через Фердинанда, но и Карла, который был против того, чтобы графине досталось место, которое могла занять пусть и молодая, но все-таки представительница Нижних земель. Но Мария преуспела в обоих случаях. В письме к Фердинанду Карл сообщал, что согласие на прием де Сальм далось ему нелегко: «Мне было бы приятнее видеть при дворе кого-нибудь из здешних дам, чем немку. Но поскольку это невозможно, я не смог ничего сделать»⁴. Император подчеркнул, что он одобрил выбор правительницы не в последнюю очередь потому, что графиня не была замечена в симпатиях к лютеранской доктрине⁵.

К концу 1531 г. были улажены практически все проблемы, которые удерживали Карла в Нидерландах, и он отбыл в Германию, доверив сестре управление Нижними землями. Придворный штат был набран согласно трем критериям, которых придерживался Карл, одобряя или не одобряя предложенных ему кандидатов или предлагая сам. Во-первых, кандидат на придворную должность должен был быть католиком. Во-вторых, он должен иметь местные корни. В-третьих, особенно этот пункт относился к дамам, не должен отличаться особой молодостью, но в то же время быть способен исполнять свои обязанности.

---

la tirer de là, que se sera pour mon service...» Мария — Фердинанду I, Линц, III, 467–6, 13/14.03.1531 г.

¹ «Touchant la contesse de Salm, je suis perplex que j'on doies fere...». Фердинанд I — Марии, Будовице, III, 466–6, 10.03.1531 г.

² «...[je] ne doute, sy il vous plaira d'en parler a elle, Mons. Roggendorff et a son filz qu'ilz vous voront en ce obeir et complaire...» Мария — Фердинанду I, III, 522–1, 27.07.1531 г.

³ «Et s'il vous plait... qu'il a en escripre a l'empereure...» Мария — Фердинанду I, III, 467–6, 13/14.03.1531 г.

⁴ «J'eusse voulontier veu qu'elle eut eu quelque une de Par-décà plustost que une alemande. Mays veant que il ne a esté possible, n'en ay peu moyns fayre.» Карл V — Фердинанду I, Брюссель, III, 523–13, 29.07.1531 г.

⁵ «Je me avance a vous prier de ce pour de ce pour la bonne extime en quoy la tenes, aussy pource qu'elle n'est luteryenne...» — Ibidem.

Итак, на примере подбора штата для двора Марии Венгерской в Нидерландах можно восстановить отчасти принципы, которыми руководствовались Габсбурги при управлении своими владениями.

Несмотря на то что владения семьи были разбросаны почти по всей Европе, все они рассматривались как достояние семьи в целом, на всех и каждом лежала ответственность за сохранение этого достояния. Поэтому все возникающие проблемы и осложнения семья старалась решить совместными усилиями. И эта стратегия в течение какого-то времени оказалась эффективной.

Привлечение родственников к управлению владениями, несмотря на уже имеющиеся там органы власти, — метод, которым Габсбурги активно пользовались на протяжении XVI в. Каждый представитель семьи рассматривался как самостоятельный правитель, в то же время все подчинялись определенным правилам внутрисемейной дисциплины. Эти правила гласили, что в семье как едином целом всегда есть глава. Таковым всегда считался старший мужчина в роду. Все его решения надлежало выполнять беспрекословно. Старшим в роду в 1530-х гг. был Карл. И именно ему принадлежало последнее слово при решении всех вопросов, связанных с комплектованием двора правительницы.

IV. RATIO REI PUBLICAE

Л. М. Брагина

ИСКУССТВО ВЛАСТИ В «ЗАМЕТКАХ» ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

Характер государственной власти, механизм ее функционирования, искусство реализации политических целей занимали Франческо Гвиччардини, выдающегося историка и мыслителя эпохи Возрождения, на протяжении всего его творчества. Он обозначил эти проблемы уже в раннем произведении — «История Флоренции» (1508–1510), не предназначавшейся для публикации. Обратившись к истории родного города, Гвиччардини отдал дань традиции, сложившейся в среде флорентийской знати и верхушки купечества, где было принято создавать для семейного чтения летописание судеб Флорентийской республики, отмечая при этом и роль своего рода в государственном управлении. В «Истории Флоренции» он уделил главное внимание борьбе за власть в городе крупных семейных кланов, закулисным махинациям, приведшим в конечном итоге к утверждению тирании Медичи. Их финансовое могущество позволило сначала Козимо Старшему, а позже его внуку Лоренцо Великолепному подчинить своему мощному влиянию Флоренцию¹. Еще более пристально молодой историк, юрист по образованию, анализирует реформу государственной власти после изгнания Пьеро Медичи в 1494 г., в период республиканской реставрации, непосредственным свидетелем которой был он сам. Гвиччардини задается вопросом, в чем причина политической нестабильности, характерной для Флорентийской республики на протяжении нескольких столетий, и склоняется к мысли, что дело не в форме государственной власти (хотя республику он безоговорочно предпочитает монархии), а в некомпетентности правителей, равно как и в их своекорыстных интересах, нередко берущих верх над принципом государственной пользы.

---

¹ Об оценке тирании Медичи в «Истории Флоренции» Гвиччардин см.: *Брагина Л. М.* Проблемы власти в творчестве Франческо Гвиччардини // *Культура Возрождения и власть*. М., 1999. С. 55–66. Русский перевод ряда глав «Истории Флоренции» (с IX по XVI) опубликован в кн.: *Сочинения великих итальянцев XVI века* / Под ред. Л. М. Брагиной. СПб., 2002. С. 72–140.

Субъективный фактор власти, опыт и мудрость тех, кто стоит во главе государства, их умение владеть искусством управления во имя общего блага — эти и другие вопросы политики становятся главным предметом размышлений Гвиччардини и в более поздних его сочинениях — в «Рассуждении в Логроньо» (1512–1513) и «Диалоге об управлении Флоренцией» (1521–1524). В «Рассуждении в Логроньо», написанном Гвиччардини во время его пребывания в Испании в составе дипломатической миссии, он выдвинул четкую программу государственной реформы Флоренции с целью создания оптимальной для нее, по его убеждению, системы правления (*buono modo governare di stato*) при сохранении традиционной свободы, «свойственной нашему городу и естественной для него»¹.

Понятие «свобода» (*libertas, libertà*), ставшее символом коммуны Флоренции после победы над гвельфами и принятия в 1293 г. «Установлений справедливости» — пополанской конституции, прочно укоренилось в последующие столетия в политическом менталитете и лексиконе флорентийцев. Оно означало прежде всего республиканские свободы с правом граждан участвовать в обсуждении и принятии законов, в управлении государством, возможность быть избранными в органы исполнительной власти (различные магистратуры). Для Гвиччардини в «Рассуждении в Логроньо» важен и иной аспект свободы — «чтобы законы и общественный порядок преобладали над устремлениями частных лиц»². Основу свободы и ее гаранта он видит в Большом совете, сформированном как законодательный орган в конце 1490-х гг. (в период республиканской реставрации его состав доходил до тысячи человек). От Большого совета, олицетворяющего народ (*popolo*), получают свои властные полномочия магистраты. Однако для сохранения свободы Гвиччардини считает необходимым создать еще один высший государственный орган — сенат (его не было в структуре власти Флорентийской республики), который состоял бы из пожизненно избираемых лучших граждан. С сенатом следует советоваться — и это особо подчеркивает Гвиччардини — по всем важным делам внутренней и внешней политики. Сенат — главное звено реформы, предлагаемой Гвиччардини. Он видит в нем посредника, даже своеобразного амортизатора между «многими» (Большой совет) и «одним», то есть гонфалоньером справедливости, возглавляющим Синьорию, традиционный высший орган исполнительной власти Флоренции. Его глава с 1502 г. избирался пожизненно, поэтому се-

¹ *Guicciardini Fr. Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze / A cura di R. Palmarocchi. Bari, 1932. P. 219, 223.*

² *Ibid. P. 223: «...uno prevalere le legge ed ordini publici allo appetito delli uomini particolari».*

нат, полагал Гвиччардини, должен был бы обуздывать стремление гонфалоньера к единовластию и, с другой стороны — корректировать «невежество многих» из числа членов Большого совета. Именно поэтому в сенат следует включать мудрых, способных к управлению государством людей, «чтобы важные решения принимались теми, кто понимает их значение»¹.

Анализируя предложенную Гвиччардини реформу государственной власти Флоренции, в которой сохранялись главные институты пополанской республики, но вводился сенат как орган по сути олигархический, многие исследователи склонны были видеть в ее авторе сторонника олигархии, тем более что он высоко оценивал строй патрицианской Венецианской республики². Более убедительной представляется, однако, позиция Н. Рабинстайна, который считает, что Гвиччардини не стремился к насаждению олигархического режима во Флоренции, когда настаивал на создании сената, но лишь хотел видеть в ней более совершенную государственную систему³. Следует отметить и тот момент, что его реформа не предполагала сокращения состава Большого совета, более того он рассматривался как главная гарантия флорентийской свободы. А вот отсутствие должной компетентности у многих его членов восполнялось мудрыми и опытными политиками из состава сената. Не оптимизация власти в рамках олигархии как правления немногих, а более высокий профессионализм в принятии законов — такова, на мой взгляд, главная цель реформы Гвиччардини, да и его политическая позиция в целом, что подтверждают и другие его сочинения.

Реформаторским помыслам, изложенным в «Рассуждении в Логроньо», не суждено было сбыться — когда Гвиччардини вернулся во Флоренцию в 1514 г., здесь уже произошла реставрация власти Медичи. Однако Гвиччардини не оставлял попыток повлиять на их политику: будучи избранным в состав Синьории в числе доверенных лиц Медичи, он давал советы, как добиться политической стабильности в городе. И если не настаивал прямо на создании сената, то все же реко-

¹ *Guicciardini Fr. Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze*. P. 241: «... tutti li omni savi dalla città e tutti quelli che sono atti e sufficienti al governo, accio che le resoluzioni importanti si faccino per mano di chi sappi ed intenda».

² *De Caprariis V. Francesco Guicciardini. Dalla politica alla storia*. Bari, 1950; *Ridolfi R. The life of Francesco Guicciardini*. N. Y. 1968; *Bonadella P. E. Francesco Guicciardini*. Boston, 1976; *Phillips M. Francesco Guicciardini: the historian's craft*. Manchester, 1977; *Scarano E. La ragione e le cose. Tre studi su Guicciardini*. Pisa, 1980; *Sasso G. Per Francesco Guicciardini. Quattro studi*. Roma, 1984; *Francesco Guicciardini. 1483–1983: nel V centenario della nascita*. Firenze, 1984.

³ *Rubinstein N. Guicciardini politico // Rinascimento. Sec. ser. Vol. XXVI*. Firenze, 1986. P. 161–191.

мендовал правителям учитывать интересы всех граждан Флоренции и опираться на «мудрых людей, имеющих большой опыт»¹. Как и прежде, его волновала проблема компетентности власти как главного условия оптимизации ее функционирования. Что же касается общей политической позиции Гвиччардини, то он оставался верен исходным принципам и в последующий период своей деятельности, когда многие годы был на службе у пап из рода Медичи². До конца дней Гвиччардини оставался убежденным сторонником республиканского строя и считал очень опасным для Флоренции утверждение в городе абсолютной власти.

В одной из речей 1516 г. он советовал Медичи не стремиться к установлению единовластия во Флоренции и тем более к его юридическому оформлению, но сохранять, пусть не на первом плане, гражданские свободы³. Гвиччардини полагал, что утверждение единоличной власти правителей из рода Медичи крайне опасно и для них самих, и для всего города. Ему приходилось обращать внимание своих покровителей — сначала папы Льва X, а в 1520-е гг. Климента VII (Джулио де Медичи) — на необходимость сохранения во Флоренции республиканских порядков как важном условии упрочения в городе власти Медичи. Гвиччардини оказался в сложном положении определенной раздвоенности: будучи государственным деятелем на службе у Медичи, он оставался политическим мыслителем, глубоко озабоченным судьбами Флорентийской республики. Эти трудности он особенно остро испытывал, как признавался сам, когда писал одно из главных своих сочинений — «Диалог об управлении Флоренцией». Не случайно, он еще и еще раз переделывал введение к нему, о чем свидетельствуют три его сохранившихся варианта⁴.

Во 2-й книге «Диалога» Гвиччардини вновь обращается к идее создания сената как органа, компетентного в вопросах государственной политики, отмечая при этом другую его роль — тормоза для устремлений пожизненного гонфалоньера к единовластию (Синьория и другие республиканские институты еще сохранялись, хотя во многом формально, вплоть до 1530 г.). С другой стороны, он усматривал в существовании сената узду, сдерживающую разгул страстей

¹ *Guicciardini Fr. Dialogo e discorsi*. P. 271: «...uomini savi e che hanno grande esperienza e maturità».

² В 1515 г. папа Лев X пригласил Гвиччардини на службу в курию в качестве адвоката консистории (*avvocato consistoriale*). В 1516 г. ему было поручено управлять Моденой, а с 1517 по 1524 г. он исполнял те же функции в Реджо и Романье. В 1526 г. при папе Клименте VII Гвиччардини участвовал в войне Коньякской лиги.

³ *Guicciardini Fr. Dialogo e discorsi*. P. 281.

⁴ *Rubinstein N. Guicciardini politico*. P. 174–176.

среди пополо. Предлагая создать сенат, Гвиччардини не имел в виду ограничить значение Большого совета, по-прежнему рассматривая его как основу республиканского строя Флоренции, как символ ее суверенитета и даже как противовес олигархическим устремлениям патрициата. В то же время он не был склонен расширять полномочия Большого совета, поскольку считал невозможным обсуждать серьезные и секретные вопросы дипломатии и войны в столь многочисленном составе. Рассмотрение таких вопросов должно входить, по его мнению, в компетенцию сената, где будут приниматься оперативные и обдуманые решения¹.

Мысль о необходимости включения в государственную систему Флоренции узкого, но весьма компетентного органа власти не оставяла Гвиччардини и после падения республики и реставрации господства Медичи в 1530 г. (они были изгнаны из города в 1527 г.). Оказавшись в числе советников Алессандро Медичи, он предлагал ему окружить себя преданными, мудрыми и опытными в политике людьми, имеющими к тому же и безупречную репутацию². Алессандро не спешил воспользоваться советами Гвиччардини. Не стал прислушиваться к его рекомендациям и Козимо I Медичи, пришедший к власти после убийства Алессандро в 1537 г. Последние годы жизни Гвиччардини провел в своем имении под Флоренцией, отойдя от всех государственных дел и сосредоточившись на работе над «Историей Италии». В этом сочинении он также не раз обращался к проблемам истории Флоренции и анализу принципов ее государственного устройства, демонстрируя неизменную верность своим представлениям о наилучшем для нее правлении, которые излагал еще в «Рассуждении в Логроньо» и «Диалоге»³.

Если Гвиччардини как политический мыслитель твердо придерживался республиканских убеждений и настойчиво проводил идею об оптимизации управления Флоренцией на основе сочетания Большого совета, сената и Синьории (что в целом должно было, на его взгляд, повысить профессионализм власти и создать прочные устои для республики), то в своей практике как государственный деятель и политик он был прагматиком и уживался с любым режимом. Эта двойственность, а скорее трезвый взгляд на реалии своего времени отразилась в «Заметках» (*Ricordi*) Гвиччардини, которые он вел на протяжении многих лет (к сожалению, большинство из них трудно поддается

¹ *Guicciardini Fr. Dialogo e discorsi. P. 102* «... le cose gravi essere consultate con questo perche non potrebbero essere segrete, non bene esaminate, non bene intese».

² *Guicciardini Fr. Dialogo e discorsi. P. 271.*

³ *Guicciardini Fr. Storia d'Italia / A cura di S. Seidel Menchi. Torino, 1971. 3 Vols.*

точной датировке) и в которых фиксировал в афористической форме свои наблюдения над перипетиями политики итальянских государств, размышления о природе власти, искусстве ее реализации. «Заметки о делах политических и гражданских» (под таким названием *Ricordi* были изданы в переводе на русский язык в 1934 г.)¹ представляют собой особый интерес для исследователей творчества Гвиччардини, поскольку принадлежат перу видного политического деятеля эпохи Итальянских войн, вовлеченного службой в водоворот разнородных конфликтов, политических, военных, дипломатических, стремившегося к тому же теоретически осмыслить природу власти и тонкости политики и сделать практические выводы из своих наблюдений.

В «Заметках» представлен широкий спектр суждений Гвиччардини об эффективности той или иной формы государственного устройства, роли субъективного фактора в судьбах народа, психологии правителей и многом другом из сферы политики. Оставляя в стороне проблему типологии форм государства и пользуясь традиционной классической триадой — правление многих, немногих и одного, Гвиччардини как историк размышляет о причинах крушения государств, в основном итальянских городских республик, и ищет ответ не столько в особенностях их политического устройства, сколько в компетентности правителей, их своеобразном профессионализме, в умении владеть искусством власти. Как юрист он высказывает твердое убеждение, что все формы правления, кроме республики, да и то в пределах города, а не подвластной ему территории, нелегитимны.

«Все государства, если как следует рассмотреть их происхождение, строятся на насилии, нет власти законной, кроме республики... незаконна и власть императора, основанная на власти римлян, которая была бóльшим захватом, чем какая-либо другая»².

Республике Гвиччардини отдает очевидное предпочтение, когда ведет речь о достоинствах и недостатках различных форм государства, и именует ее «народным правлением» (*vivere popolare*) или «свободным строем» (*vivere libero*). При этом чаще использует последний термин

---

¹ *Гвиччардини Фр.* Сочинения / Под ред. А. К. Дживелегова. М., 1934. С. 107–228. Итальянские издания «Заметок»: *Guicciardini Fr. Ricordi* / A cura di E. Janni. Milano, 1951; *Guicciardini Fr. Ricordi, diari, memorie* / A cura di M. Spinella. Roma, 1981; *Guicciardini Fr. Opere* / A cura di V. De Caprariis. Milano, Napoli, 1953.

² *Гвиччардини Фр.* Сочинения. С. 202–203 (317) (далее — Сочинения.) *Guicciardini Fr. Ricordi.* Milano, 1951. P. 40: «Tutti gli stati, chi bene considera la loro origine, sono violenti; ne ci è potesta che sia legittima dalle repubbliche in fuora, nella loro patria e non più oltre, neanche quella dello imperatore che è fondata in sulla autorità de'romani che fu maggiore usurpazione che nessuna altra».

(иногда — «свободный образ жизни»), подчеркивая этим конституционный характер республиканского строя. В законах он видит главный противовес своеволию, разнузданности как правителей, так и народа. При «свободном строе правильные законы и добрые нравы соблюдаются строже, чем под властью одного или немногих»¹. Республика хороша именно тем, считает Гвиччардини, что создает надежную правовую основу функционирования власти. «Плоды свободы и цель ее не в том, чтобы каждый правил государством, ибо править должен лишь тот, кто способен и этого заслуживает, а в том, чтобы соблюдались хорошие законы и установления»². Как и в «Рассуждении в Логроньо» и позже в «Диалоге об управлении Флоренцией», акцент в «Заметках» сделан на субъективном факторе власти: правление при свободном строе следует доверять лишь достойным и главное — компетентным в вопросах политики.

Гвиччардини не находит изъяна в республиканском принципе равноправия граждан, поскольку он не исключает различий в реальных возможностях для них воздействовать на общество; допустимо, чтобы один гражданин пользовался большим влиянием, чем другой, «лишь бы это было данью всеобщей любви и почтения и вместе с тем народ имел бы возможность сменить его, когда захочет»³. Гвиччардини — безусловный противник формально понятого равенства, когда все стремятся участвовать в управлении государством, и считает разумным и весьма полезным привлечение к власти лишь людей уважаемых, мудрых, добропорядочных, а выборная система, по его убеждению, не позволит развиться стремлению того или иного магистрата к превышению своих полномочий⁴. Гвиччардини считает серьезным пороком политической практики Флоренции, что «людям мало одной свободы и безопасности и они не успокаиваются, если не участвуют в управлении»⁵. Именно это превышение меры, столь очевидное в практике пополанской демократии Флорентийской республики, приводит его к выводу о необходимости сдерживать бурную политическую активность граждан, что можно осуществить, создав

---

¹ Ricordi. P. 95: «... la osservanzia delle buone legge e buoni ordini, le quali sono più sicure nel vivere libero che sotto la potestà di uno o pochi».

² Сочинения. С. 142–143, (109). Ricordi. P. 95: «Non è el frutto delle libertà, ne el fine al quale le furono trovate, che ognuno governi, perche non debbe governare se non chi è atto e lo merita».

³ Сочинения. С. 181, (233), Ricordi. P. 21: «Non repugna alla equalità del vivere popolare, che uno cittadino abbia piu riputazione che l'altro, pure che la proceda da amore o reverenzia universale, e sia in facultà del popolo levargliene a sua posta».

⁴ Сочинения. С. 181 (233).

⁵ Сочинения. С. 143 (109).

сенат. Такого рода реформу он предлагал в «Диалоге об управлении Флоренцией». Цель демократии, по мысли Гвиччардини, не в том, чтобы каждый гражданин входил во власть — ее следует доверять немногим профессионалам. К этой проблеме он не раз возвращается в «Заметках». Так, с некомпетентностью правителей связывает он главную причину бесславного конца многих городов-государств. Город могут погубить, рассуждает он, либо стихийные бедствия, либо неверные решения тех, кто им управляет. Гибель от внезапно обрушившегося несчастья случается крайне редко, поэтому причиной крушения городов-государств почти всегда бывают ошибки правителей¹. Корень этого зла, по убеждению Гвиччардини, в невежестве людей: они не способны понять истинные причины неурядиц в жизни государства и осознать, «сколько зла причиняет правление тех, кто не умеет управлять»². Как вдумчивый и опытный политик он разбирает достоинства республиканского строя, но отчетливо видит и его слабые стороны: «Велики недостатки и неурядица правления народного, и тем не менее в нашем городе мудрые и добропорядочные граждане одобряют его как наименьшее зло»³.

Не заслуживает особых похвал и система единовластия, поскольку монархический строй, по Гвиччардини, имеет тенденцию перерастать в тиранию. Правители часто забывают о том, что им вручают власть законным порядком не ради их собственного блага, но ради интересов общества, «чтобы дать ему хорошее управление», поэтому, когда государь ставит свои интересы выше интересов народа, он уже не государь, а тиран⁴. Тиранию Гвиччардини решительно отвергает, находит в этой форме правления, принесшей немало бед городам-государствам Италии, только негативные стороны, которые сводит в конечном итоге к субъективному фактору власти, к психологии и особенностям личности правителя. Тиран себялюбив, коварен и жесток. Кровь граждан — вот «известь, скрепляющая здание государства тирана, поэтому каждый должен всячески стараться, чтобы в его городе не возводили подобных зданий»⁵. Отсюда и совет, который Гвиччар-

¹ Ricordi. P. 102 (139): «Sono adunque gli errori di chi governa quasi sempre causa delle ruine delle città».

² Ibid. P. 102 (137): «... ma el male è che gli uomini, ed e' popoli massime, per la ignoranza loro, non intendono la cagione de' disordini, non li attribuiscono a quello errore che gli ha prodotti».

³ Сочинения. С. 180 (227). Ricordi. P. 20 (5): «Grandi difetti e disordini sono in uno vivere popolare, e nondimeno nella nostra città e' savi e buoni cittadini lo approvano per meno male».

⁴ Сочинения. С. 202 (314).

⁵ Ricordi. P. 93 (20): «La calcina con che si murano gli stati de' tiranni è el sangue de' cittadini; pero dovrebbe sforzarsi ognuno che nella città sua non s'avessino a murare tali palazzi».

дини дает тем, кто оказался под властью тирана: добропорядочный гражданин от жестокого тирана должен спастись, как от чумы; при разумном — лучше держаться смело и решительно, ибо слабых и робких он скорее подчинит своей воле¹. Впрочем, иногда излишняя активность может насторожить тирана и побудить его искать способ избавиться от такого подданного². Хотя Гвиччардини и отмечает разновидности тирании (при разумном тиране жить все же можно, а при жестоким невыносимо), считает ее худшим злом, которое выпадает на долю государств, в том числе и городу-республике, где нередко некомпетентность правителей открывает путь к острейшим распрям среди граждан и как следствие — к установлению единовластия в такой крайне негативной форме. Эта позиция нашла четкое выражение во многих заметках Гвиччардини.

Монархическая власть имеет свои достоинства и недостатки, однако в «Заметках» Гвиччардини чаще ведет речь о последних, хотя нередко дает советы государям, как укрепить свою власть, сделать ее более привлекательной для подданных. Один из путей упрочения единоличной власти — не подводить подданных слишком близко к свободе: «ведь люди от природы хотят быть свободными, и естественное свойство каждого не довольствоваться тем, что у него есть, а всегда стремиться к лучшему; эти стремления сильнее памяти о любезном общении с ним государя или о дарованных им милостях»³. Монархию Гвиччардини рассматривает как антипод республики, и потому она должна строиться на иных принципах власти, в частности, на отказе от конституционных свобод, от равноправия и политической активности подданных. Следуя такой логике, Гвиччардини замечает, что Медичи потому лишились власти во Флоренции в 1527 г., что использовали приемы управления и учреждения, «принятые при свободном правлении»⁴. Структура власти и способы ее утверждения различны в республике и монархии, подчеркивает он: если народное правление должно во всем соблюдать равенство и справедливость, обеспечивая всем безопасность и тем создавая прочную основу государства, а это противоречит власти «сильной руки», то последняя должна иметь опору в немногих, выделяя их и одаряя всеми благами⁵.

---

¹ Ricordi. P. 93 (101), 92 (99).

² Ibid. P. 37 (82).

³ Сочинения. С. 172 (203). Ricordi. P. 120 (203): «Avvertino e' principi. a non conducere e' sudditi in grado prossimo alla liberta; perchè gli uomini naturalmente desiderano essere liberi, e lo ordinario di ciascuno è non stare contenti al grado suo, ma cercare sempre di avanzare di quello in che si truovano.»

⁴ Ricordi. P. 72 (21).

⁵ Ibid. P. 72–73 (21).

Единовластие по необходимости сопутствует насилие, поскольку государь должен внушать страх своим подданным. Достигать этого, по мнению Гвиччардини, лучше не жестокостью, а иным способом. «Невелико дело, когда правитель, часто прибегающий к жестокости и суровым примерам, заставит себя бояться, потому что подданные легко испытывают страх перед тем, кто может насильничать и разорять и легко переходит к расправе. Однако я хвалю тех правителей, которые редко прибегают к карам и расправам, но умеют приобрести и сохранить имя грозных»¹. Нельзя без особой необходимости «окутать руку в кровь», настаивает Гвиччардини, поскольку «большей частью здесь скорее теряешь, а не выигрываешь: ведь ты оскорбил не одних пострадавших, но вызвал неприязнь во многих»². Государь, владеющий искусством власти, обязан просчитывать последствия своих решений как профессиональный политик и взвешивать методы укрепления своих позиций. Он должен стараться достигать репутации «сильной руки», не прибегая к жестокости. И еще один важный совет из области искусства власти дает Гвиччардини: правитель должен хранить в тайне свои намерения. Ему следует приучить себя и своих приближенных «молчать не только о тех делах, о которых знать не положено, но и о всех тех, о которых не полезно объявить всенародно»³. Покров таинственности на политике государя лишь усилит любопытство подданных и они станут пристально следить за его поступками и будут относиться к нему с величайшим почтением⁴. Умение государя производить нужное впечатление на подвластный ему народ — очень важный компонент искусства управлять. Дилемма «быть или казаться», а о ней не раз идет речь в «Заметках», рассматривается Гвиччардини как необходимый психологический и поведенческий прием государя, более того — как нравственная проблема, однозначного решения которой он не дает. «Всем нравятся люди от природы правдивые и открытые; быть таким, конечно, благородно, но иногда это тебе вредит; с другой стороны, злая природа людей делает притворство полезным и часто даже необходимым, но оно внушает ненависть и есть в нем что-то отталкивающее; каков должен быть выбор, я не знаю; хотелось бы думать, что в обычной жизни можно идти по первому пути, не отказываясь в то же время от второго»⁵. Прибегать ко лжи, поскольку это иногда полезно для дела, тем более оправданно в политике государя. Так, если государь хочет заставить

¹ Сочинения. С. 209 (341).

² Там же. С. 209 (342).

³ Там же. С. 189 (270).

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 188–189 (267).

иноземного правителя поверить в то, что ему нужно, он «должен сначала обмануть самого посла, потому что тот действует и творит с большей силой, когда думает, что замысел государя ему известен, и он не стал бы так стараться, если бы знал, что это только притворство»¹. Дезинформация как прием политики кажется Гвиччардини вполне допустимой и даже полезной, поскольку границы дозволенного у государя шире, чем у обычных людей.

Значение субъективного фактора власти в монархиях еще более очевидно, чем в республиках, и Гвиччардини показывает это на примере прежде всего отрицательных черт характера государя. А это и спесивость, и непредсказуемость решений и поведения, и невежество в делах политики, наконец, жадность или, наоборот, крайняя расточительность. Государя часто поступают не так, как должны бы, а так, как умеют или как им вздумается, обычно им не хватает политической мудрости и воли для преодоления собственного характера. Отсюда — совет всем, кто причастен к государственным делам: в них «надо учитывать не столько то, что государь должен сделать согласно разуму, сколько то, что он может сделать, исходя из своей природы и привычек»². Впрочем, не по логике разума поступают многие люди, поэтому, советует Гвиччардини, всегда следует учитывать нравы и привычки людей³.

Просчеты государя не всегда, однако, очевидны для его подданных, поскольку ошибки и чинимые им обиды они приписывают не ему самому, а его советникам⁴. Этим преимуществом государю не следует злоупотреблять, важнее другое — правильно подбирать советников и больше доверять их мудрости и профессионализму. На проблеме подбора советников Гвиччардини останавливается подробно, со знанием дела. Государя всегда нуждаются в советниках высокой квалификации (*di straordinaria sufficienza*).

Советники (*ministri*), которые занимаются особо важными государственными делами, должны обладать весьма высокими достоинствами и быть людьми необычайной честности и верности правителю⁵. Такие люди встречаются редко, замечает Гвиччардини, и предлагает государям подбирать в качестве советников еще не слишком опытных молодых людей. Однако если их испытывать в разного рода делах и должным образом вознаграждать, то они «приучатся к делу и будут

¹ Сочинения. С. 183–184 (246).

² Ricordi. P. 99–100 (128): «Nelle cose degli stati non bisogna tanto considerare quello che la ragione mostra che dovessi fare uno principe, quanto quello che secondo la sua natura o consuetudine si può credere che faccia».

³ Ricordi. P. 106 (151): «...considerata bene la natura e costumi loro».

⁴ Ibid. P. 110–111 (170).

⁵ Ibid. P. 67–68 (3).

целиком отдавать себя службе государю»¹. Гвиччардини ценил опыт очень высоко, считал его более важным для человека, чем природные способности². Потому и предлагал государю формировать профессиональных советников, смолоду приобщая их к делам службы. Жизненный опыт самого писателя как политика приводит его к грустным выводам о неискоренимости пороков как у государей, так и у их окружения.

«Невозможно помешать чиновникам грабить; сам я был совершенно чист, но под начальством моим были губернаторы и другие чиновники, и, несмотря на все мои усилия и собственный пример, я не мог по-настоящему бороться с воровством. Причина здесь в том, что деньги годятся на все, а в нынешней жизни богатого уважают больше, чем порядочного». Все это еще поощряется невежеством и неблагодарностью государей, которые терпят около себя скверных людей и обходятся с теми, кто хорошо им служит, не лучше, чем с теми, кто служит плохо³. Невежество и несправедливость правителей — серьезный изъян в монархической системе власти; он усугубляется, как правило, честолюбием государей, единственная цель которого — собственное величие: они делают из него идола, принося ему в жертву честь, гуманность и все прочее⁴. И если свойственные человеку честолюбивые порывы бывают безобидными в практике обычных людей, то у государей они выливаются в такую форму эгоизма, что становятся сущим бедствием для народа. Пагубна для подданных и расточительность государя: ради собственного обогащения и возвеличения он грабит и требует, так что тех, кто страдает от его поборов, куда больше, чем тех, кого он одаривает своей милостью. Впрочем, народ склонен скорее осуждать скупого государя, чем расточительного⁵.

Суждения Гвиччардини о единовластии рисуют в целом негативную картину: при монархическом правлении слишком велика роль субъективного фактора власти, когда судьба народа и государства зависит лишь от разума и воли правителя, к тому же далеко не всегда следующего мудрым советам своих помощников. А поскольку сами государи в большинстве своем не отличаются высокой образованно-

---

¹ Ricordi. P. 68 (3): «...scegliesse ministri non ancora fatti, e'quali sperimentando di cosa in cosa e beneficiando, si assuefacessero alle faccende e si mettessero nella servitù sua».

² Ricordi. P. 34–35 (70–71).

³ Сочинения. С. 172 (204).

⁴ Ricordi. P. 76–77 (32): «Quella è ambizione perniziosa e detastabile che ha per unico fine la grandezza come hanno communemente e'principi; e'quali quando se la propongono per idolo, per conseguire ciò che gli conduce a quella, fanno uno piano della coscienza dell'onore, della umanità e di ogni altra cosa».

⁵ Ibid. P. 35 (72); 111–112 (173).

стью и умом и не всегда могут окружить себя компетентными советниками, то благоприятное для народа и государства развитие событий становится делом случая, а не хорошо спланированной закономерностью. В этом плане нет особых преимуществ и республики при правлении многих, среди которых мало кто действительно способен грамотно управлять государством. Выход для любой формы власти Гвиччардини видит в одном — в высокой квалификации политиков. В республике — это сенат, включающий лучших людей государства, образованных (прежде всего юридически), честных, пекущихся об интересах общества, а не своих собственных. В монархиях — это компетентные, преданные правителю советники. Высокая политическая квалификация власти составляет, по убеждению Гвиччардини, главную опору ее прочности, которой может способствовать искусство управления, тактические приемы (вроде дезинформации, или секретности, или мимикрии поведения государя). Искусство власти, точнее, искусность политики помогает достичь успеха, но не определяет его, главным оказывается владение наукой управления¹.

---

¹ Новое издание «Заметок» см.: *Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских* // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / Сост., авт. вступ. ст., отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2004. Р. 271–332.

М. А. Юсим

ДИАЛОГ МАКИАВЕЛЛИ И ЛЕНИНА В АДУ

Сер Никколо ди Бернардо Макиавелли, флорентийский секретарь, говаривал, что следует хорошо изучить дорогу в Ад, чтобы уметь избегать ее. Сам он, однако, отказался от места, уготованного в Раю праведникам и Христовым нищим. Он предпочел компании блаженных и нищих духом общество великих мужей древности, философов и героев, привидевшееся ему во сне...

На рубеже второго и третьего тысячелетий после Рождества Христова у входа в этот элитный клуб Преисподней появилось новое лицо: движущийся быстрой походкой господин лет 50, лысоватый, с бородачкой, с заткнутыми в жилетные карманы большими пальцами.

Н. Макиавелли. Добро пожаловать в избранное общество мира того, Владимир Ильич!

В. И. Ленин. Благодарю, с кем имею честь? Судя по одежке, что-то архидревнее?

Н. М. Секретарь флорентийской Синьории Никколо Макиавелли, историк, писатель комический и трагический, к вашим услугам.

В. Л. Как же, знаменитейший автор по государственным вопросам! Очень был бы рад побеседовать с вами об этом предмете, ведь последние события вызывают столько сомнений, тем ли путем мы пошли... Но откуда вам известно мое имя?

Н. М. Видите ли, в загробный мир поступают все новости из мира живых, мы получаем книги, газеты, а теперь пользуемся и другими масс-медиа. У нас выбирают занятия по интересам, а раз уж я ничего не смыслю в производстве шерсти или шелка, мне остается по-прежнему следить за политикой, как раньше в ссылке.

В. Л. Да уж, батенька, мы с вами в этом смысле сотоварищи. Но я вижу, здесь все как-то иначе, чем мы могли полагать на том, то бишь на земном свете. Не соблаговолите ли быть моим чичероне?

Н. М. Охотно, только ведь здешний мир действительно не очень похож на нашу прежнюю среду обитания. Тут нет «где и когда», это мир чистой игры ума, виртуальный мир, если использовать новомодное словечко. Наша реальность — реальность сущностей, о которой говорил еще божественный Платон. Поэтому и души живут здесь, как чистые идеи. Мы не в состоянии добавить ничего нового к

тому, что сказали и написали на Земле. Короче, быть может, вас это и разочарует, но наш мир — это что-то вроде культурного наследия, и больше ничего.

Все, что нам дано, это прилагать к земной реальности выработанные ранее мысли. К счастью, там ведь тоже, если разобраться, все повторяется. Человеческая природа так же мало изменчива, как ход светил, небо и звезды. Дела отдельных людей и народов то поднимаются в гору, то приходят в упадок, но в сумме-то все остается без изменений.

Однако я еще не видел газет и хотел бы спросить, какими судьбами ваша неприкаянная душа очутилась здесь? Неужели...

В. Л. Ну, здесь дело простое. Сейчас ведь юбилей сами знаете кого, вот и отпустили по амнистии. Похлопотали — вы понимаете перед кем — вы, верно, знаете, по Булгакову... Так, стало быть, мы и здесь не будем свободны от нашей с вами главной страсти, политики?

Н. М. Да, как я уже сказал; только вмешаться мы ни во что не можем, да и проявляется эта страсть более беспристрастно, если можно так выразиться.

В. Л. Но видите ли, милостивый государь — не знаю, как вас лучше называть?...

Н. М. Называйте меня кумом, ведь мы собратья по несчастью, хотя я попал в ссылку, по сути, за то, что давал советы государям, а вы-то и сами ссылали.

В. Л. Это Вы меня можете так именовать, если не хотите звать «товарищем», а уж я вас по-своему, раз вы не против. Так вот, батенька, я, хотя давно и не принимаю непосредственного участия в текущей политике, еще не отошел от мирских пристрастий и меня, признаться, заботят судьбы России. Долго ли ей оставаться в положении нищей, собирающей объедки по помойкам? Ведь богатейшая в мире страна...

Н. М. Дело в том, что человеческая доблесть проявляется лишь в силу необходимости. Да, ваша богатейшая по природным и территориальным ресурсам страна предрасположена к их проеданию и растраниванию — от великого богатства. Избыток природных запасов располагает к праздности и лени. А повадки и склонности жителей всякой страны зависят от ее климата и ландшафта и остаются неизменными на протяжении столетий. Климат России суров, но он располагает скорее к кратковременному приложению усилий, чем к постоянному кропотливому труду.

В. Л. Я думаю, вы преувеличиваете роль географического фактора. Есть общие для всех закономерности развития, и если состояние производительных сил подталкивает к установлению передовых производственных отношений, люди могут преодолеть силу при-

родной стихии, опираясь на прогрессивный общественный строй. Большевики, возможно, забежали вперед, но прогресс все равно не остановится.

Н. М. Я не совсем хорошо понимаю, что такое «прогресс» — в истории все повторяется, и, приобретая одно, мы теряем другое. Изобретая все новые орудия, люди увеличивают свою силу, но утрачивают старинную мудрость.

Да, природа для всех едина, и искусство не в состоянии ее побороть. Люди могут только пытаться застраховать себя от ударов природной стихии, так же, как они строят плотины для защиты от бурных рек. Для этого, между прочим, они и соединяются в государства.

В. Л. Ну, государство, положим, это в первую очередь орудие классового господства. Социалистическое государство, даже в форме диктатуры пролетариата, создает в 1000 раз более благоприятные условия жизни для трудящихся, чем самая лучшая буржуазная демократия. Правда, в России советское государство все-таки стало со временем напоминать полуфеодальный режим личной власти...

Н. М. Слова вы употребляете знакомые, взятые у наших учителей — римлян, только помогают ли они понять, что произошло в мое и ваше время и что происходит сейчас? Личная власть бывает двоякого рода: либо государь вынужден считаться со своими подданными, — с народом и знатью, как, например, в мое время французский король, — либо он правит один, как турецкий султан, в окружении рабов, полновластно располагая их жизнью и собственностью. Такой-то образ правления установился и в вашей стране чуть ли не в мою бытность. Это самая примитивная государственная форма, удобная, может быть, для деспотического правителя, но чужающаяся всяких новшеств и знаний. Да и любая монархия уместна только там, где народ развращен и нет других средств держать его в узде, кроме единоличной власти.

В. Л. Но не вы ли, батенька, утверждали, что для преобразования общества на здоровых началах нужно действовать в одиночку, как Ромул или Моисей?

Н. М. Так оно и есть, но подобный человек должен быть основателем совершенно нового города или учения либо обладать огромным величием души, чтобы преодолеть навыки рабства и заложить фундамент свободного строя. У вас в России многие пытались взять на себя роль «нового государя» и переломить сопротивление косной материи — с помощью силы, как, например, Пьетро иль Гранде, да и ваш «коллективный государь», большевистская партия (так назвал ее мой соотечественник и ваш последователь Грамши); или путем постепенных реформ — Алессандро Примо, а недавно Микаил Горбачев.

Но все эти попытки оказались бессильны изменить природу страны и ее обитателей — как только железный кулак чуть разжимался, на

волю вырывались все укоренившиеся за сотни лет пороки. Холопство перед вышестоящими и произвол в отношении нижестоящих, бездельность, лень, унижение человеческого достоинства, расхитительство, своекорыстие, безответственность и обман — все, что порождает коррупцию и подчиняется только палке.

В. Л. Положим, искоренение социальных язв возможно только в бесклассовом обществе, где нет частной собственности. Чем же лучше современный капитализм, пришедший в Россию при «демократии», когда кучка людей обогатилась за счет разворовывания государственных богатств, а массы обнищали так, что чуть не гибнут?

Н. М. Вы, куманек, по-моему, слишком увлечены мудреными терминами, в которых я не очень силен. А что лучше, могу объяснить простыми словами.

Если труд каждого оценивается на рынке, где никто не указывает, кому и сколько дать, это гораздо справедливее и нравственнее, чем наделение из отеческих рук партийных и государственных чиновников. Ваш социализм — это порочная система распределения, которая губит и само производство.

В. Л. Да как же обойтись без государственного регулирования? Кто защитит неимущих, неспособных, пожилых, кто отстоит общие интересы? Социалистическое государство должно постепенно подготовить условия, при которых отомрет государство вообще. А пока мои соотечественники пожинаяют горькие плоды так называемого рынка в его наихудшем варианте.

Н. М. Отомрет? Все государства умирают, но власть, я думаю, полностью не исчезнет никогда. К сожалению, люди готовы проявлять свои дурные наклонности всякий раз, как возникает такая возможность. Природа дала им безграничные аппетиты, которые они никогда не в состоянии удовлетворить. Когда ты им нужен, они целиком твои, но только судьба от тебя отвернется, днем с огнем их не сыщешь. Они всегда готовы сожрать ближнего, и лишь власть может удержать их от взаимного уничтожения.

Искусство государя, которое напоминает в этом отношении врачевание, состоит главным образом в том, чтобы не навредить. Это дело тонкое — нужно семь раз по семь, как говорят у вас, отмерить, прежде чем отрезать — и лучше, может быть, не резать. Но если режешь — знай, где и когда, и действуй твердо — ведь плата за ошибку правителя — человеческие жизни.

Много ли ума требуется, чтобы разбазарить державное добро в надежде сделаться привлекательнее в глазах соседей? Что это за рынок, где создаются лазейки для умных людей, которые берут государственное даром и продают его дорого, как свое собственное? Что такое кооперативные или «коммерческие» цены рядом с ничтожными

(и существующими неизвестно где) государственными? Рынок — это одинаковые условия для всех, его невозможно вводить по частям. Что такое свобода внешней торговли и свободная конвертация валюты, если можно по дешевке купить здесь и дорого продать там, да еще и оставить деньги «за бугром»; ну, может, кто-то заплатит с них партийные взносы.

Здоровая нравственность равнозначна здоровой экономике, но для оздоровления последней благих намерений недостаточно, нужна компетентность. А это чуть ли не главный дефицит всех российских реформ, в первую очередь горбачевских, с которых все началось и на которых все и остановилось. Тогда старались угодить, мне кажется, и нашим, и вашим; этот стиль напоминает моего патрона, душа которого все прозябает в Чистилище, пожизненного гонфалоньера Флоренции Пьеро Содерини, от неспособности коего к решительным поступкам пострадал, вместе с ним самим, и Ваш покорный слуга.

В. Л. (язвительно) Зато теперь у власти новое поколение политиков, профессионалы; все избираются народом, заседают в парламенте, принимают законы — осталась пара пустяков — договориться насчет государственной символики и национальной идеи, и Россия вернет себе подобающее место в мире.

Н. М. Профессионалы в политике — это, наверное, люди, которые рассуждают о ней и сосредоточивают на ней свои помыслы, каков и я сам. А заседают в парламенте благоустроенной республики не должны так называемые профессионалы — политика слишком серьезное дело, «общее дело», чтобы предоставить монополию на нее даже очень и очень увлеченным гражданам. Боюсь, что профессионализм ваших политиков заключается скорее в том, что они зарабатывают таким способом деньги, и немалые.

Без ложной скромности скажу, что именно я объяснил в свое время, как важно для государя выглядеть привлекательным в глазах толпы, хотя быть образцом добродетели он не может. Как легко обмануть подавляющую массу людей, которые судят о политике лишь по внешности.

В теперешние просвещенные времена ничего не только не изменилось, но политическое производство встало как бы на поток, наподобие так называемого шоу-бизнеса. Не могу сказать, много ли достойных людей добивается здесь успеха, но клоуны и бесноватые его точно добиваются. Но самое любопытное, что им и притворяться уже почти не нужно.

Так что поневоле задумаешься, что лучше — свободная республика с такими профессионалами — среди которых и в мои времена процветали зависть, посредственность, неспособность договориться между собой, продажность — или умный, а лучше сказать, прагматичный

государь, который старается не мешать и не наносить вреда своим согражданам, пользуясь помощью и знаниями своих министров — в буквальном переводе на ваш язык — «слуг». Впрочем, единовластный правитель всегда не столько профессионал, сколько узурпатор, и против дурного государя есть лишь одно верное средство — меч.

Очень редко бывает, чтобы человек, захвативший единоличную власть в республике, для чего требуется действовать против правил и законов, обратил потом эту власть на благо соотечественников. Возьмите пример вашего наследника, Бессарионе, как величал его тот же Грамши, — по моим понятиям, его следует отнести к государям, пришедшим к власти с помощью злодейства. Масштаб его деяний соразмерен глубине их преступности. И все же он так хорошо усвоил мои или еще чьи-то уроки, что умел вызвать у подданных не только страх, но и любовь.

В. Л. Ну уж вы скажете, «наследник»! Вы прекрасно знаете, что я был против избрания Сталина генсеком, и не зря — он полностью извратил наши цели, наружно прикрываясь благородными намерениями и коммунистической фразеологией.

Н. М. Что ж, так поступали и государи моего века, например Фердинанд Католик, прикрывавший свои бесчеловечные поступки, изгнание целых народов, щитом благочестия. О том, насколько опасны подобные благовидные предлоги, стало возможно судить со всей отчетливостью лишь в закончившемся веке — скажем, на примере Германии. В мою бытность она являла собой совокупность процветавших республик, оплот свободы, а в XX веке развязала мировые войны и занялась массовым истреблением людей, опираясь на ложно понятую национальную идею.

Конечно, вера, идеология, символы и национальная идея нужны в благоустроенном государстве — они укрепляют добрые нравы. Но национальную идею не нужно изобретать — она сама звучит, когда народ находится в опасности, когда его угнетают. Италию топтали сапоги чужеземных солдат, и я тогда первый призывал изгнать из страны варваров. Но вытаскивать на свет божий национальную идею, чтобы найти виноватого в своих бедах на стороне, чтобы свалить на кого-то свои промахи, это, извините, сомнительный прием.

Ведь что такое национальная идея? Это самоутверждение определенного этноса в определенных обстоятельствах. Оно подобно самоутверждению отдельного человека. Если он отстаивает свое достоинство, которое втаптывают в грязь, и при этом умудряется делать это не за счет втаптывания в грязь других, то всякий его похвалит. Но если он самоутверждается, без конца разглагольствуя о своих заслугах, скорее всего в таком случае мнимых, или о том, как он гордится своим

происхождением — такого человека у нас считали самонадеянным болтуном.

В. Л. Ну что же, в национальном вопросе мы можем найти точки соприкосновения, ведь и я говорил, что не может быть свободным народ, который угнетает другие народы.

Но вот с другими вашими суждениями, признавая их остроумие, мне согласиться трудно, поскольку они основаны на таких зыбких материях, как личные качества государей или нравственное состояние общества. Судьба общества зависит от борьбы классов, социальных групп, интересы которых опираются на их место в общественном производстве и их долей в общественной собственности.

Да не вы ли, батенька, замечательно показали в своей «Истории Флоренции» борьбу этих социальных групп? За это великий Маркс и назвал ваше сочинение шедевром. Разве не очевидно, что пружиной внутреннего развития вашего родного города были конфликты сперва между феодалами и ранней буржуазией, затем между последней и мелкобуржуазными слоями и, наконец, между ними и впервые заявившим о своем выходе на сцену современным пролетариатом (или предпролетариатом — о термине советские историки так окончательно и не договорились), наиболее прогрессивным из названных классом?

Н. М. Классом? Да, во всяком обществе есть два настроения — одно питаемо знатью, которая стремится удовлетворить свое тщеславие, забрать в свои руки власть и чужое добро. И другое, исходящее от народа, — он защищает свое имущество, свои семьи и права от посягательств знати. Хотя борьба народа и знати бывает кровопролитной, она может оказаться благотворной, из этой борьбы выросло все величие Рима, ведь римский народ отстаивал в ней свою свободу и добивался принятия соответствующих законов, на которых строились благополучие и сила римского государства. Флоренция, к сожалению, не могла похвастаться столь счастливым результатом раздиравших ее смут. Расколом в среде ее народа воспользовались отдельные семьи, о чем я по понятным причинам вынужден был умалчивать в своей истории, которую писал, между прочим, по заказу дома Медичи.

Впрочем, и Рим в императорскую эпоху постепенно склонился под ударами судьбы — ведь постоянно обновлять и возвращать политический организм к его началу — выше человеческих сил, и тем более не по силам императорам: не бывает так, чтобы к власти, переходящей по наследству, да и по выбору, приходили только мудрые и могучие люди.

Так и в царской России, а затем в Советском Союзе калибр политиков постоянно снижался, и попытки вернуть государственные порядки к началу приводили лишь к распаду старого режима. Я говорю о

порядках, потому что институты власти в большинстве стран теперь похожи и, благодаря усвоенным историческим урокам, представляют собой «смешанное» правление. В нем участвуют и народ — через парламент, и знать через сенат и тому подобные учреждения, и государь в лице президента. Эта система — лучшее, что люди изобрели в политике за тысячи лет. Но полагать, что народ и знать когда-нибудь сольются воедино и для их примирения не потребуются больше власти государя, по-моему, так же наивно, как отрицать вечную природу стихий.

Конечно, любовь к ближнему — это истинный путь, указываемый нам верой, но если в политике уповать только на доброту, тогда для негодьяев откроется обширное и безопасное поприще. Кто хочет проповедовать одно добро, погибнет среди стольких чуждых добру.

В. Л. Получается, что вы, батенька, хотя и призываете к действию, фактически не оставляете трудящимся никакой перспективы, заранее выставляя их усилия бесполезными.

Н. М. Отчего же? Людям, особенно теперь, свойственно ждать чего-то необычного от завтрашнего дня, надеяться на счастье. Но сумма добра и зла всегда одна и та же. Это не значит, что каждый человек не может ставить перед собой сколь угодно высокие цели. Всякий добивается того, на что он способен в своем ремесле и искусстве, а изменить свое положение ему дано в меру его доблести, воспользовавшись тем моментом, когда судьба к нему благосклонна.

Что же касается народа, то и его участь определяется присущими ему свойствами, только нужно уточнить, что вы понимаете под «народом». Вы можете говорить о нем просто как о массе людей, о народе страны, о нации, о «простом народе»; можете включать в него достойных горожан или ограничиваться низшим сословием, то есть плебсом.

Если взять народ как материю государства, то судьбы последнего как раз зависят от меры его добрых качеств, доблести или испорченности. Вообще-то народ при всей его переменчивости умнее и постояннее государя, и если он не закоснел в рабстве, то будет защищать свою свободу до конца. И это, я думаю, лучшее, что можно сказать о народе в целом. Люди изобрели много усовершенствований, как на благо себе, так и во вред, но изобретут ли они совершенное государственное устройство, которое к тому же окажется работоспособным, я не знаю. Сам я не отыскал другого средства для защиты общественного блага, кроме как узаконенное насилие. Да и вы, кум, насколько я знаю, рассчитывали осчастливить человечество с его помощью.

В. Л. Зато благодарные потомки как только нас с вами не называли, в лучшем случае идеалистами и утопистами, уподобляя вашим современникам Мору и Кампанелле.

Н. М. Но в отличие от этих двух Томмазо я никогда не уповал на то, что человеческая природа изменится, а потому, как вы знаете, одобрял жестокость лишь в том случае, когда она была милосердной, другими словами, во избежание куда больших жестокостей.

В. Л. Однако это удобный способ оправдать все, что угодно. Доводов у политиков, чтобы сделать черное белым, всегда достанет. Это как в математике — если бы ее истины затрагивали интересы людей, они оспаривались бы весьма горячо.

Н. М. Поэтому я и не питаю иллюзий. Не хочу быть пророком, тем более что успеха добивались только вооруженные пророки, проводившие свои идеи на практике. Вы сами прекрасно это знаете. Что может быть достойнее, чем привести свою страну к подобающему ей величию и процветанию? Но никакой гениальный государь не может создать это величие из ничего, не может спасти державу, порядки в которой извращены, народ испорчен, государство бедно, а отдельные граждане богаты. Правда, бывает так, что чем труднее положение страны, тем легче новому государю поставить на своем и вывести народ из рабства, как поступали Моисей и другие великие герои.

Но при всех возможностях, открывающихся перед доблестным государем, он выполняет лишь заданную ему роль, выражает настроения, присутствующие в стране. Поэтому так много места в его поступках занимает лицедейство. Он может лишь содействовать осуществлению потенций, заложенных в материи государства.

В. Л. Остается надеяться, что эти потенции, которых у России всегда как будто бы хватало, наконец выйдут, с помощью подходящих политиков, на свет Божий. Ведь остальные ваши выводы, обрекающие людей вечно блуждать по избитой колее и совершать те же ошибки, сулят довольно мрачные перспективы.

Н. М. Сколь мрачные, столько же и радужные. Ведь никто не мешает смертным идти по пути своих великих предшественников и стараться быть похожими на них, хотя бы в малом. А мы станем уповать на то, что наши потомки окажутся более удачливыми, и используя наш опыт, сумеют достойно встретить вызовы судьбы.

V. ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ: РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

И. И. Варьяш

ВЛАСТЬ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

«Иаков и проч., благородному и любезному Акардо де Муру, местоблюстителю прокуратора в той части королевства Валенсия, что за высокородным инфантом Иаковым, светлейшим первенцем и главным прокуратором нашим, и нашему верному Иоханну Ролфу, байлу в той части, привет и любовь.

Со стороны альхамы сарацин Эльче нам было представлено, что на основании некоего письма, пожалованного нами христианам Эльче, чтобы сарадины равалья этого местечка могли бы безнаказанно в дома христиан этого местечка, где продается вино, входить и пить там, некоторые сарадины названной альхамы, всякого стыда лишившись, входят в таверны христиан, где столько пьют вина, что пьянеют от него и затевают ссоры против неких христиан и многие постыдные слова против них произносят, и при том от того не только против названных сарацин, которые веселятся в пьянках такого рода, но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение, посему на нижайшее прошение, составленное нам со стороны указанных сарацин, вам говорим и повелеваем, если не было пожаловано по привилегии нашей или наших предков и нами подтвержденной названным христианам, что названные сарадины могут пить в их домах, но (если) им было пожаловано только нашим письмом, о котором выше было упомянуто, чтобы вы останавливали названных сарацин, несмотря на названное письмо, чтобы впредь не ходили в дома или таверны христиан названного местечка ради питья, но могли бы, если захотят, в домах или тавернах христиан покупать вино и к себе домой, что в их квартале, или куда-либо внутри названного квартала нести ради питья.

Однако же если нами христианам с нашей привилегией было совершено вышеназванное пожалование, желаем и повелеваем вам, чтобы вы воздержались от вышеназванного останавливания, которое должно осуществляться по отношению к уже обозначенным сарацинам, и вы, названный байл, пошлите нам принятую привилегию, если действительно, как это утверждают названные христиане, она

имеется, чтобы, изучив ее содержание, мы могли бы распорядиться относительно вышеизложенного так, чтобы было справедливо.

Дано в Лериде, во II календы сентября, в год Господа МСССХVI.
Он же (Эгидий Петри, по принятой петиции)».

Читатель, надеюсь, простит мне эту небольшую вольность — приведенный полностью текст арагонской грамоты¹ заслуживает его снисходительного внимания. Мне хотелось подать текст целиком, предоставив тем самым возможность увидеть королевское послание хотя и отстраненно, но полным, в непотревоженной расчленяющим анализом цельности.

Этот документ был составлен в канцелярии арагонского короля Жауме в 1316 г. на латинском языке и в плане формуляра и лексики обычен для своего времени. С другой стороны, мы, безусловно, имеем дело с очень ярким свидетельством повседневной жизни XIV в.: грамота рисует городской пейзаж и на его фоне разворачивает бытовую сценку. Присутствие в городском пространстве валенсийского городка Эльче мусульманского квартала придает действию не столько экзотический оттенок — к этому мы уже привыкли — сколько особый смысл, оно высвечивает ситуацию, при ином составе действующих лиц скорее всего так и оставшуюся бы незапечатленной.

К сожалению, известно далеко не обо всех обстоятельствах этого дела. Например, мы не знаем, могли ли сарадины Эльче покупать вино в своем квартале и как долго к моменту подачи сарадинами прошения действовало королевское разрешение. Впрочем, попробуем пристальнее вчитаться в текст грамоты и понять, каковы были условия возникновения данного королевского распоряжения с точки зрения права и делопроизводства и с точки зрения внутригородских взаимоотношений. Эти две стороны вопроса представляются мне наиболее существенными при исследовании поведения мусульманской и христианской сторон, которые обращаются за решением к короне. Но в еще большей степени они важны при рассмотрении позиции самой королевской власти, которая оказывается перед необходимостью принимать решение.

Сарадины, которые упоминаются в грамоте, — ее главный стержень. Они разные, и это придает тексту дополнительную выпуклость и движет сюжетом. Во-первых, есть община сарадин, которая обращается к королю с прошением и тем самым инициирует создание документа. Во-вторых, есть сарадины, злоупотребляющие питием

¹ Перевод выполнен по: *M. T. Ferrer i Mallol. Els sarraïns de la corona catalano-aragonesa en el segle XIV. Barcelona, 1987. Appendice documental. Doc. 21.*

вина в христианских заведениях и затевающие там ссоры. В-третьих, подразумевается, что появятся сарацины, покупающие у христиан вино и несущие его к себе в квартал. В-четвертых, есть сарацины — и прошение альхамы тому лишнее подтверждение, — которые не покупают вино у христиан или покупают его, но не напиваются и ведут себя прилично.

Но какими бы разными ни были мусульманские жители города, все они оказываются втянутыми в по-житейски бытовую ситуацию. Очевидно, что в недоразумениях, вызванных обильными возлияниями, не было ничего необычного, экстраординарного. Сама по себе ситуация может быть даже признана повседневной или по крайней мере нередко повторяющейся: об этом говорит и грамота — «некоторые сарацины... входят в таверны христиан, где столько пьют вина, что пьянеют от него и затевают ссоры... и многие постыдные слова... произносят... веселятся в пьянках...»¹ Используемое здесь в глагольных формах настоящее время указывает на продолжительность явления.

Собственно, одно только возникновение описанной в документе ситуации весьма показательно с точки зрения сосуществования христиан и мусульман внутри города. Грамота Жауме от 1316 г. свидетельствует о добрососедских отношениях между двумя общинами, которые не были отгорожены друг от друга конфессиональными или этническими барьерами. Резонно предположить, что если бы отношения между христианами и сарацинами были напряженными, то для такого сравнительно небольшого города, как Эльче², достаточно было бы первой пьяной потасовки — она стала бы началом затяжной и запутанной междоусобицы. Мы же наблюдаем, что жители равалья и христианской части города общались, контактировали, нередко к взаимной выгоде. В данном случае, например, христиане обладали правом продавать сарацинам вино, что, безусловно, увеличивало прибыль.

Косвенным свидетельством активных контактов можно считать и отсутствие запретов на питье вина у мусульман. На этом, как мне кажется, стоит остановиться подробнее и сразу сказать, что ислам не знает полного и безоговорочного запрета на питье алкоголя³. Мусульманская традиция в этом вопросе сильно варьирует, в том числе и в зависимости от того или иного мазхаба, т. е. правовой школы. Мали-

¹ «aliqui sarraceni... intrant tabernas christianorum, in quibus tantum bibunt de vino quod inebriantur ab eo et suscitant rixas... ac verba plerumque... proferunt inhonesta... in ebriacionibus huiusmodi se delectant...»

² См. об этом: *M. T. Ferrer i Mallol. Les aljames sarraïnes de la governació d'Oriola en el segle XIV. Barcelona, 1988. P. 45–58.* По подсчетам испанской исследовательницы, в 1315 г. в Эльче проживало 2400–2100 мусульман.

³ *Goldziher I. Le dogme et le loi de l'islam. Paris, 1920.*

китайский мазхаб, распространившийся в основном на Пиренейском полуострове и характерный для мудехаров, отличается ортодоксальностью, и потому можно было бы ожидать, что и в вопросе с алкоголем мусульманская община в целом и в лице своей администрации будет занимать более жесткую позицию, подкрепленную известными правовыми представлениями. Однако, очевидно, что альхама, подававшая королю прошение, к нормам шариата не апеллировала. Я могу утверждать это с уверенностью, поскольку практика делопроизводства того времени предполагала практически дословный пересказ писцом документа заявителя. В королевском распоряжении мы не находим в аргументации сарацин указания на противоречие ситуации мусульманским законам.

Более того, община высказывает обеспокоенность вовсе не нарушением своих обычаев, а возможным ростом напряженности между христианами и сарацинами. «Со стороны альхамы сарацин Эльче нам было представлено, что... некоторые сарацины ... пьянеют... и затевают ссоры против неких христиан... и при том от того не только против названных сарацин... но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение...»¹ Собственно, в приведенных словах содержится вся аргументация альхамы.

Как видно, она скорее направлена на поддержание мира в городе и безопасности сарацинского населения, нежели защищает древние обычаи мусульман. Разумеется, мы не можем исключить такой вариант развития событий, при котором администрация альхамы, составляя ходатайство королю, намеренно сосредоточила внимание властей на проблеме дестабилизации жизни города, на самом же деле только используя этот ход в своих целях и не имея возможности самостоятельно пресечь распространившуюся пагубную практику. Проще говоря, альхама пыталась бы в этом случае использовать королевскую власть, не открывая ей истинной причины своего беспокойства.

В то же время существует немало грамот, фиксирующих аргументы правового характера, приводившиеся мусульманами², так что и здесь они смотрелись бы вполне уместно и не вызывали бы удивления.

¹ «Pro parte aliame sarracenorum Elchii fuit expositum coram nobis quod... aliqui sarraceni... inebriantur... et suscitant rixas contra aliquos christianos... cumque ex hoc non solum contra dictos sarracenos... set etiam contra alios possunt dampna et scandala plurima suboriri...»

² Напр.: *M. T. Ferrer i Mallol*. Les aljames... Apéndice documental, № 110, 128–130; *Eadem*. Els sarrains... № 156; *Basañez Villaluenga B.* La aljama sarracena de Huesca en el siglo XIV. Barcelona, 1989. Apéndice documental, № 60, 61, 70; *Mutjé i Vives J.* L'aljama sarraina de Lleida a l'edat mitjana. Barcelona, 1992. Apéndice documental, № 93, 110.

Напротив, их отсутствие позволяет сомневаться в общепринятости жесткого запрета на питье в мудархарских общинах XIV в.

В связи с этим интересно вспомнить материал валенсийского мусульманского кодекса — «Книги суны и шары мавров». Любопытно, что этот памятник практически ничего не говорит об обязанности правоверного воздерживаться от алкоголя. Только в статьях, трактующих вопрос о статусе и моральном облике свидетелей, возникает упоминание о вине. Так, в статье 134 читаем: «...есть и другие случаи, когда [сарацины] не могут быть допущены давать свидетельства... те, кто не постытся в сорокоднев; и те, кто не слушаются отца и мать, и те также, кто заявят, что хотят совершить паломничество в Меку; и убийцы; также враги; также родственники; также сотоварищи; также тот, кто не совершает молитву по шарияту; также продавец вина; также тот, кто сдает дом или свою мастерскую кому-либо для продажи вина; также тот, кто ест мясо свиньи или что-либо из мертвечины или убоины; также тот, кто использует в пищу кровь; также лжецы»¹. Данные этой статьи практически совпадают со статьей 296 этого же памятника, но интересно, что в статье 296 упомянуто больше категорий людей, пресупающих мораль, и среди них — «пьющие вино»². По приведенной выдержке видно, что в данном случае прежде всего речь шла об ограничениях морального характера. В то же время в статьях, посвященных религиозным нормам поведения мусульман никаких норм, запрещающих бы принятие алкоголя или вина или их продажу, нет, хотя скорее всего было бы ожидать их появления именно здесь. Это наблюдение позволяет предположить, что материал 134-й и 296-й статей «Книги» относится к архаичному ее пласту и представляет собой скорее отвлеченную норму, нежели отражает практику.

Взвесив то немногое, что нам известно о ситуации в Эльче, я более склонна предположить, что мусульманская община была вполне откровенна с королевской властью и четко обозначила свои интересы. Даже если мусульманскую администрацию и не устраивало бы такое положение дел и ей хотелось бы добиться запрещения для сарацин пить вино в христианских тавернах, она хорошо понимала, что ступает на поле экономических интересов христиан, питающееся королев-

¹ «Syn encara altres casos per los quals tots syn defora gitats de fer testimoni; ...aquells qui no dejunen la [ll]jur quaresma; e aquells qui no son obedients al pare e a la mare, [e] aquells encara qui son requests e dien volen fer romeria devers Meca; e aquells qui syn homicides; item los enemichs; item aquells qui syn de parentesch; item lo companyó; item aquell qui no farà oració segons Xara; item venedor de vi; item aquell qui logarà la casa o l'obrador seu [per] vendre vi a algú; item qui menja carn [de] porch o alguna cosa que sia morta o offegada; item qui menga sanch; item los mentirosos.» // *Llibre de la çuna e xara dels movos*. Cordoba, 1989. P. 34.

² «bevedors de vi» // *Ibidem*. P. 84.

ским покровительством. Вспомним начало грамоты: «...со стороны альхамы сарацин Эльче нам было представлено, что на основании некоего письма, пожалованного нами христианам Эльче...»¹ Таким образом, сарацины знали о королевском пожаловании и упоминали его в своем прошении.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что само разрешение продавать сарацинам вино и позволять им пить в своих тавернах, полученное христианами от короля, никак в прошении не оценивается. Если бы такое разрешение шло вразрез с обычаем и нарушало бы покой альхамы, она, вероятно всего,отреагировала бы на него, а не на его последствия. Можно возразить на это, что петиция с просьбой отменить королевское разрешение поступала в канцелярию, но не сохранилась и мы только поэтому о ней ничего не знаем. Однако такое предположение кажется мне мало жизнеспособным, поскольку община упомянула бы в повторном прошении об уже подававшихся петициях, и это упоминание было бы лишним аргументом в пользу мусульманской стороны.

Таким образом, и с точки зрения мусульманского права и правовых представлений того времени речь шла не о систематическом и грубом нарушении обычая (поскольку о запретах питания нам неизвестно), но об ординарной бытовой ситуации, возникшей в городе.

Однако в плане внутригородского общежития эта ситуация осложнялась конфессиональным различием, существовавшим между действующими лицами и грозила социальной дестабилизацией. На мой взгляд, именно это и волновало сарацинскую альхаму, о чем она кстати недвусмысленно высказывается в прошении к королевской власти. Надо сказать, что взаимоотношения между мусульманами и христианами в таком небольшом городке как Эльче не всегда складывались гладко² и альхама всерьез могла опасаться появления напряженности. Вспомним одно место из грамоты, видимо присутствовавшее в прошении: «...и при том от того... *могут* возникнуть многие убытки и возбуждение...»³ Складывается впечатление, что на момент подачи петиции ситуацию удавалось контролировать и ничего страшного еще не случилось. Но мусульмане слишком хорошо знали, что достаточно искры от житейских трений, чтобы разгорелось пламя недовольства. В этих условиях мусульманская община предпочла просить помощи у королевской власти.

¹ «Pro parte aliame sarracenorum Elchii fuit expositum coram nobis quod occasione cuiusdam littere, per nos concesse christianis Elchii...»

² Подробнее об этом см.: *Варьяш И. И.* Правовое пространство ислама в христианской Испании. М., 2000. С. 55, 100.

³ «...cumque ex hoc possunt dampna et scandala plurima suboriri...»

Так было «составлено», как сказано в грамоте, «нижайшее прошение», в котором сарацины «представили» королю суть своего дела. Описывая непростую для себя ситуацию, сарацины должны были изложить ее так, чтобы создать у власти благоприятное для себя впечатление. Мне кажется, что для достижения этой цели они использовали несколько приемов.

В самом начале петиции было помещено указание на то, что именно королевское разрешение лежит в корне возникшей ситуации в городе. Королевский писец отразил это так: «...было представлено, что на основании некоего письма, пожалованного нами христианам Эльче...»¹ Этим коротким пассажем просители достигали сразу нескольких целей. Во-первых, они признавали, что знают о письменном королевском акте. Во-вторых, они признавали и правомерность сложившейся ситуации с юридической точки зрения. В-третьих, они обозначали свое намерение просить об изменении ситуации у той же инстанции, что послужила источником первоначального разрешения. Более того, подразумевалось, что в силу этих обстоятельств только королевская власть могла вмешиваться, а потому и должна была это сделать, на что эксплицитно указывал текст прошения, в-четвертых. И наконец, пожалуй, самое существенное для сарацин — они называли королевский акт письмом, в выгодном для себя свете представляя статус этого документа.

Хотелось бы отметить, что первые четыре пункта могли отразиться в петиции неосознанно и просто свидетельствуют о правовой грамотности сарацин, знавших правила составления прошений и защиты своих интересов перед властью. Что же касается последнего пункта, то оно, без сомнения, было продуманным и отстаивалось сарацинами. Мусульмане знали или скорее всего узнали при подготовке своего прошения, что христиане иначе относятся к обоснованности своих прав продавать вино и поить им сарацин. На первый план в деле был выдвинут сугубо формальный вопрос о статусе королевского документа. В связи с этим мусульманам важно было с самого начала создать впечатление ординарности королевского разрешения — оно было зафиксировано в письме, а не в виде привилегии или пожалования.

Совершенно противоположной позиции придерживается христианская сторона, о чем мы узнаем из заключительной части королевской грамоты: «...пошлите нам принятую привилегию, если действительно, как утверждают названные христиане, она имеется...»² Из этого

¹ «...fuit expositum... quod occasione cuiusdam littere, per nos concessae christianis Elchii...»

² «...mitatis nobis transumptum privilegii, siquid dicti christiani se habere asserant...»

короткого упоминания остается неясным, была ли позиция христиан изложена самими сарацинами в прошении или они были опрошены отдельно. Впрочем, для нас это не так интересно. Важно другое: сарадины и христиане придерживались разных точек зрения относительно статуса документа и каждая из сторон использовала этот вопрос, отстаивая свои интересы.

Среди примененных сарацинами приемов, пожалуй, самый очевидный и работающий — создание ощущения дистанции между сарацинами-просителями и сарацинами — нарушителями спокойствия. Действительно, мусульманская община, обращаясь за помощью к королю, не могла не понимать, что именно ее члены являются возмутителями спокойствия, с которыми она не в состоянии самостоятельно справиться. Желая добиться королевского вмешательства, альхама постаралась первой осудить провинившихся сарацин и тут она не скупилась на краски: «некоторые сарадины названной альхамы, всякого стыда лишившись, входят в таверны христиан, где столько пьют вина, что пьянеют от него и затевают ссоры... и многие постыдные слова... произносят... веселятся в пьянках...»¹ Из этой цитаты видно, что альхама определенно говорит о своих членах, не стараясь «замять» этот вопрос. В то же время она аккуратно указывает на то, что это «некоторые» ее члены, давая понять, что есть и иные насельники равалья, непричастные к ситуации. Эта мысль отчетливо проговаривается ниже: «...не только против названных сарацин, которые веселятся в пьянках такого рода, но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение...»² От имени последних община и выступает с ходатайством, активно подчеркивая огромное расстояние между теми и этими. Интересно, что эффект достигается благодаря выраженной эмоциональной и моральной окраске звучащих обвинений: сарадины, возмущающие покой города, оказываются «всякого стыда лишенными», они «затевают ссоры» и «произносят постыдные слова», они «веселятся в пьянках».

Внутри этой яркой и эмоциональной части текста, как мы видели, находится лаконичный и сухой пассаж, выполняющий тем не менее важнейшую функцию. Вот он: «...при том от того... могут возникнуть многие убытки и возбуждение...»³ Краткость этого указания подчеркивает неизвестность масштабов, которых может достичь ситуация.

¹ «aliqui sarraceni dicte aliame, omni verecundia ultroiecta, intrant tabernas christianorum, in quibus tantum bibunt de vino quod inebriantur ab eo et suscitant rixas... ac verba plerumque... proferunt inhonesta... in ebriacionibus huiusmodi se delectant...»

² «...non solum contra dictos sarracenos, qui in ebriacionibus huiusmodi se delectant, set etiam contra alios possunt dampna et scandala plurima suboriri...»

³ «...cumque ex hoc... possunt dampna et scandala plurima suboriri...»

Сарацины доводят до сведения власти информацию о грозящем ей и ее подданным ущербе. На мой взгляд, эта фраза самая главная в прошении мусульман, поскольку направлена на то, чтобы заинтересовать корону и тем самым побудить ее вмешаться.

Я специально привела предыдущую выдержку из грамоты не целиком, чтобы ярче выделить прагматику высказывания. Посмотрим на нее снова полностью: «...при том от того не только против названных сарацин, которые веселятся в пьянках такого рода, но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение...»¹ Тем самым альхама предупреждает, что конфликт грозит выплеснуться за пределы христианской части города и распространиться на раваль. Здесь уместно будет обратить внимание читателя на статус мусульманской общины города Эльче. Нам известно о нем и по научной литературе, и по другим документам — сарацины этого города неизменно являлись прямыми вассалами короны: или самого короля, или членов королевской фамилии². Это обстоятельство и позволило мне с такой уверенностью говорить о взаимных интересах короны и альхамы Эльче. Любой ущерб, нанесенный мусульманской общине, рассматривался властями как собственный не в последнюю очередь в связи с тем, что валенсийские сарацины регулярно наполняли королевскую казну.

Таким образом, мусульманское прошение было выстроено так, что должно было подвести власти к мысли о правомерности, полезности и необходимости вмешательства.

К сожалению Эгидий Петри, писец, составлявший королевскую грамоту, не зафиксировал в документе ту часть сарацинского прошения, где излагалась суть просьбы. Мы не знаем точно, о чем, собственно, просили сарацины и как они представляли себе выход из сложившейся ситуации. В результате мы не можем с полной уверенностью говорить о самостоятельности королевского решения или о степени его зависимости от испрошенного. Впрочем, существует общая практика того времени, отразившаяся в других документах, опираясь на которую можно прийти к некоторым немаловажным соображениям.

Надо сказать, что писцы королевской курии обычно пересказывали все части петиций — тем более значимые — практически дословно, со ссылками на просителя. Отсюда мы знаем, что нередко жалобщики описывали суть дела, но не просили о конкретном распоряжении (обратное, безусловно, тоже встречается), а использовали стандартные

¹ «...cumque ex hoc non solum contra dictos sarracenos, qui in ebriacionibus huiusmodi se delectant, set etiam contra alios possunt dampna et scandala plurima suboriri...»

² См.: М. Т. Ferrer i Mallol. Les aljames...

формулировки: чтобы король «позаботился о подходящем средстве», установил справедливость и т. д. Эти формулировки переписывались в королевский документ, и уже за ней писец помещал решение монарха.

Думаю, не будет натяжкой предположить, что Эгидий Петри опустил ту часть петиции, где должна была содержаться просьба, не потому что забыл о ней или был невнимателен при составлении текста. Вряд ли он не стал ее переносить, поскольку решил, что смысл дела и просьбы всем и так понятны — это не должно было его остановить, да и не укладывается в общую практику делопроизводства. Скорее всего непереписанной оказалась общая формулировка о «подходящем средстве». Если это рабочее предположение верно, то сарацины никак не обозначили своей точки зрения на лучший выход из ситуации, предоставив выбор короне.

Мне представляется, что королевская власть, рассматривая мусульманское прошение, действительно оказалась перед необходимостью совершить некий выбор для того, чтобы вынести решение. На первый взгляд всякое действие власти можно расценивать как результат осуществленного выбора. И это тоже будет верно. Но в случае с альхамой момент выбора отчетливо просматривается уже по одной той причине, что он был осознан как таковой самой властью. Королевская власть знала о дарованном прежде разрешении продавать сарацинам вино и поить их в христианских тавернах, королевская власть получила информацию о пагубных издержках этого разрешения и, желая исправить ситуацию, должна была, как минимум, выбирать между подтверждением собственного разрешения в пользу христиан или его отменой. Между этими двумя противоположными способами решения, разумеется, находились и промежуточные варианты, в том числе и отказ от принятия собственного решения (власть нередко перепоручала дела, связанные с конфликтами на местах байлам и другим должностным лицам).

Как мне кажется, свидетельством того, что власть осознавала, что стоит перед выбором, является зафиксированная текстом грамоты альтернатива: по существу, корона оставляет за собой право сделать выбор окончательного решения после получения более обстоятельной информации.

Конечно, речь не шла о выборе государственного масштаба: данное дело не затрагивало вопросов войны и мира, престолонаследия, налогообложения и т. д. В этой ситуации король не должен был разбирать судебные дела или рассматривать апелляции как лицо, наделенное высшими судебными полномочиями. Перед центральной властью не стояло необходимости корректировать действия своих должностных лиц на местах. Проще говоря, перед короной была повседневная задача

локального характера, от способа разрешения которой мало что могло зависеть — кроме спокойствия альхамы Эльче. Этот момент особенно привлекает меня в этом казусе, поскольку позволяет поставить вопрос о повседневном существовании выбора у власти, с одной стороны, и с другой стороны — о поведении власти, оказавшейся перед обычным рутинным выбором. То есть власти, которая не испытывает давления различных заинтересованных лиц и группировок, не зависит от других властных инстанций, которые могли бы влиять на исполнение решения, не ограничена в своем решении сложностями практического характера (связанными, например, с финансовыми, человеческими ресурсами), которая не находится в состоянии риска, не решает острый политический вопрос и не затрагивает материальных интересов видных фигур или групп.

Таким образом, перед нами — наиболее «чистая» ситуация выбора, которая, видимо, в максимально возможном объеме зависит от самой королевской власти, обладающей достаточным пространством для маневра, чтобы принять самостоятельное и удобное ей решение.

Следует, впрочем, отметить и одно существенное с точки зрения авторитета власти «отягчающее» обстоятельство. В деле с христианскими тавернами и сарацинскими любителями выпить корона отвечает за два решения: за предыдущее, разрешившее питье вина, и за последующее. Король лишен здесь часто использовавшейся ширмы — ссылки на пожалованное предшественниками. Действительно, этот факт мог использоваться властью и в тех случаях, когда требовалось обратиться к силе традиции, и наоборот, когда разрешение другого царствовавшего лица подвергалось корректировке, не нанося ущерба авторитету настоящего монарха.

Итак, королевская власть оказывается перед необходимостью пересмотреть свое распоряжение. Вспомним, обратившись к грамоте, в чем оно состояло. Из изложенного сарацинами в их прошении и переписанного Эгидием Петри мы знаем, что в королевском письме разрешалось, «чтобы сарацины... могли бы безнаказанно в дома христиан этого местечка, где продается вино, входить и пить там...»¹ Таким образом, речь не шла о разрешении продавать мусульманам вино вообще; не обсуждалось право сарацин входить в христианские таверны. Разрешение касалось исключительно питья вина в христианских заведениях. Это подтверждается частью текста, составлявшейся писцом самостоятельно, а не по прошению альхамы. Оба раза, когда Эгидий Петри излагает кратко содержание королевского распоряжения, он упоминает только о питье в христианских тавернах: «...если

¹ «...quod sarraceni... possint impune in domibus christianorum loci ipsius, in quibus vino venditur, introire et bibere in eisdem...»

названные сарацины могут пить в их домах...»¹, «...чтобы впредь не ходили в дома или таверны христиан названного местечка ради питья...»² Очевидно, что эти формулировки несколько упростили положение, упоминавшееся в начале грамоты, в частности, опустив глагол «входить» и обстоятельство «безнаказанно». Мне кажется, что в данном случае не было специального замалчивания или переакцентировки. Скорее, перед нами формулировки, указывающие на то, как власть и ее проводник писец представляли себе суть разрешенного.

Говоря о характере первоначального королевского разрешения, следует отметить, что оно вряд ли может быть отнесено к разряду таких актов, которые придают законную силу уже и так существующей практике. На это указывает слово «безнаказанно». Если бы его в тексте не было, подобное предположение было бы невозможно. И наоборот, заслуживает внимания тот факт, что оно включено в грамоту в самом начале, т. е. было переписано с петиции альхамы и больше не повторялось. Таким образом, для сарацин Эльче, обращавшихся к королю, было значимо, что с некоторого времени они могли «безнаказанно в дома христиан... входить и пить там...», а для писца этот момент оказался второстепенным.

К сожалению, мы не располагаем никакими данными о том, как долго действовало королевское разрешение: сразу ли оно вызвало дестабилизацию в городе или спустя какое-то время? Пытаясь оценить вероятность того или иного ответа на этот вопрос, мы снова можем обратиться только к общей практике делопроизводства той эпохи.

Представляется наименее вероятным, что конфликт возник непосредственно вслед за разрешением. Во-первых, это обстоятельство, скорее всего, было бы подчеркнуто в петиции альхамы; во-вторых, Жауме II помнил бы о пожалованном христианам Эльче. В этом случае писец включил бы в грамоту текст прежнего распоряжения или упоминание о нем. Это произошло бы с еще большей вероятностью, если бы разрешение было оформлено в виде привилегии или пожалования, так как они должны были храниться в курии. Следовательно, разрешение могло быть даровано самим Жауме II, но в письме, о котором он точно уже мог не помнить; или оно было пожаловано им в виде привилегии, но задолго до этих событий, так что ни король, ни курия этой привилегии вспомнить и найти не могли.

Жауме стал королем Арагона в 1291 г. — это означает, что разрешение сарацинам пить вино в христианских тавернах вряд ли старше. Вероятность того, что разрешение было пожаловано кем-то из

¹ «...dicti sarraceni possint bibere in domibus eorumdem...»

² «...ne intrent in domibus seu tabernis christianorum dicti loci ulterius ad bibendum...»

предшественников Жауме очень низка, что видно из текста грамоты. В изложенной Эгидием Петри сарацинской петиции говорилось о «неком письме, пожалованном нами христианам»¹. В заключительной части документа, специально посвященной вопросу о существовании привилегии о предках-королях как возможном источнике права не упоминается: «если нами христианам с нашей привилегией было совершено вышеназванное пожалование... пошлите нам принятую привилегию»². «Предки» появляются только в той части грамоты, где писец излагает королевское решение относительно сарацин, и, видимо, благодаря использованной здесь формуле, обязательной в таких случаях: «...если не было пожаловано по привилегии нашей или наших предков и нами подтвержденной...»³ Из этого вытекает, что и альхама, и власть источником разрешения полагали короля Жауме II.

Таким образом, королевскому разрешению на момент его пересмотра могло быть от пятнадцати лет до одного года (нижняя граница весьма условна, поскольку требует оценки «устойчивости памяти» короля и в делопроизводстве XIV в.)

Поскольку ситуация в городе усложнилась, перед короной возникла необходимость пересмотреть свое прежнее решение. Понятно, что и при самом простом выборе существует несколько способов отреагировать и потому даже такое повседневное, как мы говорили, решение интересно с точки зрения выбора, осуществляемого властью и выявляющего ее приоритеты в целях и методах их достижения.

Хотелось бы сразу отметить, тем более, что это всем очевидно, но от того не менее интересно: решение, принятое короной было двояким. И по своей природе, и по направленности. Это стало возможно благодаря допущенной в грамоте вариативности королевского распоряжения (заявленная альтернатива, о которой мы уже упоминали). Жауме II признает, что существует два способа развития событий и два способа урегулирования ситуации. Такой подход придает позиции власти определенную гибкость. В то же время момент окончательного выбора отодвигается — во имя справедливости, как указано в грамоте.

Итак, король вынес по существу два решения: первое было ответом на прошение альхамы, второе дополнительным распоряжением прокуратору и байлу. «...Повелеваем, чтобы... если [то], что названные сарацины могут пить в их домах... было пожалованно только... нашим письмом... вы останавливали названных сарацин, несмотря на

¹ «...cuiusdam littere, per nos concesse christianis...»

² «...si per nos christianis cum privilegio nostro facta fuerit concessio supradicta... mitatis nobis transumptum privilegii...»

³ «...nisi per privilegium nostrum aut predecessorum nostrorum et per nos confirmatum concessum fuerit...»

названное письмо, чтобы в дальнейшем не ходили в дома или таверны христиан названного местечка ради питья, но могли бы, если захотят, в домах или тавернах христиан покупать вино и к себе домой, что в их квартале или куда-либо внутри названного квартала нести ради питья»¹ — это первая часть королевского решения. Как видно, она является прямым ответом на вопрос о сохранении или отмене прежнего разрешения. Согласно новому распоряжению, сарацины больше не имели права пить в христианских тавернах, а, как мы помним, именно это было предметом полученного христианами пожалования. В то же время подобное решение не отменяло самой возможности продавать мусульманам вино и не закрывало перед ними двери христианских таверн. Любопытен и еще один момент: королевское решение, может быть подспудно, учитывает не столько букву мусульманского прошения, сколько его дух. Новое распоряжение запрещает мусульманам пить вне своего квартала, а не только за стенами христианских таверн. Таким образом, власть проявляет склонность расценивать как провокационное для сарацин все пространство христианской части города, а не только злачные места.

По существу решение, вынесенное королевской властью, было в пользу альхамы, так как предыдущее разрешение в сути своей отменялось. Впрочем, на практике это могло приобрести разные формы, поскольку нам неизвестно, насколько свободно мусульмане могли вносить на территорию своего квартала вино, купленное у христиан, и распивать его. Не исключено, что именно в связи с моральными запретами, бытовавшими среди сарацин, некоторые из них предпочитали отводить душу за стаканом у соседей-христиан. Даже если альхама Эльче не преследовала своих членов за употребление вина (а скорее всего так и было, иначе нарушителей спокойствия карали бы как преступников по мусульманскому праву, действовавшему внутри общины), она, безусловно, осуждала напивающихся до состояния опьянения.

Такое решение короля, пожалуй, по праву можно назвать компромиссным и выявляющим толерантную позицию короны. Однако, как мы помним, оно могло быть исполнено только при некотором условии, о котором наиболее подробно говорится во второй части грамоты: «Однако же, если нами христианам с нашей привилегией было совершено вышеназванное пожалование, желаем и повелеваем вам, чтобы вы

¹ «...[si] quod dicti sarraceni possint bibere in domibus eorumdem, solum eis concessum fuerit per nostram litteram...inhibeatis sarracenis predictis, predicta littera aliquo non obstante, ne intrent in domibus seu tabernis christianorum dicti loci ulterius ad bibendum, set possint in domibus seu tabernis christianorum vinum, si voluerint, emere et illud ad domos suas, quas habent in ravallo eorum, vel alibi intra dictum ravallum ducere ad bibendum».

воздержались от вышеназванного останавливания, которое должно осуществляться по отношению к уже обозначенным сарацинам, и вы, названный байл, пошлите нам принятую привилегию, если действительно, как это утверждают названные христиане, она имеется, чтобы, изучив ее содержание, мы могли бы распорядиться относительно вышеизложенного так, чтобы было справедливо»¹. В этой, второй, части королевского решения основное внимание уделяется статусу документа, зафиксировавшего первое разрешение.

Таким образом, первая часть решения скорее имеет практический характер, а вторая — формальный. По сути дела они не противоречат друг другу, но вступают в силу в зависимости от оговоренного условия, что для королевского права того времени не было чем-то необычным. С другой стороны и та и другая выполняют весьма важные и разные функции.

Мне представляется, что первая часть королевского распоряжения была призвана решить несколько сугубо практических задач. Во-первых, она должна была обозначить принципиальную позицию короны в этом деле: кого и как власть готова поддержать и насколько жестко настроена ограничивать права действующих сторон. Во-вторых, эта часть решения была направлена на то, чтобы снять напряжение в городе, разрядить ситуацию и тем способствовать предотвращению возможного ущерба короны и альхамы. В-третьих, посредством этой части распоряжения выявлялась готовность короны защищать своих мусульманских подданных и благосклонно отвечать на их прошения.

Напротив, внимание короля к своим христианским подданным обнаруживается во второй части решения. Я думаю, что оно также должно было выполнить ряд важных функций и упомянутый момент имеет к ним прямое отношение. Кроме того, вторая часть королевского решения, несмотря на свою формальную природу, служила весьма практическим целям. Во-первых, она поддерживала авторитет власти. Действительно, за вопросом о статусе документа, который корона вынуждена была пересматривать, стояла потребность власти особым образом обставить отказ от предыдущего решения. С этой точки зрения для власти было настоящим подарком то, что христиане, защищая свою привилегию, обратили внимание на тип документа. Во-вторых, эта часть решения заявляла о намерении короны придать наиболее легитимный вид своему решению, что, безусловно, было в

---

¹ «Verum tamen, si per nos christianis cum privilegio nostro facta fuerit concessio supradicta, volumus et mandamus vobis quatenus supersedeatis a faciendo inhibitionem predictam sarracenis superius nominatis et vos, dictus baiulus, mitatis nobis transumptum privilegii, siquid dicti christiani se habere asserant super eo ut, viso tenore ipsius, super predictis possimus quod iustum fuerit ordinari.»

интересах всех. Об этом свидетельствуют следующие слова: «...пошлите нам принятую привилегию... чтобы, изучив ее содержание, мы могли бы распорядиться относительно вышеизложенного так, чтобы было справедливо»¹. Третья задача этой части решения выполнялась последними словами текста о справедливости — они были предназначены для того, чтобы позиционировать короля как высшего гаранта справедливости. И наконец, последнее, на чем хотелось бы остановиться, это эксплицитно присутствующая во второй части мысль о возможности корректировки королевской позиции, заявленной в первой части решения.

Разумеется, две части решения читались как единое целое и дополняли друг друга. Так, положение о короле как гаранте справедливости подтверждалось его готовностью защищать сарацин и со вниманием отнестись к показаниям христиан. Стремление королевской власти разрядить социальную напряженность в городе подкреплялось представлениями о справедливости и легитимности королевского решения, а также готовностью короны изменить решение при необходимости. Это в свою очередь «работало» на главную, по моему мнению, общую задачу документа, как она виделась властям: на урегулирование конфликта, которое привело бы к умиротворению города (а не просто к временной разрядке ситуации).

После расчленения текста грамоты на фрагменты (без которого мне, конечно, не удалось бы выразить большую часть своих ощущений) мне хотелось бы вернуться к документу Жауме II еще раз и снова взглянуть на него в целом.

Грамота составлялась благодаря инициативе сарацин и приобрела особую структуру с выделенной частью в конце из-за христиан, отставивших свои интересы. И те и другие, как мне представляется, видят в королевской власти гаранта своих прав и защитника. В этом смысле вполне уместно говорить о востребованности власти ее подданными.

Королевская власть, как я пыталась продемонстрировать, и сама позиционирует себя как покровителя своих подданных, блюстителя справедливости и мира.

Примечателен и тот общий интерес, который все три действующие стороны проявляют к статусу первоначального документа. Для каждой из них он означает разное: для сарацин — это подводный камень, для христиан — соломинка, для королевской власти — щит, но принципиально то, что никто не считает возможным и нужным обойти этот вопрос.

---

¹ «...mitatis nobis transumptum privilegii... ut, viso tenore ipsius, super predictis possimus quod iustum fuerit ordinari».

Что же касается совершенного властью выбора, то мне кажется, он был сделан в пользу достаточно мягкого и по методам, и по сути выхода из ситуации. Самое жесткое повеление короля Жауме II — «останавливать»¹ сарацин, направляющихся пить в христианские таверны. Прокуратор Валенсии и байл города Эльче должны были проследить за выполнением королевского распоряжения, а при необходимости послать в курию привилегию и ждать окончательного решения. В этой ординарной, рутинной для власти ситуации король сделал выбор в пользу толерантности и гибкости, позаботившись и о своем авторитете, и о мире в городе.

---

¹Inhibeatis — [чтобы вы] останавливали, удерживали.

СЛЕД НА ВОДЕ

Регламенты ремесленных и торговых корпораций являются важнейшими источниками для изучения истории ремесел, экономических и социальных отношений Средневековья и раннего Нового времени. Незначительно изменившись с точки зрения формы и структуры, за время своего существования уставы претерпели радикальные перемены в содержании, отразив социальные противоречия и конфликты, смену способа производства и просто технические и технологические новшества.

Одна из самых сложных проблем изучения этих источников — поиски их истинных создателей, в число которых могут быть включены рядовые мастера; должностные лица корпорации — присяжные; мастера смежных (как, например, в сукноделии) и близких (булочники и кондитеры) специальностей; купцы и торговцы, торгующие этими изделиями¹. Их заявления нередко фиксировались в уставах, чаще всего — в их введениях, а также в сопровождавших процесс создания регламента документах (доверенностях, отдельных постановлениях, королевских патентах и др.). Сложнее определить мнения и позиции городских чиновников, непосредственно записывавших уставы, так как они не проговорены в текстах. Городские чиновники не знали тонкостей производства, а значит, не могли указывать, кому и как работать. Но они имели представления об управлении корпорациями и несомненно знали о необходимости урегулирования этой сферы, по долгу службы имея дело с конфликтами в ремесленной и торговой среде, нередко перераставшими в судебные разбирательства.

За полтора столетия (XVI — первую половину XVII в.) в Реймсе было создано 28 уставов ремесленных и торговых корпораций². Этот неторопливый уставотворческий процесс имел всплеск яркой активности, когда за неполные 13 лет — с 1570 по 1582 г. — было записано

---

¹ См.: *Кириллова Е. Н.* Практика создания регламентов ремесленных и торговых корпораций в Реймсе (XVI–XVII в.) // *СВ. Вып. 64. М., 2003.*

² *Varin P.* Archives législatives de la ville de Reims. P. 2. Statuts. V. 2. P., 1847. По этому изданию, обозначенному как AL, даны все последующие сноски.

9 уставов. Возникает закономерный вопрос: имеет ли этот период только количественные или также и качественные характеристики? Выделяются ли чем-нибудь эти уставы среди прочих, записанных в Реймсе?

«Внешний» признак, объединяющий все 9 регламентов, — имя реймского бальи Жоржа Шевалье. Традиционно именно к бальи архиепископа — весьма влиятельного церковного иерарха Франции, традиционно располагавшего сильной властью в городе, — обращались с просьбой о регламенте городские ремесленники и торговцы. В обязательном порядке регламенты должны были быть утверждены королем и ратифицированы Парижским парламентом. Представители некоторых реймских корпораций обращались непосредственно к королевской власти в Париже, как, например, кожевники, сукноделы, книгопечатники и некоторые другие.

Все девять регламентов Ж. Шевалье объединяет подробное описание во введениях роли и позиций всех участвовавших в создании уставов. Общими чертами обладают композиции основных частей (порядок перечисления норм), практически одинаковы используемые в текстах формулы. Все это может свидетельствовать о некой «редакторской» правке, точнее даже — о коррекции некоего изначального текста (возможно, устных заявлений) с правовых позиций. Если бы дело ограничилось только этим, следовало бы признать юридическую грамотность бальи и отдать должное его вниманию к проблемам городских ремесленников и торговцев. Однако эти уставы выделяются среди прочих реймских регламентов не только тщательно составленными вводными частями и формулировками, но, прежде всего, своим содержанием. Для них характерен особый набор требований, по отдельности встречающихся и в других (более ранних и более поздних) уставах, но в комплексе — только в уставах 1570–1582 гг. Эти требования таковы:

- мастер несет ответственность за вступительный взнос своего ученика;
- перечисление изделий, которые следует выполнять в качестве шедевра;
- штрафы за некоторые нарушения или конфискованные изделия полностью предназначаются архиепископу;
- обязательная смена половины состава присяжных (обычно их было двое или четверо) ежегодно; на смену выбывшим приходили мастера, выбранные или назначенные по списку, составлявшемуся в соотствии со временем вступления в корпорацию;
- регулярный отчет присяжных о денежных средствах корпорации;
- запрет присяжным растрачивать эти средства;
- требование к присяжным не создавать ни для кого исключительных условий;

- определение вступительного взноса мастера как некоторого количества воска или денежной суммы, равной стоимости этого воска.

В приведенной ниже таблице (табл. 1) представлены эти требования и некоторые из «парных» норм (они выделены курсивом) во всех реймских уставах с 1400 по 1646 г.

Таблица 1

СПЕЦИ- АЛЬНОСТЬ	ПРАВИЛА									
	Мастер отвечает за взнос ученика	Шедер назван в уставе	<i>Шедер называют присяжные</i>	Штраф или конфискация — архиепископу	Ежегодная смена половины присяжных	Отчет присяжных	Запрет растрачивать деньги	«Без исключений для кого-либо»	Вступит. взнос — воск	<i>Денежный взнос</i>
7 ремесел ¹ ок. 1400 г.									* ²	* ²
Цирюльни- ки 1462		*						*		*
Мясники 1467						*				*
Булочки 1561				*		*			*	
Суконщики 1569	*		*			*				
Шляпники 1570	*	*		*	*	*	*	*		*
Веровочни- ки 1571		*		*	*				*	
Прянични- ки 1571	*	*		*	*	*	*	*	*	

¹ Устав семи ремесел, подчиненных виду, предположительно датируется началом XV в. Это живописцы, шорники, вышивальщики, стекольщики, резчики по камню, медники и изготовители гребней для чесания шерсти (AL. T. 2. V. 1. P., 1844. P. 330–340). Видам — сеньор, державший земли от епископства или аббатства.

² Вступительный взнос состоит из 20 парижских су и двух фунтов воска (P. 337, [VII] и [VIII] статьи).

³ У сапожников — воск (255–56, VIII статья), у сапожников-починщи-
ков — денежный взнос (260, VI статья).

СПЕЦИ- АЛЬНОСТЬ	ПРАВИЛА									
	Мастер отвечает за взнос ученика	Шедвр назван в уставе	Шедвр называют присяжные	Штраф или конфиска- ция — архиепископу	Ежегодная смена по- ловины присяжных	Отчет присяжных	Запрет растрачивать деньги	«Без исключений для кого-либо»	Вступит. взнос — воск	Денежный взнос
Изготовители шерстяной кисеи 1572	*	*		*	*	*	*	*		
Сапожники 1571	*	*			*	*			*/3	*/3
Кожевники, выделывающие лайку 1574	*	*		*	*	*	*	*	*	
Колпачники 1581	*	*		*	*	*	*		*	
Ткачи полотна 1581	*	*			*	*				*
Укусовары 1582		*			*					
Корзинщики 1588			*							*
Столяры 1592		*	*	*		*			*	*
Сукноделы 1599										*
Изготовители шелковых изделий 1600			*	*	*	*				*
Стригальщики сукна 1603	*	*	*		*					*
Бочары 1606	*				*					*
Изготовители режущ. инструментов 1612			*		*					*

СПЕЦИ- АЛЬНОСТЬ	ПРАВИЛА									
	Мастер отвечает за взнос ученика	Шедвр назван в уставе	Шедвр называют присяжные	Штраф или конфиска- ция — архиепископу	Ежегодная смена по- ловины присяжных	Отчет присяжных	Запрет растрачивать деньги	«Без исключений для кого-либо»	Вступит. взнос — воск	Денежный взнос
Обойщики 1616		*	*	*	*					*
Каменщики 1625		*	*		*	*				*
Старьевщи- ки 1628						*				
Булавочни- ки 1635					*	*	*			
Купцы, торгующие галантереей 1639					*	*				*
Кузнецы 1644		*								*
Слесари 1646		*			*	*				*

Таблица позволяет наглядно продемонстрировать:

а) приверженность этим нормам в 1570–1582 гг.;

б) единичность их использования до 1570 г.;

в) решительный и полный отказ от них в первом же уставе после Ж. Шевалье. В регламенте корзинщиков, записанном бальи Ноэлем Балле в 1588 г., нет ни одного из требований, столь характерных для предыдущего периода;

г) возврат к ряду из них впоследствии, с начала 1590-х гг., с устава столяров, записанным бальи Жаном Пиош в 1592 г. В целом некоторые из указанных норм благополучно просуществовали до середины XVII в.¹

¹ Следующий реймский устав был записан только в 1685 г. для сосисочников и колбасников (Р. 931–947), затем в 1692 г. — для бакалейщиков. В это время уже создавались уставы, действие которых распространялось на всю территорию королевства (1658 г. — для музыкантов, 1669 г. — красильщиков шелка и шерсти (Р. 621–629, 873–909)).

Разрыв с традицией, хотя и недолго просуществовавшей, не может быть объяснен исключительно спецификой профессий, поскольку нормы, о которых идет речь, относятся не к профессиональной сфере, а к управлению и устройству корпорации — явлению в значительной мере универсальному.

Самый яркий пример — требование ежегодной смены половины состава присяжных, которое возникает в первом же уставе Ж. Шевалье. Оно исчезает после 1582 г., но впоследствии (с устава изготовителей шелковых изделий (1600), первый вариант которого, возможно, был записан при Ж. Шевалье¹) становится в Реймсе нормой, обычной практикой. Оно со всей очевидностью прижилось в Реймсе.

Запрещение присяжным растрачивать деньги сообщества также появляется исключительно с Ж. Шевалье и пропадает после него. Позднее это правило появляется только в одном уставе — у булавочников (1635), у которых был весьма серьезный конфликт с собственными присяжными. Мастера настояли на подробнейшем перечислении всевозможных злоупотреблений с их стороны², трижды повторив запрет растрачивать средства сообщества³. В целом требования, предъявляемые булавочниками к присяжным, весьма обычны для Реймса, они встречаются и во многих других регламентах. Отличие состоит лишь в акценте на растратах, которые, по всей видимости, были для булавочников весьма острой проблемой. Поэтому в их регламенте и появился такой «древний» (с точки зрения истории уставов⁴) запрет.

Еще одно ограничение произвола присяжных — регулярный отчет о денежных средствах — «началось» не с Ж. Шевалье, но при нем явно утвердилось в Реймсе.

---

¹Первый вариант этого устава датируется 1582 г. См.: AL. P. 375. Текст его неизвестен.

²AL. P. 544–545.

³Первый раз — в общем виде: не растрачивать и не пропивать деньги, которые собирают с булавочников на церковные службы, свечи и другие нужды ремесла или «по другим поводам» в течение года. Присяжные не могут затевать процессов по поводу регламента, а должны лишь сообщить о нарушениях фискальному прокурору или его заместителю — «без растрат». И наконец, присяжные должны осматривать выставленные на продажу товары «должным образом», не требуя и не получая от местных или приезжих булавочников «по взаимному соглашению или иначе» ни денег, ни вознаграждений на выпивку или что-то другое под каким бы то ни было предлогом — под угрозой наказания «по всей строгости королевских эдиктов и ордонансов». Все это дает многократно проговоренное ограничение должностных лиц ремесла в возможности использовать в собственных интересах, какими бы они ни были, средства, предназначенные корпорацией совсем для других целей.

⁴Работа над уставом булавочников началась в 1634 г., а последнее упоминание о растратах в реймских уставах — 1581 г. (см. табл. 1). Разрыв составляет 53 года.

Требование к присяжным не создавать ни для кого исключительных условий существовало в реймских уставах только в начале 1570-х гг. и полностью исчезло после 1574 г. По каким-то причинам, возможно, в силу его декларативности и неэффективности, от него отказались. Ранее это правило упоминалось только у цирюльников-хирургов (1462) в виде: «*sans fraude, dissimulation ne ascersion de personne*»¹. В уставах Ж. Шевалье требование сформулировано иначе — «без исключений для кого-либо»² и выглядит как законченная юридическая формула.

В уставе тех же цирюльников было указано, какие именно изделия должны делать в качестве шедевра кандидаты в мастера. Эта норма есть абсолютно во всех уставах Ж. Шевалье. Впоследствии она сменяется противоположным требованием, когда шедевр определяют присяжные. В уставах Ж. Шевалье оно не встречается ни разу, хотя и было известно в Реймсе (см. табл. 1).

Способ определения изделий, которые могут стать образцовой работой для будущего мастера, относится к внутренней жизни ремесленного сообщества; в этой специфической для каждой профессии области отсутствовал «личный» интерес городских властей. Норма, существовавшая при Ж. Шевалье, продолжает заявленные в других позициях (отчеты, растраты, исключения) ограничение власти присяжных и контроль за их деятельностью. В дальнейшем реймские корпорации достаточно быстро пришли к своеобразному сочетанию этих противоположных норм, например, когда присяжные выбирают для кандидата в мастера какое-то из изделий, перечисленных в уставе (у каменщиков (1625))³. Присяжные могли указать цвет ткани — у стригальщиков, прессовщиков и аппретурщиков сукна (1603)⁴. Обойщики (1616) допускают в качестве шедевра перечисленные в уставе изделия или другие, названные присяжными⁵.

Разрешение уплачивать вступительный взнос воском выглядит в реймских уставах несколько архаично, хотя и ранее оно не было нормой и встретилось только два раза — у ремесел, подчиненных виду и связанных по своей специфике с церковью (ок. 1400), и у булочников (1561). В целом требование не характерно для ранних

¹ AL. P. 2. V. 1. P., 1844. P. 981. [II] статья.

² «*Sans exception de personne*». См.: AL. P. 2. V. 2. P. 205. I статья; «*sans aucune exception de personnes*». P. 290. I статья; «*sans aucune exception de personne*». P. 226–229. I статья; «*sans aucune acception de personne*». P. 266. I статья.

³ AL. P. 486–487.

⁴ Ibid. P. 393. IV статья.

⁵ Ibid. P. 455. IV статья.

уставов и практически не встречается в поздних: в 1592 г. о воске напомнили столяры, что очень похоже на случайность¹.

Правила раздела конфискованных изделий и штрафов за всевозможные нарушения — один из главных и самых сложных вопросов для любого сообщества. Именно здесь распределяются выгоды, ставятся планки престижа (суммы штрафов тем больше, чем богаче ремесло), выявляются влияния и зависимости — реальные силы заинтересованных сторон. По этой причине, а также потому, что устав определяет не только нормы производства, но и нормы управления корпорацией, и внутренней жизни мастерской (т. е. взаимоотношения людей), правила раздела штрафов не могут быть простыми.

Традиционным для реймских ремесел было деление штрафов пополам: корпорации и власти, т. е. архиепископу (в большинстве случаев²). Такое правило встречается в 80% реймских уставов. Существовали и другие типы деления: на трети³ или неравные части⁴; они, как и размеры штрафов, зависели от нарушения.

Конфискованные изделия обычно полностью передавались одной из заинтересованных сторон: корпорации, архиепископу или беднякам. Реже их делили. Так, «суд» (в данном случае — архиепископ, см. ниже) и корпорация получали равные доли конфискованных инструментов у цирюльников-хирургов⁵. Изделия, выставленные приезжими мастерами на продажу прежде, чем их осмотрели присяжными шляпников, конфисковались и делились пополам, если обнаруживалось, что они сделаны неправильно⁶.

Итак, архиепископ «многообразно» присутствовал при делении штрафов и конфискаций, и само требование передавать ему штраф или конфискованные изделия полностью не выглядит чем-то особенным. Но то, в каких именно уставах появляется эта норма, все же говорит о некоторых закономерностях. Таблица 2, представленная ниже, более полно показывает долю архиепископа в штрафах и конфискациях.

¹Первый регламент столяров, текст которого не сохранился, был записан в 1567 г. Возможно, что воск как вступительный взнос происходит из этого устава.

²Король подразумевался или прямо назывался в регламентах, непосредственно данных им по просьбе мастеров или купцов: у кожевников и дубильщиков, суконщиков, старьевщиков, кузнецов.

³Королю, ремеслу и человеку, сообщившему о нарушении, — добавление 1618 г. к уставу суконщиков. См.: AL. P. 202–203. XIV статья. Архиепископу, присяжным и ремеслу — у слесарей. Ibid. P. 594–595. 1 статья.

⁴Так, например, делится штраф в 22 су 6 денье: 10 су получает ремесло, 10 су — видам, 2 су 6 денье — сержант. AL. P. 2. V. 1. P. 336. [IV] статья.

⁵AL. P. 2. V. 1. P. 986. [XXII] статья.

⁶Ibid. P. 2. V. 2. P. 210. VI статья.

Таблица 2

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	ПОЛОВИНА ШТРАФА	ДРУГАЯ ДОЛЯ ШТРАФА	ПОЛНОСТЬЮ
Цирюльники	* и конфискации		
Мясники	*		
Булочники	*	2/3	штраф
Шляпники	* и конфискации		штраф
Веревочники	*		штраф
Пряничники	*		штраф
Изгот. шерстяной кисеи	*		штраф
Сапожники	*		
Кожевники	*		штраф
Колпачники			штраф
Ткачи полотна	*		
Укусовары	*		
Корзинщики	*		
Столяры	*		конфискация
Сукноделы		2/3	
Изгот. шелк. изделий	*		конфискация
Стригальщики	*		
Изгот. реж. инструментов	*		конфискация
Обойщики	*		конфискация
Каменщики	*		
Булавочники	*		
Слесари		1/3	

Половина, традиционная для Реймса, и реже встречающиеся третьи штрафов не вызывают особых вопросов. Следует отметить лишь некоторые изменения в формулировках. В уставах 60-х гг. XV в. (цирюльники и мясники) сказано, что половина штрафа предназначается суду¹. При этом у мясников не указано, что суд — архиепископский, хотя было именно так. В уставе же цирюльников сказано: если будет возбуждено дело, фискальный прокурор² архиепископа выступит на стороне присяжных, чтобы «эти ордонансы наилучшим образом

¹Ibid. P. 2. V. 1. P. 982. [V] статья; P. 983. [VI] статья; P. 990–994. 1 статья; P. 995. V статья.

²Функции фискального прокурора в сеньориальной юрисдикции соответствовали функциям королевского прокурора.

хранились и охранялись»¹, поскольку архиепископ являлся гарантом справедливости, хранителем прав и привилегий корпорации. В тексте многократно повторено, что штрафы предназначаются суду, архиепископ же ни разу не упоминается. И только в последней статье обозначен истинный «благополучатель»: в конце своего года (т. е. в конце срока своей службы) присяжные должны вручить фискальному прокурору список штрафов, полагающихся архиепископу². Такое «затушевывание» свидетельствует, по всей вероятности, о том, что право архиепископа на получение части штрафа еще нуждалось в закреплении.

Прямо, без указания на судебные функции, архиепископ называется в уставе булочников (1561), отличившихся особо сложным делением штрафов. Этот устав был создан в ходе острого конфликта по поводу раздела штрафов между пекарем Клодом Ноэль и сообществом реймских булочников и кондитеров. В течение полутора лет было предложено 4 способа раздела, зафиксированных в ряде документов и постановлений. Окончательно спорщиков рассудил балы в 1562 г., получив соответствующее указание реймского архиепископа, кардинала Карла Лотарингского³. Именно в уставе булочников впервые в реймской практике встретилось требование полной передачи штрафа архиепископу. Он получает штраф в 22 су 6 пар. денье при нарушении мер и весов при выпечке хлеба, кроме тех случаев, когда нарушение обнаруживают мастера ремесла, тогда они получают треть от штрафа⁴. В окончательном постановлении балы говорится о том же делении на трети без упоминания о том, кто именно должен обнаружить нарушение⁵. По всей вероятности, здесь архиепископу пришлось пойти на уступку. При повторном нарушении произвольный (!) по размеру штраф полностью предназначается архиепископу⁶. Скорее всего, это было выгодно: разумеется, первое нарушение предшествовало всем повторным, но любой, нарушивший меры и вес хлеба однократно, навсегда становился потенциальным «клиентом» архиепископа.

При Ж. Шевалье утверждается особая практика: выделяются отдельные нарушения, как правило, не связанные с профессиональной деятельностью ремесленников, штрафы за которые предназначаются архиепископу. Выглядит это следующим образом:

¹ AL. P. 2. V. 1. P. 985. [XX] статья.

² Ibid. P. 986. [XXV] статья.

³ Ibid. P. 2. V. 2. P. 150–151.

⁴ Ibid. P. 146–148. [VIII] статья.

⁵ Ibid. P. 151. N.

⁶ Ibid. P. 147–148. [VIII] статья.

Таблица 3

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	ПРИЧИНА	ШТРАФ, предназначенный архиепископу	ПРОЧИЕ ШТРАФЫ
Шляпники 1570	за банкет и плату присутствовавшим при выполнении шедевра (211, XI)	14 п. су	16, 20, 40 п. су 4 п. л.
Веревочники 1571	за банкет при выполнении шедевра (219, XIII)	100 п. су	6, 40 п. су 10 п. ливров
Пряничники 1571	за банкет и плату присутствовавшим при выполнении шедевра (221, V); за растрату присяжными средств ремесла (223, XI)	4 п. ливра 40 п. су	16, 32, 60 п. су
Изготовители шерстяной кисеи 1572	если присяжные не представили для присяги того, кто выполнил шедевр (235, VI); за банкет и плату присутствовавшим при шедевре (236, XIV); если вдова продолжает держать лавку после нового замужества (236, XVI); за растраты в пивных (236–237, XVIII)	40 п. су 4 п. ливра 10 п. ливров 6 п. ливров	40, 60 п. су
Кожевники, выделыв. лайку 1574	за растраты на выпивку (268, XIV)	4 п. ливра	6 п. денье, 40 п. су
Колпачники 1581	за нарушение монополии мастеров ремесла (294, XI); за неправильно сделанные изделия (295, XVI)	6 п. су 6 п. су	2 экю

Первоначально главным объектом внимания выступал шедевр: новому мастеру запрещали устраивать банкет и платить присутствовавшим при выполнении шедевра мастерам и присяжным. Столь же традиционно эти запреты нарушались¹. За кратчайшее время штрафы сильно возросли: от 14 су до 4 ливров, начиная с устава ве-

¹ В королевских эдиктах и ордонансах, а также в ремесленных уставах запрет устраивать пир по поводу приема в мастера повторялся с завидной регулярностью.

ревочников, причем эти суммы резко контрастировали с размерами остальных штрафов, существовавших в корпорации. К шедевру добавились растраты присяжных, со столь же крупными штрафами (до 6 п. ливров). Максимальный набор норм, предполагающих передачу штрафа архиепископу, дает устав изготовителей шерстяной кисеи. Но уже в следующем по времени уставе, у кожевников, остаются только растраты денег присяжными и указывается, что присяжные должны вернуть растроченные средства — это единственный случай среди всех реймских уставов. Тем не менее штраф, предназначенный архиепископу, по-прежнему велик.

Традиция передачи полного штрафа архиепископу продолжена в регламенте колпачников, создававшемся с 1576 г. в ходе сложного конфликта среди мастеров. Но поводы для присуждения штрафа радикально изменяются, вторгаясь в сферу профессиональной деятельности ремесленников; в то же время размер штрафов снижается на порядок. Банкеты при приеме мастера по-прежнему запрещены (о наказании за это не упоминается). В регламенте сохраняется и штраф за несоблюдение правил шедевра, но в том размере, какой полагается «по королевскому эдикту»¹, и никак иначе. С этого же устава начинается другое радикальное изменение в реймских регламентах: присяжных перестают выбирать, вместо этого их назначают по списку.

Знаменитый эдикт Генриха III (декабрь 1581 г.²), посвященный ремеслам королевства, говорит о выборах присяжных как о норме, принятой в присяжных ремеслах (статья 9). При этом в реймских уставах королевской санкцией объясняют прямо противоположный принцип, что нисколько не мешает «законному» существованию как самого принципа, так и отсылки к эдиктам и ордонансам. Так, на королевский эдикт (впрочем, не уточняя, на какой именно) ссылается устав ткачей полотна (1581), говоря о том, что ежегодно должна сменяться половина состава присяжных³. В уставе столяров (1592) сказано: присяжные должны назначаться по списку в соответствии с королевским эдиктом⁴.

«Золотая» середина в смене присяжных была найдена в Реймсе довольно быстро: с 1600 г. практиковались выборы одного и назначение другого присяжного.

¹ AL. P. 294. VIII статья.

² Lespinasse P. Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles. T. I. Ordonnances générales. Métiers de l'alimentation. P., 1886. P. 84–86.

³ AL. P. 298. II статья.

⁴ Ibid. P. 356. XXI статья.

Королевскому законодательству (17-й статье эдикта 1581 г.) полностью соответствует¹ утверждение практики платить присяжным, присутствовавшим при выполнении шедевра, сменившее существовавший в Реймсе запрет. У реймских ткачей полотна (1581) сумма оплаты зафиксирована на 20 парижских су²; у уксоваров (1582) — 10 пар. су³. Запрет на банкеты сохраняется, штраф за нарушение, например, у ткачей полотна (2 экю), делится традиционно — пополам⁴.

Несмотря на всю целенаправленность утверждения новой традиции, рассмотренные выше требования есть не во всех уставах, записанных при Ж. Шевалье. Иные варианты имели не меньшее право на существование: так было с делением штрафов, со вступительными взносами (см. табл. 1). От каких-то правил («без исключений») отказывались. И тем не менее одна из главных находок — созданное при Ж. Шевалье правило смены присяжных, наилучшим образом способствующее как преемственности, так и передаче опыта, обновлению власти, — утвердилась в практике реймских корпораций. Несомненно, что при массовой записи уставов вырабатывались какие-то общие правила, определенный шаблон. Здесь мы имеем уникальную возможность наблюдать этот процесс. Можно даже говорить о некой продуманной концепции, воплотившейся в девяти регламентах 1570–1582 гг.

Несомненно, хочется узнать, кому в реальности принадлежат нововведения, главное действующее лицо. Балли Жорж Шевалье — один из наиболее вероятных кандидатов на эту роль, но лишь один из них. Лицензиат права Ж. Шевалье был не единственным балли с ученой степенью в Реймсе (лицензиатами были также балли Ноэль Балле, Жан Пиош, Рене Буржуа) и не единственным оригинальным человеком. Уставы, составленные другими балли, также носят отпечаток их личного участия⁵. Однако никто из них не утверждал так много регламентов, поэтому практически невозможно проследить, насколько

---

¹ Хотя вряд ли стоит утверждать, что составители уставов специально стремились к такому соответствию.

² AL. P. 299. XII статья.

³ Ibid. P. 319. XXII статья.

⁴ Ibid. P. 299. XIII статья.

⁵ В 1592 г. балли Жан Пиош переделал старый (1567) устав столяров (P. 342–364). Каждую группу статей прежнего регламента он сопроводил комментариями такого типа: статьи такие-то пропускаем без изменений; статью такую-то, содержание которой таково... пропускаем при условии, что... статья может быть записана дважды: первый раз описаны изменения, а затем приводится старый текст (в X статье и ряде других). При этом предыдущий текст, который подвергся изменениям, издателем не был обнаружен. Подобная структура устава, к счастью, больше среди реймских уставов не встречается. К сожалению, издатель не дает никаких комментариев относи-

остальные баллы занимались «сотворением» норм и «претворением» их в повседневную практику корпораций.

Здесь следует в очередной раз разделить «административную» и «производственную» организацию корпораций. Рассмотренные выше нормы относятся к управлению и контролю, производственная сфера почти не затрагивается. Это не значит, что власти не интересовались ею и не участвовали в ее улучшении; просто они действовали иначе, не придумывая соответствующие нормы. Приглашались эксперты, в роли которых выступали знающие специфику ремесла уважаемые в городе люди. Так было у сукноделов и стригальщиков, обойщиков, каменщиков, булавочников и токарей. Порой в роли экспертов выступали сами мастера, когда составленные одной группой статьи оценивала другая группа (у колпачников, изготовителей скобяных изделий).

Несомненно стремление королевской власти к организации и контролю, явным отголоском которого стали знаменитые эдикты Генриха III (1581) и Генриха IV (1597). В реймских уставах этого периода те же самые идеи проявились как результат обобщения предшествующего опыта и восприятия новых идей. И все же источник знаний имеет второстепенное значение по сравнению с целенаправленностью их воплощения в практику реймских корпораций, и это, возможно, следует поставить на первое место. Конечно, хорошо уже то, что мастера, присяжные или чиновники имели свою точку зрения. Вдвойне прекрасно, что по прошествии столетий мы можем узнать об этом. Но гораздо важнее, что все они действовали, исходя из своих воззрений, стремясь добиться соответствия между желаемым и реальным, ведь иметь мнение и действовать в соответствии с ним — далеко не одно и то же.

тельно того, как выглядит документ; вполне возможно, что распоряжения баллы и статьи устава были записаны в несколько этапов.

ГЕНДЕРНАЯ ИЕРАРХИЯ И «ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН»

Теория гендерной системы, несмотря на все многообразие определений этого понятия¹, «предполагает гендерное измерение публичной и приватной сферы, соотносит систему гендерной иерархии с другими социальными иерархиями»; «гендерная система, которая конструирует два пола как различные, неравные и даже взаимодополняющие, является фактически системой власти и доминирования...»² Таким образом, проблема власти является в гендерном анализе ключевой. При этом речь идет равным образом как о гендерных аспектах власти, так и о властной составляющей гендерных отношений: семья рассматривается как гендерно-социальный конструкт и как основа социального, экономического и политического могущества; религия — как сквозь призму предписываемых ею гендерных ролей, так и в свете ее способности наделять мужчин и женщин разными видами власти; образование — поскольку его доступность и соответственно приобретаемые через него власть и влияние являются гендерно-дифференцированными; определения гражданского равенства и политического подчинения описываются в гендерных терминах и базируются на специфическом понимании различий между мужчинами и женщинами.

С другой стороны, одной из характерных примет современной историографии стала новая концепция власти и более широкое понимание того, что определяется как «политика» и «политическое». В исторических исследованиях конца XX — начала XXI в. все чаще проводится сознательное различие между обладанием, с одной стороны, легитимной политической властью, формально признанным авторитетом, дающим санкционированное обществом право принимать обязательные для других решения, и с другой — возможностью оказывать на людей, их действия и происходящие события неформальное влияние, то есть так или иначе воздействовать на них или,

---

¹ См.: Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С. 44–46.

² Основные понятия и термины феминизма и гендерной теории // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований». М., 2000. С. 10–11.

еще жестче, манипулировать ими — для достижения своих целей. В соответствии с этим расширяется и понимание политической истории, в предмет которой теперь включается не только официальная политика, но и все, что так или иначе касается властных отношений в обществе. Политический аспект стал усматриваться в отношениях не только между монархом и подданным, но также и между хозяином и слугой, землевладельцем и держателем, отцом и сыном, мужем и женой. С этой же концептуальной платформы ставится в настоящее время и вопрос о роли гендера и гендерной системы в распределении властных полномочий.

Максимально расширенная и обогащенная концепция власти занимает весьма заметное, можно с уверенностью сказать — центральное место в гендерной истории, поскольку одной из ее главных задач является изучение возможностей и способности женщин, на протяжении многих веков лишенных — в пользу мужчин — доступа к формальным институтам политической власти, оказывать опосредованное влияние на принятие решений в публичной сфере и на действия других людей или групп людей в условиях патриархатного господства. Многое здесь было заимствовано историками у антропологов, занимавшихся изучением того, как изменялся статус женщин в публичной сфере. Историки, антропологи и социологи фиксируют частичное или полное совмещение дихотомии мужского/женского (маскулинного/феминного) и дихотомии публичного/приватного в разных культурах и обществах. При всем разнообразии интерпретаций сложился определенный консенсус: каковы бы ни были действительные первопричины разделения публичного и приватного — а установить их невероятно трудно именно потому, что это произошло так давно, за пределами письменной истории, — с течением времени оно претерпевало существенные изменения.

Понятие «*women's power*» применяется во множестве работ по женской и гендерной истории¹. Размышляя об общественном статусе и действительной роли женщин в средневековом обществе, Джоан Ферранте пишет: «Имея ограниченные возможности на деле распорядиться своей собственной или чужими жизнями, женщины в средневековой литературе, а иногда и в реальной жизни, находили более тонкие или скрытые способы осуществлять такую власть, манипулировать людьми и ситуациями, сочинять небылицы, которые нравились им больше, чем действительность, и благодаря которым они

¹Эта концепция стала базовой для целого ряда индивидуальных монографий и коллективных проектов. См., например: *Women and Power in the Middle Ages* / Ed. by M. Erler and M. Kowaleski. Athens-L., 1988.

могли или надеялись эту действительность контролировать»¹. Стенли Чойнаки в своем исследовании, посвященном анализу супружеских отношений в среде городского патрициата и воздействия изменений в статусе и влиянии женщин на культуру ренессансной Венеции, пользуется метафорой «власть любви»². Гизела Бок составляет краткий перечень видов «женской власти»: «За фасадом формального распределения власти между полами женщины обладали также и собственными видами власти, которые зачастую имели неформальный характер. Эти виды власти... могли проявляться по-разному: например, как участие в системе власти мужчин, как власть над мужчинами, как власть над другими женщинами, как способ самоутверждения женщины»³.

«Власть женщин» исследуется во всем многообразии ее проявлений: рассматривается воздействие женщин на политические решения и исторические события, их роль в семье, в экономике и общественной жизни, их влияние на формирование и передачу культурных стереотипов (в том числе посредством культурного патронирования, или меценатства, и собственной творческой работы), а также особенности так называемых женских социальных сетей, или сетей влияния, под которыми понимаются межиндивидуальные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины.

Очень редко обладая формальным авторитетом, женщины действительно располагали эффективными каналами неформального влияния. Устраивая браки, они устанавливали новые семейные связи; обмениваясь информацией и распространяя слухи, формировали общественное мнение; оказывая покровительство, помогали или препятствовали мужчинам делать политическую карьеру; принимая участие в волнениях и восстаниях, проверяли на прочность официальные структуры власти и т. д. Инструменты и формы этого влияния рассматриваются гендерными историками в рамках различных моделей соотношения приватного и публичного, отражающих распределение власти, престижа и собственности через систему политических, культурных, экономических институтов, которая в каждом обществе определяла конкретно-историческое смысловое наполнение понятий «мужского» и «женского». Иначе говоря, именно исторические изменения в конфигурации частной и публичной сфер общественной жизни выступают как необходимое опосредующее звено в социальной детерминации гендерно-исторической динамики, то есть в опреде-

¹ Ferrante Joan. Public Postures and Private Maneuvres: Roles Medieval Women Play // Women and Power in the Middle Ages... P. 213.

² Chojnacki Stanley. The Power of Love: Wives and Husbands in Late Medieval Venice // Women and Power in the Middle Ages... P. 126.

³ Бок Г. История, история женщин, история полов // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований». С. 307.

лении траектории и темпов изменений в гендерных отношениях и представлениях. Причем степень жесткости и интенсивности этих связей также изменялась.

Антропологи уже на заре исторического развития во всех обществах, где имело место выделение публичной власти из частной, фиксируют тенденцию к отстранению женщин от этой публичной власти¹. Роль женщин в частной жизни и их отношение к публичной сфере стояли в центре проблематики исследований по истории женщин, которые пытались выяснить механизм действия патриархатной системы, сохранявшей в течение многих столетий — и в самых разных условиях — подчиненное положение женщин как в сексуально-репродуктивной («частной»), так и в социально-экономической и политико-правовой («публичной») сфере². Согласно этим теориям, и «приватизация женщин» в семье, и рост их активности вне дома описывались в терминах оппозиции частного и публичного, индивида и государства, домашнего хозяйства и общественного производства³.

В классической Греции, где производственная деятельность сосредоточивалась в домохозяйстве, сфера публичного, или полис, была чисто политической, и ею заправляла небольшая группа взрослых граждан мужского пола. В Древнем Риме, с его четкой концепцией публичной власти, женщины были исключены из нее со всей определенностью. Но уже в каролингский период, когда действительным центром отправления власти стала курия крупного феодала, а не государство, это различие почти исчезло, что практически свело на нет ограничения властных полномочий женщин-наследниц. В дальнейшем — с постепенным развитием государственного аппарата и усилением контроля с его стороны — влияние женщин снижалось⁴. В целом ряде работ по истории Нового времени приводятся убедительные доказательства того, что так называемое освобождение индивида, которое у большинства историков ассоциируется со временем и с воздействием Реформации, подъемом национальных государств и разрушением традиционных общинных структур, не было последовательным и отличалось гендерной исключительностью: через определенный промежуток времени, в XIX в., происходит «второе закрепощение» женщины семейными структурами: создается культ

¹ *Stacey M., Price M. Women, Power, and Politics. L., 1981.*

² *Kelly J. Women, History, and Theory. Chicago, 1984. P. 61–62.*

³ *Nicholson L. J. Gender and History. The Limits of the Social Theory in the Age of the Family. N: Y., 1986. P. 201–208.*

⁴ *McNamara J. A., Wemple S. The Power of Women through the Family in Medieval Europe: 500–1100 // Clío's Consciousness Raised / Ed. by M. Hartman, L. W. Banner. N. Y., 1974.*

семьи и домашнего очага, который как раз индивидуальной свободе женщины отнюдь не способствовал.

Уже в раннее Новое время маскулинизация публичной сферы усиливается и в теории, и на практике. Гендерные роли и отношения необыкновенно часто становятся предметом общественного обсуждения. Начало XIX в. отмечено очень высоким уровнем демаркации частного и публичного. Именно публичная сфера, включающая мир политики, юридические права и обязанности, рыночные институты, признавалась сферой «реальной» власти, престижа и могущества. Метафора разделенных сфер, которая зримо выражала и подспудно оправдывала расхождение гендерных статусов, стала — наряду с культом домашнего очага и «кодексом чистоты» — своеобразной ортодоксией общественного сознания и совсем не случайно именно основанная на ней теоретическая модель заняла впоследствии ведущее место в концептуальных построениях и риторике «женской истории»¹.

Новый взгляд на проблему соотношения сферы частного и публичного появился с развитием теоретических и исторических гендерных исследований. При этом гендерные историки, в значительной степени опираясь на антропологические исследования, которые связывают доминирующее положение мужчин и неравенство полов непосредственно с функциональным разделением человеческой деятельности на частную (домашнюю) и публичную сферы и с вытеснением женщин из последней, вносили в эту схему свои коррективы. Во многих работах вопрос о так называемой автономизации частной сферы уходит на задний план. Исходным моментом является понимание зависимости

¹ И это несмотря на обоснованные сомнения в ее адекватности и размах экспериментов по деконструкции абсолютизированной дихотомии приватного и публичного как элемента гендерной идеологии викторианской эпохи. См.: *Gendered Domains: Rethinking Public and Private in Women's History* / Ed. by D. O. Helly, S. M. Reverby. Ithaca; N. Y., 1992; *History and Feminist Theory* / Ed. by A.-L. Shapiro Middletown (Conn.), 1992; *Elshtain J. B. Public Man, Private Woman*. Oxford, 1981; *The Public and the Private* / Ed. by E. Gamarnikow. L., 1983; *Landes J. Women and the Public Sphere: A Modern Perspective* // *Social Analysis*. 1984. Vol. 15. № 4. P. 20–31; *Yeatman A. Gender and the Differentiation of Life into Public and Domestic Domains* // *Ibid.* P. 32–49; *Hall C. Private Persons versus Public Someones: Class, Gender and Politics in England, 1780–1850* // *Language, Gender and Childhood* / Ed. by C. Steedman et al. L., 1985. P. 10–33; *Gender, Ideology, and Action: Historical Perspectives on Women's Public Lives* / Ed. by J. Sharistanian. N. Y., 1986; *Wiesner M. E. Women's Defense of their Public Role* // *Women in the Middle Ages and the Renaissance: Literary and Historical Perspectives* / Ed. by M. B. Rose. Syracuse, 1986. P. 1–27; *Kerber L. K. Separate Spheres, Female Worlds, Woman's Place: The Rhetoric of Women's History* // *Journal of American History*. 1988. Vol. 75. № 1. P. 9–39; *Steedman C. 'Public' and 'Private' in Women's Lives* // *Journal of Historical Sociology*. 1990. Vol. 3, № 4. P. 294–304; etc.

функционирования публичной сферы, в которой почти безраздельно доминировали мужчины, от созидательной деятельности женщин в домашней частной жизни, от ее участия в повседневном управлении семейным хозяйством. Семья становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, а потому, что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, местом координации и взаимного регулирования репродуктивной и всех других форм человеческой деятельности¹.

Особое внимание уделяется проблеме внутрисемейных отношений и «политическому устройству» семьи. При этом учитываются как идеальные и нормативные модели, так и всясьма отклоняющиеся от них жизненные ситуации. Гендерная идеология, дающая развернутые обоснования господства мужа в патриархальной семье и рисующая удобный идеал «хорошей жены», смиренно подчиняющейся мужу, вне зависимости ни от качеств ее «господина», ни от справедливости или разумности его приказаний², оставляет «за кадром» роль женщины в семейном управлении, ее возможности оказывать реальное влияние на принятие решений (в том числе и по важным для семьи делам) и ее умение — если потребуется — незаметно «подтолкнуть» главу семьи в нужном направлении. Конечно, незамужние наследницы и вдовы

---

¹ Новый подход позволил, в частности, описать сложные конфигурации и переплетения классовых и гендерных различий в анализе двух иерархически организованных общностей — семьи и местной деревенской или приходской общины — с характерным для каждой из них комплексом социальных взаимодействий, включающим и отношения равноправного обмена, и отношения господства и подчинения. Как жены были подвластны своим мужьям в семье, так и женщины в общине подчинялись мужчинам, чьи властные позиции в локальном сообществе поддерживались формально — правом — и неформально — общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и культурными традициями. Однако далеко не все взаимоотношения мужчин и женщин укладывались в эту модель. В некоторых жизненных ситуациях (например, в качестве матери, хозяйки, богатой соседки) женщины могли иметь власть над мужчинами. — *Amussen S. D. An Ordered Society: Gender and class in early modern England.* Oxford — N. Y., 1988. P. 1–33.

² «Если простолюдины наказывают своих жен кулаками, то благородных дам лишь журят, иначе поступать не следует. Поэтому любая благородная дама должна показать, что у нее доброе и честное сердце, то есть кротко и с приличиями выказать свое стремление к совершенствованию, покорности и послушанию перед господином, страх и боязнь послушаться... Каждая должна быть готова выполнить любой приказ, хороший ли, плохой ли — все равно. И если даже приказание порочно, она не будет повинна, выполнив его, ибо вина ляжет на господина». — Из «Книги рыцаря Делатур Ландри, написанной в назидание дочерям» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. М., 1991. С. 174.

обладали гораздо большей самостоятельностью в распоряжении собой и своим имуществом, но и в семейной жизни многое зависело от индивидуальных качеств как жены, так и мужа. Следует также иметь в виду, что женские способы управления главой семьи были уже давно апробированы и зафиксированы в общественном сознании, что подтверждается, прежде всего, литературными и околотитулярными произведениями разных эпох. Таковы, например, примечательные картинки семейно-брачного быта, которые многообразно и с явной мизогинистической направленностью представлены в сборнике сатирических новелл «Пятнадцать радостей брака» (рубеж XIV и XV вв.)¹.

Более широкий спектр супружеских отношений рисует массовый материал дешевых и популярных английских печатных изданий для простонародья (тексты многочисленных народных баллад, а также имевших широкое хождение сборников шуток, пословиц и поговорок), введенный в источниковую базу гендерной истории XVII столетия британским историком Дж. Шарпом². В балладах нашли свое место строгое разграничение ролевых функций между мужем и женой, идеология мужского превосходства и одобрение патриархатной системы, но они моделируют и ситуации равноправного партнерского участия в совместном принятии решений. Важно подчеркнуть то, что это — не нормативные предписания и не высказывания конкретных исторических лиц или описания бытовых реалий, но речи и действия литературных персонажей, которые по замыслу авторов должны были оправдывать ожидания аудитории и, следовательно, так или иначе соответствовать представлениям, чувствам, мыслям, убеждениям, надеждам и даже фантазиям многих простых людей — мелких собственников, слуг, подмастерьев, представителей тех общественных слоев, которые составляли ядро потребителей произведений массовой культуры³.

В XVI–XVII вв. отмечается усиление внимания к авторитету и роли патриархальной главы семейства, но одновременно протестантские

¹ Чего стоит, например, такая красноречивая сентенция: «...Какого бы характера ни была жена, покладистого или вздорного, она, как и все женщины на свете, держится одного главного и непреложного правила в браке, а именно: что муж ее самый слабый да немощный из всех мужчин и что нет никого ничтожней его в тайных супружеских делах». — Пятнадцать радостей брака... С. 66–67.

² *Sharpe J. A. Plebeian Marriage in Stuart England: Some evidence from popular literature // Transactions of Royal Historical Society. 1986. Vol. 36. P. 69–90.*

³ Можно говорить о самостоятельном значении некоторых литературных реминисценций, но было бы нелепо отрицать роль реального и претворенного жизненного опыта в формировании этих текстов, как и всей культурной среды.

писатели всячески подчеркивали власть жены над детьми и слугами, а также значение взаимной любви и привязанности между супругами. Эта же тема параллельно осваивается и гуманистической литературой католической Европы¹. В связи с этим исследователи ставят вопрос о действительном характере супружеских отношений, который нередко формулируется следующим образом: какому же из двух наставлений в семейной жизни — тому, что предписывало беспрекословное подчинение жены мужу, или тому, что рекомендовало строить семью на взаимном уважении и любви, — больше следовали на практике?

После целого ряда продолжительных дискуссий историки, которые пытались найти однозначный ответ на этот вопрос в конкретно-историческом материале разных стран и регионов, так и не пришли к консенсусу. Они извлекли из источников огромный объем интереснейшей, но чрезвычайно противоречивой информации, в которой в изобилии представлены примеры и ситуации, свидетельствующие как о тирании мужей, так и о нежном взаимопонимании и равноправных отношениях супругов. Последние обычно складывались в тех матримониальных союзах, в которых супруги были близки по возрасту и социальному положению, а жена не только приносила в семью достаточно весомое приданое, но и могла опереться на активную поддержку своей родни в семейных конфликтах².

Английское общее право лишало замужних женщин возможности распоряжаться недвижимостью от собственного имени, заключать контракты, составлять завещания: субъектом права являлся только муж. Обычное же право, касавшееся низших сословий, несмотря на его разнообразие, больше защищало права замужних женщин в их доступе к собственности именно потому, что они работали³. Что касается вдов, то они становились полноправными хозяйками, обретали самостоятельность в распоряжении имуществом и контрольные функции в семье и домохозяйстве⁴.

¹ См., например: *Лабе Л.* Сочинения (Литературные памятники). М., 1988. С. 41.

² *Interest and Emotion: Essays on the study of family and kinship* / Ed. by H. Medick, D. Sabeau. Cambridge, 1984; *Klapisch-Zuber C.* Women, Family, and Ritual in Renaissance Italy. Chicago, 1985; *Pardai the-Galabrun A.* The Birth of Intimacy: Private and domestic life in early modern Paris. Philadelphia, 1991; *The Family in Italy from Antiquity to the Present* / Ed. by D. I. Kertzer, R. P. Saller. New Heaven, 1991; etc.

³ Подробно об этом см.: *Винокурова М. В.* Имущественные права женщин в средневековой Англии // Адам и Ева: альманах гендерной истории. Вып. 1. М., 2001. С. 101–129.

⁴ *Bennett J. M.* Women in the Medieval English Countryside: Gender and household in Brigstock before the Plague. N. Y., 1987.

Один из аспектов проблемы участия женщин во всепроникающей системе властных отношений и их неформального влияния в публичной сфере затрагивает тему женской религиозности. Нельзя забывать о том, что в течение всего Средневековья, хотя и в разной степени, служение Господу давало многим женщинам-настоятельницам (чаще всего из аристократических родов) доступ к властным позициям, пусть и за толстыми монастырскими стенами. Даже идеальный образ настоятельницы, созданный во времена христианской античности, этой реальности не противоречит, хотя и смещает акценты. Св. Иероним (ок. 340–420 г.), в частности, писал: «Кто может достойно восхвалить жизнь нашей Лей? Она так была предана Господу, что, будучи начальницей монастыря, казалась матерью девиц; она, носившая прежде легкие одежды, обременила члены власяницею; она проводила бессонные ночи и поучала своих соратниц более примером, чем словами. Она была так смиренна и так покорна, что, будучи некоторым образом госпожою многих, она казалась служанкою всех — быть может, для того, чтобы, не считаясь госпожой людей, быть больше рабою Христовой»¹. Этим описанием была задана высшая норма, но жизнь, разумеется, отличалась большим разнообразием вариантов. Сфера ответственности и распорядительные функции аббатиссы были весьма широки². Настоятельница монастыря получала возможность управлять монахинями, почти как суверен своими подданными, а иногда ее власть простиралась и далеко за пределы обители. Нельзя в этой связи не вспомнить о замечательной женщине — первой немецкой поэтессе и первом враче, аббатиссе, обладавшей визионерским даром («случилось так, что я узрела величайший свет, из которого был глас небесный»), Хильдегарде Бингенской, к которой обращались за советами короли и императоры, папы и другие высшие церковные деятели. Интересно, что она позволяла себе равным образом критиковать и пап (Евгения III и Анастасия IV) за их слабую власть, и императора Фридриха Барбароссу за римскую политику и продолжение схизмы³.

В эпоху Реформации религия была одной из немногих сфер, открытых для проявления индивидуальных предпочтений и реализации невостребованных способностей женщин, для их самостоятельных решений и действий. Хотя женщины формально не участвовали в

¹ Иероним. Письмо к Марцелле о кончине Лей // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров. М., 1998. С. 142–143. (Пер. И. П. Стрельниковой.)

² См.: Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 52–57.

³ Подробнее о Хильдегарде см., в частности: Сурта Е. Средневековая женская мистика: Хильдегарда фон Бинген // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 2. Минск, 2002. С. 77–86.

разработке вопросов религиозной политики и в публичных спорах по вопросам религии, тем не менее это была главная сфера жизни, где они отвечали за себя сами. У них всегда предполагалось наличие религиозных убеждений, которые могли повлечь за собой ситуацию конфликта между двумя авторитетами — людскими суждениями и божьими заповедями.

Женщина должна была выбирать между тем, что требует от нее принадлежащая мужчинам политическая и церковная власть, и тем, что — как подсказывал внутренний голос — было ей предназначено самим Господом. Причем, как это ни парадоксально, именно к ветхозаветным героиням и к библейским примерам благочестивых женщин чаще всего обращались ослушницы, стараясь таким доступным и не раз апробированным способом обосновать свои поступки, идущие вразрез с мужскими директивами¹.

В произведениях женщин этой эпохи часто утверждается, что их религиозная деятельность является частным делом, и только Бог мог бы быть им в этом истинным судьей. Тем не менее их религиозные убеждения, вступая в противоречие с идеалом покорности и пассивности, иногда являлись побудительным мотивом и внутренним оправданием публичных акций. Вполне естественно, что самые заметные последствия имел религиозный выбор тех женщин-правительниц, которые, оказавшись волею династических судеб на вершине власти, принимали решения и за свою семью, и за всех своих подданных. Но та же возможность религиозного оправдания независимых действий во многом обеспечила массовое участие женщин в радикальных протестантских сектах и в различных религиозно-политических конфликтах эпохи ранних европейских революций в целом².

¹ *Davis N. Z.* City women and Religious change // *Eadem.* Society and Culture in early modern France. Stanford, 1975. P. 65–96; *Collinson P.* The Role of Women in the English Reformation // *Studies in Church History* / Ed. by G. J. Cuming. V. II. L., 1975. P. 258–272; *Renaissance, Reformation, Resurgence* / Ed. by P. de Klerk. Grand Rapids, 1976; *Bainton R. H.* Women of the Reformation. Minneapolis, 1977; *Marshall S. W.* Women in the Reformation Era // *Becoming Visible: Women in European history* / Ed. by R. Bridenthal, C. Koontz. Boston, 1977. P. 165–191; *Womanhood in Radical Protestantism 1525–1675* / Ed. by J. L. Irvin. N. Y.; Toronto, 1979.

² *Parish D. L.* The Power of Female Pietism: Women as spiritual authorities and religious role models in seventeenth-century England // *Journal of Religious History*. 1992. Vol. 17. № 1. P. 33–46; *Mack P.* Visionary Women: Ecstatic prophecy in seventeenth-century England. Berkeley etc., 1992; *Harrison W.* The Role of Women in Anabaptist Thought and Practice: the Hutterite experience of the sixteenth and seventeenth centuries // *Sixteenth Century Journal*. 1992. v. 23. № 1. P. 49–70; *Crawford P.* Public Duty, Conscience, and Women in Early Modern England // *Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-century England* / Ed. by J. Morrill et al. Oxford, 1993. P. 57–76.

Возможность высказываться в диспутах по религиозным вопросам (в том числе и в печатной форме, рассчитанной на широкую аудиторию) неизмеримо расширила зону женского влияния в публичной сфере¹. Тот факт, что большинство публикаций, авторами которых были женщины, касались религиозных сюжетов, был не случаен: благочестие являлось одним из наиболее социально приемлемых оправданий вмешательства «второго пола» в исключительно мужскую область деятельности, поскольку «перо — как меч — считалось мужской прерогативой»².

Многочисленные исследования посвящены разработке проблемы гендерной дифференции в политической сфере, особенно в области «высокой политики». Многие десятилетия источниковая база специалистов по политической истории ограничивалась официальными докладами государственных советов, протоколами их заседаний и дипломатической корреспонденцией. Но все эти документы производились мужчинами и для мужчин, составлявших официальную придворную иерархию. Таким образом, эти доклады вовсе не отражали то неофициальное, неформальное влияние на политику, которое осуществлялось незаметно, вдали от дипломатической авансены — например, членами семьи. Но такое влияние, которое отдельные женщины оказывали, прямо или косвенно воздействуя на короля или его министров, проявляется в других исторических документах: придворных хрониках, архивах религиозных учреждений, завещаниях, частной переписке. Эти документы часто обеспечивают первоклассную информацию об использовании женщинами системы патроната, главного механизма, посредством которого представительницы элиты могли осуществлять и реально осуществляли свое политическое влияние.

Власть «выплескивалась» за пределы государственных институтов — монархии, парламентов, судебных палат — и даже за пределы королевского двора. В то время как правительственные органы производили документы, предназначенные для того, чтобы подтвердить,

---

¹Warnicke R. M. *Women of the English Renaissance and Reformation*. Westport (Conn.), 1983; *Silent but for the Word: Tudor women as patrons, translators, and writers of religious works* / Ed. by M. P. Hannay. Kent (Ohio), 1985; *Triumph over Silence: Women in Protestant history* / Ed. by L. R. Greaves. Westport (Conn.), 1985; *Wiesner M. E. Women's Response to the Reformation // The German People and the Reformation* / Ed. by R. Po-Chia Hsia. Ithaca, 1988; *Women in Reformation and Counter-Reformation Europe: Public and private worlds* / Ed. by S. Marshal. Bloomington, 1989; *Rapley E. The Devotes: Women and Church in Seventeenth-century France*. Montreal, 1990 etc.

²Mendelson S. *The Mental World of Stuart Women: Three studies*. Brighton, 1987. P. 4.

что принятие решений находилось в руках избранной группы мужчин и что этот процесс осуществлялся именно через официальные правительственные органы, наблюдатели, например при испанском дворе, замечали, что переговоры часто велись в таких неподходящих местах, как конвенты, сады летних резиденций или за королевским обедом. Принятие политических решений не было исключительной прерогативой государственных советников. Протоколы заседаний Государственного совета, фиксирующие в деталях мнения конкретных его членов, часто скрывают сложный переговорный процесс, имевший место задолго до того, как король встречался со своими советниками. При изучении этих неформальных переговоров возникает совершенно иная «дипломатическая» картина, более широкая панорама придворной политики, в которой женщины монаршего семейства и королевские фаворитки становятся весьма заметными и влиятельными действующими лицами.

Так, новые исследования показывают, что дипломатическая сеть австрийских Габсбургов при испанском дворе и по замыслу, и по недостатку иных средств функционировала главным образом через родственников, большинство которых составляли женщины. Фокус этой сети демонстрирует пересечение и переплетение семейных и политических интересов. Выступая в интересах австрийских Габсбургов, «габсбургские женщины» утверждали, что они просто защищают интересы семьи и религии, но фактически речь шла о политических делах, которые касались финансовых и экономических интересов испанского государства¹.

Их конкретные просьбы и используемые ими аргументы позволяют понять, «до какой степени эти женщины манипулировали представлениями о феминности семейной и религиозной сфер для того, чтобы прикрыть или даже оправдать свое вступление в трудные политические дискуссии и воздействовать на их исход. Их действия и прошения также побуждают нас выяснить, действительно ли эти женщины следовали тому регламенту, который был установлен их мужскими родственниками, или они строили свои стратегии в соответствии со своими собственными конкретными нуждами и предпочтениями». «Габсбургские женщины» при испанском дворе начала XVII столетия (императрица Мария, Маргарита Австрийская и др.) оказываются сильными и ловкими политиками, неожиданно искусными политическими игроками, действующими не только в интересах своей

---

¹ Их стремление обеспечить финансовую поддержку австрийским Габсбургам в Центральной Европе и Фландрии игнорировало ограниченность финансовых ресурсов испанской монархии и шло вразрез с планами герцога Лерма и некоторых государственных советников сконцентрировать эти ресурсы на Иберийском полуострове.

семьи, но также и преследуя независимые личные цели: политически активных габсбургских женщин специально обучали служить высшим политическим интересам династии, преследовать политические, военные и территориальные цели. Используя этот ресурс, они действовали не только на благо Австрийского Дома, но и для того, чтобы сохранить ту личную власть, которую давало им политическое влияние. Они использовали неформальные и непрямые средства, как и официальные. Они могли использовать личные контакты. Послы, специальные посланники, нунции, эрцгерцоги, императоры и короли с готовностью признавали решающую политическую власть и положение императрицы Марии или Маргариты Австрийской¹.

Это заставляет пересмотреть и общий взгляд на функционирование политической сферы и особенно придворной политики в начале Нового времени: несмотря на преобразования в сторону рационализации политических институтов, сохранялись позиции неформальной политической культуры, характерной для Средневековья. В целом имеется выраженная тенденция, противостоящая традиции исключения женщин из политической истории.

История средневековой Европы свидетельствует о том, что в благоприятных обстоятельствах политическое влияние королевы оказывалось не только ощутимым, но и превалирующим, не говоря уже о случаях регентства при несовершеннолетнем наследнике или единоличном правлении. Яркий пример — причисленная к лику святых императрица Адельгейд (931–999), которую называли «матерью королевств» (*mater regnorum*) именно за то, что она в течение полувека была одной из самых влиятельных политических фигур: стояла у руля государства и дважды брала на себя управление империей (сначала за умершего сына, а затем за малолетнего внука). Одилон, аббат Клунийский, автор «Жизнеописания императрицы Адельгейд», писал о ней: «...она достойна называться и прославляться августейшей из всех август. Прежде ее никто // Так не прославил державу, // Упрямую Германию // И тучную Италию // Вместе с их князьями // Подчинив оплоту римскому...»² Вместе с тем, говоря о цели своего труда в письме к аббату Андрею, Одилон счел необходимым сделать небольшую, но чрезвычайно значимую оговорку: дабы «рассказ о великих делах звучал в ушах императриц и королев, кои, услышав великое о великих, возымали бы желание сравняться с добродетелями с той, о коей речь идет, *по крайней мере, чтоб они о домашних делах проявляли такую*

¹ Sanchez M. S. The Empress, the Queen, and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore; L., 1998. P. 5–10, 272–273.

² Жизнеописание императрицы Адельгейд от Одилона, аббата Клунийского / Пер., вводн. ст. и коммент. В. Д. Балакина // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. М., 2000. С. 317.

же заботу, как та всегда и повсюду пеклась о делах государства (курсив мой. — Л. Р.)»¹.

Не менее выдающейся личностью была Бланка Кастильская (1188–1252), которая после смерти мужа Людовика VIII в 1226 г. «полностью посвятила себя защите интересов сына-престолонаследника, короля-отрока, и вместе с тем делу сохранения и упрочения французской монархии. Она взяла бразды правления, которые «правительственная команда вверила ей на время несовершеннолетия Людовика, и уже не выпускала их»². И более чем через двадцать лет, отправляясь в Крестовый поход в 1248 г., Людовик Святой вновь вверил ей правление королевством: «Нашей дражайшей Госпоже королеве-матери мыверяем всю полноту власти и желаем, чтобы во время нашего пребывания в крестовом походе вся власть и ведение дел королевства принадлежали ей...»³ Биографы Людовика Святого отмечают, что «сила, рвение, справедливость и властность, с какой управляла его мать, оберегала и защищала права королевства», подчеркивают ее «прозорливость», объясняя эти качества королевы тем, что «хотя душой и телом была женщиной, имела сердце мужчины (*masculinum animus*)»: «она укрепила женское сердце мужской отвагой и правила мужественно, мудро, властно и справедливо...»⁴ Интересно, что та же аргументация повторяется — практически дословно — и в отношении достоинств правящих королей последующих эпох.

В раннее Новое время женщины, близкие к престолу, неизбежно оказывались в центре политического мира Европы. «Королевские женщины», жены и вдовы, матери и дочери, были политическими существами. Сами их браки преследовали политические цели, и они служили в зарубежных странах в качестве неофициальных дипломатических представителей своих родных. Чтобы нарушить наложенные мужчинами политические ограничения, женщины использовали религиозный патронат и семейные дела, то есть те области, в которых мужчины признавали и терпели женскую власть. Женщины предпринимали сознательные усилия обойти традиционные сети управления и использовать мужские представления о приемлемом женском поведении в своих интересах или в интересах своих родственников.

---

¹ Жизнеописание императрицы Адельгейд... С. 313. Подробнее о жизни Адельгейд см. также: *Вонсович Л. В.* Знаменитые женщины средневековой Германии (X–XII века) // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 2. Минск, 2002. С. 63–66.

² *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 71.

³ «*Carissimae Dominae et matri reginae et voluimus quod ipsa in hac nostrae peregrinationibus absentia plenariam habeat potestatem recipiendi et attrahendi ad regni nostri negotia...*». — Цит. по: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 517.

⁴ Там же. С. 536–537.

Им удавалось, благодаря своим могущественным линияжам, а также полученному воспитанию и образованию, играть роль в политической жизни, в той жизни, которая утверждала социальную и личную ценность мужчин, но которая во все большей мере закрывалась для женщин. Анализ политического аспекта гендерной дифференциации в переломную эпоху западноевропейской истории раннего Нового времени занимает важное место в обсуждении проблемы «гендер и власть».

Историческая ситуация и события XVI в., и в том числе появление в результате династических инцидентов во многих странах Европы государей женского пола и регентствующих матерей при несовершеннолетних монархах (Изабелла в Кастилии, Мария и Елизавета Тюдор — в Англии, Мария Стюарт — в Шотландии, Екатерина Медичи и Анна Австрийская — во Франции и др.), оставили яркий след в политической мысли этого времени. Так, характерной приметой многих произведений ее выдающихся представителей и дебатов между ними стало пристальное внимание к неожиданно выдвинувшейся на первый план проблеме, напрямую связанной с тем, что сегодня понимают под термином «социальное конструирование гендера»: может ли женщина, рожденная в королевской семье и обученная «монаршему делу», преодолеть ограничения своего пола? Или иными словами: что было (или что следует считать) главной детерминантой в определении социальной роли индивида — гендер или ранг?

Самыми резкими оппонентами женского правления были английские пуритане и шотландские кальвинисты, которые эмигрировали на континент из-за репрессий «Кровавой Мэри» и Марии де Гиз. В своих сочинениях, опубликованных в изгнании, Кристофер Гудман, Джон Нокс и другие сравнивали Марию Тюдор с Иезавелью и доказывали, что правление женщин противоречит природе, закону и Святому Писанию. Разящие инвективы своего трактата «Первый трубный глас против правления женщин», изданного в Женеве в 1558 г., Джон Нокс направлял в адрес и Марии Тюдор, и Марии Стюарт. Позиция решительно и ясно сформулирована уже в его первой фразе: «Допустить женщину к управлению или к власти над каким-либо королевством, народом или городом противно природе, оскорбительно для Бога, это деяние, наиболее противоречащее его воле и установленному им порядку...»¹ В сочинениях Нокса и его соратников определяющей в оценке правления женщины как «чудовищного» выступала сама принадлежность к женскому полу, и ее подданные в дополнительном оправдании для восстания против «такого монстра» не нуждались.

¹ Цит. по: Английская Реформация (Документы и материалы). М., 1990. С. 55.

Ирония судьбы состояла в том, что именно в год публикации этого и других аналогичных памфлетов пуританских критиков женского правления, после смерти ревностной католички Марии Тюдор на английский трон взошла защитница реформированной церкви Елизавета, что сделало их негативную позицию по отношению к законности прав женщины занимать престол довольно уязвимой.

И вот тогда-то стало ясно, насколько в действительности малоопределяющим был в этом случае для реформаторов вопрос пола, или то, что нынешние историки называют гендерным фактором. «Ваше Величество напрасно гневается на меня из-за моей книги, которая была написана в другие времена и касалась правления других особ, — оправдывается “опасный бунтовщик” Джон Нокс в письме к королеве Елизавете от 20 июля 1559 г. «Господь... вознес Вас на вершину власти, чтобы Вы правили его людьми для славы церкви Господа. Поэтому в своем правлении Вы должны уповать только на вечное провидение Божие, а не на законы, которые из года в год могут меняться. Только в этом случае Ваше правление будет долгим и счастливым, а я, с моей стороны, буду благословлять и укреплять Вашу власть языком и пером»¹.

Ряд придворных авторов елизаветинского времени выдвинули совершенно новые аргументы против автоматического исключения женщин из порядка престолонаследия. Так, Джон Эйлмер утверждал, что даже замужняя королева может править легитимно, потому что ее подчинение мужу ограничивается частной жизнью и не распространяется на публичную сферу, в которой она и для своего мужа, как для всех своих подданных, является законным монархом. Эту концепцию «расщепленной идентичности» Эйлмер и другие политические мыслители описывали метафорой «двух тел» государя, которая позволяла различать королеву как персону и как воплощение власти, отделяя ее телесную женственность от обнаруживаемых в ней мужских качеств, которые считались необходимыми для управления подданными и которые она могла получить по династическому рождению и воспитанию. Таким образом, как показала, в частности К. Джордан, Эйлмер и другие защитники «женского правления» отчетливо разделяли пол-секс и пол-род, или гендер². И сама Елизавета прекрасно осознавала преимущества этой метафоры и использовала сочетание женских и мужских гендерных стереотипов в своих целях, выразив это ярко и лаконично в знаменитой фразе: «Я знаю, что имею тело хрупкой и

¹ Цит. по: Англия в эпоху абсолютизма (Статьи и источники). М., 1984. С. 57.

² Jordan C. Renaissance Feminism: Literary Texts and Political Models. Ithaca, 1990.

слабой женщины, но у меня ум и мужество короля»¹. (От Бланки Кастильской Елизавету отделяют «всего» три столетия!) Парадоксально, подчеркивают С. Мендельсон и П. Кроуфорд, «что успех Елизаветы как женщины-правительницы зависел от того, чтобы дистанцироваться от всех других женщин», продемонстрировать, что она, с ее политическими дарованиями, является выдающимся исключением из правила, которое утверждает неспособность женщин к управлению... Из современных комментариев по поводу ее правления ясно, что общественные представления о месте женщин в политике никак не связывались с практическим опытом отдельной королевы»².

Напротив, французский мыслитель и юрист Жан Боден в своей оппозиции женскому правлению вернулся к постулатам Писания и естественного права и, помимо этого, выдвинул тезис, на который затем в XVII в. чаще всего ссылались его единомышленники в этом вопросе: государство подобно домохозяйству, и потому, так же как в домохозяйстве, мужу/отцу принадлежит власть над всеми другими, так и в государстве всегда должен править мужчина/монарх. Идея патриархального авторитета и образ Отца использовались монархами для обоснования своих притязаний на власть над подданными, как, например, в утверждении Якова I Стюарта: «Я — муж, а весь остров — это моя законная жена»³.

Аналогия между королевской и отцовской властью могла «работать» и в обратном направлении — на укрепление авторитета мужского главы домохозяйства. Как подданные не имели никакого или же строго ограниченное право на восстание против своего государя, так и жена и дети не могли оспаривать авторитет мужа/отца в семье, поскольку считалось, что и монархи и отцы получили свою власть от Бога, а домохозяйство в этом контексте рассматривалось не как частная, а как мельчайшая политическая ячейка и соответственно как часть публичной сферы. Как это сформулировал Боден: «Оставив рассуждения о морали философам и теологам, займемся тем, что относится к политической жизни, и поговорим о власти мужа над женой (курсив мой. — Л. П.), которая является источником и основой всякого человеческого общества»⁴.

¹ Teague F. Elizabeth I: Queen of England // Women Writers of the Renaissance and Reformation. Athens, 1987. P. 542. См. также: Дмитриева О. В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М., 1998.

² Mendelson S., Crawford P. Women in Early Modern England, 1550–1720. Oxford, 1998. P. 356–357.

³ Цит. no: Wiesner M. E. Women and Gender... P. 243.

⁴ Faure C. Democracy without Women: Feminism and the Rise of Liberal Individualism in France. Bloomington, 1991. P. 40.

Многие историки указывают на то, что Реформация способствовала упрочению авторитета глав семейств, придав им еще более важные религиозные и надзирательные функции, чем те, которыми они располагали при господстве католицизма. Правда, представители протестантского духовенства отводили матерям некоторую роль в религиозном и нравственном воспитании, но все же непременно второстепенную по сравнению с ролью патриарха — отца семейства. В католических странах власть отца в семье в этот период также усиливается в результате проводимой абсолютизмом политики централизации¹.

В XVI — XVII вв. власть мужей над своими женами редко оспаривалась, и следствием этого было исключение женщины из дискуссии о политических правах: поскольку замужние женщины в правовом плане находились под опекой супруга, они не могли быть причислены к политически независимым лицам на тех же основаниях, что и слуги и ученики. Именно зависимость женщин от своих мужей была использована как повод не прислушаться к их требованиям в тех немногих случаях, когда они открыто предприняли самостоятельные политические акции. Самым ярким примером являются парламентские петиции женщин в эпоху Английской революции. Несколько раз во время Гражданской войны большие группы женщин напрямую обращались к парламенту с петициями по важным вопросам экономики и политики и неизменно сталкивались с пренебрежением и насмешками². Если они и получали какой-то ответ, то сопровождавший его комментарий сводился к тому, что подобные вопросы находятся выше женского понимания, и, поскольку муж представляет свою жену в публичных делах за пределами домохозяйства, женщины не имеют права обращаться в парламент.

В некоторых женских петициях специально подчеркивалось — «не все мы являемся женами», а в петиции 1649 г. были использованы самые сильные аргументы, когда-либо звучавшие вплоть до XIX в.

---

¹ Например, во Франции между 1556 и 1789 гг. была принята целая серия законов, которые одновременно усиливали и мужской авторитет в семье, и власть государства за счет компетенции церкви, которая для признания брака действительным требовала по меньшей мере номинального согласия обеих сторон. Новые законодательные акты вводили тюремное заключение для детей, которые не подчинялись решениям своих отцов, причем сроки наказания для дочерей были значительно дольше, чем для сыновей. Этот двойной пресс семьи и государства нанес существенный ущерб правам женщин распоряжаться своими личными судьбами и собственностью. — *Hanley S. Engendering the State: Family Formation and State Building in Early Modern France // French Historical Studies. 1989. Vol. 16. № 1. P. 4–27.*

² Например, в 1649 г. сотни женщин подали прошение об освобождении лидера левеллеров Джона Лилльберна, а в 1659 г. семь тысяч квакерских жен подписали петицию в парламент об отмене десятины.

в пользу политических прав женщин: «Так как мы убеждены в нашем сотворении по подобию Божьему и в нашем стремлении к Христу, равном с мужчинами, как и в пропорциональной доле свобод этой Республики, нас просто не может не удивлять и не огорчать, что мы кажемся вам настолько презренными, что недостойны подавать петиции или представлять наши жалобы этой достопочтенной Палате... Разве мы не заинтересованы равным образом с мужчинами нашей страны в тех вольностях и гарантиях, которые содержатся в Петиции о правах и других добрых законах?..» Язык этого уникального исторического документа совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что его авторы чувствовали себя вправе действовать на политической сцене. Однако никто серьезно не обсуждал эти аргументы, а авторы газетных заметок настоятельно рекомендовали мужьям осуществлять более строгий контроль над своими женами и так загрузить их домашними обязанностями, чтобы у них не было времени беспокоиться о политике¹.

То, что правовая ответственность за действия жен возлагалась на их мужей, имело и другое, можно сказать, обратное последствие, так как это снимало некоторые психологические преграды и стимулировало участие женщин в таких специфических типах политической активности, как бунты, восстания и другие движения народного протеста. Особенно велика была роль женщин в голодных бунтах по всей Европе, где они часто выступали в качестве зачинщиц, а также в антиналоговых движениях в Голландии и Франции XVI–XVII вв. Лидерство женщин в таких чрезвычайных обстоятельствах, видимо, не воспринималось как нарушение гендерной иерархии, учитывая их кратковременность. Но когда дело касалось более широких и продолжительных восстаний политического характера, массовое вовлечение в них женщин вызывало обостренное внимание и дополнительное беспокойство властей, а в конечном счете — особенно ожесточенную реакцию².

Использование женщинами скрытых каналов влияния, а некоторыми из них — и официальных властных полномочий, могло быть сколь угодно успешным, что, однако, не отменяло устойчивой гендерной асимметрии и, более того, стимулировало механизмы ее воспроизводства. Из всех возможных способов иерархической организации общества — в соответствии с классом, возрастом, рангом, занятием и т. д. — гендер воспринимался как самый «естественный», а покушения на его незыблемость — как самые опасные.

¹ *Smith H. L. Reason's Disciples: Seventeenth-Century English Feminists.* Urbana, 1982. P. 55.

² Подробно об этом см.: *Mendelson S., Crawford P.* Op. cit. P. 380–387.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. К. Цатурова.</i> Нина Александровна Хачатурян: портрет ученого в зрелости.	5
Список научных трудов Хачатурян Нины Александровны.	39

I. ВЛАСТЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

<i>М. А. Бойцов.</i> В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи.	46
<i>С. П. Карпов.</i> От сеньора — до императора. Титулование Великих Комнинов в западноевропейской средневековой традиции	88
<i>С. К. Цатурова.</i> «Король — чиновник, священная особа или осел на троне?»: Представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв.	99
<i>Е. В. Калмыкова.</i> Война за французскую корону как божественное право и священный долг королей Англии	132
<i>О. В. Дмитриева.</i> «Милостивейшая и грозная»: репрезентация Елизаветы I во вступительных парламентских речах лорда-хранителя печати	164
<i>Д. А. Кольчугин.</i> Дипломатическая переписка английского двора с московским во второй половине XVI–XVII в.: репрезентативный аспект.	187

II. ФРАНЦИЯ — DOMINIUM REGALE ХРИСТИАННЕЙШИХ КОРОЛЕЙ?

<i>Т. Ю. Стукалова.</i> Очерк бретонской монетной чеканки в рамках политической истории Бретани (конец VIII–X вв.)	206
<i>С. А. Польская.</i> «...Суверенитет, права и достоинство короны Франции...»: юрисдикция монархии в инаугурационных клятвах французских королей (IX–XIV вв.)	221
<i>П. Ю. Уваров.</i> Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553)	236
<i>С. Л. Плешкова.</i> Искусство возможного: религиозные мирные соглашения французских монархов	258
<i>И. Я. Эльфонд.</i> Эволюция идей конституционализма о Франции XVI в.	286
<i>В. В. Шишкин.</i> Кардинал и королева: борьба за власть при дворе Франции в 30-е гг. XVII в.	302

III. ВЛАСТЬ КАК ДИАЛОГ: ПРАВИТЕЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

<i>А. А. Сванидзе.</i> Пир и мятеж в королевском окружении средневековой Швеции	318
<i>А. Ю. Серегина.</i> Католическая знать в протестантской Англии: виконты Монтегю (вторая половина XVI — начало XVII в.)	328
<i>С. Е. Федоров.</i> Графы Килдары, Ормонды, Дезмонды и ирландская политика первых Стюартов	352
<i>Т. П. Гусарова.</i> Конкурсные дела венгерских чиновников в венском Придворном казначействе во второй половине XVII в.	373
<i>К. Т. Медведева.</i> Две судьбы, две карьеры в Дунайской монархии Габсбургов в начале XVII в. (Надоры Иштван Иллешхази и Дьёрдь Турзо)	400
<i>Т. В. Кравченко.</i> Брюссельский двор Марии Венгерской: подбор персонала	419

IV. RATIO REI PUBLICAE

<i>Л. М. Брагина.</i> Искусство власти в «Заметках» Франческо Гвиччардини	433
<i>М. А. Юсим.</i> Диалог Макиавелли и Ленина в Аду	446

V. ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ: РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

<i>И. И. Варьяш.</i> Власть перед выбором	455
<i>Е. Н. Кириллова.</i> След на воде	472
<i>Л. П. Репина.</i> Гендерная иерархия и «власть женщин»	486

ИСКУССТВО ВЛАСТИ
Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Корректор *Н. П. Дралова*
Оригинал-макет *Е. С. Буракова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 504-47-95, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 03.08.2007. Формат 60×88^{1/8}.
Усл. печ. л. 31,3. Печать офсетная. Тираж 800 экз.
Заказ № 4234

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»»,
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9 линия, д. 12

Printed in Russia

В СЕРИИ
«ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

основана
в 1996 г.

опубликовано
более 100 книг

вышли в свет:

- *Ἀντίθρονον*: Сборник в честь 75-летия академика РАН Г. Г. Литаврина
- *Albo dies notanda lapillo*: коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой / Отв. ред. В. А. Якубский
- *Акрополит Георгий*. История / Пер. П. Жаворонкова
- *Алексиада* / Пер., вступ. ст. и коммент. Я. Н. Любарского
- *Безобразов П. В., Любарский Я. Н.* Византийский писатель и государственный деятель М. Пселл: личность и творчество
- *Беляев Л. А.* Христианские древности: Введение в сравнительное изучение
- *Бибииков М. В.* Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа
- *Бибииков М. В.* Историческая литература Византии
- *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии
- *Борданов О. Р., Гукова С. Н.* История географической мысли в Византии
- *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения
- *Васильев А. А.* История Византийской империи: В 2 т.
- *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма / Науч. ред. М. В. Бибииков
- Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / Под ред. Я. Н. Любарского, Т. И. Соболя
- Византийские очерки. Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византинистов
- Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу византинистов
- Византийский медицинский трактат XI–XIV вв.
- Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики
- Два византийских военных трактата конца X века / Под ред. В. В. Кучмы
- *Дионисий Ареопагит*. Сочинения. Толкования Максима Исповедника
- *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книги I–VI
- *Епископ Иларион (Алфеев)*. Духовный мир преп. Исаака Сирина
- *Епископ Иларион (Алфеев)*. Жизнь и учение св. Григория Богослова
- *Епископ Иларион (Алфеев)*. Преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание
- *Епископ Иларион (Алфеев)*. Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров: В 2 т.
- *Епископ Иларион (Алфеев)*. Христос — Победитель ада. Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции
- *Житие Андрея Юродивого*
- *Священник Георгий Завершинский*. Дух дышит, где хочет: Введение в православное учение о Святом Духе
- *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / GETICA
- *Каждан А. П.* Византийская культура (X–XII вв.)
- *Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя
- *Каждан А. П.* История византийской литературы
- *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян
- *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский*. Православный путь / Пер. с англ. А. Красильщикова

- *Карлов С. П.* Латинская Романия
- *Карлов С. П.* История Трапезундской империи
- *Кекавмен.* Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века
- *Священник Николай Ким.* Рай и человек: Наследие Преподобного Никиты Стифата
- *Священник Николай Ким.* Тысячелетнее Царство: Экзегеза и история толкования XX главы Апокалипсиса
- *Киреева М. В.* Ориген и св. Кирилл Александрийский. Толкования Евангелия от Иоанна
- *Климанов Л. Г.* Византийские отражения в сфрагистике
- *Священник Олег Климов.* Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов
- *Князький И. О.* Византия и кочевники южнорусских степей
- *Кривов М. В.* Византия и арабы в раннем средневековье
- *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография
- *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии
- *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т.
Т. 1 (395–518 гг.). Т. 2 (518–602 гг.). Т. 3 (602–717 гг.)
- *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи
- *Лебедев А. П.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X в.
- *Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века
- *Лебедев А. П.* История Константинопольских соборов IX века
- *Лебедев А. П.* История разделения церквей в IX, X, XI веках
- *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X, XI вв.
- *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV–XX вв.
- *Лескин Д., священ.* Спор об Имени Божиим: Философия имени в России в контексте афонских событий 1910-х гг.
- *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне
- *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.)
- *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы
- *Маврикий Стратегикон / Пер. и вступ. ст. В. В. Кучмы*
- *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв.
- *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение. Очерки
- *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи
- *Мир Александра Каждана: Сборник в честь профессора А. П. Каждана*
- *Никифор II Фока.* Стратегика / Пер. со среднегреч. и комм. А. К. Нефёдкина
- *О стратегии. Византийский военный трактат VI в. / Пер., коммент. В. В. Кучмы*
- *Олимпиодор Фиванский.* История
- *Павел Орозий.* История против язычников. Книги I–VII
- *Пасхальная хроника / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. Л. А. Самуткиной*
- *Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей*
- *Проконий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история
- *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе
- *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи
- *Пселл М.* Хронография. Краткая история
- *Пучков А. А.* Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России
- *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии
- *Преп. Исаак Сирин.* О божественных тайнах и о духовной жизни: Новооткрытые тексты
- *Преп. Симеон Новый Богослов.* Прииди, Свет истинный. Избранные гимны
- *Скржинская Е.* Русь, Италия и Византия в Средневековье
- *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой; редакция русского перевода и послесловие В. М. Лурье
- *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника
- *Шукуров Р. М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461)

В СЕРИИ
«АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»
ВЫШЛИ В СВЕТ:

основана в 1993 г.
Председатель редколлегии
Г. М. Бонгард-Левин

опубликовано
более 170 книг

В разделе «Литература»:

- Античные поэты об искусстве
- Античные теории языка и стиля: Антология
- Древнегреческая элегия
- *Катулл Гай Валерий*. Избранная лирика
- *Марциал Марк Валерий*. Эпиграммы
- *Лукиан Самосатский*. Сочинения: В 2 т.
- *Ювенал*. Сатиры

В разделе «История»:

- *Арриан*. Поход Александра
- *Аммиан Марцеллин*. Римская история
- *Ампелий*. Памятная книжица
- *Андокид*. Речи, или история святотатцев: С прил. паралл. свидетельств о процессе разрушителей герм в Афинах в 415 г. до н. э.
- Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции
- *Аппиан*. Римские войны
- *Аппиан*. Римская история. Первые книги
- *Арат*. Явления
- Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана
- *Геродиан*. История императорской власти после Марка: В 8-ми книгах
- *Гигин Ю*. Астрономия
- *Гигин Ю*. Мифы
- Греческие полиоркетика. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела
- *Дарет Фригийский*. История разрушения Трои

- *Евтропий*. Бrevиарий (от основания Города)
- *Ксенофонт*. Греческая история. Изд. 3-е
- *Нонн Панополитанский*. Деяния Диониса
- *Павсаний*. Описание Эллады: В 2 т.
Т. 1: Кн. 1: Аттика; Кн. 2: Коринфика; Кн. 3: Лаконика; Кн. 4: Мессения
Т. 2: Кн. 5: Элида; Кн. 6: Элида; Кн. 7: Ахайя; Кн. 8: Аркадия; Кн. 9: Беотия; Кн. 10: Фокида
- Первый Ватиканский мифограф
- *Светоний Гай Транквилл*. О жизни цезарей. О знаменитых людях / De vita Caesarum. De virus illustribus: Фрагменты
- *Фронтин Секст Юлий*. Военные хитрости: Стратегемы

В разделе «Философия»:

- *Виллер Э. А.* Учение о Едином в античности и средневековье
- *Гомперц Т.* Греческие мыслители: В 2 т.
- *Дуров В. С.* Нерон, или Актёр на троне
- *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство
- *Лосев А. Ф.* Античная философия истории
- *Плотин*. Сочинения
- *Сенека Луций Аней*. Философские трактаты
- *Ямелих Халкидский*. Комментарий на диалоги Платона
- *Целлер Э.* Очерк истории греческой философии

В разделе «Исследования»:

- *Абдуллаев Е. В.* Идеи Платона между Элладой и Согдианой : очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке
- *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации
- *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)
- ΕΥΣΣΗΤΙΑ. Сборник статей памяти Ю. В. Андреева
- *Блаватская Т. В.* Черты истории государственности Эллады
- *Борухович В. Г.* Вечное искусство Эллады

- *Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». Текст, перевод, комментарий, исследования
- *Вольф М. Н.* Ранняя греческая философия и Древний Иран
- *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима
- *Гиро Поль.* Частная и общественная жизнь греков
- *Гиро Поль.* Частная и общественная жизнь римлян
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / Отв. ред. К. К. Марченко
- *Гринбаум Н. С.* Микенологические этюды
- *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное
- *Захарова А. В., Торшилов Д. О.* Глобус звездного неба. Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского
- *Зелинский Ф. Ф.* Аттические сказки
- *Зелинский Ф. Ф.* Возрожденцы: Научно-популярные статьи
- *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей: Научно-популярные статьи
- *Зелинский Ф. Ф.* Древний мир и мы
- *Зелинский Ф. Ф.* Римская империя
- *Зелинский Ф. Ф.* Римская республика
- *Зелинский Ф. Ф.* Соперники христианства: Статьи по истории античных религий
- *Кареев Д. В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: «Евтропий и его “Бревиарий от основания Города”»
- *Кессиди Ф. Х.* К истокам греческой мысли
- *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу: Становление греческой философии
- *Кессиди Ф. Х.* Сократ
- *Короленков А. В.* Квинт Серторий: Политическая биография
- *Кулаковский Ю. А.* Эсхатология и эпикуреизм в античном мире
- *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: В 2 ч.
- *Мякин Т. Г.* Сапфо: Язык, мировоззрение, жизнь
- *Нильссон Мартин.* Греческая народная религия
- *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика
- *Роберт фон Пельман.* Очерк греческой истории и источниковедения
- Ранняя греческая лирика: миф, культ, мировоззрение, стиль
- *Ситников А. В.* Философия Плотина и традиция христианской патристики
- *Скржинская М. В.* Скифия глазами эллинов
- *Скржинская М. В.* Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э.
- *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье
- *Степанова А. С.* Философия древней Стои
- Суд над Сократом: Сб. ист. свид.: Платон, Ксенофонт, Диоген Лаэртский, Плутарх, Либаний
- *Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф.* Греческая культура в мифах, символах и терминах
- *Торшилов Д. О.* Античная мифография: мифы и единство действия. С прил. аргументов Аристофана Византийского и «О реках» Лжеплутарха.
- *Фестюжьер А. Ж.* Личная религия греков
- *Шанин Ю. В.* Олимпия. История античного атлетизма

БИБЛИОТЕКА
№ 111
№ VI

БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИХ
ВЕКОВ